

МЫСЛИТЕЛИ XX ВЕКА

А. А. БОГДАНОВ

ЭМПИРИОМОНИЗМ

Александр Александрович Богданов

Эмпириомонизм

Русский мыслитель и общественный деятель, ученый и писатель А. А. Богданов (Малиновский) (1873–1928) — автор многих произведений по проблемам философии, социологии, экономики и культуры. Разработал и сформулировал принципы всеобщей организационной науки — тектологии. «Эмпириомонизм» — главный философский труд Богданова, в котором представлена построенная им версия теории познания, основанной на монистическом истолковании опыта. Важное достижение автора «Эмпириомонизма» — создание метода «подстановки», явившегося прообразом метода моделирования, получившего широкое распространение в современной науке и философии.

Рассчитана на всех интересующихся проблемами философии и истории науки.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Эмпириомонизм

История создания, теоретические основы и судьба эмпириомонизма

А.А. Богданова

А.А. Богданов как философ и социальный мыслитель

Комментарии

Книги и статьи, которые цитирует или на которые ссылается А.А. Богданов в «Эмпириомонизме»

Указатель имен

Выходные данные

**Александр Александрович
Богданов
Эмпириомонизм
Статьи по философии**

Эмпириомонизм

Книга первая

Идеал познания

(Эмпириомонизм физического и психического)

Наш век есть век критики по преимуществу. Начиная с эпохи Возрождения великое освободительное движение человеческого духа шаг за шагом расчищает путь для непрерывного, беспрепятственного прогресса человеческих сил — индивидуальных и общественных... В сфере мышления эта освободительная работа выступает в форме критики, разбивающей бесчисленные фетиши, стоящие на пути познания, разрывающей бесчисленные путы, сковывающие его развитие. Но решительное господство критики начинается с конца XVIII века. Французская революция сделала критику всепроникающим принципом общественного бытия людей; Кант сделал ее всепроникающим принципом мышления: всякие границы для критики бы-

ли принципиально устранены, она должна была отныне сама устанавливать свои границы.

С тех пор критика была лозунгом всего прогрессивного в жизни и мышлении. Под ее знаменем шли прежде утописты в своих нападках на общественный строй, а теперь под ее знаменем ведется великая классовая борьба. В науке сила критики привела к выработке точных методов, в философии — к неуклонному позитивизму.

Конечно, не раз наступали моменты авторитарной реакции в жизни, догматической реакции в мышлении. Но и здесь ярко сказывалась сила критики, сказывалась не только в том, что она рано или поздно побеждала, но также и в том, что реакция большей частью старалась нарядиться в ее костюм, старалась выдать себя за критику. Это стремление реакционных сил провозить свою историческую контрабанду под флагом критики всего лучше доказывает то могущество и то уважение, которыми пользуется этот благородный флаг во всех морях и заливах бурного океана современности.

Чем же объяснить себе такое громадное и, по-видимому, все возрастающее жизненное значение критики? Оно означает борьбу различных форм жизни, отживающих и нарождающихся, накопление сил, для которых тесны сложившиеся рамки, жажду простора и свободы. Как мы знаем, бывают в развитии народов эпохи органические и критические — эпохи, когда жизнь спокойно течет по привычному руслу, медленно расширяясь и углубляясь, не нуждаясь в новых путях, потому что старые пока еще не стесняют, и эпохи, когда она бурно стремится через пороги и скалы, прокладывая новые русла взамен старых, слишком узких и тесных. Тяжелые, поросшие мхом камни катятся и уносятся в море, рушатся подмытые вековые горы — это критическая работа жизни, и такова та эпоха, в которую мы живем.

Но река течет не для того, чтобы сворачивать камни и горы, критика никогда не может быть конечной целью, результатом, на котором жизнь могла бы остановиться. Удовлетвориться одной критикой не может ни чувство, ни воля людей, ни даже познание.

Растущая жизнь, накапливающиеся силы необходимо должны складываться в новые формы, должны организоваться в новые единства. Дело критики — дать простор для этих форм, помешать им развиваться уродливо и дисгармонично; но создать их она не может. Критика — это садовник, который тщательно расчищает почву для дерева, подстригает лишние и неправильно растущие ветки; но не он причина того, что дерево растет и приносит роскошные плоды. Жизнь развивается из жизни и сама определяет свою цель; эта цель — творчество, а не критика.

То содержание, которое в наше время ищет для себя новые формы, поистине громадно. Коллективные силы человечества в его борьбе с внешней природой возросли в сотни раз за последние века и применяются в бесконечно разнообразных направлениях; еще значительно расширилась область научного опыта, по отношению к которой сфера производства является теперь только небольшой частью; неизмеримо увеличилось богатство идей и мировоззрений, переплетающихся и сталкивающихся в современном мире.

Нужны формы бесконечно широкие и прочные, но и бесконечно пластичные, чтобы охватить и свободно совместить такое содержание в его непрерывном развитии; нужны формы бесконечно сложные и в то же время бесконечно гармоничные, чтобы в них без противоречий уложилось все разнообразие этой беспредельно прогрессирующей жизни. Наше воображение не в силах представить себе, как несравненно величественны должны быть эти новые формы в своей грандиозности, как несравненно изящны в своей стройности.

В неясных, общих контурах они уже обрисовываются вдали. Развивающееся сознание смутно их различает и страстно к ним стремится. Идеал практической жизни в наше время выступает яснее: он выражает стремление гармонически объединить все человечество для борьбы со стихийным миром, для непрерывного развития сил. Не так ясен идеал познания; он не для всех формулирован в живом, понятном слове, его имя чуждо громадному большинству даже тех, кому близок идеал практической жизни. А между тем жи-

вое, нераздельное единство практики и познания говорит нам, что оба идеала должны быть неразрывно связаны между собою, должны находиться в строгой гармонии. Поэтому законна всякая попытка, хотя бы в такой общей схеме, в какой представляется нам идеал жизни, обрисовать также идеал познания.

Ставя себе такую задачу, мы уже заранее знаем, что путь к ее решению идет через область критики — не той страстной критики, которая преобразует формы практической жизни, но холодной и строгой критики опыта и отвлеченного мышления.

I

Если мы стремимся опираться в своем исследовании на все приобретения великой эпохи критики, то исходной точкой его для нас всего целесообразнее взять наиболее законченное и строгое выражение духа критики в познавательном отношении к действительности. Таким выражением критической тенденции для нашего времени представляется нам *эмпириокритицизм** — критика всего познания с точки зрения опыта и критика

самого опыта с точки зрения его связи и закономерности.

Эмпириокритицизм есть современная форма позитивизма, развившаяся на почве новейших методов естествознания, с одной стороны, новейших форм философской критики — с другой. Это философское течение нашло себе самых видных выразителей в Эрнсте Махе* и Рихарде Авенариусе*, из которых первый формулировал его с особенной ясностью и прозрачностью, второй — с особенной полнотой и точностью[1]. Оно привлекает к себе все больше сторонников среди молодых представителей науки и философии как на кафедре, так и вне ее; оно оказывает все большее влияние на научное и философское развитие нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее влияние признают даже противники эмпириокритицизма.

Излагать сколько-нибудь полно философские основы эмпириокритицизма нам не приходится; с точки зрения нашей задачи достаточно характеризовать самое общее познавательное отношение этой школы к дей-

ствительности, к миру опыта.

Задача познания, по воззрениям Маха и Авенариуса, заключается в том, чтобы систематизировать содержание опыта, так что опыт является и естественной основой и естественной границей познания. По своему объективному значению систематизация эта является могучим жизненным приспособлением, орудием сохранения жизни и ее развития. Взгляд на познание как на приспособление, возникший в эволюционном мышлении, конечно, гораздо раньше эмпириокритицизма, в работах этой школы находит себе самое широкое и всестороннее развитие и делается базисом последовательной критики познания. «Die Analyse der Empfindungen» Маха и его научно-критические работы, особенно «Der Wärmelehre», с одной стороны, и «Kritik der reinen Erfahrung» Авенариуса — с другой, дают цельную и во всем существенно однородную картину критически-эволюционной теории познания[2].

Но познание в этой картине является не только приспособлением вообще, а также приспособлением *социальным*. Социальный

генезис познания, его зависимость от социального опыта, принципиальная равноценность мышления различных людей и его непрерывное социальное взаимодействие ярко выступают и сознательно подчеркиваются обоими мыслителями. Здесь их предшественниками надо признать великих основателей исторического монизма, о которых оба философа вряд ли имели сколько-нибудь ясное понятие[3]. Там, где Мах обрисовывает связь познания с социально-трудовым процессом, совпадение его взглядов с идеями Маркса становится порой прямо поразительным. В некоторых философских этюдах его «Warmelehre» мы встречаем такие положения, как, например, следующее: «Наука возникла из потребностей практической жизни... из техники» (с. 451) — формулировка строго соответствующая принципу исторического материализма. Для нас это лишнее доказательство глубокой прогрессивности эмпириокритицизма как течения, способного органически воспринять все наиболее жизненное в его идейной среде.

Исследуя познание как социальное приспособление, эмпириокритицизм не находит

никакого принципиального различия между познанием обыденным, не критическим, и познанием научно-философским, критическим. И задачи, и методы по существу в обоих случаях одни и те же, разница только в степени выработки приспособлений: научными и критическими методами задачи познания достигаются с относительно большей полнотой при меньших затратах энергии; эти методы характеризуются экономизацией времени и сил. Таким образом, обыденное и неточное познание в своем прогрессивном развитии, стремясь охватить все возрастающее богатство и разнообразие опыта, необходимо должно переходить шаг за шагом в критическое и точное. При этом познание все в большей мере приближается к *чистому описанию* того, что имеется в опыте, — понимается, к такому описанию, которое обобщает и систематизирует. Тут выступает вопрос о содержании опыта, о его связи и закономерности и о жизненном значении различных частей этого содержания. Это и есть вопрос о критике опыта.

Бесконечный поток опыта, из которого кристаллизуется познание, представляет в своем целом не только очень грандиозную, но и очень пеструю картину. Разлагая шаг за шагом это целое, анализ переходит от более крупных его частей ко все более и более мелким и достигает наконец некоторой границы, где разложение дальше не удастся. Здесь лежат *элементы* опыта. Что же это за элементы?

Мах называет их «элементами-ощущениями». Тот опыт, который мы имеем относительно «внешнего мира», сводится к «телам» как сочетаниям различных «признаков» — места, времени, цвета, формы, величины и т. п. Разложение этих «признаков» приводит нас к элементарным ощущениям пространства, времени, цветов, тонов, к ощущениям иннервационным, осязательным, вкусовым и т. д. В так называемом «внутреннем мире» мы имеем восприятия, представления, стремления, эмоции. Дальнейший анализ дает здесь частью такие же элементы, как для внешнего опыта (например, в «восприятии» какого-нибудь тела также пространственное,

цветовое, иннервационное и т. п. ощущения), частью элементы, по-видимому, иные — волевые, эмоциональные[4]... Собственно, только по отношению к «психическому» миру элементы можно с полным правом называть «ощущениями», потому что «ощущения» — термин психологический, который неудобно применять к физической области опыта[5]; но в высшей степени важно, что одни и те же элементы могут принадлежать «телам» как их «признаки» («красное», «зеленое», «холодное», «горячее», «твердое» и т. д.) и входить в состав «восприятий» и «представлений» как собственное, «ощущения» (ощущение красного, зеленого, холодного и т. д.). «Красное» в телах и «ощущение красного» в их восприятии суть *тождественные* элементы опыта, которые мы только различно обозначаем.

Тела — это комплексы таких же элементов, какие в «восприятиях» мы называем «ощущениями». Положение чрезвычайно важное, на котором следует остановиться.

Человеческий организм существует для нас как тело в ряду других тел. Из каких же элементов опыта складывается это тело?

Прежде всего мы имеем ряд элементов, воспринимаемых при помощи зрения, ряд элементов цвета и пространства (формы). Затем ряд совершенно иных элементов, воспринимаемых при помощи чувства давления и чувства температуры: элементы формы и пространства, какие даются нам ощупыванием тела, элементы тепла и охлаждения, выступающие рядом с ними, и т. д. Далее ряд элементов, доступных слуху, — тоны и шумы, из которых слагается речь, пение, плач, смех и т. п. Все эти ряды совершенно различны по своему материалу — качественно разнородны, и, однако, все они объединяются в один комплекс, обозначаемый словом «человек». Ряд зрительный — элементы цвета и видимой формы — немислимо даже и сравнивать в его непосредственности с рядом тактильным — элементами осязаемой формы, твердости, тепла — или с рядом акустическим — тонами и шумами; немислимо сравнивать в этом смысле даже отдельные элементы одного ряда между собою, например, «красное» с «зеленым». Но «тело» есть нечто единое. Что же дает ему это единство? Устойчивая связь

частей комплекса.

Эта устойчивая связь в нашем опыте далеко не безусловна. В массе случаев мы только видим проходящих мимо людей, но не слышим и не осязаем; дан зрительный ряд, остальные не даны, и, однако, мы не сомневаемся, что перед нами «тела», «люди». В других случаях мы только слышим или только осязаем или видим и слышим и т. д. Но отдельные ряды прочно ассоциированы между собой — из опыта мы знаем, что если видим человека, то достаточно нам подойти и потрогать его, чтобы осязать и, вероятно, также слышать. Из каждого ряда может оставаться лишь незначительная часть элементов, и, однако, весь комплекс, все «тело» вступает в сферу нашего опыта: мы можем видеть один палец человека, или осязать только его руку, или слышать только походку, — и, однако, мы не сомневаемся, что перед нами человек. Если дело идет о данном человеке — г-не А., то весь состав комплекса может сильно измениться, например будет надет новый костюм, цвет лица и фигура пострадают от болезни, голос охрипнет и т. д.; однако мы будем при-

знавать то же лицо, тот же комплекс. Вообще, относительная устойчивость комплекса элементов достаточна, чтобы сделать из него «тело» [6].

Для нас очень важна одна сторона дела, на которой не останавливаются ни Мах, ни Авенариус. Ряд зрительный, ряд тактильный, ряд акустический, входящий в состав одного «тела», качественно различаются по своим элементам, совершенно несравнимы с точки зрения материала — сравните, например, красное с твердым или с горьким, — и, однако, они выступают в неразрывной связи. Отчего они не образуют для познания самостоятельных комплексов? Разве познание не стремится соединять однородное и разъединять разнородное? Почему же наш опыт складывается в такие неоднородные по составу комплексы? Ответ на эти вопросы получается очень легко, если мы остановимся на основном факте опыта — на *параллелизме рядов*, образующих тела.

Если мы одновременно видим человека, слышим его и осязаем его тело, то *взаимные отношения* элементов во всех трех рядах

опыта находятся в известном соответствии между собою. Изменениям в зрительном ряду соответствуют определенные изменения в тактильном ряду, и наоборот. Когда мы видим, что человек поднял руку (изменение в комбинации цветовых и пространственных элементов), то мы, если желаем, всегда можем одновременно ощутить это и при помощи осязания (изменение в комбинации тактильных элементов), отношения тех и других элементов изменяются в определенной связи, которая не может быть заменена другою. Если мы видим определенные движения губ и грудной клетки, то мы обыкновенно слышим определенные звуки речи; и опять-таки отношения тех и других элементов изменяются в определенном взаимном соответствии. Предположим, что вы имеете зрительный ряд элементов, но тактильного совсем нет, и не можете получить, т. е. вы видите человека, но при его ощупывании не получаете никаких осязательных ощущений — ни сопротивления, ни тепла; в таком случае это вовсе не человек, а привидение или какая-нибудь оптическая иллюзия. Вы слышите речь человека,

но, несмотря на наличие всех обычных условий для восприятия соответственного зрительного ряда, не получаете его или получаете ряд с совершенно иными отношениями; в таком случае это опять-таки не человек, а галлюцинация слуха или, может быть, фонограф. Там, где нарушается обычный параллелизм таких-то данных рядов, там устраняется и признание в опыте обычно воспринимаемого такого-то данного «тела» и выступает необходимость иначе объединить факты опыта, признать не то «тело», как обыкновенно, а другое, или совсем отрицать наличность «тела».

Параллелизм разнородных рядов опыта, объединенных в одно «тело», дает этим рядам некоторую однородность; но это однородность отношений, а не элементов. Именно эта однородность *отношений*, наблюдаемая для различных рядов опыта, и есть ближайшая основа единства *тела*. Пространственное и временное единство тела — только определенные формы этой однородности отношений, этого параллелизма рядов: пространство, например зрительное, координи-

руется с пространством, доступным осязанию, именно в силу параллелизма между рядами элементов; а единство времени есть прямо другое название для параллельного течения всех этих рядов среди общего потока непосредственных переживаний.

Заметим, что один из этих рядов обыкновенно играет в комплексе особую — *организующую* роль. Когда мы представляем себе человеческое тело, то оно является нам по преимуществу как осязаемый или *по преимуществу* как видимый предмет, т. е. в основу комплекса ложится один ряд, по большей части именно тактильный (реже зрительный); а другие ряды объединяются около него как центральной части комплекса. Нетрудно понять, чем обуславливается такая особенная роль тактильного ряда: она связана с его особым значением — значением в биологической борьбе. Обыкновенно только при наличии тактильного ряда предметы могут оказываться очень полезными или очень вредными для жизни: все объекты «производства» в смысле экономистов — материалы труда, орудия, предметы потребления —

представляют «осязаемые» предметы; тела, лишенные тактильного ряда, например тени, отражения, облака, являются жизненно неважными (по крайней мере, непосредственно неважными; косвенно и они могут приобретать большое значение, как, положим, дождевые облака). Кроме того, немалое значение имеет тесно связанная с этой биологической ролью большая полнота и определенность тактильного ряда (при ощупывании предметов); однако в этом отношении он скорее уступает зрительному ряду, который и выступает как ряд организующий, вместо тактильного, когда этого последнего не имеется, а иногда даже и при его наличности.

Возвратимся теперь к изложению взглядов Маха. Как было уже сказано, одни и те же элементы могут входить в состав «физических тел» и в состав «психических процессов». Если «тело», называемое человеческим организмом, есть комплекс таких-то цветовых, пространственных тактильных и других элементов, то *восприятие* этого тела — из каких элементов оно слагается? Да очевидно, из тех же самых цветовых, пространственных,

тактильных и т. д.; только здесь эти же элементы называются «ощущениями». Из тех же элементов слагается и «представление» тела, когда тела нет в непосредственном восприятии. Но какая же разница между «телом» и «восприятием тела», или его «представлением». Ведь это, несомненно, далеко не одно и то же с точки зрения нашего опыта.

Тело в ряду других тел принадлежит к определенной системе вещей, которая характеризуется определенными отношениями и называется «физическим» или «внешним» миром. Восприятие, или представление, тела принадлежит к другой системе, в которой отношения иные и которая называется «психическим» или «внутренним» миром. Вопрос, следовательно, сводится к различию двух областей опыта — физической и психической, «внешней» и «внутренней».

В мире физическом комплексы — тела характеризуются известной устойчивой закономерностью своих внешних и внутренних отношений. Перед вами стол; ваше восприятие стола меняется с каждой переменной положения вашей головы: оно исчезает, если вы от-

вернетесь или уйдете; но стол, как тело, не изменяется при этом и остается на своем месте. Представление стола вы можете произвольно, одним усилием внимания, вызвать и фиксировать в ряду других представлений в самых различных ассоциациях образов; но вы не можете так же произвольно, одним актом воли, достигнуть того, чтобы стол возник в ряду других тел или выступил в новом соотношении с ними. Связь явлений в обоих случаях различна; в физическом мире она имеет гораздо более определенный характер, чуждый всякого произвола, *независимый от случайно изменяющихся состояний нашего организма*; в мире психическом явления выступают *в определенной зависимости именно от состояний организма*, ближайшим образом от нервной системы.

Восприятия получают тогда, когда возбуждение различных органов чувств передается центральному нервному аппарату, и изменяются сообразно с формой этого возбуждения, с одной стороны, состоянием нервных проводников и нервных клеток — с другой. Перережьте два оптических нерва, и весь

мир зрительных восприятий исчезнет для данной психики; или отравите нервную систему сантанином, и все предметы будут восприниматься в иной окраске, чем прежде. Подвергните организм действию хорошей дозы наркотического яда, и исчезнут не только восприятия, но и представления, даже эмоции и стремления. Нарушите питание коры головного мозга, и весь психический мир окажется спутанным, расстроенным; все его отношения резко изменятся. А физический мир, несмотря ни на что, останется прежним.

Все такие сопоставления — их можно делать без конца — приводят к следующей формулировке: поскольку данные опыта выступают *в зависимости от состояний данной нервной системы*, постольку они образуют *психический мир* данной личности; поскольку данные опыта берутся вне такой *зависимости*, постольку перед нами *физический мир*. Поэтому Авенариус обозначает эти две области опыта как *зависимый ряд* и *независимый ряд* опыта.

Для понимания реального различия обоих рядов опыта особенно важны те промежуточ-

ные случаи, где происходит их временное смешение. Свои образы сновидений, свои галлюцинации человек относит сначала к внешнему миру; но последующий опыт убеждает его, что эти явления зависели всецело от особого преходящего состояния его нервной системы, и тогда он относит их уже к психическому миру. Если человек не настолько образован, чтобы установить эту форму зависимости, как это часто бывает у неразвитых людей по отношению к галлюцинациям, то явление, несмотря на всю свою неустойчивость, будет отнесено к «внешнему» миру — галлюцинация будет понята как «привидение» или «дух», вообще, как тело, хотя и с особенными свойствами (слово «дух» не должно вводить здесь в заблуждение, «дух» фетишиста есть отнюдь не «психическое» в научном смысле).

Кроме тех комплексов, которые одинаково могут выступать и в физическом ряду, как тела, и в психическом, как восприятия или представления, существуют еще комплексы иного рода, принадлежащие всецело к психическому миру и никогда не относимые нами к физической области опыта. Это комплексы

эмоциональные и волевые: чувства, аффекты, стремления и т. п. Радость, гнев, желание, любовь никогда не представляются нам «телами», а всегда только психическими процессами. Между тем такого рода комплексы бывают иногда чрезвычайно устойчивы — много устойчивее иных мимолетных явлений физического мира. Мало того, той же исключительной «психичностью» отличается комплекс, наиболее устойчивый в ряду наших переживаний, тот, который мы обозначаем словом «я». Как понять эту особенную группу переживаний?

Специально-психический характер всей группы определяется тем фактом, что она стоит в особенной, непосредственной зависимости от состояний данной нервной системы и не может быть представлена вне этой зависимости, в той закономерной связи, которая характеризует физическую сферу опыта. Отсюда легко возникает стремление резко выделить специально-психический ряд из общей системы опыта, отделить его, как нечто самостоятельное, от всех психофизических переживаний. Но такой взгляд нельзя было бы

признать правильным.

Комплексы эмоциональные, волевые, и комплекс «я» разлагаются анализом на элементы, и эти элементы *однородны* с теми, которые выступают во всяких иных психофизических сочетаниях. Так, в эмоциях, согласно экспериментальным исследованиям, если даже не принимать обобщающей теории Джемса и Ланге, несомненно играют большую роль элементы иннервационные и тактильные, элементы, которые в других сочетаниях входят в состав «восприятий» и в состав «тел». Точно так же волевые комплексы представляют собой сложные комбинации различных элементов с определенными «характерами» (по терминологии Авенариуса); особенное значение имеют здесь иннервационные элементы[7]. Что же касается «я», то это самый сложный комплекс жизненно важных комбинаций, по преимуществу эмоциональных и волевых, вообще тех, которые стоят в наиболее тесной связи с самосохранением организма[8]. Таким образом, по своим *элементам*, по своему *материалу*, и специально-психические комплексы не отличаются от

других группировок в сфере опыта, не отличаются от психических-физических комбинаций.

II

Мы обрисовали, насколько это требуется для поставленной нами задачи, самое общее отношение эмпириокритицизма к действительности как системе опыта. Перед нами выступило мировоззрение, с одной стороны — глубоко обоснованное на приобретениях современной науки, с другой стороны — очень увлекательное по своей простоте и ясности. Оно с трудом укладывается в рамки обычных философских определений. Оно резко отличается от наивного реализма своим глубоко аналитическим и строго критическим отношением ко всему содержанию опыта. Но не менее далеко отстоит оно и от всякого идеализма: от трансцендентного — тем, что не признает никакой высшей, сверхчувственной реальности идей, а считает всякую мыслимую идею продуктом усложнения и обработки опыта, от имманентного — тем, что действительность, опыт оно отнюдь не укладывает всецело в рамки психического, в рам-

ки «представления», но это «психическое» признает только за одну определенную область опыта. Эмпириокритицизму нет также дела ни до материализма, ни до спиритуализма, ни до какой метафизики вообще: и материя, и дух для него только комплексы элементов, а всякая «сущность» и всякое сверхопытное познание — термины без содержания, пустые абстракции. Если мы назовем это мировоззрение критическим, эволюционным, социологически окрашенным позитивизмом, то мы сразу укажем те главные течения философской мысли, которые слились в нем в один поток.

Разлагая все физическое и психическое на тождественные элементы, эмпириокритицизм не допускает возможности какого бы то ни было дуализма. Но здесь и возникает новый критический вопрос: дуализм опровергнут, устранен, а достигнут ли монизм? Освобождает ли в действительности точка зрения Маха и Авенариуса все наше мышление от его дуалистического характера? На этот вопрос мы принуждены ответить отрицательно.

Критика опыта сделала дуализм невозможным, и все же он остался, только принял новую форму. Опыт один по своему материалу, но почему же в нем две закономерности? Связь физического и связь психического ряда принципиально различны, несводимы одна на другую и не допускают объединения в какой-нибудь третьей, высшей закономерности [9]. Это не дуализм реальности, а дуализм способа познания, и Авенариус полагает, что «diese Dualitat ist kein Dualismus» (эта двойственность — не дуализм). Но такую точку зрения трудно признать правильной, как бы ни была она успокоительна.

Дело в том, что принципиально различные, не сводимые к единству закономерности для цельности и стройности познания немногим только лучше принципиально различных, не сводимых к единству реальностей. Когда область опыта развивается на два ряда, с которыми познание принуждено оперировать совершенно различно, то познание не может чувствовать себя единым и гармоничным. Неминуемо возникает ряд вопросов, направленных к устранению двойственно-

сти, к ее замене высшим единством. Почему в едином потоке человеческого опыта возможны две принципиально различные закономерности? И почему их именно две? Почему зависимый ряд, «психическое», находится в тесном функциональном соотношении именно с нервной системой, а не другим каким-либо «телом» и почему нет в опыте бесчисленного множества зависимых рядов, связанных с «телами» других типов? Почему одни комплексы элементов выступают в обоих рядах опыта — и как «тела», и как «представления», а другие никогда не бывают телами и принадлежат всегда к одному ряду и т. д.? Эмпириокритицист будет, конечно, прав, со своей точки зрения, отвергая самую постановку этих вопросов: дело познания — описать то, что имеется в опыте, и если в нем есть двойственность, то это надо констатировать, а незачем спрашивать «почему?». Но вопрос «почему» выражает в данном случае несомненную, вполне реальную потребность в описании действительно гармоничном, логически едином — потребность, которую в общем критика опыта признает вполне закон-

ною, и отрицание вопроса оставляет эту потребность совершенно неудовлетворенною.

Между «двойственностью» и «дуализмом» в познании нет никакой резкой границы: двойственность становится дуализмом по мере того, как выступает интенсивнее стремление к гармонии познания, к его единству, по мере того, как развивающаяся психика становится чувствительнее ко всякому раздвоению, а элементы обеих сторон двойственности все чаще одновременно выступают в сознании, порождая накапливающееся чувство противоречия. Для Спинозы двойственность познаваемых атрибутов единой субстанции, мышления и протяжения, совсем не противоречила монизму системы, но для нас, людей XX века, она уже несомненный дуализм. То же должно стать и со всякой принципиальной двойственностью способов познания.

Вот почему наше стремление к идеалу познания необходимо ставит задачу — преодолеть эту двойственность.

III

Рассмотрим несколько ближе и внимательнее отношение двух рядов опыта — фи-

зического и психического. Нам надо как можно точнее *охарактеризовать* их различия и, если окажется возможным, выяснить *генезис* этих различий. Вопрос о генезисе может показаться здесь несообразным; но постараемся отделаться от всякого предвзятого суждения о нем и посмотрим, не приводит ли к этому вопросу строго критический анализ самих различий.

Постоянная характеристика всего «физического» — это его *объективность*. Никто не может представить себе физического тела или процесса, которые можно было бы обозначить как нечто «субъективное». Здесь нет никаких исключений. Но что значит «объективное»?

Первый представляющийся наиболее простым ответ на этот вопрос был бы такой: объективным мы называем то, что прочно и устойчиво в нашем опыте. Но подобный взгляд необходимо сразу отвергнуть. В физическом мире наблюдаются крайне мимолетные, почти неуловимые события, и это не лишает их характеристики «объективного». Наоборот, в психическом мире встречаются

крайне прочные и устойчивые, постоянно возвращающиеся комбинации, к которым эта характеристика безусловно не подходит. Форма данного облака в данный момент есть нечто вполне объективное, хотя через 1/10 секунды она будет уже совсем не та; наоборот, восприятие солнечного движения по небесному своду — чрезвычайно устойчивая, часто повторяющаяся психическая комбинация, и, однако, мы не можем признать этого движения за объективный факт. Очевидно, надо искать иного определения.

Можно стать на такую точку зрения: объективно для нас в явлениях то, на чем мы можем с успехом основываться в своей деятельности, то, что не приводит нас к практическим противоречиям. Физические тела с их свойствами представляют нечто объективное потому, что мы, принимая эти тела за реальности и пользуясь их выясненными свойствами, не приходим к противоречиям с самими собой. Это, в сущности, модификация предыдущего взгляда, только захватывающая опыт в более широких рамках. Но и она должна быть отвергнута, и именно постоль-

ку, поскольку она относится к *индивидуальному*, а не *коллективному опыту*. Отдельное лицо в течение всей своей жизни нередко исходит практически из весьма субъективных воззрений, но, благодаря узости рамок своего опыта, не приходит к ощутительным противоречиям. Крестьянин, не выезжающий из деревни, может всю жизнь считать землю плоским кругом, небо — голубым хрустальным сводом, а солнце — блестящим кружком, ежедневно проходящим по этому своду; и гармония его практической жизни нисколько не страдает; однако объективны ли эти данные его опыта? Еще больше могут уяснить вопрос некоторые патологические случаи. Встречаются параноики, которые до конца остаются в своем собственном, нереальном мире, с несуществующими людьми, обыкновенно их преследующими. Считаясь с этими личностями, ведя борьбу против них, параноик иногда, именно при высоко систематизированном бреде, не приходит ни к каким познавательным противоречиям в своем опыте; но попробуй он (что, конечно, едва ли возможно) хоть на короткое время отнестись

к своим врагам объективно в нашем смысле, т. е. признать их не реальными, не принимать мер против их злоумышлений, и очень скоро новые репрессии с их стороны привели бы его к практическому противоречию. Здесь в личном опыте «объективное» не может служить надежной основой для практики, а «субъективное» может[10].

Мы приходим к такому выводу: характеристика «объективности» вообще не может иметь своей основой индивидуальный опыт — ни устойчивость его сочетаний, ни гармонию результатов деятельности с ее исходными данными опыта. Основа «объективности» должна лежать в сфере коллективного опыта.

Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны, по нашему убеждению, основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он суще-

ствуует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня. Объективность физического ряда — это его *общезначимость*[11]. «Субъективное» же в опыте — это то, что не обладает общезначимостью, что имеет значение лишь для одного или нескольких индивидуумов.

Эта точка зрения не включает в себе ничего нового; она является общераспространенною и принимается очень различными философскими доктринами. Но если ее понять последовательно-генетически, то она представится нам в новом освещении.

Общезначимость есть не что иное, как *согласованность* опыта различных людей, взаимное соответствие их переживаний. Откуда же берется эта согласованность, это *взаимное соответствие*? Следует ли считать ее «предустановленной гармонией» или же результатом развития? Данные для ответа мы можем найти в развитии форм пространства и времени.

IV

В учении о пространстве необходимо строго различать пространство чувственного восприятия и абстрактное пространство — *Sehraum* и *Raumbegriff* Геринга*, физиологическое и геометрическое пространство Маха. Хотя их связь неразрывна, но в системе опыта их роль различна.

Физиологическое пространство есть то, которое наш непосредственный опыт дает нам, с одной стороны, в акте зрения, с другой стороны — в акте осязания: то, которое мы прямо воспринимаем в виде оптического и тактильного ряда элементов. Абстрактное пространство — это пространство нашего мышления, всеобъемлющее, не связанное ни с каким частным восприятием, пространство, представляемое нами как «всеобщая» и «чистая» форма созерцания. Свойства того и другого во многом очень различны.

Физиологическое пространство не обладает ни однородностью, ни непрерывностью, ни постоянством отношений; точнее — оно обладает всем этим лишь отчасти. В различных его частях вещи представляются неодинаковыми: одна и та же вещь становится

больше или меньше — смотря по расстоянию, такой или иной формы — смотря по положению относительно глаза. Находясь близко, предметы являются рельефными, вдали они теряют рельеф, становятся плоскими, на известном пределе — исчезают. Это относится к пространству глаза; пространство осязания более устойчиво, но в общем оно сходно с первым. В нем величина и форма предметов также изменяются в зависимости от условий прикосновения: то или иное положение рук при ощупывании, вообще прикосновение теми или иными частями тактильной поверхности, а также обычное или необычное состояние этой поверхности. В полости рта при ощупывании языком один и тот же предмет представляется больше, чем при осязании руками; то, что гладко при прикосновении к щекам, оказывается шероховатым для пальцев; то, что составляет два предмета, например два острия циркуля, для кожи пальцев, может быть одним предметом для кожи лба или плеч, и т. д. Вообще, неоднородность физиологического пространства, неустойчивость его отношений настолько привычны

для нас, что даже не привлекают нашего внимания, несмотря на крайнюю иногда фантастичность происходящих в нем превращений. Наконец, физиологическое пространство всегда ограничено; это то, что мы называем «полем» зрения или осязания.

Не таково абстрактное пространство. Во всех своих частях оно строго однородно; в нем все совершается непрерывно, и все отношения закономерны. В нем вещи не меняют ни формы, ни величины без внешнего воздействия, не появляются и не исчезают без достаточных оснований, не меняют своих свойств в силу одного только положения в той или иной его области. Это пространство бесконечно.

В физиологическом пространстве звезды являются маленькими светящимися точками с расходящимися от них изменчивыми полосками света — лучами, с непрерывными переживаниями цвета; эти точки существуют в течение ночи и исчезают с наступлением дня; расстояние их от глаза не больше расстояний видимого вдали леса или гор. В абстрактном пространстве они таковы, какими

изображает их нам астрономия в своих подавляющих всякое воображение картинах...

Каково же взаимное отношение обоих видов пространства? Физиологическое пространство есть результат развития; в жизни ребенка оно лишь постепенно кристаллизуется из хаоса зрительных и тактильных элементов. Это развитие продолжается и за пределами первых лет жизни: в восприятии взрослого человека и расстояния, и величины, и формы предметов устойчивее, чем в восприятии ребенка. Я отчетливо помню, что мальчиком лет пяти расстояние между землей и небом я воспринимал как величину в два-три раза больше высоты двухэтажного дома и очень удивлялся, когда, забравшись на крышу, не нашел, чтобы заметно приблизился к небесному своду. Так я ознакомился с одним из противоречий физиологического пространства. В восприятии взрослого человека этих противоречий меньше, но они всегда есть.

Абстрактное пространство *свободно от противоречий*. В нем один и тот же предмет, не подвергающийся достаточным воздей-

ствиям, не оказывается и больше и меньше определенного другого предмета, и такой и иной формы и т. д. Это пространство строгой закономерности, всюду совершенно однообразной. Существует мнение, что оно для всех вполне одинаково и не может изменяться. Априористы утверждают, что за всю историю человечества, поскольку она нам известна, «чистое пространство» (пространство как форма интуиции) не изменялось.

Но это последнее утверждение *фактически* неверно. История показывает, что и абстрактное пространство есть результат развития. Чтобы в этом убедиться, нет надобности даже идти к ребенку, к дикарю, к первобытному человеку, которых априорист так охотно наделяет абстрактнейшими из своих представлений. Достаточно обратиться к философам древности и нового времени.

Аристотель отрицал возможность пустого пространства и в то же время утверждал пространственную ограниченность Вселенной. Таким образом, для него пространство не являлось бесконечным, хотя бесконечность времени он признавал. Для Эпикура простран-

ство в самом себе заключало верх и низ, чем он и объяснял движение потока атомов; таким образом, абсолютное пространство было неоднородно. В сущности, кажется, только Кант достаточно отчетливо представил абстрактное пространство строго однородным; только он установил впервые *относительность всякого движения*, а эта относительность есть именно прямое выражение всеобщей однородности пространства. Если пространство обладает абсолютной однородностью, то движение А по направлению к В и движение В по направлению к А, очевидно, вполне тождественны — без отношения к другому телу положение данного тела не может различаться в пространстве, все части которого совершенно одинаковы. Так как относительность всякого движения, однако, не сознавалась прежде, то мы с полным основанием можем утверждать, что и абстрактное пространство людей того времени сохраняло еще некоторые следы неоднородности[12]. Все это убеждает нас в том, что абстрактное пространство есть действительно результат познавательного развития человечества.

Отношение физиологического и абстрактного времени в общем таково же, как отношение рассмотренных нами форм пространства. Физиологическое время по сравнению с абстрактным неоднородно: оно течет неравномерно, то быстро, то медленно, иногда даже как будто перестает существовать для сознания — именно во время глубокого сна или обморока; кроме того, оно ограничивается предметами личной жизни. Соответственно всему этому изменчива и «временная величина» одних и тех же явлений, взятых в физиологическом времени: один и тот же процесс, не испытывая никаких воздействий, может протекать для нас быстро или медленно, а иногда и совсем оказывается вне нашего физиологического времени[13]. Не таково время абстрактное («чистая форма созерцания»): оно строго однородно и непрерывно в своем течении, и явления в нем выступают в строгой закономерности. В обоих своих направлениях — в прошлом и будущем — оно бесконечно.

Несомненно, что время — не только более общая, но и более ранняя по генезису форма

опыта, чем пространство[14]. Поэтому уловить следы исторических изменений по отношению к этой форме гораздо труднее, чем по отношению к пространству, — даже абстрактное время повсюду на памяти истории является уже приблизительно сложившимся. Однако можно с большим основанием утверждать, что в неразвитом мышлении детей или низко стоящих дикарей чистое время еще не обладает характером *бесконечности*. Кроме того, вопрос о *начале* времени существовал еще и для греческой философии, а затем играл известную роль в патристике. Но если этот вопрос мог выступать в сознании мыслителей, то очевидно, что самая «форма созерцания» не обладала еще той определенностью и отчетливостью, как в наше время.

Мы приходим к таким выводам. Абстрактное пространство и время суть продукты развития. На своих низших стадиях они сохраняют частью и такие особенности физиологического пространства и времени, которые на высших стадиях совершенно или почти совершенно теряют. Очевидно, чистые «формы созерцания» возникают из физиологического

пространства и времени. Но каким способом? Это можно выяснить путем сравнения тех и других форм.

Абстрактное пространство и время характеризуется тем, что в нем *устранены все противоречия* физиологического пространства и времени, так что опыт *гармонизирован*, согласован в различных своих частях. Это достигается путем устранения неоднородности физиологического пространства и времени, путем внесения в него непрерывности и путем его мысленного расширения за пределы всякого данного опыта.

Далее, абстрактное пространство и время *объективно*, т. е. существует не только для данной личности и в данных ее переживаниях, но для всех познающих, обладает *общезначимостью*; в этом оно также представляет противоположность физиологическому пространству и времени, у которого окраска субъективная, значение индивидуальное, ограниченное.

Все эти различия очень глубоки и важны, но на основании предыдущего мы не должны придавать им абсолютного характера: если

абстрактные формы пространства и времени сложились в процессе развития, то и их специфические особенности на каждой данной ступени развития принадлежат им лишь постольку, поскольку эти формы действительно уже сложились. Таким образом, как мы видели, в мышлении древних не достигалась в такой мере, как в мышлении современном, ни однородность пространства, ни его безграничность, и, следовательно, объективность, т. е. общезначимость, наших «форм созерцания» не безусловна по отношению к древним, а также и наоборот.

Это приводит нас к следующему важному положению: объективность или общезначимость данных форм пространства и времени относится в действительности только к сущностям, до известной степени близким по степени своего познавательного развития[15]. Вместе с тем неизбежно выступает вопрос о происхождении этой объективности. Оно же неразрывно связано с происхождением других особенностей абстрактного пространства и времени.

Каким путем возможен для познающей личности переход от постоянно неоднородных, лишенных непрерывности и всегда ограниченных пространственных и временных *восприятий* к однородным, непрерывным, безгранично развертывающимся *абстрактным формам* пространства и времени? Только одним путем — *через общение с другими людьми.*

В индивидуальном опыте время течет иногда быстрее, иногда медленнее, иногда как будто прерывается. Изменяется временная мера опыта, и все переживания меняют свой темп. Что мог бы создать из этого совершенно отдельный от других людей познающий индивидуум — этот вечный Робинзон философии? Все, что угодно, только не то, что для нас требуется, — однородность и непрерывность абстрактного времени. Воспоминания означенного Робинзона обрываются на известной границе; что он мог бы вывести из этого? Все, что угодно, только не бесконечность времени. Но бесчисленные высказывания других людей, заполняя пробелы и сглаживая неровности его личного опыта, убеж-

дают его в том, что перерывы в течении процессов природы, существующие для него, не существуют для других и с успехом могут быть замещены их опытом, что замедления и ускорения в течении опыта также «не объективны», т. е. не сходятся с опытом других людей, и с пользой могут быть выравнены соответственно этому чужому опыту. *Согласуя свои переживания с переживаниями других людей, создал человек абстрактную форму времени.*

Совершенно неверно представление большинства психологов о том, что будто бы простое наблюдение периодичности естественных процессов, например движения Солнца, достаточно, чтобы создать идею равномерного течения времени. Периодичные процессы природы в восприятии дикаря идут также неравномерно: когда он доволен, Солнце движется быстрее, все кругом происходит в более живом темпе, когда ему скучно — Солнце движется медленно, и все окружающее замедляет свой темп. И это вполне понятно для дикаря: ведь он анимист и представляет всю природу по образу и подобию себя самого; он

знает, что он ходит иногда быстро, иногда медленно, в зависимости от настроения; и Солнце, с его точки зрения, также меняет в зависимости от настроения свою небесную походку. Только высказывания других людей, для которых нередко время течет быстро тогда, когда для него медленно, и наоборот, только эти высказывания ведут к выработке идеи однородного времени.

Что касается пространства, то в личном опыте верх и низ постоянно неоднородны, все тела меняют свои свойства и характер движения в зависимости от того, приходится ли направлять кверху или книзу их движение. Только такой поздний результат коллективного опыта, как представление о шарообразности Земли и о падении тела к ее центру, дает возможность принять принципиальную однородность всех направлений пространства; а для тех людей прошлого, которые думали, что антиподы невозможны, потому что нельзя людям ходить вверх ногами, пространство, очевидно, не было однородным.

О бесконечности пространства в индивидуальном опыте, очевидно, не может быть и

речи.

Следовательно, о пространстве приходится сделать тот же вывод, что и о времени: оно есть форма социального согласования опыта различных людей.

Всем этим решается для нас и вопрос о генезисе объективности пространства и времени. Поскольку в опыте различных людей оказываются *согласованными* пространственные и временные отношения, постольку отношения эти и приобретают общезначимость, т. е. объективность.

Итак, что же означают в конце концов абстрактные формы пространства и времени? Они выражают *социальную организованность* опыта. Обмениваясь бесчисленными высказываниями, люди непрерывно устраняют взаимно противоречия своего социального опыта, гармонизируют его, организуют его во всеобщие по значению, т. е. объективные формы. Дальнейшее развитие опыта идет уже на основе этих форм и необходимо укладывается в их рамки.

В наше время экономисты и социологи уже затрудняются применять в анализе неле-

пую фигуру Робинзона. Но экономический Робинзон все-таки более возможен, чем познавательный, этот невероятный солипсист, который чаще всего выступает героем гносеологических анализов, который познает совершенно самостоятельно от других людей и лишь при помощи разных тонких уловок успеваеет перебраться за пределы своего «внутреннего мира» в более просторный мир, «внешний», где обыкновенно и начинает создавать различных фетишей: «материю, существующую независимо от нашего опыта», а также иные «субстанции». Кто из людей и когда интеллектуально жил и развивался вне социального опыта, вне среды «высказываний»? Нет ничего невероятного в том, что в наше время человек получает абстрактные формы опыта почти готовыми в своей наследственной психической организации. Но из этого следует только то, что и социально сложившиеся формы могут в долгом ряду поколений приобрести прочность, подобную прочности других биологических образований, ту прочность, которая выражается в органической наследственности. При этом со-

циально сложившиеся формы опыта окажутся действительно «а priori»* опыта индивидуального; и такой социально-эволюционный априоризм допустить вполне возможно. Но надо помнить, что опыт людей не может быть всецело и безусловно уложен в рамки этих сложившихся форм: шаг за шагом он может изменять их, что, как мы видели, и происходило на самом деле.

V

Теперь у нас есть исходная точка для решения более общего вопроса — о физическом и психическом мире.

Общую характеристику «физической» области опыта представляет, как мы указали, объективность, или общезначимость. К физическому миру мы относим исключительно то, что считаем объективным; и если затем оказывается, что отнесенное таким образом переживание субъективно, т. е. не обладает действительной общезначимостью, то мы немедленно переносим его в сферу психического, под именем, например, галлюцинации, иллюзии, сновидения; а если научные привычки мышления у нас недостаточно сложи-

лись, то мы это переживание можем просто признать непостижимым, чудом, и т. п., другими словами, перестаем познавателью к нему относиться.

Вопрос о происхождении объективности физического мира после предыдущего не должен представлять больших затруднений. Та согласованность коллективного опыта, которая выражается в этой «объективности», могла явиться лишь как результат прогрессивного согласования опыта различных людей при помощи взаимных высказываний. Объективность физических тел, с которыми мы встречаемся в своем опыте, устанавливается в конечном счете на основе взаимной проверки и согласования высказываний различных людей. Вообще, физический мир — это социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом — *социально-организованный опыт*. Вот почему он неразделен для нас от абстрактного пространства и времени — этих основных форм, в которых выражается социальная организованность опыта.

Здесь возможно такое возражение: в целой массе случаев мы убеждаемся, и с пол-

ным основанием, в объективности различных внешних предметов помимо всяких чужих высказываний. Если я ушиб ногу о камень, неужели объективность этого камня будет подлежать для меня сомнению, пока я не дождусь чужих высказываний относительно этого камня? Но такой аргумент основан на недоразумении.

Объективность внешних предметов всегда сводится к обмену высказываний *в конечном счете*, но далеко не всегда — *непосредственно* на нем основывается. В процессе социального опыта складываются известные общие отношения, общие закономерности (абстрактное пространство и время принадлежит к их числу), которые характеризуют собою физический мир, которые его охватывают. Эти общие отношения, социально сложившись и упрочившись, по преимуществу связаны социальной согласованностью опыта, по преимуществу *объективны*. Всякое новое переживание, которое всецело согласуется с ними, которое всецело укладывается в их рамки, мы признаем объективным, не дожидаясь ничьих высказываний: *новый опыт*

естественно получает характеристику того старого опыта, в формы которого он кристаллизуется.

В нашем примере с камнем критерием объективности камня является тот факт, что он находит себе место среди пространственной и временной последовательности физического мира, как тело среди других тел, и в причинной связи с другими явлениями этого ряда[16]. Камень оказывается среди «объективной» области опыта и потому сам выступает для нас как нечто объективное. Но контроль развивающегося социального опыта стоит всегда над этой объективностью и иногда отменяет ее. Домовой, который меня душил по ночам, обладает для меня характером объективности, быть может, ничуть не в меньшей степени, чем камень, о который я ушибаюсь; но высказывания других людей отнимают эту объективность. Если забыть об этом высшем критерии объективности, то систематические галлюцинации могли бы образовать объективный мир, на что здоровые люди вряд ли согласятся.

Итак, мы с полным основанием можем характеризовать физический мир как социально-организованный опыт. Какова же в таком случае должна быть характеристика «психического»?

Область психики характеризуется прежде всего тем, что психические переживания одного лица не обладают общезначимостью по отношению ко всем другим людям. Мои восприятия и представления, взятые в их непосредственности, существуют только для меня и лишь косвенно приобретают познавательное значение для других людей, да и то только отчасти. То же самое относится к моим эмоциям и стремлениям. Все эти факты «внутреннего опыта» отличаются величайшей несомненностью — но только для меня, только для того, кто их переживает. Они «субъективны», т. е. не согласованы с переживаниями других людей, не приведены в гармонию с их опытом и потому не имеют для других людей «объективного» характера. Они лишены той *социальной организованности*, которая свойственна физическому опыту.

Этому нисколько не противоречит тот факт, что и психическое социально сообщается от одних людей другим при помощи высказываний — мимики, речи, искусства. Сообщать свои переживания другим — еще не значит достигать согласованности, гармонии их с чужими переживаниями; от этого психический опыт отдельного лица еще не становится интегральной, органической составной частью коллективного опыта, он остается личным опытом[17].

Однако психический опыт не является просто неорганизованным, хаотическим. Хотя в меньшей степени, чем опыт физический, но он обладает известной связностью, согласованностью. Его элементы *ассоциируются* — это его специальная форма организации; восприятия, представления, стремления группируются в определенные цепи и комплексы; наконец, все это объединяется около одного, наиболее прочного и устойчивого комплекса воспоминаний, чувств и стремлений — того комплекса, который обозначается словом «я». Иначе говоря, и психическое организовано, но только не социально, а индивидуально:

это индивидуально-организованный опыт.

Во избежание путаницы терминов я замечу, что и опыт индивидуальный может быть организован социально, и опыт социальный может быть организован индивидуально. Для астронома, только что открывшего комету, эта комета пока еще только индивидуальный комплекс элементов опыта; но так как он немедленно укладывает ее в рамки социально-организованного опыта, ставит в общую связь этого опыта и согласует с другими его данными, то это его индивидуальное переживание сразу оказывается составной частью социально-организованного опыта, в данном случае — астрономического мира. Наоборот, через высказывания других людей человек усваивает себе значительную часть социального опыта; но поскольку он ассоциативно объединяет этот социальный опыт с другими психическими переживаниями около своего «я», постольку организует его индивидуально; тогда этот опыт является всецело психическим и относится, например, к сфере личной памяти.

Возможно еще одно терминологическое недоразумение. Могут сказать: психическое познается, подобно физическому; существуют наука психология и психологические законы; эта наука и эти законы выработаны социально и органически входят в систему общественного познания, стало быть, психический опыт социально организуется в форме этих законов и не есть только опыт индивидуально-организованный. Но это возражение легко устраняется выяснением понятий «закона» и «опыта».

Законы отнюдь не принадлежат к сфере опыта, к сфере непосредственных переживаний; законы — результат познавательной обработки опыта; они не даны в нем, а создаются мышлением как средство организовать опыт, гармонически согласовать его в стройное единство. Законы — это *абстракции познания*; и физические законы так же мало обладают физическими свойствами, как психологические — свойствами психическими. Их нельзя относить к тому или другому ряду опыта; а потому если они сами и образуют социально-организованную систему, то из это-

го не следует, чтобы была социально организована и охватываемая ими область опыта. Они получаются из опыта путем отвлечения; а можно ведь отвлечься, между прочим, именно от того, что делает данный опыт социально-неорганизованным. Как раз так и обстоит дело с психологией и ее законами: она отвлекается от *данной* конкретной личности, от ее данного, отдельного «я», имеет дело с психической личностью вообще. Но именно данное отдельное «я», конкретность данной отдельной личности и есть то, что делает ее опыт организованным индивидуально, а не социально.

Резюмируем. Антитеза физического и психического ряда переживаний сводится к различию опыта социально-организованного и опыта, организованного индивидуально.

VI

На основании предыдущего нас не может более удовлетворять установленная Махом и Авенариусом формулировка различий между физическим и психическим; мы не будем говорить о ряде «независимом» и ряде, зависимом от системы С; держась терминов Авена-

риуса, мы должны были бы говорить о ряде, зависимом от «конгрегальной* системы» (социальной), и о ряде, зависимом от индивидуальной системы С. Но и такая характеристика еще недостаточно выражает идею о *типе организации* того и другого ряда; между тем сущность дела заключается именно в типе организации.

Теперь для нас не представляют особых затруднений те «вопросы дуализма», которые мы должны были поставить эмпириокритическому монизму. Если в едином потоке человеческого опыта мы находим две принципиально различные закономерности, то все же обе они вытекают одинаково из нашей собственной организации: они выражают две биологически-организующие тенденции, в силу которых мы выступаем в опыте одновременно как особи и как элементы социального целого. На вопрос, почему этих типов организации опыта только два, мы скажем: ищите ответ в биологической и социальной истории человека; она расскажет вам, как в борьбе за существование возникла родовая жизнь человека, как обособлялась в ней лич-

ность и в то же время разворачивалась все более широкая связь социальная и, наконец, как развивались, приспособляясь все к той же борьбе, человеческие формы мышления с их современной двойственностью. При этом разрешится также вопрос о том, почему одни комплексы элементов опыта выступают иногда в физическом, иногда в психическом ряду, а другие только в психическом: исключительно психическими являются комплексы эмоциональные и волевые, т. е. те переживания, которые по условиям социальной и внутрисоциальной борьбы наиболее различно направлены в различных людях.

Но если таким образом раньше поставленные вопросы дуализма теряют свою остроту, оказываясь принципиально разрешимыми, то тем настоятельнее требует к себе внимания новый, вытекающий из этого их решения вопрос: каково относительное значение обоих типов организации опыта, как оценить их с точки зрения развития, какой судьбы надо ожидать для каждого из них в случае дальнейшего прогресса человеческой жизни? Вопрос очень сложен, и можно надеяться пока

только на очень приблизительное его решение, — но некоторые данные для этого решения имеются.

В целом ряде случаев можно наблюдать взаимное соответствие и гармонию обоих рядов опыта — физического и психического, и в целом ряде других случаев — их взаимную конкуренцию и даже противоречия. Гармония и соответствие обнаруживаются наиболее непосредственным образом там, где восприятия и представления, как принято говорить, «правильны» или «соответствуют самим вещам», так что физическое тело и его психический образ в достаточной степени «совпадают», чтобы не получалось практических и теоретических недоразумений. Наоборот, когда восприятия или представления «неправильны», «не соответствуют вещам», когда человек испытывает «иллюзию», принимая одну «вещь» за другую, или переживает «галлюцинации», «ошибки памяти», или просто «не понимает», с какой вещью имеет дело, то он, с одной стороны, может неудачно реагировать практически, так что получает от данной «вещи» различные вредные воз-

действия, с другой стороны, оказывается неприспособлен теоретически, т. е. его высказывания порождают противоречия в других людях, а также и в нем самом, поскольку он усвоил себе коллективный опыт. Это те формы, в которых наиболее непосредственно проявляется взаимное несоответствие, дисгармония опыта социально-организованного с опытом, организованным индивидуально, ряда физического с рядом психическим.

Менее непосредственно выступают гармония и противоречия обоих рядов опыта в процессе их *познания*, их систематизации путем обобщения и различения. Здесь гармония сводится к тому, что и физическое, и психическое подводятся под одни и те же обобщающие формы — «категории» или «законы», противоречие начинается там, где это не удастся. Например, поскольку познающий подчиняет и физическое, и психическое единому закону причинности, постольку оба ряда гармонически объединяются в познании; поскольку он подводит физическое под категорию причинности, а психическое — под категорию «свободы», т. е. необусловленности,

или представляет причинные цепи обоих рядов абсолютно раздельными, нигде не сливающимися, постольку перед нами противоречие физического и психического ряда в виде «дуализма», т. е. невозможности для познания довести до конца свою объединяющую и обобщающую тенденцию.

Иногда противоречие физического и психического принимает форму их конкуренции. Это наблюдается и непосредственно — там, где человек, как это бывает при некоторых патологических состояниях, считает «реальное» за «кажущееся», действительность — за иллюзию, или, наоборот, принимает за физическую реальность образы сновидений, галлюцинации и тому подобное; тогда область «физического» или «психического» прямо расширяется в личном опыте за счет другой. Затем в познании, особенно в философии, конкуренция рядов выступает в виде материалистического или спиритуалистического монизма: в первом случае психическое просто включается познанием в физический ряд, во втором — наоборот: физическое укладывается в рамки психического ряда. В обоих

случаях один ряд, так сказать, вытесняет другой, занимая его место в познании.

Физиологическое пространство со всем его содержанием представляет пример того, как реально комбинируется физическое и психологическое, опыт, организованный социально, и опыт, организованный индивидуально. Мы очень редко поддаемся иллюзиям физиологического пространства, и наше восприятие того или иного предмета фактически обыкновенно заключает в себе не совсем то, и притом гораздо больше, чем дает изображение в сетчатке. Видя какой-нибудь предмет отчасти и только с одной стороны, мы в то же время сразу представляем его себе в целом и со всех сторон, каким он является, собственно, лишь в геометрическом пространстве, и это дополняющее представление так неразрывно сливается с непосредственным восприятием, что нужно специальное усилие психики, чтобы их разграничить, чтобы видеть не больше, чем имеется в оптическом изображении; а в полной мере это даже никогда не удается. Вместе с тем непосредственное восприятие в некоторых своих частях

подвергается и некоторому исправлению; например, мы не только вообще не видим предметы вдвойне двумя глазами, но они не удваиваются заметно для нас по большей части и тогда, когда изображения в обоих глазах расположены не вполне соответственно одно другому: дальние предметы далеко не всегда дwoятся в тех случаях, когда мы смотрим на близкие предметы, и наоборот. Психика постоянно стремится согласовать свой «психический» опыт с опытом «физическим», дополняет и исправляет его этим последним, в результате чего и получают такие формы опыта, как физиологическое пространство, — формы, окрашенные частью «субъективным», частью «объективным» оттенком.

Здесь мы попутно получили и биологическую оценку обоих типов организации опыта: повсюду, где они конкурируют или сталкиваются, жизненно высшим оказывается тип социально-организованный или объективный; с ним должен быть согласован опыт субъективный или организованный индивидуально, иначе получается жизненная неприспособленность. И это вполне понятно,

так как базис объективного опыта несравненно шире: этот базис — социальное развитие, жизнь миллионов людей в тысячах поколений, тогда как субъективный опыт имеет своей органической основой в каждом данном случае лишь индивидуальный процесс развития определенной личности. Такая оценка, в сущности, уже дана была нами, когда мы характеризовали один ряд опыта его «общезначимостью», другой — лишь «индивидуальной значимостью»[18].

Но если один из двух типов организации опыта является биологически-высшим, то очевидно, что процесс развития должен вести к возрастающему господству именно этого типа, к постоянной кристаллизации всего содержания опыта именно в его формах. Значит ли это, что другой тип должен просто исчезнуть? Из предыдущего нельзя сделать такого вывода. Мы только видели, что во всех случаях, когда между двумя типами возникает конкуренция или прямое противоречие, то один из них должен подчиняться другому, уложиться в его рамки, согласоваться с ним, но отнюдь не просто уничтожиться. Там, где

«восприятия» не соответствуют «воспринимаемым вещам», там они должны быть исправны в соответствии с этими «вещами», но вовсе не исчезнуть и не перестать быть «восприятиями», т. е. «психическими фактами», а не «физическими явлениями». Психический ряд должен прогрессивно приспособляться к ряду физическому, гармонизироваться с ним, но не вытесняться им.

В этом нет никакого противоречия. Индивидуальная организованность вовсе не исключает организованности социальной, а, наоборот, легко становится элементом этой последней, так же как и в процессах труда гармоническое единство личной воли отнюдь не исключает гармонического единства воли коллективной, а, наоборот, при известных условиях позволяет этому последнему достигнуть высшей ступени. Несомненно, что всякое низшее единство может явиться интегральной частью единства высшего, лишь бы оно было в достаточной мере согласовано с другими низшими единствами, входящими в состав высшего.

VII

Дуализм опыта и познания начинается не там, где существуют два типа организации опыта, но там, где тот и другой тип не находятся в организованном соотношении, т. е. не объединены гармонически. Организация клетки, с одной стороны, и организма, к которому она вместе с другими клетками принадлежит, с другой стороны, не образует еще жизненного дуализма; он возникает только там, где клетка начинает жить самостоятельной жизнью, не приспособляясь к своему целому; тогда отсутствие гармонии между частью и целым дает себя почувствовать в понижении жизнеспособности либо части, либо целого, либо того и другого вместе. Это и есть дуалистическое противоречие.

Таким же образом в опыте и познании дуализм получается в том случае, если индивидуально-организованный опыт перестает быть нераздельной частью опыта социально-организованного, если первый складывается в самостоятельные формы, независимые от форм второго, не приспособленные к ним гармонически, словом, если «психическое»

превращается в особый мир со своими собственными категориями и законами, не образующими органического единства с категориями и законами «физического». Тогда мир опыта, лишенный целостности, превращается в мир противоречий и борьбы, личность оказывается не способной согласовать свои переживания вообще и действия, в частности, с переживаниями и действиями других людей, которые выступают тогда в ее опыте как иначе организованные единицы; а сознание путается в безвыходных противоречиях анимизма и метафизики. Именно таково современное положение человеческой психики.

Выход из этого дуалистического положения возможен только в том случае, если произойдет систематическое приспособление опыта индивидуально-организованного к организованному социально, так что первый найдет себе место в объединяющих формах второго, как клетка в системе тканей организма. Что этот путь единственный, какой можно теоретически допустить, в том легко убедиться по способу исключения. Если бы

приспособление происходило в обратном направлении, социально-организованный тип приспособлялся бы к индивидуально-организованному, то это означало бы, очевидно, просто уничтожение первого из них, его систематическое разложение; ни о какой гармонии социального опыта не могло бы быть и речи. А предположить их гармоническое слияние в каком-нибудь ином, третьем и высшем типе мы не можем, если не хотим выходить из рамок опыта, в котором вообще не имеется никаких указаний на подобный третий тип[19]. Остается только один путь гармонизации опыта, именно тот, который был сейчас указан. В самой действительности такая тенденция развития непосредственно обнаруживается во всех тех случаях, когда прямые практические потребности вынуждают человека искать примирения противоречивых данных опыта. Тогда он обыкновенно не задумывается ставить свой «психический» и «субъективный» опыт под контроль опыта «физического» и «объективного», проверяет свои восприятия и «представления» при помощи этого последнего и устраняет из них

все, что в его рамки и формы не укладывается. Тогда он высказывается приблизительно в таком роде: «Мне показалось то-то и то-то (опыт как „психическое“); но этого не могло быть по таким-то и таким-то причинам (проверка при помощи причинности — формы „объективного“, опыта, и установленных, также из „объективного“ опыта, фактов); очевидно, я ошибся (устранение тех элементов „субъективного“, которые не приспособлены к „объективному“); вероятно, в действительности имеется то-то и то-то; я думаю это по таким-то и таким-то причинам» (приблизительная гармонизация «субъективного» и «объективного» путем приспособления первого ко второму). Существует, правда, и противоположный путь приспособления: «хотя все говорит в пользу этого, но я не могу допустить, чтобы это было так, и верю, что это не так, а вот как» (приспособление «объективного» и «субъективному»); но это регрессивный путь приспособления, на этом пути противоречия могут только возрастать, а система опыта и познания — только дезорганизоваться.

В системе познания, которая вся представляет прогрессивную гармонизацию опыта, подчинение «субъективного» в опыте «объективному» представляет основной организующий принцип, вне которого самое познание немислимо. Поэтому с «субъективным» оно считается лишь постольку, поскольку стремится согласовать его с формами «объективного», например поставить в причинную связь с определенными объективно установленными данными опыта. Только в сфере познания и возможна окончательная и общая гармонизация опыта, его всеохватывающая монистическая организация; опыт же непосредственный, постоянно приносящий новые и новые переживания, неизбежно приносит вместе с тем новые частные противоречия, которые и должно примирить затем познание.

Вопрос заключается теперь в том, на каком пути познание способно осуществить эту монистическую организацию опыта, дать всеобщее примирение его дуалистических противоречий. Чтобы найти ответ на этот вопрос, нам следует рассмотреть связь «физиче-

ского» и «психического» там, где обе эти области опыта всего теснее соприкасаются между собою.

VIII

Психологи в своих исследованиях большей частью принимают практически — а многие из них и теоретически — принцип так называемого «психофизического параллелизма». Это — идея об известном постоянном соотношении между психическими явлениями и «физиологическими процессами нервной системы», именно таком соотношении, при котором каждому данному акту сознания соответствует определенное изменение в нервной системе, так что «параллельно» ряду фактов сознания развертывается ряд одновременных физиологических нервных процессов в неразрывной и неизменной связи с ними. Как метод исследования эта точка зрения оказалась в высокой степени полезною и не встретила ни с какими противоречиями, которые могли бы принципиально подорвать ее, — вообще оправдала себя в достаточной мере.

Надо заметить, что на идеи параллелизма некоторые философы — главным образом неокантианского оттенка — пытались построить своеобразную форму «монистического мировоззрения». Именно физическое и психическое рассматриваются как «две стороны единой реальности» — внешняя и внутренняя; то, что для «внешнего» восприятия выступает как физическое, для «внутреннего» восприятия, по этому взгляду, является как психическое, подобно тому как дуга круга, рассматриваемая извне, представляется выпуклою линией, а изнутри — вогнутой. Взгляд этот, очевидно, не стоит в необходимой логической связи с научно-психологической теорией параллелизма; он включает в себе то, чего в ней нет, — так называемую «интроекцию», помещение психического мира внутри нервной системы, гипотезу, для наших целей совершенно излишнюю и более чем спорную. Принимать такую гипотезу нам нет никакой надобности, раз мы стремимся не удаляться без необходимости от того, что имеется в опыте; это нисколько не мешает нам сохранять методологическую

идею параллелизма[20].

Положение Авенариуса о «функциональном соотношении» психического, или, как он выражается, «ряда E», с физиологическими изменениями центрального нервного аппарата, с «рядом C», в сущности, есть лишь другая формулировка научного психофизического параллелизма. В самом деле, это и есть признание постоянной определенной связи между соответственными членами обоих рядов; а понимать параллелизм в каком-либо ином, более тесном смысле, вроде, например, геометрического параллелизма, конечно, не приходится, потому что явления обоих рядов недостаточно сходны для того, чтобы допускать возможность такого параллелизма, как параллелизм однородных линий или поверхностей.

Термин «психофизический параллелизм» употребляется и у Маха, но уже в ином значении, когда он говорит о повторении одних и тех же комплексов в сфере физического и в сфере психического: то, что в связи физического опыта является как «тело», становится «восприятием» или «представлением» в свя-

зи психического опыта. Но этот параллелизм [21] не стоит ни в каком противоречии с тем психофизическим параллелизмом, о котором у нас теперь идет дело, и относится к совершенно иной области отношений — не к более узкому отношению между индивидуальным сознанием и нервной системой, а к более широкому отношению между индивидуальным сознанием и физическим миром вообще. Для нас же важно в данный момент лишь первое из этих отношений.

Если мы припомним то, что говорилось раньше о параллелизме рядов опыта, образующих «тела» или «процессы» физического мира, то сразу увидим, что психофизический параллелизм относится, безусловно, к тому же типу. В самом деле, физическое «тело» или «процесс» образуются путем органического слияния различных рядов опыта — различных именно *по элементам*. Ряды зрительный, тактильный, акустический объединяются в комплекс, называемый хотя бы «человеческое тело»; и основой этого объединения является именно *параллелизм* этих рядов, т. е. определенное соответствие между

элементами одного и элементами другого, третьего ряда. Различие между самими рядами не количественное, а *качественное*, т. е. их элементы абсолютно несводимы одни к другим; но на основе взаимного параллелизма все они объединяются вокруг одного (обыкновенно тактильного) ряда в целостный комплекс, с которым и оперирует познание.

Совершенно таково же, по существу, отношение рядов психического и нервно-физиологического в занимающем нас вопросе: они *качественно различны по элементам, но связаны параллелизмом*, причем параллелизм такой же, как, например, между зрительным и тактильным рядами в комплексе, называемом «человеческий организм»: это строго определенное функциональное соотношение между рядами, но отнюдь не прямое количественное и качественное соответствие. Имеется определенное восприятие, эмоция, стремление; это — комплекс таких-то и таких-то иннервационных, тактильных, зрительных, слуховых и т. д. элементов. Соответственно такому «психическому» явлению мы,

если возможно, наблюдаем, если не удастся, представляем себе некоторый определенный «физиологический процесс»; это — комплекс совершенно иных элементов, тоже зрительных, тактильных и т. д., но отнюдь не тех, какие образуют «психический» комплекс. Если, например, в восприятии имеются элементы «зеленого», то ни из чего не следует, чтобы в соответствующем «физиологическом факте» имелись такие же элементы «зеленого»; их может даже совсем не быть в нашем представлении нервных процессов, а могут быть, например, из цветовых элементов только «белое», «черное», «красное». Ряд физиологический, при всем своем соответствии с рядом психическим, оказывается состоящим из совершенно иного материала, точно так же как в любом «физическом теле» ряд зрительно-иннервационный состоит из иного материала, чем тактильно-иннервационный, и т. п.

Из всего этого следует сделать такой вывод. Если познание в своем стремлении гармонизировать опыт будет последовательным и верным своему уже выработанному методу,

то оно должно связать психический и нервно-физиологический ряды в один «процесс», различно воспринимаемый, но целостный, не психический и не физиологический, но психофизиологический, — как человеческое тело не есть комплекс зрительный или тактильный, но зрительно тактильный. Для познания и здесь и там дело должно идти о целостных комплексах, которые не даны ему непосредственно, но образованы им из многообразия элементов опыта; разница только в том, что по отношению к физическим комплексам эта задача уже давно выполнена в истории человечества, а по отношению к психофизиологическим ее еще надо выполнить.

Именно такая активно-организующая деятельность познания способна, по нашему мнению, устранить дуалистические противоречия и привести к действительной гармонии мировоззрения. Это не будет монизм «сущности» или «реальности» — такие бессодержательные понятия не могут удовлетворить критически-монистического мышления; это будет монизм типа организации, по

которому систематизируется опыт, монизм познавательного метода. Посмотрим, в самом деле, что дает он познающему в его стремлении достигнуть единства миропонимания.

Познание физического мира уже в наше время по своему методу в высокой степени монистично. Физические явления, при всей своей бесконечной сложности и разнообразии, уложены в рамки всеохватывающих формул, приобретающих шаг за шагом все более определенное содержание, все полнее гармонизирующих опыт, дающих все больше возможности практического поведения и приспособления. При этом для таких формул, особенно для основной из них — закона сохранения энергии, не имеют уже прямого значения непосредственные элементы опыта в их смене и различиях: одни и те же «тело» или «процесс», воспринимаются ли они в зрительных или тактильных, или акустических рядах, представляют одни и те же энергетические величины и комбинации. Познание отвлекается от способов непосредственного восприятия, и на место мира «элементов» в нем выступает мир *отношений*. В этом

мире стройность достигается путем целесообразной группировки комплексов — их разграничений и соединений соответственно требованиям наименьших противоречий и наибольшей гармонии; сами же группировки выполняются и фиксируются при помощи символов, выработка и подбор которых происходят в социальном процессе общения. На этот процесс общения опирается все коллективное научное и философское творчество.

То же, что делает познание по отношению к физическому опыту, стремится оно выполнить и по отношению к опыту психическому. Но здесь оно наталкивается на массу особенных трудностей и противоречий, которых не удается устранить до тех пор, пока познание в этой области идет не тем путем, каким шло в другой области опыта. Эти трудности и противоречия резюмируются в конце концов одним словом «дуализм», а сущность их заключается в том, что те различные методы, которыми оперирует познание в обеих областях опыта, неминуемо то и дело встречаются в одном поле сознания и создают раздвоение психической деятельности, которое ощуща-

ется как познавательная неприспособленность, как дисгармония мысли. Когда же психическое выступает для познания как один из параллельных рядов комплекса, в котором другие ряды — зрительный, тактильный — способны образовать «физическое тело» (нервную систему), тогда дисгармония исчезает.

В самом деле, познанию не приходится создавать особого метода для каждого из параллельных рядов, сливающихся в том или ином комплексе — оно имеет дело с целыми комплексами. Психофизиологический процесс, познаваемый как одно целое, должен укладываться в рамки того же метода, каким познается созданный из некоторых его рядов процесс физиологический, — метода наук о физическом, для нашего времени — метода *энергетики*. При этом совершенно безразлично, будем ли мы брать для анализа элементы из ряда «физиологического» или из ряда «психического», каждый раз дело будет идти об одной и той же энергетической величине, потому что энергетическое познание отвлекается от способа восприятия, а не берет, на-

пример, ряд зрительный и ряд тактильный как отдельные энергетические комплексы. Как в обычном физическом комплексе, который называется «телом», один из рядов опыта является организующим для других, например ряд тактильный, так в комплексе психофизиологическом один из его рядов окажется организующим, основным для познания, и мы полагаем, что таким будет именно ряд физиологический как более определенный, более устойчивый в своих отношениях. Но это различие и здесь так же несущественно для познания, как в физическом комплексе различие организующего тактильного и группирующихся около него зрительного, акустического и т. д. рядов. Одно и то же познавательное целое — психофизиологический процесс — может восприниматься различными способами, но для познания остается одним и тем же. Различия *элементов* исчезают в единстве *отношений*, и цельность познания восстанавливается.

Но при этом теряет свой смысл и самое противопоставление «физического» и «психического». Опыт, организованный индиви-

дуально, входит в систему опыта, организованного социально, как его нераздельная часть, и перестает составлять особый мир для познания. «Психическое» исчезает в объединяющих формах, созданных познанием для «физического», но и физическое перестает быть «физическим», как только у него нет его постоянной антитезы — психического. Единый мир опыта выступает как содержание для единого познания. Это — эмпириомонизм.

Эмпириомонизм возможен только потому, что познание активно гармонизирует опыт, устраняя его бесчисленные противоречия, создавая для него всеобщие организующие формы, заменяя первичный хаотический мир элементов производным, упорядоченным миром отношений. Можно, разумеется, допустить, что эмпириомонизм осуществится не в тех формах, в каких мы его представляем; но он должен осуществиться, а его невозможность означала бы конечную несостоятельность познания.

* * *

Было бы неправильно думать, что, придя к схеме эмпириомонизма, мы достигли монистического мирозерцания. Эта схема формулирует высшую познавательную тенденцию; но цельное мирозерцание может получиться лишь путем систематического проведения этой тенденции. Познавательная картина мира не дается в одной формуле — это организованная система наук и философии; монистическая же схема есть лишь гармонизирующий принцип этой картины, и нужна громадная работа, чтобы провести этот принцип во всех частях картины; а пока этого не сделано, пока остаются частности, не подчиняющиеся гармонизирующей схеме, ей противоречащие или просто не проникнутые ею, до тех пор нельзя говорить о настоящем эмпириомонизме.

Принимая во внимание колоссальную массу коллективного труда, которую положило человечество на выработку системы наук и философии, и долгий период времени, в течение которого активно обнаруживалась тенденция к познавательному монизму, естественно поставить вопрос: почему же до сих

пор монизм этот, несмотря на все, не успел сложиться? Почему даже схема его так долго не могла быть отчетливо формулирована?

Можно было бы, конечно, не останавливаться на этом вопросе, а просто принять, что гармонизация опыта — дело настолько сложное и трудное, что, несмотря на массу затраченного времени и энергии, человечество выполнило пока только часть его, — и этим удовлетвориться. Но нам кажется, что есть основания отметить некоторые специальные препятствия, которые именно в наше время ставят границу монистической тенденции. Это позволит нам сделать и некоторые приблизительные заключения о дальнейшем развитии познания в этом направлении.

Современное общество раздроблено на классы и полно антагонизма. Люди, принадлежащие к одной социальной системе, часто очень сильно отличаются друг от друга и резко сталкиваются в жизни на почве различия интересов. Конкуренция, с одной стороны, отношения разделения труда и особенно господства и подчинения — с другой, окрашивают собою всю социальную жизнь нашего вре-

мени. Эти господствующие формы жизни не могут не наложить своего отпечатка и на область познания.

Сущность дела заключается в том, что человек практически и познавательно противопоставляется другому человеку. Практически — их стремления сталкиваются в борьбе интересов, как той, которая ведется в виде конкуренции между представителями одного класса или группы, так и той, которая идет между классами или группами. Теоретически — они не понимают друг друга, как люди различного опыта и различных типов мышления. И борьба и непонимание далеко не охватывают всей жизни людей, а существуют лишь в ограниченных пределах, рядом с сотрудничеством и взаимным пониманием, также частичными; но поскольку они существуют, постольку монистическая организация опыта наталкивается на величайшие затруднения.

В самом деле, если человек борется с другим, он не может с достаточной полнотой передавать ему свой опыт; как известно, дело доходит до того, что человек в борьбе часто принужден скрывать свои переживания или

даже извращенно передавать их; отсюда столько «лжи» в современном обществе, лжи зачастую необходимой, интегрально входящей в самую систему отношений. Уже этого достаточно для взаимного непонимания; но разделение труда делает сферу этого непонимания еще шире, чем сфера борьбы. Специалист не понимает специалиста, поскольку материал их опыта различен (например, художник не понимает ученого, филолог — естественника и т. п.), подчиняющийся не понимает господствующего, и наоборот, поскольку различен не только материал их переживаний, но и их фактическое отношение к одним и тем же данным опыта (например, что для одного — орудие труда, то для другого — орудие эксплуатации и т. п.). Но что означает «непонимание»?

Оно означает, что доступные нам (путем социального общения) переживания других людей не укладываются в закономерность нашего опыта, мы не можем поэтому правильно оценивать их психические состояния и предвидеть их действия. И очевидно, поскольку опыт одних людей лежит вне законо-

мерности, т. е. организованности, для других людей, постольку он необходимо является социально неорганизованным, или «субъективным», или «психическим». Напротив, та часть опыта, для которой выработалась в социальном процессе общая, точнее — общезначимая закономерность, та часть выступает как социально-организованная, с атрибутом «объективности», с характеристикой «физического». Здесь исходная точка антитезы, здесь же и базис для определения ее исторических границ.

Заметим, что в нашем опыте «психическим» являются по преимуществу те его стороны, для которых всего меньше достигается социальное единство: эмоции людей и их стремления наиболее резко расходятся в жизни, и именно эти комплексы элементов никогда не находят себе места в физическом ряду, тогда как другие комплексы, находящиеся у различных людей в менее противоречивых отношениях, выступают то в психическом ряду как «восприятия» или «представления», то в физическом — как «тела». Стало быть, психическое тем в большей мере оказывается

«психическим», чем более оно индивидуально по своему характеру.

В наивном, неразвитом сознании нередко и эмоции «объективируются», переносятся в физический мир; например, красота, безобразия, приятность и т. п. считаются свойствами самих предметов (а не явлениями воспринимающего сознания). Это бывает именно тогда, когда эмоциональные высказывания людей настолько сходятся, так мало противоречат одни другим в массе случаев данного рода, что люди привыкают считать эти эмоции *общезначимыми*, социально согласованными, что и лежит, согласно нашей точке зрения, в основе характеристики «объективного» или «физического» опыта.

Организуемый центр для всего психического представляет индивидуальное «я», противопологающееся другим «я». Когда «я» исчезает из поля сознания, прекращается и антитеза психического с физическим. А это бывает не только в моменты потери сознания, но и в моменты наивысшей его деятельности. Как отмечал еще Шопенгауэр, глубокий эстетический аффект устраняет «индивиду-

цию», т. е. противопоставление нашего «я» внешнему миру, и психического физическому: в восторженном созерцании прекрасной картины природы или истинно художественного произведения мы перестаем чувствовать раздвоение в нашем опыте. Но то же относится и к моментам познавательного творчества, и к моментам напряженного проявления коллективной воли: человек «забывает себя», и тогда его переживания наиболее гармоничны.

Приспособление, называемое «я», выступает всего ярче там, где в опыте обнаруживается дисгармония — дисгармония, подрывающая индивидуальное существование; это бывает тогда, когда мы чувствуем голод, холод, страх, тоску, неудовлетворенность... Это — приспособление для *индивидуальной* борьбы за жизнь, и потому только в *индивидуалистическом* обществе, каково современное, оно для каждой личности становится центром опыта, резко отделяющим ее «психический мир» от психического мира других людей. Не так было в первобытном обществе, с его коммунизмом, с отсутствием внутренней борьбы

и противоречий. Там человек не умел отделять себя от своей группы; его опыт непосредственно сливался с опытом других людей, слово «я» обозначало для него собственное тело с его непосредственными потребностями, но вовсе не комплекс эмоций и стремлений, резко отграниченных от эмоций и стремлений других людей, как это бывает в современном обществе. В обществе высшего типа, с коллективно-организованным трудом, с устраненными внутренними противоречиями и резкими различиями особей, человеческое «я» так же мало, как в обществе первобытном, могло бы послужить центром особого мира — мира индивидуально-психического: в тесном взаимном общении, в глубоком взаимном понимании людей исчезла бы всякая склонность противопоставлять свою «психику» психике других людей; и гармонически организованный коллективный опыт дал бы людям такую грандиозную полноту жизни, о которой мы, люди эпохи противоречий, не можем составить себе понятия.

В этом мире и для познания легко будет объединить всю сумму человеческих пере-

живаний в гармонически-целостные, бесконечно пластичные формы, в которых опыт каждого органически сольется с опытом всех. И там будут, конечно, противоречия в опыте и в познании; но это не будут безысходные противоречия окаменелых фетишей* мысли, не допускающих никакой инстанции над собою, а временные разногласия творческого мышления людей*, сознательно стремящихся согласовать и свести к единству свои переживания, людей, сознательно отыскивающих наилучшие, наиболее целесообразные формы для такого согласования и единства. Свободное стремление к социальной гармонии познания вместе с глубокой уверенностью в возможности и необходимости ее достижения будет постоянно господствовать над всеми проявлениями личного сознания. Освобожденная от внутреннего разлада человеческая мысль, ничем не затемненная, чистая и ясная, будет с недоступной нашему воображению энергией прокладывать себе путь в бесконечность. Там будет достигнут истинный эмпириомонизм, который представляется нам идеалом познания.

Если мы сравним этот идеал познания с современным идеалом практически-трудовой жизни людей, то нам в глаза бросится их глубокий внутренний параллелизм, общая тому и другому всеохватывающая организующая тенденция. Это не случайное сходство: из практики возникает познание; гармония практики и гармония познания имеют один и тот же смысл.

Жизнь и психика

(Эмпириомонизм жизни физиологической и психической)

А. Область переживаний

I

Поток переживаний, образующий то, что мы называем психической жизнью, не во всех своих моментах является настоящим объектом познания, пригодным его материалом; он становится таким объектом или материалом только там, где выступает в более или менее организованном виде, в форме *опыта*. Даже в пределах непосредственного опыта есть много неясных, смутных переживаний, которые исчезают, едва возникнув в поле психики, которые так неопределенны и

кратковременны, что ускользают от познания, почти не существуют для него. Но остается еще вопрос о том, что лежит за пределами *непосредственного* психического опыта, хотя не за пределами возможного опыта вообще.

Существуют ли достаточные основания, чтобы отрицать психическую жизнь в утробном младенце, в человеке, спящем глубоким сном без остающихся в памяти сновидений? Все наше познание чем дальше, тем в большей мере проникается идеей *непрерывности*, чем дальше, тем менее способно мириться с каким бы то ни было отклонением от этой идеи, чем дальше, тем решительнее делает ее своей всеобщей предпосылкой. Между тем идее этой безусловно противоречит представление о том, что психическая жизнь возникает из ничего, как прибавочный феномен* непрерывно развивающейся жизни физиологической, и на несколько часов может совершенно прекращаться, чтобы вновь воскресать из психического «ничто» в момент пробуждения. Однако ни утробная жизнь, ни сон без сновидений не дают нам непосредствен-

ного психического опыта, а потому лишь косвенно могут служить материалом для психологического познания. Это — темный хаос переживаний, в котором нет «души», нет организованного единства, характеризующего мир опыта.

Психический мир ребенка первых лет жизни, а также мир сновидений и бреда представляют ряд промежуточных проявлений жизни, пограничную область психического хаоса и психического опыта. Здесь есть организованность, но только отрывочная: колеблющиеся образы, неустойчивые сочетания — зарождение порядка среди бесформенного материала жизни и вторжение бесформенной жизни в порядок опыта. Естественно, что эти переживания находятся в неопределенном и изменчивом отношении к системе опыта; в сфере памяти мы находим только обрывки от впечатлений первых лет жизни, перемешанные с иллюзиями памяти и внутренними воспоминаниями, только изолированные сцены из жизни снов, исчезающие в массе неясных ощущений смутности и дисгармонии. На заре жизни человека и человечества

эта область полуорганизованной психической жизни еще господствует над зарождающейся стройностью опыта и с величайшей медленностью отступает перед ее развитием; до сих пор сохраняются еще следы такого господства, в виде суеверий, предчувствий, мистики. Но давно уже несомненна победа опыта с его возрастающей гармонией и целостностью.

Присмотримся поближе к этим различным степеням психического единства жизни, постараемся понять их жизненную связь, объективные условия их взаимных переходов.

Сравнивая состояние спящего глубоким сном человека с состоянием утробного младенца, нельзя не найти большого сходства между ними: и здесь и там внешние впечатления устранены, проявления жизни сводятся к растительным процессам, питание тканей организма преобладает над его затратами, реакции на внешний мир отсутствуют, кроме немногих рефлексов. Вообще, глубокий сон представляет как будто временное возвращение к тому типу жизни, который

свойствен человеку до рождения, и по своему созидательному значению для организма всего меньше похож на смерть с ее неизменным спутником — разрушением организма. Однако между сном и утробной жизнью есть глубокая принципиальная разница: спящему достаточно проснуться, чтобы очутиться в мире опыта, в сфере сознательной жизни; нерожденному младенцу для этого надо еще родиться и развиваться. В одном случае система опыта еще не успела развернуться и организоваться, в другом — она временно как бы свертывается и дезорганизуется.

Сумма опыта, богатство переживаний и с количественной, и с качественной стороны определяется отношением организма к его среде. Там, где между организмом и средой имеется полное равновесие, где соприкосновение организма и среды не представляет разницы в напряжениях энергии, там вообще нет почвы для переживаний: организм как бы не существует, сливаясь в безразличии со своей средой. Всякое переживание есть различие, и жизни нет там, где нечего различать. Но лишь только среда и организм вы-

ступают как энергетически неуравновешенная комбинация, лишь только имеется разность напряжений энергии, лишь только возникает определенный поток энергии между обоими комплексами — организму есть что переживать, безразличие сменяется жизнью.

Но пытаясь стать на эту точку зрения, мы сталкиваемся с целым рядом предрассудков, порожденных поверхностными аналогиями и недостаточным анализом. Эти предрассудки можно формулировать так: *вера в реальную жизнь без переживаний*, мысль, что переживания — только эпифеномен*, побочное явление жизни.

II

До сих пор преобладает дуалистическое понимание жизни: физиологическая жизнь организма и его «психические переживания» рассматриваются как две совершенно различные области, нигде между собой прямо не соприкасающиеся, хотя и связанные определенной зависимостью. Зависимость эта, чаще всего обозначаемая как «параллелизм», в личном опыте оказывается, однако, неполной, прерывающейся; в целом ряде случаев

изменения нервного аппарата протекают без всякого заметного отражения в психике, в сфере сознания. Только незначительная часть мелких и постоянно действующих на нервную систему раздражений порождает заметные «впечатления»; а в периоды временного прекращения психической работы жизнь физиологическая остается, по-видимому, совсем освобожденной от связи с «психическими переживаниями». Таким образом, переживания эти как будто представляют действительно только «эпифеномен» жизни, неизвестно откуда берущуюся и неизвестно куда исчезающую прибавку к ее физиологическим проявлениям. Выясняя же границы этого эпифеномена, можно найти много оснований считать их очень узкими по сравнению с громадными размерами биологического мира вообще.

Естественно предположить, что сложность переживаний психического организма соответствует сложности нервно-мозгового аппарата, с состояниями которого они связаны. Но при этом сам собою является вывод, что таких переживаний вовсе нет там, где

нет нервно-мозговой системы, т. е., например, у всех Protozoa и у многих низших Metazoa. И так как даже у человека с его необычайно сложной нервной системой переживания эти наблюдаются не всегда, а только при наличии целого ряда условий и чрезвычайно легко прерываются, то можно, по-видимому, принять, что и существование центрального нервного аппарата, вообще говоря, не составляет еще достаточного базиса для заключения о том, что имеются «переживания». В результате получается нельзя сказать чтобы очень стройная и гармоничная картина: перед нами два типа жизненных процессов, совершенно неоднородных по содержанию; один из них выступает повсюду, а другой — в некоторых сравнительно немногих случаях, как своеобразное дополнение первого, связанное с ним определенной для каждого частного случая, но в общем нередко прерывающейся зависимостью.

Однако если нестройность картины и оскорбляет наше эстетическое чувство, то это, по-видимому, еще не говорит ничего против ее объективной верности; основанием же

ее служат, по-видимому, вполне несомненные факты опыта и вполне законные аналогии, без каких вообще не может обойтись познание.

Критика всякой познавательной концепции сводится к двум моментам: критика обобщений и выводов с точки зрения опыта и критика самого лежащего в основе их опыта с точки зрения его связи и закономерности. Понятно, что начинать надо с последнего момента, потому что только проверенный, освобожденный от ошибок и иллюзий опыт является надежной основой для критики познания. В занимающем нас вопросе этот момент является особенно важным.

Прежде всего необходимо установить наиболее прямую и непосредственную форму зависимости между «переживаниями» организма и его «физиологическими процессами» — задача, решение которой связано с немалыми трудностями. Было бы, например, ошибочно принять за такую форму зависимости связь между сложностью нервно-мозгового аппарата, с одной стороны, разнообразием и полнотой переживаний — с другой; это было бы

ошибочно уже потому, что при самой развитой нервной организации — у человека — наблюдаются не только сложные переживания, но рядом с ними также весьма простые и элементарные, не только интенсивные, но и очень слабые, не только определенные, но и очень смутные. Поэтому бесполезны были бы всякие попытки дедуктивно установить, насколько сложный и развитой центральный аппарат нужен для того, чтобы жизнь организма осложнилась «переживаниями», и в каком месте лестницы живых существ они вообще возникают. Для решения вопроса о психофизическом параллелизме жизни необходимы более точные и более прямые аналогии.

За пределами нашего непосредственного психического опыта всякие переживания — следовательно, вообще все не наши переживания — становятся доступны нашему познанию лишь косвенным путем — посредством *высказываний**. Определенная и постоянная связь наших собственных «психических переживаний» — наших восприятий, представлений, стремлений, эмоций — с нашими дви-

гательными реакциями служит основой для объединения нашей психической жизни с жизнью других существ, основой для «взаимного понимания» того, что переживается нами и другими. С анализа высказываний, в их связи с непосредственными переживаниями, и начинается критика психического опыта.

С самого начала здесь возможен вопрос, насколько вообще законно и правильно к наблюдаемым высказываниям других организаций присоединять переживания, подобные нашим собственным. Вопрос этот разрешается очень легко: наибольшая часть нашего опыта дается нам через чужие высказывания, путем такого их «понимания», и оно же служит для нас способом проверять и контролировать свой непосредственный опыт опытом других людей. На понимании высказываний основывается, таким образом, вся система объективного познания, и так как она в своем целом не впадает в противоречие ни с самой собою, ни с жизнью вообще, так как на ней мы можем с успехом строить свою практическую деятельность, то нам остается только принять эту систему, а вместе с ней мы

должны принять и наш постоянный способ «понимать» высказывания, присоединяя к ним, как их необходимое дополнение, восприятия, представления, стремления, эмоции, вполне аналогичные нашим собственным[22].

К высказываниям принадлежат отнюдь не одни только специализированные «формы выражения», как речь, мимика, искусство, но все вообще двигательные реакции организма, которые мы можем «понять» в связи с психическими переживаниями[23]. Если, например, мы видим человека, выполняющего какую-нибудь работу, то в его действиях мы находим для себя целый ряд высказываний: они ясно выражают личность, во-первых, *восприятия* всех объектов и орудий его труда, во-вторых, *представления* о некотором желательном преобразовании этих объектов как о «цели», в-третьих, *стремления* достигнуть этой «цели» и принятого решения в этом смысле. Все такого рода *практические* высказывания имеют не только не меньшее значение, чем «теоретические», например словесные, но даже значение основное по отноше-

нию к этим последним: речь, мимика и другие специальные формы выражения возникают на почве практического объединения человеческих действий; общественный труд людей есть первичная область их общения, а стало быть, и высказываний, социально-технический процесс порождает необходимость гармонического *объединения опыта различных людей*. Сотрудничество в разнообразных его проявлениях — основа социального опыта[24].

Но за всякой ли двигательной реакцией организма можно предполагать соответственные переживания, и всякое ли переживание выражается в двигательных реакциях? Каждый из этих вопросов требует особого и внимательного рассмотрения.

III

Из непосредственного опыта нам известно, что очень многие из наших переживаний, громадное большинство их, протекают без всяких «высказываний», без всяких заметных двигательных реакций. Из этого очевидно, что сфера переживаний несравненно шире сферы высказываний. Но насколько шире и

каково ближайшее соотношение обеих? Это может выяснить психофизиология.

Всякая мускульная реакция, а следовательно, и всякое высказывание предполагает *нарушение равновесия* энергии центрального нервного аппарата, потому что осуществляется путем *иннервации**, потока нервной энергии от центра к периферическому двигательному аппарату, а при равновесии системы поток этот, очевидно, не мог бы возникнуть. Равновесие же зависит от непрерывного и всестороннего соответствия между «питанием» системы и ее «работой», т. е. между ассимиляцией энергии из окружающей среды и затратами энергии, ее переходом в окружающую среду. Таким образом, высказывание обуславливается тем, что Авенариус называет «жизне-разностью»*, т. е. неполным совпадением «питания» и «работы», частичным или общим для системы перевесом ассимиляции над затратами энергии или наоборот, — колебанием энергии системы вверх или вниз от данного ее уровня, выражающего жизненное равновесие и психическое безразличие.

Но не всякая «жизнеразность» прямо ведет к высказываниям, а только такая, которая достаточно значительна и может вызвать поток иннервации, способный привести к заметным движениям организма. Громадная масса мелких и мельчайших жизнеразностей остается без внешнего проявления, пока не исчезнет путем внутреннего уравнивания системы или пока, суммируясь, не представит достаточную величину, чтобы выразиться в физических движениях. Но и крупные, жизненно важные жизнеразности могут не порождать высказываний: как известно, это бывает, во-первых, в случаях патологических, при повреждении или разрушении нервных проводников, передающих иннервацию, при атрофиях и поранениях мускулов и т. д. — вообще при всевозможных паралитических и паретических состояниях частей организма; во-вторых, что еще важнее, это бывает и в случаях вполне физиологических, вследствие задерживающего влияния одних центров на другие, когда начинающийся поток иннервации непрерывно подавляется, так что не переходит в настоящие двигатель-

ные реакции. В таких случаях переживание не связывается непосредственно с высказыванием. Человек, например, может испытывать боль (что соответствует быстро наступающему перевесу затрат энергии системы над ее ассимиляцией) и не выражает ее либо потому, что боль слишком незначительна, либо потому, что не имеет возможности ее выразить вследствие ненормального состояния организма, либо потому, что желает скрыть ее и подавляет ее внешние проявления.

При современном состоянии психофизиологии наиболее вероятным представляется такой взгляд: всюду, где опыт дает нам переживания без высказываний, там при достаточном исследовании возможно обнаружить жизнеразность центрального аппарата; если же фактически обнаружить ее в таких случаях удастся не всегда, то это зависит от грубости наших методов, — и с их развитием исследование все реже приводит к неудовлетворительным результатам.

Принимая это во внимание, естественно признать, что *область жизнеразностей и область переживаний вообще совпадают*. Такая

точка зрения сразу дала бы нам возможность в стройной картине представить отношение жизни психической и жизни физиологической; но перед нами немедленно выступают различные затруднения.

Прежде всего, если в нашем опыте при наличии переживаний не всегда удастся констатировать жизнеразности, то действительно ли это обусловливается только недостатками методов исследования, и не может ли это, по крайней мере в некоторых случаях, зависеть просто от того, что жизнеразности вовсе нет? Вообще, можно ли считать доказанным, что полное равновесие системы сопровождается психическим безразличием, отсутствием переживаний? Считать это абсолютно доказанным при современном состоянии науки, разумеется, нельзя; но очень многие факты опыта говорят определенно в пользу этого и против всякого иного допущения.

В пределах существующего материала наблюдений можно считать установленным, что слабым жизнеразностям соответствуют и слабые переживания; что с уменьшением первых падает и интенсивность вторых; судя

по этому, сведение к нулю первых должно означать и прекращение вторых. Это особенно очевидно в тех случаях, когда причины, порождающие жизнеразность, легко поддаются объективному наблюдению и даже измерению, например в случае внешних раздражений, воспринимаемых органами чувств. Как ни сложна зависимость между раздражением и соответственным ощущением, но приближение к нулю первой величины означает приближение к нулю и второй, отсутствие жизнеразностей данного типа соединяется с отсутствием соответственных переживаний[25]. Затем, когда из жизни организма исключаются возбуждающие причины известного рода жизнеразностей, то устраняются не только переживания, ближайшим образом вызываемые этими причинами, но мало-помалу исчезают и те, которые косвенно обуславливаются ими. Если, например, человек ослепнет, т. е. если будет прегражден путь световым раздражениям, то прекращаются сначала зрительные восприятия, и это соответствует устранению жизнеразностей, получаемых от сетчатки. Но зрительные

представления временно сохраняются, очевидно, именно потому, что в оптических центрах, еще сохранивших известную неустойчивость равновесия, продолжают возникать жизнеразности отраженные — вызываемые влиянием других центров, а также колебаниями тонуса кровеносной системы — системы питания. С течением времени, однако, вследствие отсутствия специфических раздражений, в зрительных центрах должно сложиться относительно прочное, устойчивое равновесие, жизнеразности *прежнего типа* должны исчезнуть, — и соответственно этому утрачиваются последние остатки зрительных переживаний.

Против возможности переживаний при отсутствии жизнеразностей центрального аппарата говорят также очень важные биологические соображения. С точки зрения современной биологии психические переживания представляют систему *приспособления*; между тем при «идеальной» равновесии центрального аппарата он является «идеально» приспособленным (для этого момента), ему не к чему приспособляться, и психическая де-

тельность излишня. Вообще, при современном состоянии биологии и психологии вряд ли кто-нибудь даже и станет особенно защищать идею возможности психических переживаний, не связанных с колебаниями в физиологической жизни нервной системы. Поэтому гораздо важнее для нас другая сторона вопроса.

Существует очень много случаев, когда мы с уверенностью можем принять наличность в нашей нервной системе определенных жизнеразностей, и в то же время в психическом опыте соответственных переживаний не оказывается. Таковы, например, все жизнеразности, выступающие во время глубокого сна, наркоза и т. п. состояний. В бодрственном состоянии нередко тоже, особенно при сильной концентрации внимания на одной мысли или объекте, остаются «незамеченными», т. е. вне психического опыта, многие внешние воздействия, которые достаточно сильны, чтобы дойти до мозга и вызвать там жизнеразность. Иногда бывает даже так, что человек, который «сильно задумался», целесообразно реагирует на внешнее влияние, со-

вершенно «не сознавая» этого, например поправляет беспорядок своего костюма, отодвигается от открытого окна, «сам не замечая» своих действий. Здесь уже имеется не только жизнеразность, но на ее почве и «высказывание», однако связанных с нею переживаний в поле психического опыта нет. Все подобные факты приводят, по-видимому, к вполне определенному выводу: жизнеразности не всегда связаны со соответственными переживаниями. Если остановиться на этом выводе, то опять теряется возможность обобщающего, стройного, словом — монистического описания жизни в ее психических и физических проявлениях.

Для решения вопроса необходима критика психического опыта, т. е. выяснение границ *психического опыта* и его объективного познавательного значения.

IV

Мир психического опыта личности представляет из себя очень сложную, но связанную систему переживаний. Каждое из них более или менее прочно объединяется с другими так называемой «ассоциативной» связью,

и лишь в этой связи является частью психического опыта. То, что вне ее, вне психического опыта; то, что выпало из ее рамок, выпало из рамок психического опыта. Таковы бесчисленные «забытые» переживания, когда-то входившие в данную систему, но утратившие свою связь с нею. Человек сам ничего о них не знал бы, если бы они снова, уже косвенным путем, не вводились в сферу его опыта: высказывания других людей сообщают ему о его прежних высказываниях, с которыми необходимо должны были соединяться соответственные психические переживания. Так узнает человек, например, о большей части своих переживаний, относящихся к первым годам его жизни.

Как видим, границы психического опыта совпадают с границами той определенной связи переживаний, которую психологи называют «связью ассоциаций». Связь эта отнюдь не является постоянной и однородной во всех частях системы опыта, а выступает в самых различных степенях устойчивости и прочности. Есть комплексы переживаний, настолько прочно связанные со всеми

остальными, что их разрушение или выпадение сразу дезорганизует всю систему; таков сложный комплекс органических ощущений, воспоминаний, стремлений, называемый «я». Есть другие комплексы, соединение которых с остальными не так прочно и не так существенно для сохранения системы, но которые фактически неопределенно долго в ней сохраняются, время от времени всплывая при самых различных обстоятельствах; они-то главным образом и составляют то, что в обыкновенной речи называют «жизненным опытом» человека (в психологии — область «привычных ассоциаций»). Есть далее такие комплексы, связь которых с остальной системой слаба и мимолетна; они возникают, несколько раз всплывают в поле сознания и затем исчезают без следа, заполняя собою громадную область пережитого — забытого. Есть еще иного рода переживания, соединение которых с системой опыта до того непрочное и неуловимое, что они только на момент входят в поле психической жизни и совсем не попадают в область памяти — даже на время, — так что констатируются вообще

только косвенным путем. И это, как увидим, еще не предел; но прежде чем идти дальше, остановимся немного на этой группе переживаний.

В громадном большинстве случаев наше восприятие окружающей среды бывает крайне неполно. Некоторые части среды «привлекают наше внимание» и отчетливо выступают в поле сознания, в определенной координации с другими сознаваемыми переживаниями, входя таким образом в систему психического опыта; другие части «ускользают от внимания», не входят в общую координацию, а остаются для психического опыта как бы несуществующими («todte Werte», по выражению Авенариуса). Однако нельзя сказать, чтобы они вовсе не воспринимались, и нельзя даже принять, чтобы соответственные восприятия совершенно пропадали для психического опыта. Иногда случается, что спустя некоторое время человек при каких-нибудь необычных условиях, например при ненормальном возбуждении, вспоминая данное событие с его обстановкой, в поле воспоминания находит кроме фактов, занимавших его

сознание в момент события, также некоторые в то время ускользнувшие от него частности, причем эти прежде «мертвые» переживания воскресают с большой яркостью. Однако, если бы не возникли необычные условия, которые повели к воскрешению «мертвых величин», они остались бы мертвыми и никогда не попали бы в сферу психического опыта. Так это чаще всего и бывает. Пройдитесь, например, по незнакомой вам улице с большим движением публики, массой товаров в витринах, с яркими вывесками, — вы получите миллионы впечатлений, а между тем много ли из них вы сами в это время «заметите» и много ли из этих последних «вспомните» еще когда-нибудь?

Теперь предположим, что вы идете по той же улице, но в глубокой задумчивости, всецело погруженный в решение трудной математической задачи; до окружающего вас «нет никакого дела», оно для вас не существует. Тем не менее вы ведете себя так, как если бы видели и слышали все происходящее вокруг вас; вы даете дорогу дамам, обходите едущих извозчиков, извиняетесь, если кто-нибудь вас

толкнет... Для постороннего наблюдателя все это — высказывания, за которыми должны скрываться переживания. Но высказывания эти, как говорится, «машинальны», в них «нет души». Значит ли это, что они пусты, что они возникают без всяких переживаний? Конечно нет; но те переживания, которые в них выражаются, остаются вне организованной системы психической жизни; это изолированные переживания, и о них мы ничего не можем знать из непосредственного психического опыта.

В таком изолированном положении оказываются во многих патологических случаях целые обширные комплексы и последовательности переживаний, и иногда вовсе не слабых, а очень интенсивных, если судить по энергии высказываний. Вы наблюдаете лунатика и видите, что он предпринимает ряд действий, сложных и хорошо координированных, объединенных, по-видимому, определенной целью, словом — протекающих в такой гармонии и последовательности, как это бывает при обычных условиях на почве широкой ассоциативной связи психических

переживаний. Из последующих высказываний больного, наступающих по его пробуждении, вы узнаете, что вся его ночная жизнь совершенно не существует для его психического опыта. Сделаете ли вы из этого тот вывод, что все проявления лунатизма «вполне механичны», что никаких переживаний с ними не было связано? Но как примирить с этим тот факт, что лунатик в своих движениях тщательно различал мельчайшие условия среды, что он, идя по карнизу, где никогда не ходил наяву, очень искусно уравнивал свое тело и умел ставить ногу именно так, как того требовали неровности его ненадежной дорожки? Некоторые лунатики в своем странном сне пишут письма, т. е. вступают в общение с другими людьми с целью вызвать в них определенные переживания. Легко ли представить себе, что все это — чистый автоматизм? Но тогда не было бы никакого основания относиться иначе и ко всем обычным, нормальным высказываниям других людей, пришлось бы во всех, кроме себя, видеть оригинально устроенные машины с разнообразными и сложными движениями. При этом

потеряло бы всякий смысл общение людей, а с ним исчезла бы почва и вообще для объективного познания. Нет никакой надобности создавать такие бесцельные и безысходные познавательные противоречия; необходимо только принять, что некоторые группы переживаний протекают вне связи психического опыта, образуя обособленные частные координации, в том же смысле чуждые главной системе координации психических переживаний данного лица, в каком чужды ей психические переживания других людей[26].

Яркий пример того, насколько в некоторых случаях могут быть интенсивны переживания, лежащие за пределами психического опыта, представляют психоэпилептические припадки. Вместо того чтобы биться на земле в страшных судорогах, не имеющих и тени целесообразности, эпилептик иногда совершает ряд действий, по-видимому, сознательных, стихийно-энергичных, направленных нередко к непосредственному разрушению окружающего и тогда потрясающе ужасных в своей дикой неудержимости. Сила этих «высказываний» говорит нам о громадной ин-

тенсивности скрывающихся за ними переживаний; но от всего этого в поле психического опыта не остается никаких следов, если не считать последующего чувства утомления и как бы разбитости организма.

В некоторых случаях обширные группы переживаний, отделенные от главной системы психического опыта, образуют сложные и устойчивые координации того же типа, как и эта главная система, в которую они не вошли. Тогда перед нами получается то, что в психопатологии называют «раздвоением личности». Это своеобразное явление — наличие двух, а иногда и более психических особей в соединении с одной, по-видимому, особью физиологической — во многом остается еще загадкой и породило целый ряд взаимно противоречащих попыток научного объяснения; но для вопроса о критике психического опыта имеет значение только фактическая сторона дела, независимо от ее освещения той или другой гипотезой. Существуют достаточно точные наблюдения и вполне установленные факты, в которых совершенно ясно выступает явление широкой и слож-

ной организации переживаний за пределами данной системы психического опыта, но в связи с тем же нервным аппаратом, с которым она функционально связана.

В наиболее типичных и развитых случаях этого рода, каковы, например, часто цитируемые случаи докторов Азама, Камюсе, Мак-Ниша, дело происходит так. Вся психика больного периодически изменяется, переходя от одного состояния к другому и обратно — иногда таких различных состояний бывает и больше двух, — причем явным образом нарушается или даже прерывается прежняя ассоциативная связь психики, заменяясь новой. Иногда больной при этом совершенно теряет даже всякое воспоминание о том, что он думал, говорил и делал в предыдущем своем состоянии, — так было, например, в случае, описанном Мак-Нишем, и в одном из двух состояний Фелиды, пациентки Азама; иногда воспоминания сохраняются (другое состояние Фелиды), но пациент чувствует себя настолько психически изменившимся, что не может признавать себя за ту же самую личность, которая была перед этим. Меняется весь «харак-

тер» человека, его взгляды и манеры, и не только он сам считает себя «другим» человеком, но то же самое признают и окружающие — на основании общей картины его высказываний. Если воспоминание о предыдущей психической фазе сохраняется, то больной обозначает ее выражениями: «другой», «другой я» и т. п.; пациентка Дюфе характеризовала свое первичное (нормальное) состояние словами: «*guand moi est bete*». Если же предыдущая фаза совершенно забывается, а между тем это основная, «нормальная» фаза, соответствующая периоду до заболевания, то дело может доходить до того, что больному приходится заново учиться писать, читать и считать, частью даже говорить, и заново знакомиться со всей окружающей обстановкой. Так было с той американской дамой, о которой рассказывает Мак-Ниш: когда она приходила в свое «второе состояние», то знала только то, чему в этом состоянии научилась. Смена одной фазы другою происходит обыкновенно более или менее резко, иногда сразу и неожиданно, иногда после глубокого сна, иногда после своеобразного сумеречного со-

СТОЯНИЯ.

Как ни истолковывать подобные факты — видеть ли в них настоящую «множественность сознания» или, следуя другой гипотезе, обширные, растянутые во времени приступы истерии со значительными амнезиями, переменю органического самочувствия и т. д., — из них можно с несомненностью сделать один вывод: психическим опытом личности не исчерпывается вся сумма «переживаний», связанных с ее физиологическими процессами; за его пределами может оставаться масса различных переживаний, которые в обычных случаях бывают сравнительно изолированными и разбросанными, иногда же группируются в сложные единства, во многом аналогичные главной системе психического опыта. Эти побочные психические группировки могут даже временно вытеснять главную и вместо нее господствовать над областью высказываний, что и дает повод к представлению о «смене личностей» в упомянутых нами наблюдениях специалистов; аналогичную картину представляет также лунализм и психоэпилепсия. В других же случаях

удаётся наблюдать высказывания побочных психических группировок *одновременно и наряду* с высказываниями главного «сознания». Подобного рода факты также очень важны для вопроса о критике психического опыта, и на них следует несколько остановиться.

В экспериментах, многократно производившихся над истеричными субъектами, удавалось получать сложные, координированные, строго целесообразные высказывания в ответ на такие возбуждения, которые ни в каком случае не могли достигнуть «главного» сознания личности. Вот самые типичные примеры (из опытов П. Жанэ, Бинэ, Бабинского и др.). Пациентка, страдающая местными анестезиями, между прочим полной анестезией правой руки, помещена таким образом, что эта ее рука закрыта от нее ширмой. В руку вкладывают карандаш, складывают пальцы так, как надо для писания, и подкладывают бумагу. Так как пациентка не видит этого, а рука ее нечувствительна, то сама она ничего не знает об этом. Затем на тыльную сторону руки накладывают металлическую букву или какое-нибудь рельефное изображение, и

нечувствительная рука сама пишет карандашом эту букву или довольно точно вычерчивает изображение. При этом детали изображения воспроизводятся иногда с такой точностью, которая указывает на настоящую тактильную гиперестезию — в нечувствительной руке. В других опытах экспериментатор, помещавшийся сзади от пациентки, очень тихим голосом задавал ей вопросы в то самое время, когда ее внимание было совершенно отвлечено оживленным разговором с другими лицами; эти вопросы ни в каком случае не могли достигнуть «сознания» больной, и однако ее нечувствительная рука писала на них ответы карандашом, между тем как «сама» больная даже не знала о том, что в ее руку вложен карандаш.

Подобные эксперименты производились с успехом в самых различных вариациях, например с заменой обычных истерических анестезий — внушенными в состоянии гипноза[27]. Те высказывания, которые при этом получались, соответствуют, как видно из самой постановки экспериментов, не «сознанию» личности, не главной ее психической

координации, а другим группировкам переживаний, «подсознательным» существующим рядом с главным «сознанием» и до известной степени самостоятельно от него.

В сущности, с этими фактами вполне однородны все «машинальные» или «бессознательные» высказывания нормальных людей, высказывания, о которых мы говорили раньше: целесообразные реакции глубоко задумавшегося или вообще вполне поглощенного чем-нибудь одним человека на посторонние возбуждения, которых он не замечает. У истеричных субъектов эти явления только сложнее и ярче, что находится в очевидной связи с обычным сужением поля главного сознания, составляющим основную черту истерии. «Подсознание» истеричных, как и «второе сознание» при периодической смене личности, представляет собой *отдельно организовавшуюся* систему переживаний, оставшихся за порогом нормального психического опыта; в большинстве же случаев такой отдельной организации не создается, переживания вне главной системы протекают изолированными группами, причем иногда косвенно всту-

пают в связь с этой системой путем высказываний, наблюдаемых другими людьми или оставляющих материальные следы вроде написанного слова, рисунка, сломанной вещи и т. п.

Как видим, критика психического опыта, основываясь на сопоставлении его с опытом объективным, показывает, что область «непосредственных переживаний», связанных с физиологическим процессом, гораздо шире области психического опыта, которая обнимает лишь одну систему таких переживаний, не захватывая ни побочных, до известной степени самостоятельно организующихся систем, ни частных изолированных групп, ни изолированных отдельных переживаний. Соответственно этому должно быть расширено понятие о «непосредственных переживаниях» для решения вопроса о связи их с физиологической жизнью.

Насколько же именно следует расширить это понятие? Прежде всего очевидно, что надо принять наличность переживаний всюду, где имеются высказывания, хотя и оставшиеся вне связи личного психического опыта. Но

за высказываниями скрываются *жизнеразности*, именно те из них, которые настолько значительны, чтобы в достаточной степени нарушить равновесие двигательных центров и вызвать из них достаточно сильный поток энергии (в виде иннервации) по направлению к периферии. Между тем психический опыт сообщает нам о громадной массе таких переживаний, которые не выражаются в высказываниях, потому что связаны с более слабыми жизнеразностями, не способными вызвать внешние движения. Если это так, то мы должны принять, что и за пределами психического опыта «непосредственные переживания» существуют не только там, где они выражаются в заметных движениях, но и там, где соединенные с ними жизнеразности недостаточно для этого значительны. Таким образом мы приходим к выводу, что *область «непосредственных переживаний» человека, в сфере психического опыта и за его пределами, совпадает с областью жизнеразностей центрального нервного аппарата.*

Приняв такую точку зрения, мы не можем избежать вопроса, в каких же случаях

переживания входят в сферу психического опыта и в каких нет? Какие жизнеразности имеют ближайшее отношение к психическому опыту и какие нет? Ответ может основываться только на анализе основных психофизиологических данных, касающихся этого вопроса.

V

По своей основной характеристике психический опыт есть система определенных связей, именно ассоциативных. Поэтому переживания «вне опыта» — это те, которые не попали в данную систему связей, те, которые остались изолированными от главного потока переживаний. Ассоциативная цепь воспоминаний, представлений, стремлений, возбуждаемых всяким данным переживанием, выражает собою, с физиологической точки зрения, отраженные, вторичные жизнеразности, вызванные тем, что первоначальное нарушение равновесия распространяется по нервному аппарату, порождая в различных его частях колебания различной интенсивности и различной формы. Если жизнеразность изолированно протекает в некоторых эле-

ментах нервного аппарата, не вызывая отзвука в остальных, то соответственное переживание также должно оказаться вне связи психической жизни, потому что нет промежуточных (ассоциативных) звеньев, которые вводили бы его в эту связь. Эти общие соображения еще более подтверждаются, если рассмотреть типичные случаи жизнеразностей, не связанных с психическим опытом.

Громадное большинство наиболее слабых раздражений, действующих на организм человека, совершенно «не замечаются» в сфере сознания, не порождают доступных психическому опыту ощущений. И это вполне понятно: очень слабые жизнеразности не выходят из пределов ограниченного числа непосредственно затронутых элементов, так как нервные проводники представляют известное сопротивление передаче энергетических колебаний. Но в *некоторых* специальных случаях такие же слабые раздражения находят доступ в поле сознания; и это также физиологически вполне понятно: нервные клетки сами по себе заключают, как аккумуляторы, запас потенциальной нервной энергии, для разряже-

ния которой достаточно иногда и очень слабой жизнеразности, пришедшей извне, а раздражение это само может составлять уже гораздо более крупную жизнеразность, с гораздо более широким кругом последовательных колебаний в других частях нервного аппарата.

Как известно, человек делается восприимчивее к определенным слабым раздражениям именно тогда, когда его «внимание» направлено к их восприятию. С точки зрения наиболее принятых теорий внимания (вазомоторно-мускульных) акт внимания всегда связан с повышенным питанием тех элементов центрального аппарата, которые находятся в деятельном состоянии. Вы, положим, желаете рассмотреть детали отдельного предмета и внимательно в него вглядываетесь; это означает, что ваша сосудо-двигательная система путем расширения мелких сосудов, питающих деятельные участки мозга, направляет к этим участкам за счет других наибольшую сумму питания. Таким путем в соответственных оптически-мозговых клетках быстро накапливается потенциальная энергия, и

они превращаются в заряженные аппараты, при малейшем внешнем толчке разряжающиеся как бы взрывом энергии, вызывающим вторичные колебания во многих пунктах центральной системы. Вполне естественно, что при таких условиях в общую координацию психического опыта попадают даже сравнительно очень небольшие световые раздражения, соответствующие мелким деталям воспринимаемой картины. Естественно также и то, что для остальных частей мозга, питание которых, наоборот, понижено по сравнению с обычными условиями, энергия которых уменьшена, требуются более значительные жизнеразности, чтобы вызвать передачу колебания в различных направлениях на обширные области центральной системы; и потому в сфере, например, тактильных и слуховых, а также не захваченных актом внимания зрительных ощущений остаются «незаметными» для сознания такие раздражения, которые непременно были бы «замечены», если бы не было «отвлечено внимание».

Во время глубокого сна, наркоза, обморока постоянно наблюдается пониженное питание мозга — его анемия, слабое кровяное давление, медленность тока крови (вследствие уменьшенной работы сердца). При этом, очевидно, в кортикальных клетках-аккумуляторах напряжение собственно энергии очень понижено, и достигающие их возбуждения порождают лишь мелкие жизнеразности, не способные широко разлиться в мозговой коре. Кроме того, при обыкновенном сне, наступающем после дневного утомления, связи центрального аппарата бывают, по-видимому, нарушены вследствие другой еще причины: за время бодрствования в клетках и проводниках скапливаются различные продукты жизненного распада деятельных тканей, так что вследствие изменения химического состава возбудимость клеток и проводимость проводников очень значительно ослабляются. Возникающие жизнеразности, таким образом, остаются изолированными — и то же относится к соответственным переживаниям.

Впрочем, во сне, благодаря неравномерному распределению питания, а также сравнительно сильным раздражениям и прочим случайным комбинациям условий, легко наступающим в такой сложной системе, некоторые жизнеразности оказываются достаточно велики, чтобы вызвать ряд вторичных колебаний; тогда получаются сновидения. Распространение вторичных колебаний при этом может происходить и не по обычным путям, а по тем проводникам, которые, так сказать, наименее засорены продуктами жизнедеятельности тканей; вероятно, в зависимости от этого находится обычная бессвязность сновидений, нелепые превращения, которые в них выступают, и т. п.[28] При лунатизме же дело идет, очевидно, о вторичной, особой системе физиологических связей, в нормальном состоянии не функционирующей, а выступающей во время сна, когда главная система подавлена дневным утомлением. Психически это должно выражаться во второй, более узкой координации, подобной системе психического опыта. В несравненно более развитой форме является эта вторая си-

стема при «раздвоении сознания». Там она достигает такой сложности и приспособленности, что может надолго заменять первичную, главную систему в управлении жизнедеятельностью организма, а в некоторых случаях шаг за шагом совсем вытесняет главную систему, причем последняя атрофируется (как это было у больной Азама).

Связь явлений гипноза с необычным состоянием питания мозга несомненна: ослабленный пульс, некоторое побледнение лица, головная боль в случае резкого пробуждения указывают на анемическое состояние мозга при пониженном давлении крови. Поле «сознания» чрезвычайно сужено, но так как «сознание» сохраняется, то можно предполагать, что питание коры понижено не так равномерно повсюду, как, положим, при глубоком сне. Неравномерность эта выражается особенно ярко в фактах внушения; при общем ослаблении и дезорганизации жизни мозга путем повторяющихся внешних воздействий, например высказываний гипнотизирующего лица, поддерживается работа *некоторых* элементов мозга, и тогда эта работа происходит

именно в такой связи, которая обуславливается этими воздействиями, т. е. внушениями.

Тут много неясного и неизученного, но все указывает на возможность «психических» группировок вне главной системы психического опыта. Экспериментаторам удастся внушать полное забвение того, что пережил пациент за время гипнотического сна, причем из сферы психического опыта искусственно вырываются целые сложные ряды переживаний; удастся внушить не видеть или не слышать чего-нибудь в послегипнотическом состоянии, и это выполняется с большой точностью, указывающей на то, что организм хорошо различает и обособляет «невидимые» предметы и «неслышимые» звуки, но соответственные восприятия остаются вне связи психического опыта и его высказываний; удастся внушить сделать что-либо в определенное время после пробуждения, и в назначенный момент *забытое* внушение с непреодолимой силой вступает в поле психического опыта. Словом, путем внушения достигается до известной степени произвольное обособление некоторых групп пережива-

ний от общей и главной их системы, и введение их вновь в эту систему при произвольных условиях. Несомненно, что всему этому соответствуют значительные изменения в питании всего мозга и отдельных его частей, колебания, следовательно, как потенциальной энергии нервных клеток, так и проводимости нервных волокон, вообще — условия, изменяющие систему связей нервного аппарата, изменяющие границы и направление передачи в нем возникающих жизнеразностей. Таким образом, и здесь есть все основания предполагать, что группировкам переживаний соответствуют группировки жизнеразностей и наоборот.

Во всяком случае, нервный аппарат представляет одно жизненное целое, и потому вряд ли в нем возможны *безусловно* обособленные группировки связей; так что вряд ли возможны и *безусловно* отдельные группировки переживаний. Те комбинации переживаний, которые не входят в главную их систему, состоят из частей, которые сами входят в эту систему, только в иных сочетаниях. Если бы это было не так, нам не были бы понятны

высказывания, связанные с такими «внесознательными» группами переживаний. Когда, например, лунатик совершает разные действия, довольно обычные для него и наяву, то совершенно ясно, что за этими действиями скрываются целые довольно сложные ассоциации переживаний, которые при иных соотношениях фигурируют и в главном поле психического опыта, в «поле сознания». В других случаях — при мелких «бессознательных» реакциях, например человека, сильно задумавшегося, дело идет о более узких группах переживаний и о сравнительно простых психических комбинациях, которые при иных условиях выступают целиком в «поле сознания». И наконец, даже те внеопытные переживания, которые наиболее несложны и слабы, так что вовсе не выражаются внешним образом, — даже они, соответствуя жизнеразностям различных частных органов и клеток нервного аппарата, слагаются во всяком случае из тех же элементов, из каких и все переживания психического опыта.

Здесь мы пришли, в сущности, к тавтологическому положению. Как выяснено новейшей позитивной философией, элементы психического опыта тождественны с элементами всякого опыта вообще, так как тождественны с элементами опыта физического. Элементы опыта — цветовые, иннервационные, тактильные, акустические и прочие — элементы красного и зеленого, элементы протяжения, элементы твердого и мягкого, теплого и холодного, элементарные тоны и т. д., одинаково образуют и «тела» объективного, физического мира, и восприятия, образы, представления — мира психического. Разница только в типе группировки, в характере связи, которая является в одном случае — связью объективной закономерности, в другом — связью ассоциаций. Таким образом, вообще не может быть и речи о том, чтобы «внепсихические» переживания, соответствующие изолированным нервным процессам человеческого организма, по элементарному составу отличались от тех, которые входят в систему психического опыта. Надо только прибавить, что и *тип группировки элементов в тех и дру-*

гих переживаниях одинаковый, именно ассоциативный, как с несомненностью можно заключить из соответствующих тем и другим высказываний.

Вполне очевидно, что с нашей точки зрения теряет всякое принципиальное значение различие между «центрами сознания» и «центрами бессознательных реакций». Если какие-нибудь жизнеразности в своем распространении не выходят за пределы спинного мозга, или отдельного нервного узла, симпатической, например, системы, то соответственные переживания останутся «внесознательными» именно в том смысле, что они принадлежат не к той координации переживаний, которая образует наш «психический опыт». И так как жизнеразности центрального аппарата слагаются из жизнеразностей отдельных клеток, то с полным основанием можно принять, что всюду, где имеется нервная клетка и где возникает в ней жизнеразность, существует также нечто вполне аналогичное нашим «непосредственным переживаниям», хотя бы очень простое и слабое по сравнению с обычным содержанием поля на-

шего сознания.

Но этого мало. Нервная клетка, в процессе индивидуальной эволюции, есть результат развития и дифференциации клетки эмбриональной, а весь психофизический организм в биологическом процессе — результат эволюции самостоятельной клетки типа protozoa. Развитие не может создавать ничего нового *по существу*, а только новые и более сложные комбинации того, что *в виде элементов* имелось и раньше. Поэтому всюду, где есть живая клетка, мы должны — если признаем закон единообразия природы — принимать нечто принципиально однородное с нашими психическими переживаниями. Нет жизни без переживаний, нет «чисто физиологической жизни». Так устраняется тот невозможный, головокружительный скачок, который создают мыслители типа Дюбуа-Реймона в образе «первого ощущения», возникающего в лестнице биологического процесса.

Но не является ли зато неизбежным такой скачок там, где жизнь возникает из неорганических процессов? Конечно нет. Для нас не существует иной природы, кроме той, кото-

рая состоит из *элементов*, и эти элементы, при всем их разнообразии, одни и те же в опыте физическом и психическом, а тем более в природе неорганической и органической. Жизнь есть определенная *организация* этих элементов, а неорганический мир есть иная их комбинация, не обладающая никакой или только низшей организованностью. Только наша способность отвлечения делает неорганическую природу «безжизненной», что совершенно не соответствует всему смыслу нашего опыта, так как эта же неорганическая природа есть необходимая часть *нашей собственной* жизни. Непрерывное превращение в живых организмах неорганического материала в составную часть самих этих организмов, возможность постоянного обновления жизни из безжизненного с очевидностью говорит нам, что здесь дело идет только о различиях комбинаций, об изменяющихся отношениях, но не о тех абсолютных различиях, которые так дороги метафизикам. Материал сознания, жизни, всей природы всюду один; группировки его различны. Развитие жизни всегда означает одно и то же: это воз-

растание организованности в группировке элементов.

Не пришли ли мы тут к панпсихизму, к представлению всей природы по типу человеческого сознания? Всего меньше. Природа не есть нечто «психическое», это станет ясно, если хорошо понять, что именно называется «психическим». Психическое вовсе не «субстанция», а только *отношение*. Это определенная связь явлений, определенная *закономерность* опыта. Когда «элементы» опыта выступают для нас в объективной, общезначимой закономерности, мы называем комплексы этих элементов «физическими телами», когда закономерность иная, необъективная, необщезначимая (именно ассоциативная), мы называем комплексы «психическими». *Элементы* не имеют ни физического, ни психического характера; они вне этих определений. Панпсихизм, для которого вся природа слагается из психических комплексов, который «объясняет» физическое через психическое, выражает, следовательно, тенденцию свести объективную закономерность явлений к субъективной связи; это стремление

в высшей степени антинаучное. Идеал науки диаметрально противоположен этому: сведение всякой субъективной связи к объективной закономерности. В этом смысле материализм был всегда несравненно ближе к прогрессивным тенденциям науки; но он шел недостаточно далеко в анализе действительности, и вместо прямых элементов опыта — физического и психического — подставлял сложные комплексы, называемые «материей». Рассматривая же эти комплексы исключительно с точки зрения объективной закономерности, он был верен духу научного познания и потому представлял ближайшую ступень к научному мировоззрению. Он был более объективен и позитивен, чем спиритуалистические направления, но еще недостаточно объективен и позитивен. Истина и здесь, как бывает обыкновенно, была не в «золотой середине» между сталкивающимися направлениями, а вне их обоих. Прогрессивное мышление нашего времени к борьбе материализма и спиритуализма относится приблизительно так же, как к происходившей некогда борьбе протестантизма и католицизма.

ма: считая одно из двух направлений «более истинным», оно и им, однако, не может удовлетворяться.

Возвращаемся к нашей главной теме. На основании всего изложенного мы принимаем наличность переживаний всюду, где имеются жизнеразности органических процессов. Связь переживаний с жизнеразностями мы признаем постоянной, однообразной. Теперь постараемся точнее определить характер этой связи.

В. Психоэнергетика

I

Прежде всего, нам надо отчетливо установить самое понятие «жизнеразности». Дело в том, что Авенариус, создавший это понятие, придал ему формулировку, на наш взгляд, совершенно неудовлетворительную с биологической точки зрения. В его формулировке чувствуются остатки консервативного, статического понимания жизни, того, которое шаг за шагом устраняется в развитии эволюционного мышления. Эти остатки достаточно выяснить, чтобы отбросить.

В основе явлений жизни лежит подвижное равновесие энергии, двусторонний поток между жизненной системой и ее средою. Ассимиляция, усвоение энергии из внешней среды идет рядом с дезассимиляцией, потерей энергии, ее рассеянием в этой же среде. Полное равновесие обоих потоков во всех частях системы есть случай идеального консерватизма; такого консерватизма нельзя найти в действительности, но он — удобная абстракция, которая всего лучше может служить исходной точкой исследования. Всякий реальный процесс жизни представляет ряд непрерывных нарушений идеального консерватизма, то в одну, то в другую сторону.

Норма идеального консерватизма жизни сама есть *величина непрерывно изменяющаяся*. Каждый момент приносит какое-нибудь, хотя бы ничтожное, изменение во внутренних отношениях системы; в каждое последующее мгновение она уже не вполне та, что в предыдущее. Это вполне очевидно, если представить себе рядом целые обширные периоды жизненного цикла: равновесие жизни для ребенка не то же, что для старика, для юноши

не то же, что для зрелого человека. А так как превращение совершается непрерывно, то и бесконечно малые изменения каждого момента хотя незаметны, но несомненны.

Пусть равновесие жизни в течение некоторого времени нарушается в пользу ассимиляции: она преобладает над затратами энергии. Затем в известный момент обе стороны жизненного процесса уравниваются. Идеальное равновесие восстанавливается, но это уже не то равновесие, какое было до нарушения. Та общая сумма энергии, которую представляет система, больше прежней: организм вырос, ребенок стал юношей. Если бы система вернулась к прежнему равновесию, это означало бы понижение жизни, деградацию. Поэтому идеальное (мыслимое) равновесие системы вовсе не есть *идеал* жизни; или, вернее, это идеал, но статический, застойный, а не динамический, прогрессивный. В анализе жизненных колебаний нельзя упускать различия между возрастанием и понижением энергии системы, нельзя рассматривать оба случая как принципиально однородные. Но именно это делает Авенариус.

Ему дело представляется таким образом. В течение, положим, сна в жизненной системе [29] накапливается вследствие перевеса «питания» над «работой» избыток «питания». С избытком «питания» человек вступает в активную жизнь бодрствования, и *жизненная задача* организма — установить равновесие путем увеличения «работы». Авенариус не употребляет термина «жизненная задача», но именно таково его понимание данного процесса, потому что он считает, что перевес «питания» непрерывно уменьшает «жизнесохранимость» системы («Vital-Erhaltungswert»), и только соответственным возрастанием «работы» это уменьшение «жизнесохранимости» может быть сведено до *minimum'a*. В этом смысле для него совершенно однородны оба случая — и перевес «питания» над «работой», и перевес «работы» над «питанием».

Прежде всего нам надо устранить из исследования грубо материалистический и неточный термин «питание» («Ernahrung»). Процесс питания есть только главный путь ассимиляции внешней энергии системой, но не единственный путь. Есть все основания

думать, что энергия, например, мелких возбуждений, достигающих центрального аппарата по нервным проводникам, может ассимилироваться нервными клетками, повышая запас их потенциальной энергии. Термин «питание» без нужды затемняет дело, заставляя постоянно видеть в процессе жизненной ассимиляции — усвоение материальных частиц, тогда как дело идет о потоке энергии, для которого такие частицы являются лишь одною из обычных форм. Менее неудобен второй термин «работа»; но и он заставляет думать не о всех возможных типах дезассимиляции, а главным образом об одном — об иннервационном процессе; и уж во всяком случае с ним трудно связать, например, ту непрерывную затрату энергии клеток, которая выражается в рассеянии тепла; а игнорировать такие пути дезассимиляции нельзя и нельзя окончательно от них отвлечься, потому что жизненный процесс есть прежде всего процесс интегральный, динамическое целое.

Перевес «питания» над «работой» легко можно понимать в таком смысле, что жизненной системе доставляются извне запасы

энергии, которые она не успевает ассимилировать, которые ее как бы загромождают, нарушая течение ее жизнедеятельности, вызывая усиленные растраты ее энергии. В этом истолковании «жизнеразность» с перевесом «питания» окажется, конечно, жизненно вредным фактом, и ее устранение необходимо, чтобы поддержать «жизнесохранимость». Но ясно, что самое понятие «жизнеразности» применено тогда неправильно. «Жизнеразность» есть разность двух жизненных величин; но эти величины должны быть строго однородны — только тогда формула вычитания имеет научное значение. Если же сделать уменьшаемым количество энергии извне доставленной системе, которую ей еще только предстоит ассимилировать, которая, следовательно, является пока еще *чуждой, посторонней* для ее жизненного процесса, а вычитаемым — количество энергии, которая затрачивается системой, энергии, которая уже *принадлежит* системе, есть *ее собственная* энергия, то в вычитании окажутся сопоставлены две жизненно разнородные величины, и формула «жизнеразности» не имеет

научного значения. Надо сопоставить действительно происходящую ассимиляцию энергии системою с действительно происходящей дезассимиляцией — тогда только понятие «жизнеразности» пригодно для анализа. В своих определениях Авенариус, несомненно, склоняется к последнему, более научному понятию жизнеразности; но в своих выводах он постоянно переходит к первому, неточному понятию, и картина жизни системы С выступает в очень неверном освещении.

Для Авенариуса представляется бесспорным, что перевес ассимиляции над дезассимиляцией — мы назовем это «положительной» жизнеразностью — и перевес дезассимиляции над ассимиляцией — жизнеразность отрицательная — имеют принципиально одинаковое значение, именно — приближают систему к гибели или дегенерации, словом, означают *неприспособленность*. С биологической точки зрения такой взгляд, хотя до сих пор еще очень распространенный между физиологами, представляется совершенно недопустимым; он противоречит и общей

концепции прогресса жизни, и конкретным фактам развития.

Положительная жизнеразность, преобладание ассимиляции означает во всяком случае возрастание энергии системы, именно потенциальной энергии, которая может затем тратиться в жизненном процессе. Очевидно, что в борьбе за жизнь система должна, при прочих равных условиях, сохраняться тем дольше, побеждать тем вернее, чем больше энергии она способна затратить на эту борьбу, чем выше сумма потенциальных сил, которыми располагает система. Поэтому именно положительные жизнеразности представляют из себя *количественную сторону биологического прогресса*. Наоборот, жизнеразность отрицательная, перевес затрат энергии, ведет к понижению потенциальной энергии системы, к уменьшению ее сил в жизненной борьбе; это *количественная деградация системы*. Оба типа явлений взаимно противоположны по жизненному значению, и их нельзя ставить под одну скобку.

Всю первую половину жизненного цикла организма, от зарождения до полной зрелости,

сти, с полным основанием принято считать прогрессивной эволюцией, возрастанием жизнеспособности организма, силы его сопротивления в жизненной борьбе с внешней природою. Между тем вся эта половина эволюции в своей основе имеет *положительные жизнеразности*, перевес ассимиляции, то накопление энергии, которое обозначается как «процесс роста» организма. Когда же преобладание переходит на сторону отрицательных жизнеразностей, начинается вторая половина жизненного цикла: энергия системы шаг за шагом падает, система деградирует.

Чтобы устранить еще некоторые сомнения в вопросе о том, как следует истолковать эти основные жизненные факты, я позволю себе привести несколько строк, написанных мною несколько лет тому назад в другой работе[30].

«...Эпоха относительного равновесия — зрелый возраст есть вместе с тем эпоха наибольшей приспособленности системы. Не следует ли вывести из этого, что равновесие системы и должно признаваться ее „идеальным состоянием“?»

Чтобы убедиться в том, насколько такая мысль неправильна, достаточно вспомнить те случаи, когда жизненное равновесие достигается преждевременно. Если процесс роста задерживается в детском возрасте, не доходя до нормы, то равновесие системы выступает в соединении с весьма невысокой жизнесохранимостью; жизнесохранимость эта значительно меньше той, которая наблюдается при одинаковых прочих условиях, но при обычном перевесе „питания“ над „работою“.

Впрочем, вряд ли кто станет утверждать, что высокая приспособленность зрелого возраста зависит именно от того, что устранены нормальные жизнеразности детства и юности, перевес „питания“ над „работою“. Вероятно, всякий согласится, что здесь высокая приспособленность достигается в значительной мере именно *благодаря* этим жизнеразностям, *благодаря* тому возрастанию энергии системы, которое ими создано».

Все это представляется довольно элементарным и бесспорным. Но такова ли точка зрения Авенариуса? Вот что говорит он в сво-

ей «Критик der reinen Erfahrung» (Bd. 1. S. 63–64):

«Aus dem Mutterschoss, diesem Sanktuarium der Erhaltung, wird das Kind vertrieben: ausgestossen in eine fast absolut andere, neue, ungewohnte, nur zum Teil noch erhaltungsfreundliche Umgebung. Nun ist es ausgesetzt den Anderungen, die ihm aus der Umgebung und deren Wandlungen erwachsen; und ausgesetzt wird es alsbald sein den Schicksalen, welche ihm die typischen Anderungen des eigenen Entwicklungsganges aufdrängen. Und das heisst: das System C ist durch die Geburt aus einer annähernd idealen Umgebung in eine nichtideale Umgebung versetzt worden. ...Und unsere Aufgabe wird somit zunächst darauf gerichtet sein, bie Anderungen des Systems C zu analysieren: sofern sie als Verminderung des vitalen Erhaltungswertes des Systems C oder aber als Behauptungen, dieses Systems unter solchen Verminderungen zu denken sind».

(«Младенец насильственно удаляется из чрева матери, этого святилища сохранения

жизни, он выбрасывается в новую, почти абсолютно иную среду, непривычную, только отчасти благоприятную для поддержания его жизни. Тут он подвергается изменениям, которые возникают для него из условий среды с происходящими в ней переменами; и затем ему предстоит переживать те судьбы, которые с необходимостью навязываются ему типической последовательностью изменений в его собственном цикле развития.

Другими словами: система С путем акта развития перемещается из среды, приблизительно соответствующей идеалу, в среду идеальную.

...Наша ближайшая задача заключается в том, чтобы анализировать изменения системы, а именно постольку, поскольку их придется рассматривать либо как *уменьшения жизнесохранимости системы С*, либо как *акты-поддержания* этой системы при наличности (среди) таких уменьшений».)

Таким образом, для Авенариуса с самого рождения ребенка начинаются «уменьшения жизнесохранимости», которые идут вплоть до наступления смерти и, к счастью, ею за-

канчиваются. Куда же девается с этой точки зрения весь период прогрессивной эволюции человека?[31] Сущность дела заключается в абсолютном характере самого понятия жизнесохранимости у Авенариуса.

«Da, wie das ganze System C, so auch seine Bestandteile, bez. seine Formelemente, entstehend und vergehend gedacht werden, so muss — wenn für irgend einen Zeitpunkt der verlangte denkbar grosste vitale Erhaltungswert des Systems C angenommen wird, mit demselben eine absolute Erhaltung aller centralen Partialsysteme, bez. Formelemente, angenommen werden; d. h. der denkbar grosste vitale Erhaltungswert des Systems C ist als die Summe der denkbar grossten Erhaltung aller seiner Bestandteile, bez. Formelemente, zu denken» («Kritik der reinen Erfahrung». Bd. 1. S. 66).

(«Как систему С в ее целом, так и ее составные части — соответственно этому, и ее форменные элементы (клетки. — А.Б.) — мы представляем в процессе возникновения и разрушения; поэтому если для какого-нибудь момента времени мы принимаем означен-

ную наибольшую мыслимую величину жизнесохранения, то тем самым мы принимаем абсолютное сохранение всех частичных систем центрального аппарата и соответственно этому всех форменных элементов: другими словами, идеальная наибольшая жизнесохранимость системы С должна мыслиться как сумма идеально наибольшей жизнесохранимости всех ее составных частей, — всех ее форменных элементов».)

Оперируя с такими «абсолютными» величинами, нельзя, разумеется, дать верной картины прогрессивного развития жизни: всякое, даже самое целесообразное для жизненной борьбы изменение системы представится как нарушение, как «уменьшение» («*Verminderung*») абсолютного сохранения жизни, которого нигде не наблюдается в природе. В сущности, даже с логической стороны эта концепция очень сомнительна: где есть абсолютный консерватизм, там нет жизни, потому что жизнь немислима без представления активности, борьбы с внешней средой: а где нет жизни, там неправильно и говорить о какой бы то ни было «величине сохранения».

жизни». Но даже оставляя это в стороне, концепция идеального консерватизма совершенно несостоятельна с биологической точки зрения.

С тех пор как эволюционные идеи проникли в область наук о жизни, статическое представление о неизменных, абсолютно установленных формах жизни делалось все более непригодным, и день ото дня вытеснялось из научного мышления. Дарвинизм, наконец, довершил гибель этого представления, показав, что условием действительного сохранения жизни является, вообще говоря, *изменение* ее форм. Только прогрессивное приспособление к среде с ее непрерывно изменяющимися влияниями гарантирует всякой данной форме жизни ее сохранение; и это сохранение означает, конечно, не абсолютный, а только относительный консерватизм. Но зато оно может означать и нечто большее, чем какой бы то ни было консерватизм, — именно возрастание, прогресс жизни. Задача биомеханики — понять этот прогресс, дать его верное и стройное изображение для познающего. Раз такая задача поставлена, формулы,

построенные на идее абсолютного консерватизма, становятся познавательно бесполезны.

Сам Авенариус оказывается не в состоянии строго выдержать ту точку зрения, на которую он стал благодаря непригодной абстракции «абсолютного сохранения системы». Между тем как во всей почти своей работе он видит в ходе жизненных колебаний только «уменьшение жизнесохранимости» и «поддержание (Behauptungen) системы среди таких уменьшений», в главе о «конгрегальных системах» (коллективностях, как, например, семья, общество) у него выступает неожиданно «увеличение жизнесохранимости» («Kritik der reinen Erfahrung». Bd. 1. S. 165):

«...Je mehr sich die Teilsysteme im Sinne gegenseitiger Vermehrung des vitalen Erhaltungswertes behaupten, desto gunstiger sind die Bedingungen fur die Erhaltung des Gesamtsystems».

(«Чем более самосохранение частичных систем (например, отдельных личностей. —

А.Б.) совершается в таком направлении, что они взаимно увеличивают свою сохранность, тем благоприятнее условия для сохранения всей системы»[32]).

В оправдание своей мысли, что всякая жизнеразность означает непосредственную непригодность системы, Авенариус указывает на некоторые конкретные факты. Но факты эти частью неверно истолкованы, частью говорят против мнения Авенариуса.

Все те случаи, когда жизненной системе доставляется слишком много «питания» при сравнительно нормальной «работе» и когда она вследствие этого расстраивается, оказывается непригодной, — все эти случаи не имеют прямого отношения к вопросу. Мы уже указали, что доставка питания совсем не то, что его ассимиляция, и не может рассматриваться как одна из двух сторон жизненного равновесия; когда доставляемое извне питание не ассимилируется тканями, то оно остается в них как инородное тело, в виде, например, жировых отложений и, стесняя жизнедеятельность тканей, легко может вести к их атрофиям и перерождениям; но при этом

дело будет идти именно о чрезмерной растрате энергии живыми тканями, благодаря хронически действующему вредному влиянию, а не о чрезмерной ассимиляции. А когда ассимиляция повышенного питания удастся и не покрывается повышенными затратами, тогда наблюдаются только явления роста, в которых нельзя видеть неприспособленности.

Частный случай такого же рода представляет проводимый Авенариусом психиатрический пример — маниакальная экзальтация и мания. При них главное физиологическое явление — это гиперемия мозга, «also ein zuviel an Ernährung» («стало быть, излишек в питании»), замечает Авенариус. Но в том-то и дело, что гиперемия означает лишь усиленную доставку питания, а не его повышенную ассимиляцию, и термин «питание», взятый в его вульгарном значении, явным образом спутывает мыслителя. Происходит ли действительная ассимиляция той массы сырого материала, которая при мании доставляется мозгу кровеносной системой, или, напротив, нервными клетками приходится затрачивать массу энергии, чтобы только освободиться от за-

громождающего ткани и стесняющего их жизнедеятельность неусвоенного материала? В ответе на этот вопрос вряд ли возможны сомнения — всякая живая клетка может ассимилировать питание лишь в ограниченных размерах, а тем более нежная ганглиозная клетка головного мозга, да еще при таком неблагоприятном условии, как длительное увеличение внутричерепного давления.

Но этот пример при ближайшем анализе еще более очевидным образом говорит против Авенариуса. В начале развития маниакальной экзальтации, пока гиперемия еще не очень сильна и клеткам удастся ассимилировать избыточное питание, организм проявляет временное повышение жизни, патологический характер которого обнаруживается лишь в дальнейшем; вначале дело сводится только к некоторому приятному возбуждению, которое сопровождается скорее повышением, чем понижением физического здоровья; жизненная упругость тканей возрастает, мускульная сила увеличивается, общий вид человека улучшается; все это, и особенно хорошее самочувствие, свидетельствует о

том, что перед нами — некоторое *возрастание непосредственной приспособленности*, а не ее уменьшение. Между тем вопрос заключается именно в *непосредственном*, прямом значении данной жизнеразности; если же затем выступают яркие явления настоящей болезни — не приспособленности, то ведь и жизнеразность изменяет свой знак — из положительной переходит в отрицательную: нервная ткань уже не может справиться с массой материала, приносимого кровью, и он нарушает всю ее жизнедеятельность, да кроме того, громадное количество энергии тратится на бесчисленные импульсивные движения, в результате которых вся система еще отравляется возникающими в чрезвычайно увеличенных размерах продуктами жизненного распада функционирующих тканей. Словом, пока ассимиляция преобладает, жизнь непосредственно повышается, когда получает перевес дезассимиляция — жизнь падает. С точки зрения Авенариуса, совершенно нельзя объяснить состояния больного на первых стадиях маниакальной экзальтации.

Наибольшее значение Авенариус придает тому общему факту, что *недостаток работы* ведет к вырождению и гибели форменных элементов. Но здесь достаточно небольшого анализа, чтобы увидеть коренную ошибку Ткани, которые недостаточно работают, как указывает сам Авенариус, *атрофируются*, т. е. во всяком случае теряют энергию, следовательно — «питаются» недостаточно, ассимилируют меньше, чем дезассимилируют (самое слово «атрофия» означает недостаток питания). И это вполне понятно: работа есть необходимый *физиологический стимул* питания, и вообще ассимиляции; ткань, которая очень мало работает, еще меньше питается, и оттого-то она не растет (как было бы при действительном перевесе «питания»), а уменьшается и становится дряблой. Отложения жира, которые при этом большей частью получаются, отнюдь не означают излишка ассимиляции: это инородное тело для ткани.

Несомненно, что бывают случаи, когда продолжительный перевес ассимиляции ведет к кризисам и даже гибели жизненной системы; но и эти факты при ближайшем исследовании

довании не подтверждают взгляда Авенарисуса. Дело в том, что до тех пор, пока ассимиляция действительно преобладает, организм благоденствует. Поворот в состоянии организма совпадает с поворотом жизнеразностей. После ряда лет привольной жизни наступает пресыщение или сплин. Является хроническое сжатие мелких сосудов — судорожное состояние вазомоторной системы: затрачивается масса нервной энергии на это повышение иннервации бесчисленных кольцевых мускульных волокон, окружающих мелкие сосуды, и в то же время уменьшается поверхность, через которую происходит питание тканей. Положительные жизнеразности сменяются отрицательными — «благо во зло обратилось». Но пока превращение не произошло, оно было все-таки «благом», а не «злом»[33].

Таким образом, мы должны строго различать жизнеразность положительную, которая имеет непосредственно прогрессивное значение для жизни, и «отрицательную», значение которой непосредственно регрессивно. *Косвенное*, а вместе с тем и *конечное*

значение той или другой может быть и иное: повышение энергии системы может вести за собою нарушение стройности ее функций, а понижение энергии — восстановление этой стройности; но тогда это и выражается в случаях первого рода — последующим понижением энергии системы, в случаях второго рода — наоборот. Но и в таких *колебаниях* приспособленности непосредственное жизненное значение жизнеразностей остается все то же, положительное или отрицательное, соответственно их знаку — плюс или минус.

II

Вопрос о жизнеразностях положительных и отрицательных в настоящий момент интересует нас лишь постольку, поскольку возможно установить определенную и необходимую связь с «непосредственными переживаниями». При этом, само собой разумеется, дело может пока идти только о самых общих выражениях зависимости.

Всем без исключения переживаниям свойственно то, что психофизиологи называют обыкновенно «чувственным тоном» и что Авенариус обозначает термином «аффекцио-

нал» — окраска удовольствия и страдания[34]. Окраска эта имеет явно количественный характер: удовольствие, страдание, находясь в данном переживании, могут быть «больше» или «меньше», различие же между «удовольствием» и «страданием» есть различие алгебраического знака: как величины положительная и отрицательная, удовольствие и страдание, соединяясь в поле психического опыта, взаимно уменьшают или уничтожают друг друга.

Различается немало «качественных» оттенков удовольствия и страдания, но это не мешает тому, что как величины все «удовольствия» и все «страдания» взаимно сравнимы, соизмеримы[35], хотя, разумеется, такое сравнение труднее для наблюдателя, чем различные «качественные» оттенки. Наша же задача заключается, к счастью, не в таких сравнениях, а в выяснении самой общей зависимости между алгеброй аффекционала и алгеброй жизнеразностей.

Вопрос о биологическом значении чувственного тона не может вызывать особенных сомнений: так как удовольствие есть то,

к чему организм стремится, а страдание — то, чего он избегает, то с эволюционной точки зрения удовольствие должно означать некоторое повышение жизни, а страдание — ее понижение; если бы дело обстояло иначе, то организм имел бы фальшивого руководителя в своих стремлениях и неминуемо скоро погибал бы. Конечно, и в действительности этот руководитель не идеально надежен — удовольствия бывают иногда вредны по результатам, страдания полезны; но в общем совпадение приятного с жизненно полезным и неприятного с жизненно вредным достигается, бесспорно, в достаточной мере.

Представляя собой *непосредственную* характеристику переживаний, удовольствие и страдание означают, очевидно, непосредственно полезное и вредное для системы, именно для центрального нервного аппарата, *непосредственное* повышение или понижение его жизни. Именно такое не непосредственное значение имеют в физиологической жизни положительные и отрицательные жизнеразности; поэтому как нельзя более естественно принять, что положительный

чувственный тон, удовольствие, соответствует положительной жизнеразности — повышению энергии системы, а отрицательный чувственный тон, страдание, — отрицательной жизнеразности — понижению энергии. И этот вывод может быть подтвержден массой фактов.

Резюмируя эти факты в сжатой формуле, можно сказать: из собственного опыта всякому известно, что страдание истощает нервную систему, понижает энергию ее жизнедеятельности, тогда как удовольствие увеличивает силы, повышает энергию жизнедеятельности. Что же касается тех несравненно менее многочисленных случаев, когда наблюдается, по-видимому, противоположное отношение, то они вполне объясняются тем, что *последующие результаты* некоторых жизнеразностей не соответствуют их *непосредственному*, прямому значению: в зависимости от определенной суммы условий данное повышение энергии может повести к гораздо большему затем понижению, и наоборот. Но непосредственный смысл всякого аффекционала от этого не изменяется[36].

Так как наше представление об аффекционале вытекает из принятого нами взгляда на жизнеразности, то вполне естественно, что иное понимание жизнеразностей должно вести и к иной точке зрения на аффекционал. Для Авенариуса всякая жизнеразность означает непосредственную непригодность; поэтому у него удовольствие означает уменьшение или прекращение какой бы то ни было жизнеразности, а страдание — возникновение жизнеразности или ее возрастание. Это совершенно логичный вывод из неверной посылки, и, как таковой, он не может не стоять в противоречии с действительностью.

Некоторую биологическую несообразность этого вывода легко заметить уже с первого взгляда. Если в системе устанавливается определенная жизнеразность — положим, отрицательная, которая долгое время держится на одной высоте или очень мало колеблется в ту и другую сторону, — то аффекционал должен отсутствовать. Между тем ясно, что система при этом идет к разрушению и если жизнеразность велика, то очень быстро. Аф-

фекционал не дает организму никаких указаний: между тем именно от него зависит направление дальнейших жизненных проявлений системы, он — стимул ее борьбы против неблагоприятных условий. Ясно, что он оказывается биологически несостоятелен — результат, во всяком случае, довольно мало вероятный.

Существует целый ряд случаев, когда окраска удовольствия соединяется с несомненным нарушением имевшегося налицо относительного равновесия системы: это все «приятные неожиданности». Человек находится в спокойном, безразличном настроении, и вдруг почта приносит ему известие, которого он вовсе не ожидал, но которое кажется ему очень хорошим, или вдруг случайная комбинация мелких обстоятельств наталкивает его на открытие, к которому он во все не стремился, но которое кажется ему ценным. Какие при этом устраняются жизнеразности? Совершенно наоборот, они возникают, но это — положительные жизнеразности. Да и вообще картина физиологических проявлений радости, по сравнению со спо-

койным состоянием организма, всего меньше говорит об устранении жизнеразностей, о приближении к идеальному равновесию. Расширение мелких и мельчайших сосудов мозга — основной симптом приятных эмоций — с очевидностью говорит об увеличении ассимиляции в центральном аппарате; и только как производное явление выступает затем возрастание также и затрат энергии, в виде повышения произвольной иннервации (движения, выражающие радость).

Со стороны внешних проявлений эмоцию радости очень напоминает состояние маниакальной экзальтации. Сам Авенариус, как мы видели, указывает на эту болезнь как на пример отрицательного значения той жизнеразности, которая заключается в перевесе «питания». Странно, как Авенариус не заметил, что этот пример прямо подрывает принятую им теорию аффекционала. Ведь самочувствие больного, особенно в начале болезни, когда еще только возникает гиперемия мозга, а с ней и положительная жизнеразность, бывает *приятное*. По Авенариусу, оно должно было бы оказаться неприятным.

Особенно трудно понять с точки зрения разбираемой теории действие наркотических ядов на психическую систему. Начальные стадии этого действия характеризуются приятным возбуждением. Значит ли это, что, например, морфий или алкоголь, отравляя нервную систему, приближает ее к идеальному равновесию ассимиляции с дезассимиляцией? Но для этого надо принять, что такие яды имеют два противоположных физиологических действия: относительное увеличение ассимиляции при перевесе дезассимиляции и ее уменьшение, когда она преобладает над дезассимиляцией. Более чем натянутое истолкование фактов. Гораздо вероятнее, что дело сводится просто к временному повышению энергии системы (разумеется, *только* временному).

Не подлежит сомнению, что отрицательные эмоции в основе имеют отрицательную жизнеразность. Печаль, например, в своих физиологических проявлениях, бесспорно, указывает на недостаточную ассимиляцию: сжатие мелких артерий и капилляров, с усилением, следовательно, иннервационных за-

трат в вазомоторной системе и с уменьшением поверхности питания тканей, составляет основную черту эмоции. От этого и зависит истощающее действие печали на нервную систему. Предположим теперь, что эмоция печали выступает при наличии общего перевеса ассимиляции; в таком случае начало эмоции, пока она только устраняет это неравенство и приближает систему к равновесию, должно иметь *приятную* окраску. Действительность, однако, не дает нам такого психофизиологического абсурда.

Легко видеть, что все указанные нами трудности вовсе не существуют для той точки зрения, которая принята нами: факты целиком укладываются в ее рамки. Поэтому если Авенариус и считал свои воззрения на жизненное значение жизнеразностей, а стало быть, и на природу аффекционала «*wissenschaftliches Gemeingut*» — общенаучным достоянием, то он в этом ошибался; правильнее было бы характеризовать данное воззрение как весьма распространенный между физиологами предрассудок, каких всегда немало держится в науке[37]. Устраняя

этот предрассудок, надо принять ту точку зрения, которая является наиболее простой и естественной, ту, которая ясно формулирована уже Спинозой в его «Этике» (конечно, в терминах «силы», а не энергии) и которая может быть в значительной мере связана с воззрениями Мейнерта. Эту точку зрения сжато можно выразить так:

аффекциональный знак переживаний совпадает с алгебраическим знаком жизнеразностей.

III

Переживания — это величины в полном смысле слова. Они обладают не только «знаком» (аффекциональным — положительным или отрицательным), но и тем, что соответствует алгебраическому понятию абсолютной величины — именно *интенсивностью*. Правда, точное измерение их интенсивности представляет большие затруднения, но это не изменяет принципиального значения их измеримости. Жизнеразности — также величины, они измеримы *энергетически*. Принимая постоянную связь переживаний с жизнеразностями, мы приходим, следовательно, к за-

даче выяснить связь двух рядов величин — ряда интенсивностей для переживаний, ряда энергетических значений для жизнеразностей. Опыт, благодаря отсутствию точных способов измерения, дает лишь приближительные и очень неопределенные зависимости; переходя к более точным формулировкам, надо заранее иметь в виду их неизбежно гипотетический характер, конечно, с большею или меньшею степенью вероятности и обоснованности.

Из данных психофизиологии несомненно следует, что интенсивности переживаний, вообще говоря, тем больше, чем больше величины жизнеразностей, и наоборот, но этим еще не дана точная формула их связи: остается неизвестным, возрастают ли одни величины пропорционально другим, или одни медленнее, чем другие, или в каком-нибудь изменяющемся отношении, словом, по какому именно закону происходит возрастание одних с возрастанием других. Первое и самое естественное предположение — это мысль о пропорциональности переживаний и жизнеразностей: так как между теми и другими мы

не можем представить себе никаких посредствующих звеньев, то сама собой навязывается идея о наиболее непосредственной и прямой связи, о взаимно пропорциональном изменении тех и других величин.

Но принять такую точку зрения можно только в том случае, если в нашем опыте не оказывается фактов, которые прямо бы ей противоречили. Между тем психофизика, *по-видимому*, дает такие факты; в этом смысле легко, *по-видимому*, истолковать закон Вебера-Фехнера.

Психофизический закон Вебера-Фехнера говорит, что *ощущение растет пропорционально логарифму раздражения*, другими словами, что внешнее воздействие на периферические аппараты нервной системы обуславливает в психическом опыте переживание не *пропорциональное* самому этому воздействию, а пропорциональное только его логарифму (при некотором определенном основании). В более простой форме эта зависимость выражается так: когда раздражение увеличивается в геометрической прогрессии, ощущение растет в арифметической; напри-

мер, если один ряд (раздражения) представляет величины 1, 2, 4, 8, 16, 32... то другой (ощущения) выразится в соответственных величинах 0, 1, 2, 3, 4, 5... Таково приблизительное выражение этого закона, имеющего также очень приблизительный характер.

Закон Вебера-Фехнера легко наводит на дуалистические представления об опыте и познании; он как будто указывает на то, что в психическом опыте закономерность *принципально* иная, чем в опыте объективном, «физическом»: геометрические отношения одной области соответствуют арифметическим отношениям другой. Но такие заключения, в сущности, очень поспешны и поверхностны.

Раздражение не находится в *ближайшей* связи с ощущением; в такой связи с ощущением находится *жизнеразность*, вызываемая передачей раздражения при посредстве нервных проводников центральному аппарату. А есть ли достаточные основания думать, что жизнеразность пропорциональна порождающему ее раздражению? Основания для такой мысли, по меньшей мере, шатки.

Передача внешних воздействий в живом организме отнюдь не имеет грубо механического характера; это крайне сложный ряд физико-химических процессов, в результате которых могут получаться изменения центрального органа, ни качественно, ни количественно не состоящие в *прямом* и *простом* соотношении с изменениями периферических аппаратов. Напротив, с точки зрения биологической борьбы для жизненной устойчивости системы выгодно, чтобы более сильные воздействия среды передавались в более ослабленном виде — иначе бы они чересчур жестоко потрясли систему и слишком быстро ее разрушали; для организма, следовательно, является жизненно целесообразным такое устройство, при котором жизнеразности возрастают медленнее, чем их внешние стимулы, например хотя бы в логарифмическом отношении.

С другой стороны, логарифмическая функция чрезвычайно распространена в сфере *физических* и *химических* процессов. Она выступает на сцену во всех тех случаях, когда явление происходит так, что скорость изменения

выражающей его величины пропорциональна этой самой величине; такова, например, та формула, которая применима при «физических» и «химических» реакциях растворения, где скорость реакции уменьшается с уменьшением количества того вещества, которое еще может быть растворено, или при охлаждении тела в среде с постоянной температурой, где скорость охлаждения уменьшается по мере уменьшения разности температур тела и его среды и т. п. Во всех подобных случаях промежуток времени между двумя определенными фазами процесса оказывается пропорционален логарифму величины, выражающей геометрическое отношение этих фаз[38]. И в занимающем нас вопросе важно выяснить, нет ли каких-нибудь указаний на то, что логарифмическое отношение выражает зависимость между различными физиологическими процессами, а не прямо между физиологическими и психическими.

Нетрудно убедиться, что для такой мысли есть серьезные основания. Прежде всего припомним к той сумме экспериментальных данных, которые резюмируются в законе Ве-

бера-Фехнера.

Опыты исследователей были поставлены так. На определенную чувствительную поверхность прилагалось определенной величины раздражение, например данный ограниченный участок кожи подвергался давлению пластинки, нагруженной гирями данного веса. При этом лицо, над которым производится опыт, получает, конечно, некоторое определенное ощущение. Затем увеличивают силу раздражения, в нашем примере величину груза, до таких размеров, чтобы перемена в величине действующей силы, именно внешнего давления, была только едва ощутима, но уже ощутима для субъекта опытов. Таких экспериментов выполняют очень большое количество, с различной величины раздражениями, по отношению к различным органам внешних чувств. При раздражениях более или менее обычных — средней силы — всюду оказывается, что минимальная доступная сознанию разница в ощущении получается тогда, когда раздражение увеличивается на определенную часть своей величины, для каждого данного органа приблизительно

одинаковую. Например, для осязания, чувства температуры, а также слуха минимальная заметная разница ощущения получается тогда, когда раздражение увеличено на $1/3$, для мускульного чувства — на $1/17$, для зрения — на $1/100$ (все это приблизительно, так как опыты, очевидно, не могут быть особенно точны). Если считать тот *minimum* ощущения, который уже отмечается сознанием, за единицу ощущения и алгебраически выразить найденную связь ряда раздражений и ряда ощущений, то получится именно закон Вебера-Фехнера.

Так обстоит дело, как мы сказали, для более или менее обычных раздражений — средней силы. Для самых слабых и самых сильных раздражений формула закона оказывается совершенно неточною: знаменатель прогрессии с каждым шагом меняется, именно увеличивается в ту и другую сторону, так что для получения минимальной разницы в ощущении раздражение должно возрасти сильнее, чем по формуле. Наконец, ниже известной границы раздражение уже совсем не вызывает ощущения, выше другой границы,

ощущение, достигшее *maximum*, перестает возрастать заметно для сознания.

Вся эта картина всего меньше способна внушить мысль о различных типах закономерности для физического и психического мира, потому что никакое определенное соотношение в ней не выдерживается с достаточной полнотой и строгостью. Скорее она наводит на представление о том, что центральный аппарат обладает лишь ограниченной чувствительностью к передаваемым нервами раздражениям: для самых слабых раздражений он слишком груб, чтобы на них реагировать, для самых сильных обладает только одной предельной реакцией, очевидно, исчерпывающей запас его специфической энергии данного рода, для остальных же в нем имеются достаточные внутренние сопротивления, чтобы задерживать или рассеивать энергию раздражения тем в большей мере, чем значительнее величина этой энергии. Тогда исчезает и всякая необходимость принимать непрямую и неуклюже колеблющуюся связь между «психикой» и «физиологией».

С точки зрения современной физиологии и гистологии нервного аппарата можно дать такую, чисто энергетическую, картину зависимости между внешними раздражениями и жизнеразностями центрального органа, в которой найдет себе место не только закон Вебера-Фехнера, но и все отклонения от него, главные и второстепенные. Заранее оговариваемся, что в рамках статьи, ради простоты и ясности, нам придется сильно схематизировать сложные гистологические и физиологические отношения; но сведущий читатель легко пополнит недостающее.

Как известно, энергия внешнего раздражения, преобразованная в концевом аппарате нерва в недостаточно еще изученную, но чуждую всякого мистицизма «телеграфную» форму нервного тока, достигает прежде всего нейронов, расположенных в так называемых «низших» центрах — ганглиозных, спинномозговых, субкортикальных. Эти нейроны связаны, во-первых, со смежными нейронами при посредстве соприкасающихся веточек своих дендритов (разветвленных протоплазматических отростков), во-вторых, с нейрона-

ми высших, кортикальных центров при помощи опять-таки «телеграфных» волокон проекционных систем (Мейнерта), причем связь эта в иных случаях прямая, в иных — косвенная, при посредстве еще других центров. Сами же нейроны в своей основной части — нервной клетке — представляют, по современным воззрениям, своеобразные аккумуляторы накопленной нервной энергии, которую извне притекающая по проводникам энергия может разряжать, освобождать, как искра разряжает химическую энергию пороха. Теперь сделаем одно минимальное и уже а priori наиболее вероятное предположение — примем, что жизнеразность в клетке высших центров («центров сознания») вызывается именно передачей разряженной собственной энергии клетки спинномозговой или субкортикальной, а к передаче энергии разряжающей, энергии внешнего раздражения проекционные проводники между низшими и высшими центрами не приспособлены, так что эта последняя передается только смежным нейронам, — и у нас будет почти все, что требуется для объяснения таинствен-

ного закона.

В самом деле, хотя мы не знаем той специфической формы, в которой передается энергия внешнего раздражения от нейрона к нейрону по смежности, но несомненно, что это — энергия кинетического характера и что в проводниках-дендритах должно происходить ее рассеяние и поглощение, вообще — ее трата. Закон рассеяния и поглощения естественно принять такой, который существует для наиболее типичных форм кинетической энергии: потеря пропорциональна времени и относительному напряжению энергии: так обстоит дело, например, для теплоты при ее рассеянии (при не слишком большой разнице температур тела и его среды), для света при его поглощении не вполне прозрачною средою, и т. п.[39] Тогда окажется, что *число затронутых возбуждением нейронов приблизительно соответствует логарифму силы раздражения*. Это легко видеть на произвольно выбранных числовых примерах.

Чтобы вызвать разряжение собственной потенциальной энергии нейрона, необходима некоторая сумма переданной с периферии

энергии, которая соответствует определенной величины раздражению; примем величину этого раздражения за 1. Затем пусть при передаче по каждому дендриту теряется $1/2$ передаваемой энергии. Тогда для возбуждения одного нейрона с периферии достаточно раздражения 1, но для возбуждения двух требуется уже раздражение не 2, а 3; на разряжение первого нейрона потрачена 1 единица энергии, а из оставшихся 2 единиц до второго смежного нейрона дойдет только 1 единица (остальная растратится по пути), и эта дошедшая единица энергии вызовет возбуждение второго нейрона, но до третьего смежного нейрона уже ничего или почти ничего не дойдет. Для возбуждения трех нейронов нужно раздражение 7 (в первом на освобождение его потенциальной энергии тратится 1, до второго из оставшихся 6 доходит 3, из них опять на разряжение нейрона тратится 1, и дальше дело не идет). Четыре нейрона могут быть затронуты лишь при раздражении 15, пять при раздражении 31 и т. д. Получаются два ряда.

Энергия раздражения ... 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127, 255...

Число затронутых по смежности нейронов ... 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8...

Как видим, связь обоих рядов лишь минимально отличается от той, которая соответствует «логарифмическому» отношению ряда 2, 4, 8, 16, 32... и ряда 1, 2, 3, 4, 5... Каждый из низших нейронов, передавая по проекционному волокну свою освобождающуюся энергию кортикальному нейрону, вызывает в высших центрах особую жизнеразность, с особым начальным пунктом — этим самым кортикальным нейроном. Тогда оказывается, что каждой такой частной жизнеразности соответствует минимальное ощущение: обнаруживается прямой и полный параллелизм жизнеразностей и переживаний. Загадочный характер психофизического закона, а вместе с тем и дуалистическое его истолкование исчезают.

В нашем примере взят совершенно произвольный коэффициент потери энергии при ее передаче между смежными нейронами. Но легко вычислить и действительную его вели-

чину, раз из опыта известен знаменатель прогрессии раздражений — число, показывающее, во сколько раз надо увеличить данное раздражение, чтобы получить заметную разницу в ощущении. Этот знаменатель, как мы упоминали, для различных «внешних чувств» различен — для осязания, чувства температуры и для слуха около $1\frac{1}{3}$, для мускульного чувства (иннервация глазных мускулов) около $1\frac{1}{17}$, для световых ощущений около $1\frac{11}{100}$. Коэффициент потери при каждой передаче окажется тогда для первой группы ощущений $\frac{1}{4}$, для второй $\frac{1}{18}$, для третьей около $\frac{1}{100}$ - $\frac{1}{101}$. Такое разнообразие коэффициентов должно, по-видимому, зависеть от различного строения отдельных психических центров, их нейронов и проводников[40].

Если теперь, принимая по-прежнему минимальное ощутимое раздражение за 1, мы составим параллельные ряды величины раздражения и ощущения, то для осязания, например, получится:

А. Сила раздражения 1 — 2,33 — 4,11 — 6,48 — 9,64 — 13,85 — 19,45 — 26,9 — 36,8 —

50...

В. Число захваченных низших нейронов
1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — 8 — 9 — 10...

(В цифрах первого ряда мелкие дроби откинуты для краткости.) Теперь посмотрим, насколько отношения этих рядов соответствуют действительным отношениям «раздражений» и «ощущений».

Соответствие нарушается для самых верхних частей ряда — для самых сильных раздражений. Там ощущение растет медленнее, чем следует по формуле ряда, и за известным пределом совсем перестает заметно возрастать. Но это расхождение чистой формулы с опытом можно было бы предвидеть уже а priori на основании наших предпосылок. Отдельные нервные центры обладают ограниченными размерами, и число нейронов, которые доступны данному виду раздражения, не беспредельно; а кроме того, некоторые нейроны лежат в стороне от обычных путей раздражения, и оно достигает их с большим, чем для других, сопротивлением. При максимальных раздражениях сначала, вслед за другими, вводятся в общую цепь реакции эти труднее

реагирующие нейроны — тогда реакция возрастает медленнее, чем для средних раздражений. Но затем, если раздражение возрастает еще более, в специальном центре не хватает свободных нейронов — и ощущение заметно не изменяется.

Средние члены ряда в опыте также представляют отклонения от формулы, но незначительные и неопределенные — то в ту, то в другую сторону. Они, естественно, объясняются, во-первых, нетождественным строением отдельных нейронов — различием в длине и проводимости путей между ними, во-вторых, просто погрешностями эксперимента, который в данной области еще не отличается большой точностью.

Наконец, нижние члены ряда: первые два, а может быть и три, надо признать довольно сильно уклоняющимися от данных опыта. В ряду вычисленных раздражений первое, минимальное, надо увеличить более чем вдвое, чтобы получить заметную разницу ощущения; в действительности же для этого достаточно увеличить раза в $1/2$ или немного более. Как объяснить это? Вопрос представляет

ся очень простым, если принять, что концевые воспринимающие аппараты нервных волокон, как для некоторых случаев установлено с полной несомненностью, обладают некоторым постоянным напряжением энергии, которое может противодействовать внешнему раздражению. Так, например, по отношению к сетчатке глаза вполне выяснено, что она обладает слабым «собственным светом». Известная часть энергии раздражения может тратиться на то, чтобы нейтрализовать напряжение концевых аппаратов. Величину этой излишне затрачиваемой энергии надо прибавить ко всем членам нашего первого ряда, чтобы получить действительную энергию раздражения для минимального возрастания ощущений. Пусть эта периферическая потеря энергии равна 1. Тогда отношение рядов представится в таком виде:

A. 2 — 3,33 — 5,11 — 7,48 — 10,65...

B. 1 — 2 — 3 — 4 — 5...

и это уже вполне достаточно согласуется с данными опыта[41].

Хотя, как было указано, в интересах изложения нам пришлось сильно схематизиро-

вать физиологические и гистологические отношения нервной системы, но знакомый с делом читатель, сделавши все надлежащие дополнения, легко увидит, что они нисколько не изменяют вывода. А сущность этого вывода такова: исходя из данных психофизики, с наибольшими основаниями можно принять, что *ощущения пропорциональны тем жизнеразностям, с которыми непосредственно связаны.*

Раз это принято, исчезают всякие основания для того, чтобы принимать сложную дуалистическую связь вообще между жизнеразностями и соответственными переживаниями: между теми и другими надо признать, в пределах количественной оценки, *самую простую зависимость прямой пропорциональности*[42].

С. Монистическая концепция жизни

I

Сделанные нами выводы о количественной связи жизнеразностей и переживаний представляются нам очень важными для психоэнергетики, но важными именно в том смысле, что указывают, *как понимать психо-*

энергетику и как пользоваться ею в исследовании, а не в том смысле, что доказывают ее законность, ее «истинность». Принять психоэнергетику, признать правильность применения энергетического метода к «психическим явлениям» можно и следует совершенно независимо от этих наших выводов, даже если считать их необоснованными и неверными. Для принципиального принятия психоэнергетики достаточно одного признания *постоянной* связи между физиологическими процессами и переживаниями, какой угодно связи, лишь бы она была вполне определенной и для каждого данного случая имела одно значение. В статье «Идеал познания» мы показали, что если только такая зависимость имеется, то с энергетической точки зрения физиологическое явление и связанное с ним психическое представляет *одну и ту же* величину, одно и то же энергетическое целое, только различными способами воспринимаемое, подобно тому как человеческое тело «видимое» (зрительный комплекс) и «осязаемое» (комплекс тактильный) энергетически одно и то же, и различается также только по спосо-

бу восприятия. Для этого вовсе не требуется никакой математической пропорциональности между комбинациями элементов психического и физиологического ряда, как не требуется такой пропорциональности между зрительными и тактильными комбинациями, чтобы признавать их за одно тело[43]

Но мы не ограничиваемся общим признанием энергетичности психического опыта, мы нашли, кроме того, прямую пропорциональность между жизнеразностями, по их энергетической величине, и переживаниями, по величине их интенсивности, причем также и знак тех и других оказывается условно одинаков[44]. Этим уже устанавливается определенная форма для энергетики переживаний, форма очень широкая и очень общая, которая должна иметь определенное научное и философское значение. В чем же именно то и другое заключается?

Что касается возможного научного значения сделанных нами выводов, то оно не требует особых пояснений, оно таково же, как вообще значение всякой обобщающей формулы, сжато резюмирующей связь фактов и та-

ким путем непосредственно организующей опыт. Здесь может еще возникнуть вопрос о том, пригодна ли данная формула, пока она является гипотетической, пока она не получила решающей проверки на фактах, — пригодна ли она в качестве исходной точки для дальнейшего наследования, в качестве «рабочей гипотезы», — иначе ее значение могло бы быть только очень эфемерным. Но нетрудно видеть, что наша формула, имея дело с принципиально измеримыми отношениями (энергия нервных процессов, интенсивность переживаний), открывает самый широкий простор попыткам экспериментальной проверки и детального исследования, давая для них определенную руководящую нить (хотя бы даже только временную).

Другого рода — вопрос о философском значении формулы. Оно зависит всецело от того, насколько формула находится в гармонии со всеми остальными выводами познания, насколько органически сливается она с ними, как тождественная или однородная, — словом, в какой мере проявляется в ней та *всеобщая монистическая тенденция*, которая составля-

ет философскую душу познания. Этот критерий мы и должны применить к нашим психоэнергетическим выводам.

II

Прежде всего очевидно, что если существует прямая пропорциональность между жизнеразностями и непосредственными переживаниями, то невозможно представить себе ни жизнеразностей без соответственных переживаний, ни наоборот, переживаний без жизнеразностей: нулевая величина одних соответствует нулевой величине других, конечная величина одних — конечной величине других. Это, как видим, опять тот же вывод, к которому критика психического опыта привела нас раньше другим путем — путем сопоставления переживаний и высказываний. Уже тогда для нас выяснилось, что область переживаний, связанных с данным организмом, нельзя без противоречий ограничивать сферой психического опыта данной особи; мы видели, что за пределами психического опыта необходимо принять множество переживаний и их группировок, не входящих в основную координацию, а потому и недо-

ступных непосредственному наблюдению, как недоступен такому же наблюдению психический опыт других людей: мы пришли к мысли, что непосредственные переживания должны существовать всюду, где есть живые клетки и их жизнеразности, — всюду, где есть жизнь «физиологическая». Теперь мы вновь убеждаемся, что эта идея есть неизбежная предпосылка гармонической, свободной от противоречий концепции опыта.

Однако не пришли ли мы к той философской доктрине, которая гласит, что физическое и психическое суть «две параллельные стороны одной непознаваемой в себе сущности», или, в более позитивной вариации, «одной реальности», которая познается именно в этих своих «двух сторонах»? Такова одна из форм «монизма», еще очень распространенная в наше время. Но мы никак не можем остановиться на такой точке зрения, не можем хотя бы потому, что считаем ее вовсе не монистической, а *дуалистической*. Объединение двух «сторон», а с ними двух методов познания в одном *слове* «реальность» вовсе не кажется нам действительным объединением;

два метода познания, с нашей точки зрения, могут означать только дуалистическое познание, а две «параллельные стороны» — только плохую геометрическую метафору. Решения занимающего нас вопроса тут еще нет, а есть в лучшем случае только его постановка; но и она не особенно удачна, так как при анализе опыта «сторон» оказывается не две, а больше.

Поставим себе такой вопрос: что есть «живое существо», например «человек»? — и постараемся ответить на этот вопрос на основании, с одной стороны, данных опыта, с другой стороны, тех обобщающих положений (о связи жизнеразностей с переживаниями), к которым мы до сих пор пришли.

«Живое существо», например «человек», — это прежде всего определенный комплекс «непосредственных переживаний», частью входящих в одну основную координацию — «психический опыт», частью, как мы признали, в нее прямо не входящих, но находящихся в некоторой (пока еще не получившей ближайшего определения) связи с этой координацией. Таков «человек» в его «непосредственном существовании», так сказать, «че-

человек an sich [в себе]». Но не таким является он в опыте *другого*.

Для другого «живого существа» человек выступает, прежде всего, как *восприятие* в ряду других восприятий, как определенный зрительно-тактильно-акустический комплекс в ряду других комплексов. Этот комплекс возникает и исчезает и вновь проявляется в такой же связи, как другие «восприятия»; иногда он воспроизводится в несколько иной связи и с иной окраской, как «представление». Таков *первоначальный психический образ* человека в опыте другого человека.

Аналогичный, но во многих частностях отличающийся комплекс представляет человек и для самого себя, поскольку он «воспринимает» свое «тело» при помощи зрения, слуха, осязания и т. д., как «воспринимают» это «тело» другие люди.

Затем, в дальнейшем развитии опыта, «человек» оказывается для себя и для других физическим телом в ряду других физических тел. Это тело связано с остальными телами и вообще со всем «физическим миром» определенной *объективной закономерностью*; оно

при определенных условиях возникает, некоторое время непрерывно существует, подвергается определенному, объективно обусловленному, циклу изменений и наконец завершает этот цикл тем, что разрушается. Это также комплекс зрительных, тактильных и прочих элементов, очень сходный с двумя предыдущими фазами, вполне «параллельный» им, по выражению Маха, но выступающий в иной связи опыта: человек как объективный физиологический процесс.

Наконец, благодаря тому, что люди взаимно «понимают» друг друга в своих «высказываниях», человек и для других становится координацией непосредственных переживаний, «психическим процессом». Такое представление, присоединяясь к предыдущему, составляет с ним вместе обычный дуалистический образ человека, причем дело довершается «интроекцией»: переживания вкладываются в физиологический организм, и получается наиболее распространенное, вульгарно-синтетическое представление «человека». Человек является тогда себе и другим людям как сочетание «тела» и находящейся

внутри него «души» — сочетание по меньшей мере не особенно гармоничное.

Таков ряд различных понятий о «человеке», с которыми имеет дело познание. Возникает задача — оставаясь всецело на почве опыта, свести все эти понятия к познавательному единству. Другими словами, надо свести их взаимную связь к простейшим, постоянным и всеобщим отношениям опыта. Так должен быть поставлен вопрос с точки зрения эмпириомонизма.

Исходной точкой исследования для нас естественно принять первое из указанных понятий — «человек» как комплекс непосредственных переживаний или, говоря общее, — «жизнь» в ее непосредственном осуществлении. Каждое отдельное переживание есть уже более или менее сложная группировка элементов опыта, на которые оно и может быть разложено; жизненный процесс есть организованное единство целого ряда таких группировок, взаимно связанных то в более, то в менее прочные и устойчивые координации. Развитие жизни, при таком ее понимании, представляется как прогрессивная орга-

низация элементов опыта во все более широкие и стройные единства.

Этот организующий процесс на различных его стадиях образует жизненные комплексы самых различных типов строения, различные по количеству элементов и по степени гармоничности их объединения. Но для познания, монистически организующего опыт, между всеми комплексами немислимы принципиальные различия, различия *по существу*, и отношения между ними не могут быть принципиально иные, чем между всякими вообще комплексами опыта. Таким образом, жизненные комплексы, комплексы переживаний взаимно действуют друг на друга, прямо или косвенно, — взаимно изменяют друг друга, взаимно отражаются один в другом, совершенно аналогично тому, как всякие комбинации элементов, с которыми имеет дело познание.

Но как вообще «отражаются» одни в других комплексы опыта? При всем разнообразии этих отношений они существенно сходны для всей области опыта, как «физического», так и «психического», и легко обобщают-

ся в одной формуле. Что касается мира «физического», то мы, например, знаем, как «отражается» форма предметов в физико-химическом строении светочувствительной пластинки фотографического аппарата, как «отражаются колебания» воздушного давления в движении стрелки анероида, изменения естественной среды растительного или животного организма — в изменениях структуры его тканей и органов и т. д. Совершенно аналогичным образом происходит дело и с «психическими» комплексами. Возникший в психике образ с особенно сильной аффекциональной окраской удовольствия или страдания «отражается» во всех других образах, встречающихся с ним в поле сознания, налагая на них свой отпечаток, делая их яркими, живыми, светлыми или, наоборот, тусклыми, бледными, мрачными. Новая идея, возникшая в сознании, «отражается» обыкновенно во многих частных представлениях, вступающих в связь с нею. Так, с того момента как человек усвоил себе общее представление о строении и функциях живых организмов, изменяются шаг за шагом все его частные представления

о том или другом человеке, животном, растении, которые вступали в поле его опыта: общая биологическая идея «отражается» во всех этих представлениях, усложняя и обогащая их содержание новыми отношениями и элементами. Новая философская концепция, проникшая в мировоззрение человека, может «отразиться» во всех частных комбинациях, из которых слагается это мировоззрение; например, монистическая идея существенно преобразует строение всех образов сознания, сформированных раньше по дуалистическому типу, сглаживая резкие границы, создавая между группировками такие переходы и связи, которых раньше не было.

Подобных иллюстраций можно было бы привести бесконечное множество, но и приведенных вполне достаточно, чтобы вывести общую формулировку, которая должна быть приблизительно такова: комплекс А, прямо или косвенно отражаясь в комплексе В, воспроизводится в нем не в своем непосредственном виде, но в виде определенного ряда изменений этого второго комплекса, изменений, связанных с содержанием и строением

первого комплекса функциональной зависимостью.

Очевидно, что эта формула выражает все случаи взаимного влияния («взаимодействия») комплексов опыта. В своих различных модификациях она соответствует различным исторически развивающимся формам понимания «причинности» явлений[45]. И эта формула является также вполне достаточной, чтобы монистически выразить связь различных «параллельных сторон» жизни или, что то же, «объяснить» их параллелизм.

Первое понятие «жизни», то, к которому привела нас критика психического опыта, как мы указали, сводится к следующему. Жизненный процесс, взятый в его непосредственном содержании («жизнь *an sich*»), есть комплекс переживаний, в различной мере объединяемых организующей связью в одно целое. Комплекс этот может прямо или косвенно «отражаться» в других аналогичных комплексах, но, согласно всеобщей формуле отношений опыта, он «отражается» в них не как таковой, не в своем непосредственном виде, а в виде такого или иного ряда измене-

ний этих комплексов, в виде входящей в них новой группировки элементов, усложняющей их «внутренние» отношения. *Эта новая группировка и есть «восприятие» данного жизненного процесса в другом подобном процессе*, например восприятие «человека» (как организма), выступающее в ряду переживания другого человека. Это «восприятие», как всякое вообще «отражение», отнюдь не есть прямая копия «отражаемого», но связано с ним лишь определенной, в различных случаях различной, функциональной зависимостью. И, как мы знаем, такая *функциональная зависимость* между переживаниями одного живого существа и восприятием этого существа в опыте другого имеется в действительности; на ней основано всякое общение живых существ, их взаимное «понимание».

Здесь очень важно еще одно обстоятельство. Взаимодействие «живых существ» не совершается прямо и непосредственно: переживания одного не лежат в поле опыта другого. Один жизненный процесс «отражается» в другом лишь косвенно, а именно при посредстве «среды». Но что такое «среда»?

Понятие это имеет смысл только в противопоставлении тому, что имеет свою «среду», т. е. в данном случае — жизненному процессу. Если мы рассматриваем жизненный процесс как комплекс непосредственных переживаний, то «среда» будет все, что не входит в этот комплекс. Если же это та «среда», при посредстве которой одни жизненные процессы «отражаются» в других, то она должна представлять из себя совокупность элементов, не входящих в организованные комплексы переживаний, — совокупность неорганизованных элементов, хаос элементов в собственном смысле этого слова. Это то, что в восприятии и в познании выступает для нас как «неорганический мир».

Тут надо устранить возможные недоразумения. *В нашем опыте* неорганический мир не есть хаос элементов, а ряд определенных пространственно-временных группировок; *в нашем познании* он превращается даже в стройную систему, объединенную непрерывной закономерностью отношений. Но «в опыте» и «в познании» — это значит в чьих-либо переживаниях; единство и стройность, непре-

рывность и закономерность принадлежат именно переживаниям, как организованным комплексам элементов; взятый независимо от этой организованности, взятый «an sich», неорганический мир есть именно хаос элементов, полное или почти полное безразличие. Это отнюдь не метафизика, это только выражение того факта, что неорганический мир не есть жизнь, и той основной монистической идеи, что неорганический мир отличается от живой природы не своим материалом (те же «элементы», что и элементы опыта), а своей неорганизованностью (точнее, вероятно, низшей организованностью).

Если неорганизованная «среда» является промежуточным звеном во взаимодействии жизненных процессов, если при посредстве ее комплексы переживаний «отражаются» один в другом, то не представляет ничего нового и странного тот факт, что при посредстве ее же данный жизненный комплекс «отражается» и в себе самом. Комплекс А, воздействуя на комплекс В, может при посредстве его оказать влияние на комплекс С, но также и на комплекс А, т. е. на самого себя.

Так, в сетчатке глаза, при посредстве световой среды получается не только изображение других предметов, например чужого глаза, но также, при определенной комбинации условий, изображение этого самого глаза; живой организм, изменяя свою жизненную среду, косвенно изменяет себя самого, так как эта измененная среда в свою очередь воздействует на него. С этой точки зрения совершенно понятно, что живое существо может иметь «внешнее восприятие» себя самого, может видеть, осязать, слышать себя и т. д., т. е. может в ряду своих переживаний находить такие, которые представляют косвенное (при посредстве «среды») отражение этого же самого ряда. Естественно также, что это «восприятие» окажется в значительной мере сходно с «восприятием» данного жизненного процесса другими аналогично организованными живыми существами, но отчасти также будет от него отличаться, в силу не вполне одинаковых отношений к «среде», составляющей промежуточное звено между жизненным процессом и его «восприятием». Например, зрительное восприятие лица А у него самого во

многом не такое, как у других окружающих его людей — В, С и т. д.; но это различие того же порядка, как различие восприятия А в психике другого лица В в зависимости от расстояния, взаимного положения того и другого, от освещения, от места, занимаемого разными предметами среды, и пр. Словом, отношение «жизни» и ее «внешнего восприятия» и здесь ничем принципиально не отличается от обычных отношений между каким-либо комплексом опыта и его «отражением».

Остается, наконец, еще одна и последняя из основных фаз понимания «жизни» — ее *объективная* концепция: жизнь как объективно закономерный процесс в ряду других процессов объективного, «физического» мира. С точки зрения индивидуалистической психологии эта фаза всецело выводится из ассоциаций личного опыта: координируя свои восприятия и представления, психика вырабатывает для них пространственно-временной порядок; тесно объединяя в этой системе восприятия и представления, взаимно сходные по элементам, строению и по отношению с другими комплексами, психика образу-

ет из них «тела» и «процессы» объективного мира.

Так, с этой точки зрения, объективно существующее «тело» человека является, в опыте его самого и каждого из других людей, результатом простой индивидуальной координации (в пространственно-временном порядке) различных «восприятий» этого «тела» в данной психике. Но для нас такое понимание дела представляется весьма недостаточным.

Мы не будем подробно излагать здесь наши воззрения по этому вопросу, так как это выполнено в предыдущей нашей статье — «Идеал познания»; мы ограничимся тем, что сжато резюмируем свою точку зрения. Она такова. Характеристикой «физического» мира со всеми его «телами» или «процессами» является его «объективность», т. е. общезначимость. Принимая «объективный» опыт с его связью и закономерностью, человек принимает тем самым, что этот опыт, эта связь и закономерность не только для него и в данное время, но для всякого познающего существа и во всякое время имеют одинаковое познавательное значение. Такое отношение к

опыту не может сложиться исключительно на почве опыта индивидуального; оно является результатом взаимного понимания живых существ в их высказываниях, и взаимного согласования, взаимной гармонизации «высказываемых» переживаний; словом, оно возникает путем коллективной организации опыта.

Всего легче и яснее это можно показать на всеобщих формах «объективности» опыта, каковы «чистое» или «арифметическое» время, «чистое» или «геометрическое» пространство и причинность. Арифметическое время и геометрическое пространство характеризуются своей полной *однородностью, непрерывностью и безграничностью*; для всех этих основных черт нет почвы в индивидуальном опыте, в котором вырабатывается только «физиологическое» время и «физиологическое» пространство, неоднородные в своих частях, лишенные непрерывности и конечные по своей величине. Точно так же в индивидуальном опыте нет почвы для всеобщих объективных отношений причинности, а могут сложиться только привычные *отношения*

последовательности явлений, отношения частного характера.

Таким образом, формы «объективности» опыта суть формы его социальной координации, а «объективный опыт», вообще, опыт социально-организованный[46]. Всякие «объективно существующие» тела и процессы являются продуктом социального согласования восприятия и представления, «переживаемых» отдельными людьми и «выражаемых» высказываниями. Таковы и «живые тела» — физиологические процессы, то, что называется «физиологической стороной» жизни. Как видим, тут нет никакой особой «стороны» жизненного процесса, а только особый тип группировки того же материала, какой имеется в предыдущих двух фазах понятия жизни (жизнь во «внешнем восприятии» различных живых существ и, конечно, в соответствующем их «представлении»). Это результат коллективной гармонизации тех бесчисленных «отражений», которые порождаются одними жизненными комплексами в других.

Благодаря этой гармонизации достигается то, что «объективное» представление жизни

(как физиологического процесса) все в большей мере начинает соответствовать ее действительному, *непосредственному* содержанию. Психоэнергетика впервые создает настоящий *познавательный параллелизм* между жизнью, как комплексом переживаний, и ее отражением в социально-организованном опыте[47]. В то же время отношение между жизнью в ее непосредственном содержании и между жизнью, объективированной для познания, оказывается принципиально то же, что между каким бы то ни было комплексом опыта и его отражением в другом комплексе. Тут не остается места никакому дуализму. Это точка зрения *эмпириомонизма*.

С этой точки зрения как нельзя более просто и понятно, каким образом для каждого человека, кроме его собственного непосредственно психического опыта, существует также психический опыт других людей, и вообще других живых существ. Этот чужой опыт, как мы знаем, конструируется на основании высказываний. Воспроизводя чужое «сознание», психика действует по типу фонографа. Воспринятые вами высказывания дру-

гих людей представляют своеобразное «отражение» их переживаний, отражение очень «непохожее», но функционально зависимое от «отражаемого», — точно так же, как черточки на валике фонографа «не похожи» на отразившуюся в них мелодию, но функционально зависимы от ее строения. И как эти черточки при движении фонографа служат исходной точкой «воспроизведения» мелодии, т. е. собственно *второго ее отражения*, более с ней сходного, чем первое, так чужие высказывания при ассоциативной деятельности сознания служат исходной точкой «воспроизведения» чужих переживаний, т. е. *второго их отражения*, более с ними сходного, чем первое. Чужой психический опыт в нашем познании есть *отраженное отражение* непосредственных переживаний других существ.

В предыдущем мы показали, что стройная и гармоническая концепция опыта возможна только в том случае, если мы за всякой физиологической организацией жизни будем принимать «ассоциативную» организацию переживаний — если признаем полный па-

раллелизм жизни в «объективных» и «субъективных» ее проявлениях. Другими словами, всякий «физиологический» процесс должен рассматриваться как обнаружение, «высказывание» ассоциативных, непосредственных комплексов (мы назвали бы их «психическими», если бы с этим термином не соединялось обыкновенно представление об известной сложности переживаний).

Не следует ли распространить этот принцип, кроме живой природы, также на всю «мертвую», неорганическую? Для последовательного монистического мышления это неизбежно, но только как *познавательная тенденция*; конкретно же осуществить ее мы в настоящее время почти не в силах. Фонограф только тогда может правильно воспроизвести мелодию, когда игла его движется в среде, достаточно сходной с тою, в которой мелодия была воспринята (т. е. с атмосферой). Поместите фонограф в воду или в безвоздушное пространство — и воспроизведение записанных фонографом мелодий в прежней их форме не удастся ни в каком случае. То же относится и к «фонографической»

деятельности психики. Наша психика тем менее точно воссоздает переживания другого существа, чем менее сходна она с психикой этого существа: несходство психической среды переживаний препятствует «пониманию» чужих высказываний. Нам удастся еще до известной степени воспроизводить в своей психике различные переживания высших животных, и это познавательно полезно, так как помогает нам предвидеть их действия. Но уже по отношению к низшим животным сравнительно редко удастся стать на точку зрения их психики, обыкновенно мы не «понимаем» их высказываний настолько, чтобы предвидеть что-либо на этом основании. Таким образом, уже здесь чаще приходится подставлять «физиологическое» вместо «психического», чем наоборот. По отношению к растениям самое понятие «высказываний» становится почти бесполезным; тем более бесполезно оно по отношению к неорганическому миру. Ассоциативные комплексы — это комплексы, определенным образом организованные; каким образом можем мы их подставить под неорганические явления, в которых вооб-

це не находим организованности? Хаос элементов — вот в каком виде приходится нам представлять неорганический мир «в самом себе».

Первобытный анимист и современный поэт отнюдь не выходят за пределы законных приемов познавательного творчества, когда они «одушевляют» всю природу. Но научное познание из бесчисленных применений этих приемов выбирает только то, что может послужить к расширению человеческого «предвидения», т. е. в конце концов к возрастанию власти человека над природою.

III

Та элементарно простая и понятная концепция жизни, которую мы приняли, неминуемо должна встретить ряд возражений, с которыми мы и должны, по мере возможности, считаться заранее. Мы не обязаны, конечно, принимать во внимание те бесчисленные недоумения и противоречия, которые будут исходить из привычных дуалистических концепций или из метафизических оснований: первые потому, что дело идет как раз об устранении всякого дуализма, вторые — по-

тому, что наша задача отнюдь не выходит за пределы гармонизации возможного опыта и, следовательно, не имеет к метэмпирии никакого отношения. Но явятся и такие возражения, которые будут стоять всецело на эмпирической почве; легко предвидеть те из них, которые должны представляться наиболее очевидными и естественными.

Прежде всего, может показаться странным, до какой степени велико в нашей концепции несходство между «отражением» и «отражаемым». Если «восприятие» живого существа А в сознании другого существа В есть отражение всего комплекса переживаний А в комплексе В, то это как будто слишком уж незначительное и непохожее отражение: колоссальный комплекс переживаний, охватывающий целый мир индивидуального опыта, с одной стороны, и незначительная зрительно-тактильно-акустическая комбинация элементов — с другой: что здесь общего? Ответить легко: общее здесь то, что всегда имеется общего между «отражаемым» и «отражением», насколько известна нам связь опыта; это общее — функциональная зависимость

«отражения» и «отражаемого». Зависимость эта достаточно определена и полна, чтобы существо В, на основании своего восприятия А, могло «понимать» А, т. е. представлять себе, с приблизительной верностью, его непосредственные переживания и их изменения, нередко даже очень незначительные. Иного «сходства» мы и ожидать не можем. Какое «сходство» между переменной погоды и между движением ртутных столбиков барометра и термометра? Между тем для метеоролога это достаточно ясные «отражения». И притом здесь еще скорее можно было бы ожидать некоторого непосредственного сходства между отражаемым и отражением, потому что дело идет о влиянии одного *неорганизованного* комплекса элементов — атмосфера — на другой, также *неорганизованный* — ртутный столбик: неорганизованные комплексы должны «отражать» друг друга с наименьшим, так сказать, сопротивлением. Напротив, комплексы организованные, т. е. стройные, устойчивые, сохранявшиеся под различными влияниями, должны «отражать» эти влияния в наиболее «измененном» виде. Сло-

жившаяся организация жизни отнюдь не простое зеркало для ее среды.

Но, скажет читатель, даже для чисто функциональной зависимости тут дано слишком мало. Человек живет, положим, страшно интенсивной жизнью; за самое короткое время его психика испытывает целые перевороты, вся деятельность сознания меняет свое направление и характер, а «восприятие» этого человека, т. е. отражение его переживаний в психике другого, остается приблизительно таким же, как и прежде. Отчего оно не меняется столь же радикально, как и то, чего «отражением» оно является?

Но такой аргумент основан на недоразумении. Тот организованный комплекс переживаний, который составляет данное «существо», вовсе не подвергается в своем целом таким «переворотам», какие происходят в сфере «сознания», не подвергается никогда, кроме разве случая дезорганизации, т. е. смерти. В предыдущем было достаточно выяснено, что действительная сумма переживаний, соответствующая данному физиологическому организму, неизмеримо шире того, что

в данный момент имеется в поле сознания. Даже область собственно «психического опыта», считая в ней всю совокупность переживаний, сохраняющихся в сфере «памяти» и возобновляющихся в сознании при наличности известных условий, даже эта область почти бесконечно превосходит по своим размерам всякое данное поле сознания: в этом поле выступают, главным образом, текущие жизненно важные изменения в системе психического опыта. С какой бы быстротой и интенсивностью ни совершалась работа сознания, она не может внести больших перемен в самую обширную область опыта — область прошлого и в самые главные его группировки — общие формы координации, выработанные этим прошлым опытом. Но и вся сфера психического опыта составляет только часть и, можно думать, незначительную часть той суммы переживаний, которая в действительности соответствует данному «организму»: психический опыт есть только главная координация этих переживаний; но кроме нее, как мы видели, существует еще множество побочных, находящихся с ней в связи, но и в

то же время относительно независимых координат, более узких и менее организованных; всякой живой клетке соответствует, с нашей точки зрения, некоторый хотя бы незначительный комплекс переживаний, и эти бесчисленные комплексы лишь в ничтожном меньшинстве случаев попадают в сферу непосредственного психического опыта. Такое живое существо, как человек, — это целый мир переживаний, и все «перевороты», происходящие в сознании, преобразуют каждый раз лишь ничтожную часть этого мира. Поэтому нет ничего странного в том, что и «внешнее восприятие», которое является «отражением» этого мира в другом подобном мире, лишь незначительно изменяется при кажущихся переворотах психики[48]. И все же оно изменяется настолько, что в большинстве случаев достаточно «выражает» подобные перевороты, иначе они не могли бы быть замечены и поняты другими живыми существами при помощи высказываний.

Но простое «восприятие» одного живого существа в опыте другого (или его самого) есть только низшая фаза «отражения» жиз-

ненного комплекса в других таких комплексах (или в нем самом). На дальнейших стадиях развития из таких «восприятий» создаются «тела» и «процессы» объективного мира. Это происходит путем накопления индивидуального опыта, с одной стороны, и путем социального общения — с другой. В личном опыте однородные восприятия и представления объединяются в прочные комплексы; взаимная передача переживаний при обмене особей высказываниями ведет к тому, что однородные комплексы, сложившиеся в опыте различных особей, взаимно дополняются и гармонизируются, приобретая характер общезначимости или объективности, становясь комплексами социально-организованного опыта. Так получаются «физические тела» и «процессы». В ряду их выступают и «живые организмы», объективные физиологические координации — отражение индивидуальной жизни в социально-организующемся опыте, отражение неизмеримо более сложное и полное, чем отдельное «восприятие» живого организма в опыте другого.

Непрерывно расширяющийся коллективный опыт, принимающий в жизни культурного человечества форму опыта научного, основанного на планомерном исследовании, вносит все новые и новые черты в понятие о физиологическом процессе, обогащает представление об организме новыми и новыми элементами. В результате «отражение» начинает все точнее соответствовать «отражаемому», функциональная связь того и другого становится все более прямой и отчетливой. Имея перед собою те или иные «непосредственные переживания», люди сознательно ищут прямо соответствующие им физиологические процессы, и наоборот. При этом все различные степени и формы организации непосредственных переживаний находят себе объективное отражение в различных степенях и формах организации физиологической. Это *психофизиологический параллелизм жизни*, но не в дуалистическом, а в строго монистическом его значении: параллелизм не двух атрибутов одной субстанции, не двух сторон одной реальности, а параллелизм отражаемого с его отражением, такой же, какой

наблюдается при взаимодействии всех возможных комплексов опыта, когда одни комплексы «отражаются» в других и обратно.

Путь, которым мы пришли к принятой нами точке зрения, в основных чертах таков. Вслед за большинством современных психологов мы признали, как факт, психофизиологический параллелизм жизни, или, говоря общее, функциональную зависимость между жизнью физиологической и непосредственными переживаниями. Объяснения этой связи мы считали возможным искать только в действительных соотношениях опыта, не пытаясь выйти за его пределы. В опыте параллелизм, или однозначная функциональная зависимость, выступает как постоянное отношение именно там, где дело идет об «отражении» одного комплекса в другом или, выражаясь точнее и отчетливее, о результатах влияния одного комплекса на другой. Конечно, параллельны не только «отражение» с «отражаемым», но также и два «отражения» одного и того же третьего; однако так как в опыте мы не находим ничего третьего, «отражением» чего могли бы быть одновременно и

физиологический процесс, и поток непосредственных переживаний, а за пределы опыта мы не умели и не желали выходить, то мы должны были принять, что из двух последних одно является «отражаемым», а другое «отражением». Но так как история психического развития показывает, что объективный опыт с его нервной связью и стройной закономерностью есть результат долгого развития и лишь шаг за шагом кристаллизуется из потока непосредственных переживаний, то нам оставалось только принять, что объективный физиологический процесс есть «отражение» комплекса непосредственных переживаний, а не наоборот. Дальше оставался вопрос: если «отражение», то в чем же именно? Ответ мы дали согласно с принятой нами социально-монистической концепцией опыта. Признавая общезначимость объективного опыта за выражение его социальной организованности, мы пришли к следующему эмпириомонистическому выводу: жизнь физиологическая есть результат коллективной гармонизации «внешних восприятий» живого организма, из которых каждое является от-

ражением одного комплекса переживаний в другом (или в нем самом). Другими словами: *физиологическая жизнь есть отражение жизни непосредственной в социально-организованном опыте живых существ.*

Universum

(Эмпириомонизм отдельного и непрерывного)

Эмпириомонистическая точка зрения на жизнь и мир ставит нас лицом к лицу с новым вопросом, с новой загадкой. Если различные координации ассоциативного характера могут «отражаться» одна в другой, т. е. вызывать одна в другой изменения по типу причинной связи, то они должны находиться в некотором «общем поле», быть не вполне «отдельными» одна от другой. Для дуализма в *этом пункте* особых трудностей не возникает. Он принимает, что все «тела» находятся в одном, непрерывном общем поле — в «природе физической», и понятно, что там они могут «воздействовать» одно на другое; психика же «воздействует» на другую психику *при посредстве* тел, а не прямо; поэтому для двух психик и не требуется непосредственно «об-

щего поля» (хотя, конечно, требуется другое «общее поле» — для каждой психики с соответственным ей «телом»). Но мы признали, что сама «физическая природа» есть *производное* от комплексов непосредственного характера (к числу которых принадлежат и «психические» координации), что она есть отражение таких комплексов в других, им аналогичных, только самого сложного типа (в социально-организованном опыте живых существ). Таким образом, сделать «физический мир» посредником между отдельными непосредственными координациями, например психикой человека А и человека В, оказывается невозможно. Для них требуется иное всеобщее поле, иная система непрерывных связей, которой непосредственный опыт, однако, не дает. Каким образом чужое сознание, находясь, несомненно, вне моего, может породить в нем изменения по закону причинности, который выражает соотношения *непрерывного* характера? Каким образом мои собственные «бессознательные переживания» одновременно являются и жизненно связанными с главной координацией — «со-

знанием», как части одной и той же «психической системы», и отдельными от этой координации — «недоступными сознанию»? Вообще, если познание стремится установить *непрерывность* всего, что познается, то каким образом оно может допустить отдельность различных явлений, как мирится оно с тем фактом, что различные комплексы выступают *не в одном* поле, не сливаются в один непосредственный *пав* — комплекс?

Этот же вопрос можно выразить как задачу об «индивидуальном» и «универсальном», как требование охватить одной стройной познавательной концепцией самостоятельность «частного» и единство «всеобщего». Фатальный для философии вопрос о «я» и «не-я» представляет собой только часть, только известную сторону этой задачи и разрешается вместе с ней.

Познание не может создать точной картины опыта, если в ней не найдут себе места всевозможные *перерывы* опыта. Но картина не будет монистической, если эти перерывы останутся простыми *нарушениями непрерывности*. Вопрос, следовательно, заключается в

том, чтобы свести их к тем же объединяющим формам, которые вообще создают познавательную непрерывность «реального», подобно тому как перерыв между «организмом» и «психикой» мы свели к объединяющей непрерывности причинной связи. Если бы это не удалось, то мы пришли бы только к новой форме дуализма или, пожалуй, к плюрализму «непрерывностей, разделенных перерывами». Здесь — решающее испытание для эмпириомонистической точки зрения.

I

Исследование нашей задачи удобнее всего начать с вопроса о реальном единстве психической системы — о жизненной связи «сознания» и «бессознательного» в рамках такой системы.

Принимая полный параллелизм физиологических процессов с непосредственными переживаниями, принимая, что первые представляют определенное «отражение» вторых, мы приобрели для своего анализа большое методологическое преимущество: возможность вместо одной «стороны» жизни подставлять по мере надобности другую. Одни

особенности жизненных комплексов легче проследить и систематизировать с «физиологической» точки зрения, другие — с «психической». Вопрос о реальном единстве живого существа, очевидно, целесообразнее рассматривать сначала «физиологически», потому что физиология дает нам это единство и в наиболее наглядной, и в наиболее понятной форме как единство «живого тела». Опираясь на все приобретения физиологического анализа, гораздо легче преодолеть трудности анализа «непосредственных переживаний».

Физиологически живое существо представляется как непрерывный, пространственно ограниченный комплекс физико-химических процессов. Процессы эти познаются энергетически как усвоение и затрата энергии в том или другом «месте» организма. «Непосредственные переживания» соответствуют тем случаям, когда усвоение и затрата взаимно не уравниваются, когда возникает «жизнеразность». В сферу «психического опыта» входят лишь те из непосредственных переживаний, которые соответствуют жизнеразностям центрального нервного аппарата

наиболее развитой, наиболее *связной* из физиологических систем организма. Но и эти переживания еще далеко не все протекают в пределах психического опыта: когда в различных уголках центральной нервной системы «жизнеразности» протекают изолированно, не сливаясь с общим потоком жизнеразностей объединяющих, «высших» центров, то соответственные переживания остаются «вне сознания». Где прерывается связь жизнеразностей, там прерывается и связь непосредственных переживаний[49].

Итак, «общее поле сознания» существует постольку, поскольку жизнеразности центрального органа взаимно связываются в непрерывный ряд.

Предполагать, что для других, внесознательных координаций дело обстоит иначе, мы, очевидно, не имеем никаких оснований. Получается такой вывод: непосредственные переживания выступают в одном поле (т. е. в непосредственной связи) в тех же случаях, когда физиологические жизнеразности непосредственно соединяются между собой; непосредственные переживания протекают в раз-

личном поле, когда жизнеразности физиологически разъединены, не образуют непрерывной цепи в физиологической системе.

Предположим, что в двух частях физиологической системы, в А и в С, возникают жизнеразности. Обе эти части жизненно связываются между собой при посредстве комплекса клеток и тканей В. Если и В находится в состоянии жизнеразности, которая непосредственно переходит в жизнеразности А и С, то переживания, соответствующие всем этим жизнеразностям, выступают в одной координации, в одном поле: если В находится в состоянии жизненного равновесия, так что жизнеразности А и С разъединены между собой, то непосредственные переживания, соответствующие обеим жизнеразностям, протекают в различных, взаимно отдельных координациях, являются в различных «полях переживаний». Например, одно из них «сознается», а другое остается «вне сознания».

Жизненное усвоение и жизненная затрата энергии — процессы *непрерывные* и *взаимно противоположные*. При жизненном равновесии оба эти процесса не прекращаются, а

только взаимно нейтрализуются. Процесс усвоения, если его рассматривать отдельно, есть непрерывная положительная жизнеразность, процесс затраты энергии — непрерывная жизнеразность отрицательная. Следовательно, жизненное равновесие представляет собой определенный случай *интерференции жизнеразностей** — случай взаимного уничтожения противоположных жизнеразностей.

Как мы уже знаем, жизненное равновесие соответствует «нулевым» переживаниям — отсутствию непосредственных переживаний. Если жизнеразность сменяется равновесием, переживание исчезает — прерывается. Таким образом, мы получаем следующий, очень важный для нашего анализа вывод: *перерывы переживаний соответствуют полной интерференции противоположных жизнеразностей* [50].

Теперь постараемся выяснить, какие следствия вытекают из этого положения для эмпириомонистической концепции психического опыта.

II

Жизнеразность не есть величина просто алгебраическая — это энергетическая величина *жизненных процессов*. Она обладает определенной «формой», более простой или более сложной, и форма эта соответствует определенному типу и комбинации элементов «непосредственно переживаемого»[51].

Предположим, что в известных нервных центрах имеется жизнеразность $+A$, «форма» которой нам дана, и знак тоже, именно плюс — перевес усвоения над затратой энергии. Этой жизнеразности соответствует в сфере «непосредственных переживаний» вполне определенный комплекс элементов; обозначим его E . В тех же самых центрах вполне мыслима жизнеразность отрицательная, по своей форме вполне «симметричная» первой, т. е. во всех частях воспроизводящая первую, только с обратным знаком. Эту вторую жизнеразность можно обозначить как $-A$, потому что в соединении с первой она должна давать полную интерференцию — жизненное равновесие. Но взятая отдельно, она, в свою очередь, соответствует вполне определенно-

му «непосредственно переживаемому» комплексу, который мы пока назовем X, потому что не знаем заранее, каков он именно.

Если обе жизнеразности выступают вместе и одновременно, то в силу принимаемого нами параллелизма мы с полным основанием можем ожидать, что и оба комплекса «непосредственного» характера также являются совместно. Однако что же при этом получается? Обе жизнеразности *интерферируют*, образуя жизненное равновесие; а оно означает отсутствие непосредственных переживаний. Следовательно, комплексы E и X, соединяясь, дают в результате ноль, *взаимно уничтожают* друг друга, т. е. интерферируют так же, как жизнеразности.

$$E + X = 0; \text{ или } X = -E.$$

Необходимый вывод: *интерференция жизнеразностей соответствует интерференции непосредственных переживаний*. Эмпириомонистически первая, очевидно, является отражением второй.

III

Отвлеченная и дедуктивно добытая формула, которая говорит об интерференции пе-

реживаний, не может иметь для них никакого реального значения, пока не обнаружено, какие конкретные содержания охватывает она собой. Требуется выяснить вопрос, в чем заключается интерференция переживаний, какие переживания интерферируют между собой, взаимно уничтожая друг друга. Ответа следует искать, очевидно, в области психического опыта.

Как известно, психический опыт представляет собой непрерывный ряд *изменений*, в котором различные комплексы возникают и исчезают, заменяясь новыми. Вступление какого-нибудь комплекса в поле сознания, его сохранение и его удаление из этого поля — к этим трем моментам и в то же время к этим трем *типам* сводятся все непосредственные переживания, какие нам известны. Логически очевидно, что первый и третий моменты взаимно противоположны и если они протекают одновременно в полном взаимном соответствии, то должны уничтожать друг друга; а это и будет интерференция, дающая «нулевое» переживание.

Но на это строгий критик может сказать, что такой вывод есть чисто формальная дедукция, под которую нельзя подставить действительные наблюдения. Если в действительности подобная интерференция происходит, то ведь констатировать ее невозможно: «нулевое», интерферированное переживание совершенно неуловимо; и тем более нельзя установить, что оно возникло из двух параллельных переживаний — возникновения и уничтожения какого-то комплекса. Нельзя, конечно, опровергнуть той мысли, что если в сознании какой-нибудь комплекс уничтожается ровно настолько же, насколько возникает, то в результате для сознания ничего не получается; но не есть ли это мнимая мысль, пустая тавтология, из которой нельзя сделать никаких выводов?

Ответ мы почерпнем из крайне простого эксперимента, который одновременно и докажет нам существование эмпирической основы для нашего вывода, и выяснит отношение всех трех моментов «переживания».

Пусть перед нами имеется непрозрачный черный экран, который закрывает для нас по-

ле зрения. В этом экране имеется только одно маленькое отверстие, через которое мы видим ограниченную часть совершенно ровной и плоской, однообразно окрашенной, положим, синей поверхности. Оставляя в стороне впечатления от экрана, мы можем сказать, что в поле зрительного опыта имеется вполне определенный комплекс элементов «синего» (для упрощения будем говорить только о цветовых элементах, не касаясь зрительно-иннервационных элементов «формы»). Пусть вся синяя поверхность непрерывно и ровно движется в каком угодно направлении, но в своей собственной плоскости. Что тогда получается? Мы *не замечаем* этого движения. В нашем «восприятии», в нашем психическом опыте остается все один и тот же комплекс элементов «синего», который не изменяется, как бы ни была велика скорость «физического» движения плоскости[52].

Что же это значит? Движение плоскости непрерывно устраняет одни за другими элементы «синего» из поля зрительного опыта, но на место каждого исчезающего элемента то же самое движение вводит новый, с ним

одинаковый: тождественные ряды элементов возникают и уничтожаются в строгом соответствии между собою, вполне параллельно друг другу; и результат именно таков, какого требует понятие интерференции: нового переживания не возникает.

Как видим, здесь идея интерференции переживаний необходима, чтобы устранить противоречие опыта «субъективного» (неизменное восприятие) и «объективного» (движущаяся плоскость). Особенно очевидной становится необходимость такой концепции в том случае, если принять во внимание обычные вариации подобного рода наблюдений.

Пусть синяя поверхность имеет ограниченные размеры, и по прошествии некоторого времени в поле зрения наблюдателя попадает ее «край»; тогда исчезающие элементы «синего» не заменяются в восприятии вновь возникающими такими же элементами, и «синий» комплекс уменьшается, а затем исчезает (заменяясь обыкновенно каким-нибудь другим). Тут уж движение поверхности «замечается», говоря точнее — выступает как

ближайшая, необходимая, непосредственно возникающая гипотеза, гармонически объединяющая ряд изменяющихся восприятий. Гипотеза же интерференции элементов переживаемого является хотя и гораздо более сложной, но не менее необходимой для того, чтобы гармонически объединить все те данные опыта, на основании которых мы «знаем», что синяя поверхность движется (например, сообщения об этом других людей) с относительной неизменностью «восприятия» поверхности. И всякий неизбежно «принимает» эту гипотезу, высказывая ее, например, в такой форме: я знаю, что поверхность движется, но она кажется мне неподвижной, потому что то, что уходит, одинаково с тем, что приходит.

Этого мало. Дальнейшая гармонизация опыта требует расширения сферы, на которую простирается гипотеза, ее распространения на другие ряды фактов. Пусть синяя поверхность неподвижна. Человек «видит» ее, пока глаза открыты; стоит закрыть глаза — восприятие исчезает; достаточно открыть их — оно появляется снова. Объединяя массу

подобных наблюдений, человек «принимает» существование «тел» или «вещей» как постоянных «источников» ощущений. На почве научного синтеза он признает, что его «восприятие» синей поверхности «обусловлено» световыми лучами, непрерывно от нее исходящими, вызывающими изменения в сетчатке глаза, нервных проводниках, нервных центрах. Но тут и возникает новое противоречие: действие лучей, вызывающих изменения, продолжается непрерывно, а соответствующее «восприятие», быстро развившись до *maximum*, дальше известное время заметно не изменяется. По-видимому, вновь и вновь непрерывно возникая при продолжающемся действии порождающих его условий, оно должно все более возрастать, как это и происходит *в самом начале* его развития, когда оно еще только «образуется». Противоречие исчезнет, если принять, что за известным пределом оно настолько же «уничтожается», насколько «возникает», что дальше этого предела интерференция элементов не допускает его возрастания. Физиологически это выражается в том, что изменения нерв-

ных элементов, их «жизнеразности», не прогрессируют без конца, но на определенном уровне, находящемся в зависимости от всей суммы условий, останавливаются, потому что дальнейший рост их уравнивается новыми жизнеразностями, *реактивно* возникающими в центральном аппарате.

Если действие лучей на сетчатку прекращается, например благодаря закрытию глаз, то зрительное восприятие исчезает; это происходит хотя и очень быстро, но в известной непрерывной последовательности: исчезающие элементы комплекса не заменяются вновь выступающими. Физиологически этому соответствует устранение прежней жизнеразности: нет больше тех условий, которые вновь и вновь вызывали ее, а та «реактивная» жизне-разность, которая также вновь и вновь возникала при этом, удерживая первую на известном пределе, теперь окончательно ее уравнивает и уничтожает; при этом последняя и сама исчезает, так как действие вызывавшей ее причины прекратилось с уничтожением первой жизнеразности.

Мы приходим к следующему выводу: интерференция переживаний не только вообще возможна, но необходимо должна быть признана для целого ряда таких случаев, когда психический комплекс сохраняется в поле сознания. Чтобы гармонически связать данные «субъективного» и «объективного» опыта, неизбежно принять, что «сохранение» психических комплексов есть *подвижное*, динамическое равновесие, основанное на непрерывном вступлении элементов в поле сознания и непрерывном их удалении из него, равновесие, подобное сохранению формы водопада.

Впрочем, современное познание и *не может* представлять себе психическую жизнь иначе, как в виде потока переживаний. Закономерность движения этого потока оно не может не сводить к причинной связи: а та интерференция переживаний, о которой мы говорили, есть *одна из типических форм причинной связи явлений*. Для физического опыта мы постоянно пользуемся этой формой причинности; задача заключается теперь в том, чтобы показать нам, что может она дать для опыта психического и для монистической

концепции всякого опыта вообще. Решение вопроса о познавательной целесообразности идеи есть решение вопроса о ее истинности...

IV

Та связь непосредственных переживаний, которую мы находим в своем психическом опыте, — связь ассоциативная обладает своеобразным, *цепным* характером. *Непосредственно* к каждому переживанию присоединяется всегда лишь очень ограниченное число других аналогичных комплексов; но *при посредстве* этих других присоединяется уже гораздо большее количество еще иных комплексов, затем при посредстве тех — дальнейшие ряды переживаний и т. д. без конца. Комплекс Z может стоять вне всякого прямого отношения к комплексу A и тем не менее принадлежать к одной с ним ассоциативной цепи, связываясь с ним путем ряда промежуточных комплексов Y, X, V, U... E, D, C, B. Только таким способом система психического опыта приобретает те колоссальные размеры, какие наблюдаются в действительности.

Но вполне очевидно, что при таком строении ассоциативной системы достаточно вы-

пасть где-нибудь одному из посредствующих звеньев — и связь нарушается, цепь разрывается. Если переживания А и С связаны при посредстве В, то они не могут оказаться в *одном поле*, пока В отсутствует. А комплекс В при наличии А не является в поле психического опыта при том условии, что он *подвергся полной интерференции*, что он уравновешен диаметрально противоположным переживанием. Таким образом, *интерференция переживаний обуславливает перерыв психического поля*. И А, и С как непосредственные переживания могут тогда существовать *одновременно, но не вместе*: одно, например, в поле сознания, а другое — «вне сознания».

На каждом шагу случается наблюдать, как ассоциативная связь обрывается и вновь восстанавливается. Ученик отвечает выученный урок; ему кажется, что он его превосходно знает, и вдруг — остановка. Ученик «забыл» все, что дальше. Учитель подсказывает всего несколько слов — и все недосказанное сразу всплывает в психике ученика. Эти несколько слов и были тем связующим звеном, которое временно выпало из ассоциативной цепи.

Ученик «забыл» их; однако, если бы дать ему время «подумать», он и сам бы их «вспомнил». Очевидно, что недостающее звено не было просто уничтожено — оно «существовало», но не «переживалось». Чтобы такое сочетание понятий не было плоским противоречием, совершенно необходимо принять то, что мы признали: недостающее переживание, которое разрывает ассоциативную цепь, находится в состоянии полной интерференции, т. е. в соединении с прямо противоположным переживанием; рядом со вступлением элементов в поле сознания идет устранение совершенно тождественных элементов, и наоборот[53].

Как бы ни был ничтожен размер «интерферированного» комплекса, все равно, то, что присоединяется к полю сознания *при посредстве* этого комплекса, окажется вне этого поля. Величина перерыва совершенно не имеет здесь значения: ученик может «забыть» одну букву и он не в состоянии вспомнить ни того имени, которое с нее начинается, ни целой истории, которая с этим именем ассоциирована. Стоит вспомнить ему эту букву — и он

вспоминает сразу все дальнейшее. При этом обыкновенно это «дальнейшее» вступает в поле сознания с такой стремительностью и в таком количестве, которые далеко превосходят предыдущее течение ассоциаций у того же лица; невольно является мысль, что все эти комплексы уже «имелись готовыми», уже «переживались», только в другом поле, которое было перерывом отделено от поля сознания; перерыв исчез — и обе сферы переживаний слились между собой.

В данном случае такое предположение может показаться необоснованным. Но в целом ряде других случаев, по основному смыслу очень близких к этому, оно оказывается необходимым, единственно возможным.

Эти случаи мы уже знаем: все явления «бессознательных высказываний» и вообще «внесознательных переживаний». На них нам следует опять остановиться: идея интерференции переживаний дает нам новое освещение, отнимающее всю их принципиальную загадочность.

«Бессознательные высказывания» соответствуют, как мы видели, изолированным координациям переживаний, которые не примыкают прямо к главной координации — сознанию, но в то же время жизненно с ней связаны — до сих пор мы не пытались ближе определить, каким образом. До сих пор мы имели только намеки относительно характера этой связи: параллелизм переживаний с их физиологическим отражением — жизнеразностями дал нам эти намеки. Не все жизнеразности непосредственно сливаются с главным потоком жизнеразностей центрального аппарата; те, которые от него изолированы, должны соответствовать «изолированным» от сознания переживаниям с их «бессознательными» высказываниями. Теперь нам становится понятным и то, откуда эта изоляция возникает, и то, какая жизненная связь при ней сохраняется.

Все различные координации непосредственных переживаний, принадлежащие одному и тому же «живому существу», взаимно связаны такой же, по существу, связью, как та, которая наблюдается внутри их, — связью

ассоциативной. Если тем не менее они оказываются «в различном поле», если они непосредственно не сливаются между собой, то это зависит *не от абсолютных перерывов* между ними: тогда не могло бы быть и речи ни о каком жизненном единстве. Перерывы — это только интерферированные звенья непрерывной ассоциативной цепи, переживания, нейтрализованные параллельно протекающими противоположными переживаниями. Стоит этим промежуточным звеньям выйти из своего динамического равновесия — и различные координации сливаются, выступают «в общем поле». Так нередко и бывает в действительности.

Поясним это на примере. Ваше «сознание» всецело поглощено обдумыванием трудного и сложного предприятия, которое вы подготавливаете; «бессознательно» вы идете по улице, тщательно обходя все встречные препятствия. Но вот с вами сталкивается знакомый, который останавливает вас и спрашивает, куда вы идете. Вы сразу «возвращаетесь к действительности» и начинаете замечать окружающее; но в то же время прежняя нить

мыслей не прерывается, а только несколько спутывается и начинает развиваться замедленным темпом. Таким образом, две прежде изолированные координации слились в одном поле. Что же вызвало эту перемену? Новый комплекс (оклик знакомого) с большой энергией вступил в один из ассоциативных рядов и нарушил равновесие ассоциативно смежных комплексов. В числе этих комплексов нашелся и такой, который мог ассоциативно связать данный ряд с другим и, выйдя из состояния полной интерференции, действительно связал их.

На этой иллюстрации легко видеть, насколько подобная интерференция переживаний может являться жизненно целесообразной. Пока два ассоциативных ряда были разъединены, каждый из них развертывался самостоятельно, и ни один «не мешал» другому. Едва они встретились в одном поле — они начинают непосредственно влиять один на другой, что при их большой разнородности приводит к дисгармоническим комбинациям. Отношение к окружающему перестает быть «автоматичным» и стихийно-решитель-

ным, становится «сознательным», но также более сложным и более колеблющимся; оно требует больших затрат энергии, чем прежде [54]. С другой стороны, «обдумывание» затрудняется «посторонними обстоятельствами», которые «отвлекают внимание»; оно не только требует больших затрат (усиленного напряжения), но и подвигается менее успешно, потому что новые комплексы, вступившие в сознание, дисгармонируют с теми, которые группировались в процессе «обдумывания», и понижают их энергию.

Гораздо более яркие иллюстрации к нашей точке зрения и гораздо более убедительные доказательства ее правильности дает область психологических и психиатрических «чудес» — гипнотизма, внушения, истерии.

VI

Здесь не место описывать тот богатый материал из области психиатрии, невропатологии, гипнологии, который имеет ближайшее отношение к нашей идее: этот материал можно найти в учебниках, в специальных исследованиях; благодаря той окраске загадочности, какая до сих пор в значительной мере

ему свойственна, он проник даже в популярную литературу. Наше дело отметить те *общие черты* этого материала, которые не могут быть сделаны принципиально понятными иначе, как с *нашей* точки зрения.

Истерические параличи и анестезии имеют чисто «функциональный» характер: никаких «органических» изменений, какие бывают при других параличах и анестезиях, здесь не удастся констатировать: ни повреждений или перерождений в нервных центрах, ни нарушений в гистологии проводников. Более того: принципиальная неустойчивость этих явлений, возможность почти мгновенно возникающих резких перемен в их течении (трансферт, различные эффекты внушения, неожиданные излечения и т. п.) ясно доказывают, что здесь действительно нет никаких значительных, сколько-нибудь глубоких изменений в жизненной системе. И в еще большей, очевидно, мере все то же относится к параличам и анестезиям внушенным.

Каким же образом при жизненной целостности нервных центров и проводников возможны такие обширные и серьезные нарушения

в их функции?

Различные опыты и наблюдения над истеричными показывают, что «анестезированные» области их тела не только могут «чувствовать» внешние раздражения, но нередко даже «чувствовать» гораздо тоньше, чем при нормальных условиях, так что приходится признать настоящую «гиперестезию»[55]. Эта «не чувствующая чувствительность» может выражаться в сложных высказываниях, что и заставило многих исследователей принять особое «подсознание», управляющее реакциями анестезированных областей организма, а также выступающее и в некоторых других случаях[56]. Мы видели, что всего проще и целесообразнее рассматривать все это как частные случаи жизненного обособления психических координаций от главной группировки переживаний — от сознания. Вопрос заключается именно в том, что их обособляет, какие «стены» или «перегородки» возникают в этих случаях между принадлежащими одному существу группами переживаний.

Берем какой-нибудь из тех замечательных, поражающих народное воображение

фактов, когда удачное внушение устраняет эти таинственные перегородки и больной чувствует себя «чудесно исцеленным» — все равно, происходит ли это в клинике врача-специалиста, в кабинете шарлатана-магнитезера, в Лурдских пещерах и т. п. Что может дать один человек другому при акте «внушения»? «Внушение» — это только определенное высказывание внушающего, происходящее при определенных условиях; лицо, подвергающееся этому акту, физиологически может получить при этом только одно — такую или иную *жизнеразность*. Но эта жизнеразность может при известных условиях коснуться именно тех частей системы, которые, находясь в подвижном равновесии, *разделяли* собою два потока жизнеразностей, протекавших в других областях системы; тогда оба потока сливаются в один, и разъединенные системы высказываний объединяются между собою: отпавшая координация примыкает к главной. Психически — человек получает новое переживание, которое, присоединяясь к главной ассоциативной цепи («сознанию»), в то же время оказывается прямо ассоциирова-

но и с другой, — до сих пор отдельной цепью переживаний. Очевидно, это то же самое, что «забытое слово», которое учитель подсказывает ученику и без которого весь конец стихотворения выпадает из области психического опыта ученика. И подобно этому забытому слову, «новое переживание», позволяющее больному «вспомнить», как совершаются произвольные движения его до этого момента парализованной ноги, не может быть *действительно новым* комплексом: каким образом оказалось бы оно тогда ассоциировано с «отпавшей» координацией, когда вводится непосредственно не в нее, а в главную координацию?

Очевидно, что здесь дело идет об *интерферированном* переживании (физиологически — об интерферированной жизнеразности). «Внушающий» не может *прямо* дать недостающее ассоциативное звено, как учитель прямо подсказывает забытую фразу; «внушающий» дает его косвенно, вызывая ближайшие к нему из наличных звеньев таким образом, что они выступают с исключительной, необычайной энергией. Он говорит

решительным тоном: «встань и ходи»; несомненно, что представления и желания, связанные с этими словами у паралитика, суть именно те, которые ближайшим и теснейшим образом связаны с недостающим, интерферируемым комплексом (вероятно, иннервационным); выступая с резко повышенной энергией, они нарушают динамическое равновесие этого комплекса — он становится «непосредственным переживанием» и смыкает концы разорванной ассоциативной цепи.

«Внушение», как известно, не единственный стимул таких исцелений. Всякие сильные потрясения психической системы до известной степени обладают этим свойством. Нередко (сравнительно, разумеется) простой испуг помогает истеричному субъекту «вспомнить» употребление парализованных частей тела. Путь здесь оказывается еще более косвенный, чем при внушении, но сущность дела та же. Ряд переживаний, с большой энергией вступающих в цепь «сознания», вызывает резкие колебания в интенсивности и силе других комплексов этой це-

пи; в числе прочих испытывают такое колебание и те комплексы, которые ближе всего примыкают к интерферированным звеньям; эти звенья вовлекаются в общее потрясение психической системы и вводят в него целые новые координации.

Внушенные параличи и анестезии дают нам и другой момент этих явлений — образование перерыва координаций путем жизненной интерференции. Тут механизм явлений выступает еще нагляднее. Внушающий прямо стремится вызвать и фиксировать в психике пациента переживания, прямо противоположные тем, которые соответствуют нормальной функции данного органа («твоя рука ничего не чувствует... она бессильна... она неподвижна... она отнялась»... и т. п.). Если внушающему удастся достигнуть таким образом надлежащей интерференции только на одном минимальном пункте ряда переживаний, связывающего данную частную координацию с остальными, то дело сделано, перерыв между группами переживаний осуществлен. Очень понятно, что совершенно аналогичным путем его возможно и устранить, как

это и делается.

Внушением при тех особенно благоприятных для него условиях, которые даются некоторыми гипнотическими состояниями, экспериментаторы достигают результатов, заключающих в себе, на первый взгляд, не только психологическое, но и логическое противоречие. Внушается, например, по пробуждении «не видеть» такого-то; и пациент точно исполняет это, без малейшей симуляции, в чем убеждают различные контрольные приемы. Пациент искренне изумляется, когда «невидимое» для него лицо берет и поднимает какой-нибудь предмет, потому что ему кажется, что предмет висит в воздухе. Чтобы таким образом «не видеть» данное лицо, его, очевидно, надо хорошо различать среди всей обстановки, отчетливо выделять из нее, словом — ясно видеть. Единственное возможное разрешение этого формального противоречия, наглядно опровергающего абсолютный априоризм логики, таково: данное «невидимое» лицо все время продолжает существовать для пациента как такой комплекс элементов, который либо интерферируется целиком, либо

отделяется от главной цепи переживаний интерферированными ассоциативными звеньями[57].

Вполне аналогичный смысл имеют, очевидно, различные опыты с внушенным забыванием и т. п. Но мы полагаем, что пока достаточно иллюстраций. В сущности, все это ничуть не более загадочные факты, чем то постоянное явление, что все комплексы сознания существуют в нашем психическом опыте с перерывами, а все наши двигательные реакции также с перерывами возникают в сфере физического опыта. Познание не может мириться с нарушениями непрерывности; оно творчески их заполняет на основе того же опыта, создавая схемы, превращающие перерывы в частные случаи непрерывности. Для перерывов сознания такая схема — интерференция переживаний, для двигательных реакций — интерференция жизнеразностей.

VII

Одна часть нашей задачи может считаться выполненной: мы показали, каким образом жизненная связь тех комплексов, которые об-

разумеют одно «живое существо», допускает разделение тех «полей», в которых являются эти комплексы. С достигнутой нами точки зрения может, на первый взгляд, показаться совсем уж легкой другая часть задачи — вопрос о том, как возможно разъединение психических полей у *различных* живых существ. Но очень большая легкость иногда оказывается при ближайшем анализе еще большей трудностью. Дело идет не только о том, как *разобщаются* комплексы опыта различных живых существ, но и о том, как они *сообщаются*, в каком общем поле находятся их отдельные психические поля. Интерференция может только разъединить то, что уже связано.

Мы приняли на основании многих соображений, что всякому физиологическому комплексу соответствует комплекс непосредственных переживаний, отражением которого он является. Вот физиологический комплекс — сетчатка глаза; так как он представляет собой сложную, в основе *нервную* ткань, то мы можем думать, что соответственный комплекс непосредственных переживаний

очень высокодифференцирован и вообще отличается высоким развитием. Он находится в непрерывной жизненной связи с остальной системой переживаний, и связь эта выражается в наличии зрительного нерва, объединяющего жизнеразности сетчатки с жизнеразностями мозга. Перережем один из зрительных нервов: связь одной из сетчаток с мозгом нарушена, все «непосредственные комплексы», соответствующие ее жизнеразностям, отделены от главной ассоциативной цепи, не вызывают в ней больше тех комбинаций, которые называются «зрительными впечатлениями». Это — зрительная анестезия, но она не похожа ни на какую истерическую или внушенную слепоту: она не поддается действию никакого внушения. Тут не интерференция ассоциативных звеньев, а что-то другое.

И однако, связь не абсолютно утеряна. Другой глаз видит, и при помощи довольно простой комбинации оптических зеркал и стекол можно сделать так, что он будет видеть сетчатку, зрительный нерв которой перерезан. Но «видеть», «воспринимать» *сет-*

чатку — это, как мы знаем, означает получать *отражение* тех «непосредственных комплексов», которым она, как физиологическое явление, соответствует. Другими словами, изолированные от главной цепи переживаний путем разрушения, дезорганизации посредствующих звеньев, эти комплексы остались в иной, «непрямой» связи с этой цепью: они косвенно «отражаются» в ней, но не вступают в нее непосредственно; и понятно, что это «отражение» неизмеримо беднее их собственного содержания: видеть сетчатку глаза с ее изменениями — это бесконечно меньше, чем «видеть при посредстве» этой сетчатки [58].

Перерезка зрительного нерва есть его разрушение, дезорганизация; дезорганизованная часть его приобретает и по отношению к мозгу, и по отношению к живой еще сетчатке такое же значение, как любая часть «неорганизованной среды». Перерыв и тут не абсолютный: есть все основания думать, что те физико-химические изменения, которые свет продолжает еще вызывать в сетчатке, не пропадают и теперь бесследно для мозга, что они

и теперь «передаются» через перерыв нерва, но совершенно не в том виде и не в той степени, как прежде; они вызывают не те «зрительные» изменения в мозгу, как прежде, а иные, несравненно менее значительные и несравненно менее сложные и, главное, — иного типа. Словом, через перерыв получается только слабое «отражение» процессов, происходящих в сетчатке, подобно тому как другая сетчатка при посредстве световых волн, зеркал, стекол и вообще неорганизованной среды получает лишь незначительное «отражение» физиологической жизни той же первой сетчатки. Из этих двух случаев «отражения» нам хорошо знаком, изучен по вполне понятным причинам — только последний, но сущности дела это не меняет — не меняет того, что с точки зрения современной науки всюду, где организованная жизненная связь не существует или разрушается, неорганизованные комплексы — внешней или внутренней среды — могут служить посредствующей связью для *косвенного отражения* одних жизненных процессов в других.

Такого рода отражения одних жизненных комплексов в других легко возникают и тогда, когда между ними имеется непосредственная, прямая жизненная связь: человек может «видеть» свою собственную сетчатку «при помощи» этой самой сетчатки (для этого требуются очень простые оптические приспособления); человек может «воспринимать» свое собственное тело, а при некоторых, правда совершенно исключительных, однако принципиально осуществимых, условиях — и некоторые из своих „нервных центров“». Все подобные случаи совершенно однородны с теми, когда вообще одно живое существо «воспринимается» другим.

Мы определили «среду» живых существ, не «отраженную» в их восприятии и представлении, а взятую «an sich»[59] как цепь неорганизованных комплексов[60]. Вопрос, возникающий из всех вышеизложенных фактов опыта, заключается в следующем: *объяснить с точки зрения причинной связи двойственное отношение среды к жизненным координациям — ее свойство и разъединять эти координации, делая, например, сознание одно-*

го существа непосредственно недоступным другому, и в то же время косвенно соединять их, обуславливая взаимные «отражения» одной координации в другой.

VIII

Прежде всего у нас есть данные для некоторых отрицательных характеристик интересующей нас области «неорганизованных комплексов».

Во всяком случае, их «неорганизованность» не может быть полной и безусловной, они не могут представлять собой абсолютно-го хаоса — иначе они не были бы комплексами и не составляли бы вообще никакой среды. Не обладая никакой организованностью, никакой определенностью, они не могли бы «отражаться» в нашем опыте в виде вполне *определенных* «внешних восприятий» и «физических тел»: они не оказывали бы никакого определенного, устойчивого влияния на течение нашего опыта. Очевидно, дело идет лишь об *относительной неорганизованности*, или, что то же, о низшей или ничтожной организованности, неопределенной и неустойчивой по сравнению с комплексами развито-

го опыта.

Далее, нельзя рассматривать эти комплексы и как находящиеся в состоянии полной интерференции, потому что она означает *полный перерыв* связи между ассоциативными рядами; а «среда» хотя и разъединяет ассоциативные группировки, например психики различных людей, но оставляет и некоторую связь между ними, допускает возможность косвенного их общения, возможность «отражения» одной психики в другой.

Но, с другой стороны, в любой цепи комплексов, все равно каких, организованных или неорганизованных, *перерыв их общего поля достигается только путем полной интерференции*, иначе он был бы беспричинным. Если бы сознание А и сознание В связывались цепью неорганизованных комплексов, в которой не было бы полной интерференции, то эта цепь не отличалась бы от любой ассоциативной цепи ничем, кроме очень неустойчивого содержания, и вместе с обоими сознаниями образовала бы одно общее поле, в котором только кроме двух рядов определенных комбинаций была бы еще масса

комбинаций неопределенных и неустойчивых. В действительности этого не наблюдается.

Итак, интерференция в ряду комплексов среды есть, и полная, но такая, что полного перерыва связующей цепи не дает, а в то же время дает перерыв относительный, при котором две, например, системы сознания образуют два различных поля переживаний и, однако, «отражаются» одна в другой. Опять перед нами, по-видимому, комплекс противоречий, и притом плоских.

Но это только по-видимому. Присмотримся к делу поближе. В организованной ассоциативной цепи отдельные комплексы обладают известной определенностью и устойчивостью. Если они подвергаются интерференции, то и она представляет собой нечто определенное и устойчивое: при продолжающейся смене переживаний в обеих частях ассоциативной цепи обе они остаются в течение известного времени разъединенными — живут действительно отдельной жизнью. Не так вы неорганизованные комплексы среды: они неопределенны и неустойчивы, они не обла-

дают сложившимся и сохраняющимся строением, они непрерывно и стихийно изменяются — иначе мы не можем представить себе их «неорганизованность». Но если так, то и полная интерференция для каждого из таких комплексов может быть только *моментом, но не состоянием*: это мгновенная, неустойчивая интерференция.

Принимая как наиболее вероятные характеристики большую несложность и неопределенность, постоянные распадения и непрочные объединения таких комплексов, принимая, что различные ассоциативные, например психические, системы связываются при посредстве *очень большого числа* таких мелких неорганизованных комплексов, мы можем сделать один важный вывод уже a priori, на основании принципа вероятности. Этот вывод будет такой: во всякой подобной цепи неорганизованных комплексов, примыкающей к двум различным организованным рядам, во всякий данный момент должны найтись пункты полной интерференции (и притом, можно думать, *много* таких пунктов).

Раз это так, раз в промежуточном ряду комплексов «среды» всегда имеются отдельные группировки, находящиеся в полной интерференции, то для нас как нельзя более понятно, почему поле психики А и психики В оказывается различным. Но, спрашивается, каким же образом связь между А и В при этом не уничтожается безусловно?

Вопрос решается тем обстоятельством, что здесь дело идет о *неустойчивой* интерференции, моментально возникающей и столь же быстро исчезающей в каждом данном ее пункте. Пока интерференция продолжается, она прерывает не только «поле» комплексов, но и взаимное влияние, взаимодействие тех комплексов, которые разъединены интерферированными группировками. Но лишь только интерференция данной группировки прекращается, прежде разъединенные комплексы оказываются в одном поле и начинают взаимно изменять друг друга, тем более интенсивно, чем менее они организованы, чем более неустойчивы. Таким образом, постоянно возникающие перерывы цепи не мешают тому, что различные ее звенья действуют

друг на друга, известным образом «отражаются» одно в другом. И если эта цепь связывает две ассоциативные системы, то этот ряд последовательных «изменений» или «отражений» приведет к тому, что каждая из этих систем не прямо, но, как мы видим, весьма косвенно будет изменять другую — «отразится» в ней, породит в ней «восприятие» жизненно-го комплекса.

Пусть, например, живое существо A и живое существо Z связываются цепью неорганизованных комплексов среды $\delta, \gamma, \delta, \epsilon, \dots \chi, \lambda, \mu, \dots \nu, \phi, \chi, \phi$. Предположим, что в данный момент группировки δ, λ, χ находятся в состоянии полной интерференции. В таком случае, во-первых, A и Z находятся в *различном* поле; во-вторых, β и λ находятся в одном поле с системой A и подвергаются ее изменяющему влиянию, а ϕ — в одном поле с Z и также подвергаются ее влиянию; в-третьих, β влияет на γ, ν и на ϕ , и обратно, но пока δ, λ, χ интерферированы, через них никакое влияние, никакое изменение не передается, не «отражается». Но в следующий момент действием различных примыкающих комплексов эти δ, λ, χ

выводятся из состояния интерференции, переходя в новый вид δ' , λ' , χ' а в состояние интерференции приводятся — также, конечно, действием различных примыкающих комплексов — β , μ , ν . Теперь уже комплекс γ оказывается в одном поле с δ' и ϵ ; а так как он в предыдущий момент изменен влиянием β и A , то это изменение теперь через него «отражается» и в δ' , и в ϵ , словом — «передается» дальше по цепи неорганизованных группировок; но дальше в каком-нибудь пункте «задерживается» другими интерферированными группировками. В следующий момент эти группировки выйдут из своего равновесия, и изменение отразится через них на следующих звеньях и т. д. Этим путем — не прямым, а косвенным — совершится «общение» живых существ, «восприятие» одного из них другим и обратно.

Давая картину этой передачи, мы поневоле прибегаем к пространственным символам («цепь», «смежные группировки» и т. п.); но здесь они имеют тот же переносный смысл, какой придается им в выражениях: «ассоциативная цепь», «ассоциация по смежности» и

т. п. Мы воспринимаем свою «среду» пространственно; но это уже отражение неорганизованных комплексов среды в нашей психике, а не самые комплексы в их непосредственности. Это вполне аналогично тому случаю, когда мы воспринимаем человека как «тело», в пространственной форме, но его «сознание» не представляем себе как нечто пространственное[61]. Смежность всяких вообще «непосредственных» комплексов следует представлять себе по типу смежности психических группировок в нашем опыте[62].

Я хотел бы продолжить изложение своей концепции, но здесь возникает опасение, которое заставляет меня немного уклониться в сторону. Очень вероятно, что иного читателя-позитивиста моя концепция приведет в большое недоумение, что он скажет: какая метафизика! — и даже, быть может, с негодованием захлопнет книгу. А читатель-метафизик? Он, конечно, вовсе не будет читать мою работу, и, говоря откровенно, это не слишком огорчит меня. Но у читателя-позитивиста я попрошу еще несколько минут внимания. Мне не хотелось бы, чтобы у меня с ним вы-

шло недоразумение, которое, как я глубоко убежден, послужит не только не к моей, но и не к его пользе.

IX

Метафизика возникает там, где мышление пытается выйти за пределы *возможного опыта*. Так как всякое действительное мышление есть *гармонизация опыта* и, следовательно, имеет опыт своим содержанием, то метафизика есть *мнимое мышление*. Она возможна потому, что область употребления слов шире области мышления; она представляет собой словесные комбинации без познавательного содержания. Она подчиняется не законам логики, но законам грамматики, хотя иногда, впрочем, и их в увлечении нарушает.

Выход за пределы *возможного опыта* совершается в двух направлениях:

1. Принимаются элементы принципиально иного рода, чем те, какие имеются в опыте. Такова подкладка непознаваемой «вещи в себе», не имеющей по содержанию (т. е. по элементам) ничего общего с «явлением».

2. Принимаются *отношения* принципиально иные, чем те, в каких соединяются эле-

менты опыта. Таково все «абсолютное», «безусловное», «вневременное» и т. д.

Этими двумя чертами характеризуется метафизика.

Выход за пределы *действительного* опыта в область опыта возможного есть не метафизика, а *гипотеза*. Гипотеза — необходимый элемент всякого познания; она даже является *душой* познания. Всякое познание стремится на основе действительного опыта конструировать опыт возможный — стремится к верной гипотезе, дающей прочный базис для практики.

Гипотеза, которая имеет дело с действительными элементами опыта и его действительными отношениями, которая только создает из них новые комбинации, такая гипотеза, конечно, может быть *не верна*, но она не метафизична. Ей не хватает «предпосылок» метафизичности.

Такова наша гипотеза. Ее «непосредственные комплексы» — это комплексы тех же элементов, какие находит анализ опыта. И внутренние, и внешние отношения этих комплексов — принципиально те же, какими связы-

ваются элементы и комплексы в опыте.

Но, может быть, здесь есть третья, хотя и производная, но зато самая важная черта метафизики — словесная пустота абстракций? Этого было бы достаточно. Ведь «непосредственных комплексов», которые для нас «отражаются» в растительных и неорганических телах, мы не можем себе представить; значит, они — только слово?

Слово не пусто, когда оно выражает *определенную тенденцию* в группировке фактов опыта, хотя бы эту тенденцию мышлению и не удавалось в данное время реализовать. «Жителей Марса» мы не можем себе представить; но это — не пустое слово для того, кто обсуждает вопрос о происхождении каналов на Марсе. Для такого человека данный термин выражает определенную познавательную тенденцию: представить известные особенности планеты Марса по типу культурных изменений земной поверхности. «Житель Марса» — это четвертое пропорциональное к трем данным: «земные каналы» — «человек» — «каналы Марса». Решается задача: определить неизвестное, которое так же от-

носится (не в алгебраическом, разумеется, смысле) к каналам Марса, как человек — к каналам Земли. Очень вероятно, что задача составлена никуда не годно; но не в этом тут дело, а в том, что ее X — не пустое слово, а функция данных величин, хотя даже форма этой функции не вполне определена.

Наша задача составлена так: определить неизвестное, которое стоит в таком же отношении к неорганическим процессам и любой низшей форме жизни, в каком психические переживания стоят к физиологическим процессам нервной системы. К трем данным опыта подыскивается четвертое, чтобы связать эти три в гармонической формуле. Форма связи ближе еще не установлена; большинство позитивистов полагает: неизвестное равно нулю. Я прихожу к иному решению и намечаю направления, в которых следовало бы искать неизвестное, исходя из данного (элементы — те же, что в опыте; отношения — принципиально не отличающиеся от тех, какие нам знакомы в опыте, но только несравненно менее сложные, несравненно менее определенные, несравненно менее

устойчивые и т. д.). Решение можно критиковать, можно находить, что гипотеза неверна, бесполезна, но нельзя утверждать, что она пуста, метафизична.

Х

Итак, наша гипотеза рассматривает «физическую» среду жизни как «отражение» (в социально-организованном опыте живых существ) среды «непосредственной», которая разлагается на ряды неорганизованных (точнее — минимально организованных) комплексов. «Мир» же, т. е. сумма жизненных процессов и их среды, является в этой концепции как *бесконечно развертывающийся ряд группировок, в которых связь элементов представляет самые различные степени организованности, от самых низших, свойственных комплексам среды, до высших, свойственных психике человека.* Наконец, «физическая природа», включая в себя и «тела» живых существ, выступает как «отражение» этого мира в одной его части — в высших «психических» группировках, организующихся в человеческой психике под влиянием ее «общения» с другими.

С этой точки зрения теряют всякую таинственность многие основные загадки человеческого опыта.

Во-первых, делается понятным тот факт, что материал для самых высших, «сознательных» форм жизни непрерывно берется из «мертвой природы» и что в эту же «мертвую природу» беспрерывно переходит «живая жизнь». Дело идет здесь о группировке менее организованных комплексов в более организованные, ассоциативные комбинации, а также о дезорганизации этих последних опять на менее организованные комплексы.

Во-вторых, понятно и то, что «жизнь» подчиняется всем общим законам «неорганического мира», не создавая исключений. Это только означает, что высшие степени организации, возникая путем усложнения и развития низших, естественно включают в себя эти последние, как большее включает в себя меньшее.

В-третьих, ничего загадочного не оказывается не только в общении «психических» существ при посредстве «физической» среды, но и в *ограниченности* этого общения, в том,

что оно возможно лишь при целом ряде условий, что оно легко прерывается, и когда существует, то остается в высшей степени неполным. Достаточно представить себе, насколько косвенным путем совершается это общение, как много может быть посредствующих звеньев, из которых каждое влияет только на смежные, насколько должно ослабляться влияние начальных звеньев при возрастании общего их числа и как часто на пути передачи должны возникать интерферирующие комбинации, безусловно ее прерывающие, — и станет ясно, насколько больше в каждом данном случае шансы изолированности, чем шансы общения жизненных комплексов [63]. Но изолированность ничего не создает, а общение порождает организующий процесс, результаты которого прогрессивно накапливаются и возрастают.

Наше представление о роли неорганизованных комплексов среды естественно приводит к такому вопросу: а не возможен ли случай, когда во всей связующей два живых существа цепи этих комплексов *не найдется* пункта полной интерференции, так что «пе-

реживания» обоих существ окажутся прямо в *одном поле*, две ассоциативные цепи прямо объединятся? Это было бы настоящим слиянием душ... На этот вопрос можно ответить, что в нашем опыте таких случаев, по-видимому, не встречается; но с другими живыми существами это, по-видимому, бывает. Я подразумеваю *конъюгацию* одноклеточных организмов и половых клеток. Слияние двух клеток в одну едва ли может выражать что либо иное, как объединение двух раньше независимых рядов переживаний в один ряд. Для людей такой метод слияния душ, очевидно, не годится, хотя греческая мифология и нашла один такой случай (история Гермафродита и нимфы).

Могут ли впоследствии быть найдены людьми какие-нибудь способы и средства прямого общения их психических организаций — вопрос, который здесь бесполезно обсуждать.

XI

Одно из самых вероятных и, как мне кажется, наиболее сильное возражение против изложенной концепции было бы такое. Так

как мы не умеем представить себе низших «непосредственных комплексов», то к чему может послужить введение их в систему научного мышления? Расширят ли они область нашего *предвидения*, которое составляет реальный смысл познавательной деятельности?

Проще всего было бы отклонить это возражение таким путем. Если данная точка зрения действительно устраняет некоторые из хронических познавательных противоречий, не создавая равносильных им новых, то она расширяет сферу предвидения уже тем, что сберегает часть энергии познающего для творческой деятельности познания. Но я лично не склонен остановиться на этом; я склонен полагать, что действительно правильная концепция должна и более прямым путем увеличивать возможность предвидения, хотя бы это обнаруживалось не сразу.

Совершенно очевидно, что наша точка зрения позволяет постоянно, по мере надобности, подставлять вместо комбинаций «отражаемых» — «отраженные», вместо комплектов «непосредственных» — «физиче-

ские» и наоборот. Фактически мы так и поступаем везде, где принимаем эти обе «стороны» действительности. Когда нам надо предвидеть поступки человека, мы с большой пользой исходим из представления о его «непосредственных переживаниях», когда надо предвидеть траекторию его падения или влияние его непрозрачности на объем нашего поля зрения, мы берем его как «физическое» тело.

То же самое практикуется во всех областях биологического опыта; но только по мере приближения к низшим формам жизни точка зрения непосредственных переживаний все реже становится для нас полезной. Но здесь мы никогда не покидаем ее вполне. Когда, например, мы видим ползущий плазмодий и знаем, что на его пути есть место, слегка смоченное серной кислотой, мы «предвидим», что плазмодий свернет в сторону, хотя характер происходящих при этом физико-химических реакций нам неизвестен. Точно так же мы предвидим, что посаженное нами в тени растение будет «тянуться к свету», хотя механизм этого процесса нам не вполне

ясен. Мы не говорим уже о насекомоядных растениях и тому подобных биологических фактах. Все это мы стремимся «объяснить» и с «физической» точки зрения, потому что тогда наше предвидение станет точнее, определеннее, шире: однако и после объяснения для нас иногда будет экономнее пользоваться старым приемом предвидения.

Но и в сфере неорганических явлений наука часто дает такие формулировки для предвидения, применяя которые мы неизбежно становимся на точку зрения антропоморфной аналогии. Таковы, например, все законы, в которые входят понятия *minimum* и *maximum* («линия наименьшего сопротивления», «принцип наименьшей поверхности» и т. п.). Из этого антропоморфизма различные метафизики, как Вундт, делают выводы в смысле телеологического миропонимания. Наша точка зрения ставит все эти оттенки познавательной деятельности на их надлежащее место. Она не допускает телеологических выводов, потому что причинно объясняет жизненный смысл и значение этого антропоморфизма: если он бывает пригоден для

предвидения по отношению к неорганизованному миру, то именно потому, что наша психика сохраняет общие черты неорганизованных комплексов, из которых возникла путем развития. В то же время наша точка зрения наглядно выясняет ограниченное значение этого антропоморфизма: она показывает, что рамки его полезности суживаются тем более, чем дальше мы уходим от нашего собственного типа организации переживаний. Этим предупреждаются многие ложные предвидения, которые возможны с точки зрения панпсихизма и тому подобных доктрин.

Здесь открывается широкое поле для исследования приемов и возможностей человеческого предвидения вообще.

* * *

С точки зрения нашей концепции получает определенный смысл идея *мирового* прогресса. При сколько-нибудь дуалистическом миропонимании понятие прогресса применимо только к области жизни, да и то, строго говоря, не ко всей этой области: о прогрессе *жизни*, «лишенной сознания», можно говорить лишь с некоторой натяжкой. Но если,

как мы принимаем, царство неорганическое и царство жизни, жизнь рефлексов и жизнь сознания представляют собой только различные степени организованности «непосредственных комплексов», то понятие прогресса становится во всех этих областях одинаково полноправным. Его содержанием является тогда возрастание *организованности* комплексов.

Закон энтропии, который говорит о переходе мирового содержания к более устойчивым, более уравновешенным группировкам, отнюдь не должен рассматриваться как закон *прогресса*. Устойчивость, уравновешенность — это, вообще говоря, не то же самое, что организованность. Первая имеет статическую, вторая — *динамическую* тенденцию.

Возрастание организованности идет в двух направлениях: во-первых, расширение того материала, того содержания, которое охватывает данный комплекс (увеличение суммы его элементов); во-вторых, возрастание прочности той связи, которая объединяет его части (так что требуются все более сильные внешние влияния для нарушения этой

связи, для «дезорганизации» комплекса). Например, переход от низшего психического типа к высшему означает и прогрессивный рост количества переживаний, и прогрессивную их гармонизацию. Это — биологическая характеристика прогресса; но ясно, что для принятой нами концепции вполне естественно понятие возрастающей организованности применить и к «неорганическому» миру — рассматривая его не со стороны его отражения в нашей психике и в нашем социальном познании, а со стороны его «непосредственного» существования.

Таким образом, универсальная идея прогресса формулирует тот же идеал, который в более близкой нам биологической и социальной сфере выражается словами: бесконечное возрастание полноты и гармонии жизни.

Та же самая тенденция в еще более частной области — жизни познавательной — воплощается в идеале эмпириомонизма.

Всякий шаг вперед на пути познания или, что то же, всякое *истинное познание* является эмпириомонистическим: оно либо расширяет содержание, вмещающееся в данных фор-

мах познания, — расширяет его эмпирический материал, либо создает для этого материала более целостные и прочные формы, — *монистически* его преобразует; в конечном счете осуществляет и то и другое.

Ни в каком ином смысле прогресс познания невозможен: познание метафизическое, внеэмпирическое есть пустая фикция; познание, лишенное единства, внемонистическое означает только пробел познания. То и другое не есть «истина».

Свою точку зрения мы считаем одним из необходимых этапов эмпириомонизма [64]. Если мы в этом не ошибаемся, то она есть *истина времени*.

Заключение

Все три основных вопроса, рассмотренные нами в этой работе, сводятся к одной общей задаче:

найти тот путь, на котором возможно было бы систематически свести все перерывы нашего опыта к принципу непрерывности.*

Из числа основных перерывов опыта первый — наиболее привычный для современного сознания — есть пропасть, разделяющая

«дух» и «материю».

Новейший позитивизм показал тождество элементов, на которые разлагается содержание обеих этих областей опыта; перерыв свелся таким образом к двум принципиально различным типам связи элементов — физическому и психическому.

Наш анализ привел нас к выводу, что эти два типа связи различаются вовсе не принципиально, что это две последовательные фазы организации опыта: *психическое есть опыт, организованный индивидуально, физическое — организованный социально*. Второй тип является одним из результатов развития первого.

Другой из основных перерывов представляет, собственно, частный случай первого: это перерыв между «сознанием» и «физиологией» в сфере жизни. Но он приобретает особенное значение и ощущается с особенной остротой именно потому, что проходит через самую близкую нам область реального, и потому, что вынуждает в одном понятии «жизни» объединять, по-видимому, абсолютно различные по характеру и содержанию группы явлений.

Наш анализ устанавливает причинную связь между областью «непосредственных переживаний» и областью «физиологических процессов»: вторая рассматривается как отражение первой (в социально организованном опыте живых существ).

Этот вывод неразрывно связан с представлением о строгом *параллелизме* обоих рядов явлений и об одинаковой применимости к ним обоим *принципов энергетики*.

Наконец, третий основной перерыв — это тот, который выражается в антитезе индивидуального и универсального, а также индивидуального и другого индивидуального. Это — перерыв поля переживаний.

Наш анализ свел его к закону причинности, к определенной его форме — интерференции (именно интерференции «непосредственных» переживаний и вообще «непосредственных комплексов»).

Само собой разумеется, что всем этим намеченная задача не исчерпывается: разрешение одних вопросов ставит другие. Но эти дальнейшие вопросы — менее общего характера; их место в более частном, более специ-

альном исследовании.

Книга вторая

«Вещь в себе» с точки зрения эмпириомонизма

Та философия, которая стоит на строго исторической точке зрения, никогда не может, опровергая какое-либо широко распространенное и влиятельное заблуждение, ограничиться аргументами, прямо доказывающими его несостоятельность. Для этой философии не существует ни абсолютной истины, ни абсолютного заблуждения; во всяком заблуждении она должна найти ту долю относительной истины, которая создавала почву для веры в него, так же как во всякой истине она стремится отыскать ту долю заблуждения, которая требует перехода от этой истины к иной, высшей.

Вопросу о «вещи в себе» эта точка зрения должна отвести почетное место в истории истин — заблуждений. Когда понятие «вещи в себе» было доведено Кантом до высшей степени философской чистоты, тогда стало неиз-

бежным крушение этого понятия: его логическая пустота и с нею реальная бессмысленность не могли уже скрыться от ножа критики за оболочкой формальной неясности. Оказалось, что это понятие выражает не что иное, как реальность, ощипанную до такой степени, что от нее ничего не осталось. В этом понятии ничего не мыслится — таков его главный недостаток; и Кант *почти* обнаружил этот недостаток, поставивши свою «вещь в себе» вне категорий человеческого мышления, т. е., в сущности, вне сферы самого мышления, оперирующего этими категориями.

Попытки реставрировать разбитую «вещь» путем ее «критического» истолкования и перетолкования не привели ни к чему: в этих попытках несчастной «вещи» неизменно приходилось играть унижительную роль совершенно излишнего названия для философских понятий, и без того имеющих уже вполне удовлетворительные обозначения, как, например, понятие беспредельного прогресса познания. Так как вдобавок это излишнее название оказывалось еще в высокой

степени способным порождать длинные философские споры и трактаты и всякую путаницу, то очевидно, с ним желательно было как можно скорее покончить.

И вот, чтобы завершить необходимую ликвидацию несостоятельной «вещи», требуется отчетливо отделить ее бессмертную душу — ту долю истины, которая в ней жила, — от бренного тела, успевшего уже разложиться со времени Канта, от схоластического понятия, которое умерло и не воскреснет.

I

Дуализм «явления» и «вещи в себе» есть не что иное, как бледный, догорающий отблеск другого, яркого и полного жизни дуализма, того, который одухотворял всю природу, который за всякой физической реальностью находил скрытую в ней и управляющую ею душу, словом — дуализма анимистов. Для них «вещь в себе» и явление находились в очень простом и вполне реальном отношении, в том самом, в каком их собственная психика к деятельности их тела. Это отношение представлялось всеобщим и было первой формой развития «категории» причинности.

Я не стану рассматривать здесь социального генезиса этой формы[65] — здесь достаточно того несомненного факта, что она существует и для известной стадии культурного развития является всеобщей. Я не стану также описывать процесс ее последовательного преобразования от первобытных, грубо реалистических форм до утонченнейшего «идеализма» нашего времени[66]. Достаточно обратить внимание на следующие факты. Прогресс трудового опыта привел к разграничению мертвой и живой природы; при этом душа была отнята у большинства явлений и оставлена только живым существам как необходимая предпосылка для понимания и предвидения их реакций. Но стремление мыслить всякую реальность двойственно не исчезло и не могло исчезнуть, пока по этому типу неизбежно мыслятся самые близкие и самые важные реальности — люди и вообще живые существа; это стремление принимало только новые формы, приспособляясь к новым содержаниям расширяющегося опыта. Так, метафизические «силы» представляют собой не что иное, как обезличенные души

вещей. Одним из результатов дальнейшего обезличения и опустошения «душ» явились «вещи в себе». Он — продукт *философской* обработки опыта по преимуществу.

Философия возникла как стремление мыслить все содержание опыта в *однородных* и *связных* формах и приобрела самостоятельное значение именно как реакция против чрезмерной раздробленности и противоречивости опыта, выступивших на определенной стадии культурного развития[67]. Разделение природы на одушевленную и неодушевленную создало целый ряд затруднений для философии: каким образом связать в *однородных* формах мышления такие разнородные вещи? На почве этих затруднений, как способ разрешить их, и возникла «вещь в себе».

Первоначальное, анимистическое понимание причинной связи характеризуется тем, что в нем цепь причин ограничена и обрывается на определенном звене, именно — духе, который и является тогда последней причиной данного ряда фактов. «Дух», «душа» — это нечто «свободное», действующее из самого себя, не нуждающееся в дальней-

шем «объяснении». В эпоху всеобщего анимизма вся цепь причинности сводилась, таким образом, в каждом данном случае всего к двум звеньям: явление и дух, который за ним скрывается. Этот дух может действовать сообразно целям, как человек, но нет и мысли о *причинах* его действий и целей.

Прогресс технического опыта — борьбы с природой — вызвал удлинение этой цепи, но ее основной характер не изменялся: во-первых, отношение всякой причины к ее следствию продолжало мыслиться антропоморфически, наподобие отношения между волей человека и вызываемыми ею действиями; во-вторых, цепь обязательно оканчивалась на «последней причине» — свободной душе, или высшем творческом духе, или на активной из себя «силе» и т. п.

Чем труднее было удержать «душу» в явлениях неорганической природы, тем настоятельнее становилась потребность в ее замене какой-нибудь иной, «последней причиной», иначе ряд причин становился бесконечным, что было резким, мучительным противоречием для всего статического и дуалистиче-

ского мышления, которое привыкло и умело оперировать лишь с ограниченными рядами, лишь с прерывающимися цепями.

«Сила» — обезличенная душа — только отчасти давала такую замену, потому что она, подобно «душе», выражала активность, являлась причиной изменений; а между тем в процессе успешной борьбы с природой все больше выступала «пассивность» вещей, необходимость активного воздействия на них для того, чтобы они обнаружили скрытые в них «силы».

Для цельного мышления требовались «последние причины» вещей и со стороны их активности, и со стороны их пассивности, причины и «действия» вещей и их простого «существования». Эти «последние причины» и получили название «вещь в себе».

Развитие «вещи в себе» шло совершенно таким же путем, как развитие «души», — от грубого реализма к утонченнейшему идеализму. «Душа», как известно, была на ранних стадиях анимизма простым удвоением человека, его точным подобием, вложенным внутрь его тела, а потом все более теряла фи-

зические свойства, становилась все эфирнее и нежнее, пока не превратилась в чистейшую абстракцию. Аналогичным образом «вещь в себе» сначала была точным повторением вещи-явления; и еще у древних греков было распространено такое, например, воззрение, по которому мы видим вещи благодаря тому, что от них отделяются маленькие и тонкие их точные подобиya, которые и попадают в глаз. Но по мере того как обнаруживалась зависимость восприятия внешних предметов от состояния органов чувств и нервной системы, различие между «вещью в себе» и «явлением» стало возрастать. Было выяснено, что, например, цвет вещи не может быть отнесен к свойствам «вещи в себе», потому что различным людям одни и те же вещи могут представляться в различной окраске: наше «красное» и «зеленое» кажутся многим дальтоникам одним и тем же цветом, а для слепых вообще не существуют. Аналогичным образом оказалась «субъективной» характеристика «теплое» и «холодное»: одна и та же вода может ощущаться как «холодная» для согретой руки и как «теплая» для охлажденной.

То же относится к запаху «вещей», к их вкусу и т. д.

Так возникло разграничение между «кажущимися» или «субъективно существующими для нас» свойствами вещей и свойствами «вполне реальными», «объективными». Первые зависят от нашей организации, так сказать, привносятся ею в «явления», вторые от нее независимы, принадлежат «вещам в себе». Так смотрели на дело еще сенсуалисты и материалисты XVII и XVIII столетий. Дольше всего в качестве «объективных» свойств «вещам в себе» приписывались протяженность (форма) и непроницаемость.

Кант сделал последний шаг в очищении «вещи в себе» от всякой реальности: он отнял у нее все «чувственные» свойства, даже пространственность; его трансцендентальная эстетика учит, что восприятие вещей в пространстве, как и во времени, есть результат нашей познавательной организации, свойств «субъекта». При этом «вещь в себе» потеряла всякое *опытное* содержание и стала непознаваемой.

И здесь, как это произошло с понятием «души», развитие привело к голой, пустой абстракции; причем обе абстракции соединились вместе — «свободная» и «бессмертная» душа попала в мир «ноуменов», или «вещей в себе». Это соединение подтверждает и освещает идею об их общем происхождении.

II

Опустошенная Кантом «вещь в себе» стала познавательной бесполезной. Значит ли это, что она была только «заблуждением»?

Конечно нет. Правда, она была по преимуществу *философским* продуктом; практическое сознание большей частью обходилось без нее, считая все вещи вещами для себя и не разделяя их нисколько от вещей «в себе». Но философская потребность есть *законная* потребность познания; и ее удовлетворение не было ни забавой, ни роскошью. Эта потребность — стремление мыслить монистически. «Вещь в себе» была результатом распространения на всю природу того дуализма, который развился из анимистических воззрений. Она — «преобразованная душа» явления; а «душа» не была ни в каком случае про-

стой ошибкой познания.

Чтобы понимать и предвидеть действия людей и других живых существ, человек *должен* принимать у них восприятия и представления, эмоции и стремления, подобные своим собственным. Ошибка начинается тогда, когда он помещает все это *внутри* тел. Ошибка расширяется и развивается, когда *такие же* психические комплексы он вкладывает и в неорганизованные тела, «одушевляя» неживую природу.

«Вещь в себе» не страдает этой второй погрешностью. Она не антропоморфна. До Канта она страдает первой погрешностью: она «интроецирована», она представляется скрытой под явлением *пространственно*. У Канта она уже оказывается исправленной в этом отношении — *внепространственной* [68]. Я склонен думать, что этой особенности кантовского учения Авенариус отчасти обязан, сознательно или бессознательно, своей идеей о ненужности интроекции*, «вкладывания» психики в тело. От мысли Канта о нелогичности пространственного представления «вещи в себе», этого гомолога «души», было легко

(психологически легко, разумеется) перейти к мысли о неправильности пространственного представления о психике, о ее отношении к телу.

Так или иначе если «вещь в себе» есть исторически производное от «души», если она возникла первоначально как результат философского стремления, в дополнение и в параллель к принимаемой для живых тел «душе», создать нечто аналогичное для всех остальных явлений природы, то объективно критический анализ «вещи в себе», выяснение ее положительных элементов надо начать с ее первообраза — «души».

Одна из модных доктрин нашего времени есть панпсихизм*, идея о том, что каждому «физическому» процессу соответствует и за ним скрывается процесс «психический», как процессам нервных центров соответствует и за ними скрывается «сознание». Эта современная реставрация всеобщего анимизма имеет, несомненно, метафизический характер; она не находит научного применения, хотя и признается некоторыми людьми науки; она не устраняет коренного дуализма духа и

тела, поэтически его обобщает. И все-таки эта теория выражает ту же законную потребность — мыслить монистически, сделать раз признанные *необходимыми* формы познания — всеобщими, не ограничивая их отдельной частной областью явлений.

Здесь возникает вопрос: действительно ли совершенно необходимо хотя бы в некоторых случаях за «физическим» подставлять «психическое»? Не может ли человек рассматривать другие живые существа только как «тела», движущиеся среди других тел, как сложные, своеобразно действующие машины? Не может ли он обойтись без «гипотезы» о том, что они «чувствуют», «мыслят», «желают», что их действия стоят в зависимости от «психических переживаний»? Пусть даже никто не может обойтись без этой «гипотезы» практически; но нельзя ли отрешиться от нее, по крайней мере, в области чистой теории? Не окажется ли такая точка зрения наиболее строго позитивной, наиболее «критической», наиболее чуждой компромиссу между знанием и верой? Если в «гипотезе» есть догматизм, то критика *должна* с ним покончить...

Этот вопрос не так сложен и труден, как может показаться. Он легко устраняется фактом *социальности познания*. Мышление нераздельно с представлением о *доказательстве* истинного и *опровержении* ложного; а то и другое предполагает *социальное общение* людей. Субъективная характеристика «истинны» для всякого, кто думает, что нашел ее, заключается в том, что он может доказать ее всякому другому достаточно разумному существу, что она, эта истина, «общеобязательна», т. е. имеет значение не только для него, ее данного обладателя, но и для его со-человеков. Таким образом, психический солипсист, не признающий наличности психики у других людей, впадает не только в практическое противоречие, когда объясняет другим людям свои взгляды; он впадает и в теоретическое противоречие, когда считает свои взгляды «истинными», т. е. доказуемыми, т. е. имеющими значение не для него одного.

...Мы видим, что «гипотеза» о психике других людей вовсе в действительности не гипотеза, а необходимый элемент познания. Когда под такие-то данные высказывания дру-

гих людей я подставляю такие-то данные чувства и мысли, то гипотетично здесь только *данное содержание* подставляемого; оно нередко и бывает ошибочно: я могу «не понять» других людей. Но сама подстановка — отнюдь не гипотеза, а «конститутивный признак» познания как борьбы за истину, борьбы социальной и по генезису, и по цели.

«Подстановка», о которой мы говорим, не представляет собой ни в каком случае выхода за пределы возможного опыта. Ее правильность в каждом данном случае проверяется практикой: основываясь на своей «подстановке», мы предвидим действия других живых существ и сообразно этому рассчитываем свои собственные поступки. Если при этом мы обманываемся в своих ожиданиях, а в самих расчетах не находим никакой несообразности, то нам приходится исправлять подстановку: «он обманул меня», «я его не так понял» и т. п.

Удачная «подстановка» становится тем более трудным делом, чем дальше от нас отстоит другое существо по типу своей жизни и по ее тенденциям. «Понимать» иностранца труд-

нее, чем соотечественника, кошку труднее, чем человека, амебу труднее, чем кошку, врага труднее, чем друга, и т. д. Чем труднее «подстановка», тем больше приходится создавать по частным случаям неудачных гипотез, которые затем мы вынуждены отвергать или исправлять. Каждая конкретная подстановка может потерпеть крушение, это не колеблет принципа подстановки, который остается неразрывно связан со всем нашим познанием.

По мере развития опыта характер подстановки изменяется. Вначале она приводит к наивному антропоморфизму*: все люди, все живые существа и даже все предметы неживой природы «понимаются» по прямой и непосредственной аналогии с психикой самого познающего. Но шаг за шагом в аналогию вносятся поправки: частью уменьшается область ее применения — например, перестают одушевлять неорганическую природу, перестают шелест листьев считать своеобразной речью, частью самое применение индивидуализируется сообразно сумме условий — за сходными высказываниями принимается

неодинаковое содержание, у животных более простое, чем у людей, у человека одного характера иное, чем у человека другого характера, и т. д. *Подстановка принимает окраску относительности и условности.*

Что же вызывает такие изменения? Развитие другого типа познания, познания, скажем, «отвлеченного», которое сводится к обобщающему описанию явлений как они непосредственно выступают в опыте. В борьбе с природой подстановка зачастую оказывает человеку плохие услуги, ведет к неприятным ошибкам и неэкономной растрате сил. В этих случаях человек бывает вынужден совсем отказаться от привычной ассоциации наблюдаемого «физического» с предполагаемым «психическим» и ограничиться запоминанием последовательности фактов как они протекали в его опыте. Из такого запоминания, при котором лучше всего сохранялось в памяти наиболее повторяющееся в явлениях, и развилось то «натуралистическое» познание, которое составляет основное содержание современной науки и современного мировоззрения вообще.

Это познание повсюду переплетается со старой «подстановкой», получая от нее зачатую антропоморфную, «фетишистическую» окраску. Так, функциональная связь условий и обусловленного — «причинность» — представляется вообще в таком виде, что причина «вызывает» следствие наподобие того, как наша воля вызывает действие. Например, «природа не терпит пустоты», «сила тяготения стремится взаимно сближать массы», «растения борются за существование» и т. п. Но в то же время это познание исправляет старую подстановку, намечая повсюду ее рамки и указывая, как приходится изменять ее в тех или других случаях, чтобы не встретиться с противоречием. Оно констатирует, что организация внешних чувств, интеллектуальные способности, характер у различных живых существ неодинаковы и что при таких-то условиях этого рода надо «подставлять» именно такие-то восприятия, идеи, стремления, хотя у самого «подставляющего» при прочих равных условиях связь и отношение переживаний иные. Кто, обладая нормальным зрением, принужден объяснять дорогу

дальтонику, тот должен помнить, что указания на цвет домов и других предметов могут сильно спутать его собеседника; кто хочет научить чему-нибудь ребенка, тот должен излагать связь фактов не прямо в том виде, как она выступает в его обычном мышлении, а с изменениями и переходами, приспособленными к «пониманию» ученика; кто, будучи флегматиком, спорит с сангвиником, тому не следует забывать, что его оппонент придет в страшный гнев из-за такого противоречия, которое в нем самом вызвало бы разве только легкое раздражение, и т. д.

Эти поправки становятся, вообще говоря, тем значительнее, чем дальше от организации познающего отстоит организация того существа, которое приходится «понять». Констатируется, например, отсутствие у других организмов тех «чувств», которыми мы обладаем (чему, я думаю, нет надобности приводить примеры), или присутствие таких, которых у нас нет (например, «осязание на расстоянии» у летучих мышей, зрительные впечатления от ультрафиолетовых лучей у муравьев и т. п.); констатируются инстинкты и ре-

флексии, не похожие на наши (например, «гелиотаксис»* и «химиотаксис»* у многих низших организмов), и т. п. На известном пункте явлений эти поправки превращаются (при нынешнем состоянии знания) в решительный скачок познания — дается одна всеобщая поправка для неорганического мира и для растительного царства, а именно уничтожение самой подстановки (как увидим, только кажущееся).

Принимается, что ряд непосредственных переживаний, подобных нашим психическим, совершенно обрывается на низших животных, что дальше идет в этом смысле *абсолютная пустота*, ничто. По отношению к растительному царству это, впрочем, признается не безусловно: для свободно живущих растительных клеток, а также для растений с ясно выраженными рефлексиями (например, насекомоядных) подстановка — в самой минимальной степени — еще допускается. Но уж неорганический мир считается окончательно «мертвым».

Здесь, собственно, и начинается истинное царство «чистого описания», чуждого всяких

антропоморфизмов. Сама идея «чистого описания» выражает именно стремление совершенно отделить натуралистическое познание от сплетающихся с ним элементов подстановки. Если Мах и другие нападают на понятие «причинности», на идею «объяснения» явлений, то именно постольку, поскольку они находят в этих формах мышления старый антропоморфизм, незаконную *подстановку* излишнего субъективного содержания под объективные данные опыта. Правда, сторонники «чистого описания» не против подстановки в тех случаях, где она очевидно полезна и необходима, — по отношению к людям и другим живым существам, действий которых без помощи нее мы не могли бы предвидеть; но и ее эти мыслители стремятся ввести в рамки строго натуралистического познания. Для этого они, с одной стороны, очищают ее от «интроекции», т. е. пространственного вкладывания чувств, мыслей, стремлений и т. д. в живой организм; с другой стороны, они стараются ввести подстановку в строго научные формулы «функциональной зависимости» фактов опыта: прини-

мается, что определенным состояниям живого организма (для высших существ — именно центральной нервной системы) «функционально соответствуют» строго определенные, вполне одновременные «психические переживания», причем всякая попытка представить ту или другую сторону этой зависимости, «ряд физиологический» и «ряд психический», как причину другой, заранее признается незаконной как внесение лишних и противоречивых элементов в описание.

Здесь лежит крайний пункт реакции «чистого» натуралистического познания против «анимистической» подстановки. Надо исследовать, может ли познание остановиться на этом пункте, может ли оно безусловно принять метод «чистого описания» в *этой* его форме и действительно ли «чистое описание» вполне устраняет подстановку за пределами живой природы.

III

Познание имеет практику своей основой и своей целью; черпая из нее свой материал, оно дает ей опору в *предвидении* будущего. Именно поэтому центром познавательной

жизни, к которому тяготеет каждое из бесчисленных частных ее проявлений, была до сих пор *причинная связь фактов*, связь их *необходимой и постоянной последовательности*. Предвидеть надо то, чего еще нет, на основании того, что есть и было; поэтому жизненно важна именно та зависимость, которая связывает *неодновременное*, связывает предшествующее с последующим. Такова всеобщая причинность явлений.

В своей борьбе против «фетишизма» причинности новейший позитивизм заменяет ее чистой «функциональной зависимостью» фактов опыта. И действительно, устраняя из идеи причинности всякий антропоморфизм, мы получаем только строгую функциональную зависимость фактов, но именно *фактов предшествующих с последующими*. Такую зависимость я и буду в дальнейшем обозначать просто как «причинность», не видя надобности отказываться от хорошего старого, всем привычного слова ради неуклюжей описательной формулы «функциональное отношение последовательности».

Но современный позитивизм признает не только причинность в этом смысле слова, но и еще иную закономерность, а именно *функциональную зависимость одновременного*. Главным полем этой зависимости является отношение «физиологии» и «психики»: принимают, что если имеется известное состояние нервных центров, то одновременно имеется и определенный комплекс «фактов сознания», а также и наоборот. Эту формулу функциональной зависимости я буду обозначать как «параллелизм», чтобы не прибегать к сложным выражениям вроде «закономерной связи одновременного» и т. п.

Что параллелизм есть совершенно иная форма познания, чем причинность, хотя бы они и объединялись в обобщающем неопределенном понятии «функциональная зависимость», — это очевидно само собой. Что для познания было бы громадным выигрышем в смысле его стройности, его монистичности, если бы одна из этих категорий была сведена к другой или обе они к третьей, но вполне определенной, а не простой расплывающейся идее связи вообще — это также очевидно.

Полная самостоятельность обеих категорий обозначает *два совершенно различных мира отношений*, т. е. строгий дуализм познания. С точки зрения позитивиста единственная возможная форма познавательного монизма есть единство основного типа группировки данных опыта; а тут перед нами выступают два основных типа, взаимно несводимых.

Однако, что ж делать? — спросит читатель. Дуализм так дуализм, раз строго научное и критическое отношение к опыту не допускает познавательного монизма, в смысле единого всеобщего типа систематизации опыта.

Но действительно ли дело обстоит так безнадежно?

В естественных науках связь параллелизма играет вполне определенную и довольно важную роль. Там в очень многих случаях выступает такая формула: если в исследуемом объекте найдены такие-то черты, то следует предположить еще такие-то, повсюду их сопровождающие, хотя в данном случае прямо не констатированные. Например, внешним признакам известного вида животных

соответствует определенное внутреннее строение, анатомическое и гистологическое; данному расположению геологических пластов — определенного рода животные и растительные остатки, в них находимые, и т. д. и т. д. Во всей «естественной истории», т. е. конкретно-описательной части естественных наук, решительно преобладает формула «параллелизма»: каждый вид, род, класс и т. д. характеризуется именно как комбинация *параллельно* существующих, *одновременно* встречающихся признаков и их группировок. Таким образом, казалось бы, познавательная необходимость схемы «параллелизма», а с ней и ее самостоятельное значение должны быть признаны безусловно.

Так это и было до выступления на сцену идей эволюционизма. Параллельное существование различных форм в органической и неорганической природе, параллелизм во внутренних соотношениях той или иной данной формы брались как факт, установленный опытом и не нуждающийся в особом научном, *причинном* объяснении. Вместо такого объяснения предлагались либо ссылка на акт

творения, либо на целесообразность данного параллелизма. Но при этом к двум научным формам группировки присоединялись только две ненаучные, заимствованные из области «подстановки»: свобода творящей воли и телеология (чаще всего объединяемые в идее «телеологического творчества»).

Однако уже тот факт, что для «объяснения» параллелизма применялись такие суррогаты причинности, указывал на потребность именно в причинном объяснении, указывал на то, что мышление *органически* не могло остановиться на простом констатировании того или иного параллелизма. Эволюционизм уже определенно поставил вопрос о причинах мирового и органического развития; он задался целью *причинно* объяснить, почему органические формы представляют такие-то комплексы признаков, а Солнечная система — такое-то строение и т. д. При этом параллелизм явлений получил совершенно новое научное значение: если в определенных формах признаки А, В, С... всюду встречаются «параллельно» с признаками Х, Y, Z... то это имеет свою причину в предыдущих фазах

развития этих форм и в условиях среды, под которыми они развивались. Параллелизм сводится при этом к причинности.

Биология знает немало так называемых «соотносительных уклонений», которые выступают в развитии рядом и одновременно, хотя причинной связи между ними уловить совершенно не удастся. Почему, например, у кошек «параллельно» с голубым цветом глаз наблюдается глухота? Этого мы еще не знаем, и, однако, никому в голову не приходит отказаться от вопроса «почему?» и заявить: констатировано функциональное отношение одновременного существования у кошек глухоты и голубоглазия, дальше тут искать нечего, стремление найти причины этого факта в корне ошибочно. Такая точка зрения была бы признана ненаучной.

Только в одном случае современный позитивизм поступает таким образом: в вопросе о соотношении жизни физиологической и психической. Там он заявляет: частью констатирована, частью гипотетически признается функциональная зависимость одновременного существования определенных нервных

процессов и определенных «психических» комплексов. Дальше этого принципиально идти некуда, возможно только исследование частных случаев данной зависимости; стремление же «объяснить» ее сведением ее к причинной связи необоснованно и ненаучно, оно выходит за пределы чистого описания данных опыта.

Естественно, что такая точка зрения нас не удовлетворяет. Признавая две принципиально различные формы функциональной зависимости — причинность и параллелизм, признавая законность подчинения второй из них — первой форме во всех случаях, кроме одного, — отношения физиологии и психики, мы получаем крайне дисгармоничную систему познания: грандиозный мир непрерывных причинных связей, к которому сбоку прилеплена ограниченная область отношений чистого параллелизма; и чтобы сохранить полную независимость этой области, на ее границе поставлен ангел строгого позитивизма с огненным мечом, не допускающий никакой завоевательной попытки со стороны причинного познания. По сравнению с такой

картиной познания даже полный дуализм представлял бы нечто стройное и целостное.

Как было выяснено, тот параллелизм, который создает эту дисгармонию, есть результат научного очищения старой подстановки «психического» под «физическое»; и вопрос об едином типе познавательной группировки фактов опыта сводится к вопросу о введении «подстановки» в схемы научной причинности.

IV

Строго научная форма «подстановки» такова: определенным физиологическим состояниям нервных центров соответствуют определенные факты сознания.

Первый возникающий здесь вопрос: что такое с точки зрения опыта тот самый «физиологический процесс», которому соответствует процесс психический?

Человек для человека прежде всего — восприятие, слагающееся из зрительных, тактильных, акустических и иных элементов. В ряду многократных повторений этот комплекс приобретает устойчивость и определенность. Благодаря его сходству с другим по-

добным комплексом — восприятием собственного тела познающего лица — этот комплекс дополняется посредством «подстановки», и возникает «общение» людей; коллективный опыт, передаваемый в «высказываниях», создает идею *непрерывного* существования этого, как и других, аналогичных по устойчивости, комплексов; в коллективном опыте они «существуют» независимо от того, «воспринимаются» ли в данный момент данным лицом или нет, — они существуют как «тела»[69].

Таким образом, «физическое тело» есть результат группировки и систематизации *восприятий*, сначала индивидуальной, затем коллективной. То же относится, очевидно, и к «физиологическому процессу нервной системы», причем такого рода комплекс развивается уже на еще более высокой стадии организации коллективного опыта — на ступени его научной обработки. Ввиду этого вопрос о параллелизме физиологического процесса с психическим сводится к другому вопросу — о параллелизме психического процесса с восприятием в психике других су-

ществ соответственного физиологического процесса.

Поясню это на конкретном примере. В одном из обычных опытов, относящихся к выяснению природы эмоций, собаке, у которой снята часть черепной крышки, причиняют сильный испуг; мгновенно мозг бледнеет и уменьшается в объеме (сжатие сосудов, особенно мелких артерий и капилляров). С точки зрения *психического* опыта пациента и экспериментатора дело представляется так: в сознании собаки выступает своеобразный, сложный, неопределенный и колеблющийся комплекс иннервационных элементов, общего органического чувства, страдания и т. д., обозначаемых словом «страх»; в психике наблюдателя — определенное изменение того комплекса, который представляет «восприятие мозга собаки», — именно быстро уменьшается сумма элементов пространственных и тактильных (уменьшение объема), еще быстрее — сумма элементов «красного» (побледнение мозга) и т. д. У собаки «непосредственное переживание» — испуг, у наблюдателя — совершенно непохожее и вполне

определенное, функционально связанное с первым переживание — восприятие изменений мозга собаки. «Параллелизм» этих двух переживаний различных существ и представляет ту задачу, разрешение которой дает ключ к пониманию психофизиологического параллелизма, так как «процесс физиологический» есть результат систематического объединения и гармонизации соответствующих восприятий.

Теперь мы вернемся на минуту к общей схеме причинности и для сравнения с только что обрисованной функциональной зависимостью возьмем несколько типичных случаев функциональной зависимости причинного характера.

Если плотность воздуха уменьшается, то ртуть в барометре падает. Вот функциональная зависимость определенной последовательности. Что общего между последовательно выступающими комплексами — совокупностью атмосферных изменений данного рода и изменением уровня ртути? *Качественно* между ними нельзя найти ни малейшего сходства. Это не мешает им находиться в от-

ношении «причины» и «следствия». Однако, чтобы полностью охватить это отношение причинности, надо принять во внимание и устройство барометра: оно — необходимое условие данного результата, составная часть его «причины». Чтобы сделать изложение более простым и наглядным, я буду обозначать такую связь фактов термином «отражение». Наш пример тогда можно выразить так: понижение плотности воздуха «отражается» в механизме барометра в виде движения ртутного столба вниз.

Итак, между «отражаемым» и «отражением» при их строго функциональной зависимости возможно полнейшее качественное несходство. Такое несходство является скорее даже правилом, чем исключением. В нем нет ничего загадочного: мы знаем, что ближайшим образом «отражение» определяется именно *отражающей средой*, тем комплексом, в котором отражается данное явление, и уже в меньшей степени — этим «отражаемым» явлением.

Берем еще несколько аналогичных примеров. Мелодия, звучащая близ фонографа, от-

ражается на его валике в виде совершенно непохожего на нее ряда черточек; колоссальный физический комплекс — планета, со всем громадным разнообразием ее строения, отражается в сетчатке человека, живущего на Земле, в виде минимальных химических изменений на пространстве нескольких микронов. Последний пример удобно варьировать так, чтобы он приближал нас к нашему основному вопросу об отношении физического и психического: целый мир физических комплексов, включающий, может быть, громадную массу интенсивной жизни, отражается в психике земного наблюдателя как восприятие маленькой светлой точки с расходящимися короткими лучами на темно-голубом фоне.

В сфере психического опыта легко констатировать те же отношения. Один психический комплекс, «отражаясь» в другом, вызывает его функционально определенное изменение, которое может оказаться совершенно несходно с «отражающимся» комплексом. У вас, например, имеется вполне определенное, сложившееся представление о лице А как ин-

теллектуальной и моральной личности; в ваше сознание вступает «восприятие» нескольких строчек, написанных им, или несколько фраз, им сказанных, и все ваше представление о нем быстро меняется. При этом новые комбинации, вошедшие в представление об А как его характеристики, нисколько не похожи на те зрительные или слуховые восприятия, которые вызвали изменение, которые в нем «отразились». Точно так же какая-нибудь новая «идея», проникая в ваше мировоззрение и шаг за шагом его преобразуя, «отражается» в целой массе ваших представлений, но изменения, которые она в каждом из них вызывает, качественно далеко не сходны с этой самой идеей, далеко не представляют ее простого включения в данные психические формы.

Резюмируя подобные отношения, приходится сказать: если комплекс А отражается в каком-либо комплексе В, то отражение лишь функционально определяется отражаемым, являясь, вообще говоря, качественно с ним несходным. Это относится ко всевозможным комплексам опыта и представляет частич-

ную характеристику причинной связи фактов опыта.

Психическая жизнь каждого человека есть чрезвычайно сложный и обширный комплекс, но все же только комплекс элементов опыта. Пусть имеется два таких комплекса — психика человека А и психика человека В. Спрашивается, в каком виде один из них, положим А, может отразиться в другом — в комплексе В, предполагая, конечно, что он вообще может в нем отразиться как принадлежащий к одной с ним «природе»? На основании предыдущего приходится считать вполне вероятным, что «отражение» окажется совершенно несходно с отражаемым, но связано с ним определенной функциональной зависимостью.

Теперь припомним то, что мы перед этим говорили о связи процесса психического и физиологического. Мы нашли, что в формуле их зависимости, не меняя ее основного характера («параллелизм»), вместо физиологического процесса можно подставить восприятие его другим живым существом.

Сопоставляя с только что полученной схемой, получаем два соотношения, которые для наглядности я напишу рядом*:

1. Психический процесс человека А. | 1. Психический процесс человека А.

Функционально с ним связано: | Функционально с ним связано:

2. Восприятие соответствующего физиологического процесса в психике другого человека В. | 2. Его отражение (ближе пока не определенное) в психике другого человека В.

Функциональная зависимость (предполагается) — параллелизм. | Функциональная зависимость — причинность

1-е и 2-е совершенно несходны качественно. | 1-е и 2-е могут быть совершенно несходны качественно.

Сравнивая оба соотношения, находим поразительное сходство. Главная разница заключается на первый взгляд в том, что одна зависимость — параллелизм (т. е. одновременность), а другая — причинность (т. е. последовательность). Но действительно ли в первом случае имеется полная одновремен-

ность? Конечно нет: восприятие физиологического процесса в психике другого человека неизбежно запаздывает по сравнению с тем психическим процессом, которому оно соответствует. Таким образом, и здесь дело идет не о точной одновременности, а о *последовательности*, и различия между двумя отношениями не оказывается.

При таком совпадении двух наших рядов самой вероятной гипотезой является их отождествление: неизвестный пока еще 2-й член второго отношения тождествен со 2-м членом первого отношения, как тождественны уже первые члены. Другими словами: отражением психических процессов человека А в психике В является «восприятие соответствующих физиологических процессов».

Этот вывод создает далеко не обычную и на вид парадоксальную точку зрения. Отнесемся же к ней со всем сомнением, какое подобает проявлять при встрече с неожиданной гипотезой, и проследим, противоречит ли она опыту.

Прежде всего очевидно, что эта точка зрения не может, по существу дела, остаться в рамках того случая, который мы рассмотрели. Она должна быть отнесена к восприятию всякого живого существа всяким другим живым существом. Получается такой вывод: всякое живое существо как комплекс непосредственных переживаний «отражается» в другом живом существе (и даже в себе самом) как «восприятие тела».

Если так, то представляется, по-видимому, неизбежным признание *полного* параллелизма физиологических и психических процессов: всякому «восприятию» физиологического процесса, стало быть и самому физиологическому процессу, должен соответствовать процесс психический, который «отражается» в этом восприятии. Это совершенно обязательный, по-видимому, вывод из того, что никакой принципиальной разницы между физиологическими процессами нервной системы и прочими физиологическими процессами указать нельзя.

Этого мало. Физиологические процессы также принципиально не отличаются от про-

цессов неорганических, из которых возникают и в которые переходят. «Восприятие» живого и «восприятие» не-живого тела находятся в одной непрерывной цепи. Надо, по-видимому, распространить наш параллелизм на всю природу, принять, что в наших «восприятиях» неорганической природы «отражается» что-то «психическое».

Итак, по-видимому, наша точка зрения ведет к *панпсихизму*. Впрочем, уже очевидно, что если тут и окажется «панпсихизм», то не дуалистический, который повсюду *вкладывает* психическое в физическое, а совсем иной: строго монистический, для которого «физическое» не оболочка «психического», а его своеобразное отражение, его настоящее «инобытие». Для такого панпсихизма физическое тело является результатом определенной группировки, координации, результатом процесса «организации» однородных восприятий, которые сами представляют собой отражение одного «психического» в другом «психическом». Словом, дело сводится, по-видимому, к строгому панпсихическому монизму.

В действительности, однако, это не так. «Панпсихизм» неминуемо связывается с ошибочным понятием о *строении* различных комплексов, образующих природу. Чтобы понять, в чем его ошибочность, надо прежде всего вполне уяснить себе, что есть «психическое».

VI

Исследуя различные комплексы элементов опыта, легко установить *три* различных типа связи элементов.

В нашем опыте проходят различные образы; каждый из них представляет собой некоторое непосредственное сочетание элементов. Пока это сочетание является для вас просто *данным*, пока вы его вовсе и не разлагаете, не преобразовываете, не соединяете ни с какой определенной характеристикой, до тех пор дело идет о первоначальной и основной, о *непосредственной* форме связи элементов опыта в комплексы.

Мы разлагаем, однако, различные комплексы своего опыта на другие, меньшие комплексы и далее на элементы. Такое разложение предполагает известные условия. Что-

бы цельный комплекс А разложился на свои части x , y , z , для этого требуется, чтобы эти части выступали в опыте не только вместе, но и отдельно и чтобы в памяти познающего сохранились и те и другие случаи, благодаря чему было бы возможно их сравнение. Иначе комплекс А был бы для познающего всегда только непосредственно-данным А и ничем больше; не возникало бы даже мысли о возможности его разложения.

Совокупность указанных условий характеризует ассоциативную связь опыта, или связь психическую. Если комплексы x , y , z выступают иногда вместе, иногда нет и притом так, что это констатируется, замечается, то они «ассоциированы» между собой и «ассоциированы» с массой других комплексов, образующих систему «памяти» и «сознания», образующих психическую систему. Эти элементарные психологические соображения не нуждаются, я думаю, в особых доказательствах; а они вполне достаточно обрисовывают «психическую» часть опыта. Это — ассоциативная связь в ассоциативной системе.

В «физическом» опыте связь комплексов представляет иные особенности, выражаемые терминами «непрерывность» и «необходимость». Это объективно-закономерная связь опыта. Комплексы, объединенные такой связью — «тела» или «процессы» физического мира, — не могут приниматься существующими то целиком, то по частям, то в одной комбинации, то в другой, как ассоциативные комплексы. Для каждого данного момента «физические» комплексы представляют вполне определенную систему, изменяющуюся лишь путем непрерывных переходов от одного сочетания к другому, связанному с ним необходимой зависимостью. Эта зависимость «объективна», то есть не меняется с индивидуальностью познающего, а остается для самых различных индивидов одной и той же, «общезначимой» [70]. Это наиболее определенная форма связи элементов опыта и его комплексов.

Три типа связи опыта соответствуют трем кантовским категориям — реальности, возможности, необходимости. Непосредственная связь есть в то же время и первичная, и

всеобщая именно потому, что она наименее определенная и заключается как в ассоциативной, психической связи, так и в объективной, физической, охватывает, следовательно, всякий опыт, всякую «реальность». Напротив, ассоциативная связь, положим комплексов А и В, выражается в том, что они то являются вместе, то не вместе, т. е. эта связь имеет окраску *возможности*. Вообще возможность есть только «психическая» комбинация; в данном случае это комбинация представлений о тех случаях, когда А выступает вместе с В, и о тех случаях, когда А выступает вне связи с В. Например, «возможно», что «он» (такое-то лицо) находится «дома» или «не-дома»: то и другое пока только мои представления, находящиеся в ассоциативной связи между собой и с другими представлениями, то и другое, следовательно, — *психическая реальность*. Реальность «необходимая» или «объективная» уже этой психической реальности; в данном случае она сводится к одному определенному факту *физического* опыта, например «он» (в действительности) «дома». И очевидно, что психическая, ас-

социативная связь заключается уже в этой необходимой связи: неопределенная и текущая комбинация комплексов здесь только превращается в определенную, как бы кристаллизованную, которая может быть изменена только другими комбинациями того же порядка («объективными силами»).

Таким образом, три типа связи элементов и комплексов опыта являются в то же время тремя фазами его прогрессивной организации: каждый низший тип есть исходная точка для развития высшего и неминуемо им включается; каждый высший имеет свои особые предпосылки, которых не хватает низшему. Для *психического* типа связи, который нам важно теперь отчетливо представлять, чтобы решить вопрос о «панпсихизме», для психического типа такие предпосылки — наличность организованной «ассоциативной» системы (память, сознание) и ограниченная изменчивость комбинаций (какая свойственна «ассоциациям» образов, представлений и т. п.). Где нет этих предпосылок, там не должно быть и речи о «психическом».

VII

Если, как мы приняли, психический процесс и его физиологический эквивалент относятся между собой как «отражаемое» и «отражение», то заключение от второго к первому так же законно, как и наоборот. Но следует ли из этого, что от *всякого* физиологического процесса мы можем заключить именно к «психическому», который в нем выражался бы?

«Психическое» есть ассоциативная комбинация в ассоциативной системе, т. е. организованная часть организованного целого. Соответствующий «нервный процесс» называется нами также как организованное изменение в организованной системе. Это вполне понятно: организованность отражаемого выступает в организованности отражения. Но из этого получается тот вывод, что *предполагать* первую мы имеем право только там, где *имеется* вторая. Таким образом, исходя из «параллелизма» физиологических и психических процессов, мы научным образом лишь настолько можем принимать за каким-нибудь физиологическим комплексом — психи-

ческий, насколько *организованность* первого позволяет предполагать ассоциативный характер второго. Другими словами, за той или иной данной в опыте «физиологической жизнью» следует предполагать «психическую» лишь постольку и в такой мере, поскольку и в какой мере организованность первой соответствует организованности процессов нервной системы.

Таким образом, в полном согласии с опытом следует прежде всего принять, что низшим формам нервной системы соответствуют низшие формы «психической» ассоциативной жизни. А там, где нет нервной системы? Насколько можно судить, всякая живая клетка способна «накоплять» энергию раздражений и «привыкать» к определенным реакциям на повторяющиеся комбинации условий. Это заставляет уже предполагать элементарные формы *памяти*, т. е. ассоциативных, психических группировок. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что всякий организм со сложной нервной системой развивается из *одной недифференцированной клетки*, так что в жизни этой эм-

бриональной клетки и приходится искать исходную точку всего развертывающегося богатства ассоциативных комбинаций.

Словом, следует признать наиболее вероятным, что организованный живой белок есть физическое выражение (или «отражение») непосредственных переживаний психического характера, конечно, тем более элементарных, чем более элементарна организация этого живого белка в каждом данном случае.

Что же следует предполагать за пределами организованных белковых тел, где мы встречаемся со всевозможными другими, гораздо менее сложными «материальными» комбинациями, химическими и физическими? Очевидно, что за этими *неорганизованными* телами нет оснований принимать «психические», т. е. ассоциативно организованные группировки. Но не принимать *ничего* было бы резким скачком познания, нарушением его основного принципа — *непрерывности*. Это значило бы признать, что нечто *само по себе* (вне нашего сознания) является *ничем*, и тем не менее вызывает в этом сознании нечто по-

ложительное («восприятие физического тела») и вызывает закономерно, необходимо; тогда как в других случаях вызывающее вполне аналогичный результат («восприятие физиологического процесса») «нечто» и *само по себе представляет нечто положительное* (чужая психика, существующая и вне нашего сознания). Предлагаю читателю несколько вдуматься в это, по необходимости (вследствие недостатка в нашем языке точно соответствующих понятиям терминов) запутанно и неуклюже выраженное сопоставление, и он поймет, что видеть в физическом комплексе *только* этот непосредственно данный в восприятии комплекс значило бы признавать, что иногда нечто возникает из ничего, признавать непрерывный акт чудесного творения.

Что же, однако, следует принимать за этим «чисто физическим комплексом», если, как указано, нельзя принимать «психического», потому что ассоциативная организованность выражается в физиологической? Где нет предпосылок психической связи элементов и группировок, там остается только связь

непосредственная — низшая форма связи. Это и приходится с точки зрения строгой научной аналогии принимать в данном случае.

Итак, мы приходим к выводу, что «подстановка» психических комплексов под всевозможные физические невозможна, но что подстановка вообще необходима, если познание остается верным принципу непрерывности. Для неорганической природы комплексы «подставляемые» должны оказаться неорганизованными, не абсолютно неорганизованными, разумеется, а только относительно, т. е. объединенными только низшей связью, которую мы назвали «непосредственной».

Не панпсихизм, а строго научная подстановка организованных психических комплексов под организованные физиологические, неорганизованных непосредственных под неорганизованные физические — такова наша точка зрения. Она представляет природу как бесконечный ряд комплексов, разлагающихся на те же элементы, которые суть и элементы нашего опыта, обладающие самыми различными степенями организованности и «отражающимися» одни в других так,

как это происходит в нашем опыте.

VIII

Хорошо, замечает читатель, ваша точка зрения монистична, но она требует «подстановки» и там, где научное познание от этого отказывалось или, по крайней мере, до сих пор без этого обходилось. Не является ли такая точка зрения лишним балластом для познания? Не противоречит ли ее требование признаваемому вами принципу экономии в труде мышления? И кроме того, требуя подстановки, она вовсе не указывает, что же именно следует подставлять, например, под те или другие определенные неорганические процессы физического мира и какая в каждом таком случае получается польза для познания. Не значит ли это уходить в туманы самодовлеющего философствования, т. е. попросту метафизики?

Все эти возражения очень серьезны и должны быть взвешены очень строго, а ответ на них должен быть как можно более точный; иначе крушение нашего «эмпириомонизма» неминуемо на первых же шагах.

И первое, на что я укажу в анализе возражений, это *неверность* главной посылки, будто научное познание обходилось до сих пор без «подстановки» в области познания неорганической природы. Нет, подстановка постоянно практиковалась, только это была *подстановка физического под физическое*.

Что такое механическая теория теплоты, эфирная теория световых волн и другие аналогичные теории, сослужившие громадную службу науке, как не теории подстановки, с точки зрения которых наши тепловые, световые и т. п. восприятия представляют лишь *отражения* в нашей психике иных «непосредственных комплексов», мыслящихся в виде молекулярно-механических колебаний, волн эфира и т. п. Принципиально это совершенно такая же подстановка «вещи в себе» под «явление» и, в конце концов, как подстановка психического под физиологическое. Вопрос только в том, насколько удачна та или другая подстановка, насколько целесообразна она для познания.

С этой точки зрения подстановка «физического» под «физическое» включает в себе

большие недостатки.

В самом деле, «физическое» означает определенную связь опыта, самую стройную, самую организованную, наиболее выработанную форму этой связи (объективная закономерность). Таково физическое в нашем опыте, таково оно как отражение непосредственных комплексов, воздействующих на различные социально связанные общением психики живых существ. Но эта организованность данного *отражения* принадлежит именно *отражающему* — социально-психической среде, ею дается, в ней вырабатывается; *отражаемое* само по себе может совсем не представлять такой степени организованности; и, как мы показали, по отношению к неорганическим процессам природы даже неизбежно принять самую низшую степень организованности «отражаемого». Когда под тепловые и световые комплексы подставляются комплексы «механические», то это значит, что высшая организованность опыта переносится за пределы той области, в которой она действительно существует, что она принимается независимо от своего реального жизненного

базиса — коллективно-познавательного организующего процесса. Это ошибка того же типа, как приписывание камню души, подобной душе человека. Эту ошибку прогресс познания должен устранить.

Современная наука и обнаруживает тенденцию исправить «подстановку», освободив ее от указанного недостатка; эта тенденция вряд ли ясно сознается, не всегда правильно проводится, но с несомненностью выступает в новейших научных теориях, каковы, например, электромагнитная теория света, электронная теория массы и т. п. В этих теориях нет уже ни молекул, ни атомов как особых устойчивых реальностей, скрытых под текучей реальностью опыта; в них есть, по видимому, только голые формулы и схемы, которыми связываются прямые данные опыта. Однако, взглядываясь в эти формулы и схемы, легко убедиться, что за ними опять-таки скрывается «подстановка», только сознательно неопределенная, избегающая перенесения образов высшей организованности в область подкладки явлений низшей организованности. Такие понятия, с какими оперируют эти

теории, например «напряжение» в той или иной точке электрического или магнитного поля, «электрон», положительный или отрицательный и т. п., не выражают *никакого определенного опытного содержания* («чувственно» определенного), но выражают бесконечный ряд «потенций», *возможностей* вполне определенного опыта, а не простое отсутствие содержания. Все эти возможности имеют отнюдь не субъективный характер, как в психическом опыте, а вполне *объективный*: каждая из них, лишь только присоединяются определенные условия (для каждой особые), переходит в «необходимость», в объективную, т. е. общезначимую действительность: при таких-то дополнительных условиях, в зависимости от данного потенциала и напряжения, обнаружатся такие-то тепловые явления, г. е. такие-то восприятия в психике каждого нормально организованного наблюдателя, при других — такие-то световые явления, например восприятие искры, при третьих — такие-то механические и т. д. Каждая из этих возможностей существует, следовательно, не только для данного лица, в дан-

ный момент принимающего эти «символы» для определенного поля наблюдений, но и независимо от его ограниченного личного опыта. Что же это значит?

Это может означать только одно — что данным «символам» соответствует «нечто», не зависящее от индивидуального опыта той или иной личности, реальность, не связанная пределами такого опыта, лежащая даже вне *прямого* личного опыта, но входящая в него *косвенно*. Метафизической она в силу такого отношения к индивидуальному опыту отнюдь еще не делается, как не делается метафизической реальностью чужое сознание, точно так же недоступное моему или вашему прямому личному опыту, но точно так же составляющее для нас подкладку различных «возможностей». Если та реальность, о которой мы говорили, ближе не определяется — определяются только связанные с нею «возможности», — то это в данном случае легче всего согласуется с мыслью о ее общей «неопределенности» или неорганизованности. Представлять же ее принципиально неоднородной с нашим опытом, неоднород-

ной с ним по содержанию, по материалу, по «элементам» было бы нелепо, ибо тогда было бы немыслимо само влияние ее на наш опыт: различия по существу, субстанциальные различия исключают взаимодействие. Таким образом, все заставляет нас принять, что искомая реальность сводится к неорганизованному комплексу элементов, аналогичных элементам опыта.

Как видим, развитие науки и здесь, в сущности, не устраняет подстановку, а исправляет ее. Всякая научная теория, устанавливая для неорганических явлений «объективную», т. е. не только индивидуально значимую закономерность, тем самым совершает подстановку — принимает «реальность» за пределами прямого опыта. Правильность подстановки проверяется последующим опытом, и на этом пути изменяются формы и способы подстановки. Тенденция в сторону «чистого описания» означает только борьбу против подстановки комплексов высшего типа под явления низшего типа, комплексов «физических» и «психических», в том и другом случае высокоорганизованных, под неорганические про-

цессы. Но даже самое «чистое» описание принимает подстановку в тот самый момент, как оно признает «объективность» своих «функциональных соотношений»: в этом признании заключается мысль о реальности, независимой от личного опыта одного, другого, третьего лица, но «отражающейся» в этом опыте, влияющей на его течение.

Замечу, во избежание недоразумений, что «объективность», о которой здесь идет речь, не имеет ничего общего с *абсолютной* объективностью кантианских гносеологов. Это только та «общезначимость» фактов и отношений, которая констатируется в общении живых существ; это общезначимость не безусловная и даже не полная, но тем не менее *надындивидуальная*: и ее достаточно для того, чтобы признать надындивидуальную же, т. е. стоящую вне прямого личного опыта, реальность как «причину» явлений, органических и неорганических, относимых к «объективному» миру. «Подстановка» этой реальности, принципиально возможная повсюду, где дело идет об «объективно существующем», практически должна выполняться лишь по-

стольку, поскольку она *познавательной* полезна, поскольку она расширяет область предвидения. Никто не сомневается в законности «подстановки» там, где перед нами живое, «сознательное» существо; но когда это существо падает на нас с крыши, то нам для предвидения практически важных для нас последствий бесполезно подставлять под движения этого существа его «психику», это было бы даже вредной потерей времени. Достаточно сознавать, что это падение — факт *объективный*, а не субъективный образ нашей психики, так что уклониться от него нельзя простым отвлечением мыслей в другую сторону или закрытием глаз. Признание же объективности факта есть, как мы указали, низшая ступень «подстановки», самая неопределенная ее форма. По отношению к физическим комплексам неорганического мира такая форма подстановки является решительно преобладающей, но еще вопрос, будет ли удовлетворяться ею и дальше развивающееся познание.

В науках о неорганическом мире принимается целый ряд высокополезных формул,

носящих оттенков иного рода, более сложной подстановки. Таковы формулы, в которые входят понятия «стремления к *maximum*», к «*minimum*» или «к сохранению». Эти формулы своей телеологической внешностью приводили многих мыслителей (из новейших назову Вундта) к различным метафизическим выводам; и во всяком случае они говорят как будто о подстановке *психического* под неорганические явления. По типу они таковы же, как старые формулы: «природа не терпит пустоты» или «тела стремятся к центру Земли»; но от этих старых формул они отличаются своей устойчивостью в научном познании: они сохраняются, тогда как те давно отвергнуты.

С нашей точки зрения, подобные формулы не представляют, конечно, ничего принципиально загадочного. Эмпириомонистически наша психика отличается от «неживой природы» только высшей степенью организованности; а высшая степень *включает и заключает* в себе низшие; и потому естественно, что схемы, соответствующие некоторым чертам комплексов высшей организованности,

могут соответствовать и отношениям низших комплексов. Для метафизики тут нет места; но есть место для методологического исследования о «подстановке».

IX

Мы видели, что область «подстановки» в современном познании *вовсе не уже*, чем в познании анимиста; только ее наивные формы сменяются научными. Исторически те и другие оказываются весьма разнообразны:

1) Подстановка *психического под физическое*: научная — там, где психика подставляется под физиологию нервной системы, под движения животных и отчасти, может быть, растений, а также свободных живых клеток («Protista»); научна она, конечно, лишь постольку, поскольку критически проверяется; иначе она уже здесь переходит в наивную, какова она, например, в легендах животного эпоса — человечески сложная психика, принимаемая для животных. Типичные же наивные формы этой подстановки: всеобщий анимизм*, поэтическое одухотворение природы, пантеизм*, панпсихизм.

2) Подстановка *физического* под *физическое*: «механические» теории света, теплоты, теории электрических и магнитных жидкостей и т. п. Все они для нашего времени относятся к «наивным».

3) Подстановка *физического* под *психическое* (о ней мы до сих пор специально не говорили: достаточно упомянуть). Первобытный анимизм — отчасти, а именно постольку, поскольку душа представлялась «материальной», являлась как бы простым повторением тела. Материализм Демокрита, Эпикура, Бюхнера и т. п. Формы наивные.

4) Подстановка *метафизически неопределенного* под *физическое* и *психическое*: «вещь в себе», принципиально отличающаяся от явления, но составляющая его причину, «непознаваемая» или «познаваемая смутно» (сенсуалисты, материалисты типа Гольбаха, кантианцы, Спенсер и т. п.). Формы противоречивые и потому наивные.

5) Подстановка *эмпирически неопределенного* под *физические, неорганизованные процессы*: теории, стремящиеся к «чистому описанию» в абстрактно-монистических схемах

и признающие «объективный» характер фактов, подлежащих описанию. Большинство новейших естественно-научных теорий: формы для нашего времени научные. Эмпириомонизм отрицательно определяет «неопределенные» подставляемые комплексы как *неорганизованные* (не абсолютно, а только относительно) и тем ставит эту подстановку в одну цепь с подстановкой «психического» под «физиологическое». Этим дается принципиальная возможность исследования генезиса жизни, физиологической и психической (происхождение более организованного из менее организованного).

Итак, развитие науки и философии ведет в действительности не к устранению подстановки, как склонны думать многие из современных позитивистов, а к ее критическому исправлению. Только в одной сфере подстановка безусловно устраняется: это там, где мы имеем дело с психическими явлениями; под них никакой «вещи в себе», непознаваемой ли или смутно познаваемой, подставлять не приходится, ибо это познавательно бесполезно, а для монизма познания даже

прямо нецелесообразно: психическое есть исходная точка самой подстановки, из него берется содержание для первичной подстановки, его связь с «физиологическим» есть объективное основание и в то же время стимул к подстановке. Здесь подстановка может быть только «наивной», только результатом ошибочной аналогии.

С точки зрения систематизированной, исправленной подстановки вся природа представляется как бесконечный ряд «непосредственных комплексов», *материал* которых тот же, что и «элементы» опыта, а *форма* характеризуется самыми различными степенями организованности, от низших, соответствующих «неорганическому миру», до высших, соответствующих «опыту» человека. Эти комплексы взаимно влияют одни на другие, взаимно «отражаются» одни в других. Отдельное каждое «восприятие из внешнего мира» есть отражение какого-нибудь из таких комплексов в определенном сложившемся комплексе — живой психике; а «физический опыт» — результат коллективно организующего процесса, гармонически объединяю-

щего такие восприятия. «Подстановка» же дает как бы обратное отражение, отражение отражения, более сходное с «отражаемым», чем первое отражение: так мелодия, *воспроизводимая* фонографом, есть второе отражение мелодии, им *воспринятой*; и она несравненно более похожа на эту последнюю, чем первое отражение, — черточки и точки на валике фонографа.

В эмпириомонистической картине мира нет ничего сверхопытного; в ней есть только *непосредственный* опыт и его продолжение — область «подставляемого», опыт *косвенный*. Последний является в то же время опорой первого, условием его «объективности». Тот и другой одинаково лежат в сфере *познания*.

* * *

Теперь у нас достаточно данных, чтобы произнести справедливый, насколько надо — строгий, насколько надо — милостивый приговор над «вещью в себе». Что старая «вещь в себе» умерла — это несомненно; но именно это и создает возможность наиболее беспристрастного суждения о ней.

«Вещь в себе» была выражением законного и правильного стремления дополнить опыт посредством подстановки. Даже неопределенный характер этой подстановки не представлял ничего принципиально неправильного, а только выражал недостаточность опыта и познания. Ошибка начиналась там, где познание пыталось так или иначе покончить с этой неопределенностью и создавало недоступную проверке гипотезу.

Такие гипотезы шли в двух направлениях. Одни, впадая в поспешную аналогию, подставляли на место неопределенности чрезмерную определенность; таковы были особенно гипотезы анимистические и материалистические; панпсихизм и панматериализм — типичные формы этого *наивного позитивизма*. Другие на место неопределенного ставили непознаваемое, чтобы ценой преувеличения неопределенности избавить себя от труда, связанного с попытками создать на место нее большую определенность; здесь типичны точки зрения Канта и Спенсера (гипотезы скептически-метафизические).

Золотую середину заняли материалисты более критического оттенка, которые, отказавшись от *безусловной* непознаваемости «вещи в себе», в то же время считают ее *принципально* отличной от «явления» и потому всегда лишь «смутно познаваемой» в явлении, внеопытной по содержанию (т. е., по-видимому, по «элементам», которые не таковы, как элементы опыта), но лежащей в пределах того, что называют формами опыта, т. е. времени, пространства и причинности. Приблизительно такова точка зрения французских материалистов XVIII века и из новейших философов Энгельса и его русского последователя Бельтова. Как почти всякая золотая середина, эта точка зрения не вполне устранила недостатки крайностей, а скорее даже совместила их, хотя, разумеется, в ослабленной степени.

Такой материализм принимает, что «вещь в себе» воздействует на наши «чувства» (аффицирует их) и таким образом порождает «явление» или «опыт». Но А может аффицировать В только в том случае, если то и другое *однородно* до известной степени по своему материалу, по «элементам». Если они

принципиально разнородны, они не могут воздействовать друг на друга, как полоса тени не может повлиять на движение ядра, которое через нее пролетает. Здесь необходимо, следовательно, принять, что «вещь в себе» однородна по «элементам» с «чувствами», которые она «аффицирует», т. е. с психическим опытом, т. е. и с *опытом вообще*. С другой стороны, простое и прямое перенесение в область «вещи в себе» форм пространства, времени и причинности в том виде и смысле, как мы их принимаем в физическом опыте, является недостаточно обоснованной и даже отчасти противоречивой гипотезой. Даже для психического опыта пространственные отношения выступают с неизмеримо меньшей определенностью, чем для физического; и многие полагают, что психические явления вообще не имеют пространственного характера; почему мы должны признать такой характер за «вещью в себе», которая с данной точки зрения так сильно отличается от опыта, это ни из чего не видно. Да и вообще признание абсолютного значения за временем, пространством и причинностью, как мы их

теперь себе представляем, есть не что иное, как особая форма абсолютного априоризма, идея метафизическая и статическая. На памяти человечества все эти формы опыта развивались от конечного к бесконечному, от неоднородного к однородному, от прерывающегося к непрерывному[71]; что же дает нам право для теперешней фазы их развития принимать абсолютное значение?

Впрочем, мы должны заранее иметь в виду, что эти наши соображения имеют силу только в том случае, если «вещь в себе» понимать в смысле *эмпирической подстановки*. Но не в том смысле понимают ее все ее современные сторонники, в том числе и диалектические материалисты. У них дело идет о *подстановке метаэмпирической* или, что то же, метафизической. Их «вещь в себе» стоит за той, которая дается эмпирической подстановкой; они, например, и за психическими явлениями подставляют еще скрытую «вещь в себе», которая в этих явлениях должна обнаруживаться. Мы же нашли, что само понятие «вещи в себе» возникло из подстановки психического под физиологическое, так что для

психического никакой дальнейшей подстановки не требуется.

Если употреблять термин «вещь в себе» в строго позитивном смысле эмпирической подстановки, то наш взгляд придется резюмировать так. Первичная «вещь в себе» для каждого человека — его собственный опыт; от него он умозаключает к переживаниям других людей и прочих существ — это ближайший для него ряд подставляемых «вещей в себе». Убеждаясь, что физиологическая жизнь принципиально не отличается от других физических и химических явлений, человек различными способами выполняет аналогичную подстановку и по отношению ко всем «объективным» процессам, впадая на этом пути в различные ошибки и исправляя их дальнейшим познанием. Так получают дальнейшие ряды «вещей в себе», все менее и менее определенных по мере того, как увеличивается их различие с первичной «вещью в себе» — собственной психикой человека. Принципиально все они вполне познаваемы; практически трудности их точного познания возрастают при переходе от высших форм

жизни к низшим, от органической природы к неорганической, от более сложных комплексов этой последней к более простым. Но вместе с возрастанием трудностей такого точного познания «вещей в себе» уменьшается и потребность в нем: «явления» становятся проще и познаются легче, так что практически можно все больше и больше обходиться без точной подстановки. Впрочем, и здесь *вполне* без нее обойтись нельзя: она заключается в неопределенной и скрытой форме уже в признании *объективности* явления.

Но само употребление термина «вещь в себе» в нашем позитивном смысле есть уже до известной степени философское злоупотребление: слишком много метафизики приросло в ряду веков к этому старому понятию. Лучше всего, следовательно, мы избегнем недоразумений, если просто скажем: «вещь в себе» есть отжившая философская идея; все, что в ней было жизненного, исторически положительного, сводится к *эмпирической подстановке*; развивающееся познание сохраняет эту последнюю, непрерывно преобразуя и дополняя ее на основе расширяющегося опыта;

эмпириомонизм делает ее орудием выработки целостного, чуждого перерывов мировоззрения.

Психический подбор (Эмпириомонизм в учении о психике)

А. Основы метода

1. Схема психоэнергетики

I

Поставленная нами задача заключается в том, чтобы показать, в каком направлении должно развиваться психическое исследование, если в основу его будет сознательно положена идея *принципиального единства опыта*. Задача эта целиком сводится к *вопросам метода*; и потому будет вполне естественно начать с выяснения и анализа самого общего методологического принципа, которым мы будем руководиться. Это, как мы не раз уже выясняли, принцип энергетики; а в сфере специально психического опыта, о котором теперь идет дело, это — идея *психоэнергетического метода*. Итак, что же она ближайшим образом означает?

Понятие «энергии» служит познанию для того, чтобы представить все явления как *соизмеримые*. Оно складывается из двух элементов: во-первых, представление об измеримости всех явлений — все явления рассматриваются как «величины»; во-вторых, представление об их всеобщей *эквивалентности* — признается, что в непрерывной смене явлений одни замещаются другими сообразно определенным и постоянным количественным отношениям. Таково содержание этого понятия, выработанное в сфере «естественных наук» научным синтезом и научной критикой. Его требуется применить к «психическим» явлениям.

Прежде всего приходится задать вопрос: измеримы ли психические явления? Хотя методы их измерения могут быть в данное время очень мало выработаны, несовершенны, приблизительны, недостаточны, но принципиальный ответ на вопрос этим не изменяется: психические явления измеримы; это величины. Поскольку они выступают в психическом поле с большей или меньшей «силой», они представляют величины «интенсивные»;

поскольку они могут присоединяться одни к другим, создавая большую или меньшую полноту жизни сознания, это величины экстенсивные. К этим двум формам количественного сравнения фактов сознания сводится и всякое «объективное» измерение физических тел и процессов: акт «измерения» есть всегда *психическая* деятельность, материал которой — данные *психического* опыта. Если бы эти данные не имели характера величин, то вообще никакое измерение не было бы возможно.

С этой точки зрения в очень многих случаях, когда познанию не удастся выразить данное психическое явление *вполне* определенной величиной энергии, существует тем не менее возможность *относительного* определения величины: можно наблюдать «возрастание» или «уменьшение» энергии этого психического явления. Всего проще тот случай, когда дело идет об «одном и том же», психическом явлении, которое, однако, «изменяется»; например, если данный образ в сознании бледнеет, теряя свою интенсивность, или если он утрачивает некоторые из своих элемен-

тов, становясь, так сказать, менее полным, то мы имеем основание говорить об уменьшении энергии этого психического образа; в случаях противоположного характера следует признавать возрастание энергии и т. д. Но и тогда, когда в психике сменяются различные образы, сознание обыкновенно отмечает их относительно большую или относительно меньшую энергию; человек высказывается в том смысле, что деятельность его сознания становится более энергичной или менее энергичной. Все это отнюдь не простые аналогии, так как в подобных высказываниях с полною ясностью обнаруживается измеримость и соизмеримость психических процессов, т. е. черты, создающие почву для энергетической концепции этих процессов.

Было бы в высшей степени ошибочно придавать особенное решающее значение тому факту, что все непосредственные «измерения» и «соизмерения» психических процессов отличаются крайней приближенностью и неточностью, и отрицать на этом основании энергетическое понимание психики. Кто знаком с фактическими применения-

ми энергетики в естественных науках, тому хорошо известно, как далеко простирается ее научное значение и за пределами точных измерений, там, где они технически не удаются. Область действительно точных измерений, в сущности, очень узка; но и при их отсутствии энергетическая точка зрения в массе случаев приводит к научно важным выводам. Очень часто — едва ли не в большинстве случаев — она даже создает возможность технически точного измерения явлений, позволяя вместо одних, трудно измеримых, подставлять другие, легко поддающиеся измерению. Это, как увидим, относится и к сфере психического опыта.

II

Если вопрос об измеримости психических процессов не представляет никаких принципиальных затруднений, то вопрос об их *эквивалентности* уже гораздо сложнее. Прежде всего тут приходится выяснить, следует ли принимать эквивалентность для психических явлений только с психическими или также и с физическими. Последнее может казаться сомнительным особенно потому, что

форма связи явлений в опыте физическом и в опыте психическом очень различна.

Энергетическая эквивалентность выражает идею всеобщей *непрерывности* явлений, которая требует, чтобы с устранением из опыта одного комплекса элементов выступал другой, связанный с ним определенным количественным отношением. Но психический опыт, взятый в его непосредственной форме, есть область *прерывающихся* отношений: в глубоком сне, обмороке, смерти течение психического опыта временно или окончательно прекращается, в различных фазах сознательной жизни оно резко изменяется как по интенсивности, так и по экстенсивности переживаний. Ясно, что идея эквивалентности, примененная к непосредственному психическому опыту в отдельности, создала бы только ряд противоречий. Следовательно, идея эта может получить реальный смысл только по отношению к более широкой сфере явлений, чем один психический опыт, — по отношению к опыту в его целом, миру физическому и психическому вместе. Между тем физический опыт уже *сам по себе* характеризуется

непрерывностью; присоединить к его эквивалентным замещениям процессы психического ряда, процессы прерывающиеся, значило бы, по-видимому, только нарушить его собственную непрерывность. Получается такая дилемма: либо отказаться от психоэнергетики, либо допустить нарушение непрерывности физического опыта. Большинство философов принимает первое решение, приходя к безнадежному дуализму метода[72]. Принять же второе — значит превратить физический опыт в нечто фантастическое, отняв у него основную его черту, его «конститутивный признак» — непрерывность. Оба решения малоутешительны.

К счастью, эмпириомонизм не связан самой дилеммой — он в силах устранить ее, выйдя за ее пределы. Он дает возможность энергетически познавать психику, не нарушая энергетической непрерывности физического опыта. Каким образом достигает он этого?

Между «психическими» и «физиологическими» явлениями жизни существует определенный параллелизм, точнее — определен-

ная функциональная зависимость. Но там, где между различными рядами элементов опыта имеется такая зависимость, самые эти ряды представляют не различные объекты для познания, а *один объект*[73]. Психическое явление и соответственный физиологический процесс следует считать не различными энергетическими величинами, а одной и той же величиной. Это — различные способы восприятия процесса жизни, и они так же мало могут быть разъединены энергетически, как тело, воспринимаемое путем зрения, и то же самое тело, воспринимаемое путем осязания. «Параллелизм» обеих «сторон» жизненного процесса здесь такой же, как параллелизм оптического и тактильного ряда элементов, образующих определенное «физическое тело»; и здесь и там закон сохранения энергии отвлекается от разнообразия элементов, опираясь на *единство отношений*.

Все это становится особенно простым и понятным с точки зрения «второго эмпириомонистического положения». Положение это устанавливает всеобщий параллелизм «жизни физиологической» и «непосредственных

переживаний» и сводит этот параллелизм к отношению между «отражаемым» и «отражением». Если физиологический процесс есть отражение «непосредственных переживаний», именно отражение их в социально-организованном опыте живых существ, то очевидно, что создавать из того и другого отдельные объекты для монистического познания не имеет никакого смысла: это было бы все равно что считать за отдельные объекты познания планету, наблюдаемую прямо глазом, и ту же планету, видимую при посредстве вогнутого зеркала рефлектора.

Таким образом, мы всегда имеем право и основание заменять в энергетическом исследовании психический процесс его физиологическим отражением, и наоборот, смотря по тому, что из двух для нас доступнее и удобнее; например, когда не выяснен физиологический процесс, но легко наблюдается соответственный психический, лучше подставить второй вместо первого; когда психический процесс не поддается измерению, можно попытаться измерить вместо него физиологический.

2. Схема психического подбора

I

Философское исследование психического мира ставит своей задачей выработку *объединяющей* точки зрения на все различные процессы, протекающие в этой области. Таким образом, разложение психического опыта на его элементы здесь может иметь значение только подготовительной работы, но не более: собственно философское исследование начинается там, где выясняется отношение этих элементов к психическому *целому*, где решается вопрос о том, каким способом координируются они в психическую систему, как *организуется психика*.

Подчиняя психический мир всеобщему принципу энергетики, мы сразу получаем первую чисто количественную постановку вопроса, который только что формулировали. В этой постановке его следует выразить так: в каком отношении находятся отдельные переживания и их элементы, взятые как величины, и притом энергетические, к психической системе как интегральной энергетической величине? И сразу же получается

первый и самый общий ответ, вытекающий из самого понятия о величине; он будет, очевидно, такой: для психического целого отдельные переживания и их элементы могут являться положительными или отрицательными величинами, увеличивающими или уменьшающими сумму энергии этого целого [74].

В эту отвлеченную формулу данные биомеханики и психологии позволяют сразу же вложить более конкретное психическое содержание. Возрастание и уменьшение энергии психической системы тождественно с *непосредственным возрастанием и уменьшением ее жизнеспособности*; а колебания непосредственной жизнеспособности выражаются психически в чувствованиях удовольствия и страдания, в так называемом «аффекционале»*. Энергетическая формула превращается в психологическую: положительный аффекционал переживания (удовольствие) познавательно тождествен с возрастанием энергии психической системы, отрицательный (страдание) — с уменьшением [75].

Итак, если человеку «приятно», например, видеть лицо А и «неприятно» видеть лицо В, то это означает, что одно переживание — восприятие А, — вступая в систему психического опыта, увеличивает сумму ее энергии, тогда как другое переживание — восприятие В — уменьшает эту сумму. Все переживания обладают положительным или отрицательным аффекционалом — «безразличный» аффекционал есть только предельная величина того и другого; а потому *все переживания энергетически соизмеримы по их отношению к психической системе*. Эта специальная форма их соизмеримости и послужит основой нашего исследования.

II

«Приятное есть то, к чему стремятся, неприятное — то, чего избегают» — формулу эту трудно назвать даже определением, это — почти простая тавтология. И однако, ее жизненное значение громадно: к ней в конечном счете сводятся все принципы прикладной психологии — педагогики, политики, морали — все методы юридического и нравственного воздействия одних людей на других.

Всякое психическое переживание — будет ли это волевой акт, или восприятие, или представление, — раз оно характеризуется окраской удовольствия, обнаруживает тенденцию *упрочиться* в данной психической системе, вытеснить те переживания, которые не имеют такой окраски, оно устраняется все с большим сопротивлением, удерживается и воспроизводится все легче. Это отражается и на всех других переживаниях, которые ближайшим образом ассоциативно с ним связаны, — их энергия и устойчивость также возрастают. Окраска страдания обуславливает противоположную тенденцию: уменьшение энергии и устойчивости тех переживаний, которые ею обладают, и всех тесно связанных с ними, возрастающую легкость их устранения из психической системы. Эти две тенденции образуют своего рода «психический подбор» переживаний: в смене и в повторениях переживаний те из них обнаруживают относительно наибольшую жизнеспособность, которые наиболее «приятны»; наименьшая же свойственна тем, которые наиболее «неприятны».

Таким образом, если политик старается в психике избирателей создать неразрывную связь между представлением о его программе и заведомо приятным представлением об известных практических выгодах, он применяет принцип психического подбора; если педагог стремится в психике школьника тесно ассоциировать представление о шалости с заведомо неприятным представлением о наказании, он применяет принцип психического подбора. Здесь лежит необходимое «a priori» для всякого планомерного воздействия на людей, — такова практическая роль этого принципа. Но для нас в данный момент важно выяснить его теоретическое значение.

Факт психического подбора несомненен, или, выражаясь точнее, несомненно, что громадная масса психических фактов вполне укладывается в рамки понятия «психического подбора», как оно нами установлено [76]. Но мы ищем *эмпириомонистической* точки зрения для психологии, а потому для нас возникает вопрос о том, вся или не вся область психического опыта должна быть подчинена этому своеобразному принципу, может или

не может он стать всеобщим «а priori» для психологического исследования. Это вопрос о границах методологического значения идеи психического подбора.

Чтобы ответить на такой вопрос, надо прежде всего самую идею психического подбора свести к установленным уже эмпириомонистическим понятиям; надо, как обыкновенно выражаются, «объяснить» психический подбор, определить, «что» он такое, «как» и «почему» происходит.

Пока нам известно следующее: психическим подбором мы назвали тенденцию к жизненному усилению или ослаблению отдельных переживаний в зависимости от их аффекциональной окраски в поле сознания — положительной (удовольствия) или отрицательной (страдания). Таким образом, основные особенности психического подбора сводятся к двум фактам: во-первых, он выступает в поле сознания (непосредственного психического опыта); во-вторых, по направлению он зависит от аффекционала. Что представляет собой аффекционал с эмпириомонистической точки зрения, это мы уже

знаем: удовольствие для познания тождественно с непосредственным возрастанием энергии психической системы, страдание — с непосредственным понижением. Теперь нам следует остановиться на другой особенности психического подбора — на его отношении к полю сознания.

III

«Сознание» и непосредственный психический опыт — тождественные понятия. Существует мнение, что так как эти понятия выражают то, что нам «непосредственно известно», а стало быть, и наиболее известно, то они вообще не подлежат определению и «объяснению». Это, конечно, неверно. Задача познания — гармонически организовать опыт, установить связь и зависимость его элементов и их комбинаций; «определение» и «объяснение» таких комбинаций представляют собой именно выражение этой связи и зависимости; из нее же ничто не может быть выделено, а потому все подлежит определению и объяснению. Таким образом, всякая область опыта должна быть определена и объяснена через другие, т. е. точно отграни-

чена от них и в то же время неразрывно связана с ними установленной общей закономерностью.

Итак, что такое «сознание» как непосредственный психический опыт? Прежде всего очевидно, что это некоторая комбинация переживаний, принадлежащая к определенной психической системе, но, как мы знаем, отнюдь ее собою не исчерпывающая. Какая же именно комбинация? Ее основная характеристика — специфически временная форма. Здесь содержание непрерывно изменяется во времени, но не размещается в пространстве. И так как содержание для чисто временной связи дают только изменения, то «непосредственное сознание» есть прежде всего область изменений. Изменений чего? Очевидно, психической системы, которой принадлежит сознание. И действительно, каждое переживание, прошедшее через поле сознания, означает некоторое изменение психической системы с ее дальнейшими жизненными реакциями; изменение это может быть более значительным, или менее значительным, или хотя бы даже минимальным, но оно все-

гда есть, и путем таких изменений совершается непрерывно приспособление системы к ее среде. В каком же отношении между собою находятся эти изменения? Они взаимно координированы, взаимно объединены *ассоциативной* связью, которая делает из ряда переживаний одно «поле сознания» и из таких непрерывно сменяющихся полей одну нераздельную цепь психического опыта. Следовательно, сознание по отношению к психической системе можно определить так: *это область координированных изменений психической системы* (причем формой их координации является ассоциативная связь).

Дальнейшее выяснение, исследование характера ассоциативной координации, ее частных форм и т. д. для нас в данный момент не представляет необходимости. Пока достаточно просто констатировать: всякое данное поле сознания можно рассматривать как комплекс одновременных взаимно связанных изменений психической системы. В опыте «поле сознания» первоначально является как некоторое недифференцированное целое, и его разложение на отдельные пере-

живания с установлением определенной связи между ними есть уже акт вторичного характера, акт «познания»; он превращает единство неопределенное в единство определенное, но отнюдь не устраняет.

Исходя из этого положения, мы можем «объяснить» себе процесс психического подбора, т. е. представить его в простой, монистической формуле.

IV

«Поле сознания» данного момента выражает совокупность координированных изменений, происходящих в психической системе. Энергетически все эти изменения соизмеримы и, *взятые в сумме, образуют определенное возрастание или уменьшение энергии психической системы.* Но именно такое же значение имеет и аффекционал: удовольствие соответствует возрастанию энергии системы, страдание — уменьшению. Что же из этого следует?

Пусть в поле сознания имеется ряд образов — зрительных, двигательных и т. д., причем общий аффекционал отрицательный (страдание). Эти зрительные, двигательные и

т. д. реакции означают определенные психические приспособления, существующие в психической системе не только в то время, когда они выступают в поле сознания: это вполне доказывается тем, что данные образы время от времени вновь воспроизводятся в сознании, следовательно, не исчезают окончательно из психики, когда исчезают из непосредственного восприятия[77]. Так как поле сознания есть область изменений психики, то очевидно, что выступление в нем данных образов выражает ряд изменений, происходящих именно в сфере тех непрерывно существующих психических приспособлений, которым эти образы соответствуют. Какого же рода изменения? Это выясняет аффекционал: если он отрицательный, то дело идет об уменьшении энергии психической системы, т. е., очевидно, о понижении энергии указанных психических приспособлений, — они составляют *область изменений*, стало быть, происходящее уменьшение энергии происходит за их счет. Но понижение энергии психических приспособлений есть в то же время уменьшение их жизнеспособно-

сти; а оно и обозначается в данном случае как «отрицательный психический подбор». Мы пришли, таким образом, к почти тавтологической формуле: при отрицательном аффекционале (страдании) имеет место отрицательный психический подбор потому, что отрицательный аффекционал выражает понижение энергии, а следовательно, и непосредственной жизнеспособности тех психических приспособлений, которые выступают в данном поле сознания. То же самое, с соответственными изменениями, относится, конечно, и к положительному подбору при положительном аффекционале.

Ребенок протягивает ручку к огню и получает ожог, что и служит для него «уроком», — вот самый простой и типичный пример психического подбора. Что при этом происходит в психической системе? Сначала в поле сознания рядом со зрительным восприятием огня имеется представление определенной двигательной реакции («хочу взять это»); оно имеет положительную окраску (характеристика «приятно»), т. е. оно соединено с возрастанием энергии психической системы; но

возрастание это происходит в сфере ее «координированных изменений», в той области приспособлений, которая соответствует полю сознания: повышается энергия зрительного восприятия огня, с одной стороны, двигательного представления хватательной реакции — с другой; восприятие огня становится ярче, отчетливее, богаче элементами — увеличиваются сила и ясность перцепции; двигательное представление делается интенсивнее и определеннее — переходит в «акт воли», в полную психомоторную реакцию. Но тут в поле сознания вступает интенсивное тактильно-термическое раздражение, разрушительно действующее на психику: сразу обнаруживается значительный отрицательный аффекционал («очень больно»). Поле сознания как область координированных изменений составляет одно целое, и его общий отрицательный аффекционал означает падение энергии всех психических приспособлений, в данный момент в нем представленных. В результате зрительное восприятие огня становится смутным и неясным («света не взвидел»), хотя, конечно, не исчезает, так как про-

должается действие его «внешней причины» — световых волн на сетчатку; двигательная реакция «хватания» прерывается, а тактильно-термическое восприятие не может исчезнуть вследствие продолжающегося «внешнего раздражения», но, подобно зрительному восприятию огня, только еще в большей степени, делается смутным и неясным, как «восприятие»: в нем не различается никаких частных и деталей, кроме приблизительной локализации в пальцах руки, оно тонет и исчезает в хаотически поднимающихся волнах «жгучей боли» — неопределенной судорожной психической реакции, представляющей колоссальную растрату энергии психической системы[78]. Затем выступает новая психомоторная реакция — рефлекс «отдергивания руки»; и из всего дальнейшего для нас важно только одно: те психические комплексы, которые были в поле сознания в момент отрицательного аффекционала, в дальнейшем воспроизводятся сравнительно ослабленными и более редко: даже зрительный образ огня, возникая в памяти ребенка, быстрее, чем прежде, подавляется

другими реакциями — ребенок «избегает» этого воспоминания, а та двигательная реакция «хватания», которая ближайшим образом предшествовала появлению отрицательного аффекционала, в дальнейшем совсем не повторяется в связи с восприятием огня, как это здесь было, да и во всякой иной связи воспроизводится менее быстро и энергично, с большим колебанием и «осторожностью».

В большинстве случаев действие психического подбора бывает менее интенсивно, особенно когда оно направлено в положительную сторону, в сторону усиления и упрочения возникающих психических комбинаций; но и тогда, повторяясь и накопляясь, оно в конце концов может оказаться еще гораздо более значительным по своим результатам. Очевидно при этом, что с точки зрения принятой нами концепции *все поле сознания непрерывно является в то же время полем психического подбора*, и вся жизнь сознания представляется как процесс развития и разрушения психических форм, направление которого во всякий данный момент определяется знаком аффекционала.

V

Связь психического подбора с аффекционалом означает связь с определенными типами жизнеразностей нервного аппарата. Этим дается как будто иная точка зрения на вопрос о психическом подборе: его надо «разрешить», процесс психического подбора надо «объяснить» на почве физиологии нервной системы.

Пусть в сознании одновременно имеется ряд образов, окрашенных чувством «удовольствия», т. е. в нервном аппарате протекает ряд жизнеразностей разнообразной «формы», но имеющих в сумме положительный характер (увеличение энергии центрального органа системы). Самая наличность «сознания» соответствует тому факту, что жизнеразности протекают не изолированно в немногих клетках системы, а распространяются в ней по различным направлениям, находясь в то же время во взаимной связи и зависимости; но наличность *определенных* реакций психики означает в то же время, что у этих жизнеразностей имеются свои собственные центры, которые в данном случае являются глав-

ным полем жизнеразностей и их исходной точкой, — специальные, так сказать, органы этих реакций. Такие органы при современном состоянии науки можно представлять себе только в виде определенных комплексов нервных клеток, взаимно связанных нервными проводниками и при их посредстве легко приводящих друг друга в состояние «функциональной жизнеразности» — в «динамическое» состояние, как чаще выражаются. В данном примере характер жизнеразностей положительный, и энергия нервных клеток, входящих в состав функционирующего специального органа, повышается; увеличивается, следовательно, интенсивность их жизни, а вместе с тем, очевидно, и способность функционально «возбуждать» друг друга и вообще приходить совместно в «динамическое» состояние. Таким образом, во-первых, увеличиваются шансы повторения психических реакций, связанных с этим динамическим состоянием, во-вторых, возрастает и интенсивность этих реакций. То и другое в совокупности обозначается как положительный психический подбор.

Совершенно аналогичным образом можно представить себе картину отрицательного психического подбора. При понижающейся энергии клеток специального органа реакции они в меньшей степени способны возбуждать друг друга к функции, сопротивление проводников при прежних условиях уже не преодолевается ослабленным передаточным током — реакция повторяется реже и менее интенсивна.

В таком «физиологическом» представлении психического подбора перед нами выступает новая его черта, которую трудно было бы заметить при чисто «психологическом» способе изображения. Как мы указывали, во время той или иной психической реакции ее специальный орган служит *главным полем* жизнеразностей, но не единственной их областью; они распространяются — в ослабленной степени — и на различные другие области центрального аппарата, который именно как интегральное целое является органом сознания вообще. Если так, то процесс психического подбора должен захватывать не только те реакции, которые имеются в поле созна-

ния при данном аффекционале, но и другие, только в гораздо более слабой степени, — а из этих других по преимуществу те, специальные органы которых наиболее тесно связаны со специальными органами первых. И есть много фактов, которые подтверждают эту дедукцию. Так, после ряда перенесенных страданий замечается общее уменьшение сферы памяти и практических реакций: «забывается» многое и из того, что не было, по-видимому, прямо связано с отрицательным аффекционалом, человек нередко «разучивается» или «отвыкает» делать то, что само по себе опять-таки не было источником страданий. Напротив, ряд интенсивно-приятных ощущений нередко воскрешает в психике много давно забытых образов, не стоящих, по-видимому, ни в каком близком отношении с этими ощущениями[79]. Во всем этом выражается реальное жизненное единство психики в непрерывной смене содержаний психического опыта.

Но как теперь отнестись к тому факту, что у нас получилось два объяснения психического подбора — одно с точки зрения непо-

средственных психических переживаний, другое — с точки зрения физиологии нервной системы? Нетрудно заметить, что оба «объяснения» *тождественны*, как энергетические формулы, с той только разницей, что в одном говорится о психических реакциях, в другом — о жизнеразностях органов этих реакций. Мы признали, что физиологический процесс есть *отражение* комплексов непосредственных переживаний в социально-организованном опыте живых существ. В энергетических формулах отражаемое и отражение совершенно сливаются, потому что формулы эти отвлекаются от способа восприятия — «прямого» или «косвенного». Таким образом, два «объяснения» психического подбора представляют в действительности *одно* в двух различных формах изложения; и мы можем во всяком данном случае избирать ту из них, которая именно в этом случае удобнее для наглядного описания и стройной группировки фактов[80].

VI

Идея психического подбора представляет собой, как мы видели, обобщение очень ши-

рокого ряда фактов. Но мы хотим сделать из нее нечто большее — руководящую точку зрения при дальнейшем психическом исследовании. И так как мы ищем *монистические* методы, применение которых могло бы охватить всю область психического опыта, то естественно поставить вопрос: насколько широка та область, в которой возможно, в которой мыслимо пользоваться для исследования идеями психического подбора? Для самого общего ответа на этот вопрос данных у нас уже достаточно.

Психический подбор, как мы его вначале определили, есть та форма подбора переживаний, которая связана с их аффекционалом; аффекционал же есть характеристика переживаний, находящаяся именно в «сознании», т. е. в поле непосредственного психического опыта и только в этом поле. Но здесь ли граница явлений психического подбора?

Человек в опыте и познании никогда не бывает солипсистом, кроме непосредственно-го, т. е. личного, психического опыта, для него существует психический опыт других живых существ: эта несравненно более широ-

кая сфера психического опыта конструируется человеком на основании «высказываний» других организмов. Ясно, что идея психического подбора не только может, но должна быть перенесена на всю эту область: и это тем легче, что в «высказываниях» дается и аффекционал — люди и животные «выражают» чувствования удовольствия и страдания.

Психический опыт вообще характеризуется особым типом координации элементов и их комплексов — именно ассоциативною связью; этим он и отличается от опыта физического с его высшей, объективной закономерностью. Но критика психического опыта привела нас к выводу, что он есть только некоторая часть — именно наиболее организованная часть — той области, в которой господствует ассоциативная координация и которую мы обозначили как область «непосредственных переживаний». Мы пришли к убеждению, что всякой жизнеразности физиологических процессов соответствуют, или, лучше сказать, во всякой жизнеразности для познания обнаруживаются некоторые непосредственные переживания, со свой-

ственной им ассоциативной связью элементов и их комплексов. С этой точки зрения психический опыт данного живого существа есть лишь главная из его ассоциативных координации, с которой жизненно связаны другие, менее сложные, относительно самостоятельные координации аналогичного типа. Вопрос заключается в том, возможно ли распространение идеи психического подбора на все эти координации, следовательно, на всю область непосредственных переживаний вообще, а она, согласно нашему представлению, совпадает с царством жизни в природе.

Вопрос этот до известной степени решается уже эмпирически. Многие из низших координаций, остающихся за порогом психического опыта, доступны нам при посредстве высказываний, когда мы наблюдаем, например, «автоматические» действия людей, поступки лунатиков, различные движения низших организмов, стоящих так далеко от нас на лестнице развития, что мы не можем приписать им настоящего «опыта». Автоматическое действие глубоко задумавшегося человека прекращается, когда встречает «вредное

сопротивление», которое причинило бы «страдание», если бы отразилось в сфере сознания; у лунатика есть прямые высказывания аффекционального характера, например в выражении лица, и им соответствуют перемены в образе действий лунатика; низший организм, вроде амебы, быстро останавливает свое движение, когда оно наталкивает его на «вредное» влияние, понижающее энергию клетки, и т. д. Ясно, что для всех таких случаев принцип психического подбора является познавательно целесообразным.

Но дальше? Как мы знаем, далеко не все непосредственные переживания находят себе отражение в «высказываниях». Очевидно, что это — не принципиальная разница между ними и по существу ничего не меняет. В самом деле, полученная нами характеристика психического подбора такова: это подбор, протекающий в сфере координированных изменений системы и основанный на возрастании или понижении ее энергии. Значит, всюду, где есть такие координированные изменения, — выступающее в них повышение или понижение энергии системы должно вызы-

вать явления психического подбора. Но это относится ко всей области непосредственных переживаний.

Таким образом, с формальной стороны есть все основания принять идею психического подбора за всеобщий принцип исследования жизни как потока непосредственных переживаний. Это, однако, еще не означает, чтобы его применение должно было всегда и везде сопровождаться успехом, — дело зависит от того, достаточно ли конкретных данных для такого применения, — ограничение, относящееся ко всем принципам познания.

VI

Применяемый нами термин «психический подбор» сам по себе может вызвать некоторое недоумение, особенно со стороны читателя-биолога. Термин этот указывает на то, что психический подбор есть некоторый частный вид того всеобщего подбора жизненных форм, который обозначают обыкновенно как подбор «естественный». А между тем способ действий психического подбора, по-видимому, совершенно своеобразен и не похож на способ действия подбора естественного: фак-

торы одного — простое повышение и понижение энергии психической системы, воспринимаемое как удовольствие и страдание, факторы другого — размножение и смерть особей, воспринимаемые как объективные явления. Что здесь общего и правильно ли подчинять одно другому как вид — роду?

Прежде всего, различие способа восприятия не может иметь принципиального значения для метода познания. То, что «субъективно» существует как удовольствие и страдание, то выступает «объективно», как физиологическое изменение — в смысле развития или деградациии системы; и то, что воспринимается «объективно», как смерть или размножение, то протекает «субъективно» в виде исчезновения прежних рядов непосредственных переживаний или возникновения новых. Разница только в том, что в одном случае материал для исследования легче и полнее дается одним типом восприятия, в другом случае — другим; а это для вопроса не существенно.

Далее, ошибочно было бы сводить весь процесс «естественного подбора» к одним мо-

ментам смерти и размножения. Идея подбора выражает непрерывное соотношение между данною формой жизни и ее средою: отрицательный естественный подбор только завершается смертью, т. е. разрушением жизненной координации, а до этого момента он выражается именно в понижении энергии данной формы, в отнятии этой энергии средою; точно так же и положительный подбор не сводится к сохранению и размножению формы, а к непрерывному равновесию или возрастанию ее энергии за счет среды, к процессам, которые в сохранении и размножении только обнаруживаются наиболее наглядно. Те, например, «страдания», которые приходится переносить неприспособленному существу и которые, понижая его жизнеспособность, ускоряют его гибель, служат самым настоящим выражением «естественного подбора».

Таким образом, нельзя установить никакого принципиального различия между «психическим» и «естественным» подбором, если тот и другой понимать не в грубо реалистическом смысле как самостоятельного «деятеля»

жизни, а в том чуждом всякого лицетворения, строго методологическом смысле, в каком мы принимаем эти понятия[81].

Но психический подбор должен рассматриваться как частная форма «естественного» подбора, потому что первый относится только к ассоциативным координациям переживаний, второй же — ко всем явлениям жизни во всех формах.

VIII

Неразрывная связь психического подбора с «аффекционалом» ставит перед нами новый вопрос. Большинство психофизиологов рассматривают самый «аффекционал» как своеобразное психическое приспособление, очень важное, особенно необходимое для сохранения жизни, но все же только частное психическое приспособление, одно из многих выработанных развитием. Принимая такую точку зрения, было бы, очевидно, невозможно самую идею психического подбора, который в психическом опыте выступает как подбор аффекциональный, сделать всеобщим методом психического исследования. Но можно ли вообще согласиться с этой точкой зрения?

Аффекционал означает только удовольствие и страдание как непосредственные чувствования, вернее — как некоторую непосредственную окраску переживаний (их «чувственный тон»). Взятая в отдельности, сама по себе, окраска эта никакого приспособления, очевидно, не представляет. Но удовольствие есть то, к чему живое существо стремится, страдание есть то, чего оно избегает, причем то и другое служит на пользу сохранению и развитию жизни: то и другое, таким образом, вполне возможно рассматривать как «приспособление». Что же это значит?

Ребенок приближает руку к огню, испытывает известные температурные ощущения в окраске сильного страдания и отдергивает руку. Это — приспособление. Ребенок видит чудовище и сильно пугается; эмоция страха характеризуется сильным страданием, но здесь страдание это только отнимает у ребенка силы, необходимые для бегства от чудовища или борьбы с ним: приспособления, как видим, нет. Страдание в обоих случаях означает одно и то же — разрушительное влия-

ние среды, растрату энергии психической системы; но реакция системы различна, и различен результат для психической системы: в одном случае приспособление, в другом — неприспособленность. Отсюда вытекает такой вывод: если мы отграничим в познании аффекционал переживания от последующей реакции со стороны системы, то окажется, что приспособление (или неприспособленность) зависит всецело от характера этой последующей реакции, сам же аффекционал выражает только состояние системы, понижение или повышение ее энергии, т. е. в сущности ее отношение к «среде», которая является либо фактором, отнимающим энергию системы, либо, наоборот, источником возрастания энергии. Если бы ребенок отдергивал руку от огня рефлекторно, даже не успевши почувствовать страдания, его приспособленность от этого не уменьшилась бы, а скорее даже возросла бы, потому что меньше была бы растрата энергии психической системы.

Итак, аффекционал не есть приспособление, хотя он определяет собою направление и выработку приспособлений; чрезмерно теп-

лый или чрезмерно холодный для животного климат вполне аналогичным образом определяет собою развитие в организме животного новых приспособлений, однако сама по себе чрезмерная теплота или холод отнюдь не есть приспособление. Аффекционал для психического подбора означает то же, что разрушительное или благоприятное воздействие среды на организм — для подбора естественного.

Психический подбор есть психическая причинность, как подбор естественный есть биологическая причинность. Но причинность — не телеология; и если в общем она приводит к возникновению и развитию уравновешенных, гармонических систем, то далеко не всегда так бывает в частных случаях. Психический подбор, как и подбор естественный, очень многое создает только для разрушения. На психическую систему он действует всегда лишь частично, а не интегрально: координирует только «части частей», а не целое. Он непосредственно приспособляет одни психические переживания к другим, когда они вместе встречаются в данной определен-

ной координации; но далеко не всегда из этого может получаться *общая* приспособленность для всех координаций системы. Действие психического подбора нередко противоречиво. Но в ряде веков его организующая тенденция преодолевает эти противоречия, сила развития господствует над ними.

3. Схема ассоциаций

I

Основную характеристику всей области психического опыта представляет определенный тип его координации, именно тип ассоциативный. До сих пор мы пользовались понятием ассоциативной связи только для того, чтобы указать границы области нашего исследования; но это отнюдь не означает, чтобы данное понятие имело для нас значение познавательного «a priori» в кантиански-гносеологическом значении этого слова; и как только от вопроса о всеобщем психологическом методе мы хотим сделать шаг по направлению к конкретно-психологическому познанию, перед нами выступает задача — «объяснить» с точки зрения этого метода факт ассоциации переживаний в психиче-

ском опыте.

Прежде всего, что подразумевает психолог, когда он говорит об «ассоциации»?

Тот неопределенный, неорганизованный поток переживаний, который представляет действительное, жизненное «a priori» всякого опыта и познания, потому что именно из него в процессе развития кристаллизуется и то и другое, этот первичный хаос жизни еще не есть, конечно, ассоциативная комбинация элементов, а только возможный материал для ее возникновения. Но и устойчивый, прочно организованный комплекс элементов также не образует сам по себе «ассоциации», пока в опыте и познании он не разложился на составные части, которые и рассматриваются тогда, как «ассоциированные» между собою. Два комплекса, А и В, которые неизменно встречались бы вместе в поле психического опыта, не составляли бы ассоциации, потому что вовсе не различались бы как два отдельных комплекса, а принимались бы как один. Таким образом, если мы говорим об ассоциативной связи комплексов А, В, С и т. д., то тем самым подразумеваем не только их

взаимную связь, но и их раздельность, — подразумеваем, что иногда они выступают вместе, а иногда порознь, в комбинациях с другими комплексами. Но в то же время мы не считаем «случайными» встречи комплексов А, В, С... в поле сознания, а признаем известную закономерность, состоящую в том, что каждый из них «влечет» за собою другие, т. е. каждый является положительным, а не отрицательным и не безразличным условием для возникновения других в сфере непосредственного психического опыта. Иногда это условие само по себе оказывается достаточным, иногда нет, но всегда при его наличности для появления ассоциированных с ним переживаний требуется меньшая сумма всяких иных условий, чем при его отсутствии.

Основная, наиболее общая и типичная форма ассоциативной связи — это ассоциация *по смежности*. Два переживания, раз выступавшие в одном поле сознания, обнаруживают затем тенденцию взаимно вызывать друг друга, — встречая виденную раньше лошадь, человек вспоминает о сидевшем тогда на ней всаднике, и наоборот. Как «объясняет-

ся» эта связь с точки зрения психического подбора?

Два комплекса, А и В, одновременно находящиеся в поле сознания, совместно «подвергаются» психическому подбору, положительному или отрицательному, т. е., другими словами, совместно испытывают энергетические изменения в смысле усиления или ослабления этих комплексов. Но тем самым оба комплекса образуют в данной психике *одну систему энергетического равновесия*. Это вытекает из того, что поле сознания представляет, как мы видели, область координированных изменений психической системы, т. е. изменений, энергетически в данный момент связанных, энергия которых обменивается не только с внешней для них средой, но и между ними самими[82].

Итак, благодаря процессу психического подбора перед нами уже не два отдельных, «случайно» соединившихся на время комплекса элементов, но некоторая определенная система равновесия. Она остается «вне сознания», пока это равновесие ничем не нарушается; если оно определенным образом

нарушается для одной части этой системы — положим, для части А, — то «комплекс А» вступает в поле сознания; но тогда, как во всякой энергетической системе, нарушается равновесие и для части В, и мы можем ожидать, что В также «появится» в сознании. Если бы за все промежуточное время система этих двух комплексов оставалась совершенно неизменною, то каждый из них неизбежно вызывал бы другой вслед за собою; но о такой безусловной устойчивости не может быть и речи, когда дело идет о живой и живущей психике; медленно и непрерывно изменяясь в своих мельчайших частях, система может преобразоваться весьма значительно и даже совсем разложиться; вот почему и ассоциативная связь имеет лишь ограниченное значение, вот почему она представляет массу различных степеней, от неуловимого *minimum* прочности до граничащего с неразрывностью *maximum*.

С этой точки зрения для нас вполне объясняются все существенные особенности ассоциативной связи. Например, она бывает особенно прочна, если возникает при сильном

аффекционале: все, что пережито в момент высокой радости или интенсивного страдания, ассоциируется наиболее прочно, так что каждая часть тогдашнего поля сознания, выступая в сознании вновь, с большой силой и ясностью воскрешает другие, — на этом общеизвестном факте основаны многие приемы мнемоники и педагогики[83]. Сильный аффекционал означает энергичное действие психического подбора; и так как именно это действие и создает из двух встретившихся в сознании комплексов одну систему равновесия, то понятно, что более интенсивный подбор обуславливает большее относительное единство, большую устойчивость новой системы, т. е. более прочную связь ее частей. Совершенно аналогичным образом упрочивается ассоциация переживаний и тогда, когда они многократно выступают вместе в сознании: здесь только интенсивность психического подбора заменяется его продолжительностью, действие его, так сказать, накапливается.

С другой стороны, чем интенсивнее психическая жизнь за все то промежуточное время,

пока ассоциированные комплексы остаются «за порогом» сознания, тем больше ослабляется и ассоциативная связь этих комплексов, тем меньше шансов, что вступление одного из них в поле сознания «повлечет» за собою вступление другого. Интенсивная психическая жизнь означает большое количество изменений психической системы, следовательно — большое количество изменяющих влияний, а влияния эти действуют и за пределами главной координации, преобразуя прежде сложившиеся частные системы энергического равновесия — ассоциативные группировки. И здесь, как в предыдущем случае, продолжительность изменяющих влияний имеет однородное значение с их интенсивностью: ассоциации становятся менее прочными, если долго не возобновляются в сознании.

Все это относится к простейшему и основному типу ассоциативной связи — к ассоциациям «по смежности»; точно так же, разумеется, и к ассоциациям «по временной последовательности», потому что эта последняя включает в себе момент смежности: если ком-

плекс А вполне исчезнет из сознания к моменту появления комплекса В, то ассоциация по последовательности не образуется; она получается лишь в том случае, когда комплекс А хотя бы только отчасти и в ослабленном виде сохраняется еще некоторое время наряду с В. Таким образом, оба первоначальных типа ассоциации мы имеем все основания рассматривать как результат *психического подбора*. Несколько сложнее представляется вопрос об ассоциациях «по сходству» и «по контрасту» — об ассоциациях «высшего» типа. Чтобы перейти к ним, для нас требуется еще одно промежуточное звено — явления психического «привыкания».

II

Если какая-нибудь психическая реакция сенсорного характера (восприятие, представление) или двигательного (волевой акт, стремление) повторно выступает в сознании, то она чем дальше, тем в большей мере становится *привычною*. При этом она изменяется, и именно в трех отношениях. С одной стороны, она все легче воспроизводится в психике — шансы ее нового повторения при про-

чих равных условиях возрастают. С другой стороны, как комплекс элементов опыта, она приобретает все больше определенности и консерватизма — взаимные отношения ее элементов становятся все прочнее и устойчивее. С третьей стороны, меняется аффекциональная окраска реакции — вообще говоря, в сторону безразличия: высокий аффекционал, положительный или отрицательный, понижается, становясь все более незначительной величиной; но при отрицательном аффекционале дело этим не ограничивается — он переходит затем в положительный, причем обыкновенно также не переходит известной невысокой величины[84]. Вопрос заключается в том, что может дать идея психического подбора для уяснения этих фактов, играющих такую громадную роль в душевной жизни и развитии.

Здесь прежде всего очевидно, что дело идет о многократном и в общем продолжительном действии психического подбора: повторяясь снова и снова, реакция каждый раз подвергается этому действию. Если подбор положительный (реакция в сознании высту-

пает как нечто «приятное»), то сразу же становится понятным, почему возрастают шансы дальнейшего повторения реакции — это общая и основная черта положительного психического подбора. Но каким же образом получается аналогичный эффект «привыкания» и тогда, когда подбор бывает отрицательный, когда реакция непосредственно «неприятна»? А priori следовало бы ожидать, по-видимому, прямо противоположного результата — все более и более трудного воспроизведения реакции. Правда, иногда так и случается — чем чаще данный комплекс повторяется в сознании, тем сильнее то внутреннее сопротивление, которое он при этом встречает, тем сильнее тенденция к его подавлению и устранению из психического поля[85]. Но так бывает скорее в меньшинстве случаев, нас же сейчас занимает противоположный тип явления — когда «неприятная» реакция возникает все с меньшим и меньшим сопротивлением психики, а затем становится даже «приятной», когда, например, человек, начавши с отвращением заниматься какой-нибудь работой, мало-помалу «втягивается» в нее и

начинает даже находить в ней некоторое удовольствие.

Во всяком случае несомненно, что такое «привыкание» при отрицательной окраске реакции происходит гораздо медленнее и с большей затратой энергии, чем при положительной окраске: «втянуться» в непосредственно-приятное занятие гораздо легче, чем в непосредственно-неприятное. Таким образом, и здесь, по-видимому, типичная *тенденция* отрицательного подбора имеется налицо — она только парализуется и перевешивается какими-то другими влияниями. Какие же это влияния? Вопрос решается очень легко, если припомнить, что полем психического подбора является *все поле сознания* как одно целое.

Трудно представить себе большие страдания, чем те, которые испытывает десятилетний школьник, «приучаясь» курить. Необычные осязательные, обонятельные и вкусовые ощущения от табачного дыма вызывают целый ряд дисгармонических судорожных реакций — со стороны диафрагмы и других мускулов дыхательного аппарата (кашель), со сто-

роны сосудистой системы (сердцебиение, учащенный пульс), мускулов лица (grimаса), различных желез (слезы, слюнотечение) и т. д. В совокупности это означает большую растрату энергии, следовательно, большое страдание. Если бы все дело к этому и сводилось, то вряд ли кто-нибудь «привык» бы курить. Но обстоятельства гораздо сложнее, и в поле сознания имеется кроме указанных комплексов еще немало иных. Представление об акте курения соединяется в психике ребенка с представлением о некотором относительном «равенстве» со взрослыми, стало быть о некотором принципиальном расширении жизни, о повышении ее уровня. Это сочетание сводится в конце концов к ассоциации «по смежности» — к тому факту, что ребенок видел курящими только взрослых и в то же время наблюдал их взаимные отношения — с его точки зрения, весьма «свободные». Если акт курения причиняет «неприятные» ощущения, то сознание возрастающей свободы «приятно»: одна часть ассоциации, взятая в отдельности, имеет отрицательный аффекционал, другая — положительный; какова же

окраска ассоциации как целого? Чувство страдания, которым омрачается первая часть ассоциации, очень интенсивно, однако скоропреходяще и имеет лишь индивидуально-физиологическую основу; напротив, чувство удовольствия, характеризующее вторую часть ассоциации, может быть не особенно интенсивно, но имеет социально-психологическую основу, постоянно поддерживается окружающей ребенка общественной средой и потому отличается длительным действием. Ребенок один-два раза накурится до тошноты и страдает несколько часов; но каждый день помногу раз, глядя на окружающих, он возвращается к мысли: «ах как хорошо быть взрослым, который делает, что хочет, и который курит с очевидным удовольствием». Если в этой постоянно возобновляющейся ассоциации перевес получит длительное, хотя менее интенсивное действие положительного аффекционала, то наш герой будет вновь и вновь возобновлять попытки курить; если победит интенсивное, хотя менее продолжительное влияние отрицательного аффекционала, то попытки будут становиться реже

или прекратятся. В первом случае шансы повторения реакции возрастают, как и бывает при «привыкании», во втором — уменьшаются.

Этот частный пример дает нам указание на тот общий путь, на котором создается «привычка» к повторению «неприятной» реакции. При каждом фактическом повторении реакции, повторении, обусловленном совокупностью обстоятельств, хотя бы только «внешних», реакция эта выступает как составная часть определенного *поля сознания*, и психический подбор ассоциирует ее «по смежности» с остальными содержанием этого поля. Чем больше происходит таких фактических повторений, тем больше различных «полей сознания» вмещают данную реакцию, тем больше у нее образуется «ассоциативных связей» по смежности; а каждая ассоциативная связь, как мы знаем, увеличивает шансы повторения реакции. При этом *собственная* аффекциональная окраска реакции становится менее важной, потому что действие психического подбора относится, как мы видели, не к отдельной части поля созна-

ния, а к его целому; и специальный аффекционал реакции входит лишь как *слагаемое* в общую сумму условий психического подбора. Если это слагаемое имеет знак минус, а другие — плюс, то в зависимости от величины жизненной суммы шансы повторения реакции будут либо возрастать, либо уменьшаться. В первом случае мы и получим процесс «привыкания к неприятному»; и понятно, что процесс этот окажется, вообще говоря, гораздо более медленным и тяжелым, чем «привыкание к приятному».

Другая сторона процесса выражается в возрастании определенности и консерватизма той психической реакции, которая «входит в привычку». Это объясняется просто общей продолжительностью действия психического подбора, которое выступает на сцену при каждом повторении реакции. Как всякий *энергетический процесс*, психический подбор направляется в сторону устойчивого равновесия и, действуя на данный комплекс элементов, стремится создать из него уравновешенную, консервативную систему, что и характеризует «привычные» комплексы. Но получа-

ется всегда, конечно, не абсолютная, а только относительная определенность, потому что психический подбор стремится в то же время образовать системы равновесия более обширного объема — именно из данного комплекса *вместе* с другими, с которыми он встречается в одном поле сознания (системы ассоциативные).

Этим последним обстоятельством объясняется и «притупление» аффекционала по мере привыкания. По мере того как создаются ассоциативные системы энергетического равновесия, происходит и уравнивание аффекционалов различных частей каждой такой системы: всякий значительный плюс или минус, так сказать, расплывается, распределяясь в этих системах между всеми их частями. Получается для различных ассоциированных комплексов некоторый средний аффекционал; и вполне естественно, что это обыкновенно небольшой *положительный* аффекционал, потому что самое «привыкание» происходит, как мы видели, только тогда, когда в общей сумме действие психического подбора на различные ассоциации,

включающие данную реакцию, положительное, а не отрицательное. Например, если химик понемногу начинает находить запах H_2S довольно приятным, то это прежде всего потому, что с этим ощущением для него ассоциируется представление о многих интересных и полезных химических реакциях — представление, имеющее положительный аффекционал, который переходит и на ощущаемый запах[86]. В массе случаев изменение аффекционала происходит, однако, еще другим путем, примером которого хорошо может служить хотя бы та же «привычка» к курению. У непривычного человека табачный дым, как новое интенсивное внешнее влияние, вызывает, мы знаем, массу «судорожных реакций», которые все «неприятны», так как представляют большую растрату нервной энергии (кашель, сердцебиение, сжатие периферических сосудов и т. д.). Этим-то судорожным реакциям и принадлежит наибольшая доля отрицательного аффекционала при акте курения, и если акт этот повторяется, то они постепенно устраняются психическим подбором — по общему закону его действия; а с их

устранением уменьшается и отрицательный аффекционал переживаний лица, которое курит, — уменьшается или даже переходит в положительный, если ассоциативно присоединяются «приятные» переживания.

Как видим, «процесс привыкания» во всех своих основных проявлениях лежит всецело в рамках «психического подбора», другими словами — легко им «объясняется».

III

Точка зрения психического подбора дала нам возможность «объяснить» различные проявления того процесса, который обозначается словом «привыкание» и который обыкновенно — но не всегда — сопровождает собою психическое «упражнение» («Ubung»), т. е. повторение сходных психических комплексов в потоке опыта. Но она же дала нам возможность понять и те случаи, когда «упражнение» не влечет за собою «привыкания», — случаи особенно «неприятных» переживаний, при повторении которых отрицательный подбор получает решительный перевес, все более и более противодействуя дальнейшим повторениям. Таким образом,

идея психического подбора оказывается шире и общее того взгляда, который я назвал бы «психологическим ламаркизмом» и который останавливается только на поверхности фактов «упражнения» и «привыкания», констатируя их, но не сводя их к единству с несомненными фактами противоположного характера[87].

Теперь мы, очевидно, можем и те и другие факты, как уже «объясненные», уже сведенные к единству идеи психического подбора, сделать основой дальнейшего «объяснения» — для психических фактов более сложного характера. И прежде всего мы сделаем это по отношению к высшим типам ассоциативных процессов — к ассоциациям по сходству и по контрасту, которые составляют базис всякого познавательного «обобщения» и «различения».

Всякий комплекс элементов, выделяющийся из потока переживаний, выступает первоначально в опыте как некоторое неопределенное целое. Даже отличить его от других, смежных с ним, возможно только благодаря тому, что он является в соедине-

нии не с одними и теми же, но при каждом повторении — по крайней мере, отчасти — с новыми и новыми комплексами. Вполне аналогичны и те условия, которые делают возможным *разложение* комплекса на его части и элементы; эти части и эти элементы повторяются в иных, новых комбинациях, так что прежний комплекс воспроизводится не только целиком, но иногда и частично — в других комплексах. Например, если ребенок, видевший до сих пор только одну кошку, встречает другую, то в его психике воспроизводится фактически большая часть комбинаций прежнего комплекса — представления о кошке, но в соединении с некоторыми новыми вместо некоторых старых комбинаций. Аналогичные факты в дальнейшем происходят снова и снова, — повторяющаяся при этом «общая» часть всех соответственных комплексов — восприятий или представлений о «кошке» — подвергается более длительному и систематическому действию психического подбора, чем остальные — «индивидуальные» — части этих комплексов, а следовательно, становится более «привычкой». «При-

выкание» и здесь ведет, разумеется, к *большей повторяемости, к большему консерватизму и сравнительному аффекциональному безразличию*. Все эти черты и характеризуют постепенно обособляющийся таким образом комплекс — «обобщенное представление» о кошке[88].

Совершающийся таким образом процесс «обобщения» есть в то же время процесс *ассоциирования по сходству*. Дело в том, что наиболее повторяющаяся часть сходных комплексов естественным образом ассоциирована по смежности с каждой из частей менее повторяющихся и «влечет» их за собою в сознании. Если А, как более повторяющаяся комбинация, обособилась в одном комплексе от В, как более индивидуальной части комплекса, в другом от С, в третьем от D, то это обособление не безусловно: А остается все-таки ассоциировано с В, потому что вместе с ним находилось в одном поле сознания и вместе подвергалось действию психического подбора, которое, как мы видели, создает в этом случае ассоциативное отношение; но точно так же А соединено ассоциативной свя-

зью и с С, и с D и т. д. Следовательно, в какой бы из этих своих ассоциативных комбинаций А непосредственно ни являлось, оно «имеет тенденцию» вызвать в сознании и остальные свои комбинации: А + В «влечет» за собой А + С и А + D и т. д., одна кошка «напоминает» о других кошках, одна птица — о других птицах... Это и есть ассоциация «по сходству».

Развитие психического опыта приводит к прогрессивному «обобщению» переживаний. Разложение комплексов опыта идет все дальше, повторяющаяся часть одного ряда комплексов и повторяющаяся часть другого ряда могут заключать в себе общие комбинации, которые в свою очередь обособляются психическим подбором, как особенно «привычные» для психики, — это «обобщения второго порядка» и т. д. Обобщения высших порядков являются ассоциативными центрами для обобщений низших порядков, как эти — для еще более низших. Эта цепь обобщений есть в то же время цепь ассоциаций по сходству, более широких и менее широких.

Так как «обобщение», т. е. повторяющаяся часть сходных комплексов, «обособляется» до

известной степени лишь благодаря своему повторению в составе этих комплексов, и так как оно образует их общий ассоциативный центр, то естественно, что оно никогда не является *совершенно отдельно* от этих комплексов, никогда не обособляется от них вполне, даже на короткое время: как мы знаем, ассоциативная связь означает выработанную психическим подбором систему энергетического равновесия; и потому «обобщение», будучи только центральным звеном обширной системы подобного рода, никоим образом не может совершенно от нее оторваться, хотя бы даже только на один момент. Если бы это и случилось, то перед нами оказалась бы энергетически неуравновешенная комбинация, которая по своей неуравновешенности тотчас же вывела бы из равновесия смежные (ассоциативные) психические группировки, т. е. вовлекла бы в «поле сознания» свои «частные» комплексы, которые она обобщает. Другими словами, обобщение всегда в психике проявляется как центральная часть ассоциации по сходству, и только в такой ассоциации существует. «Чистого» обобщения, кото-

рое бы «отвлекалось» от всего индивидуального в обобщенных частных комплексах, человек никогда не может реализовать в своем сознании.

Итак, обобщение представляет не что иное как ассоциацию по сходству, в которой психическим подбором до известной степени обособлена — так сказать «подчеркнута» — повторяющаяся часть ассоциированных комплексов. Понятно, что чем выше степень или «порядок» обобщения, тем более широкой ассоциации по сходству оно соответствует, тем более значительную массу частных комплексов оно связывает. Но поле сознания как область координированных изменений психики всегда ограничено: как всякая организованная система, психика не может без нарушения своей связности и единства испытывать одновременно неопределенно большое количество изменений. Вот почему никогда или почти никогда комплекс обобщенный не выступает в сознании вместе со *всеми* частными, которые он объединяет: налицо имеются только некоторые из них, притом одни с большей отчетливостью, другие — с мень-

шей, третьи — в совсем ослабленном виде; а психический подбор очень быстро сменяет одни из них другими, так что целое имеет колеблющийся характер. Это постоянная психологическая черта «обобщений».

То, что в познании называется «понятием», есть прочная, социально обусловленная ассоциация по смежности между расплывчато-неустойчивым в сознании комплексом «обобщением» и вполне определенным, незначительным по сумме элементов, высококонсервативным комплексом «словом». Принципиально эта ассоциация «объясняет» так же, как всякая другая, социальный же ее генезис лежит пока за пределами нашей задачи.

Как видим, наша точка зрения, опираясь на факты «привыкания», легко сводит основные процессы познавательной деятельности к принципу психического подбора. При этом она «объясняет» и характерную «холодность» познания, сравнительное аффекциональное безразличие «обобщений» и «понятий»: наиболее «общее» есть наиболее повторяющееся, наиболее «привычное», а «привыкание», как

мы видели, ведет к притуплению аффекционала. Эта «холодность» познания есть также условие того *консерватизма* понятий, который выражается в логическом «законе тождества»: высокий аффекционал означает ведь интенсивную работу психического подбора, стало быть — преобразование комплексов, находящихся в сознании, нарушение их «тождества», и потому он не совместим со строгим консерватизмом сложившихся понятий.

IV

Прежде чем перейти к третьей, самой сложной форме ассоциативной связи, нам следует несколько остановиться на очень важных для объяснения этой формы случаях *конкуренции* психических комплексов.

Поле сознания есть область координированных изменений психической системы. Эта область является всегда неизбежно ограниченной и именно в силу двух обстоятельств. С одной стороны, представляя собой организованное, очень сложное и лишь относительно устойчивое целое, психика вообще не может переносить неопределенно большого количества одновременных изменений —

раз оно переходит известную границу, психика начинает просто разрушаться. С другой стороны, и степень координации изменений уменьшается тем сильнее, чем больше их одновременно возникает, и за известным пределом связность их исчезает, — получается смутная, неопределенная масса переживаний, которая не есть психический опыт («Verworrenheit» [89]). Получается громадная растрата энергии психической системы, психический подбор направляется в сторону сужения поля переживаний, и, если это достигается, сознание «входит в свои нормальные границы».

Психологи-экспериментаторы, как, например, Вундт, делали опыты с целью определить предельный объем сознания. Результаты этих опытов мало поддаются точному выражению, потому что единицы измерения еще далеко не выработаны; несомненно одно, что для каждой психики такой предельный объем существует как некоторая естественная граница для расширения потока переживаний.

От этой границы зависит взаимная конкуренция психических комплексов. Чем их больше в поле сознания, тем сильнее психический подбор стремится уменьшить их количество. При этом устранение одних ведет к увеличению яркости и ясности других, и наоборот. В этом и состоит конкуренция переживаний.

Степень конкуренции, ее интенсивность, зависит, конечно, не только от количества конкурирующих комплексов, но также и от их состава, и от характера их взаимных отношений. Чем более комплексы разнородны, чем менее в них имеется общих, связывающих комбинаций, тем меньше и тем труднее достигается их взаимная координация, тем интенсивнее они конкурируют между собою. Это хорошо знает всякий, кому приходилось сразу думать о нескольких различных делах. И есть один, чрезвычайно важный ряд случаев, когда конкуренция становится особенно сильной даже при очень малом количестве переживаний. Это тогда, когда дело идет о противоречиях волевых комплексов.

Если рассматривать жизнь психики в ее отношениях к внешней среде, то приходится установить два основных типа психических переживаний: комплексы — образы (ощущения, восприятия, представления) и волевые комплексы (стремления, импульсы). «Образы» суть ближайшие отражения воздействий среды в психической системе, «воля» есть обратная реакция системы на эти воздействия, реакция, их изменяющая. Комплексы «среды» обуславливают изменения в комплексах «психики»; поскольку эти последние имеют пассивный характер, не отражаются в свою очередь в комплексах среды, постольку они только «образы»; поскольку они получают активную окраску, отражаются в свою очередь в среде, постольку они составляют «волю» [90]. Нераздельная связь тех и других, невозможность резких границ между их областями очевидна сама собою.

Типичная психическая реакция представляет неразрывное сочетание комплекса первого рода с комплексом второго рода. Человек «воспринимает» определенный образ, положим «добычу», и этот образ непосредствен-

но влечет за собой волевой импульс определенного характера — акт «завладения» добычей. Первоначально это — один непрерывный комплекс, и только с расширением и усложнением опыта он разделяется на две взаимно ассоциированные части.

Волевой комплекс, взятый сам по себе, всегда представляет затрату энергии психической системы, является для нее *энергетически-отрицательной* величиной. Физиологически он и выражается в *иннервации*, в потоке энергии, направленном от центрального аппарата системы к периферии, а в конечном счете — к внешней среде. Таким образом, для всякого комплекса, в котором преобладают «волевые» комбинации, психический подбор должен оказываться отрицательным, стремиться удалить этот комплекс из сознания; не даром многие философы рассматривали стремления, волю как страдание. Такие комплексы быстро исчезали бы из сознания, если бы не продолжающееся действие тех по отношению к полю сознания «внешних» условий, которыми вызваны эти комплексы и которыми они, так сказать, вновь и вновь вызыва-

ются. Пока продолжается действие холода на организм, до тех пор не прекращается и стремление укрыться от холода, закутаться чем-нибудь, не прекращается несмотря на отрицательную окраску того поля сознания, в котором выступает; но лишь только условия, порождающие и возобновляющие стремление, устранены, например оно «удовлетворено», — оно с величайшей быстротой исчезает из сознания под действием отрицательного подбора; и например, после хорошего обеда трудно даже представить себе, как это люди хотят есть.

Вполне понятно, что комплексы волевые гораздо сильнее конкурируют между собою, встречаясь в сознании, чем комплексы-образы: получается непрерывная растрата энергии по различным направлениям, и отрицательный аффекционал особенно значителен. При этом обыкновенно ни один из конкурирующих комплексов не достигает, именно в силу конкуренции других, степени полного волевого акта, а остается на стадии «стремления»; получается борьба различных «стремлений», которая продолжается до тех пор, по-

ка отрицательный подбор не устранит всех конкурентов, кроме одного; это наиболее интенсивное и устойчивое, а потому и вытеснившее все прочее стремление заполняет тогда поле сознания и переходит в действие.

В действительности конкурируют, конечно, не чистые волевые комплексы, а целая ассоциация образов со стремлениями. Действие психического подбора становится сложнее потому, что образы сами по себе могут иметь и положительный аффекционал, нередко даже очень значительный; и следовательно, возникает положительный подбор, который усиливает не только сам образ, но и ассоциированное с ним стремление. Тогда «стремление к приятному» становится активным, переходит в действие. Но для нас в данный момент важно другое: в каждой из конкурирующих ассоциаций интенсивность образа изменяется вместе с интенсивностью соответственного стремления, повышаясь и понижаясь приблизительно параллельно этой последней. Такое соответствие неизбежно в силу теснейшей ассоциативной связи образа и стремления.

V

Рядом с ассоциациями «по сходству» громадную роль в познавательной жизни человека играют ассоциации «по контрасту» или, говоря общее, «по различию». Это еще более сложный тип ассоциативной связи.

Когда вы видите черного африканца, в вашем сознании всплывает представление о «белом» кавказце, о «медно-красном» индейце, о смугло-желтом человеке монгольской расы, и т. д. При этом в вашем сознании выступают на первый план, выделяются с наибольшей яркостью и определенностью именно черты их различия, а не сходства, в данном случае — окраска их кожи. Такова ассоциация по различию. Нетрудно заметить, что она *предполагает* ассоциацию по сходству. Видя черного человека, вы не вспоминаете ни белый пух, ни белую бумагу, но белого человека; черты сходства, общие этим двум комплексам элементов, образуют необходимую и первичную связь между ними; и только те комплексы, которые сближены уже этой связью, могут послужить материалом для той новой комбинации, которую мы обо-

значаем как ассоциацию по различию.

Новая комбинация сама представляет некоторую противоположность с прежней; тогда как в ассоциации по сходству наибольшей интенсивностью отличаются общие части объединенных комплексов («форма обобщения»), а черты различия ступшевываются и спутываются, сливаясь в какую-то смутную массу переживаний; в ассоциации по различию отношение совершенно обратное: общие черты отступают на второй план и сознаются лишь слабо и смутно, а «различия» как бы подчеркиваются, выступая со все большей яркостью и определенностью («форма различения»). Задача состоит в том, чтобы выяснить психологический генезис таких ассоциаций.

Всего легче обрисовать этот генезис на конкретном примере.

Предположим, что между «белыми» людьми и «черными» в степях Южной Африки ведется война; и вы случайно отстали от европейского войска и заблудились в незнакомой вам местности. Оглядываясь кругом, вы замечаете, что на горизонте вдали вырезывается силуэт какой-то человеческой фигу-

ры; вы вглядываетесь, но никак не можете разобрать, негр это или европеец в темном костюме. В вашем сознании выступают, взаимно конкурируя, два психических комплекса, но это не только образы «белого» и «черного» человека, а образы, тесно ассоциированные с определенными *стремлениями*: представление о европейце неразрывно связано со стремлением броситься к нему навстречу, чтобы получить от него помощь или указания относительно дороги к войску, представление о негре — со стремлением спрятаться и приготовиться к нападению. «Внешнее воздействие», вызывающее оба комплекса, не прекращается, — вы продолжаете видеть неопределенный силуэт; они интенсивно конкурируют, взаимно ослабляя друг друга и не давая один другому завершиться настоящим волевым актом; это «колебательное» состояние сопровождается, как мы знаем, значительной растратой энергии, что и выражается в сильном отрицательном аффекционале: состояние безусловно «неприятное». Имеется, следовательно, интенсивный отрицательный подбор, который охватывает все по-

ле сознания, но к чему он приводит? Это легко выяснить, если мы анализируем конкурирующие комплексы.

Образы «белого» и «черного» человека имеют общую часть А — общие черты обоих типов, и потому уже ассоциированы в психике по сходству. Но кроме этой общей части у них есть «различия», часть В в одном, часть С в другом, главным образом — цветовые элементы. А + В (европеец) ассоциировано с одним волевым комплексом, А + С (негр) — с другим; ясно, что часть А не находится в тесной и прямой связи ни с тем ни с другим «стремлением», а что объединены с ними ближайшим образом с одним — комбинация В, с другим — С, части различающиеся. Отрицательный подбор направлен против всех заполняющих сознание комбинаций, но, пока сохраняется «внешняя причина», он не может устранить вызываемых ею волевых комплексов — они, так сказать, вновь и вновь возобновляются. Так как они неразрывно ассоциированы с В и С — различающимися частями обоих комплексов-образов, то и эти непрерывно поддерживаются в сознании, по-

ка поддерживаются оба «стремления», которые конкурируют между собою; и здесь психический подбор, так сказать, бессилён против продолжающегося действия «внешней причины». Но общая часть обоих комплексов, часть А, связана с обоими стремлениями гораздо слабее и лишь косвенно; поэтому ее отрицательный подбор фактически подавляет всего сильнее.

В результате по отношению к обоим комплексам-образам получается такая картина: их различия выступают в сознании с наибольшей яркостью, их общая часть ступшевывается и бледнеет. Только благодаря связи своей с различающимися частями она никогда не исчезает вполне из сознания. Таково основное и первоначальное строение ассоциации по различию или, что то же, «формы различения». Она возникает тогда, когда два образа, взаимно связанные по сходству, оказываются в конкуренции между собою — благодаря различию ассоциированных с ними волевых комплексов.

Для всякой «формы различения» при достаточном анализе можно установить имен-

но такой генезис и такое жизненное значение. Человек «не различает», пока «нет надобности различать», а это и означает — пока данные образы не соединяются с различными *волевыми реакциями*. Но так как нет психических образов, которые не были бы связаны с волевыми комплексами, потому что в сущности то и другое представляет лишь две различные фазы полной психической реакции, то область «различения» равняется области опыта; «по мере надобности» психика создает всевозможные формы различения на почве уже сложившихся форм обобщения. К этим двум видам сводятся все *познавательные комбинации*[91].

В процессах так называемого «чистого познания» человек часто создает формы различения там, где, по-видимому, нет особых «практических различий», т. е. связи данных сходных образов с различными волевыми комплексами, которые бы конкурировали между собою. Но в действительности такую связь всегда можно найти; и даже в «схластических забавах», когда «различие в волосок расщепляется на четыре равные части», и

тогда сущность дела все та же; «слово» представляет в психике главным образом *волевою* реакцию — реакцию высказывания; и поскольку сходные образы обозначаются различными словами, они тем самым связываются с различными волевыми актами. Но и помимо этого нет таких образов, зрительных, слуховых, осязательных и т. д., которые бы не заключали в своем составе «иннервационных элементов», а это и есть элементы волевые [92]. Все это достаточно объясняет нам, каким образом всякая ассоциация по сходству может послужить исходной точкой для возникновения многих ассоциаций по различию.

Всякая психическая ассоциация — по смежности, по сходству, по различию — представляет собой некоторое целое, сложный психический комплекс, и подобно всяким другим, более простым комплексам, вступает в ассоциативные связи с другими аналогичными ассоциациями. Получаются ассоциации высшего порядка, в которых «обобщаются» или «различаются» первичные ассоциации с характером обобщения и разли-

чения[93]. Далее следуют ассоциации еще высшего порядка, и этот процесс продолжается в направлении к гармоническому ассоциированию всех данных опыта. В прогрессивном процессе обобщения ассоциируются по сходству всевозможные «формы обобщения» и «формы различения» и осуществляется тенденция к наибольшей гармонии познания; в прогрессивном процессе различения все комбинации того и другого рода ассоциируются по различию, и осуществляется тенденция к наибольшей полноте познания. Смысл обеих тенденций один и тот же — *maximum* жизни в сфере познания[94].

Мы выяснили раньше, что ассоциативная организация опыта есть *генетически-первичная*, более общая и менее определенная, что объективная закономерность есть одна из ее частных и производных форм, один из результатов ее прогрессивной гармонизации [95]. Ознакомившись с теми силами, которые создают и развивают ту основную организацию опыта, мы видим, что в них нет ничего ни трансцендентного, ни трансцендентального — ничего, что можно было бы принци-

пиально отличать от содержаний развивающегося опыта как его абсолютные формы. С этой точки зрения психология представляется наукой о психических (или ассоциативных) формах опыта, *определяемых* его переменным содержанием.

В. Применения метода (иллюстрации)

Мы считали излишним навязывать вниманию читателя весь тот утомительный путь исследования, частью индуктивного, частью дедуктивного, который привел нас к идее психического подбора как всеобщего метода генетического познания психических явлений. Мы ограничились пока сжатою и схематическою обрисовкою этой идеи. Теперь мы перейдем к ее конкретным применениям и наметим те из них, которые представляются нам наиболее типичными и познавательно важными. Большого нельзя дать в пределах статьи*, но и этого, мы полагаем, будет достаточно, чтобы читатель мог судить о возможном общем значении этой идеи для стремящегося к монизму познания.

Здесь мы решаемся выйти за пределы задач старой психологии, решаемся при помо-

щи усвоенного нами метода подвергнуть объяснению и критике то, что старая психология только описывала. Встречаясь с людьми, мы находим в них различные степени полноты и гармонии психической жизни — от гениальности до идиотизма, от спокойной уравновешенности до дикого безумия. Самый тип организации оказывается различным: величественный и суровый моноидеизм «иудея», изящная и мягкая разносторонность «эллина», серая и дряблая безыдейность «филистера»... Перед нами проходят характеры эмоциональные, интеллектуальные, волевые, люди ясного и спутанного сознания, вечно стремящиеся и неизменно апатичные, и т. д. и т. д. С этими людьми мы сближаемся, сталкиваемся, пытаемся их изменить и сами изменяемся под их влиянием; и они к нам, и мы к ним применяем различные методы систематического или бессистемного воздействия: люди воспитывают, развращают, исправляют, награждают, наказывают, поддерживают, устраняют друг друга. Здесь лежит область, где психологическая теория и практика тесно соприкасаются между собою, переходя одна в

другую; здесь объяснение и критика приобретают особенно большое жизненное значение. И вот мы хотим путем анализа нескольких основных типов психики, а частью также путем анализа нескольких основных методов воздействия человека на человека показать, каким образом идея психического подбора может служить надежной основой для объяснения и оценки таких типов и методов.

Намеченные нами вопросы лежат близ пограничной черты психологии с социальной наукой. Но это еще не социально-психологические вопросы. Пока мы имеем перед собою одну психику или две психики в их взаимодействии, то, хотя несомненно, что сложились они в социальной жизни, мы не выходим из пределов психологии, если берем этот социальный генезис только как *данное*, а его результаты — только как *постоянную* величину в нашем анализе. Вопросы социальной науки начинаются там, где две психики берутся не только в их *взаимном* отношении, но в их *общем отношении к внешней природе*, в их сотрудничестве. Это уже не входит в нашу задачу.

I

В процессах психического подбора для анализа очень целесообразно обособить три различных момента — различных, разумеется, только в абстракции и совершенно нераздельных в конкретном явлении; во-первых, тот материал переживаний, который «подлежит» психическому подбору; этот материал можно рассматривать со стороны его количества — богатства или бедности, со стороны его качественного разнообразия или однородности, со стороны интенсивности отдельных переживаний; во-вторых, направление психического подбора — в положительную или в отрицательную сторону, к сохранению и усилению переживаний или к их ослаблению и устранению из опыта; это направление выражается, как мы знаем, в аффекционале — в окраске удовольствия или страдания, характеризующей различные переживания; в-третьих, интенсивность психического подбора в различные его моменты; ее показателем служит, очевидно, интенсивность того же аффекционала. Соотношения этих трех «сторон» психического подбора бывают очень

разнообразны, и соответственно этому весьма неодинаковы бывают *результаты* подбора, те психические комбинации и типы строения, которые он вырабатывает.

Идея психического подбора создает возможность некоторых дедуктивных выводов относительно характера психического развития при тех или иных условиях подбора. Само собою разумеется, что такая дедукция имеет значение всегда лишь постольку, поскольку оправдывается самим опытом, поскольку ее выводы не противоречат фактам, но позволяют сгруппировать их с возможно большей полнотой и гармоничностью. Если дедукция оказывается именно такова, если ее выводы *верны* по отношению к опыту или, что то же, *познавательны полезны*, то сама идея психического подбора как основа дедукции получает надежное и вполне убедительное доказательство в свою пользу. Имея все это в виду, мы и перейдем теперь к некоторым типичным комбинациям условий психического подбора.

Пусть перед нами следующая идеальная комбинация. Сумма переживаний, вступаю-

щих в поле психического опыта, представляет наибольший возможный для человеческой психики данной эпохи максимум: громадная масса получаемых «извне» впечатлений, в высшей степени ярких и разнообразных, непрерывно расширяет поле опыта данной личности, приводя ее в прямое или косвенное соприкосновение со всем, чем живет ее эпоха. Все эти переживания не только интенсивны сами по себе, но и глубоко задевают психическую систему в ее целом, сильно изменяют ее энергетическое равновесие — словом, имеют высокий аффекционал, являются интенсивными «наслаждениями» и интенсивными «страданиями». Та и другая окраска в общем течении опыта сохраняют, положим, приблизительное равновесие: острые наслаждения чередуются с острыми страданиями, периоды счастья сменяются периодами горя и наоборот. Резюмируя все эти условия в терминах психического подбора, следует сказать: материал для подбора максимум, интенсивность подбора максимум, направление сменяющееся, без особого перевеса в общем для той или другой его стороны.

Какая же получается при таких условиях картина психического развития?

Быстрая смена получаемых от внешней среды воздействий уже сама по себе означает быстро изменяющееся поле сознания; но это было бы только хаосом жизни, если бы интенсивный психический подбор не обуславливал еще иных изменений этого поля, именно направленных в сторону возрастающей организованности опыта. Интенсивный психический подбор создает, как мы знаем, новые и новые формы энергетического равновесия между различными комплексами элементов, или, что то же, создает новые и новые ассоциативные связи. Этим путем переживания превращаются в психический *опыт*; но и это выражает пока еще только известный *minimum* психической организованности. Чтобы выяснить, как процесс развития идет дальше, нам следует остановиться на обеих различных сторонах психического подбора в отдельности.

Интенсивное действие отрицательного подбора аналогично действию молота, который дробит и уничтожает все непрочное и

неустойчивое, но «выковывает» то, что действительно прочно, и, выделяя его из всего остального, придает ему чистоту и определенность форм. Отрицательный подбор *стремится* разрушить все, что возникает в поле опыта; но там, где жизнь богата и сильна, там он фактически успевает разрушить только наименее «жизненные», наименее устойчивые комбинации. Это, во-первых, те комбинации, которые слабы и бледны, которые неглубоко затрагивают психическую систему и которые в то же время не находятся в прямой связи с многократно повторяющимися воздействиями внешней среды, воздействиями, способными вновь и вновь вызывать одну и ту же психическую комбинацию; словом, это «жизненно не важные» комплексы, например мимолетные продукты фантазии, вообще — «мелочи» психического опыта. Во-вторых, те комбинации, которые «противоречивы», «дисгармоничны»: те, которые слагаются из «конкурирующих», взаимно ослабляющих друг друга комплексов, особенно — комплексов, ассоциированных с различными волевыми реакциями, — все комбинации, имеющие

«эклeктическую» окраску, характер «компромисса» противоположных жизненных тенденций.

В противоположность этим двум типам наиболее сопротивляются действию отрицательного подбора комбинации двух противоположных типов. Это, во-первых, те комплексы, которые «жизненно важны», т. е. либо с большой силой врываются в поток психического опыта, глубоко нарушая его течение, либо находятся в зависимости от многократно повторяющихся внешних воздействий, благодаря чему постоянно всплывают вновь и вновь; те и другие можно также обозначить как наиболее тесно связанные с «объективным миром», который есть «внешний» для «субъективного» психического опыта[96]. Во-вторых, те комбинации, которые наиболее «гармоничны», в которых взаимная связь частей наиболее прочна, а их взаимное равновесие наиболее устойчиво, и те, которые наиболее гармонически ассоциированы с наибольшим количеством других устойчивых комплексов. Понятно, что еще большее сопротивление отрицательному подбору будет

проявляться в том случае, если комплекс или ассоциация соответствуют обеим характеристикам, т. е. и жизненно важны по своей связи с повторяющимися внешними влияниями, и наиболее гармоничны по своей организации. Следовательно, при достаточном количестве материала в сфере психического опыта отрицательный подбор, если он достаточно долго и интенсивно действует, должен доставлять преобладание именно таким, вдвойне устойчивым комбинациям. При этом все психическое развитие человека получает двойную окраску: с одной стороны «реалистическую» (преобладание комплексов, наиболее соответствующих повторяющимся влияниям среды); с другой — «монистическую» (преобладание гармоничных и гармонически объединенных комплексов).

Какие же черты внесет в развитие психической системы интенсивный положительный подбор — моменты и периоды «счастья»? Всякое переживание, находящееся в поле его действия, он стремится довести до наибольшей полноты и яркости; за каждым переживанием он стремится немедленно

вслед вызвать в сознании все ассоциированные комплексы, а за ними — все их ассоциации, и т. д.; таким образом он постоянно переполняет поле сознания новыми и новыми быстро возникающими переживаниями: поток опыта разливается все шире и течет все быстрее. При этом не успевают исчезнуть из поля сознания одни комплексы, как рядом с ними всплывают другие, третьи, все более далеко от них отстоящие в ассоциативной цепи и раньше никогда с ними не встречающиеся в сознании. А встреча в сознании двух комплексов означает их ассоциативное сближение, образование хотя бы только слабой, но прямой ассоциативной связи между ними, которая затем может развиваться дальше. Таким образом, материал опыта выступает во всевозможных ассоциативных комбинациях, всевозможные способы объединения имеющихся переживаний находят себе место в психическом опыте: все сопоставляется, все сравнивается, все служит объектом для новых и новых группировок. Это называется *творческой деятельностью фантазии*. Всякий по опыту знает, как широко и роскошно

развертывается она в моменты удовольствия, наслаждения, счастья и как суживается, подавляется в моменты боли, страдания, горя [97].

В своем полном развитии всякий психический комплекс переходит в волевую реакцию, так как либо заключает ее в своем составе, либо с нею ассоциирован более или менее тесно. Положительный подбор, стремясь довести всякий комплекс до наибольшей полноты и яркости, тем самым, очевидно, приводит к развитию *активности воли*: интенсивное «счастье» дает силы для деятельности. Этому может сильно препятствовать только вызываемое тем же положительным подбором переполнение поля сознания различными образами и волевыми реакциями, причем ни один волевой комплекс не достигает наибольшей полноты, не «переходит в действие» благодаря конкуренции остальных. Но если в психике интенсивно действует и отрицательный подбор, то это переполнение легко устраняется, и получаются все условия для развития активно-волевого типа [98].

Общая картина развития психики при намеченных нами идеальных условиях оказывается такова. Громадная масса непосредственных переживаний как результат разнообразных воздействий среды; всевозможные комбинации психических комплексов, вырабатываемые из материала этих переживаний положительным психическим подбором; сохранение из всех этих комбинаций, под действием отрицательного подбора, только тех, которые наиболее устойчивы в силу своей связи с наиболее повторяющимися влияниями среды и в силу своей гармоничности. Получается психический тип, характеризуемый *творчеством, активностью воли, реализмом мировоззрения и монистической его тенденцией.*

Если при этом человек находится в широком общении с другими людьми, если он интенсивно и полно воспринимает их опыт при посредстве их высказываний, то в материале его психики найдут себе место все общие и важные противоречия жизненного опыта современного ему общества, все существенные запросы и потребности его эпохи. Тогда его

психическое развитие, в силу своей монистической тенденции, будет направлено к гармоническому примирению этих общих противоречий, к удовлетворению этих общих запросов и потребностей; и разрешение этих задач в данной психике будет, с одной стороны, наиболее полным и совершенным, благодаря могучему творчеству и активной воле, с другой стороны — наиболее надежным и устойчивым, благодаря реалистическим его основам. Перед нами явится *энциклопедический гений своего времени*[99].

Этот тип, как «нормальный», мы и сделаем исходной точкой нашего дальнейшего анализа. Мы будем рассматривать, во что превращается или, лучше, чем заменяется этот тип при том или ином изменении условий психического подбора. Нас не может затруднять то обстоятельство, что в действительности, может быть, совсем не найдется психики, сколько-нибудь соответствующей этой норме. Данная норма выражает для нас *прогрессивную тенденцию психического развития* и есть предельная абстракция познания. С такими предельными абстракциями

познание необходимо оперирует во всех науках тогда, когда стремится установить *общие законы* явлений. Задача заключается в том, чтобы от предельной абстракции, выражающей идеально простые условия, переходить шаг за шагом, вводя одно за другим осложняющие условия, к пониманию конкретной действительности, какую мы находим в своем опыте.

II

Предположим, все основные условия психического подбора остаются те же, что в нашем идеальном случае, кроме только одного: отрицательный психический подбор сравнительно ослаблен, моменты и периоды страдания далеко не соответствуют моментам и периодам наслаждения, эти последние решительно преобладают. Перед нами «счастливчик», которому все удается, для которого радости не покупаются дорогой ценой, которому внешние условия, «среда», гораздо более благоприятны, чем враждебны. Какой тип психического развития получится в этом случае?

Общее богатство переживаний должно здесь оказаться, с грубо количественной стороны, не меньше, чем в предыдущем случае, если даже не больше: сумма первоначального материала переживаний, получаемого из внешней среды, как мы приняли, количественно не изменена, а положительный подбор, действуя на свободе, поддерживают и вновь создает всевозможные комбинации из этого материала, тогда как разрушающая эти комбинации деятельность отрицательного подбора относительно слаба и ограничена. Но, очевидно, уже с качественной стороны здесь с самого начала дается меньше: разнообразие получаемых извне впечатлений менее значительно, потому что «неприятные», отрицательные воздействия среды слабо представлены в общей сумме впечатлений. Базис психической жизни все-таки относительно уже, но только относительно, по сравнению с идеальным типом.

Творческая, комбинирующая деятельность психики — «фантазия», которая зависит, как мы видели, ближайшим образом от положительного психического подбора,

должна развернуться очень широко, создавать непрерывно массы новых и новых ассоциативных продуктов; но их характер и жизненное значение уже не те. Их развитие лишь слабо контролируется избирательным действием отрицательного подбора, который разрушает все менее устойчивые комбинации, причем более устойчивые сохраняются и получают тем больший простор для дальнейшего развития. Здесь же сохраняются и такие комбинации, которые не удержались бы в психике «нормального» типа; здесь остается масса и комбинаций «не-реалистических» и комбинаций «не-монистических» (электических, дисгармоничных): общая картина психической жизни представляется такой, что «воображение» преобладает над «критикой», и психическому целому не хватает строгой, гармоничной стройности, в ней много «блеска» и «разносторонности», но сравнительно мало монистического «порядка».

Активность воли здесь также получает своеобразный отпечаток. Для ее количественного развития положительный подбор, как

мы видели, в общем благоприятен: он поддерживает и усиливает множество комбинаций, завершающихся волевыми актами. Но именно потому, что такое завершение наступает слишком легко, что нет достаточного избирательного контроля над волевыми реакциями, какой в «нормальном» случае осуществляется интенсивным отрицательным подбором, именно поэтому волевая жизнь получает окраску порывистой бессистемности. Много движения, много действий, но переход от одних стремлений и намерений к другим совершается сравнительно легко, и в деятельности не замечается устойчивого направления: она также недостаточно «монистична».

Если перевес положительного подбора над отрицательным становится чрезмерно велик, то волевой тип понижается еще в большей мере. Бесконечная масса вновь и вновь возникающих непрочных психических комбинаций, развертывающихся в сознании без стеснения и задержки, постоянно переполняющих поле сознания, приносит с собой такую же массу разнообразных волевых комплексов, беспорядочно теснящихся в сознании.

Понятно, что тогда эти волевые комплексы, именно в силу своей многочисленности и коренной неустойчивости, не могут и не успевают перейти в «действия», а остаются на стадии «стремлений», и притом недостаточно выработанных, неопределенных стремлений. Внешняя активность оказывается ничтожна: воля «расслаблена», «изнежена», деятельность заменена «мечтательностью», «грезами чувства». Это состояние воли выражено тем резче и сильнее, что оно возможно ведь только при отсутствии «неприятных» внешних воздействий большой силы, которые, глубоко потрясая психическую систему, вызывают растрату ее энергии в различных направлениях, в том числе возбуждают энергичные волевые реакции (физиологически — потоки иннервации). Таким образом, стимулов активной воли гораздо меньше, а выработка полных волевых реакций невозможна благодаря слишком большому количеству и неустойчивости волевых комплексов, заполняющих поле психического опыта[100].

Действие многих наркотических ядов, как морфий, гашиш, алкоголь, в «приятной» сво-

ей фазе вызывает временно то психическое состояние, которое при *постоянной* слабости отрицательного подбора превращается в особый тип психического развития. Действие яда устраняет все «неприятные» возбуждения и дает полный простор положительному подбору; получается быстрая смена неустойчивых психических комплексов, сопровождаемая сначала некоторой беспорядочной активностью воли в виде проявлений физической подвижности, говорливости и т. д., а затем — «мечтательным» настроением и бездеятельностью. Впрочем, действие наркотиков меняется в зависимости от различных условий, но оно именно таково, как мы сейчас описали, во всех тех случаях, когда оно наиболее «приятно» [101].

Итак, преобладание положительного подбора над отрицательным вызывает отклонение от «нормального» типа к новому; этот последний характеризуется в общем преобладанием «фантазии» над реалистической тенденцией, благодушного эклектизма — над монистической тенденцией, — относительной неустойчивостью направления воли, а в бо-

лее резко выраженных случаях — прямо ее слабостью. Это тип разносторонний, но менее глубокий, тот тип, который Гейне обозначил как «эллинский». В Древней Греции он действительно был довольно распространен (главным образом именно в эпоху жизненного *maximum*'а ее культуры и начинающегося упадка). Сам Гейне — довольно типичный представитель «эллинизма» в этом смысле.

В наше время представителями такого «эллинизма» являются по преимуществу «артистические натуры». Для творчества образов, для занятия искусством этот тип наиболее благоприятен. Но все же и здесь крайние его представители обнаруживают только высокую «даровитость», но не создают ничего жизненно устойчивого, социально ценного. Чем в большей мере выступает на сцену отрицательный подбор — страдания и бедствия и тяжелый труд наряду с периодами счастья и наслаждения веселой жизнью, — тем больше возрастают здесь шансы гармонического, стройного, истинно художественного творчества и тем больше условий для жизненной реальности самых образов. «Даровитость»

сменяется «талантом»; а когда интенсивность отрицательного подбора приближается к соответствию с интенсивностью положительного, то при громадном богатстве жизненного материала возникают условия для выработки *артистического гения*. Роль страдания в развитии истинно гармоничного творчества слишком хорошо известна и слишком часто подчеркивалась самими великими артистами, особенно поэтами. Страдание гармонизирует психическую жизнь, если она богата и могуча; недаром страдание налагает на лицо сильных людей отпечаток особенного «благородства», которое выражает собою принципиальное единство в направлении воли. Великое произведение, выстраданное гениальным артистом, — это жизненно стройное, монистически-идеализированное воплощение того бурного потока переживаний, который беспорядочно и неудержимо проносился в сознании артиста, пока гармонизирующая сила страдания не изменила его формы и направления сообразно своим законам. Это законы сильной жизни, которая не боится тяжелых ударов, которая побеждает

боль, которая самую смерть делает для себя средством. Эти законы — тот высший реализм, который называют «объективностью» творчества, и то высшее единство переживаемого, которому поклоняются под именем гармонии и красоты.

Так разрушительная сила жизни превращается в творческую — там, где жизнь ее преодолевает.

III

Рассмотрим теперь другой тип уклонений от нашей «нормы»: при том же основном богатстве психической жизни преобладание *отрицательного* подбора, — разнообразие восприятий, «глубокая впечатлительность» — и много, очень много страданий, гораздо больше, чем наслаждения и счастья. В нашем мире, полном борьбы и противоречий, такое сочетание условий встречается гораздо чаще, чем обратный случай, только что рассмотренный нами; и однако, чистый тип, соответствующий этому случаю, встречается реже. Почему так — объяснить очень нетрудно.

Страдание — разрушительная сила: в нем выражается понижение энергии системы, уменьшение жизни; это — частичная смерть. Поэтому систематический перевес страдания над удовольствием, по-видимому, должен всегда вести к упадку системы, к ее деградации, а затем гибели. Это так бы и было, если бы все изменения психической системы протекали в сфере сознания; тогда непосредственный психический опыт прямо указывал бы человеку, в какую сторону направляется его жизненный процесс, в сторону развития или разрушения. Но сознание соответствует только *главной* координации изменений психики; а в нее входят далеко не все «непосредственные переживания», и даже не большая их часть. Как мы выяснили, за пределами психического опыта, в жизненной связи с *главной* координацией существует масса других, более мелких группировок, в которых и протекает наибольшая часть непосредственных переживаний данной системы. За сознанием скрывается «бессознательное», точнее — «внесознательное», потому что форма организации этих группировок та же, имен-

но ассоциативная, и если они не «сознаются», то по той же причине, по которой человек не может непосредственно «сознавать» переживаний другого человека, — по причине относительной самостоятельности этих группировок[102]. Таким образом, психический организм гораздо шире, чем область сознания, — «переживается» гораздо больше, чем «сознается».

Очевидно, что «за пределами сознания» может происходить накопление энергии, в то самое время как в сфере сознания — ее трата; и тогда, несмотря на то что в сознании преобладает окраска отрицательного подбора — страдание, психика в целом может не приходить в упадок, а развиваться, и даже не только качественно — в смысле стройности и единства, но и количественно — в смысле богатства содержания. Тогда и получится тот тип психического развития, о котором мы будем сейчас говорить. Но естественно, что так бывает далеко не всегда, и даже скорее лишь в меньшинстве случаев. Гораздо чаще трата жизни, происходящая в сфере сознания, не вознаграждается ее стихийным ро-

стом за его пределами; и страдания истощают психику, ведут ее к деградации — жизнь разбивается.

Пусть перед нами могучая натура, полная стихийных сил жизни, способная развиваться сквозь массу страданий, вновь и вновь черпающая из темной глубины внесознательного ту энергию, которую уносят от нее жестокие воздействия «внешнего мира». Тяжелый молот страдания дробит и уничтожает все, что есть в этой психике слабого, непрочного, мелкого. В какую же форму она тогда выковывается?

В «идеальной» психике, судьба которой одинаково полна счастья и горя, наслаждений и боли, страдания приносят с собой двойную тенденцию жизни, реалистическую и монистическую: разбивая все неустойчивое и дисгармоничное, они не в силах подорвать ни тех жизненных комбинаций, которые имеют опору в повторяющихся влияниях среды, ни тех, которые, будучи сами по себе гармонически-целостны, в то же время гармонически сплетаются со множеством других, прочных и устойчивых комбинаций. Но по-

лучится ли то же самое при измененных условиях — когда жизнь дает гораздо больше страданий, когда могучую психику систематически преследует судьба?

Злая судьба — это внешние силы, это среда, это «реальность». Реалистические образы, прочность которых зависит от их «реальной» основы — повторяющихся воздействий среды, — окрашиваются в громадном большинстве интенсивно мрачным цветом: *против* них направляется отрицательный подбор гораздо интенсивнее, чем при более «справедливой» судьбе, и он подрывает их жизненное значение в общей системе психики. Они не устраняются: этого отрицательный подбор, вообще говоря, сделать не в силах, раз дело идет о таких образах, в которых отражаются вновь и вновь повторяющиеся влияния среды; но они *бледнеют*, и не в них концентрируется жизнь сознания. Наибольшую роль в психическом творчестве играют те немногие «реалистические» комплексы, которые окрашиваются не отрицательным, а положительным аффекционалом (намеки самой жизни на счастье), и еще больше — те производные

от «реальных» комбинаций, которые сами не «реальны», т. е. не имеют себе *прямой опоры во внешней среде*, но постоянно сопровождаются положительным аффекционалом (идеальные картины счастья). Это налагает на все развитие психики тот своеобразный отпечаток, который характеризуется словом «утопизм». Утопизм есть не простая «мечтательность» и не простое «фантазирование»: мечтатель и фантаст отличаются богатством и неустойчивостью возникающих психических комбинаций, причем у первого они более бледны, у второго — более ярки; у «утописта» продукты творчества немногочисленны, но очень устойчивы, потому что преобладание отрицательного подбора не допускает «легкой игры фантазии» и разрушает наибольшую часть ее результатов.

Таким образом, крайнее преобладание отрицательного подбора порождает не реалистическую, а до известной степени противоположную ей *утопическую* тенденцию в развитии психики.

Зато *монистическая* тенденция бывает при этом выражена в полной мере. Разруши-

тельное действие отрицательного подбора могут выдержать только тесно сплоченные, стройные, чуждые всяких внутренних противоречий комбинации; всякие дисгармоничные связи и отношения устраняются, и психически целое выступает в результате такого развития как строго целостная система[103]. Все психическое содержание последовательно группируется в одном направлении, все тесно связывается и охватывается одной могучей идеей, на которой концентрируется вся энергия жизни.

Активность воли при этом не может быть экстенсивною — отрицательный подбор не допускает развиваться множеству разнообразных волевых импульсов; но зато она отличается большой интенсивностью и неуклонной последовательностью, строгим единством направления. Единство это вытекает из той же «монистичности» строения психического организма, при которой волевые реакции, связанные с основными, тесно объединенными между собою группами переживаний, не встречают себе никакой конкуренции со стороны иных реакций, так как те быстро подав-

ляются отрицательным подбором; интенсивность же волевой жизни зависит частью от этого же единства, от слабости конкуренции между волевыми комплексами, частью от большой энергии переживаний данной психики вообще: сильные страдания означают энергичные, во всяком случае, воздействия среды, глубокие потрясения психической системы, а стало быть, и интенсивные ответные воздействия на эту самую среду, большую растрату энергии на волевые импульсы...

Итак, вот основные черты этого третьего типа психического развития: *утопизм*, строгая *последовательность* мышления и воли, неуклонная *активность* в жизненной борьбе. Это тип «иудея», каким его рисует Гейне. Действительно, среди еврейской расы, с ее поразительной жизнеспособностью и мучительной исторической судьбой, этот тип встречается чаще, чем где-либо; это тип ветхозаветных пророков, а также позднейших узких и суровых учителей и вождей этого племени. Но и среди других наций к этому типу принадлежали многие из великих бор-

цов за идею, сильных своей непреклонной последовательностью. Один из самых чистых и законченных его представителей — это наш протопоп Аввакум. Его ужасная биография ставит перед нами загадку о том, как из непрерывной цепи невероятных страданий возникает гигантская сила железной воли, абсолютно неспособной себе изменить ни при каких условиях. Наша точка зрения разъясняет эту загадку — загадку жизни всех великих аскетов и пламенных фанатиков одной идеи.

Трудно сказать, кто больше дал для развития и силы человечества, светлые ли, жизне-радостные «эллины», представители переливающейся через край полноты жизни, или суровые моноидеисты «иудеи», представители той принципиальной гармонии жизни, которая выражается в ее стихийной цельности, во всепобеждающей *верности себе*[104].

IV

Все три до сих пор рассмотренные нами типа психического развития представляют собой *предельные величины* в том смысле, что предполагают наибольший и по количеству,

и по разнообразию материал переживаний, какой только исторически возможен, а также равномерно или неравномерно, но всегда с *наибольшей интенсивностью* действующий психический подбор. Теперь нам следует перейти к более, так сказать, обыденным типам психического развития, к типам, отстоящим дальше от *маximum*'а жизни сознания.

Итак, пусть у нас остается только одно из двух условий *маximum*, именно наибольшая возможная интенсивность психического подбора, — человек глубоко и сильно «чувствует» все, что переживает. Материал же опыта количественно ниже *маximum* — здесь можно представить ряд нисходящих ступеней общей величины этого материала; качественно он, положим, как в прежних примерах разнообразен и разносторонен, захватывая все области непосредственного чувственного опыта и опыта косвенного, переданного в социальном общении; впечатления разнообразны, и не только разнообразны, но также интенсивны: цвета, тона, запахи и т. д. воспринимаются ясно и выступают ярко в сознании; только богатство впечатлений не так велико,

как в «идеальных» случаях. Тогда интенсивный психический подбор создает ряд типов, весьма аналогичных трем предыдущим, можно сказать — им параллельных, но лежащих в иной, ниже проходящей плоскости. Это типы более «простые».

Психическое творчество, организующее данный материал переживаний, здесь в силу большей узкости своего базиса не может простираться ни так широко, ни так далеко, как в высших типах. Представитель гармонически уравновешенной деятельности психического подбора не явится здесь великим мистическим организатором всеобщего опыта своей эпохи, потому что психика его не охватывает этого опыта; но все основные тенденции «нормального» типа найдут в этой психике полное выражение. Это будет реалист с ясным взглядом на жизнь, человек легко и свободно подводящий итоги своему опыту и умеющий сделать из него жизненно верные выводы; человек, активная воля которого разумно и последовательно воздействует на внешний мир, в полном соответствии с теми взглядами, которые он для себя выработал

сам или усвоил от других. Если это образованный, развитой человек, то он может оказаться талантливым и мужественным, но всегда чуждым односторонности и узости борцом за идею, которую он принял как руководящий принцип своей жизни; или же он проявит себя только неизменной корректностью и благородством в отношениях к другим людям, с которыми столкнет его жизнь: английские романисты часто рисуют такой тип «совершенного джентльмена». Если сумма его развития, по обстоятельствам жизни, окажется невысока, то это будет один из тех «простых» людей, которые поражают нас внутренней гармонией своего психического склада, философски ясным и твердым отношением к жизни. Такие люди, близкие к массам по условиям жизни и материалу опыта, в критические моменты истории нередко оказываются «героями» и увлекают за собою «толпу», которая в них находит ближайших и наиболее непосредственных выразителей своих потребностей и стремлений, которая невольно доверяет здоровой и сильной логике их слов и действий. Мне кажется, что, на-

пример, Джордж Вашингтон — человек отнюдь не «гений» — принадлежал именно к этому типу людей; таковы же, мне кажется, Гладстон, Авраам Линкольн... В наше время всего больше представителей этого типа можно найти среди англосаксонской расы; в древнем мире их было много среди вождей римского народа — до эпохи его упадка.

Благородный тип гейневского «эллина» гораздо больше теряет в своей красоте и величии, как только первичный материал его психической жизни удаляется от *maximum*. Блеск живого, огненного творчества исчезает; светлая жизнерадостная игра фантазии теряет то широкое жизненное значение, какое имеет она тогда, когда в основе ее лежит максимальный опыт, общечеловеческий по своему содержанию. Утрачивая широту и глубину, эта игра фантазии становится «поверхностной» и «легкомысленной»; ее типическую форму представляет в этом случае так называемое «остроумие» светских разговоров и приятельских бесед между благодушными алкоголиками. Эклектизм здесь в общем еще значительнее, чем у представителей благо-

родно-эллинического типа, потому что опыт менее широкий и полный уже сам по себе более разрознен и прерывист по содержанию, так что труднее поддается организующей тенденции, даже когда она более сильна, чем в данном ряде случаев. Об определенном и устойчивом направлении воли, разумеется, не может быть и речи. Здесь люди живут «минутной» и постоянны обыкновенно только в изменчивости. Степени проявления всех этих тенденций зависят, конечно, от того, в какой мере положительный подбор преобладает над отрицательным; а большее или меньшее богатство первичного содержания, даваемого внешними впечатлениями, обуславливает различные оттенки этого типа, от артистических натур (с дилетантским оттенком вследствие слабости творчества) до банальных бонвиванов (обыкновенно с развратным оттенком, вроде «золотой молодежи»).

Представителей подобного типа всего больше бывает среди паразитических классов общества, в начале их вырождения, и понятно почему. Паразитизм обеспечивает богатство приятных впечатлений, но суживает

сферу жизни вообще, исключая из нее полезный труд и общение с другими классами, живущими более активной и полной жизнью. Таким образом, для эллинского типа психика оказывается слишком бедна; она слишком мелкожизнерадостна. Но и такой она остается только на ранних ступенях вырождения: дальше, с понижением общей энергии психики, все переживания становятся все менее глубоки, психический подбор, и положительный и отрицательный, все более слабым; совершается переход к еще низшему типу, о котором нам придется говорить в дальнейшем.

Теперь, во что же превращается благородный «иудейский» тип, когда при той же глубине и силе аффекциональной жизни у него отнимается широкий базис громадного богатства первичных переживаний? Получается тоже «иудей», но гораздо более узкий, ограниченный, консервативный. Организующая тенденция имеет здесь для себя слишком мало материала, и материал относительно разрозненный, так что самостоятельно создать стройную монистическую систему здесь она, вообще говоря, не может; но в общении с дру-

гими людьми представители данного типа нередко находят готовые, достаточно гармонирующие с их личным опытом системы, и тогда усваивают эти системы в высшей степени глубоко и надежно. Это бывают фанатики принятой догмы, неудержимо последовательные в своем фанатизме, беспощадные к себе и другим, — прекрасные орудия в руках организаторов — людей высших типов.

Католическая церковь в своих монастырях систематически подготавливала такие орудия, планомерно создавая все условия для выработки данного типа: стены монастыря служили средством сузить область опыта, материал первичных переживаний; посты, послушания, наказания и всякое «умерщвление плоти» гарантировали преобладание отрицательного подбора над положительным. Осталось дать мрачную, но цельную догму — и тупые изуверы были готовы, и инквизиции было из чего выбирать. В еврейской нации распространенность этого типа вытекает из исторических судеб еврейского народа: обособление от окружающей христианской среды обуславливало относительную узость

опыта, а всевозможные притеснения и преследования со стороны этой же среды — относительный перевес страданий и горя над радостями жизни[105].

Рассмотренная нами вторая группа типов, как мы уже указывали, параллельна первой: это как бы уменьшенные и недоразвитые вариации от первой группы. Та относительная узость опыта, которая обуславливает это «уменьшение» и «недоразвитие», может, конечно, зависеть иногда от так называемых «органических причин», каковы, например, наследственное несовершенство органов восприятия, наследственно полученные инстинкты или очень рано развившиеся привычки, направленные к сужению и ограничению сферы воспринимаемого и т. д. Но гораздо чаще все зависит от непосредственной среды, именно «технической» и «социальной». Мыслимо ли, чтобы из крестьянского ребенка развился какой-нибудь высший тип психической жизни, когда весь материал его опыта ограничивается несколькими квадратными верстами пространства и традиционным мышлением окружающих? И сколько

возможных зародышей высшей жизни губит фатальная узость и бедность женского воспитания? Тут человечеству есть с чем бороться, тут ему предстоят великие победы.

Переходим к дальнейшим вариациям в характере и направлении психического развития. Пусть интенсивность психического подбора не максимум, как во всех предыдущих случаях, а иная, меньшая величина: аффекциональная жизнь менее глубока, переживания не так сильно затрагивают психику, и радости и страдания сознаются менее живо и энергично. Это — более «обыденные» натуры, с более «бледным» существованием.

Из числа логически мыслимых комбинаций здесь можно заранее исключить все те, которые включают максимум первичных, непосредственных переживаний, — наибольшее возможное богатство «впечатлений». Такие комбинации жизненно невозможны, из них не может получиться особых типов психического развития. Максимум переживаний только тогда получает сколько-нибудь организованную, цельную форму, когда организующий процесс — психический подбор совер-

шается с большой интенсивностью, максимальной или близкой к *maximum*; иначе получится нечто неорганизованное, противоречивое, своего рода психический хаос, который, конечно, не есть вообще какой-либо тип психического развития, потому что не есть органически жизнеспособное целое. Таким образом, дело сводится к тем вариациям, которые отклоняются от *maximum* не только по интенсивности психического подбора, но и по сумме материала переживаний.

Итак, относительно небогатый, но, как мы пока принимаем, разнообразный и разносторонний материал опыта, и относительно невысокий аффекционал переживаний. Некоторые отрицательные характеристики, вытекающие из этих условий, очевидны сразу, сами собой: это отсутствие живого творчества фантазии и сильной, неуклонной воли; первое, как мы видели, предполагает интенсивный положительный, а второе — интенсивный отрицательный подбор, которых здесь не имеется. Далее, психическое развитие вообще здесь может совершаться только медленно и вяло, потому что факторы этого

развития слабы; психика в целом консервативна, но это не значит, чтобы входящие в нее комплексы и комбинации отличались прочностью. В психиках высших типов прочность психических форм зависит, главным образом, от широты и неразрывности их ассоциативных связей с другими сложившимися психическими формами, а затем уже, в меньшей мере, от *прямой* и *непосредственной* связи с повторяющимися воздействиями среды [106]. Здесь же дело обстоит иначе. Ассоциативные связи создаются психическим подбором; и там, где он относительно слаб, они ограничиваются в своем развитии, не достигают ни большой широты, ни особенной устойчивости. Поэтому большинство наиболее прочных психических комплексов в подобной психике бывает обязано своей прочностью не ассоциативным связям, а именно повторяющимся воздействиям среды; это устойчивость, выработанная суммированием результатов слабого психического подбора в длинном ряде извне обусловленных повторений комплекса, это устойчивость привычки. Преобладающая роль привычных психиче-

ских образов и актов — основная характеристика данного типа развития.

Слабость положительного подбора и творчества фантазии в связи с особенным значением для такой психики прямых и ближайших влияний среды обуславливает *мелкий реализм*; а слабость отрицательного подбора и разрушающей критики в связи с узостью и неполнотой опыта вообще — *мелкий утопизм*; пошлая трезвенность и множество невысоких иллюзий, узкий практицизм и теоретическая наивность как нельзя лучше уживаются между собою.

Монистическая тенденция здесь не только имеет для себя неблагоприятный материал в виде недостаточного, неполного и потому сравнительно разрозненного опыта, но и помимо того проявляется в ослабленной степени, так как она всецело — результат психического подбора. Таким образом, *эклектизм* выступает в самых очевидных и наивных формах: голова филистера, по словам Гейне, включает в себе множество отдельных ящичков, не сообщающихся между собою и содержащих в себе каждый особую отрасль позна-

вательных материалов и практических норм; каждый ящичек по мере надобности отпирается, а затем снова запирается, и отпирается уже другой; нравственность такого филистера лежит совершенно отдельно от тех деловых правил, которыми он руководится в торговле, семейные добродетели отдельно от развратных стремлений и привычек, теория отдельно от практики и т. д.[107] Эту характерную бессвязность психической структуры особенно легко наблюдать, слушая оживленный разговор женщин мещанского типа: быстро переходя от одного предмета к другому, они ежеминутно меняют свои предпосылки, явно себе противореча и совершенно не замечая этого.

В зависимости от того, какая сторона психического подбора преобладает, положительная или отрицательная, и насколько, получаются также различные оттенки филистерского типа, более оживленный, в котором бесхарактерность достигает высшей степени, и более суровый, с оттенком тупого упрямства, — карикатурные параллели к «эллину» и «иудею». Но вообще тип этот слишком хоро-

шо известен, это выражение либо медленных и вялых процессов личного и классового развития, либо выражение декаданса. Застойные и вырождающиеся паразитические группы общества доставляют его в изобилии. В застойных группах преобладает тип более определенный, более выработанный, более уравновешенный — «мещанин», «обыватель»; в группах деградирующих картина осложняется дезорганизацией наличного психического материала, неустойчивостью, неуравновешенностью, импульсивностью, только без энергии; зависит это от того, что материал жизни, данный предыдущими фазами, оказывается слишком велик и разнороден для слабой организующей тенденции, порождаемой слабым подбором. Тут перед нами выступает дряблый, но мечущийся из стороны в сторону в «исканиях того, чего нет на свете», тип декадента. Но это уже не тип развития и не тип равновесия, а тип деградации; это нечто близкое к тем нежизнеспособным комбинациям, на которые мы указали в начале этого параграфа.

Филистер и декадент — преобладающие фигуры реакционных классов и течений.

V

Перейдем теперь к таким вариациям, в основе которых лежит не равномерно-разносторонний, богатый или бедный материал опыта, а *односторонне-суженный*, как это бывает особенно при различных формах *специализации*. Мы имеем в виду не только специализацию технического или научного труда, но вообще все те случаи, когда по каким бы то ни было причинам область переживаний развертывается неравномерно, расширяясь особенно в сторону одной какой-либо группы взаимно-связанных, до известной степени однородных комплексов опыта, соответственно суживаясь в других направлениях. В том смысле, например, житель полярной страны окажется односторонне развитым по сравнению с человеком из умеренного пояса, потому что у первого непропорционально большое место среди жизненного материала занимают переживания, связанные с «зимой», «холодом» и т. д., тогда как область переживаний, относящихся к «лету», «теплу» и т. д.,

соответственно уменьшена. Указывая это, я имею в виду лишний раз подчеркнуть *относительный* характер тех понятий, которые применяются в этом анализе: никакой абсолютной меры для *maximum* и *minimum* переживаний, для наибольшей и наименьшей интенсивности психического подбора, для широты и узости опыта мы не можем пока установить; а когда употребляем эти термины, то подразумеваем лишь относительные величины и тенденции, связанные с их изменением в ту или другую сторону.

Итак, перед нами психика с односторонне развивающимся содержанием, психика, например, специализированного мануфактурного работника или ученого, узкого специалиста. Так как психический подбор не создает ничего принципиально нового, а только обрабатывает *данный* ему материал, то и его работа оказывается здесь фактически односторонне направленной, — в наибольшей мере в сторону организации тех *специальных* переживаний, которые преобладают в данной системе опыта. Переживания эти, как мы указали, сравнительно однородны и уже с са-

мого начала взаимно близки в потоке опыта, кроме того, представлены в психике с большой сравнительно полнотой, гораздо менее разрозненно, чем другие сферы опыта; следовательно, процесс организации происходит здесь при наиболее благоприятных условиях, и легко создается относительно стройная и целостная система ассоциаций; на низших ступенях развития это, главным образом, тесные ассоциации по смежности, в которых выражается так называемое «непосредственное» ознакомление психики с данной областью опыта; на более высоких ступенях — прогрессивный ряд ассоциаций по сходству и различию (форм обобщения и различения), так называемое «систематическое» познание данной области, которое может оказаться в большей или меньшей степени «монистичным», т. е. законченно-объединенным. Но все это только в данной «специально» области опыта: а в других не то.

Там содержание опыта более бедно и более отрывочно; там организующая тенденция находит для себя гораздо менее благоприятные условия. Поэтому если интенсивность

психического подбора, особенно отрицательного, вообще не очень велика, то за пределами «специальности» господствует бессвязность и эклектизм, что сближает этот тип с «филистерским». Особенно ясно выступает такая черта в представителях «гелертерства» и «книгоедства», которые, живя довольно интенсивной жизнью в одной узкой сфере, во всех остальных поражают бледностью и бесцветностью своей психики и детскостью форм мышления.

В тех случаях, когда психический подбор особенно интенсивен, а следовательно, организующая тенденция особенно сильна, дело происходит иначе. Тогда развитие в монистическом направлении совершается, несмотря ни на что, но в особой форме. Переживания, относящиеся к сфере «специализации», тогда, конечно, хорошо организованы, координированы в стройную систему ассоциаций. Но, играя преобладающую роль в данной области, переживания эти проходят через большую часть полей сознания, причем встречаются с переживаниями других областей, сравнительно мало систематизированными. Такие

встречи при интенсивном психическом подборе ведут к образованию более или менее прочных ассоциативных связей между теми и другими переживаниями. Вначале это, разумеется, ассоциации только по смежности, но психический подбор, устраняя дисгармоничные и противоречивые элементы из комплексов, входящих в такие ассоциации, преобразует их в таком направлении, что между ними оказывается все больше соответствия и из них получают уже высшие ассоциации — по сходству и затем по различию. При этом более разрозненный материал из самых различных областей опыта, так сказать, включается в сложившиеся, организованные формы жизненно главной области «специального»; психический подбор приспособляет его к этим формам, так как приспособляет вообще комплексы опыта одни к другим, а в данном случае, естественно, в большей мере — комплексы менее выработанные и определенные к более выработанным и определенным, чем обратно. Тогда вся жизнь, весь опыт довольно монистично представляются и мыслятся в тех формах, которые разработа-

ны в «специальной» области.

Примеры такой организации опыта можно встретить на каждом шагу. Торговец совершенно невольно всю человеческую жизнь рассматривает со своей специфически меновой точки зрения, так что в каждом действии человека видит элемент расчета на вознаграждение, в проявлении альтруизма — покупку благодарности, в героической борьбе — покупку славы и т. д. И это отнюдь не метафоры только[108]. Иеремия Бентам, воспитывавшийся в торговой атмосфере развивавшегося капитализма Англии, даже систематизировал эту «специальную» точку зрения и создал целую практическую философию, построенную, в сущности, на меновом идеале возможно выгодной сделки с реальностью жизни. Точно так же работник, проводящий все свое трудовое время при машинах, естественным образом бывает склонен к механически-материалистическому мировоззрению, которое укладывает всякую реальность в рамки отношений, однородных с отношениями частей механизма, и такова же в массе случаев точка зрения инженера, даже капи-

талиста, который еще близок к своей фабрике и проводит значительную часть времени среди своих машин. Юрист, специальный опыт которого организуется в системе принудительных норм, обыкновенно и нормы собственно научного познания — «законы природы» — представляет себе по типу форм принуждения и, например, причинную связь явлений склонен понимать как особую принудительную силу, как стеснительную для «свободы» необходимость. Таких примеров можно было бы привести сколько угодно; и если не всегда, а только в редких случаях все мышление специалиста монистически организуется в формах, выработанных его специальностью, то некоторый ее «отпечаток» оно носит всегда во всех областях; а этот отпечаток и выражает начальные степени осуществления указанной нами тенденции.

Организация всей суммы личного опыта в формах опыта специального может иногда оказываться в высшей степени жизненно-прогрессивной, в других случаях, напротив, регрессивным явлением; но вообще, очевидно, она не в силах дать maximum органи-

зованности опыта, а может послужить только ступенью к этому *maximum*. Классовое разъединение общества означает известную «специализацию» опыта в нашем смысле; и потому есть все основания думать, что ни одно из современных классовых мировоззрений не будет достаточно широко для будущего неклассового общества; но во всяком случае мировоззрение будущего должно возникнуть из психологии наиболее прогрессивного класса нашего времени, который для своей быстро расширяющейся жизни необходимо должен создавать наиболее гибкие, наиболее пластичные, наиболее способные к развитию формы объединения опыта.

Что касается характера волевой жизни при условиях специализации, то здесь выводы понятны сами собою. Чем большей организованностью отличается «специальный» опыт, тем больше последовательности и цельности обнаруживается в направлении воли, поскольку она имеет отношение к этой области. Интенсивность же проявлений воли зависит и здесь от общих условий психического подбора — его энергии и направления в

ту или другую сторону. За пределами же сферы «специального» чем более опыт разрознен, а мышление эклектично, тем менее также единства и связи в направлении волевой жизни; вместе с тем и ее энергия вообще должна быть сравнительно понижена. Таким образом, в своей специальной деятельности человек иногда проявляет величайшую цельность воли, достойную истинного «иудея»; и здесь такая цельность, благодаря узкой сфере и однородному характеру «специальных» переживаний, достигается особенно легко, для нее не требуется исключительно сильного действия отрицательного подбора, а в то же время вне специальной области человек оказывается вялым и слабым, как филистер. Таковы и были, как известно, многие великие люди, мелкие в своей семейной и вообще частной жизни. Черты «иудея» и черты «филистера» — это и есть те характеристики, к которым всего более тяготеет жизнь «специалиста».

VI

Нашими приведенными иллюстрациями, очевидно, далеко не исчерпываются возмож-

ные типы психического развития, но мы и не имели в виду их исчерпывать — мы хотели только на примерах пояснить применение того метода, который предлагаем. Чтобы это применение могло быть научным, познавательно полезным, надо ни на минуту не забывать, что всякие типы развития, которые мы путем данного метода устанавливаем, суть лишь *предельные абстракции*, выражают лишь *тенденции приспособления*, связанные с теми или иными вариациями жизненных условий. Так, положим, обрисовка типа «эллина» говорит нам следующее: чем в большей мере богатство психического материала соединяется с интенсивной жизнью «чувства», в которой при этом радость и счастье господствуют над страданием и горем, тем в большей мере развитие психики вырабатывает в ней такие-то и такие-то черты: живое творчество, с преобладанием фантазии над «реализмом», благодушно эклектическая окраска мировоззрения, воля активная, но неустойчивая в своем направлении и т. д. и т. д. Пользуясь такими формулами, мы можем шаг за шагом анализировать конкрет-

ные жизненные типы, какие находим в действительности и в искусстве; и одна уже их «конкретность» ручается нам за то, что они не совпадут с нашими «чистыми» типами, которые получаются путем «абстракции».

Во всяком конкретном типе встречаются и взаимно перекрещиваются различные тенденции развития, выражаемые типами абстрактными, потому что *идеально простые условия* никогда не находят себе места в «действительности», но только — в «отвлекающей» и «анализирующей» деятельности познающего. Задача психогенетического «объяснения» того или иного «конкретного» типа заключается именно в том, чтобы путем анализа объективных условий его развития установить связь и соотношение различных тенденций психического развития, необходимо вытекающих из данного сочетания условий.

Нам следует иллюстрировать свою точку зрения, но недостаток места заставляет нас ограничиться только одним — двумя примерами, и мы начнем с такого, который по содержательности может заменить множество их: психология шекспировского Гамлета.

Что такое Гамлет? Прежде всего, не подлежит сомнению, что это индивидуальность чрезвычайно высокого типа. Судьба дала Гамлету оба основные условия для достижения *махимит* жизни: громадное богатство первичного психического материала, в виде массы разнообразных впечатлений детства, проведенного в блестящей обстановке двора и юности, весело и содержательно прожитой в студенческих странствованиях по Германии и научных занятиях; а вместе с тем чуткую и впечатлительную натуру, глубоко воспринимающую все, что приносит опыт, интенсивно-эмоциональную, способную к высшим наслаждениям и сильным страданиям. Но до самого начала трагедии страданий было очень мало, а счастья очень много: любовь родителей, любовь женщин, веселые товарищи, общее уважение и поклонение, много даже лести, наконец, полная свобода развития, целый мир интеллектуальных и эстетических наслаждений. Ясно, что из Гамлета должен был выработаться настоящий «элин» — тонкая артистическая натура, полная творчества и блеска, но и с неизбежными недостат-

ками артистических натур. Недостатки эти мы знаем, они вытекают из слабости отрицательного подбора, могучая гармонизирующая сила которого в образе страдания здесь слишком редко вмешивается в психическое развитие, слишком неполно его контролирует. В Гамлете мало сурового реализма — порождения собственной психической работы часто заслоняют от него действительность; ему не хватает цельности — в нем много благодушного эклектизма, соответственно этому воле его не хватает устойчивости, неуклонности, единства направления.

Что у Гамлета есть все положительные черты артистической природы, это вряд ли надо доказывать — сколько живых образов, столько блеска в его речах даже при самых невеселых обстоятельствах. А на отрицательных чертах «эллинского» типа построена, в сущности, вся трагедия. Только недостатком твердого и трезвого реализма можно объяснить сомнения и колебания Гамлета относительно самого факта преступления, тогда как очевидные доказательства налицо. Он не может не верить им, когда они прямо и резко

вступают в поле его сознания; но чуть впечатление сгладилось — его живая фантазия впутывается в дело и услужливо создает и подбирает новые образы и комбинации, более утешительные, и при помощи разных «может быть» затуманивает и подвергает сомнению то, что слишком мрачно, но также — уввы! — слишком реально. И эклектизм Гамлета, недостаток цельности в его взгляде на вещи сказывается на каждом шагу в быстрой смене одной точки зрения другою, в сущности с ней несовместимую. А неустойчивость направления воли, отсутствие практической последовательности и неуклонности — ведь это и есть та черта, которая обозначается нарицательным именем «гамлет».

Хотя в эллинской натуре и недостаточно монизма, но все же в ней нет и хаоса. Организирующая тенденция в ней не так сильна, как тенденция к полноте жизни, но все же и первая отнюдь не ничтожна. Отрицательный подбор неизбежен в жизни; страдания есть и у самого счастливого человека, и их вовсе не так мало. Страдания органического развития, неясных и неудовлетворенных порывов, боль

разлуки с близкими — все это было в жизни Гамлета. Были и физические страдания: ведь, судя по характеристике, которую дает королева его физической организации, эта последняя хотя и очень сильна, однако далеко не вполне гармонична. Наконец, Гамлет много работал; а труд как затрата энергии эквивалентен страданию и обуславливает отрицательный подбор[109]. Поэтому монистическая тенденция хотя и не довела психику Гамлета до полного единства, однако была достаточна, чтобы организовать ее в несколько, очень немного, основных «единств», монистических ассоциативных группировок. Насколько можно судить по высказываниям Гамлета, таких группировок всего две: его натура страдает «раздвоенностью».

Каково же содержание этих двух конкурирующих группировок? Гамлет, прежде всего, сын великого воина и потомок страшных норманнских витязей. Масса впечатлений его детства связана с войной и военной славой; несомненно, что все его домашнее воспитание, начиная с бесчисленных рассказов о походах и подвигах, кончая постоянными

упражнениями со всяким оружием, направлено было именно к тому, чтобы сделать его воином в полном смысле слова. И юношей он не перестает, конечно, интересоваться военным делом и заниматься всем, что к нему относится; он, наверное, хорошо изучил стратегию и всю теорию войны, а по его фехтованию можно судить, насколько ему близка ее практика. Итак, Гамлет — воин; это одна сторона его психологии, одна систематическая группировка его переживаний.

Другая сторона: Гамлет — эстетик, артист, вероятно поэт. Гамлет-юноша жил полной и светлой жизнью в сфере искусства, красоты, любви. Какое глубокое эстетическое воспитание обнаруживается в его беседе с актерами и в тонком изяществе многих его насмешливых замечаний! Сколько поэзии должна была внести в его душевную жизнь юношески свежая, чистая и счастливая любовь к Офелии! Гамлет-эстетик слишком долго жил в атмосфере гармонии, и эта атмосфера стала для него жизненной необходимостью; но такая гармония есть дело счастья, исключительного счастья в наши суровые времена, — и под

ее дыханием вырастают слишком нежные, тепличные растения; а когда счастьем приходит конец, печальная судьба предстоит нежному растению.

Две личности Гамлета — воин и эстетик — могли уживаться хорошо, пока борьба, кровавая и беспощадная, существовала для него только в воображении да в воинских забавах: в представлениях юноши война эстетична как величественное столкновение грозных сил, и Гамлет-эстетик мог находить наслаждение в воинственных мечтах Гамлета-воина, война пока еще в возможности, а не в реальности. Но когда суровую борьбу приходится переживать, то эстетике плохо. Получать удары больно, а разрушать чужую жизнь для впечатлительной, тонкой натуры еще больнее; и еще если бы тут текла одна чистая кровь, эстетику было бы легче, но кровь смешивается с грязью, а раны чаще всего отвратительны и неопрятны. Тут надо хитрить, подстергать, обманывать, а это очень неэстетично. Быть все время в напряженном состоянии, как требует борьба, для нежной души мучительно: гармония жизни возможна

только тогда, когда за растратой сил идет исцеляющий отдых, а непрерывное утомление убивает всякую гармонию. Для Гамлета дело обстоит еще хуже, борьба несет для него еще больше противоречий, еще сильнее обостряет разлад между его боевой и его эстетической личностью: врагами оказываются самые близкие ему люди: мать, которую он обожал, и дядя, которого он уважал и любил. Что может вызвать в душе более мучительную дисгармонию, чем превращение любимого существа в объект ненависти и отвращения?

Дух отца постоянно будит в Гамлете воина, вся обстановка ежеминутно воскрешает в нем эстетика. Воин хочет наносить удары, эстетик отступает перед кровью и грязью. Жажда мести сталкивается с жаждой гармонии — в этом смысл всей трагедии; колебания Гамлета, его непрерывная рефлексия — это долгие бесплодные переговоры между одной его личностью, которая хочет борьбы, и другой, которая хочет любви и счастья. Первая — личность недоразвитая, потому что *реально* жить жизнью борца Гамлету еще не приходилось; вторая развита вполне, потому что жиз-

нью артиста и любящего человека он жил в действительности и много. Но за первой личностью стоит развивающаяся действительность, новые и новые воздействия «среды», которые будят в Гамлете борца; за второй же — только воспоминания и грезы; первую выдвигает «объективный» ход вещей, вторую поддерживают «субъективные» желания и стремления. Гамлет-эстетик, во всяком случае, должен погибнуть или потерять свою самостоятельность; вопрос в том, уцелеет ли Гамлет-боец.

Тут перед нами выступает в полном своем выражении великая гармонизирующая сила страдания. Для такой природы, как Гамлет, душевные муки — это тяжелый, но благодетельный молот, который выковывает душу в новые, высшие формы. Отрицательный подбор, который уничтожает или разлагает всякую непрочную, ирреальную или дисгармоническую комбинацию, освобождая место для комбинаций, имеющих прочные реальные основы и жизненно-гармоничных, которые он не в силах разрушить, отрицательный подбор вносит в психику Гамлета то, чего ей

недоставало: строгую реально-монистическую тенденцию. Ведь недостаток цельности в организации элина и чрезмерно большая роль фантазии зависят именно от того, что счастье и положительный подбор слишком сильно преобладают над страданием и отрицательным подбором; трагедия, протекающая в душе Гамлета, устраняет эту неравномерность и тем самым создает условия для перехода элинского типа в еще более высокий, тот, который мы назвали «идеальным». Герой шаг за шагом на глазах зрителя становится другим человеком.

Разрушение старых координаций в психике Гамлета идет, благодаря его ужасным страданиям, так быстро, что образование новых не поспевает за ним, и наступает даже период временной дезорганизации — душевная болезнь Гамлета, гораздо менее «притворная», чем он сам, по-видимому, полагал. Но могучая душа выживает — и в конце пьесы перед нами выпрямляется во весь рост Гамлет-боец, спокойный и решительный, с ясным взглядом и твердой волей. Что же стало с Гамлетом-эстетиком? Он не умер, он орга-

нически слился с другой душой Гамлета. Жажда гармонии в жизни нашла себе новый выход, она внутренне преобразовалась: из пассивного желания *жить* среди гармонии она перешла в активную волю *создать* гармонию в жизни, наказавши преступление и восстановивши справедливость. Сознательный боец за право и справедливость — это и есть активный эстетик, стремящийся к жизненной гармонии в человеческих отношениях. Теперь психика Гамлета чужда всякого дуализма, и воля не ослабляется внутренней борьбой. Он уже не сокрушается о том, что именно ему приходится восстанавливать «разрушенную связь вещей»: он твердым шагом идет к разрешению этой задачи, достойной истинного воина и истинного эстетика.

Гамлет гибнет, но гибнет как победитель, выполнив свое дело. Гибнет он, конечно, не случайно, а именно потому, что за время его внутренней борьбы, которая не давала ему целесообразно вести борьбу внешнюю, объективные условия, условия «среды» сложились в самую неблагоприятную для него сторону: враги не бездействовали и пустили в

ход все средства. Но Гамлет все же сильнее — и даже при этих условиях он увлекает их в своей гибели; уже умирая, он не забывает восстановить последнее звено «разрушенной связи» и с гениальной простотой выполняет это, назначая своим наследником молодого героя чужой страны, надежного и цельного человека — принца Фортинбраса.

Итак, вот сущность трагедии: это история преобразования эллинской души в иную, более законченно-целостную форму силою мучительной борьбы, силою глубоких страданий.

Ничего принципиально загадочного для нашей точки зрения трагедия Гамлета не представляет: она всецело соответствует в своем развитии законам действия психического подбора; она самое авторитетное свидетельство в пользу их познавательной ценности.

VII

Теперь мы возьмем для нашего метода другую иллюстрацию, несравненно менее трагического характера, — явление очень распространенное в современной русской

жизни, называемое «поумнением» интеллигентной души, история радикальных «детей», становящихся в свое время умеренными «отцами».

Тот материал опыта, который современные молодые люди приносят с собою из жизни школьной в жизнь студенческую, как известно, весьма небогат, однако он не отличается и особенной односторонностью. Правда, наша средняя классическая школа построена до сих пор главным образом на принципе специализации, притом очень своеобразной специализации: большую часть познавательного материала детям дают из одной, очень узкой области, имеющей в глазах организаторов школы то громадное преимущество, что она «мертва» и, как таковая, в самой себе не заключает никаких объективных возможностей прогресса. Но материал этот имеет «отрицательную» аффекциональную окраску, и молодая психика стремится свести его разными путями к *minimum*; последнее, вообще говоря, и удается благодаря пособничеству семьи и товарищеской среды. Таким образом, фактически содержание опыта сводится тут

по преимуществу к следующим группам переживаний: то, что дает семья, — то, что дает товарищеская среда, — то, что дает школа со стороны «классовой борьбы» учащихся с ее официальной организацией, и, наконец, уже то, что дает школа со стороны познавательного материала «наук». Из всех этих групп именно последняя отличается наибольшей относительной разрозненностью и неполнотой своего содержания, а потому и значение в развитии молодой души она имеет минимальное.

Совокупность опыта оказывается очень разносторонне составленной группировкой: семья вносит в детскую психику, «воспитывает» в ней совсем не то, что вносит и воспитывает товарищеская среда, товарищеская среда — совсем не то, что школьная «наука», и даже эта «наука» — совсем не то, что ее официальные проводники в качестве объектов ненависти и борьбы[110]. Организующая работа психического подбора над всеми этими рядами переживаний протекает с большой интенсивностью: аффекциональная жизнь детства и ранней юности очень бурна и энер-

гична, новые и новые комплексы, вступающие в поле опыта не сложившейся еще психики, глубоко ее захватывают и порою сильно потрясают. Но преобладает обыкновенно подбор положительный, чувствования приятного характера: психика растет, развивается, энергия жизни увеличивается, и хотя далеко не все эти изменения проходят через поле сознания, но все же значительная часть их находит в нем свое выражение — в виде «приятных» переживаний. Таким образом, в тех, наиболее частных случаях, которые мы здесь имеем в виду, имеются все условия для развития психики в эклектические формы: и разносторонний, но неполный опыт, в содержании которого есть очень большие пробелы, затрудняющие его гармоническое объединение, и относительная слабость отрицательного подбора, который является главным фактором развития к строгому монизму.

И действительно, психология подростка в общем замечательно эклектична. В его душе с величайшей легкостью уживаются самые неоднородные, самые непримиримые между собою идеи и нормы. Семья с ее патриархаль-

ным строем и кровной связью внушает ему одни понятия, товарищеская среда, с ее «республиканскими» отношениями, окрашенными аристократизмом ума и силы, — совсем другие, обрывки наук создают зародыш третьих, и тоже разнородных понятий, и т. д. Одни и те же действия, имеющие характер, положим, «непокорности» и «своеволия», семья определяет как «грех» или нечто «неприличное», товарищеская среда — как проявления доблести и молодечества; в борьбе со школьными воспитателями эти действия оказываются рискованными и зачастую практически вредными актами самообороны или наступления; а в учебниках истории, даже насквозь одобренных, в высшей степени аналогичные деяния прославляются в некоторых случаях как героические. Естественно, что никакой единой и цельной точки зрения на жизнь у юного существа не может сложиться; а при большой силе положительного подбора психика весьма легко переходит от одного ряда ассоциаций к другому, от одной точки зрения к другой, не стесняясь их взаимным противоречием.

Подвергаясь жестоким репрессиям за свою «проделку» со стороны начальства, школьник с тоской думает: «Какую глупость я сделал»; и, размышляя о жизни, совершенно невольно начинает оценку всяких человеческих действий сводить к категориям «выгодно — не выгодно». Но вот его выпустили из карцера, товарищи выражают ему свой восторг и уважение, он горд и доволен: «Какой я молодец!» Предыдущие категории забыты, их сменяют новые: «славное — постыдное». Дома — родительские нотации, нежные увещания, упреки: «Какой я злой, гадкий мальчишка!» — на сцене уже категории «нравственно — безнравственно». Каждая точка зрения временно вытесняет другие, с ней, разумеется, несовместимые, и юный эклектик даже не ощущает потребности свести их к высшему единству.

Этот легкомысленный эклектизм настолько типичен для подростков, что когда мы встречаем отклонения от него, то получаем впечатление чего-то ненормального, неестественного. Бывают дети, которые кажутся нам «преждевременно зрелыми»: в их сужде-

ниях «слишком много» определенности и логики, в их действиях «слишком много» последовательности. Причины в громадном большинстве случаев одни и те же, очень простые и понятные, с нашей точки зрения. Не все дети так «счастливы», чтобы быть жизнерадостными эклектиками. Некоторым детям приходится слишком много страдать, вследствие ли болезненности или вследствие неблагоприятной внешней обстановки. Отрицательный подбор преобладает над положительным и приносит с собою, как мы уже не раз видели, преобладание монистической тенденции над эклектической. К тому же и опыт таких детей бывает большею частью менее разносторонний, — в нем получает перевес одна какая-нибудь сторона его, например у детей, работающих на фабриках, та область переживаний, которая связана с обязательным трудом и материальными заботами. Таким образом, и действующие силы психического развития, и его материал гораздо менее благоприятны для выработки эклектического типа, — психике навязывается самой жизнью та преждевременная сравнительная

цельность, которая производит на нас такое тяжелое впечатление. И оно не обманывает: в этой цельности нет ничего хорошего. Она неизбежно узка, потому что охватывает очень небольшой запас переживаний; а между тем как всякая вполне сложившаяся форма она препятствует выработке нового единства психики, которое соответствовало бы прогрессивно расширяющемуся опыту; в этом отношении неопределенность и незаконченность обычного эклектизма молодости гораздо целесообразнее для развития. Да и получается это узкое единство ценою больших ранних страданий, громадной растраты энергии в том периоде жизни, когда энергия должна накапливаться. Тут условия для дальнейшего прогресса жизни сильно сужены, и путь к максимуму жизни затруднен.

Но вернемся к нашему жизнерадостному юноше-эклектику. Окончив среднюю школу, он, положим, поступает в университет. Среда меняется, поток опыта сразу очень сильно расширяется, и притом в различных направлениях весьма неравномерно. Переживания, связанные с «семьей», быстро отступают на

второй или даже третий план: юноша «эмансипируется» от семьи, чему обыкновенно способствует в сильной мере и дальность расстояния, почти обрывающая прямое общение. Напротив, товарищеская среда занимает в системе опыта несравненно большее место: количественно она становится гораздо шире, качественно — гораздо полнее, разнообразнее; в ней масса движения, жизни, от нее получается масса ярких и сильных впечатлений. В то же время и «наука» поворачивается к юноше другой своею стороною: из беспорядочной, бессвязной дрессировки она становится систематическим воспитанием, расширением известных сторон его опыта и их гармонизацией. Война с ближайшим начальством, за исключением немногих случаев обострения, перестает играть прежнюю роль в жизни молодого человека; но расширенный опыт приносит и более широкие противоречия жизни, которые более чем заполняют место этого прежнего антагонизма: это противоречия социально переданного опыта экономического и политического. Наконец, нередко молодой студент принужден собственной

работой добывать себе средства к жизни, и тогда он еще ближе и непосредственнее знакомится с этими противоречиями, прямо или косвенно испытывая их на себе самом.

Жизнь в целом несравненно интенсивнее, чем прежде, интенсивнее и радости и страдания, организующая тенденция сильнее. Развертывающаяся половая жизнь с ее резкой аффекциональной окраской значительно увеличивает напряженность психического подбора. Систематизация опыта идет быстрее и дальше; эклектизм не исчезает, потому что положительный подбор все-таки обыкновенно преобладает над отрицательным; но все же для развития в сторону монизма условия оказываются благоприятнее. Материал опыта менее разрознен, в нем меньше пробелов, глубоко разделяющих различные области опыта; отрицательный подбор глубже захватывает психику, страдания юноши серьезнее и продолжительнее, чем страдания ребенка. Происходит настоящая «выработка мировоззрения и жизненной программы».

В этой выработке наибольшую роль играют, конечно, те области переживаний, кото-

рые в наибольшей мере заполняют сознание: то, что дает товарищеская среда, и то, что дают общие социальные условия с их жизненными противоречиями. Систематизация этого материала образует известное радикально-демократическое мировоззрение, сводящееся к идеям свободы, равенства, отчасти — братства: товарищеская среда дает основное положительное содержание для тех тенденций, выражением которых служат эти идеи, противоречия социальных условий определяют это содержание с отрицательной стороны [111]. Перед нами юноша, обладающий, по видимому, довольно стройной системой взглядов; что непосредственная активность воли должна быть довольно велика, за это ручается продолжающееся накопление энергии в молодом организме; и хотя преобладание положительного подбора не допускает *особенной* неуклонности и последовательности в проявлениях воли, но все же известное единство в направлении активности становится вполне возможно, раз психика в целом организовалась достаточно стройно.

В тех исключительно благоприятных условиях, в каких мы теперь видим нашего героя, его высказывания не обнаруживают нам никакого существенно важного эклектизма. Две главные сферы опыта сведены к известным объединяющим формам, третья сфера — наука — не стоит ни в каком противоречии с этими формами, а только своей дисциплиной содействует их отчетливой выработке и налагает на них свой отпечаток. Но мы уже знаем, что эклектизм не может быть принципиально устранен там, где положительный подбор выступает на первый план, значительно перевешивая отрицательный. Положительный подбор слишком много *сохраняет*; то, что создано прошлым опытом, слишком мало разрушается. Психика только кажется монистичной, потому что жизнь ее проявляется недостаточно разносторонне. Эклектизм остается — в скрытой форме.

Те специальные формы мышления и воли, которые созданы семьей с ее особыми отношениями, не исчезли, не умерли — они только не обнаруживаются, пока нет для этого объективных условий: они страшно прочны

и нужно очень много борьбы и страданий, чтобы покончить с ними, гораздо больше, чем фактически достается на долю жизнерадостного юноши-студента. А между тем эти формы находятся в глубоком жизненном противоречии с основами радикально-демократического мировоззрения.

Молодой студент в делах любви стоит на точке зрения самой широкой свободы; он высказывает такие взгляды и за себя лично зачастую проводит их довольно последовательно. Но вот его сестра пытается стать на ту же точку зрения, и притом не теоретически, а практически — и что же? Наш герой начинает вести себя в совершенно противоположном смысле. Мы слышим от него заявления и видим с его стороны действия, каких мы могли бы ожидать разве только со стороны его почтенного родителя. В чем же дело? «Семейное» событие вызвало на сцену «семейную» точку зрения. Старые ассоциации идей и стремлений, мирно дремавшие в безразличном равновесии, вновь вовлечены в поле сознания; и оказывается, что они прекрасно сохранились; и энергия их проявления иногда

бывает чрезвычайно велика.

Влияние семьи — в данном случае мещанской семьи, проводящей в психику своих детей чисто мещанские тенденции, — страшно глубоко и по своей продолжительности, и по своей интенсивности: оно охватывает немалое число лет и действует в том возрасте, когда психика всего более гибка и пластична, когда она еще только складывается. Вот почему в юноше-радикале так часто скрывается мещанин, которому нужен только случай, чтобы прорвать оболочку поверхностных наслоений прогрессивного идеализма.

Бывают, конечно, случаи, когда этот мещанин успевает в достаточной степени отмереть; но эти случаи не типичны для радикального юношества, выходящего из буржуазии. Те молодые люди, которым в эти годы приходится перенести особенно много труда и страданий, если психика их обладает достаточной жизненной устойчивостью, чтобы без большого ущерба перенести все это, достигают гораздо большей цельности в своем мировоззрении, гораздо большей последовательности в своих действиях; ибо отрицательный

подбор есть самый сильный фактор монистического развития. Но не эти случаи нас теперь занимают.

Возвращаемся к нашему герою — тому, которому суждено «поумнеть». Годы учения кончились, он вступает в «жизнь», например поступает на службу где-нибудь в провинции, на службу частную или земскую, чтобы не связывать своей «свободы». И вот материал опыта, доставляемый ему средою, резко меняется: «товарищи» и «наука» перешли в прошлое, пока еще недавнее, живое прошлое; он в «мещанском царстве». В чем же сущность произошедшего изменения?

Товарищеская среда исчезла: ее смещает среда обывательская; официальная наука тоже осталась вдали: ее сменяет «служба». Затем возникают новые семейные отношения, которые от прежних отличаются тем, что тут наш герой оказывается уже главой семьи, а не подчиненным ее членом. Таково основное содержание новой фазы опыта, ее материал. Материал этот отличается сравнительно слабым разнообразием и большим консерватизмом. Поток опыта движется здесь очень мед-

ленно, одни и те же комплексы повторяются вновь и вновь — сегодня, как вчера, завтра, как сегодня. Они сравнительно слабо затрагивают психику, не приносят ей ни значительного повышения энергии, ни больших растрат: аффекциональная жизнь понижена, психический подбор малоинтенсивен.

Что же тогда получается? Те психические группировки, которые сложились в студенческие годы и образовали из себя систему радикально-демократического мировоззрения, не находят для себя поддержки в новых переживаниях, все реже и реже ассоциативным путем вызываются в поле сознания: что «напоминает» человеку в обывательской среде о тех принципах, о тех идеалах, которые сложились в его душе при совершенно противоположных условиях? Слишком и слишком немного. Зато все окружающее то и дело возбуждает иные, старые ассоциации, вновь и вновь вовлекает в психическое поле воспоминания и стремления, заложенные в детстве семьей и примыкающею к ней мещанской средой: «мещанин» неизбежно пробуждается в нашем герое и мало-помалу подни-

мается во весь свой рост. Если бы этот «мещанин» создавался заново, то процесс его развития был бы долгий и сложный, полный противоречий, внутренней борьбы и страданий. Но здесь дело гораздо проще и легче: система ассоциаций, которая уже существовала, но долго оставалась вне сознания, вовлекается в его поле и все чаще, все дольше заполняет его собою.

А юношеское «мировоззрение»? Нельзя сказать, чтобы оно быстро разрушалось: для этого была бы необходима более интенсивная аффекциональная жизнь, чем та, которая в данном случае имеется: при слабом психическом подборе на разрушение сложившихся форм требуется много времени. «Мировоззрение» сохраняется еще довольно долго, отмирая лишь постепенно, в силу своей несовместимости с усиливающимися «обывательскими» формами психической жизни. Но оно, поскольку и сохраняется, остается почти все время за порогом сознания, как в предыдущий период жизни за порогом сознания сохранялась «мещанская» система ассоциаций. Разница, впрочем, та, что эта система была и

за время скрытого существования гораздо прочнее, коренилась в психике гораздо глубже, чем временно оттеснявшее ее «мировоззрение».

И здесь, как мы это видели в предыдущей фазе, время от времени «скрытое» проявляется. Обыкновенно оно проявляется не в виде активных, последовательных воздействий, направленных к изменению среды, — в обывательском мире такие воздействия требовали бы слишком больших затрат энергии, а в виде словесных высказываний, выступающих тогда, когда что-нибудь «напомнит» об идеалах юности. Это бывает, например, при встречах и разговорах со старыми товарищами. В подобных случаях посторонний наблюдатель большей частью думает: «не только ренегат, но еще фразер». Такая точка зрения, как видим, не вполне справедлива: сознательной лжи тут чаще всего нет, а есть только временное вступление старых ассоциаций в поле сознания и эклектизм обывателя, сменяющий собою эклектизм юноши.

Бывают, однако, случаи, когда с выходом из товарищеской среды далеко не сразу на-

ступает мирное и бесцветное существование. Человек, например, резко сталкивается с обывательской средой и получает от нее массу страданий, которых не выдерживает «лучшая», но менее прочная сторона его психики, тогда интенсивный отрицательный подбор быстро разрушает «гражданина», оставляя место обывателю, и «измена» совершается *sans phrases*[112]. То же самое получается и тогда, когда в обывательскую жизнь нашего героя вторгаются прежние товарищи и, предъявляя ему непосильные уже требования, противоречащие всем его теперешним привычкам и склонностям, приводят к резкому конфликту, к острой конкуренции две стороны его психики, которые до сих пор мирно уживались, почти не встречаясь в поле сознания.

Мы не пойдем дальше за нашим героем в процессе выработки из него «чистого» обывателя, типа благодушно-веселого, полного мелочной активности — при «благополучной» судьбе и преобладании положительного подбора, или же типа раздражительно-мнительного, с склонностью к навязчивым ипохон-

дрическим идеям — при «неудачной» жизненной карьере и преобладании отрицательного подбора. Мы думаем, что приведенных иллюстраций достаточно, чтобы показать, как может применяться идея психического подбора в вопросе о выработке психических типов. Перейдем к другим ее возможным применениям.

VIII

Теперь мы возьмем две-три иллюстрации к нашему методу из области тех случаев, когда одна психика воздействует на другую, стремясь вызвать в ней те или другие определенные изменения — когда один человек «воспитывает» другого, «награждает» его, «наказывает», «исправляет» и т. д. Это, как мы указали выше, *пограничные* вопросы психологии с социологией, которые для исследования удобнее отнести именно к психологии, потому что здесь может еще применяться специально-психологический метод[113].

Мимоходом мы уже отмечали, что все такие способы воздействия в своей основе представляют бессознательное применение все того же принципа психического подбора.

«Воздействующий» стремится в психике другого подорвать и ослабить одни комплексы, создавая прямую ассоциативную связь между ними и комплексами «неприятными» — условие для отрицательного подбора, — усилить и упрочить другие, вызывая ассоциацию их с «приятными» комплексами — условие положительного подбора: так бывает во всех случаях, когда дело идет о «награде» и «наказании» или когда один человек «убеждает» другого, апеллируя к его выгоде и невыгоде, все равно, «материальной» или «духовной», даже «нравственной». Иногда метод бывает несколько иной — чужую психику «приучают» к чему-либо, систематически вызывая в ней своим воздействием повторение определенного комплекса, делая этот последний «привычным»; но мы уже знаем, что «привыкание» само сводится к накапливающемуся действию психического подбора. И мы не станем разбирать эти способы воздействия «вообще», а остановимся на их частных особенностях, главным образом с точки зрения критики этих способов на почве идеи психического подбора.

Существует целый ряд случаев, когда наказания, награды, «приучиванье» и т. д., несмотря на энергичное и систематическое их применение, не приводят к тем результатам, которые при этом применении имелись в виду, а приводят к иным, иногда неожиданным и во всяком случае нежелательным с точки зрения «воздействующего». Каким образом наш принцип может послужить к объяснению таких случаев, а следовательно, — при достаточных данных — и к научному их предвидению?

Всякое «наказание» имеет в виду создать в психике лица, подвергаемого наказанию, тесную ассоциацию между известным «нежелательным» для наказывающего комплексом и другим — комплексом, интенсивно «неприятным». Этим путем добиваются того, чтобы и первый комплекс приобрел, как часть данной ассоциации, отрицательный аффекционал и был устранен путем отрицательного подбора. Здесь уже сразу очевидно, что желательный результат может не получиться прежде всего потому, что отрицательный подбор не всесилен, что его действие имеет

свои границы в его объективных условиях.

В самом деле, совершенно нельзя себе представить, чтобы путем каких угодно энергичных наказаний удалось отучить человека от удовлетворения, положим, его основных потребностей, вновь и вновь возникающих из циклических процессов обмена энергии между его организмом и средой: тут возможно достигнуть разве только разрушения психики. Да и вообще, прочность и устойчивость той или иной психической формы может быть так велика, что устранить ее невозможно при помощи той системы наказаний, какая имеется в распоряжении наказывающего, или даже при помощи какой бы то ни было системы наказаний. При этом, конечно, громадное значение имеет и положительный аффекционал устраняемого комплекса, и степень его «привычности», и широта ассоциативных связей, сплетающих его с остальной психикой. Никакими наказаниями невозможно подорвать в психике искренно верующего его убеждение, что есть Бог, или в психике истинного идеалиста — его стремление осуществлять свой идеал.

Из этого ясно, что наказания могут не приводить к предполагаемым результатам. Но каким образом иногда приводят они к другим результатам, например прямо противоположным?

Тут надо иметь в виду, что самое явление, о котором идет речь, гораздо сложнее, чем оно представляется нашему воздействующему традиционными мерами «педагогу». Ассоциируются между собою все те комплексы, которые одновременно наполняют поле сознания, и, следовательно, ассоциация создается не только между представлением о наказании и представлением о том, за что наказывают. В ассоциацию неизбежно входит еще образ самого «педагога», а зачастую также представление о тех мотивах, которые им руководят, о тех задачах, которые преследует данная его деятельность, и т. д. Вот из этой-то ассоциативной связи и могут проистечь при определенных условиях все «нежелательные» последствия.

В самом деле, «неприятный» образ не только ослабляется отрицательным подбором, но, как и другие психические комплек-

сы, влечет за собою известные волевые комплексы; и психический подбор стремится создать именно такую комбинацию, чтобы волевой акт был целесообразным *приспособлением*, чтобы он устранял самые условия, которые вызывают данный неприятный образ. Таким образом, например, у некультурных людей со стихийно-порывистой волей акт законного «наказания» может повлечь за собой волевые реакции, просто и прямо останавливающие этот акт: сопротивление наказывающему, убийство его и т. п. При известных условиях точно так же реагирует и самая культурная, самая высокоорганизованная, самая «благородная» психика.

С этой точки зрения вполне понятны все те случаи, когда наказание, еще не успевши вызвать тех последствий, в смысле отрицательного подбора, которые оно имело в виду, уже вызывает энергичную борьбу против наказывающего. Но так как в возникающую тут ассоциацию входят еще иные комплексы, то результат может быть еще сложнее. Человек, положим, тесно связывает представление о причиненных ему страданиях с представле-

нием о тех идеях, о тех, например, взглядах на «нравственность», которыми руководился его мучитель, и начинает энергичную борьбу против этих самых идей. Или, положим, он причинно связывает представление о наказании с представлением о праве (в объективном смысле) другого человека применять к нему такой способ воздействия. Тогда на сцену выступает борьба против соответственных правовых институтов. Во всякой освободительной политической борьбе приходится видеть массу случаев, когда кары за политические преступления превращают в настоящих, профессиональных революционеров таких людей, которые лишь сравнительно случайно навлекли на себя эти кары.

При этом надо иметь в виду еще вот что. Тяжелые наказания, особенно когда они продолжительны, могут существенно изменить в жизни данного лица взаимное отношение положительного и отрицательного психического подбора — очевидно, в пользу последнего, и тогда может измениться и самый тип психического развития. Этим путем из «эллина» иногда создается суровый «иудей», из

«доброе малого» — мрачный фанатик. Понятно, насколько печален такой результат с точки зрения карающего: этот последний, вместо противника с волей сравнительно мало устойчивой, разбрасывающейся или даже колеблющейся, получает врага, страшного своим «упорством», «ожесточенностью», точнее — своей монистической неуклонностью. И это относится, конечно, не только к политическим борцам: на другом полюсе общественной жизни, в мире «уголовных преступников», каторга и долгая тюрьма вырабатывают иногда замечательно целостные типы, с весьма стройным и законченным антисоциальным мировоззрением и величайшей последовательностью в борьбе за узко личные, антисоциальные цели.

В сущности, сколько-нибудь надежные результаты метод «наказания» дает только по отношению к тем типам психического развития, которые мы обозначили как «филистерские». Тут, в силу сравнительной неустойчивости сложившихся психических форм, хотя бы даже очень «привычных», с большой вероятностью можно рассчитывать на разру-

шение «нежелательной» комбинации; а слабость творческой деятельности и психики ругается за то, что не создадутся и не разовьются вместо нее другие, еще более «нежелательные» комбинации; там, где дело идет о психике более благородного типа, всего скорее можно ожидать результатов именно последнего рода. Но и в психике «филистера» наказание не может создать чего-либо особенно прочного и надежного, потому что все в ней непрочно и ненадежно, благодаря ее общей дряблости. И нередко даже здесь объективный результат причиненных страданий сводится к нулю: отрицательный подбор устраняет из сознания, главным образом, «неприятное воспоминание» о понесенной каре, человек «не думает» о наказании, «старается забыть» о нем, продолжая предаваться «нежелательным», но «приятным» привычкам, которые поддерживает положительный подбор.

Все изложенные соображения дают нам достаточную основу для принципиальной критики «наказания» как воспитательного метода вообще, а также для критики конкрет-

ных форм наказания. Как видим, прежде всего, это ненадежный метод даже с точки зрения своей непосредственной цели: слишком часто результаты получаются совсем не те, какие имелись в виду, или даже прямо противоположные. Правда, знакомство с психическим типом «исправляемого», при достаточно ясном понимании принципа психической причинности, — т. е. именно психического подбора, — позволило бы заранее предвидеть эти случаи, заранее сознать неприменимость в них данного метода. Но из предыдущего ясно, что эта неприменимость относится именно к наиболее благородным типам человеческой психики, с наибольшей интенсивностью и полнотой жизни; и если культура будет прогрессивно облагораживать человечество, устраняя низшие типы психического развития, то область, в которой «наказание» не является безусловно вредным методом воспитания, должна прогрессивно суживаться.

Но даже в тех случаях, где данный метод «исправления» обладает некоторой грубой, непосредственной целесообразностью, даже

В тех случаях надо не упускать из виду реальной сложности его результатов, массы побочных эффектов, которые он приносит и которые могут составить отрицательную величину, далеко превосходящую его положительное значение. В психике объекта кары создается не только та ассоциация, которая «желательна» карающему и которая, по его расчету, должна придать окраску страдания «нежелательной» психической форме; возникают еще другие ассоциации. Представление о перенесенных страданиях неразрывно связывается с представлением о том лице, которое их причинило, этим подрывается социальная связь между той и другой стороной, связь, основанная именно на положительном аффекционале, которым обладает представление об одном человеке в психике другого: когда люди становятся «неприятными» один другому, то перевес получают такие реакции, которые их взаимно разделяют и отдаляют. При этом все больше уменьшается самая возможность целесообразного «воздействия» на то лицо, которое имеется в виду «исправлять», т. е. данная система сама устраняет то-

гда условия своей применимости.

По самой сущности дела, цель «наказания» достигается лишь ценою растраты энергии «исправляемой» психики. Это, конечно, не было бы принципиальным недостатком данного метода, если бы вся растрата энергии совершалась именно за счет той психической формы, которая «нежелательна», которую имеется в виду ослабить или устранить. Но в действительности причиняемое страдание захватывает всегда не только одну определенную психическую комбинацию, но в каждый данный момент целое поле сознания, а в общей сумме целый ряд различных полей сознания, через которые проходит множество иных психических комплексов, кроме комплекса, подлежащего искоренению. Таким образом, разрушительная работа идет гораздо шире и дальше, чем требует та цель, ради которой она предпринимается.

Очень часто наказание рассматривается не столько как способ непосредственного исправления «виновного», сколько как способ «устрашения» других, пока еще не виновных, но способных при случае стать таковыми. В

психике всех членов общества этим путем создается та же ассоциативная связь между «нежелательным» и «неприятным»; только «неприятное» выступает здесь в менее живой и конкретной форме, с меньшей, следовательно, интенсивностью. В сущности, это не что иное, как распространение акта «наказания» на все общество, со значительным соответственным понижением степени наказания: вместо реальной боли — устрашающая ассоциация образом, мучительная для каждого из членов общества тем в большей мере, чем психика его впечатлительнее и чем она социальнее.

С этой точки зрения принципиальные недостатки данного метода не менее, если еще не более значительны, чем с «исправительной» точки зрения. Прежде всего очевидно, что здесь нарушается экономический принцип жизни: «устрашающему» воздействию подвергаются не отдельные лица, для обуздания которых оно требуется, а и масса других — зачастую целые миллионы, — которых «устрашать», собственно, было незачем. Конечно, отдельная «устрашающая» ассоциа-

ция образом в той или иной психике представляет лишь незначительную величину отрицательного характера; но все же это минус, а не плюс; и когда жизнь переполняется подобными ассоциациями, то становится вполне ясно, насколько искажают они образ и подобие человеческого развития.

К тому же и непосредственная целесообразность устрашения сравнительно невелика. Оно может удержать от «нежелательных» действий разве только тех, у кого влечение к этим действиям и без того довольно слабое; там, где для таких действий имеются сильные и глубокие мотивы, там «устрашающая» ассоциация образов оказывается большей частью слишком недостаточным средством.

Существует еще одна точка зрения в вопросе о наказании: оно рассматривается как восстановление нарушенной абсолютной справедливости, как «естественное» право преступника и «обязанность» общества по отношению к нему, и т. п. Но очевидно, что эта точка зрения не может дать ровно ничего для психологической критики принципа «наказания», для выяснения его реального жизнен-

ного значения. Это все, что здесь можно о ней сказать.

Констатируя коренные недостатки самого принципа «наказания», наша критика отнюдь не дает оснований отрицать его *историческую* необходимость и относительную социальную полезность при тех или иных конкретных условиях. Но она дает основания утверждать, что *прогрессивное развитие условий* человеческой жизни должно вести к ограничению и исключению принципа «наказания» из сферы воздействия человека на человека.

Всякая конкретная форма наказания подлежит особой критике в смысле своей специальной целесообразности: и здесь идея психического подбора позволяет в значительной мере предусматривать заранее размеры и характер действительного влияния данной формы «наказания» на психическое развитие человека. В виде иллюстрации мы остановимся на одном весьма распространенном методе «исправления» преступников, насчитывающем много сторонников между криминалистами, — на продолжительном одиночном заключении.

Сущность этого метода заключается в том, что к лишению свободы присоединяют еще другой источник страданий — прерывают всякое живое общение данного лица с другими людьми, отнимают у него привычные социально обусловленные впечатления. В результате получается настолько высокий отрицательный аффекционал, что лишь немногие сильные натуры могут вообще выдержать несколько лет такого «исправления», а на людей средних уже несколько месяцев налагают резкий отпечаток общего понижения жизни. В полудивилизованных странах, где физические пытки формально уже отменены, а свобода личности все еще рассматривается как некоторая *quantite negligeable*[114], одиночное заключение считается прекрасной заменой пытки на предварительном следствии, особенно по политическим преступлениям.

В этом смысле непосредственную целесообразность метода следует считать, несомненно, довольно значительной: разрушение психики, общий упадок жизненной энергии, а с нею и сопротивления всяким внешним, например следовательским, воздействи-

ям, достигаются обыкновенно в довольно высокой степени, что ярко сказывается и в громадном проценте психических заболеваний среди одиночно заключенных. Но с точки зрения каких бы то ни было положительных результатов метода картина представляется совершенно иная.

Все, что вырабатывается психическим подбором, вырабатывается из материала непосредственных, первичных переживаний, и в них находит свою границу. Это те переживания, в которых выражается прямое, ближайшее отношение психической системы к ее среде. Лишение свободы сводит их и количественно и качественно к *minimum*'у, ограничивая всю область доступной восприятию внешней среды ничтожным пространством тюремного заключения и его безжизненно однообразной обстановкой. Система одиночного заключения находит, однако, и этот *minimum* еще слишком большим и считает необходимым дальнейшее ограничение притока живых восприятий — у человека отнимают все, что могли бы дать ему путем общения другие люди, товарищи по судьбе и низ-

шие представители власти. Правда, при этом не исключается обыкновенно возможность работать, а также читать; но простая, механическая работа, какая только и совместима в громадном большинстве случаев с условиями одиночного заключения, через самое короткое время перестает быть источником *новых* впечатлений, — а чтение, дающее бледно абстрактные образы при посредстве слов, никогда не может сколько-нибудь заменить ярких переживаний «настоящей» жизни.

При чем же остается тогда «исправляемый»? Да очевидно — при своем *прошлом*.

Настоящего тут нет у человека — почти нет, потому что оно слишком ничтожно по своему положительному содержанию. И если психика недюжинно сильна, если ненормальные условия жизни не приводят к ее прогрессивному упадку и разложению, то не трудно предугадать, в каком смысле и направлении будет совершаться ее развитие. Резкое преобладание отрицательного подбора — жизнь, полная страданий, — обуславливает особенную силу и интенсивность *монистической* тенденции. Происходит строжай-

шая систематизация психического содержания вокруг одной определенной организующей идеи, связанной с одним определенным направлением воли. Складывается психика цельная и неуклонная, вырабатывается «железный» человек, если не «иудей», то «фанатик» или, во всяком случае, существо, не знающее колебаний и пощады в жизненной борьбе.

Между тем материалом для такой систематизации служит то самое жизненное содержание, которое раньше привело человека к конфликту с общественной властью. Можно, следовательно, с большой вероятностью ожидать, что и те итоги, которые подведет психический подбор в одиночном заключении, сведутся к идее, которая будет глубоко враждебна общественной власти; а если власть эта в данное время является действительным органом и выражением воли общества, то руководящая идея, вырабатываемая в «преступнике» при данных условиях, будет и глубоко антисоциальна. И нетрудно видеть, что тот небогатый жизненный материал, который само по себе дает одиночное заключение, как

нельзя более гармонирует с такой идеей, как нельзя лучше укладывается в ее рамки: ведь основное его содержание составляет враждебные и мучительные воздействия общественной власти на личность «преступника».

Таким образом, даются все условия для той — обыкновенно узкой и односторонней — цельности, которая так поражает нас нередко в людях, «благополучно» перенесших долгое одиночное заключение. Рядовой человек оппозиции превращается в сурового и грозного политического борца, отдающего всю жизнь на служение одной идее. Обыкновенный уголовный преступник становится страшным и жестоким «врагом общества». Это, конечно, не то, к чему стремится данная система «исправления». Но в сущности, она и вообще-то к какому бы то ни было «исправлению» стремится только в головах ученых криминалистов, реально же она стремится совсем к другому — разбить и ослабить психику «исправляемого» так, чтобы он, по недостатку сил, не мог быть особенно вреден; и в *большинстве* случаев это достигается, в *меньшинстве* — достигается то, что мы сейчас

описали. Задача исследователя, стоящего на нашей точке зрения, будет заключаться в том, чтобы отчетливо констатировать в подобных случаях факты, как они есть; их критика уже дана в них самих, раз известна основная закономерность их влияния на психическую жизнь.

Те же соображения, какие мы высказали по поводу одиночного заключения, относятся, с незначительными оговорками и изменениями, ко всякому продолжительному и суровому лишению свободы. Типы героев и вождей каторги, с их поражающей «преступной» цельностью, могут служить хорошей иллюстрацией нашей жизни.

Само собой разумеется, что как принципиальные, так и частные недостатки того метода психического воздействия на людей, который основан на «наказании», объективно уменьшаются по мере смягчения конкретных форм наказания, например от физического искалечения к лишению свободы, от лишения свободы к общественному порицанию. Но совершенно они никогда не устраняются, пока сохраняется сам метод. Таким образом,

возникает вопрос об ином методе преобразования человеческой души, более «экономичном» в смысле затрат энергии, а в то же время прямее ведущем к цели[115].

Чтобы не затягивать изложения новыми и новыми иллюстрациями нашего метода, мы не будем останавливаться на принципе «наград», естественно дополняющем собою принцип «наказания». Здесь основной недостаток тот же: кроме «желательной» ассоциации психических образов психике навязывается еще целый ряд иных, большей частью вовсе не «желательных»; но так как это достигается путем положительного, а не отрицательного подбора, то избегается другой коренной недостаток, свойственный принципу «наказания», — чрезмерная растрата энергии психической системы...[116]

Заканчивая свой ряд иллюстраций, мы остановимся на одной группе явлений, играющей громадную роль в процессах психической жизни и психического развития, — на явлениях труда.

IX

Труд есть *сознательно-целесообразная деятельность*. Это общепринятое определение мы сделаем исходной точкой нашего — по необходимости беглого — анализа.

Слово «деятельность» в этом определении выражает волевой, или, что, как мы видели, есть то же самое, иннервационный характер трудовых комплексов. Иннервация представляет из себя затрату энергии психической системы. Таким образом, труд как деятельность есть затрата энергии, а затрата энергии соответствует отрицательному аффекционалу психического комплекса. Значит ли это, что труд всегда «неприятен»?

Так было бы, если бы иннервационный комплекс всецело, без остатка заполнял собою поле сознания. Но в этом поле кроме него всегда имеются другие комплексы: во-первых, представление цели труда, почти всегда с положительной, «приятной» окраской, во-вторых, различные ощущения и восприятия, получаемые при процессе труда от внешней среды, а также ассоциированные с ними представления и т. д. Все эти сопутствующие комплексы могут обладать настолько

высоким положительным аффекционалом, что все поле сознания приобретает нередко характеристику «приятного»: труд тогда становится «наслаждением». Но если сопутствующие комплексы «безразличны», т. е. в совокупности обладают ничтожным аффекционалом, то сразу обнаруживается, что труд, как таковой, как затрата энергии обладает окраской «страдания». Недаром во многих языках понятия «труда» и «страдания» настолько близки между собою, что выражаются словами одного корня или даже одним и тем же словом.

Тут, впрочем, есть еще одно, для нас очень важное, осложняющее обстоятельство. При процессе труда затрата энергии в значительной — если не в большей — своей части совершается за счет «внесознательных» координаций, за пределами сознания. «Главная координация» лишь некоторой долей участвует в общей затрате энергии системы, — это становится очевидным, если мы будем рассматривать процесс труда с физиологической его стороны. «Центрами сознания» являются, насколько можно судить, только «высшие»

центры нервной системы, «низшие» же — спинно-мозговые, ганглиозные, субкортикальные — все или отчасти — служат центрами «бессознательных» реакций. Нам нет необходимости повторять, что с эмпириомонистической точки зрения тут не может быть и речи об абсолютно-бессознательном, что дело сводится к некоторой реальной *отдельности* низших ассоциативных координаций от главной. Для нас важно то, что при трудовых процессах низшие центры нервной системы являются ближайшим источником той иннервации, которая приводит в движение мускульный аппарат. Высшие центры в сфере «произвольных» действий играют по отношению к низшим двигательным центрам роль приблизительно разряжающей их гальванической батареи — дают толчок, ведущий к освобождению накопленной потенциальной энергии последних.

Можно поэтому с полным основанием принимать, что большая часть трудовых затрат энергии выполняется не за счет главной координации переживаний и что поле сознания окрашивается отрицательным аффекци-

оналом в несравненно меньшей степени, чем это было бы, если бы вся сумма происходящей иннервации «сознавалась»[117]. Понятно, что такой относительно слабый отрицательный аффекционал сравнительно часто может перевешиваться положительным аффекционалом сопутствующих переживаний, и труд тогда является «приятным». Однако до сих пор в истории человечества это отнюдь не наиболее частый случай.

Как было уже упомянуто, труд не есть просто иннервация, его необходимый момент составляет *сознание цели*. Анализировать понятие цели, излагать генезис реальной телеологии жизни мы здесь не станем, так как это много раз делалось другими и представляет вещи достаточно известные. Для нашей задачи существенно вот что. «Цель» есть комплекс-образ, который с большей или меньшей степенью ясности и полноты сопутствует всем волевым комплексам, входящим в данный процесс труда. Это — «представление», а не «восприятие», т. е. образ, не находящийся в непосредственном соотношении с какими-нибудь воздействиями среды, кото-

рые бы в нем ближайшим образом «отражались» и прямо его «вызывали» в психическом поле, а косвенное и *производное* отражение таких воздействий. Комплекс-«цель» обладает, вообще говоря, положительным аффекционалом или, по крайней мере, наименьшим отрицательным по сравнению со всеми, которые с ним конкурируют в данной психике. Именно благодаря такому аффекционалу цель, так сказать, фиксируется в сознании на время трудового процесса.

Представление цели «определяет» собою трудовые акты. Из числа возникающих волевых комплексов-стремлений в психике удерживаются и развиваются до степени «действий» те, которые находятся в соответствии с комплексом-целью, т. е. в соединении с ним представляют наибольший положительный или наименьший отрицательный аффекционал; те же, которые находятся в противоречии с этим комплексом, т. е., комбинируясь с ним, дают менее благоприятный аффекционал, устраняются в конкуренции с первыми. Ясно, что все это — прямой результат психического подбора, результат, который мог бы

быть теоретически предусмотрен на основании данного принципа.

«Цель» определяет собою трудовой процесс таким образом, что она им «достигается». Это значит, что в результате труда *представление* цели (осуществляемой) сменяется *восприятием* цели (как осуществленной). Отношение психической системы к ее «среде» существенно изменяется в определенном пункте: переживание, которое не имело для себя прямо соответствующего комплекса в этой среде, теперь его имеет; оно становится *непосредственным* переживанием. Колонист, положим, строит дом. Дом-цель есть только представление, более или менее бледный производный комплекс, образованный психикой из материала прежних непосредственных переживаний (восприятия раньше виденных домов и т. п.). Дом построенный означает массу непосредственных восприятий, первичных переживаний, являющихся в свою очередь живым материалом для еще большей массы переживаний вторичных, производных[118].

Труд как процесс достижения цели есть процесс *приспособления*. Другими словами, изменяя отношения комплексов «психики» и «среды», он изменяет их в сторону большей взаимной гармонии этих двух рядов. Так, постройка дома приводит к тому, что из психического опыта колониста устраняется масса восприятий «неприятного» характера — холод, сырость и т. д. и сменяется восприятиями «приятными». В результате является повышение жизнеспособности психической системы, возрастание ее энергии. Конечно, иногда труд дает совсем иные результаты. Но для вопроса о психическом развитии, его средствах и путях важно то, что относится к *полезному* труду, успешному, повышающему энергию системы.

Теперь наш анализ выяснил нам достаточное количество данных, чтобы, опираясь на идею психического подбора, сделать некоторые определенные выводы о значении полезного труда в деле преобразования психической системы.

Труд означает затрату энергии психической системы как со стороны ее главной («со-

знательной»), так и со стороны подчиненных, побочных («вне-сознательных») координаций. Затрата энергии ведет к отрицательному психическому подбору. И подбор этот совершается тогда не только в поле сознания. Как мы выясняли, *внесознательные координации переживаний организованы по тому же ассоциативному типу, по какому и главная координация; а следовательно, и они подлежат такому же психическому подбору.* Этот подбор не воспринимается в виде «удовольствия» и «страдания» по той же причине, по какой не воспринимается в таком виде психический подбор, протекающий в чужой психике, потому что он совершается в пределах иной координации, не той, которая составляет содержание психического опыта данного лица. Тем не менее он неизбежно совершается, и в разбираемом нами случае именно как подбор отрицательный. Естественно, что он приносит с собою и свою типическую тенденцию развития системы: это тенденция гармонизирующая, «монистическая». При этом ее действие простирается не только на главную координацию, но также не в меньшей или

даже в большей степени — на координации подчиненные, второстепенные.

В этом существенное отличие и жизненное преимущество данной формы отрицательного подбора перед всеми другими. Различные страдания, зависящие от жизненных невзгод, — горе, печаль, боль и т. п., — поскольку они не разрушают, а развивают психику, вносят в нее также монистическую, гармонизирующую тенденцию. Но совершенно не является необходимым, чтобы тенденция эта захватывала и низшие координации; во многих случаях даже на верное действие отрицательного подбора ограничивается областью «сознания», в других случаях оно, вероятно, распространяется и за ее пределы, но нельзя даже приблизительно судить, в каком направлении, на какие именно частные координации. Словом, здесь действие психического подбора либо узко и односторонне, либо сравнительно бессистемно, так что должно меньше поддаваться регулированию. При трудовых процессах оно в общем разносторонне, потому что шире захватывает психическую жизнь, и систематичнее, потому что

простирается на ряд координаций, жизненно связанных между собою отношением к определенной системе воздействий среды, к изменению которых направлен данный трудовой процесс.

С другой стороны, полезный труд характеризуется тем, что в конечном его результате является возрастание энергии системы, так что жизненный плюс, возникающий из новых отношений системы к ее среде, даже превышает общую сумму трудовых затрат энергии. А это, конечно, означает положительный психический подбор, по размерам своего действия не уступающий в данном случае отрицательному и следующий за ним во времени. Он приносит расширение психической жизни в сторону ассоциативного творчества и волевой активности. И опять-таки расширение это не так неопределенно и бессистемно, как при каких-либо случайно возникающих «радостях» и «наслаждениях»; здесь оно распространяется ближайшим образом на тот же ряд комплексов, который подвергается гармонизирующему действию отрицательного подбора, обусловленного данным про-

цессом труда.

Таково ближайшее влияние полезного труда на психическое развитие. Но существует еще влияние косвенное, быть может, еще более значительное и важное, хотя и менее определенное. Изменяются отношения «психики» к ее «среде», изменяется непосредственное содержание того и другого ряда комплексов опыта, и «среда» становится для «психики» источником новых и новых восприятий: возрастающий таким образом материал непосредственных переживаний становится исходной точкой для дальнейшего развития.

Величайший социолог в основу своей теории общественного развития положил такую мысль: изменяя в процессе труда природу внешнюю, человек изменяет свою собственную природу. Наш психогенетический анализ позволяет придать этой формуле более конкретное содержание: в процессе полезного труда человек изменяет свою природу в сторону возрастания гармонии и полноты своей жизни и изменчивости ее форм.

Действие психического подбора узко и случайно, как узко и случайно его поле — данное поле сознания. Действие это зачастую противоречиво: принося частную гармонизацию отдельного уголка системы, оно иногда увеличивает тем самым ее общую дисгармонию; развивая отдельную область психики, оно делает это нередко за счет других ее областей; оно же создает вредные для психики привычки и поддерживает губительные для ее жизни стремления. Оно есть стихийное явление.

В процессе труда — полезного труда — психический подбор получает определенное направление; и это направление есть жизненно-прогрессивное. Здесь психический подбор утрачивает свой стихийный характер — свою узость и неопределенность.

Труд преобразует психику. Это было давно известно и служило базисом для бесчисленных применений, рациональных и нерациональных[119]. Но в прогрессивном для жизни направлении изменяет психику только труд полезный. А полезным для развития с точки зрения личности, как отдельной психиче-

ской организации, может быть только такой труд, который вытекает из этой самой организации, из собственных и основных потребностей личности. Это труд в полном смысле слова «свободный», труд, цель которого не «навязывается» личности никаким «внешним принуждением», т. е. дисгармонически вступающим в ее опыт комплексом — насильем другого человека, властью голода, безразлично.

История ставит сложные вопросы, и она же их упрощает. В наше время она превращает вопрос о систематическом, планомерном, непрерывно прогрессивном развитии человеческой психики — в вопрос о *свободном* труде.

Две теории жизнеразности

В основу своей теории психического подбора я положил определенную психоэнергетическую идею: постоянное соответствие между «удовольствием» и повышением энергии центров сознания, с одной стороны, между «страданием» и понижением энергии — с другой.

Если теория психического подбора позволяет «объяснить», т. е. стройно систематизировать в упрощающих схемах, многое «необъясненное» или «менее объясненное» другими доктринами, то в этой самой теории следует видеть сильнейшее доказательство правильности моей энергетики удовольствия и страдания. Так ли обстоит дело в действительности, должна судить научная критика.

Но если бы удалось показать, что эта энергетика по существу неверна, то теория психического подбора, на нее опирающаяся, могла бы быть отвергнута уже а priori, без всякой детальной критики. Поэтому я обязан особенно внимательно считаться с возражениями против моего понимания связи между «аффекционалом» и изменениями энергии нервных центров.

Такие возражения делает А. Луначарский* в своем «Изложении критики чистого опыта» Р. Авенариуса. А. Луначарский защищает против меня учение Авенариуса об аффекционале, учение, по которому удовольствие связано с уменьшением жизнеразности, а страдание с ее возрастанием, все равно, будет ли

эта жизнеразность заключаться в перевесе «питания» над «работою» или наоборот.

Я с тем большей охотой пересмотрю аргументы Луначарского, что это даст мне повод привести новые общие доказательства правильности моей точки зрения.

* * *

Свою критику Авенариуса я начал с указания на то, насколько неудачно выбрал он понятие «питания» для характеристики одной стороны подвижного равновесия жизни, если другую его сторону он характеризует как «работу». Эти понятия просто не *соотносительны* друг другу: «питание» есть *доставка* к данному органу материалов для жизненной ассимиляции, но не сама эта ассимиляция, «работа» же есть *непосредственная дезассимиляция* энергии. Употребляя самое современное сравнение, понятия эти находятся в таком взаимном отношении, как рекрутский набор и потери людьми в битве: одно другим отнюдь не может прямо уравниваться, убитые и раненые не могут замещаться прямо рекрутами, армия должна «ассимилировать» это свое «питание», рекруты должны

обучиться и быть размещены по отрядам, чтобы стать настоящим «плюсом» армии в полном соответствии «минусу» потерь. Напротив, большое количество рекрутов может требовать отвлечения значительной части сил армии для их обучения, дисциплинирования и т. д., что для действующей армии составляет непосредственный минус, а не плюс. По этим соображениям, до очевидности простым и ясным, я предлагаю связывать в понятие «жизнеразность» более строгие и точные, а в то же время и вполне соотносительные понятия «усвоения» и «траты» энергии, ассимиляции и дезассимиляции.

Далее я указывал, что при таком логически законченном понимании жизнеразности вполне очевидным является *обратное* жизненное значение двух типов жизнеразностей: перевес усвоения над тратой есть повышение энергии жизни, возможность больших затрат в дальнейшем, непосредственное увеличение жизнесохранимости, перевес затрат — понижение энергии жизни, уменьшение жизнесохранимости. Для Авенариуса же всякая жизнеразность есть уменьшение жиз-

несохранимости, и самое большое, чего может достигать жизненная система в своей борьбе за существование, это «поддержание» себя «среди уменьшений жизнесохранимости», но отнюдь не увеличения жизнесохранимости.

Эти соображения Луначарский стремится разбить, напрягая все богатство своей критической фантазии, чтобы отстоять построения своего учителя. Луначарский пытается сначала доказать, что я не вполне понял Авенариуса, не постаравшись «охватить общий смысл» его учения. Он цитирует мою аргументацию (с. 99-101 в сб. «Эмпириомонизм». Кн. I. М., 1904) (в наст. изд., с. 62–63. — Ред.) и возражает так:

«Прежде всего критик косвенно заставляет думать, что фраза Авенариуса „либо уменьшение, либо поддержание системы при наличности уменьшений“ означает, что абсолютное уменьшение жизнеспособности констатируется как нечто неизбежное. Между тем смысл фразы совсем не таков: изменения системы С рассматриваются либо как *уменьшение* жизнесохранимости, либо как *поддер-*

жание ее, что очевидно уже исключает мысль об уменьшении, но так как это поддержание ее должно уже считаться с наличностью предшествующих и грядущих уменьшений (unter solchen Verminderungen), то, очевидно, оно должно являться новым типом жизнесохранимости» («Изложение критики чистого опыта», с. 60).

Ухищрения Луначарского бесплодны, потому что явным образом обходят вопрос. Я указываю, что у Авенариуса отсутствует понятие об *увеличении* жизнесохранимости[120], так как ее уменьшению противоплагается «поддержание системы». Луначарский говорит, что это «поддержание» означает «новый тип» жизнесохранимости, который может являться высшим, т. е. в сущности представляет большую жизнесохранимость, что и иллюстрирует своими примерами. При этом он увлекается до того, что предлагает «поддержанию системы» считаться не только с «предшествующими», но и с «грядущими» уменьшениями жизнесохранимости. Как он ухитрился вычитать это из трех слов «unter solchen Verminderungen», это для меня загад-

ка, но вполне очевидно, что система С как *физический* комплекс не может «считаться» ни с чем «грядущим» и что уменьшение есть уменьшение, но поддержание отнюдь не есть увеличение; по крайней мере это несомненно по отношению к Авенариусу с его классической точностью выражений. Сущность дела заключается в *абсолютном* характере понятия жизнесохранимости у Авенариуса: всякое колебание жизни для него есть «уменьшение» жизнесохранимости, а устранение этого колебания — только «поддержание», т. е. остановка в уменьшении. Противопологать же количественному «уменьшению» качественный «новый тип», как делает в увлечении Луначарский, строгий формалист Авенариус, разумеется, не был бы способен.

Луначарский смутно чувствует, что он, собственно, подменил Авенариуса и прилагает специальные усилия, чтобы устранить такое подозрение. Но тут дело выходит еще хуже: раньше он, по крайней мере, переделывал Авенариуса, приспособлял его к себе, человеку более позднего и потому более высокого в целом мировоззрения, а теперь, дока-

зывая отсутствие такого извращения, он невольно начинает приспособлять уже и свои взгляды к формулам Авенариуса, искажая свое эволюционное мировоззрение. Вот что он говорит:

«Напрасно А. Богданов стал бы утверждать, что мы извращаем смысл учения Авенариуса. Пусть он припомнит теорию „совершенной константы“, и тогда учение Авенариуса о развитии предстанет ему самому в следующем виде: во чреве матери, этом святилище сохранения жизни, организм существует в почти идеальных условиях, т. е. ничто не нарушает течения жизни младенческого организма, конечно маленькой и узенькой. И вот организм выталкивается в новую среду, где он подвергается тысяче враждебных влияний: чтобы продолжить жизнь, он должен развить огромную систему предохранительных форм, расширить и обогатить свою жизнь (а вместе и свое сознание), стремясь стать и к этой, бесконечно многообразной среде в те же почти идеальные условия, т. е. он должен приспособиться к изменчивой и бесконечно богатой действительности и при-

способить ее к себе так, чтобы жизнь его стала протекать гармонично, чтобы ничто не казалось ему „тайной“, „неожиданностью“, „опасностью“, ничто не угрожало бы страданием, не оскорбляло бы безобразиями. Путем роста и развития мозга, с одной стороны, и творческой обработки действительности — с другой, человек идет к идеальному равновесию между потребностями своими и средой: да, почти идеальное отношение, какое мы находим во чреве матери, мы должны вновь приобрести в будущем, а пока мы осуществляем его лишь приблизительно и крайне несовершенно: некогда же весь широкий мир станет „священным святилищем жизни“, но жизни бесконечно усложняющейся, ибо приспособленной не к чреву матери, а к бесконечной природе».

«Это достойный идеал! Жаль, что А. Богданов не захотел понять прекрасные мысли учения нашего философа и так небрежно отнесся к его теории развития» (с. 61, 62).

Отвечаю категорически: идеал — *не* достойный, мысли — *не* прекрасные. Жить в святилище *сохранения* жизни, маленьком

или большом, я не стремлюсь, да и сам Луначарский, подумавши, откажется, конечно, от этой квартиры.

Бесконечный *рост* жизни совсем не то, что ее идеальное *сохранение* во чреве матери-природы. Перманентная *возможность успешной борьбы* за удовлетворение новых и новых порождаемых ударами и ласками этой матери потребностей совсем не то, что «идеальное *равновесие* между потребностями и средою». Если Луначарский скажет, что он подразумевает в числе этих потребностей и потребность в развитии, росте, расширении жизни, то это будет игра слов: как можно тогда говорить о «равновесии потребностей со средою», потребность в развитии означает именно отсутствие этого равновесия, она им исключается, если только не понимать ее мистически, как внутреннее стремление, имманентное человеческой душе. В отсутствии равновесия потребностей и среды лежит в конечном счете исходная точка всякого возможного развития.

Итак, я могу только повторить свое обвинение против теории Авенариуса:

«В формулировке Авенариуса чувствуются остатки консервативного, статического понимания жизни, того, которое шаг за шагом устраняется в развитии эволюционного мышления».

Я даже прибавлю теперь новое обвинение: «Формулировка эта имеет свойство запутывать в сеть остатков консервативного мышления даже тех, в общем чуждых статике мыслителей, которые, увлекаясь излишним пиететом по отношению к своему покойному учителю, стараются во что бы то ни стало отстоять все его построения».

Дальше Луначарский пытается защитить понятие Авенариуса о жизнеразности со стороны его логичности:

«А. Богданов восстает против термина питание, он хочет, чтобы Авенариус говорил об ассимиляции энергии и ее расходе. Если бы Авенариус не затемнял вопроса термином „питание“, то для него было бы ясно, что ассимиляция энергии, в каком бы то ни было количестве, никогда не была бы излишней, а расход ее всегда понижает жизнесохранимость, утверждает критик.

Но в данном случае А. Богданов рассуждает совершенно абстрактно, отрывается от фактов и потому начинает себе самому противоречить.

Что является условием возможно большей ассимиляции энергии? Может ли эта ассимиляция происходить как-то сама по себе?

Нет! Если не единственным, то бесконечно наиважнейшим источником того материала, из которого черпается ассимилируемая энергия, является питание. Возможно ли, однако, признать, что ассимиляция энергии прямо зависит от количества питания? Нет! Напротив, при условии покоя, отсутствии работы данного органа ассимиляции не происходит. Это признает и Богданов. Итак, работа есть необходимая предпосылка дальнейшей ассимиляции, т. е. существуют случаи, когда работа является необходимостью, когда отсутствие ее безусловно означало бы *понижение* жизнесохранимости. В этих случаях в наличности должна быть жизнеразность, отражаемая в сознании как потребность в движении, в работе, как *Arbeitsbedurfniss*, *Mehrarbeitsbedurfniss* [потребность в труде,

потребность в увеличении объема труда (нем.)). И в опыте мы встречаем соответственное чувство на каждом шагу. Теория А. Богданова оставляет совершенно необъяснимым огромный ряд относящихся сюда фактов (игра, творчество — плод Σχολη, вся роскошь жизни как исход для *избытка сил*).

Но очевидно, что при недостаточном питании потребность в расходовании никогда не могла бы ощущаться» и т. д. (там же, с. 62–63).

Начну с восстановления своих мыслей. Я никогда не утверждал, что «ассимиляция энергии в каком бы то ни было количестве никогда не излишня, а расходы ее всегда понижают жизнесохранимость», как это по недоразумению приписывает мне Луначарский.

Я строго различал *непосредственное* повышение или понижение жизнесохранимости, совпадающее с той или иной жизнеразностью, от *косвенных* ее результатов, которые могут быть иногда и прямо противоположными. Я старательно выяснял, что ассимиляция, совершаясь недостаточно гармонично, может так изменить строение системы, что

система станет менее устойчивой и перейдет к сильным колебаниям в противоположную сторону, в сторону растрат энергии. Я указывал примеры такого рода (сплин как результат долгой привольной жизни и т. п.), причем сравнивал такие явления с кризисами перепроизводства в экономической жизни: рост производительных сил капиталистического общества есть, конечно, непосредственный жизненный плюс для него, однако при известных условиях именно этот рост приводит к еще большим их растратам, к некоторой экономической деградации.

Авенариус, а за ним Луначарский никак не желают различать *непосредственных* изменений жизнесохранимости от *последующих результатов* этих изменений; и такое же смешение несправедливо приписал мне Луначарский.

Кроме того, Авенариус и Луначарский упорно смешивают, а я не желаю этого делать, *источник* или *условие* ассимиляции — питание — с самой этой ассимиляцией.

Из этих двух смешений и возникают аргументы Луначарского. Он говорит: «Существу-

ют случаи, когда работа является необходимостью, когда отсутствие ее означало бы понижение жизнеспособности». Прекрасно, что же из этого? Есть случаи, когда работа — затрата энергии — необходима для надлежащей ассимиляции или для предупреждения гораздо больших затрат энергии на внутреннее перегруппировки в самой системе. Есть случаи, когда надо затратить лишний капитал, чтобы получить гораздо большую прибыль; следует ли из этого, что затрата капитала *непосредственно* повышает его величину или что чрезмерная прибыль является для капитала болезненной жизнеспособностью, что она понижает социальную жизнеспособность капитала? Аналогия, очевидно, полная.

Луначарский думает, что игра, творчество и т. п. полезные затраты при «избытке сил» не укладываются в рамки моей теории. Но чего же проще? «Избыток сил» накопился от положительных жизнеспособностей, от перевеса усвоения над затратами. Его накопление совершалось не идеально-гармонично и привело к менее устойчивому равновесию системы; всякие дальнейшие толчки вызывают

уже повышенную растрату энергии. Но эта растрата может совершаться разными путями, с одной стороны, при помощи химических и физических реакций, не переходящих за пределы системы С, с другой стороны — при помощи иннервационных реакций, приводящих в движение разные подчиненные органы. В первом случае, когда система С, так сказать, варится в собственном соку, — растрата энергии не порождает никакого плюса жизни, это только растрата, отрицательная жизнеразность: система С «страдает» от избытка сил, не применяемых для внешних реакций, но тем не менее расходуемых внутри системы и в ее ближайшей физиологической среде. Во втором случае, когда «избыток сил» тратится во внешний мир, это приводит к непрерывным переменам в отношениях организма к его среде, а следовательно, к новым и новым «впечатлениям». Эти последние могут либо сами быть прямым источником ассимиляции для системы С (поскольку энергия раздражений задерживается и накапливается в клетках — совсем особый род «питания»), либо косвенно вызывают в ней повышение ас-

ассимиляции как ее «физиологический стимул» (изменяя химическое состояние нервных клеток, с одной стороны, физические условия кровообращения в мозгу — с другой). В обоих случаях для центров сознания может установиться положительная жизнеразность, перевес усвоения («игра, творчество — приятны»), хотя организм в целом больше тратит, чем усваивает (перевес работы низших двигательных центров, изнашивание мускулов и других тканей). Однако через некоторое время затраты других органов и тканей, возрастая и изменяя их физиологическое состояние, начинают отражаться и на центрах сознания: получают уже не те, гармонически-стимулирующие ассимиляцию впечатления, а иные, дисгармоничные, ведущие к увеличению затрат энергии центров сознания[121]. Тогда перевесу ассимиляции приходит конец, система С «утомлена», «игра, творчество перестали быть приятными».

Образцом поспешности можно считать заявление Луначарского, что «при недостаточном питании потребность в расходовании, очевидно, никогда не могла бы ощущаться».

Недостаточное питание, уменьшая жизненную устойчивость системы, на каждом шагу приводит к усиленному расходованию энергии, как и в любой общественной системе недостаток средств обыкновенно приводит к излишним при более нормальных условиях затратам[122]. А «ощущение потребности» в расходовании, согласно современным психофизиологическим теориям, именно и означает, что это расходование уже началось, но еще не вышло за пределы системы, не проявилось во внешнем мире. «Очевидно», что «при недостаточном питании потребность в расходовании» может и зачастую должна «ощущаться».

Идем за нашим критиком дальше: «Много ударов наносит А. Богданов по учению об аффекционале, стараясь доказать, что удовольствие сопутствует ассимиляции, а неудовольствие — диссимиляции энергии. Однако при этом им совершенно упускается факт, что, например, бодрому, свежему человеку доставляет удовольствие бегать, прыгать, бороться, решать задачи и загадки и т. д., для усталого же все это прямо мука. Этот пример с очевид-

ностью доказывает, что один и тот же процесс (будь то ассимиляция или трата энергии) может сопровождаться разным аффекционалом — факт, вполне ясно истолковываемый Авенариусом и совершенно непонятный с точки зрения А. Богданова (с. 63)».

Ответ на это замечание, в сущности, уже только что дан мною. Не могу, однако, не обратить внимания критика на то, как быстро и легко устанавливаются у него, говоря на авенарианском языке, «иденциалы». Один и тот же процесс! Да ведь в том-то и дело, что в системе С при «бегании» бодрого и утомленного человека протекают совсем различные процессы, имеющие только одну общую, да и то не в смысле полного тождества, часть: иннервацию известного ряда произвольных мускулов. Неужели одного и того же слова «беганье» достаточно, чтобы установить тождество процессов? Пиетет — хорошая вещь, но не надо увлекаться.

Я указывал, между прочим, на то, что биологическая роль аффекционала для той точки зрения, которую я защищаю, вполне ясна и понятна: выражая прямо понижение или

повышение энергии системы С, он выступает как жизненный стимул, в первом случае для борьбы против неблагоприятных условий, во втором — для стремления к поддержанию условий благоприятных. Напротив, с точки зрения Авенариуса, роль эта довольно спорна и даже загадочна: он отмечает не возрастание или понижение энергии системы, а только отклонение от равномерности в этом возрастании или понижении. Система С может равномерно истощаться или равномерно расти и становиться сильнее — без всякого указания на это со стороны аффекционала. Аффекционал должен получаться отрицательный (страдание), когда система от более медленного роста и усиления переходит к более быстрому, и положительный (удовольствие), когда дело происходит наоборот. Во всех таких случаях аффекционал оказывается биологически несостоятельным, что малопонятно и маловероятно для современной теории развития.

Луначарский на это отвечает:

«Однако это так и есть в действительности: человек *привыкает* к болезни, униже-

нию, нищете и иногда почти не замечает того хронического физиологического или социального недуга, который медленно ведет его к гибели. Аффекционал действительно дает далеко не точные указания относительно медленных процессов, да и вообще это не такой уж надежный руководитель: так, сам А. Богданов констатирует на следующей странице, что самочувствие больного маниакальной экзальтацией бывает приятно, и приводит другие подобные примеры» (с. 64).

Луначарский не видит, что «привыкание к болезни, нищете, страданию» происходит совсем не так и не в таком смысле, как это следовало бы из представлений Авенариуса. Кто «привык» к нищете и уже «не чувствует» ее, тот просто от более высокого уровня жизни с более значительными затратами энергии перешел к более низкому уровню, где недостаток усвоения уравнивается меньшей тратой. «Привыкший» к нищете живет в ней часто долгие и долгие годы, что было бы немислимо, если бы растраты энергии все еще сколько-нибудь значительно превышали ее ассимиляцию.

Те случаи, когда человек «не чувствует» болезни, даже губительной, ничего в пользу Авенариуса не говорят. Система С далеко не то, что весь организм, и нередко разрушительные процессы в других органах и тканях не производят на нее непосредственно разрушительного, понижающего ее энергию влияния либо в силу отсутствия в этих органах и тканях воспринимающих нервных аппаратов, либо в силу раннего паралича или разрушения этих аппаратов, либо в силу относительно большего сопротивления на проводящих путях, либо, наконец, просто в силу того, что одновременно с понижением энергии системы С, отражающим болезненные процессы, происходит, благодаря разным другим причинам, не меньшее ее повышение. При туберкулезе, например, даже само специфическое отравление организма его ядом, по-видимому, нередко стимулирует жизнь системы С так, что ее энергия в ходе болезни довольно долго не понижается, а повышается.

Эти случаи, таким образом, ничего не говорят за Авенариуса. Но другие, из той же области, говорят прямо против него.

Вы обожгли себе руку, отраженным путем (раздражение, сжатие сосудов) в системе С устанавливается большая *отрицательная* жизнеразность: затраты превышают усвоение, положим, на 1000 единиц энергии. Понемногу организм справляется с поранением, отрицательная жизнеразность системы С уменьшается: 900 единиц, затем 800 единиц и т. д. По Авенариусу, страдание должно смениться приятным самочувствием. Но в действительности этого, увы, нет: боль остается болью, она только слабеет сообразно понижению жизнеразности. С точки зрения моей психоэнергетики это так и должно быть... [123]

Но чего уже окончательно нельзя допустить — это «ненадежности» аффекционала, о которой говорит Луначарский. Он, по-видимому, допускает, что аффекционал может ошибочно отражать непосредственное состояние системы С, как показывает его ссылка на мой пример с маниакальной экзальтацией. Это — форменный отказ от научного познания.

Между состоянием системы С и «фактом сознания» нет ничего третьего, что могло бы создавать несоответствие между ними. Аффекционал должен *абсолютно верно* отражать состояние той системы, с которой он связан, но конечно — ее *непосредственное* состояние; входить в оценку возможных результатов этого состояния он не может, ибо он не сознающая душа, а непосредственная функция непосредственного физиологического факта. Радость маниакального больного *верно* отражает непосредственное повышение энергии его мозгового аппарата, и никакой ошибки со стороны аффекционала тут нет. Ошибается, очевидно, не аффекционал, а Луначарский.

Признать, что аффекционал иногда путает, — значит признать связь системы С с фактами сознания *не однозначной*, случайной; это скрытая персонификация сознания и допущение некоторой «свободы воли» для аффекционала. Вот куда забирается Луначарский, стремясь защитить безнадежное дело.

Но в сущности все эти предпосылки уже заключаются в самой авенарианской теории

аффекционала. Схема ее такова: на средней линии жизненного равновесия сидит аффекциональное божество и смотрит, приближается ли к этой линии ход жизненного процесса или удаляется; в первом случае оно довольно, во втором недовольно, и ему нет дела до того, с какой стороны идет приближение и удаление, справа или слева, сверху или снизу. Два противоположных случая оно оценивает одинаково. Оно понятия не имеет о строго однозначной связи. И Луначарский упорно хочет верить в это неосновательное божество. Право же, не стоит.

Я указывал, что само возникновение жизнеразностей, т. е. удаление от идеального равновесия, несомненно сопровождается иногда удовольствием, именно тогда, когда жизнеразность положительная. Я приводил такой пример: «Человек находится в спокойном, безразличном настроении; и вдруг почта приносит ему известие, которого он вовсе не ожидал, но которое кажется ему очень хорошим; или вдруг случайная комбинация мелких обстоятельств наталкивает его на открытие, к которому он вовсе не стремился, но

которое кажется ему ценным. Какие при этом устраняются жизнеразности? Совершенно наоборот, они возникают, но это жизнеразности положительные» (наст. изд., с. 65).

Что же отвечает на это Луначарский?

«Что значит, что известие *кажется человеку хорошим*? Очевидно, это значит, что оно полезно ему, т. е. разрешает какую-либо скрытую жизнеразность. Хорошим человек называет то, что так или иначе способствует уравновешению его мозга. Если бы *открытие* или *известие* не имело никакого отношения к моим *потребностям*, то оно было бы бесполезно и безразлично для меня, но, конечно, открытие, хотя и удовлетворяет моим потребностям, в то же время ставит предо мною много частных жизнеразностей, задач по части его применения, и отсюда очевидно, что ему обрадуется лишь человек, вообще *радующийся труду*, потому что этот труд у него является „физиологическим стимулом“ к дальнейшему питанию отдельных частей мозга; тот, у кого нет скрытой жизнеразности перенаполнения, даже получив наследство или согласие любимой женщины на брак, ду-

мает прежде всего о беспокойствах и хлопотах» («Изложение критики чистого опыта», с. 64).

Догматический характер возражения очевиден. «Хорошим человек называет то, что способствует уравниванию его мозга» лишь в том случае, если этот мозг устроен по авенариански. Строго эволюционная точка зрения может принять только такое положение: хорошим человек называет то, что повышает энергию его мозга. В какой из этих двух точек зрения невидимо, но несомненно присутствует статический идеал — это легко сообразит Луначарский. Но тут выясняется еще одна важная вещь.

Читая Авенариуса, я не раз колебался относительно того, что выражает у него «жизнеразность» — *процесс* или *предмет*. То мне казалось, что это строго диалектическое соотношение: разность во всякий данный момент между прибывающей и утекающей энергией. То мне казалось, что это статический факт: накопился излишек питания и лежит без движения — жизнеразность; произведен излишний расход и еще не возмещен — жизне-

разность. У Авенариуса есть данные и для того и для другого понимания. Луначарский, очевидно, принимает второе: «жизнеразность *перенаполнения*» и т. п.

Но такое понимание научно непригодно. Излишек, недочет — понятия бухгалтерские, там с ними удобно иметь дело; биологии нужны непрерывно текущие величины, ей нужны, говоря алгебраически, *производные, выражающие жизнь как процесс*[124]. Понятия накопленного излишка, недочета могут временно годиться как очень неточные вспомогательные понятия, но сделать их основными невозможно.

Луначарский полагает, что моей точке зрения противоречит факт «сладкой меланхолии»: я сам указывал, что эмоция печали по ее физиологическим условиям связана с перевесом затрат энергии мозга над ее усвоением. Но Луначарский думает так только потому, что факт «сладкой меланхолии» он берет без всякого анализа.

«Сладкая меланхолия» слагается из двух элементов: приятных образов и печальных мыслей. Человек с приятной болью вспоми-

нает о близком и дорогом существе, с которым его разлучила жизнь или смерть. Самый образ этого существа интенсивно приятен и будит ряд других эмоций, например сенсуального характера; а боль от разлуки притупилась и ослабела, эмоция печали неинтенсивна. Если первая сторона психического состояния перевешивает вторую, то перед нами и выступает «сладкая меланхолия»; если нет, то психика настоящим образом страдает. Но печаль и в первом случае остается печалью, т. е. эмоцией страдания; она *уменьшает* величину приятной эмоции. Устраните эту печаль, например, уверенностью в скором свидании, и тогда психическое состояние немедленно станет гораздо более «сладким». Все это вполне согласуется с психоэнергетической точкой зрения.

Остается еще один, последний конкретный аргумент, направляемый против моей теории Луначарским:

«Для того чтобы окончательно показать, как легко, приводя отдельные казуистические возражения, доказать как раз положения противника, укажем А. Богданову еще

один факт. Аскет не имеет возможности удовлетворить своей потребности в повышенной жизни, потребности, являющейся результатом перенакопления энергии (долговременного отсутствия ее расходования), поэтому ему рекомендуется в одно и то же время мыслить о смерти, о скорбях жизни, оплакивать крестные страдания Христа и вместе с тем предаваться благочестивым упражнениям (бдению, посту, коленопреклонениям и даже самобичеваниям). Что же это такое, как не стремление одновременно усилить *расходование* энергии и искусственно вызвать эмоцию печали, т. е. сокращение сосудов, о котором говорит А. Богданов. Однако же то и другое доставляет наслаждение и приводит аскета к желанной внутренней гармонии. Итак, „физиологический абсурд“ оказывается действительностью» (там же, с. 66).

Так, так! За 10 лет бессонных ночей, голода, самобичевания и всяких зверств, которые проделывал над собой аскет, у него получилось «перенакопление» энергии, которую он и старается дальнейшими зверствами израсходовать, что для него в высшей степени при-

ятно... Хорош аскет, занимающийся «перенакоплением», чтобы потом наслаждаться по ренгельерскому рецепту Авенариуса! Позволю себе заступиться за аскета.

«Сокращение сосудов» не доставляет аскету никакого удовольствия, да и все самоистязания тоже «приятны» ему отнюдь не сами по себе, а постольку, поскольку они ассоциированы с мыслью о высших наслаждениях, каковая мысль связана отнюдь не с сужением сосудов соответственных частей мозга. «Подвиги» аскета служат средством достигнуть этих высших наслаждений, которые являются аскету в форме экстаза. Экстаз же есть эмоция, весьма родственная радости, с одной стороны, сексуальному наслаждению — с другой, эмоция, прямо противоположная боли и «сокращению сосудов». Достигается она таким образом: при помощи истязаний и печальных размышлений аскет долгое время удерживает питающие сосуды головного мозга в судорожно-суженном состоянии, а нервные клетки — в таком относительном истощении, при котором становится возможной очень быстрая и сильная ассими-

ляция, раз только достаточное питание будет налицо. Затем в известный момент, может быть, как результат истощения вазомоторных центров долгим напряженным состоянием, в котором они находились, поддерживая сужение периферических сосудов, может быть, иным — рефлекторным путем, наступают крайнее расслабление, почти паралитическое состояние мелких артерий и капилляров мозга. Просвет этих сосудов расширяется до крайности, и «питание» ганглиозных клеток резко возрастает, а трата оказывается значительно уменьшенной уже в силу того, что прекратилось судорожное сжатие бесчисленных кольцевых волокон сосудов мозга. Нового возрастания трат не происходит, за исключением некоторых судорожных сокращений в произвольных мускулах. Побледнение лица, аналогичное тому, какое наблюдается у многих, особенно у малокровных и истощенных людей при крайней радости, можно легко объяснить себе таким образом: чрезмерный прилив крови к мозгу оставляет обескровленными сосуды головной периферии — мускулов и кожи, потому что и мозг, и эта пе-

риферия получают питание из общих главных шейных артерий. Таким образом, для системы С устанавливается громадная положительная жизнеразность, что и выражается в святой радости аскета, по своей глубине и остроте превосходящей даже половые наслаждения.

Между прочим, Авенариус объясняет удовольствие полового акта тем, что он восстанавливает нарушенное в период воздержания равновесие нервно-половых центров. Удивительно, как Авенариус не видит, что если даже для этих центров равновесие восстанавливается путем растраты энергии в половом акте, то для всей системы С в ее целом оно резко нарушается: та страшная буря, которая проносится по всей вазомоторной и двигательной системе, слишком мало похожа на «восстановление равновесия». И опять-таки, с моей точки зрения, здесь все просто: сильнейшее переполнение мозга кровью при учащенном пульсе означает громадную положительную жиз-неразность, в которой тонут иннервационные растраты энергии в судорожных движениях произвольных мускулов.

Резюмирую. Та концепция жизнеразности и аффекционала, которую принимает, следуя большинству старых физиологов, Р. Авенарисус, должна быть отвергнута по следующим основаниям:

1. Она нелогична в основе, ее исходные понятия «питание» и «работа» не соотносительны между собою, а понятие жизнеразности выступает в ней то с динамическим значением, то со статическим.

2. Она принимает не однозначную, а двузначную связь психических процессов с физиологическими.

3. Она находится в противоречии со многими фактами. Взамен этой теории я дал другую, родоначальником которой я считаю Спинозу, а основным материалом для которой дан, по моему мнению, воззрениями Мейнерта и отчасти теорией эмоций Джемса-Ланге.

Относительно этой чисто энергетической теории жизнеразности и аффекционала вполне очевидно, что она совершенно чужда обоим формальным недостаткам теории Авенарисуса. Что касается до ее отношения к фактам, то я полагаю, что все изложенное мною

прежде[125] и только что данный мною разбор возражений Луначарского показывают, что с настоящими противоречиями она до сих пор, по крайней мере, не сталкивается.

Эвристическое и рабочее значение этой теории я иллюстрировал пока учением о психическом подборе. Но это, конечно, только ближайшее из ее применений.

Все, что до сих пор дала критика моей теории, подтверждает, на мой взгляд, справедливость той мысли, что *теория эта для нашего времени является интегрально необходимой частью эмпириомонистического мировоззрения.*

Книга третья

Предисловие

Этой книгой я заканчиваю изложение основ того философского миропонимания, которое возникло у меня в течение ряда лет из всего доступного мне материала науки и жизни как его необходимая систематизация.

Среди невиданного исторического цикла, глубоко потрясающего старый мир, для громадного большинства зрителей и участников борьбы философские интересы бледнеют и отступают на отдаленный план. Даже в рядах единственного в наше время *по существу философского* политического течения — марксистского — у многих и многих обнаруживается то наивно-практическое настроение, которое выражается в обычной фразе: «Теперь не до философии!»

Тов. Бельтов с большой силой выступил против такого теоретического равнодушия и был глубоко прав в этом. Надо ясно видеть, чтобы верно идти; и широкий горизонт тем более необходим, чем дальше цель пути и

чем стремительнее движение. Значение философски выдержанного миропонимания возрастает вместе с интенсивностью окружающей жизни и важностью происходящих событий, в которых нам приходится участвовать. Те товарищи, которые считают несущественной зависимость между философской теорией и политической практикой, уже делают серьезную теоретическую ошибку и рискуют в дальнейшем сделать не менее серьезные практические ошибки.

Все это несомненно; и только не надо из этого делать вывода об обязательности философского единомыслия всех товарищей. Философские оттенки в рамках общего социального мировоззрения так же необходимы для развития партии, как оттенки тактические в рамках общей программы и критическое отношение к самой этой программе. Впрочем, все то настолько элементарно, что не нуждается в доказательствах, хотя и требует иногда напоминания.

Как ни ошибочна формула «теперь не до философии!», но если ее рассматривать не как норму, а как простую констатацию фак-

та — и очень печального факта, — то она окажется почти верна. Тому, кто живет в вихре событий, трудно найти место, время, настроение для спокойного и объективного философского анализа. Мне лично за последние 1 1/2 — 2 года при величайших усилиях не удалось сколько-нибудь систематично заняться этой субъективно-необходимой для меня работой, пока тюрьма Его Величества не дала мне досуга для этого. Но тут для меня стали недоступны многие источники; и очень вероятно, что отсюда возникли в данной работе крупные пробелы, которых в иной обстановке можно было бы избежать.

За те же самые 1 1/2 года раньше вышедшие части этой работы (к ней, кроме двух первых книг «Эмпириомонизма», следует отнести также книги «Из психологии общества» и «Новый мир») встретили со стороны некоторых товарищей энергичную полемику, правда не столько в форме обстоятельной критики, сколько в форме многократного неодобрения. Поскольку мне удалось выяснить для себя мотивы этой полемики и ее больше подразумеваемые, чем определено

высказанные аргументы, постольку я теперь же дам на нее ответ. Но ввиду отрывочности этой полемики мне было бы неудобно ограничиться тем, чтобы проследивать ее кусочек за кусочком: тогда и мой ответ превратился бы в утомительный ряд полемических обрывков. Чтобы избежать этого, я решил систематизировать свой ответ в форме сжатого изложения того пути, на котором я пришел к своим философским воззрениям.

Я избираю эту форму, конечно, не потому, что в истории своего личного философского развития усматриваю какой-нибудь особенный интерес, но просто потому, что в такой схеме всего легче стройно и отчетливо нарисовать линию моего расхождения с моими уважаемыми противниками и в порядке разобрать их недоразумения. Впрочем, возможно, что в этом изложении найдутся и кое-какие черты, типичные вообще для развития того поколения марксистов, к которому я принадлежу.

1. Три материализма

В то время, когда жизнь в лице товарищей-рабочих натолкнула меня на озна-

комление с историческим материализмом Маркса, я занимался главным образом естественными науками и был горячим сторонником того мировоззрения, которое можно обозначить как «материализм естествоиспытателей». Эта несколько примитивная философия недаром была когда-то идейным знаменем суровых демократов — «нигилистов»: в ней много своеобразного радикализма, много родственного всем «крайним» идеологиям.

Стремясь достигнуть строгого *монизма* в познании, это мировоззрение строит свою картину мира всецело из одного материала — из «материи» как объекта физических наук. Атомистически представляемая материя в своих разнообразных сочетаниях, в своем непрерывном движении образует все содержание мира, сущность всякого опыта, и физического и психического. Неизменные законы ее движения в пространстве и времени — последняя инстанция всех возможных объяснений. К монизму, таким образом, присоединяется строгая тенденция *научного объективизма*, и отсюда — крайняя вражда этой философии ко всем фетишам религиозных и

метафизически-идеалистических мировоззрений. От такой философии поистине нелегко отказаться, и даже когда это сделаешь, невольно продолжаешь сохранять к ней особенную симпатию, невольно выделяешь ее среди всех других.

Но социальный материализм Маркса предъявил моему мировоззрению такие требования, которым старый материализм удовлетворить не мог.

А между тем это были требования, справедливость которых нельзя было отрицать и которые к тому же вполне соответствуют объективной и монистической тенденции самого старого материализма, только ведя ее еще дальше. Надо было *познать свое познание*, объяснить свое мировоззрение, и, согласно идее марксизма, это было возможно и обязательно сделать на почве социально-генетического исследования. Было очевидно, что основные понятия старого материализма — и «материя», и «неизменные законы» — выработаны в ходе *социального* развития человечества, и для них как «идеологических форм» надо было найти «материальный базис». Но

так как «материальный базис» имеет свойство изменяться в развитии общества, то становится ясным, что всякие данные идеологические формы могут иметь лишь исторически-преходящее, но не объективно-надисторическое значение, могут быть «истиной времени» (*объективной истиной*, но только в пределах известной эпохи), а ни в каком случае не «истиной на вечные времена» («объективной» в абсолютном значении слова). С таким положением старый материализм совместить нельзя; его «неизменные законы» движения материи, сама «материя» как основное понятие, его «пространство» и «время» как театр действия этих неизменных законов и движения «материи» признаются абсолютными, а без этого все мировоззрение теряет свой смысл — оно желает быть безусловно *объективным познанием сущности вещей* и несовместимо с исторической условностью всякой идеологии.

Я сказал, что для меня марксизм заключает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин. Но, как известно, дале-

ко не все марксисты держатся этого «крайнего» мнения — скорее даже, меньшинство. В этом отношении любопытно отметить резкое различие, доходящее почти до противоположности, взглядов Фр. Энгельса и взглядов его авторитетного ученика Н. Бельтова. Энгельс в «Анти-Дюринге» высказывается *почти* в том смысле, в каком я характеризовал сейчас относительность истины. По поводу «endgultige, ewige Wahrheiten» Дюринга (вечные, окончательные, безусловные истины)* он посвящает несколько страниц полному иронии анализу, выводы которого очень неутешительны для этих истин[126]. Энгельс делит всю область знания на три части и относительно каждой из них резюмирует положение особо; эти резюме я и приведу текстуально.

В области «точных» наук — математики, астрономии, механики, физики, химии — «безусловные истины становятся с течением времени замечательно редки» (S. 82). «С геологией дело обстоит еще хуже» (S. 82).

В области наук о живых организмах — «кто желает установить действительно неиз-

менные истины, тот вынужден будет довольствоваться такими банальными (Plattheiten), как, например: все люди должны умереть, все самки млекопитающих имеют млечные железы и т. п. Он даже не будет иметь права сказать, что высшие животные переваривают желудком и кишечным каналом, а не головой, потому что деятельность нервного аппарата, централизованная в голове, необходима для пищеварения» (S. 83).

В третьей, социально-исторической группе наук, исследующей развитие материальной культуры, права, нравственности, религии, искусства и т. д., положение еще менее утешительно: «Познание здесь относительно по существу, так как оно ограничивается выяснением связи и последовательности определенных общественных и государственных форм, существующих лишь в данное время и для данных народов. Здесь для охотника на вечные, неизменные истины добыча будет плохая — самые плоские банальности, самые бессодержательные общие места, — например, что люди, говоря вообще, не могут жить без работы, что до сих пор они большей ча-

стью разделялись на господствующих и подчиненных, что Наполеон умер 5 мая 1821 года и т. д.» (S. 84).

Совершенно иначе смотрит на дело тов. Бельтов. Правда, он не употребляет громких выражений вроде «ewige Wahrheiten leizter Instanz»[127], но он вполне допускает существование «объективных истин», которые, будучи раз установлены, уже не могут быть изменены дальнейшим развитием познания, а разве только «дополнены и подтверждены»; и такие истины он усматривает даже в «социально-исторической» группе наук, приводя в качестве примера марксовскую теорию денежного обращения. Ясно, что дело идет отнюдь не о «самых плоских банальностях и общих местах», а о самых настоящих научных теориях, которые, с точки зрения изложенного взгляда Энгельса, ни в каком случае не могут быть признаны неизменными на будущие времена[128]. Кто же именно прав, Энгельс или Бельтов?

Относительно — прав, разумеется, Энгельс; и нужна очень большая склонность к догматизму, чтобы утверждать, что в таком

сложном, запутанном вопросе, как теория денежного обращения в современном обществе, достигнута надысторически-объективная истина, которая в дальнейшем не может уже испытать существенных изменений. Я, конечно, вполне признаю марксовскую теорию денежного обращения за «объективную» истину для *нашего* времени, т. е. признаю «общезначимость» этой теории для *современного* человечества: опираясь на нее в практике и в познании, мы не приходим к противоречиям и несообразностям, а, напротив, достигаем тех целей, осуществление которых зависит от правильного понимания данного вопроса. Но будет ли это совершенно так же для следующих поколений, с более широким опытом — мы не знаем; *да и кому решать?* Один авторитет тов. Бельтова тут недостаточен, а *убедительность* и даже *очевидность* положений теории еще ничего такого не доказывают.

В самом деле, что могло быть для людей прежних времен убедительнее той мысли, что Солнце ежедневно проходит по голубому небесному своду с востока на запад? «Очевид-

ность» полнейшая, какой лучше и желать нельзя. Делая эту «истину» исходной точкой своей практики (и дальнейшего познания), никто в те времена ни к каким противоречиям и несообразностям не приходил. Ясно, что это была «объективная истина» того времени, гораздо более несомненная и бесспорная, чем теория денег для нашего времени. Но что стало с той незыблемой и очевидной объективной истиной? Идею движения Солнца наука совершенно перевернула, а голубой свод неба разрешился в оптическую иллюзию. Кто же нам поручится, что с менее убедительными и менее очевидными объективными истинами тов. Бельтова не случится того же?

Для объективной истины *надьисторической* — критерия нет в нашем «историческом» мире, и потому не только не прав тов. Бельтов, но и Энгельс не прав в своей нерешительности, в том, что он сквозь всю свою иронию признает какие-то, хотя жалкие, «вечные истины». Во-первых, разве «Plattheiten» можно называть «Wahrheiten»? Разве «плоскости» — истины? Истина — это живая организующая форма опыта, она ведет

нас куда-нибудь в нашей деятельности, дает точку опоры в жизненной борьбе; разве «банальности», поскольку они «плоски», подходят к этой характеристике? $2 \times 2 = 4$ — не истина, а тавтология, два обозначения одного и того же; а поскольку самое знакомство с различными обозначениями этой комбинации может дать нам что-нибудь новое, постольку и здесь выступает все та же относительность; например, по «троичной» системе счета 2×2 не 4 — там такого символа и не окажется, а $2 \times 2 = 11$. Между тем что невозможного в «троичной» системе? Ведь существует же рядом с десятичной двенадцатеричная, а у некоторых низших племен, кажется, пятеричная, и т. д. $A = A$, вечная истина логики, — чего она стоит? что дает? как ею руководиться в действиях? Она либо ни к чему не ведет, либо ведет даже к заблуждениям, заставляя иногда смешивать тождество символов с тождеством явлений, ими обозначаемых.

«Все люди должны умереть...» Да, мы не видим исключений. А вот протисты умирают далеко не все: умерла ли клетка, которая слилась с другой в акте конъюгации или которая

разделилась надвое в кариокинезисе? А между тем ее уже нет. Кто может ручаться, что будущие поколения не найдут иного способа «разрешения» жизни, кроме того, какой мы наблюдаем теперь в грубом кризисе смерти? Не говорю уже о том, что психиатру нередко приходится дважды наблюдать смерть одного и того же человека, что вносит уже изменение в приведенную «Plattheit»[129]. А «двойственные личности»? «Умерла» ли та личность Фелиды, которая в конце концов исчезла, уступив место другой ее личности?

«Все самки млекопитающих имеют млечные железы». Как известно, млечные железы представляют только своеобразное развитие сальных железок кожи. Поэтому нет ничего невероятного в таком индивидуальном или даже видовом уклонении, при котором «млечных» желез не окажется, а окажутся только обыкновенные сальные, хотя наблюдать такого случая *еще не приходилось*.

«Наполеон умер 5 мая 1821 года». Что это за «истина»? И что в ней «вечного»? Констанция единичного соотношения, которое, пожалуй, уже для нашего поколения не имеет

никакого реального значения, не может служить исходной точкой ни для какой деятельности, никуда не ведет. Называть такие вещи «вечной истиной» — значит издеваться над идеей «вечной истины», что Энгельс, собственно говоря, и делает, но, к сожалению, недоговаривая до конца.

Критерия «объективной истины» в бельтовском смысле не существует, истина есть идеологическая форма — организующая форма человеческого опыта; и если мы с несомненностью знаем это и знаем, что материальные основы идеологии изменяются, содержание опыта расширяется, имеем ли мы какое бы то ни было право утверждать: вот эта идеологическая форма никогда не будет преобразована развитием ее объективных основ, вот эта форма опыта не будет разорвана ее растущим содержанием? *Последовательный марксизм не допускает такой догматики и такой статики.* Только непоследовательность допускает здесь эклектические оговорки, как у Энгельса: «вечных истин» мало, и они становятся все реже, притом очень плохие и т. д.; или как у Бельтова: «Никакой рок

не сдвинет нас с открытой, наконец, правильной точки зрения» («К развитию монистического взгляда на историю», с. 176).

Итак, от старого «материализма естественников» приходилось отказаться и искать чего-нибудь лучшего в области философии; а это было нелегко. Принято как-то презрительно говорить об этом материализме; может быть, в Германии он действительно так «вульгарен и опошлен», как это полагает Энгельс; но что в России он был далеко не таков, об этом свидетельствуют и далеко не пошлые образы тургеневского Базарова или героев Чернышевского, и живые фигуры такого калибра, как, положим, профессор Климентий Тимирязев. Этот материализм, подобно марксизму, был силен еще тем, что он не довольствовался словами и пустыми схемами, а требовал содержательных монистических объяснений. В этом отношении он зачастую оказывается выше даже, например, эмпириокритицизма. Я невольно вспоминаю по этому поводу один разговор с Тимирязевым, разговор случайный и, вероятно, им уже забытый. Речь шла о наследственности приобретенных

свойств. Тимирязев сказал, что наследственность такого рода несомненно доказана для некоторых случаев, но что она *еще не объяснена*. «Еще остается найти, — прибавил он, — те „крючочки“ и „зубчики“, которые, зацепляясь, производят эту наследственность, и узнать, как именно они зацепляются». Так говорил естественник-материалист. А, например, Авенариус вполне удовлетворился бы голдой констатацией явления такой наследственности, ведь он в своей «Критике чистого опыта» постоянно сводит развитие приспособлений к какой-то «*Ubung*», к «упражнению», считая совершенно излишним вопрос, каким же именно путем действует эта лamarксистская «*Ubung*». Насколько больше познавательной требовательности и строгости в картинном выражении материалиста о «зубчиках» и «крючках»!

Эта самая требовательность помешала мне и принять другой философский материализм — очищенный и разбавленный, тот, который от имени Маркса при помощи цитат из Гольбаха излагает тов. Бельтов.

Основу и сущность материализма, по словам тов. Бельтова, представляет идея о первичности «природы» по отношению к «духу». Определение очень широкое, и в данном случае это имеет свои неудобства. Что называть «природою» и что «духом»? Если под «природою» понимать неорганический мир и низшие ступени развития жизни, под «духом» — высшие ступени жизни, например человеческое сознание, то для всякого освободившегося от пеленок грубой мифологии, для всякого знакомого с современным положением естественных наук «материализм» неизбежен. Но тогда в «материалисты» придется зачислить очень многих, не добившихся этой чести. Пантеиста Спинозу тов. Бельтов уже успел присоединить к этой фирме, энергетика Оствальда он, кажется, тоже склонен завербовать туда же, и притом вполне справедливо. С Махом и эмпириокритицистами у тов. Бельтова упорное недоразумение — он их считает идеалистами, а между тем с точки зрения его формулы это — строгие материалисты. Всякий из них скажет, что «дух», т. е. высшие проявления человеческого сознания

ния, — результат долгой эволюции из низших форм, соответствующих понятию «природы» у тов. Бельтова. Правда, эти низшие формы тоже комплексы «элементов», таких же, как элементы «психического ряда»; но так как это в одинаковой мере и элементы «физических комплексов», то ничего специфически «духовного» в них нет: элементы, и только [130]. Наконец, таинственные «эмпириомонисты», о которых говорит нередко тов. Бельтов... Я лично знаю пока в литературе только одного — некоего А. Богданова; но зато его знаю очень хорошо и могу поручиться, что его взгляды вполне удовлетворяют сакраментальной формуле первичности «природы» над «духом». Именно он рассматривает все существующее как непрерывную цепь развития, низшие звенья которой теряются в «хаосе элементов», а высшие, нам известные звенья представляют *опыт людей*, «психический», и — еще выше — «физический опыт» [131], причем этот опыт и возникающее из него познание соответствуют тому, что обыкновенно называют «духом».

Я даже не поручился бы за панпсихистов вроде Макса Ферворна, что они не попадут в царство небесное материализма. Дело в том, что, признавая «психичность» всего существующего, панпсихист может, однако, противопоставлять его низшие формы, неорганизованные или слабо организованные, как «природу» формам высшим как собственно «духу». Если мне скажут, что «психическое» и «дух» вообще одно и то же, то я замечу, что это — вопрос употребления терминов; ведь называют же высшие потребности человека «духовными» в противоположность низшим «материальным», хотя и те и другие являются «психическими», поскольку они «ощущаются».

Вообще, самая слабая сторона того критерия, который тов. Бельтов считает достаточным для определения «материалистичности» философских взглядов, заключается в его смутности и расплывчатости. Понятия «природы» и «духа» настолько неопределенны, их антитеза может быть принята в таких различных смыслах, что строить на таком базисе основную характеристику мировоззрения

совершенно невозможно; или уж надо заранее дать ясные и точные определения обоих понятий, чего тов. Бельтов не делает и что чрезвычайно трудно выполнить в действительности.

Впрочем, виноват! — я выразился не вполне точно. Тов. Бельтов *дает* определения «духа» и «материи» (или «природы»)… Но посмотрим, что это за определения, и можно ли даже обозначать их этим термином.

«В противоположность „духу“, „материей“ называют то, что, *действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения*. Что же именно действует на наши органы чувств? На этот вопрос я, вместе с Кантом, отвечаю: вещи в себе. Стало быть, *материя есть не что иное, как совокупность вещей в себе, поскольку эти вещи являются источником наших ощущений*». («Критика наших критиков», сб. статей, с. 233).

Итак, «материя» (или «природа» в ее анти-тезе с «духом») определяется через «вещи в себе» и через их свойство «вызывать ощущения, действуя на наши органы чувств». Но что же такое эти «вещи в себе»? То, что, «дей-

ствуя на наши органы чувств, вызывает в нас ощущения». Это все. Иного определения вы у тов. Бельтова не найдете, если не считать, вероятно, подразумеваемой отрицательной характеристики: не «ощущения», не «явления», не «опыта».

Что же тут сказано? Да ровно ничего... Если откинуть «органы чувств», которые попали сюда совершенно некстати и о которых у нас речь будет особо, то у нас получается: «материя», «природа», «вещи в себе» — это то неизвестное, чем вызывается все известное; и больше об этом неизвестном мы ничего не знаем. Далек ли мы ушли? «Усыпительная сила есть то, что вызывает сон». Перед нами, очевидно, одна из «вечных истин» в самом печальном значении этого слова.

«Позвольте! — возражает тов. Бельтов. — Мы многое знаем о „вещах в себе“. Во-первых, они существуют, и притом вне нашего опыта. Во-вторых, они подчинены закону причинности — могут „действовать“... В-третьих, *формам и отношениям их между собою соответствуют формы и отношения явлений, как „иероглифы“* тому, что ими обозначается»

(там же, с. 234). Первые два пункта можно прямо оставить в стороне — в них воплощена вся бессодержательность основного определения: пусть «усыпительная сила» существует и по закону причинности действует на нас, вызывая сон; что прибавляет это к тому факту, что нам случается спать, раз «сила» эта лежит вне опыта? Важен третий пункт, который поэтому я особенно тщательно формулировал в подлинных выражениях тов. Бельтова. На нем мы и остановимся.

Прежде всего насколько содержательно это положение? Пусть мы узнали, что характер и продолжительность сна «соответствуют» форме и степени действия на нас «усыпительной силы», причем ни об этой форме, ни об этой степени никакого конкретного представления мы составить не имеем возможности, потому что все это вне опыта, а можем о том и другом только умозаключать, опять-таки на основании тех же фактов, какие у нас уже были, — «эмпирического» характера и «эмпирической» продолжительности сна. Много ли мы узнали? Да ровно ничего не узнали. Мы только к сну «эмпирическому»

прибавили, под именем «усыпительной силы», сон «интеллигибельный» как его «причину», нам недоступную, — больше ничего.

Но с этим «ничего» у нас получается затем «нечто», и притом нечто странное. Тут говорится о «форме» и «отношениях» вещей в себе. Значит, предполагается, что они обладают и тем и другим. Прекрасно. А имеют ли они «вид»? Нелепый вопрос! — скажет читатель: как можно иметь форму, не имея никакого вида? ведь это два выражения одного и того же. Я тоже так думаю. Но вот что мы читаем в примечаниях т. Плеханова к русскому переводу «Людвига Фейербаха» Энгельса:

«...Но ведь и „вид“ есть именно результат действия на нас вещей самих по себе; *помимо этого действия, они никакого вида не имеют.* Поэтому противопоставлять их „вид“, как он существует в нашем сознании, тому их „виду“, какой они будто бы имеют на самом деле, — значит не отдавать себе отчета в том, какое понятие связывается со словом „вид“... Итак, вещи сами по себе никакого вида не имеют. Их „вид“ существует только в сознании тех субъектов, на которых они дей-

ствуют...» (с. 112, изд. 1906 г., того же года, в котором вышел цитированный сборник «Критика наших критиков»).

Поставьте в этой цитате вместо слова «вид» всюду слово «форма», его синоним, в данном случае вполне с ним совпадающий по смыслу, и тов. Плеханов блестяще опровергнет тов. Бельтова.

Но через минуту тов. Плеханов жестоко мстит себе за тов. Бельтова:

«...Что такое *для меня* улитка? Часть внешнего мира, действующего на меня известным образом, обусловленным моей организацией. Стало быть, если я допускаю, что улитка так или иначе „видит“ внешний мир, то я вынужден признать, что тот „вид“, в каком представляется внешний мир улитке, сам обуславливается *свойствами* этого реально существующего мира...» (там же, с. 113. — Курсив мой).

Свойствами! Да ведь «свойства» предметов, к числу которых относится и их «форма», и вообще их «вид», — эти «свойства», очевидно, «именно результат действия на нас вещей самих по себе, помимо этого действия, они

никаких „свойств“ не имеют!»! Ведь понятие «свойства» совершенно такого же эмпирического происхождения, как понятия «вид», «форма», — это их родовое понятие, оно взято из опыта так же, как и эти понятия, и тем же самым путем отвлечения! Откуда же «свойства» у вещей самих по себе? «Их „свойства“ существуют только в сознании тех субъектов, на которых они действуют»!

Вот уж, поистине, не успела улитка переползти со страницы на страницу, как тов. Плеханов отрекся от «вечной истины».

Так из формальной пустоты понятия рождается клубок недиалектических противоречий.

Какое же в конце концов получается определение для «материи» и «духа» в их антитезе? Только одно: материя есть то, что, действуя на органы чувств, производит ощущения (т. е. «дух»). Что касается «органов чувств», то они, очевидно, взяты здесь не как явление, а как соответственная «вещь в себе», иначе они тоже результат действия какой-то вещи в себе на какую-то другую вещь в себе. Значит, материя есть то, что, действуя на ма-

терию, порождает «дух»; или — материя есть причина, а дух — следствие; или — материя есть то первичное, по отношению к чему дух есть вторичное. Мы благополучно вернулись к той самой формуле, которую надо было разъяснить при помощи определений «материи» и «духа»: определения оказались простыми ее повторениями.

И эту коллекцию «вечных истин» признать философией марксизма? Никогда!

Приходилось искать дальше.

2. Энергетика, эмпириокритицизм

Во всяком случае, материалистическая атомистика была, очевидно, несовместима с крайним динамизмом марксистского мировоззрения — с его «диалектичностью».

Поэтому враждебная атомизму, но в остальном очень родственная старому материализму «энергетика» Оствальда привлекла самые горячие мои симпатии. Скоро я заметил, однако, важное противоречие его «натурфилософии»: подчеркивая много раз *чисто методологическое* значение понятия «энергии», он сам его в массе случаев не выдерживает. «Энергия» из чистого символа со-

отношений между фактами опыта у него то и дело превращается в *субстанцию* опыта, в «материю мира». Я постарался выяснить себе причины противоречия, в котором к тому же нередко уличал и себя, когда рассматривал различные вопросы философии с энергетической точки зрения[132].

Сущность дела заключается в том, что энергетика действительно дает монизм, но только *монизм метода*, монизм нашего способа исследования. Собственно *картины мира* она не дает. «Материал» мира для нее безразличен; с ней вполне совместим и старый материализм, и панпсихизм. Когда «энергию» представляют как субстанцию, то это есть не что иное, как старый материализм минус абсолютные атомы — материализм с поправкой в смысле *непрерывности* существующего. Очевидно, одной энергетике для мировоззрения оказывалось мало, хотя принять ее надо было безусловно. Надо было искать еще...

Приблизительно к тому же времени относится мое ознакомление с кантианским критицизмом, старым и новым. Но здесь взять

было почти нечего. Я очень скоро понял схоластический характер этой философии с научными претензиями, но без научной основы и не мог серьезно относиться к ее бесчисленным и бесполезным «теориям познания». На каждом шагу я встречал наивную веру в возможность вывести что-то важное из голого анализа понятий — веру Ансельма Кентерберийского, даже у таких полупозитивных мыслителей, как А. Риль; и я чувствовал невольное негодование, читая, например, его поистине невежественное рассуждение о том, что сумма энергии в природе должна быть ограничена, потому что она неизменна, а неизменной может быть только конечная величина.

Конечно, как всякая схоластика, новое кантианство дает большую практику в логическом анализе, его полезности в этом специально-гимнастическом смысле отрицать не приходится; точно так же можно у писателей этой школы найти иногда дельные мысли, не стоящие, однако, в прямой связи с внутренней логикой кантианства, а просто навеянные научными знаниями авторов. По суще-

ству же занимавшего меня вопроса учиться тут было нечему.

Знакомство с эмпириокритицизмом помогло мне сделать шаг дальше.

Эта школа все построение картины мира сводит к систематизации опыта при постоянной критике его содержания. Она подчеркивает тождество *элементов* опыта психического и физического (цвета, тона, иннервационные элементы или элементы формы, элементы твердости, тепла и холода и т. д.), тождество даже целых комплексов этих элементов в той и другой области (например, «тела» и их «восприятия») и находит, что все различие сводится к характеру связи комплексов или элементов между собою. Задача познания, по мнению эмпириокритицистов, заключается в описании связи элементов и комплексов, описании возможно простом, точном и систематичном и пригодном для *предвидения* хода явлений в возможно большем числе случаев. Для этой цели требуется, чтобы описание охватывало наибольший возможный материал опыта и устраняло из него все «субъективное и случайное», все *индивидуальное* как в

смысле особенностей той или иной личности, так и в смысле обстоятельств, момента наблюдения. В этом «очищении» опыта и заключается его критика.

Здесь мне надо обратить внимание еще на одно обстоятельство, характерное для школы: в «критике» опыта она рассматривает общество людей как заранее данный момент, как своего рода «a priori», и, стремясь создать возможно простую и точную картину мира, она вместе с тем имеет в виду и всеобщую пригодность этой картины, ее практическую удовлетворительность для возможно большего числа «сочеловеков» на возможно более продолжительное время. Уже из этого видно, насколько ошибочно тов. Плеханов обвиняет эту школу в тенденции к *солипсизму*, к признанию только индивидуального опыта познающего человека, к признанию этого индивидуального опыта за *Universum*, за «все», что существует для познающего. Для эмпириокритицизма характерно именно признание *равноценности* «моего» опыта и опыта моих «сочеловеков», насколько он мне доступен путем их «высказываний». Тут имеется свое-

го рода «гносеологический демократизм» (хотя еще нет гносеологического «социал-демократизма». Об этом я буду говорить дальше).

Наиболее, кажется, заподозренный нашими отечественными философами в «идеализме» и «солипсизме» из всей этой школы есть ее истинный родоначальник Эрнст Мах (который сам, впрочем, эмпириокритицистом себя не называет). Посмотрим, как рисуется ему картина мира.

Universum для него — бесконечная сеть комплексов, состоящих из элементов, тождественных с элементами ощущения. Эти комплексы изменяются, соединяются, распадаются: они вступают в различные сочетания по различным типам связи. В этой сети есть как бы «узловые пункты» (мое выражение), места, где элементы связаны между собою плотнее и гуще (формулировка Маха); эти места называются человеческими «я»; им подобны менее сложные комбинации — психики других живых существ. Те или иные комплексы вступают в связь этих сложных комбинаций — и тогда оказываются «переживаниями» различных существ; затем эта связь на-

рушается — комплекс исчезает из системы переживаний данного существа; затем он может вновь вступить в нее, может быть, в измененном виде, и т. д. Но во всяком случае — как подчеркивает Мах — тот или иной комплекс еще не перестает существовать, если он исчез из «сознания» той или иной особи, он выступает в иных комбинациях, может быть, в связи с другим «узловым пунктом», с другим «я»...

Ясно, что усмотреть в этой картине «солипсизм» — дело чрезвычайно смелое. А что касается «идеализма» — можно ли говорить о нем только на том основании, что элементы «физического опыта» признаются тождественными с элементами «психического», или элементарными ощущениями, — когда это просто несомненный факт. Отрицание же «вещей в себе»... Но мы видели, какой толк из их признания получается в картине мира у тов. Бельтова; а сам тов. Бельтов своей остроумной и популярной критикой показал, как это делали, впрочем, раньше его некоторые позитивисты, что у Канта признание «вещей в себе» ведет к еще более печальным результа-

там.

Так или иначе, но от эмпириокритицизма, как наиболее строгой из существовавших форм позитивизма, мне было что взять для своего мировоззрения. Его «критика опыта» была самой удобной исходной точкой для дальнейшей работы. «Буржуазно-интеллигентским» происхождением этого идейного течения смущаться приходилось так же мало, как тов. Бельтов мало смущается еще более буржуазным направлением Гольбаха: буржуазная философия не есть «критянин», который всегда лжет... Но что именно следовало взять?

Не говоря уже о той громадной *научно-критической* работе, которая была выполнена отдельными представителями этой школы (особенно Махом в области физики и физиологии внешних чувств), можно было вполне согласиться и с некоторыми из основных положений, имеющих прямое отношение к общей картине мира. Таково прежде всего то положение, что элементы опыта сами по себе не являются ни *физическими*, ни *психическими* и что та или другая из этих двух характе-

ристик зависит всецело от связи, от *типа комбинации* элементов. Самую антитезу физического и психического типа связи элементов тоже можно было принять, но тут уже выступало сомнение и вопрос: действительно ли эти типы совершенно несводимы ни один к другому, ни оба к какому-нибудь третьему и откуда их различие? Для эмпириокритициста достаточно констатировать это различие, схематически описать его как различие «независимого» и «зависимого» рода; вопрос «почему?» эта форма позитивизма устраняет, о сколько-нибудь законченном монизме она не заботится. В этом пункте должно уже начаться расхождение между эмпириокритическим и марксистским мышлением; это последнее не довольствуется констатацией двух типов, но непременно ищет их монистического — или, что то же, — их причинного объяснения.

Затем, присматриваясь к составу и строению «физических» комплексов и *соответственных* им «психических» («тело» и «восприятие тела» или «представление» о нем), легко было убедиться, что их соотношение

далеко не так просто, как его формулирует, например, Мах, — что это отнюдь не простое равенство или тождество или полный параллелизм. Нет, физический комплекс «тело», например «человеческий организм», гораздо богаче содержанием, чем простое «восприятие» или «представление» человеческого организма. «Физический» комплекс *суммирует в себе* содержание бесчисленных отдельных восприятий, объединяет это колеблющееся содержание в гораздо более устойчивое целое. «Физический» комплекс «человеческое тело» включает, так сказать, всю анатомию, всю гистологию, всю физиологию человека; а «восприятие» человеческого тела всегда дает лишь ничтожную часть всего этого; и даже «представление», хотя оно может быть гораздо содержательнее восприятия, никогда все-таки не охватывает сразу хотя бы значительную часть материала, принадлежащего к «физическому телу».

Словом, отношение «физического» и «психического» приходилось радикально пересмотреть, и не только потому, что невозможно было примириться с тем *дуализмом связи*

опыта, на котором вполне успокоились эмпириокритицисты, но также и потому, что в самом характере этой связи обнаруживались обстоятельства, не соответствующие их формам и наталкивающие на исследование.

Так была поставлена задача «эмпириомонизма»[133].

3. Путь эмпириомонизма

Еще в то время, когда марксистское мировоззрение было для меня в значительной мере чуждо, мне всегда становилось смешно от рассуждений тогдашних *soûdisant* [так называемых (фр.)] критических марксистов* о том, что марксизм еще «философски не обоснован» и что, разумеется, они это сделают. Эти почтенные схоластики со свойственной им проницательностью не понимали, что прежде всего философия — как завершение системы знаний — *должна быть сама обоснована* на всей сумме опыта и науки; и если марксизм представлял собой верную научную теорию, а органически связанной с ним философии не было, то надо было *марксистски обосновать философию*, марксистски выработав ее, разумеется, но никак не обосно-

вызвать марксизм на какой-то философии. Старый материализм, обосновавший себя на естественных науках, правильно понимал отношение науки и философии.

Поэтому все, что у меня оставалось от прежних взглядов, и все, что мне казалось правильным в новых для меня идеях, я, сделавшись марксистом, весьма тщательно проверял с точки зрения социальной философии Маркса, пока не овладел ею настолько, чтобы *прямо* применить ее к общепhilosophским вопросам.

Я нашел, что у меня нет никакого основания отказываться от прежнего стремления искать базис для философии в естественных науках. Совершенно напротив: марксистская философия должна быть прежде всего именно *естественно-научной*. Ведь естественные науки — *это идеология производительных сил общества*, потому что их базисом служат технический опыт и технические науки; согласно же основной идее исторического материализма, производительные силы общества представляют базис его развития вообще. Но было также ясно, что марксистская филосо-

фия должна отражать и *социальную форму* производительных сил, опираясь, очевидно, на науки собственно «социальные».

Что касается понятий «материи» и «духа», то от них пришлось отказаться уже не только потому, что они смутны и неопределенны. Исследуя их социальный генезис начиная с эпохи всеобщего анимизма, я пришел к выводу, что в них отражается вполне определенная, исторически преходящая форма социально-трудовых отношений — авторитарная форма, разъединение организаторской и исполнительской функции, из которых первая фетишистически обобщается в понятии активного «духа», вторая — в понятии пассивной «материи». Понятие же «вещи в себе» оказалось метафизически-преобразованным на почве новых (товарно-меновых) отношений понятием «духа» или «души», причем лишь долгий путь этого преобразования сделал возможными такие *qui pro quo*, как отождествление у многих материалистов «материи» с «вещью в себе», со скрытою «душою» явлений, с истинным «ноуменом» [134]. Искать монизм на этом пути было безнадежно.

Далее, было очевидно, что «энергетика» вполне гармонирует с основными тенденциями марксизма не только своей монистической формой, но еще более самым своим содержанием: принцип превращения и сохранения энергии есть идеологическое выражение сущности *машинного производства*, заключающейся именно в применении *количественно-данного* запаса энергии для целей труда путем *преобразования* этой энергии в новые формы. Но это мог быть только *методологический монизм*, точно так же как практическая энергетика машинного производства выражает лишь *единство социально-трудовых методов*.

Всего этого оказывалось еще мало для построения целостной картины мира. Эмпириокритицизм предлагал определенный материал для этой картины — элементы опыта, чуждые сами по себе окраски исконного дуализма «физического» и «психического» мира. Был ли это пригодный и достаточный материал для философа-марксиста?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо было знать, каким требованиям должна удовлетво-

рять вообще эта картина мира, каково ее жизненное значение. А так как она во всяком случае является *идеологической формой*, то приходится решать более общий вопрос — каково жизненное значение идеологии, чем определяется ход ее развития и каковы условия наибольшей ее жизнеспособности.

Исследуя эти вопросы методами исторического материализма, я пришел к следующим выводам: 1) идеологические формы суть *организующие приспособления социальной жизни*, а в конечном счете (прямым и косвенным путем) именно *технического процесса*; 2) поэтому развитие идеологии определяется потребностью в организующих приспособлениях социального процесса и *наличным материалом* для них; 3) жизнеспособность же их зависит, следовательно, от того, насколько гармонично и стройно организуют они в действительности социально-трудовое содержание[135].

Но тут я не мог не считаться с теорией идеологического развития, предложенной тов. Бельтовым. Это — теория «реакций», по его мнению, успешно дополняющая основ-

ную концепцию исторического материализма. Рассмотрим эту теорию.

По воззрениям тов. Бельтова, основу сменяющихся идеологических форм составляет смена классов и социальных групп. Это, конечно, совершенно верно для классовых обществ и совпадает как с основными положениями исторического монизма вообще, так и специально с нашей точкой зрения — изменяется «организуемое» содержание социально-классовой жизни, изменяются в зависимости от этого и «организующие» формы. Но дальше начинается «дополнение» тов. Бельтова. Идеологи нового класса или группы в своей борьбе с предшествующей идеологией неминуемо стремятся стать к ней в возможно более отрицательное отношение, стремятся «сделать напротив» предыдущим идеологам и увлекаются в противоположную крайность: в своей реакции против односторонней прежней идеологии создают новые, противоположные односторонности. Только после такого колебания между «крайностями» (или даже нескольких колебаний) какая-нибудь новая идеология, находясь в более благо-

приятных условиях, может установить «объективную истину», которая и остается навсегда.

Примеры. Меркантильная школа, идеологи неразвитых форм капитала, считали деньги *единственной истинной ценностью*; Юм, идеолог более развитого, мануфактурного, капитализма, в стремлении «сделать обратное» меркантилистам дошел до отрицания ценности денег и признания их просто за *условные знаки*, выражающие ценность других товаров. Затем Маркс, уже не увлекаясь стремлением «сделать обратное» Юму, устранил обе крайности и создал «объективно-истинную» теорию денег — товара. Во Франции материализм просветителей был реакцией против религиозности старой аристократии, а идеализм утопистов XIX века — реакцией против материализма просветителей. В Англии в XVII веке увлечение аристократов материализмом было реакцией против религиозности мелкобуржуазных революционеров...

Если рассматривать теорию тов. Бельтова с чисто формальной точки зрения, то сначала получается впечатление недостаточности и

неопределенности в одном очень важном пункте: неясно, какие именно стороны и части прежней идеологии должны вызывать против себя реакцию и крайности новой идеологии и как далеко может идти эта реакция, эти крайности. Если бы дело шло только о тех сторонах и тех частях обеих идеологий, в которых выражается прямое жизненное противоречие соответствующих классов или групп, и если бы пределы «реакции» определялись всецело формами и степенью этих действительных противоречий, то в теории *не было бы ровно ничего нового* по сравнению с основной историко-материалистической концепцией. Поэтому приходится думать, что «реакция» идет дальше этих рамок, и стремление «сделать обратное» предшествующим идеологам действует на развитие новой идеологии *как особая, самостоятельная сила*, присоединяющаяся к силе практических классовых и групповых противоречий. Иллюстрации тов. Бельтова вполне подтверждают эту мысль; из них даже можно сделать вывод, что эта особая сила «реакции» может идти и против классового типа мышления, и против

классовых интересов, вообще против «базиса» идеологии. В самом деле, соответствует ли материализм классовой психологии английских аристократов? Очевидно, нет — он слишком сильно одарен *просветительными* свойствами, ненавистными для класса, господствующего при помощи грубой силы, а также невежества масс, и слишком слабо — *авторитарным* духом, выражающим самое дорогое для этого класса. И с точки зрения *интересов* аристократии распространение материализма весьма невыгодно. А между тем английские аристократы, чтобы «сделать обратное» благочестивым революционерам, впали в материализм...

Тут мы уже видим, что эта теория не просто «дополняет» исторический материализм Маркса, что она *ограничивает* его. Классовые формы жизни и классовый интерес в своем влиянии на идеологию сталкиваются с противодействующей силой идеологической «реакции» и — отступают перед нею. Конечно, отступают только до известного предела. Вопрос решается компромиссом двух *принципов*. Теории такого типа принято называть

«эклектическими».

Принять такую теорию было бы для нас допустимо лишь в случае невозможности обойтись без нее в объяснении фактов. Имеется ли налицо этот крайний случай? Рассмотрим иллюстрации, приведенные тов. Бельтовым.

Теория денег. Что вызвало односторонность меркантилистов, что довело Юма до противоположной односторонности? В одном месте у Каутского (в «Geschichte des Socialismus») говорится: «Погоня за золотом и серебром была особенно сильна в XVI веке, когда источник могущества, кроющийся в натуральном хозяйстве, начал уже иссякать, а могущество кредитной системы не получило еще достаточного развития». В этих немногих словах, констатирующих несомненные факты, мимоходом дан материал, достаточный для объяснений обеих «крайностей». Надо только иметь в виду, что в новых идеологических теориях с наибольшей силой и яркостью выступает не то, что «остается по-старому», а то, что «движется», что усиливается и развивается; и это по той простой причине, что по-

требность в организуемых, т. е. идеологических, формах особенно сильна по отношению к новому и переменному содержанию, не укладывающемуся в рамки старых форм. Усиленная, обостряющаяся жажда денег находит себе «одностороннее» выражение в признании денег за единственную истинную ценность — односторонность, вытекающая из того, что эта «ценность» быстро растет, а остальные лежат спокойно или идут на убыль. Быстро развивающаяся в XVIII веке система кредита и ассигнаций с ее «условными знаками» вызывает — и то у немногих теоретиков — одностороннее признание ценности «условных знаков» или, вернее, условного значения ценности денег, потому что рядом с возрастающей практической важностью кредита и ассигнаций непосредственное жизненное значение золота и серебра растет медленно или убывает; но это явление развивается не так резко, и потому большинство буржуазных теоретиков не впадают в «односторонность» отвлеченной головы Юма.

Материализм французских просветителей, идеализм последующих утопистов... Но

материализм с его научно-позитивной тенденцией был естественной идеологией для поднимающейся промышленной буржуазии, с ее «земными» интересами и возрастающей «материальной» силой. «Идеализм» — смягченная форма религиозного мировоззрения — свойствен мелкой буржуазии, еще не порвавшей своей связи с авторитарным строем; собственно авторитарный класс — феодалы — склонен стоять просто за религию, так как, с одной стороны, она вообще санкционирует господство господствующих, с другой стороны, вполне соответствует типу авторитарного мышления (антитезы «Бог — мир», «дух — тело» и т. п. идеологически отражают то, что в действительности выступает как «власть — подчинение», как функция организаторская и исполнительская). Мелкая же буржуазия вначале, пока она еще сословие феодального мира, просто религиозна, и эту черту она сохраняет еще долго после того, как перестает быть таким сословием, частью в силу общего консерватизма идеологий, частью в силу авторитарного строя каждого отдельного мелкобуржуазного хозяйства (се-

мья). Но при этом религиозное мировоззрение шаг за шагом пустеет и обесцвечивается, переходя в «идеализм». Французские утописты едва ли оттого сделали идеалистами, что хотели «сделать обратное» просветителям, а скорее именно оттого, что были проникнуты мелкобуржуазными тенденциями (пролетариат тогда тоже сохранял еще на 9/10 мелкобуржуазное мышление). Усилению авторитарного (а стало быть, и «идеалистического») элемента в мышлении французских утопистов способствовало еще то обстоятельство, что в своем реальном бессилии утописты стремились опереться для достижения своих целей на организованные авторитарные силы — государство, отчасти церковь. Все это были гораздо более серьезные причины для «идеалистических» настроений, чем желание непременно «сделать обратное» просветителям.

Английские аристократы-материалисты XVII века... Были ли они, собственно, идеологами аристократии? Аристократия шла в те времена под знаменем *католицизма* и частью — епископальной церкви, как и должно

было быть в соответствии с авторитарным положением и авторитарным мышлением аристократии. Но аристократия и раньше и после нередко давала также идеологов другим классам общества. Материалисты XVII века были именно идеологами нарождавшейся крупнопромышленной буржуазии. XVII век в Англии был эпохой быстрого технического прогресса, развития мануфактур. Промышленная буржуазия росла, ее интересы и ее тип мышления, с его преобладающей в эпохи подъема тенденцией к *материализму*, захватывали близко стоящие элементы других классов. Аристократы-материалисты были буржуазными идеологами, как и многие аристократы во Франции XVIII века, хотя бы тот же барон Гольбах. Эти английские материалисты были большей частью учеными исследователями и с совершенно нефеодалным усердием работали в лабораториях над химическими и физическими приборами. Ничего аристократически-сословного в их материализме не было; истинными и наиболее многочисленными представителями сословно-аристократических тенденций были «па-

писты». Правда, и у материалистов-аристократов имелись монархически-абсолютистские тенденции, но они соответствовали также настроению и интересам крупной промышленной буржуазии, которой при бюрократическом строе легче заполучить всякие привилегии, монополии, всякое полезное для нее покровительство. Централистическая абсолютная монархия вовсе не классовый идеал аристократии; это форма буржуазно-аристократическая, и в большей мере именно буржуазная; идеалы аристократии лежат в феодальном прошлом.

Словом, в тех случаях, когда тов. Бельтов вводит в объяснение идеологических фактов свою теорию «реакций», это оказывается или совершенно излишним, или прямо неверным. К формальному эклектизму теории присоединяется ее несостоятельность по существу. Да и в самом деле, ведь теория тов. Бельтова имеет своей предпосылкой мысль о таком остром полемическом настроении, которое не может держаться десятками лет в психологии целых поколений. Для объяснения полемических увлечений отдельных лиц эта

теория, пожалуй, иногда может годиться; в общем же она гораздо более рисует собственный боевой темперамент тов. Бельтова, чем законы идеологического развития[136].

Итак, мы можем продолжать исследование вопроса об идеологическом развитии вообще и о развитии картины мира в частности, не стесняя себя ни теорией «реакций», ни стремлением «сделать обратное» нашим предшественникам.

Жизненное значение философской картины мира заключается в том, что она есть последняя и высшая, *всеорганизующая* познавательная форма. Охватывая всякое возможное содержание, она должна быть построена, очевидно, из такого материала, который был бы *всеобщим*. Всеобщего характера не могут иметь комбинации, выработанные в ходе *социального* развития, например те, которые обозначаются терминами «дух», «материя»; как известно, на самых низших ступенях социального развития такие понятия отсутствуют. Очевидно, за исходную точку надо взять материал, который свойствен уже самому примитивному *конкретному* мышлению,

ибо все *отвлеченное* мышление, несомненно, есть продукт дальнейшего социального развития. Единственно подходящим материалом оказываются, следовательно, *непосредственные элементы опыта*, и в этом пункте мы со спокойной совестью возьмем то, что предлагает полубуржуазная позитивная философия эмпириокритицистов, как могли раньше брать диалектику у буржуазного гегельянства и теорию трудовой ценности — у буржуазных классиков.

Дальше — вопрос о способе группировки этих элементов. Эмпириокритическая школа находит достаточным констатировать двойственность этой связи — «субъективную», или ряд «зависимый» (от организма познающего), связь психического, и «объективную» — или ряд «независимый» — «физического» опыта. Для нас такое положение является очевидным дуализмом, и уже здесь начинается радикальное расхождение с эмпириокритицистами. Приходится исследовать оба типа связи.

Выясняется, что разница их существенно обусловлена общением людей, а также и дру-

гих живых организмов. Физическая связь имеет значение одинаково для всех находящихся в общении; психическая — только для отдельного живого существа. Если на дороге я вижу «физическое тело» — большой камень, — то из высказываний, действий, жестов других людей я убеждаюсь, что камень этот существует и для них, и с теми же свойствами, как для меня; идущие по дороге говорят: «Ах, камень не на месте!» — и обходят его; а те, которые его «не увидят» почему-либо, спотыкаются об него, ушибаются, вскрикивают... Но если я представляю себе камень на дороге, то ни для кого камнем преткновения он не послужит, а из действий и высказываний других людей я легко убеждаюсь, что, как бы ясно я его себе ни представлял, для них это реально-го значения не имеет. Мое представление камня на дороге может достигнуть такой силы и яркости, что я буду его «видеть», как и в первом случае; но когда другие люди скажут мне, что я ошибаюсь, что камня тут нет, или когда они свободно пройдут сквозь него, тогда я пойму, что это комплекс только «психический», только «субъективный», что это —

«восприятие», а не «тело». Только общение с другими людьми сводит мою галлюцинацию на степень «психического» факта, имеющего непосредственное значение для одного меня.

А между тем камень-представление, или камень-галлюцинация, занимает определенное место в ряду моих переживаний; он влияет на дальнейший ход моего опыта; степень его субъективного значения для меня в случае галлюцинации может дойти до того, что он закроет от меня другие предметы, что я, подойдя к нему, буду ощущать его рукой или даже споткнусь об него, но все это *только для меня*.

Итак, по отношению к «физическим» комплексам содержание опыта у «сочеловеков» *согласовано*, в чем и заключается «объективность», т. е. общезначимость этих комплексов и их соотношений. Напротив, по отношению к «психическим» комплексам опыт согласован только для каждого человека в отдельности и не согласован у различных людей, в чем и заключается «субъективность», т. е. лишь *индивидуальная значимость* психических комплексов и их связи.

Так получились две основные характеристики: «физическое» есть *социально-организованный опыт* (т. е. социально-согласованный в общении людей), «психическое» — *индивидуально-организованный* (т. е. согласованный лишь в пределах индивидуального опыта).

Тут сам собою возник вопрос о генетической связи обеих форм. Легко было установить, что разграничение «субъективного» и «объективного» опыта совершалось постепенно и последовательно на основе расширяющегося общения людей. На памяти истории в область «субъективного», или *только психического*, отходило многое, что было «объективным», «физически существующим» для предшествующих поколений. Движение Солнца по небу из «действительного» стало «кажущимся», мир «душ» и «духов» потерял свою «объективность» (которая также была первоначально чисто «физической» объективностью). «Объективное» выделялось из «субъективного» путем его социальной обработки в общении людей. Сами *формы объективности* — время, пространство, причинность — пережили долгую историю развития.

Из пространства «зрительного» и «осязательного» путем постоянных поправок, вносимых общением людей, вырабатывалось «чистое» или «геометрическое» пространство, и некоторые важные этапы этого развития пройдены сравнительно недавно. Например, переход от ограниченности пространства у древних к его бесконечности у современных людей, от его неоднородности у людей древности и средних веков к современной однородности (для Демокрита, Эпикура и для тех, которые считали нелепостью существование антиподов, чистое пространство имеет *верх* и *низ*). Аналогичную эволюцию прошло представление времени, еще более сложную — идея причинности. Путем этой — по существу социальной — эволюции, все эти формы, от которых зависит «объективность» содержания опыта, достигли современного своего состояния.

Коллективная работа человечества в его общении не только преобразовала формы физического опыта, не только удалила из него массу неустойчивых комплексов — ложных образов, — но и расширила эту область, обо-

гатила ее содержание в таких размерах, о каких люди прошлого и не мечтали. Одновременно с этой работой и в зависимости от нее шел прогресс организации психического опыта: люди приучались целесообразно управлять цепью своих представлений и путем «внимания» регулировать даже свои восприятия. Мир опыта кристаллизовался и продолжает кристаллизоваться из хаоса[137].

Сила, которою определяются формы этой кристаллизации, есть общение людей. Вне этих форм нет, собственно, *опыта*, потому что неорганизованная масса переживаний не есть опыт. Таким образом, опыт социален в самой своей основе, и его прогресс есть *социально-психологический процесс его организации*, к которому всецело приспособляется индивидуально-психический организующий процесс. Если для эмпириокритициста опыт всех сочеловеков равноценен, что я обозначил раньше как известный познавательный «демократизм», то для эмпириомониста этот опыт есть сверх того результат коллективной организующей работы всех людей, своего рода познавательный «социализм».

Из этого видно, каким поистине философски-административным произволом является обвинение «эмпириомонистов» в солипсизме и скептицизме.

Но, сведя два типа связи опыта к двум фазам организующего процесса, мы сделали только один шаг к установлению монизма. Нам надо еще выяснить, каким же образом для коллективно-организующей работы оказывается налицо подходящий, т. е. в достаточной мере общий для различных людей материал.

Этого вопроса, как и предыдущего, эмпириокритицизм совершенно не решает.

Мы не можем ограничиться соображением, что одни и те же комплексы попадают в связь опыта то для одного, то для другого «человека» и таким образом приобретают известную «общезначимость». Остается совершенно непонятным, отчего же «физические» комплексы обладают этим свойством, а такие «психические», как, положим, «эмоции», «образы фантазии» и т. д., лишены его, отчего «он» видит то же самое дерево, что и «я», но не переживает той же самой грусти, какую

«я» переживаю, или тех же самых воспомина- ний и грез. Затем, отчего одни и те же «физи- ческие тела» вступают в связь опыта различ- ных людей или одного и того же человека при неодинаковых обстоятельствах в таком существенно различном виде и составе, что элементы общего прямо-таки исчезают пред различиями; например, «человек» в виде чер- ной точки на горизонте, и «тот же человек» в виде «моего» собеседника; или капля стоячей воды, видимая невооруженным глазом, и «та же» капля — мир инфузорий и бактерий, ви- димый в микроскоп. И все это относится именно к «физическим», к «объективным» комплексам. Где найти логику таких превра- щений?

Далее, то самое «общение» людей, которое служит основой форм опыта, предполагает, по-видимому, какую-то своеобразную двой- ственность «живых» комплексов. Именно, к «физическим телам» — организмам с их дви- жениями и звуками — мы присоединяем непосредственно нам недоступные «пережи- вания» этих существ, их восприятия, чувства, представления и т. д. Где найти логику этой

двойственности?

Выходом из этих затруднений является идея *всеобщей подстановки*.

Самый легкий путь к ней лежит через «вещи в себе» тов. Бельтова. Примем на минуту, что Гольбах и тов. Бельтов правы и что всякое «явление» возникает из действия внешних «вещей в себе» на ту «вещь в себе», которая составляет сущность данного «человека».

Согласно закону *причинности*, «вещь в себе», действуя на другую «вещь в себе», может сделать только одно, а именно — вызвать в этой последней какое-либо *изменение*. Следовательно, все «явления», все «впечатления», всякий «опыт» представляют собой только *изменения вещей в себе*.

Но сами «вещи в себе» с точки зрения диалектического (т. е. динамического) мировоззрения не могут быть ничем иным, как *процессами*. Следовательно, всякое «впечатление», всякое «явление», всякий «опыт» есть только определенное изменение в ходе какого-то процесса — «вещи в себе», называемой «живым существом».

Изменения такого рода нам известны в качестве «опыта». Они разложены на определенные *элементы* — цвета, тоны, элементы формы, твердости и т. д. Вернее даже, это не *элементы опыта*, а *элементы, появляющиеся и исчезающие в опыте*, элементы, образующие опыт не статически, а динамически — изменениями своих группировок. *Откуда эти элементы?*

С точки зрения причинности, не допускающей созидания из ничего, совершенно немислимо, чтобы эти элементы не принадлежали к составу «вещей в себе» — либо той, которая «действует», либо той, которая «испытывает действие». Вот уже у нас и есть и данные, чтобы судить о составе и «виде» этих таинственных «вещей». Они, оказывается, *заключают в себе элементы, тождественные с элементами опыта.*

Все это уже имеется в скрытом виде в том признании причинности по отношению к «вещам в себе», которое подчеркивает тов. Бельтов.

Но может быть, в «вещах» заключаются еще какие-нибудь элементы, нам недоступ-

ные, не выступающие в «изменениях», называемых «опытом»? Если такие элементы и есть, то они, очевидно, лежат спокойно и не имеют отношения к опыту, а потому и рассуждать о них нечего; т. е. в познавательном смысле *их просто нет*[138].

Итак, «вещи в себе» состоят из тех же элементов, которые выступают и исчезают в «явлениях». Вывод, который едва ли понравится тов. Бельтову, но которого нельзя миновать при его собственных послылках иначе как ценой эклектизма.

Чтобы пойти дальше, надо вспомнить происхождение этих «вещей». Это — метафизически преобразованные «души» предметов и явлений опыта. А «души» в свою очередь представляют своеобразное развитие «подстановки». Именно, люди «понимают» друг друга таким способом, что за физическими явлениями живого тела признают чувства, восприятия и другие «переживания». В эпоху авторитарных отношений эти «подставляемые» переживания были признаны своего рода «властью», господствующею над телом, и помещены внутрь тела в качестве «души»,

т. е. организаторского начала. Значит, если мы возьмем «вещь в себе» и очистим ее от социального фетишизма метафизики, то получим авторитарную «душу»; а если «душу» затем очистим от авторитарного фетишизма, то перед нами окажется «подстановка» — средство общения людей, начало всякого познания, подстановка психических «переживаний» под физиологические процессы действий и высказываний других людей.

В этом пункте все проясняется.

«Вещь в себе» всякого живого существа оказывается просто совокупностью его переживаний («сознательных» и «внесознательных»), а его «тело» — не что иное, как «явление» этой «вещи» в опыте других живых существ и в его собственном. Под «физиологические» процессы подставляются «психические комплексы», и общение людей выступает просто как воздействие одного комплекса переживаний на другой и обратно по закону причинности. «Тело» живого существа (или, точнее, «восприятие» тела) есть отражение суммы его переживаний в других живых существах, и обратно. *Объективный* характер

настоящего «физического тела» оно принимает лишь постепенно, путем, как мы видели, социальной организации опыта.

Но если так, то «подстановка» требуется не только для тел живых, но и для тел неодушевленных: там тоже надо принять аналогичные «вещи в себе», т. е. комплексы элементов, доступные нам лишь косвенно, путем их воздействия на нас. Само собой разумеется, что эти комплексы нельзя представлять себе организованными по тому высшему (ассоциативному) типу, по которому организована психика «живых существ»: «неорганизованным» телам физического опыта соответствуют и «неорганизованные» (т. е., конечно, лишь очень слабо, очень низко организованные) «непосредственные комплексы». Так получается идея *всеобщей подстановки*.

В эпоху анимизма человечество уже имело «всеобщую подстановку», но в ошибочном, фетишистическом виде, как *одушевление* всей природы, как население неорганизованных тел высокоорганизованными «душами». Критически проверенная подстановка, во-

первых, не рассматривает уже «тела» как место жительства «душ» и, во-вторых, принимая «тела» физического опыта за отражение непосредственных комплексов, приписывает этим последним лишь такую степень организованности, которая соответствует степени организованности самих «тел».

Теперь наша картина мира достигает уже известной цельности. Перед нами бесконечные, непрерывные ряды комплексов, материал которых тождествен с элементами опыта, а форма характеризуется самыми различными степенями организованности, прогрессивно переходящими от «хаоса элементов» к сложности и стройности «человеческого опыта». Все эти комплексы, действуя одни на другие, вызывают одни в других изменения — взаимно отражаются одни в других. Такого рода отражения, выступающие в высших — психических комплексах, образуют «впечатления» живых существ; общение, возникающее между живыми существами путем этих «впечатлений», приводит к их социальной систематизации, к их организации в «опыт» в точном значении этого слова[139].

С точки зрения этой картины мира совершенно понятно, почему одни и те же «предметы природы» могут в опыте являться в самом различном виде: один и тот же непосредственный комплекс «отражается» в другом при различных условиях самым различным образом, это прямо вытекает из закона причинности. Объясняется и психофизиологическая двойственность жизни: единая жизнь, взятая в ее непосредственном содержании, или в ее «отражениях», не перестает от этого быть единой.

Всеобщий параллелизм «непосредственных» комплексов и их «отражений» в физическом опыте подтверждает всеобщую применимость закона сохранения энергии: ведь этому закону нет дела до того, берем ли мы «комплекс» в его непосредственном виде или в его «отражении» — дело идет об одной и той же энергетической величине; поэтому «психика» энергетична, как и соответствующие физиологические процессы.

Разграничение «явлений» и «вещей в себе» оказывается излишним: перед нами только мир *прямого* опыта и *косвенного* опыта,

мир непосредственно ощущаемого и мир дополняющей его «подстановки». Область «подстановки» совпадает с областью «физических явлений»; под явления «психические» ничего подставлять не требуется, ибо это — «непосредственные комплексы». Подстановка *на них* основывается и социальным путем из них развивается; они — ее первичный материал в «общении» людей.

Такова картина мира, которую *для нашего времени* можно считать «эмпириомонистической», т. е. наиболее стройно объединяющей опыт[140].

4. Об эклектизме и монизме

Я показал, как из содержания различных знакомых мне мировоззрений путем их критики, а также из результатов собственной работы, пополнявшей то, чего я не мог там найти, сложились те взгляды на жизнь и мир, в которых я вижу путь к «эмпириомонизму», к идеалу цельного и строгого познания. Эти взгляды сложились далеко не сразу, и более или менее законченным их выражением является только настоящая работа (3 книги «Эмпириомонизма») вместе с одновре-

менно написанными работами «Из психологии общества» и «Новый мир». Замечу мимоходом, что я нередко обозначал одним и тем же словом свою конечную философскую цель (эмпириомонизм как идеал познания) и тот путь, который кажется мне ведущим к этой цели (эмпириомонизм как попытка дать насколько возможно стройную картину мира для нашего времени и для того социального класса, делу которого я себя посвятил). Эти различные значения слова, я полагаю, не могут спутать читателя. Из всего только что изложенного читатель мог видеть, что я имел право считать эту попытку своей и не причислять себя ни к одной из тех собственно философских школ, идеями которых я пользовался как материалом для своей постройки.

Только социальная философия Маркса послужила для меня более чем материалом — она была регулятором и методом моей работы одновременно.

Ввиду этого я имею право — и в интересах ясности считаю необходимым — отметить глубокую ошибочность того систематического смещения моих взглядов с одной из «прой-

денных мною школ», которое обнаруживает тов. Бельтов, а также тов. Плеханов.

Тов. Бельтов упорно считает меня «махистом» и эмпириокритицистом[141]. Тов. Плеханов, наоборот, всех эмпириокритицистов зачислил в «эмпиримонисты»[142]. И то и другое является недоразумением.

У Маха я многому научился; я думаю, что и тов. Бельтов мог бы узнать немало интересного от этого выдающегося ученого и мыслителя, великого разрушителя научных фетишей. Молодым же товарищам я советовал бы не смущаться тем соображением, что Мах не марксист. Пусть они последуют примеру тов. Бельтова, который так многому научился у Гегеля и Гольбаха, которые, если не ошибаюсь, тоже не были марксистами.

Однако «махистом» в философии признать себя я не могу. В общей философской концепции я взял у Маха только одно — представление о нейтральности элементов опыта по отношению к «физическому» и «психическому», о зависимости этих характеристик только от связи опыта. Затем во всем последующем — в учении о генезисе психического и

физического опыта, в учении о подстановке, в учении об «интерференции» комплекс-процессов, в общей картине мира, основанной на всех этих посылках, — у меня нет с Махом ничего общего. Словом, я гораздо меньше «махист», чем тов. Бельтов — «гольбахианец»; и я надеюсь, это не помешает нам обоим быть добрыми марксистами.

Что касается эмпириокритицистов, то смею уверить тов. Бельтова, что западноевропейские представители этой школы даже не знают, что такое «эмпириомонизм», и потому особенно несправедливо называть их эмпириомонистами. Я лично готов нести всякую кару за мои «эмпириомонизменные» склонности и деяния; но за что же будут отвечать они? Это тем более несправедливо, что каждый из них, ознакомившись с моими взглядами, признал бы меня за отъявленного метафизика... Надо заметить, что некоторые из них причисляют к метафизикам и своих учителей, Маха и Авенариуса. Вообще, они зачастую почти так же щедры на титул «метафизика», как товарищ Бельтов на титул «эклехтика».

Не было бы ничего странного, если бы тов. Бельтову было некогда знакомиться с моими произведениями; но тогда ему не следовало бы высказывать решительных и определенных суждений о моих взглядах. Если же он читал мои работы, то не может не знать, что самое понятие эмпириомонизма я ввел как антитезу дуализму эмпириокритичеекой школы и критике идей этой школы посвятил немало труда, хотя в то же время требования, поставленные познанию ее «критикой опыта», признаю большой заслугой этой школы, а ее взгляды считаю такой же удобной *исходной точкой* для развития марксистской философии, как, положим, демократизм — удобная исходная точка для развития идей социализма.

Я допускаю, что для совершенно неопытного читателя, притом не прочитавшего до конца даже 1-й книги этой работы, мой очень сочувственный отзыв об эмпириокритицизме мог бы послужить поводом к смешению. Но для человека, сведущего в философии, знающего разницу между исходной точкой исследования и суммой его результатов, разни-

цу между пропедевтикой и философским мировоззрением в целом, такое недоразумение было невозможно. Коренное различие своих взглядов со взглядами эмпириокритицистов я тогда же не один раз подчеркивал, указывая, например, что «эмпириокритицист будет прав со своей точки зрения, отвергая самую постановку» намеченных мною вопросов монизма, что «эмпириокритическая концепция — пройденная ступень» в развитии картины мира и т. п. (наст. изд., с. 13, 107). Профессиональный философ, как тов. Бельтов, или тов. Плеханов, казалось бы, не мог тут ошибиться[143].

Но может быть, эти «маленькие недоразумения» не мешают быть справедливым основному обвинению тов. Бельтова и тов. Плеханова против «эмпириомонистов» — упомянутому обвинению в эклектизме? В самом деле, марксизм, материализм естественников, энергетика, эмпириокритицизм, теория всеобщей подстановки и т. д. — мыслимо ли из столь разнообразных комбинаций создать что-нибудь цельное и стройное, что-нибудь неэлектичное?

Прежде всего, замечу, что наше время — эпоха специализации — есть также естественным образом эпоха *односторонностей*. Поэтому всякая попытка выработать цельное, т. е. монистическое, мировоззрение неминуемо должна использовать множество разнообразных, в отдельности односторонних философских комбинаций. Только выделяя «истину» каждой из них и стройно связывая полученный таким образом материал при помощи одного руководящего принципа, можно прийти к *монизму*. Так я и старался делать; а руководящим принципом моей работы была идея *социальности познания*, которое я рассматривал как одну из «*идеологий*» — полагаю, марксистская идея.

Следовательно, вопрос об эклектизме или монизме мировоззрения не решается указанием на источники, откуда возникли его различные элементы; иначе величайшим эклектиком XIX века надо признать *К. Маркса*, соединившего элементы материализма, гегельянства, социализма, буржуазной классической экономики и многие другие, находившиеся до него в совершенно раздельном и даже

противоречивом состоянии. Вопрос об эклектизме или монизме доктрины решается *доказательствами*. Это именно то, что тов. Бельтов *не дает*. Он полемизирует с Конрадом Шладтом, с солипсистами, к которым по недоразумению относит Маха, с Н. Г. из «Русского Богатства» и т. д. Все это к «эмпириомонизму» прямого отношения не имеет. Здесь он ограничивается заявлениями в таком роде:

«...Эклектические головы, любящие „пестрые мысли“, мастерски „соединяют“ самые противоречивые теории. Однако эклектизм „non est argumentum“» («Критика наших критиков», предисл., с. IV).

Верно, тов. Бельтов, — эклектизм не аргумент... Но также не аргумент и слово «эклектизм» как немотивированная характеристика несимпатичных вам взглядов. Пожалуйста сюда аргументы, тов. Бельтов!

А пока вы их не представили, нужно поистине наивное убеждение в своей непогрешимой авторитетности, чтобы выносить такие приговоры, как... Да простит мне читатель, я не могу отказать себе в грустном удоволь-

ствии привести и анализировать суровый приговор, произнесенный надо мною тов. Бельтовым в форме остроумного сравнения:

«...Отношение наших „практиков“ к философии всегда напоминало мне отношение к ней прусского короля Фридриха-Вильгельма I. Как известно, этот мудрый монарх оставался совершенно равнодушен к философской проповеди Христиана Вольфа до тех пор, пока ему не объяснили, что Вольфов принцип достаточного основания должен вызвать побег солдат от службы. Тогда солдатский король приказал философу в 24 часа оставить прусские владения под страхом смертной казни через повешенье. Наши практики, разумеется, никого и никогда не захотят казнить за философские убеждения. Иначе и быть не может. Но наши „практики“ готовы мириться со всякой данной философией до тех пор, пока им не покажут, что она мешает осуществлению их ближайших практических целей. Так мирились очень недавно с кантианизмом*. Гг. П. Струве и С. Булгаков показали им, что кан-тианизм представляет собою не одно только отвлеченное теорети-

ческое умозрение. И теперь они готовы восставать против „соединения“ Канта с Марксом. Но такого доказательства пока еще никто не привел, например, насчет *эмпириомонизма*. И наши „практики“ готовы принимать *махистов* за *марксистов*. Со временем они пожалеют об этом, но тогда будет, пожалуй, уже поздно...» («Критика наших критиков», с. IV–V).

Итак, вот приговор, суровый не только по отношению ко мне... Товарищи «практики» подобны Фр. Вильгельму I. Разница — пожалуй, несущественная? — заключается в том, что они не станут за философские убеждения никого «казнить через повешенье». Утешительно. Тов. Бельтов находит, что они в этом правы — это делает честь его мягкости. Но кому достается в этом сравнении роль обвиняемого философа? Очевидно, «например», мне, ибо дальше прямо указывается на эмпириомонизм. Собственно говоря, это не так уже обидно — роль Вольфа во всей истории с Фр. Вильгельмом была далеко не самой скверной. «Эмпириомонизму» соответствует в сравнении тов. Бельтова «закон достаточного

основания». Что ж, это тоже не обидно: если все аргументы, которые можно привести против моих взглядов, настолько же справедливы, как обвинение, выставленное против закона достаточного основания, то «эмпириомонистам» нечего особенно опасаться... Теперь, кто выполняет в данном случае скромную функцию тех людей, которые «объяснили мудрому монарху» и т. д.? По точному смыслу сравнения — товарищ Бельтов...

Далее, что ожидает преступника, т. е. меня? От «казни через повешенье» меня гарантирует прямое обещание такого влиятельного теоретика, как тов. Бельтов. Остается... высылка в 24 часа, о которой он не делает оговорок. Подумайте, читатель: высылка из пределов марксизма!..

Раздражение против «эмпириомонистов» заводит тов. Бельтова так далеко, что он не только забывает представить доказательства в пользу своего немилостивого приговора, но и делает явные ошибки против технических принципов столь знакомого ему искусства полемики...

Но довольно об этом трагикомическом инциденте. Говоря кратко и ясно, я не признаю ни тов. Бельтова, ни кого бы то ни было другого компетентным дискреционного властью решать вопрос об эклектизме и монизме моих взглядов. Тов. Бельтова даже меньше, чем кого-либо другого; ибо я имел честь анализом его воззрений показать, что эклектизм в действительности не столь ему чужд и ненавистен, как это ему самому кажется[144]. Не угодно ли представить аргументы, тов. Бельтов!

Я, впрочем, нисколько не сомневаюсь, что с точки зрения *монистов будущего* в моих взглядах найдется достаточно диссонансов, достаточно «эклектических» комбинаций. Мерка эклектизма и монизма исторически-относительна, с развитием человечества строгость монистических требований возрастает... Но у нас дело идет о *настоящем*, а я все не имею притязаний устанавливать «объективную истину» на все времена или такой же надысторически-объективный монизм.

* * *

Я знаю, насколько трудно то дело, которое я на себя взял; знаю, насколько краткий для него срок представляют те 10 лет жизни, которые я мог ему посвятить. Но уклониться от него было бы для меня невозможно, и я никогда не видел ничего личного в этой поставленной мне жизнью задаче. Я радостно встречу всякую критику из среды родного мне течения, лишь бы это была критика, лишь бы она давала материал для выяснения истины. Если в результате истина выяснится даже ценою разрушения моих идей, я радостно буду приветствовать эту новую для меня истину...

30 апреля 1906 года.

«Кресты»

Общественный подбор (Основы метода)

I

Термин «общественный подбор» легко может вызвать ложные сопоставления и предубеждения: он напоминает о давно пережитых наукою теориях социологов-дарвинистов, об эклектических «социально-биологических» попытках Ф. А. Ланге, Э. Ферри, Л. Вольтмана и многих других, о старых полуза-

бытых блужданиях социально-научной мысли. Моя задача состоит отнюдь не в том, чтобы воскрешать эти мертвые идеи или исправлять их; само понятие «общественного подбора» в нашем исследовании имеет иной смысл и иное содержание.

В прежних своих работах я уже не раз указывал, что понятие «подбора» при изучении процессов жизни и развития не может и не должно связываться только с представлением об *индивидуальных* организмах, об их размножении и конкуренции, об их индивидуальной смерти или сохранении. Понятие это лишь тогда становится вполне пригодно для исследования каких бы то ни было жизненных явлений — во *всех* областях жизни, — когда оно выражает *биологическую причинность вообще*. В этой самой общей форме закон «подбора» сводится к такому положению: сохраняются формы, приспособленные к их среде, разрушаются неприспособленные; или, пользуясь более точной и более научной формулой: *сохранение и разрушение жизненных форм находится в строгой закономерной зависимости от их среды*[145].

Этому принципу подчиняются решительно все жизненные комплексы и всякие жизненные комбинации: сохранение и гибель определенного *вида* в его географической среде, определенного *организма* в доступных ему условиях добывания средств к жизни и борьбы с врагами, определенной *клетки* или группы клеток организма в ее среде, представляемой прежде всего внутренними отношениями этого организма; сохранение и гибель определенного *рефлекса* в общей системе жизненных функций организма, определенной *ассоциации представлений* в ассоциативно-психической среде и т. д. «Единицей» подбора является отнюдь не только то, что называют «особью» в тесном смысле слова, но *всякое жизненное единство*.

То же относится к подбору общественных форм: он отнюдь не сводится к сохранению или гибели человеческих особей, входящих в состав общества. «Единицей» подбора здесь может быть, конечно, и особь, но также социальная группа, класс и какой-нибудь технический прием, слово, идея, норма и т. д. Какая-нибудь общественная норма, например

нравственная или правовая, не имеет для нас отдельного физического существования: она представляет собою систему психических группировок в целом ряде человеческих личностей, принадлежащих к данному обществу. Но это нисколько не мешает тому, что она, с одной стороны, образует определенное жизненное единство — «общественную форму», с другой стороны — бывает «приспособлена» или «не приспособлена» к своей среде. Она подлежит «подбору», положительному или отрицательному, т. е. сохранению (или развиту) в первом случае, разрушению — во втором; и это происходит отнюдь не только путем переживания или ранней гибели тех личностей, в которых она воплощается. Она может упрочиваться или ослабляться и исчезать при сохранении всех ее носителей; их психический мир — существенная часть той среды, от которой зависит судьба данной формы, противоречие с этим психическим миром — с системой «опыта» этих людей — ведет большей частью к гибели только самой нормы, а люди, в которых она жила, продолжают существовать без нее (или сохраняя

некоторые ее остатки, например в виде «воспоминания» о ней).

То же относится к любому техническому приему, который люди применяют в своем труде, к любому слову, которым они пользуются во взаимном общении, ко всякой идее, которая служит для объединения их опыта, и т. д. Пути «подбора» этих форм различны и не ограничиваются размножением или смертью особей, потому что сами общественные формы *надындивидуальны*. «Подражание» играет очень большую роль в механизме положительного подбора этих форм, различные формы «борьбы» между людьми — в механизме подбора отрицательного (впрочем, и положительного тоже, по крайней мере косвенно, устраняя неблагоприятные для той или иной формы элементы социальной среды).

Даже такие общественные формы, которые, *по-видимому*, слагаются из множества целых особей, как «социальная группа» или «класс», могут подвергаться подбору в ту или другую сторону независимо от жизни или смерти составляющих особей. Например, «гибель мелкой буржуазии» совершается от-

нюдь не только путем истребления и физического вымирания «мелких буржуа», а может быть, даже всего меньше этим путем. «Погибшие» мелкие буржуа нередко живут еще весьма долго после своей «гибели» в образе представителей lumpenproletariat'a или рабочих-пролетариев и иногда находят свое новое существование более приятным, чем прежде. Дело в том, что «социальная группа» и «класс» представляют собой не столько совокупность личностей, сколько *систему отношений между людьми*, причем отношения эти существуют, разумеется, не в воздухе и не в научной абстракции, а воплощаются в определенных, взаимно связанных, психофизиологических приспособлениях людей. Эта система отношений может разрушиться, а соответственные приспособления людей атрофироваться; и тогда «класс» исчезает, хотя люди, входившие в его состав, продолжают жить.

«Подбор» общественных форм происходит в зависимости от всей их среды, как социальной, так и внесоциальной (природы общественной и внешней природы). Но влияние

внеосоциальной среды является чрезвычайно медленным и сравнительно с быстротою развития общественных процессов превращается почти в постоянную величину: это тот «естественный подбор», которому нужны десятки и сотни тысяч лет, чтобы выработать сколько-нибудь значительное изменение жизненных форм. Общественное же развитие проходит крупные этапы сотнями и даже десятками лет; такая быстрота подбора зависит, очевидно, от *другой* части среды, от природы социальной. В первобытных обществах, где социальная среда была относительно ничтожна, роль ее в человеческом развитии была также незначительна, а скорость развития мало отличалась от той, которая соответствует «естественному подбору». То колоссальное возрастание скорости прогресса, которое получилось с тех пор, принадлежит собственно «социальному подбору», т. е. подбору общественных форм *действием их социальной среды*. Этот социальный подбор и будет главным предметом нашего исследования[146].

В силу своего чрезвычайно *общего*, а следовательно, и «отвлеченного» характера, схе-

ма «общественного подбора», для успешного ее применения, нуждается в дальнейшем анализе и некоторой конкретизации. К этому мы теперь и перейдем, причем, однако, я заранее обращаю внимание читателя на то, что в рамки поставленной мною здесь задачи отнюдь не входит систематическое *применение* намечаемого мною метода к социально-научному исследованию, но только — *выяснение самого метода*, и конкретно-исторических вопросов я буду касаться лишь ради иллюстрации этого метода[147].

II

Общество представляет собой не механическую группировку элементов, но жизненную *систему*, части которой находятся в органической связи между собою. Каждая общественная форма, являясь одною из таких частей, в свою очередь слагается из целого ряда органически связанных между собою, но обладающих и некоторой жизненной самостоятельностью элементов. Здесь нет ни абсолютных единств, ни абсолютных отдельностей. Каждая «единица подбора» имеет лишь *относительный* характер. А из этого вытекают

очень важные последствия для понимания процессов подбора.

Когда социологи, плохо знающие биологию, и даже некоторые биологи, слишком упрощенно представляющие идею «естественного подбора», пытаются приложить ее к жизни общества, они приходят обыкновенно к выводу, очень грустному с философской точки зрения. Они говорят, что закон подбора в социальной жизни «терпит существенные ограничения», «допускает много исключений», что даже зачастую действие его «извращается». Философ не может строить свое мировоззрение по типу латинской грамматики; для него научные законы имеют право называться законами только тогда, когда они *не имеют исключений*. Если принцип подбора есть действительно биологический закон, формула, пригодная для исследования и понимания *процессов жизни вообще*, то она не может «терпеть ограничений» и «извращаться» в сфере процессов социальной жизни, которая тоже есть жизнь. Либо «закон» выражает *постоянную тенденцию* всего цикла явлений, который он охватывает, либо он не есть

«закон», а временное эмпирическое обобщение, ставящее перед познанием задачу его «объяснения» путем отыскания настоящих законов.

В действительности закон подбора не имеет исключений в социальной области, как и в других областях жизни. Исключения кажущиеся зависят от того, что дело рассматривают, исходя из *абсолютной единицы подбора*, придавая такое значение чаще всего индивидуальному организму. Надо принимать во внимание *относительность* единиц подбора и их взаимную связь в более сложных комплексах. Тогда мы получаем очень важное для нашего анализа понятие «системного подбора». Чтобы его выяснить, рассмотрим несколько кажущихся «исключений» из закона подбора.

«В социальной жизни часто выживают не наиболее, а наименее приспособленные — тупые и слабые людишки, имеющие счастье владеть капиталом». «Медицина способствует сохранению наименее жизнеспособных организмов, поддерживая существование жалких, болезненных людей». «Войны извра-

щают действие подбора, уничтожая наиболее здоровые и сильные организмы, лучшую молодежь страны, тогда как худшие элементы, как негодные для военной службы, остаются жить, находясь вдали от театра битв» и т. д.

Уже с первого взгляда становится ясно, что по отношению к *принятой нами* формулировке закона все эти случаи вовсе не являются «исключениями». Если слабый и хилый паразит-рентьер* выживает, тогда как рядом с ним зачастую погибает сильный, богато одаренный пролетарий, то это потому, что первый *действительно* приспособлен к своей среде, а второй — нет. Для паразита его отношения к другим людям и к их труду — отношения «капитала» — создают особенную, исключительно благоприятную среду, для которой он вполне достаточно приспособлен, тогда как для второго социальная среда совершенно иная, к которой в данном случае оказалась не в силах приспособиться и его могучая организация. Точно так же для больного создается особая среда, существенными частями которой являются медицинская техника и уход, а для солдата — среда исключи-

тельно неблагоприятная, включающая условия недостаточного питания, неудобного жилища и сильных механических воздействий в виде пуль, шрапнелей и т. д.

Но очевидно, что если бы мы удовлетворились тем, что наша формула, в силу своей большой общности, охватывает и данные случаи, то мы ни на шаг не продвинулись бы далее. Мы получим несколько новую точку зрения, если в этих случаях будем рассматривать «приспособленные» или «неприспособленные» особи не как вполне отдельные жизненные единицы, но в их связи с другими жизненными единицами, как элементы более сложных «систем». Тогда дело представится в следующем виде.

Если данного паразита-рентьера, тупого и дряблого белоручку, поставить в *средние* для данного общества условия социальной и вне-социальной среды, то можно с уверенностью ожидать обнаружения глубокой неприспособленности и гибели организма. Но благодаря своей связи с более широким жизненным целым, благодаря определенному своему положению в определенной, высокожизнеспособ-

собной системе (в данном случае, например, в экономической группировке, называемой капиталистическим предприятием), он выживает *вместе* с этой системой и *за счет* ее жизнеспособности. Это — положительный подбор *по связи*. Примером отрицательного подбора по связи может служить судьба солдата. Те сотни тысяч русских крестьян, которые погибли в войне с Японией, в обычных условиях социально-трудового процесса обладали бы достаточной приспособленностью для того, чтобы прожить средний цикл жизни и оставить потомство. Но в силу своей связи со сложной социальной организацией — «бюрократией», будучи частью обширного социального аппарата — «бюрократически-государственного механизма», они погибли: как периферические элементы этого механизма, как «рабочее орудие» этой машины, они подверглись первыми, раньше других ее частей разрушающим влияниям исторически данной мировой среды, в которой аппарат этот, как целое, совершенно нежизнеспособен.

Подбор по связи или «системный» подбор важен для понимания не только социальных, но и массы других биологических явлений, а «психический подбор», который освещает все процессы психического развития, представляет прямо частный случай системного подбора. Сохранение рудиментарных органов, без их органической функции, а следовательно, при тех условиях, которые должны вызвать атрофию и гибель клеток, всецело объясняется системным отношением этих элементов к жизнеспособному целому — организму. Развитие так называемых «сопутствующих изменений», которые жизненно-бесполезны сами по себе или даже вредны для жизненной системы, но неизбежно выступают вместе с другими, полезными изменениями, также является результатом положительного подбора по связи. В «колониальных» организмах роль системного подбора, естественно, должна оказываться преобладающей: отдельные дифференцированные особи какой-нибудь сифонофоры могут жить долго, несмотря на значительную слабость, если колония как целое здорова и питается хорошо,

и наоборот, особи сами по себе высокожизнеспособные преждевременно погибают, если колония как целое слаба и неприспособлена. То же относится к форменным элементам всех сложных организмов, которые, в сущности, должны рассматриваться как колонии клеток. В области же психического подбора бывает так, что одно и то же «стремление», один и тот же «образ» подвергаются то положительному подбору (выражающемуся в чувстве удовольствия), то отрицательному (выражающемуся в чувстве страдания), смотря по тому, в какой ассоциативной связи вступают в поле сознания: в соединении с одними психическими комплексами данный комплекс получает окраску «приятного», что ведет к его упрочению в психической жизни, в соединении с другими — окраску «неприятного», что означает тенденцию к его ослаблению и устранению из психической системы [148].

В сфере социальной жизни роль «системного подбора», очевидно, должна быть тем значительнее, чем шире и чем глубже становится связь социального целого. Для понима-

ния жизни современного культурного общества с его громадными размерами и бесконечной сложностью отношений «системный общественный подбор» имеет гораздо более важное значение, чем для понимания жизни маленьких первобытных общин с их простыми внутренними отношениями, хотя и там необходимо принимать его во внимание.

Я ограничусь пока одной иллюстрацией. Изучая историю последних веков, легко видеть, что эпохи экономического процветания в высокой степени неблагоприятны для сколько-нибудь существенных реформ в государственной и правовой организации. Формы явно устарелые, стоящие в несомненном противоречии с общим уровнем развития коллективности, стесняющие это развитие и не имеющие даже жизненно важного значения для наиболее сильных классов общества, — в эпохи процветания продолжают упорно сохраняться и не вызывают широкого, активного протеста, энергичной борьбы даже со стороны наиболее прогрессивных классов; какой-то стихийный консерватизм политических и юридических норм характе-

ризует тогда настроение общества как целого. Так дело идет до кризиса. В течение кризиса это настроение быстро исчезает; на сцену выступают реформы. Если же отжившие формы имеют широкий и общий характер (например, целый политический строй) и связаны с интересами довольно крупных групп общества, то вслед за частичными реформами в эпоху кризиса наступает затем революция — именно когда общество уже начинает оправляться от экономического потрясения. С точки зрения системного подбора все это представляется в таком виде. Пока в жизни общества господствует положительный подбор, пока жизнеспособность всей системы возрастает, до тех пор одряхлевшие формы сохраняются по связи с целым, конечно, за счет его общей жизнеспособности. Но когда эта последняя начинает быстро понижаться, как это бывает во время кризисов производства, представляющих своеобразную острую болезнь общества (также иногда кризисов «военных» и т. п.), то различные части социальной системы разрушаются не в одинаковой степени, а соответственно своей соб-

ственной, так сказать, индивидуальной жизнеспособности. Одряхлевшие и паразитические формы оказываются, естественно, наиболее слабыми, наименее способными сопротивляться разрушающим влияниям. Однако, если для окончательного разрушения и уничтожения этих форм требуется энергичная реакция всей социальной системы — «борьба» против отжившего и создание новых форм ему на смену, тогда пониженная энергия общества (т. е. его прогрессивных и жизненных элементов) может быть недостаточна для такой задачи и «революция» разражается лишь после кризиса, в фазе нового повышения энергии общества, повышения, которое теперь в наименьшей степени передается паразитически расслабленным элементам, в наибольшей — жизненным и прогрессивным, менее разбитым пережитой грозой.

Но возможен и иной исход дела. Если одряхлевшие и омертвевшие формы слишком тесно сплетаются со всем остальным содержанием социального процесса, слишком прочно его охватывают, тогда продолжающееся во время кризиса действие системного

подбора может оказаться роковым для всей системы: все, что в ней есть жизнеспособного, стойкого, приспособляющегося, может погибнуть или деградировать по связи с неприспособленными, жизненно негодными комбинациями. Так было, например, с Испанией XVII–XVIII веков, в которой мертвые феодально-католические элементы за долгое время экономического процветания слишком прочно вросли в живую ткань производительного организма, и когда благоприятная для всей системы среда была истощена, когда исчезла возможность неограниченно эксплуатировать Америку посредством грабежа, Европу посредством американского золота и серебра — тогда старый вампир не умер от недостатка питания, а высосал все соки из живого тела испанского народа и довел его до крайней степени упадка. Таков оказался здесь результат системного подбора. То же самое случилось бы с современной Россией, если бы оказалось, что механизм старой бюрократии слишком глубоко врос в ее ткани. Результатом общественного подбора, вообще, далеко не всегда является развитие.

III

Общественный подбор не характеризуется никакими специфическими конкретными проявлениями, которые отличали бы его от других видов подбора. Процессы общественного подбора протекают в форме обычных физиологических и психологических фактов сохранения или роста, с одной стороны, упадка или разрушения — с другой. Смерть от болезни или физиологический рост организма точно так же могут быть выражением общественного подбора, как гибель нормы вследствие вытеснения ее иною или распространение идеи путем словесного общения людей. В какой мере болезненность и смертность людей, а также возможность плохого или хорошего физического развития определяются социальной средой людей, положением их в системе производства и присвоения — это достаточно выяснялось статистиками и антропологами; и точно так же судьба *идей* и *норм* зависит от их отношения к социальной среде, хотя бы проявления приспособленности их или неприспособленности были далеко не так резки и наглядны, как тогда, когда дело

идет о судьбе людей.

Человеческая психика есть, во всяком случае, *основное* орудие социального развития, и «психический подбор» представляет поэтому главную форму воплощения «общественного подбора», наиболее постоянную и обычную. Путем психического подбора совершается развитие каждой психической особи, из каких составлено все общество; и даже самые *специфически социальные* процессы, как «подражание», «общение» людей, «сотрудничество» их между собою, реализуются при помощи психического подбора, протекающего в отдельных психиках. Когда психический организм действует как часть социального целого, он не перестает в это время быть психическим организмом, не перестает подчиняться всем психологическим законам. Та или другая форма сотрудничества предполагает усвоение каждой личностью, принимающей в ней участие, своей специальной роли в коллективно-трудовом комплексе; а это усвоение есть *психическое* изменение данной личности и вырабатывается психическим подбором. Социальный генезис того материала, ко-

торый в данном случае подлежит действию психического подбора, ничего не изменяет в этом, так же как и социальное значение выработанного психического приспособления. С точки зрения генезиса и объективного жизненного значения сама личность, со всем своим психическим содержанием, является ведь тоже социальной *формой*...

Роль психического подбора как орудия подбора социального не только вообще громадна во всех фазах развития человечества, но она, кроме того, возрастает с ходом социального прогресса. В обществах первобытных она значительно меньше, чем, например, в современных; там, при господстве стихийного консерватизма психики, сравнительно больше значения имеет тот грубый подбор особей, который непосредственно выражается в гибели и в размножении людей.

В общем, социальный подбор должен рассматриваться не только как частный вид «естественного подбора» (считая, конечно, всякий процесс подбора «естественным»), но и как наиболее частный вид подбора. Своих специфических, ему только свойственных

проявлений он не имеет, каждый его случай относится в то же время к какой-нибудь более общей форме подбора. Это, разумеется, нисколько не уменьшает его основного, его решающего значения для человеческой жизни и познания.

IV

Если общественный подбор представляет собою особенную, *социальную* форму причинности, как подбор всеобщий выражает специально биологическую причинность вообще, то естественно возникает вопрос об отношении принципа общественного подбора к закону причинности в самом широком, всеобъемлющем его значении, т. е. при современном состоянии знаний — к закону *сохранения и превращения энергии*.

С первого взгляда может показаться совершенно безнадежным и бесполезным применять понятие «энергии» к общественным процессам. Ни о каком точном энергетическом измерении тут не может быть и речи; мы не можем даже вполне установить специфических форм энергии, свойственных социальной жизни; или, вернее, мы имеем все ос-

нования принять, что в социальных явлениях выступают самые различные виды энергии, физической и химической[149]. И если бы вообще энергетика была познавательно пригодна только там, где удастся достигнуть *прямого* и *точного* ее применения на основе *непосредственных* измерений, то, конечно, незачем было бы и пытаться использовать ее понятия в сфере социальной науки при теперешних методах социального наблюдения и опыта. Но возможны *косвенные* и *приблизительные* применения энергетики; они существуют и имеют громадное значение даже в области физики и химии, где тоже ведь не всегда удастся прямое и точное измерение, а еще больше — в области физиологии; в учении о психическом подборе мы видели, что они могут быть существенно полезны и для психологии. Поэтому вполне законна попытка воспользоваться ими также для социально-научного исследования.

Все такого рода применения энергетики имеют по преимуществу *дедуктивный* характер и особенно, разумеется, там, где дело идет о наиболее сложных из известных нам явле-

ний — о социальных. Но сопоставление получаемых выводов с данными прямых наблюдений всегда может и должно служить для нас достаточным контролем над правильностью нашей дедукции и тех основных посылок, из которых она исходит.

Рассматривая всякую данную общественную форму как энергетический комплекс, как некоторую сумму энергии в качественно определенной комбинации, мы можем следующим образом формулировать основную связь энергетики и общественного подбора:

Всякий акт общественного подбора представляет собой возрастание или уменьшение энергии того общественного комплекса, к которому он относится. В первом случае перед нами «положительный подбор», во втором — «отрицательный».

Случай совершенного энергетического равновесия есть, разумеется, только идеальная комбинация, продукт отвлеченной мысли. Это случай «абсолютного сохранения системы», которому Авенариус ошибочно придал значение идеальной жизненной нормы, причем сам же уклонился от этой точки зре-

ния в анализе социальных комбинаций. Такое равновесие было бы, в сущности, «отсутствием подбора», а в усложняющейся жизненной среде, сопротивления которой в общем неизбежно возрастают, оно перешло бы в отрицательный подбор — в деградацию жизненной формы[150].

Оставляя в стороне фикцию абсолютного равновесия, можно подвергнуть общую формулу сомнению в другом смысле: во-первых, возможно ли говорить определенно о возрастании и понижении энергии той или иной общественной формы, когда в большинстве случаев мы даже не умеем точно ограничить ее в пространстве как особый комплекс; и во-вторых, имеются ли достаточные основания для уверенности, что всякий случай возрастания энергии соответствует именно положительному подбору, т. е. повышению жизнеспособности, а всякий случай уменьшения энергии — отрицательному подбору, т. е. понижению жизнеспособности? Оба возражения исходят из самой законной и обязательной требовательности научного мышления, которая предпочитает оставить вопрос от-

крытым, чем удовлетвориться произвольным ответом.

Первое возражение устраняется легко. Представляя собой определенную координацию психофизиологических комплексов, принадлежащих к отдельным организмам, форма «общественная» *всецело* разлагается на такие комплексы, не включает в себе ничего, что не входило бы в то же время в их состав; поэтому она энергетически однородна с ними. А к ним несомненно применимы понятия возрастания и уменьшения энергии — к их «физиологической» стороне потому, что она вся слагается из физических и химических процессов, к «психологической» — потому, что она тождественна с «физиологической» стороною с точки зрения энергетики, отличаясь только способом восприятия. На практике в целой массе случаев не удастся пространственно обособить, в смысле анатомии и гистологии, даже физиологические комплексы вполне определенного жизненного значения; пример — затруднения и неудачи теории локализации нервных центров. Это, однако, не приводит современного исследова-

дователя к отрицанию применимости энергетических понятий в какой бы то ни было области физиологии. Очевидно, то же самое должно относиться и к социальным комплексам.

Несколько сложнее вопрос о связи положительного общественного подбора с повышением суммы энергии, представляемой той или иной общественной формой, отрицательного — с понижением. Но здесь легко применить аргументацию, вполне однородную с той, которая была нами применена по вопросу о положительной и отрицательной жизнеразности[151].

Всякий жизненный комплекс, какова бы ни была его специфическая «форма», представляет собой подвижное равновесие — приблизительное, разумеется, — двух противоположных энергетических процессов — ассимиляции энергии из окружающей среды и дезассимиляции — «усвоения» и «траты». Ассимиляция есть переход энергии внешней среды в те виды и комбинации, которые свойственны данной жизненной форме; ассимиляция выражает собою власть жизни над

мертвую природой, победу организованности над неорганизованностью. Дезассимиляция — переход энергии жизненного комплекса в низшие формы и комбинации, свойственные неорганизованной среде, — есть цена, которую покупается эта власть и эта победа: жизнь преодолевает сопротивления внешней среды, и на это идет затрата энергии. Если сумма энергии, воплощенная в жизненной форме, возрастает, то возрастает и возможность затрат энергии, возможность *преодолевать сопротивление* внешней среды — возрастает «жизнеспособность». Это относится к каждому из элементов, составляющих «социальную форму», а следовательно, относится и к социальной форме как целому. Напротив, понижение энергии означает большую слабость по отношению к сопротивлениям внешней среды — уменьшение «жизнеспособности».

Остается напомнить, что при этом дело идет лишь о *непосредственном* повышении и понижении жизнеспособности, о мере жизнеспособности *для данного момента*. Всякое возрастание и уменьшение энергии жизнен-

ного комплекса необходимо изменяет его сложившееся равновесие, соотношение его частей между собою и с внешней средой. Это изменение может иметь в дальнейшем совершенно новые результаты, несходные с начальной фазой изменения: временное возрастание энергии может быть связано с таким невыгодным преобразованием внутренних отношений формы, которое впоследствии приведет к еще гораздо большему понижению ее энергии, а то и к гибели; временное уменьшение энергии может косвенно иметь противоположные последствия. Как раз социальная жизнь дает самые яркие примеры таких «колебаний подбора». Быстрый рост производительных сил капиталистического общества есть, несомненно, увеличение энергии социального целого; но дисгармоничный характер этого процесса приводит к тому, что он завершается «кризисом», громадной растратой производительных сил, резким уменьшением энергии: «положительный подбор» сменяется «отрицательным». В ходе кризиса, наоборот, путем гибели многих более слабых или непропорционально развив-

шихся элементов социальной системы устанавливаются более здоровые соотношения ее частей и создается возможность ее нового развития, еще более значительного роста энергии, чем прежде: «отрицательный подбор» сменяется «положительным». Кровавые, мучительные революции, несчастные войны и т. д. в этом смысле очень часто оказываются вполне аналогичны кризисам производства.

Все это нисколько не меняет, во-первых, *непосредственного* жизненного значения энергетических плюсов и минусов для социального комплекса, во-вторых, *конечного и общего* их значения (если иметь в виду большое число случаев подбора). Непосредственное энергетическое значение процессов подбора важно для анализа социального развития в том же самом смысле, в каком бесконечно малые разности для математического анализа вообще: чтобы понять процесс в целом, надо проследить его течение в его элементах. Конечное же и общее (суммарное) значение процессов подбора за известный период соответствует их энергетическому инте-

гралу: перевес непосредственных элементарных плюсов над минусами даст и в окончательной сумме, в жизненном интеграле, также плюс, перевес элементарных минусов — также минус[152].

Таково основное соотношение социального подбора с энергетикой.

V

Противоположности энергетического значения положительного и отрицательного подбора социальных форм соответствует коренное различие порождаемых тем и другим *тенденций развития*. Это различие в высшей степени аналогично тому, какое наблюдается в области психического подбора. Однако большая сложность и широта социальных явлений придает обеим тенденциям социального подбора также вполне своеобразные черты.

Социальный процесс в своем громадном богатстве содержания всегда включает массу пережитков прошлого и зародышей будущего. Когда уже исчезли в социальной среде те условия, которые вызвали к жизни ту или иную форму, она еще продолжает сохранять-

ся, иногда очень долго, в силу своей «системной» связи с целым рядом других, еще не отживших приспособлений. Когда создавалась новая комбинация условий социальной среды, требующая нового социального приспособления, оно создается далеко не сразу, иногда очень нескоро, в силу внутренних сопротивлений социального процесса. В результате фактов того и другого рода степень гармоничности и стройности социального целого, степень его органического единства может оказываться очень и очень различной.

Здесь-то именно и обнаруживается основное различие тенденций положительного и отрицательного социального подбора.

Пусть перед нами обширный социальный комплекс, заключающий в себе множество разнообразных социальных приспособлений, частью вполне развившихся, частью переживших себя, частью недоразвитых; это может быть, например, целое общество или целый класс общества, или целая идеологическая область жизни определенного класса и т. п. Пусть комплекс этот находится в фазе «положительного подбора», т. е. общего воз-

растания суммы энергии. Конечно, возрастание это обыкновенно является результатом высокой приспособленности только некоторых частей комплекса; но благодаря его жизненному единству, благодаря системной связи его частей, это повышение энергии распространяется до известной степени и на остальные части, так сказать, «распределяется» в комплексе как жизненном целом. Лишь постольку, поскольку в социальном комплексе происходит такое энергетическое «распределение», он и представляет собой одно целое с точки зрения положительного подбора, постольку он и образует «общее поле» для той своеобразной тенденции положительного подбора, которую нам надо найти.

Мы и начнем с выяснения этого «поскольку — постольку», которое преградило путь нашему анализу.

Социальные комплексы могут быть очень различного вида и состава, но обычной общей чертой их является отсутствие *пространственной непрерывности*. Носителем социальной жизни выступает человеческий организм; и элементы одной и той же соци-

альной формы обыкновенно входят в состав различных человеческих особей как их психофизиологические приспособления или прямо совпадают с этими особями. Социальный комплекс — будет ли это «техническое приспособление», или «норма», или «идея», или «класс», или «группа» — пространственно разбросан и разъединен при всем своем жизненном единстве[153].

В пределах современного состояния науки мы должны принять, что непосредственная передача повышения или понижения энергии от одних частей социального комплекса к другим происходит лишь там, где *имеется* пространственная непрерывность, где элементы, прямо подвергшиеся данному изменению энергии, находятся, следовательно, в физиологической связи с другими элементами, принадлежат вместе с ними к *одному организму*. Где такой связи нет, там мы не можем, вообще говоря, принять возможности прямого «распределения» энергии между частями комплекса — от одних к другим. Чтобы не вызвать недоразумений, я поясню оба случая примерами.

Предположим, что дело идет об определенном классе общества, который играет определенную техническую роль в системе производства, занимает определенное место в экономическом строении общества и имеет определенную идеологию. Класс этот представляет собой сложный социальный комплекс, состоящий из множества человеческих личностей, которые не находятся между собою в такой связи пространственной непрерывности, как ткани одного организма. Но *в пределах* каждой личности все элементы классовой жизни объединены такой непрерывностью: приспособления технические, экономические, идеологические, которые имеются в данной личности, связаны физиологической целостностью организма[154]. Теперь предположим, что некоторые части комплекса-класса испытывают «положительный подбор» — возрастание энергии. Если эти части суть только некоторые из личностей, входящих в состав класса, то мы не имеем никакого основания ожидать, чтобы «положительный подбор» прямо распространился и на остальных членов класса, т. е. чтобы и

те испытали благодаря этому повышение жизни — возрастание суммы энергии, в них воплощенной. Класс как целое тогда не явится объектом положительного подбора, если не будет каких-либо особенных условий.

Но предположим иной случай: не отдельные личности подвергаются непосредственному «положительному подбору», а целая определенная область классовой жизни, элементы которой имеются в психофизической организации каждого из членов класса. Например, пусть в области «технической» жизни класса, его «производительного труда», возникают условия, благоприятные для жизни класса, повышающие сумму ее энергии (сокращение рабочего дня, применение более удобных для работы инструментов и т. п.). Непосредственное возрастание энергии произойдет тогда в сфере технических приспособлений данного класса. Но в человеческой личности эти приспособления связаны с целым рядом других — так называемых «экономических» и «идеологических», связаны конкретным психофизиологическим единством жизни. В силу этой связи мы должны при-

нять, что «положительный подбор» в каждом из членов класса с одних элементов его организации распространится на другие, с технических на специально «экономические» и «идеологические»; между ними в известной мере *распределится* наличное возрастание энергии. Объектом «положительного подбора» здесь уже явится класс как целое[155].

Теперь мы можем возвратиться к основной линии нашего анализа. Пусть перед нами сложный социальный комплекс, который подвергается действию положительного подбора, причем действие это, начавшись с некоторых отдельных частей комплекса, переходит и на остальные. В каком направлении будет происходить общее изменение комплекса?

Прежде всего следует ожидать, что содержание комплекса будет *обогащаться*: развивающиеся комбинации выступают с большей силой и полнотой, только что зарождающиеся — развиваются и занимают свое место в общей связи целого; те и другие, жизненно усиливаясь, оказывают большее, чем прежде, влияние на жизнь остальных элементов це-

лого и вызывают в них новые изменения, частью становящиеся зародышами для дальнейшего развития, и т. д. Здесь, как во всех жизненных процессах, количественный прогресс переходит в качественное усложнение, простое же, так сказать геометрически-пропорциональное, увеличение комплекса есть вещь невозможная: всякая данная форма жизни есть выражение определенного ее равновесия; выходя из этого равновесия, жизнь меняет свою «форму», и чем сложнее то, что изменяется, тем более усложняется оно в этом изменении (если только изменение имеет не разрушительный, а творческий характер; именно таков положительный подбор).

Но положительный подбор имеет и другую сторону. Сохраняя, упрочивая, развивая все, что оказывается в сфере его действия, он сохраняет и упрочивает одновременно *слишком* многое, он развивает одновременно *слишком разнородное*. Во всяком социальном комплексе, как и во всякой сложной форме жизни, имеются элементы различных жизненных формаций: пережитки условий про-

шлого, развитые приспособления, вполне соответствующие условиям настоящего, наконец, зародышевые комбинации, которым предстоит развитие в будущем. Полной гармонии между теми, другими и третьими быть вообще не может; и особенно пережитки прошлого легко оказываются даже в прямом жизненном противоречии с остальными элементами комплекса, нарушая его цельность, уменьшая его устойчивость по отношению к воздействиям враждебных сил природы. Между тем положительный подбор не только поддерживает, но временно даже усиливает эти отживающие элементы комплекса, развивая в то же время и все остальные. Это ведет, очевидно, к возрастанию внутренней разнородности всего комплекса, к усилению внутренних противоречий его строения. Но проявляется жизненное противоречие лишь тогда, когда прекращается действие положительного подбора; он по самой сущности своей не допускает обнаружения жизненной несовместимости тех или иных форм, потому что, поддерживая и развивая их одновременно, он делает их на все это время жиз-

ненно совместимыми. противоречие может выступить реально только в виде взаимного, частичного или полного, разрушения комплексов, т. е. необходимо в виде отрицательного подбора. Положительный подбор, таким образом, создает и развивает *скрытые противоречия*.

Итак, влияние положительного подбора в процессе развития социальных форм характеризуется двумя общими тенденциями: рост жизненного содержания и в то же время — его скрытых противоречий.

Иллюстрацией может послужить для нас английский тред-юнионизм* в эпоху господства Англии на мировом рынке. Та часть английского рабочего класса, которая сплотилась в тред-юнионах, представляла собой особую социальную группу — группу квалифицированного труда со сравнительно высокой оплатой и ограниченной конкуренцией, пока рынок промышленности расширяется. Если не считать отдельных колебаний рынка (особенно в периоды острых кризисов), группа эта жила в исключительно благоприятных экономических условиях и могла довольно

быстро повышать свой уровень жизни, вообще находилась под несомненно преобладающим действием положительного подбора. И вот в то самое время, как потребности, сумма технического опыта и профессионального искусства, количество знаний и умственное развитие быстро возрастали в этой группе, ее идеология с упорным, поразительным консерватизмом сохраняла целый ряд пережитков, не соответствующих ни общим тенденциям класса, ни достигнутой им степени культуры: умеренный политический либерализм, экономическое манчестерство*, англиканская религиозность, мещанская нравственность и т. д. Этот своеобразный жизненный эклектизм держался десятки лет, но ему неизбежно должен был прийти конец, когда исчезли исключительные условия, дававшие так долго преобладание положительному подбору в жизни данной группы. По мере того как монополия Англии на мировом рынке отступала перед растущей конкуренцией со стороны молодых капиталистических стран, положение английских квалифицированных рабочих ухудшалось, усиливалась среди них

и безработица, заработная плата испытывала все более сильное давление со стороны вынужденных к тому предпринимателей, на сцену выступал все энергичнее отрицательный подбор. Тогда стало реально обнаруживаться скрытое прежде противоречие между прогрессивными и консервативными элементами пролетарской тред-юнионистской психологии, тогда идеологические пережитки оказались явно несовместимы с потребностями жизни и развития социальной группы и начали быстро разрушаться.

VI

Роль отрицательного подбора в социальном развитии вообще противоположна роли положительного и может быть сформулирована так: сужение поля жизни рядом с устранением ее противоречий, с ее «гармонизацией».

Первое понятно само собой: отрицательный подбор есть процесс разрушительный, энергетически он сводится к понижению энергии затронутых им комплексов — если он и не разрушит целого, то всегда уменьшит сумму его элементов и его жизненных прояв-

лений. Это чисто «отрицательная» сторона его работы.

Сторона «положительная» заключается в том, что разрушает он в наибольшей мере то, что наименее жизнеспособно и наиболее противоречиво. Он, как мы видели, обнаруживает скрытые противоречия жизни и достигает этого тем, что *обостряет* понижение жизни, создаваемое этими противоречиями. Если в сложном комплексе под действием положительного подбора сохраняются «отжившие» элементы, то они, конечно, непрерывно *понижают* сумму жизни целого, хотя понижение это и не заметно, так как оно исчезает в более значительном *повышении* жизни, вызываемом благоприятными соотношениями среды. Но если такое повышение прекращается, условия среды становятся неблагоприятны и вызывают понижение энергии комплекса, то постоянное понижающее жизнь влияние «отживших» элементов уже ничем не маскируется и выступает явно, присоединяясь к действию неблагоприятных внешних условий.

Жизненная несовместимость отжившего и развивающегося имеет чаще всего форму «паразитизма» или, еще лучше, «вампиризма». Пока благодаря монополюльной эксплуатации и грабежу новооткрытых стран громадные богатства притекали в Испанию при не особенно значительных затратах общественного труда, до тех пор феодалы и монахи могли благополучно паразитировать на организме испанского народа, не истощая его настолько, чтобы это исключало возможность развития. Но по мере утраты монополии и вынужденного сокращения грабежа эти элементы отжившего мира *ту же сумму* энергии для поддержания сложившегося уровня своей жизни стали извлекать из своей ближайшей социальной среды — испанских крестьян и ремесленников. Это — простейшая форма вампиризма. Вампиризм идеологических норм, переживших свой жизненный базис, проявляется иначе и сложнее. Когда для английских тред-юнионистов наступили тяжелые времена, то устарелое мировоззрение не тем вредило тред-юнионистам, что отнимало у них средства и энергию для своего непо-

средственного поддержания. Нет, оно мешало успешности их жизненной борьбы тем, что не давало развиться и реально проявиться новым приспособлениям, находящимся в соответствии с изменившимися жизненными условиями. Старое мировоззрение не допускает иных приемов жизненной борьбы, кроме старых, которые уже далеко не достаточны и часто ведут к бесплодной растрате сил: стачечная борьба против ухудшения условий труда, зависящего от общего сужения рынка, политическая поддержка той или иной буржуазной партии в зависимости от обещаний их кандидатов, обещаний, которые они частью не в силах, частью и не желают исполнять; все это уже не могло серьезно улучшить положение, но все это мешало организованным рабочим сплотиться в самостоятельную партию и планомерной политически-классовой борьбой отстаивать свои жизненные интересы. Новые приспособления зародились, но зародыши эти долгое время разбивались о консерватизм несовместимых с ними традиционных воззрений и приемов борьбы; *традиция была для них губи-*

тельно-враждебной частью их социальной среды. Только тогда, когда отрицательный подбор окончательно подорвал и разбил традицию, только тогда зародыши эти, тоже многократно ослабляемые отрицательным подбором, а нередко и уничтожаемые им, но вновь и вновь вызываемые к жизни одними и теми же условиями, могут расти и развиваться и увеличивать жизнеспособность целого. Здесь «вампирические» формы не столько «пьют кровь» прогрессивных элементов жизни, сколько «перегрызают им горло», пока могут.

Действуя на сложный социальный комплекс, отрицательный подбор угнетает его жизнь, разумеется, по всей линии; но погибают при обычной, не слишком большой интенсивности подбора только некоторые части комплекса, наименее устойчивые, наименее приспособленные к наличным условиям среды. Где существует жизненное противоречие, которое само уже есть источник отрицательного подбора, там влияние этого подбора глубже и сильнее, там его тенденция направлена к тому, чтобы уничтожить наименее

жизненную из двух сторон противоречия, причем *само противоречие устраняется*. Благодаря именно этому отрицательный подбор «гармонизирует» жизнь.

При благоприятных условиях то уменьшение жизни, которое непосредственно вызывается отрицательным подбором, в конечном счете оказывается выигрышем для жизни. Сложный социальный комплекс, подвергшись временному потрясению, недостаточному, чтобы его разрушить или радикально ослабить, в результате этого потрясения оказывается освобожденным и очищенным от наименее жизнеспособных своих элементов, главным образом от пережитков прошлого, а также вообще от наименее удачных, наиболее слабых и неприспособленных форм и комбинаций, входящих в его состав. Если сумма его содержания непосредственно уменьшается, если его «статическая» жизнеспособность (т. е. отнесенная к данному моменту) падает, то его «динамическая» жизнеспособность, возможность дальнейшего развития возрастает. Он становится целостнее и гармоничнее, все лучшие, наиболее прочные

и стойкие элементы развития свободнее могут развернуться, не встречая больше помехи со стороны элементов, отживших или негодных. Вот почему так часто период отрицательного подбора, вроде кризиса или революции, становится исходной точкой нового развития, гораздо более роскошного, чем то, которое ему предшествовало.

Итак, количественное уменьшение, сужение жизни, но в то же время ее гармонизация и «оздоровление» путем устранения всего противоречивого и нежизнеспособного — такова тенденция отрицательного подбора в социальном развитии.

* * *

Резюмируем наши выводы.

Социальный подбор выражает зависимость сохранения, развития и разрушения социальных комплексов от их социальной среды. Он представляет собой частную форму биологической причинности — подбора вообще. Он даже не имеет никаких специфических, ему только свойственных проявлений и выступает то под видом «естественного» подбора — физиологического сохранения, роста

и разрушения, то под видом подбора «психического» (последнее — наиболее обычная его форма).

Энергетически он является в виде возрастания энергии социального комплекса (положительный социальный подбор) или ее понижения (отрицательный подбор).

Применяя точку зрения социального подбора в конкретном исследовании, надо постоянно считаться с системной связью социальных комплексов и целесообразно выбирать «единицы подбора» (т. е. точно определять объем и рамки комплекса, который в том или ином данном случае подвергается действию подбора как одно целое).

В процессе социального развития тенденция положительного подбора является двойственной: рост содержания жизни и в то же время скрытых ее противоречий.

Тенденция отрицательного подбора — сужение жизни, но в то же время ее гармонизация, раскрытие и устранение ее внутренних противоречий.

Эти тенденции взаимно дополняют друг друга, обуславливая совместно движение к

гармоническому *taximum*'у жизни. Положительный подбор есть стихийное творчество жизни, отрицательный — ее стихийный регулятор.

Поскольку прогресс жизни имеет не только качественный, но и количественный характер, он предполагает известную степень *преобладания* положительного подбора над отрицательным. Если это преобладание слишком значительно, положительный подбор как бы загромождает жизнь чрезмерным богатством возникающих и развивающихся форм, и жизнь становится дисгармонична; если этого преобладания совсем нет — рост жизни делается невозможен, и она приходит к застою.

Поэтому нельзя считать положительный и отрицательный подбор вполне равноценными моментами в развитии жизни. Сущность их различия в этом смысле можно выразить так: положительный подбор — это *сама жизнь*, отрицательный подбор — *контролирующий механизм* ее движения.

Исторический монизм

А. Главные линии развития

Принцип «общественного подбора» для социальных наук вовсе не есть нечто по существу новое. Уже классики-экономисты в исследовании экономической жизни, несомненно, стояли на почве этого принципа, хотя, конечно, и не формулировали его определенно; их абстрактный метод имеет именно такой смысл, их понятие «экономической выгоды» выражает именно условия положительного социального подбора, их «конкуренция предприятий» есть один из частных случаев социального подбора вообще; приспособленность или неприспособленность определенных форм к данной (привычной для них самих, именно буржуазной) социальной среде есть то, что они постоянно стремятся выяснить своим абстрактным анализом.

Маркс освободил этот принцип исследования от его буржуазно-статической ограниченности и изучал причинную связь развития и деградации социальных форм в *изменяющейся и различной* социальной среде. Он расширил метод на всю социальную жизнь, установив необходимую зависимость развития

идеологических форм от социального подбора со стороны глубже их лежащих, основных социальных формаций. Но специальной, отчетливой формулировки самого метода он не дал и логической его связи с современными методами наук о жизни вообще он не установил. Да иначе и быть не могло, потому что Маркс выполнил коренное преобразование социальных наук *как раз в то самое время*, когда аналогичная реформа проводилась в науках естественных.

Теперь мы рассмотрим, в каком виде предстанут перед нами основные связи и зависимости социального развития, если их исследовать с точки зрения определенно выясненного принципа социального подбора. После всего изложенного легко предвидеть, что *существенных* изменений в историко-философской концепции Маркса при этом не окажется: но можно достигнуть большей точности и определенности как в основной ее формулировке, так и в ее частных применениях.

I

Мы условились под термином «социальный подбор» подразумевать основную жиз-

ненную зависимость общественных форм от их *социальной* среды. Если так, то по отношению к обществу как целому, как жизненной единице это понятие является неподходящим: само общество не подлежит «социальному подбору», потому что оно есть та самая среда, которая обуславливает этот подбор, среда, взятая во всем ее объеме. Среда же, от которой общество как целое зависит в своем развитии и деградаци и перед которою оно является как объект подбора, это та, что лежит вне его, — *внешняя природа*[156].

Отношения общества к этой внешней природе выражаются — так же, как и для всякой другой жизненной формы, — в усвоении и затрате энергии, в «ассимиляции» и «дезассимиляции». Если усвоение энергии из внешней природы преобладает над затратами, то сила общества возрастает, оно находится в состоянии «положительного подбора»; если трата перевешивает усвоение, то сумма энергии понижается, общество подвергается действию «отрицательного подбора». В сущности, все, что говорится о возрастании «власти общества над природою» или «власти приро-

ды над обществом», об увеличении или уменьшении «производительных сил общества», — все это служит описательным обозначением этих двух моментов подбора для социального целого.

Общество состоит из человеческих особей, но было бы большой ошибкой считать социальный «обмен энергии» со средою простой суммой физиологического обмена энергии отдельных организмов. В жизни человеческого организма далеко не все функции социальные; а для познания, объединяющего *однородное*, понятие «социальной системы» имеет смысл и ценность лишь тогда, когда оно охватывает систему социальных и только социальных функций. В дыхании, в кровообращении, в пищеварении отдельного человека нет ровно ничего социального; а эти процессы играют огромную роль в *индивидуальном* балансе усвоения и траты энергии. *Общественная* борьба за существование есть нечто совсем иное; она лежит вся в рамках *труда* и *мышления* людей; или так как мышление с полным основанием можно рассматривать как частную форму труда, то социаль-

ная борьба за жизнь вся заключается в пределах труда, и притом труда *социального*. *Общественный процесс есть процесс сотрудничества людей*[157].

Во всякой сложной жизненной системе, а особенно такой максимально сложной, как социальная, приходится различать функции, относящиеся к *непосредственной* борьбе с внешней природою, и функции, имеющие *косвенное*, не прямое отношение к этой борьбе. Например, коллективное добывание пищи в виде охоты есть акт непосредственной борьбы за жизнь; коллективное обсуждение способов добывать пищу, составление плана охоты и т. п. — акт, косвенно входящий в систему этой борьбы. Различие отнюдь не в степени социальности тех или других функций — они одинаково социальны и не в их жизненной ценности — они могут быть одинаково важны для жизни; различие только в направлении функций: в первом случае их объектом является *внешняя природа*, во втором — *другие социальные функции*. В акте охоты предмет воздействия — птицы, звери и т. д., в акте составления плана охоты — пред-

ставления людей об этом трудовом процессе. Функции первого рода обозначаются как социально-технические; функции второго рода мы оставим пока без специального обозначения.

Разграничение это для социальной энергетики имеет основное значение. Только в области непосредственной борьбы с природою, только в социально-техническом процессе происходит социальное «усвоение» энергии из внешней среды; тогда как «трата» энергии происходит *не* только там, но и в остальных областях социальной жизни. Поэтому самая возможность вне-технических социальных функций и их реальные границы *определяются всецело* тем «избытком» энергии, тем перевесом усвоения над тратою, какой дается в сфере социально-технической жизни. Весь социальный процесс в его целом совершается за счет технического.

Это элементарное положение, совершенно недоступное пониманию теоретиков «исторического идеализма», недоступное, по крайней мере, в своих необходимых выводах, если не в голой формулировке, — это положение

составляет действительный базис доктрины *исторического монизма*.

Прежде чем перейти от основного положения к его необходимым выводам, нам надо принять во внимание и устранить одно очень естественное недоразумение, которое может вызвать у читателя наша формулировка.

Социально-технический процесс есть процесс трудовой. Что в нем затрачивается энергия социального целого, это очевидно само собою; но где же здесь *усвоение* энергии? Раз мы не признаем социальными функциями индивидуально-физиологические процессы усвоения, как личное потребление, пищеварение, кровообращение и т. п., то возможно ли вообще говорить об «усвоении» энергии из внешней природы, когда дело идет о социальной системе? У нее нет, по-видимому, своих собственных органов и функций усвоения, и бесполезно их искать — система сотрудничества вовсе не есть организм, и все рассуждения о социальном пищеварении, кровообращении и т. д. сводятся к плохим метафорам и аналогиям, способным удовлетворить толь-

ко отжившую школу социологов-организмистов.

Возражение это всецело исходит из смутного и наивно-материалистического понимания энергетики. «Усвоение» энергии к тому же не вполне удачный термин, до известной степени поддерживающий неясность. Необходимо отчетливо установить понятия.

«Энергия» не включает в себе ничего абсолютного; это не «субстанция» вещей, а их соотношение. «Сумма энергии» всегда относительная величина, это мера тех изменений, которые одна «вещь» может вызвать в другой «вещи». Когда мы говорим о сумме энергии жизненной системы, то при этом всегда подразумевается: «по отношению к ее среде». Если совершается «усвоение» или «накопление» энергии, это значит, что потенциальная энергия системы по отношению к ее среде возрастает, энергия среды по отношению к ней уменьшается. То и другое может происходить различными способами.

Для человеческого организма одним из технических способов «усвоения» энергии является принятие внутрь и «переваривание»

веществ, находившихся в окружающей среде. Этим путем действительно увеличивается потенциальная энергия организма по отношению к его среде, уменьшается энергия среды по отношению к нему. Но так же изменяется относительная величина энергии организма и среды тогда, когда человек «одевает» себя в определенную оболочку, взятую, конечно, из этой же среды. Тогда тоже уменьшается способность среды разрушительно изменять организм (посредством охлаждения, механических повреждений и т. д.) и увеличивается способность организма изменять среду в соответствии со своими жизненными функциями: та энергия, которая при голом теле идет на поддержание температуры покровов тела, теперь в значительной части сохраняется для новых воздействий на среду.

С этой точки зрения нет ничего странного или трудного и в вопросе об «усвоении» энергии внешней среды в техническом социально-трудовом процессе. Общественный труд людей, изменяя внешнюю природу, преобразует ее в таком смысле, что энергия социальной системы по отношению к ее среде увели-

чивается, энергия среды по отношению к ней уменьшается. Это относительное изменение и есть величина жизненного плюса социальной системы, ее «усвоения».

Все «производство», т. е. превращение предметов природы в «продукт человеческого труда», и есть не что иное, как прогрессивное созидание такой среды, по отношению к которой энергия социальной системы была бы *maximum*[158].

Но сам по себе социальный труд есть *траты* энергии, понижение энергии социальной системы по отношению к ее среде. Перед нами две переменные величины, со знаками плюс и минус. Их разность представляет жизненный баланс социально-технического процесса; за счет этого баланса идет вся остальная, внетехническая жизнь социального целого. Следовательно, она возможна только тогда, когда разность усвоения и траты в техническом процессе представляет достаточно *положительную* величину.

Перейдем теперь к этой другой области социальной жизни и рассмотрим, в чем состоит ее содержание и ее реальное значение.

II

Из всего только что изложенного с несомненностью следует, что технический процесс есть *генетически первичная* область социальной жизни, что только из него может исходить всякое социальное развитие. В природе вообще ничто не развивается «само из себя»; изменения всякой формы, организованной или неорганизованной, в конечном счете обуславливаются воздействиями *извне*; а для социальной системы техническая область есть именно та, где непосредственно воспринимаются эти воздействия, потому что это «пограничная» область социальной жизни. Чтобы прийти неизбежно к выводу о первичном значении техники в социальном процессе, достаточно только признавать полную применимость к обществу закона причинности, а без этого не может быть и речи о социальной науке[159].

Как приспособления первичные, технические формы социальной жизни представляются относительно простейшими, но, конечно, только относительно, по сравнению, например, со многими идеологическими при-

способлениями. Вся же социально-техническая система в ее целом чрезвычайно сложна даже у наименее развитых обществ и складывается из громадной массы отдельных социально-технических приспособлений. По мере общественного развития количество их и сложность возрастает.

Но там, где громадное количество жизненных форм объединяется в сложнейшую систему, там неизбежно должны возникать частные и частичные *жизненные противоречия* между ними. Гармония жизни никогда не дается первично, она может получаться только как результат развития; чем сложнее жизненный комплекс и чем интенсивнее его жизнь, тем неизбежнее для него «внутренние противоречия».

Устранение внутренних противоречий жизненной системы может происходить различными путями. Иногда просто путем отрицательного подбора, возникающего из самого противоречия, уничтожается одна его сторона, или даже обе, одно из находящихся во взаимном противоречии приспособлений или то и другое вместе. Например, у целой груп-

пы пресмыкающихся по мере развития того особого типа движений (и передвижения), который выражается в волнообразных и спиральных изгибаниях тела, атрофировались шаг за шагом все конечности, которые для такого рода движений не только были бесполезны, но являлись крайне неудобной помехой. Ясно, что этот способ устранения противоречий между жизненными приспособлениями весьма малоэкономичен с точки зрения *развития*.

В других случаях взаимно противоречивое соотношение различных функций или частей сложного комплекса сглаживается путем их изменения, одностороннего или обоюдостороннего. Это — путь очень обычный в жизни отдельных организмов и целых видов: изменяются, например, инстинкты в смысле перехода от дневного образа жизни к ночному, от растительной пищи к животной и т. п., и соответственно изменяются органы и функции зрения, пищеварения и т. д. Этот тип гармонизации может соединяться — но далеко не обязательно — с некоторым усложнением жизни.

Третий тип гармонизации, в данный момент наиболее для нас важный, всегда связан с усложнением и расширением жизни. Это — развитие *организующих приспособлений*.

Опыт показывает, что нередко две жизненные комбинации, которые при непосредственном их соединении оказываются во взаимном противоречии, легко связываются, уже без противоречия, при посредстве третьей комбинации — комбинации «организующей». Без таких приспособлений вообще невозможны, например, сколько-нибудь сложные организмы; их типом являются функции нервных центров. Если бы мускулы-антагонисты, например сгибатели и разгибатели конечностей, были сколько-нибудь независимы друг от друга в своих сокращениях (точнее, возбуждались бы к сокращению отдельными и независимыми центрами), то в целой массе случаев их движения только парализовались бы взаимно; связь посредством *общего нервного центра* устраняет это жизненное противоречие. По отношению к питанию все органы и ткани оказались бы в состоянии взаимной непригодности

или «противоречия», если бы не было организуемых функций сосудодвигательной и трофической нервной системы: гипертрофия одних частей организма шла бы рядом с атрофией других, и за ее счет, разумеется. По отношению к борьбе с внешней природой точно так же различные рефлексы и автоматические движения на каждом шагу создавали бы противодействие друг другу, целесообразным реакциям и подвергали бы опасности жизненное целое, если бы те и другие не регулировались «задерживающими» функциями центрального нервного аппарата.

Термин «устранение противоречий», в сущности, весьма недостаточно определяет организующую функцию. «Устранение противоречия» обозначает только избавление жизненной системы от известной *растраты* энергии; между тем роль организующих приспособлений часто имеет гораздо более положительный характер. Опыт показывает, что в жизненной борьбе две взаимно координированные величины могут давать более значительную реальную сумму, чем та, которая получилась бы при простом их сложении.

Так, совместное сокращение тысячи мускульных волокон дает для борьбы за жизнь положительный эффект, не в тысячу, а в несравненно большее число раз превосходящий тот, который получился бы от изолированного сокращения одного волокна; согласованные движения двух рук выполняют не вдвое, а вчетверо, впятеро больше полезной работы, чем движения одной руки.

Конечно, по существу эта функция организующих приспособлений (создание «активной гармонии») не отличается от первой (устранение противоречий). И здесь дело идет отнюдь не о творении новой энергии из ничего, а только о ее более благоприятном для жизни распределении. Все сводится к тому, что из общей затраты энергии жизненной системы более значительная доля идет на «полезную работу», менее значительная уходит на «вредные сопротивления» — эти термины прикладной механики здесь вполне точно выражают смысл приспособления. При «устранении противоречий» уменьшаются те вредные сопротивления, которые возникают из отношения одной части комплекса к дру-

гой; при создании «активной гармонии» частей комплекса, не представляющих друг для друга такого «вредного сопротивления», увеличивается коэффициент «полезной работы» и уменьшается коэффициент «вредного сопротивления» со стороны *внешней среды*. В механике так же удастся увеличить коэффициент полезной работы иногда тем, что лучше прилаживают части механизма одну к другой, уменьшая внутренние трения, иногда же и посредством координирования работы двух механизмов и более.

В социальной жизни, с ее громадной сложностью, организующие приспособления играют роль величайшей важности, и притом возрастающую по мере социального развития. *Они охватывают всю ту область, которая возвышается над «техническим процессом», и образуют в своем развитии, в своем возникновении и разрушении процесс идеологический.* Их можно сгруппировать в три основных типа:

1. *Формы непосредственного общения* — крик, речь, мимика. Они служат для *непосредственного объединения и координирова-*

ния человеческих действий, а затем и представлений, и эмоций — психических реакций, неразрывно связанных с действиями и их собою определяющих[160].

Каким образом «формы общения» служат для координации человеческих действий, прямой или косвенной (через призывы, приказания, указания, просьбы и т. п. или через передачу мотивов для действий — сообщение фактов, объяснение фактов, выражение настроений и т. д.), на всем этом мы здесь останавливаться не можем, тем более что все это достаточно знакомо каждому из личного опыта.

2. *Формы познавательные* — понятия, суждения и их сложные комбинации в виде религиозных доктрин, теорий научных и философских и т. п. Они служат для *систематического координирования труда на основе пережитого опыта*. Это координация менее непосредственного и более сложного характера. Она имеет тенденцию создать maximum гармонии не только между действиями, выполняемыми в настоящем, но также между ними и действиями, выполненными в прошлом, и

действиями, которые еще предстоит выполнить в будущем. И здесь координация представлений служит средством координации трудовых актов. Каким образом познавательные формы фактически выполняют эту функцию, здесь также специально излагать не приходится: по отношению к понятиям и «знаниям» технического характера это достаточно очевидно, по отношению к знаниям и теориям естественнонаучным это становится тоже очевидным, если принять во внимание их связь со знаниями техническими, для которых они служат средством систематизации и регулирования, объединяющими и контролирующими формулами; наконец, по отношению к остальным познавательным комбинациям — религиозным, научным, философским — их координирующее значение для человеческих действий является менее очевидным благодаря тому, что осуществляется еще более косвенным путем, но всегда может быть выяснено при достаточном исследовании[161].

3. *Формы нормативные*: обычай, право, нравственность, приличия, практические

правила целесообразности для поведения людей. Их роль заключается в *устранении противоречий социальной жизни путем ограничения тех или иных функций*, которые без этих ограничений дисгармонически сталкивались бы между собою. Чтобы убедиться, что именно таково значение этих социальных норм, достаточно представить их себе ясно в их действии[162]. Жизненная нераздельность координации представлений и координации действий здесь выступает особенно ярко.

Если провести параллель между тремя типами организующих приспособлений социального процесса и организующими функциями нервного аппарата в отдельном организме, то формы непосредственного общения можно, пожалуй, сравнить с простой передачей возбуждения через нервные клетки и волокна от одних частей организма к другим (например, «распространение рефлекса»). Формы познавательные тогда соответствуют накоплению раздражений в нервных клетках и выработке сложных ассоциативных связей между различными психомоторными

реакциями, при которых изменяется и совершенствуется сама форма этих реакций. Наконец, «нормы» являются тогда аналогами «задерживающих» функций центрального аппарата. Несовершенство этой аналогии вытекает из того факта, что общество не есть организм; самая же аналогия — из основного сродства, связывающего все сложные и высокоорганизованные формы жизни, здесь же в особенности — из сродства между формами — организм и общество, — реально относящимся между собою как часть и целое.

Рядом с теми тремя типами идеологических приспособлений, которые нами уже отмечены, ставят обыкновенно как отдельный тип *формы искусства*. С точки зрения нашей социально-философской задачи выделять эту группу форм не приходится, особого типа приспособлений они не представляют. Чтобы кратко мотивировать такое отношение, я позволю себе привести несколько строк из другой своей работы:

«Социальное содержание искусства сводится частью к передаче непосредственных переживаний от одного человека другим, ча-

стью к сообщению другим накопленного опыта (т. е. частью к первому, частью ко второму типу организующих приспособлений). Пение, музыка, ритмические движения танцев служат, подобно речи и мимике, способами „выражения“, передачи другим переживаемых настроений, только в менее определенной форме; многие дикие и варварские племена пользуются музыкой и особенно танцами для того, чтобы достигнуть единства настроения, когда предстоит сообщать вести какое-нибудь важное дело — совещание племени, выступление на войну или охоту и т. п.; аналогичное значение имеют пение и музыка даже у культурных народов в некоторых случаях жизни, например в военных походах. Песня, рисунок являются, кроме того, особенно на ранних ступенях развития, средством передачи накопленного опыта: припомним только, какое громадное познавательное значение имели в воспитании древних греков песни Гомера и Гесиода, произведения живописи и скульптуры в храмах и на площадях и т. д. Пение и поэзия имеют, несомненно, общее происхождение с речью, тан-

цы и пластические искусства — с мимикой, музыка — с мимикой и речью. Словом, искусство есть ряд идеологических приспособлений довольно различного рода, оно заключает в себе немало и технических элементов, особенно, например, архитектура»[163].

Теперь я только еще прибавлю, что сфера искусства заключает в себе и элементы третьего идеологического типа — социально-нормативные. На заре истории многие проявления искусства неразрывно сливаются с обычаем (так же, как и с религией); наоборот, на высших ступенях культуры возникает стремление превратить всю жизнь людей в художественное произведение искусства, и принцип искусства — красота — становится нормою человеческого поведения.

Итак, намеченные три типа организующих приспособлений социальной жизни охватывают весь идеологический процесс. Идеологический же процесс образует всю ту область социального, которая лежит вне процесса технического, вне непосредственных отношений борьбы социального человека с внешней природою.

III

Для признания технических социальных приспособлений генетически первичными, а идеологических — вторичными, в сущности, вполне достаточно выясненного нами соотношения их жизненной функции, достаточно людям, вполне усвоившим себе научное или, точнее, динамическое мышление. Но оно далеко еще не является всеобщим, даже в науке; и потому вполне возможно ожидать далее возражений еще в таком смысле, что «идеологическое» не может быть генетически вторичным, производным по отношению к «техническому», в силу *качественного* различия того и другого, различия, исключающего генетическую связь. Возражение это устраняется путем не особенно сложного анализа.

Различие «организующих» приспособлений и приспособлений «непосредственной борьбы за жизнь» во всей живой природе не только не имеет характера безусловного качественного различия, но зачастую даже вообще с трудом уловимо. Нервная система — организующий аппарат отдельного организма; но генетически нервная клетка принадле-

жит к той же группе «эпителиальных», как и железистая клетка или роговая клетка эпидермиса: первая развилась в сторону «организующей» функции, вторая и третья — в сторону различных «технических» функций, этим, конечно, маскируется, но отнюдь не уничтожается единство их происхождения. Все же здесь, по крайней мере, довольно резко разграничиваются самые функции; а какова, например, жизненная роль «чувствительно-двигательного» нервного узла у низших животных организмов? Он одновременно и вызывает мускульные сокращения, необходимые для движения организма, его самозащиты, нападения и *регулирует* связь различных мускульных рефлексов так, чтобы их энергия не растрачивалась бесплодно: одно и то же приспособление оказывается и орудием непосредственной борьбы с окружающей средой, и организующей формой целого ряда таких непосредственных приспособлений.

Социально-организующие формы не представляют исключения: они также имеют общее происхождение с социально-техническими, нередко из них возникают путем просто-

го их видоизменения или даже просто *совпадают* с ними. Например, один и тот же крик у стадных животных и также у людей может служить и средством устрашения нападающих врагов, т. е. орудием непосредственной борьбы, и призывным сигналом для других членов группы, т. е. организующим приспособлением первого типа, способом непосредственного общения.

Вообще же «идеологические приспособления» представляют собой комбинации, большей частью более сложные, тех же элементов, которые имеются в «технических формах», в приспособлениях для непосредственной борьбы с внешней природою. Мимика, крик, слово возникли как результат своеобразного развития некоторых элементов непосредственно трудовых реакций. В языке жестов у первобытных племен (и у детей живого темперамента) многие «обозначения» сводятся просто к сокращенному, неполному воспроизведению трудовых актов. Язык же звуков первоначально создан главным образом из «сочувственных движений», связанных с «социально-техническими» актами лю-

дей, точнее даже, составляющих неотделимую, хотя бы непосредственно и бесполезную часть трудовых комплексов («иррадиация» нервного возбуждения в силу физиологической связи нервных центров). Гениальная теория происхождения корней, предложенная Л. Нуаре, принятая и популяризированная Максом Мюллером, учеными, не имевшими по основам мировоззрения ничего общего с историческим материализмом, превосходно выясняет, каким образом первобытный язык возникал прямо из процессов коллективного труда людей. Простейшие идеологические формы — формы прямого общения — этим путем всецело сводятся к «техническому» генезису. А так как «слово» и «понятие» генетически тождественны и разграничиваются лишь на более высоких ступенях развития, как это показал хотя бы тот же Макс Мюллер, то нет даже надобности специально разыскивать «технические» корни форм познавательных, элементом которых является «понятие». Наконец, формы нормативные не заключают в себе также никаких иных элементов, кроме тех же самых поня-

тий (и их комбинаций — суждений) плюс элементы действий, связанных с ними (или «стремлений» — начальная психическая фаза «действий»). Следовательно, идея общего генезиса «идеологии» и «техники», при *первичном* характере развития этой последней, не встречает эмпирически обоснованных возражений.

Впрочем, для признания верности такого взгляда было бы, в сущности, достаточно того факта, что и технические приспособления, и приспособления идеологические слагаются из *психофизиологических* комплексов; а между тем ни физиология, с ее развитием организма из одной недифференцированной клетки, ни психология, с ее всеохватывающей ассоциативной связью всевозможных психических комплексов, не оставляют никакого места для коренных генетических различий[164].

IV

Итак, происхождение всего идеологического процесса из «энергетического баланса», процесса технического — из перевеса в нем «усвоения» энергии над ее «тратой», генети-

чески вторичный характер всех идеологических приспособлений и их организующее значение в социально-трудовой жизни — таковы те посылки, которыми мы уже располагаем для своего анализа.

Из генетически вторичного характера «идеологии» следует, что исходная точка всякого идеологического изменения лежит в сфере «технического процесса» — то самое основное положение, которое сформулировал исторический материализм в иных терминах: «рост производительных сил» — это лишь несколько отвлеченное выражение прогресса социальной техники, а то, что обозначают именем «экономики», — это пограничная область технического и идеологического процесса. Но, конечно, нам не из-за чего было бы предпринимать эту работу, если бы весь ее смысл сводился к тому, чтобы только признать то, что уже признано самой прогрессивною научной школою и подтверждено на конкретном материале в целой массе ее трудов.

«Организирующая функция идеологических форм» — вот на чем следует теперь остано-

виться. Что они «организуют»? — таков первый вопрос. Ответ очевиден: социальную жизнь, существующие социальные приспособления. Какие же именно? Если технические формы суть первичные, то, очевидно, их первоначально и организуют идеологические формы. В действительности так оно и есть, в чем нетрудно убедиться. Первичные корни человеческих языков служат для обозначения *действий*, непосредственно относящихся к социально-трудовому процессу: область *понятий* соответствует на ранних ступенях развития области слов, т. е. в сущности совпадает с нею; а *нормы обычая* также прежде всего возникают в области отношений непосредственной трудовой борьбы за жизнь общества. Но все это в первоначальных фазах развития: в дальнейшем картина осложняется.

Если организующие приспособления образуют «надстройку» над приспособлениями непосредственной жизненной борьбы, то во всех наиболее сложных формах жизни надстройка эта является «многоэтажной», и тем в большей мере, чем сложнее жизненное це-

лое. Например, в человеческом организме его организующий аппарат — нервная система — представляет собой несколько рядов нервных центров (для большинства функций три, четыре ряда), расположенных одни *над* другими в том смысле, что центры «низших» рядов *подчиняются* центрам «высших», т. е. регулируются, контролируются, объединяются этими последними. Высшие центры служат, следовательно, «организующими» для «организующих». Совершенно аналогичны отношения в социальной системе, только там лестница организующих приспособлений имеет еще больше ступеней. Для иллюстрации нам послужат два восходящих идеологических ряда, наиболее важных в жизни.

В сфере познания существует многостепенная лестница *понятий*. Первичные, простейшие понятия имеют наиболее элементарное эмпирическое содержание, наиболее близкое к конкретной действительности, т. е. к непосредственной жизненной борьбе. Таковы, исторически, понятия об обычных трудовых действиях — элементах технического процесса; эти понятия наиболее непосред-

ственно «организуют» трудовой опыт. Понятия о «предметах», даже о таких, как материалы и орудия труда, являются производными уже второго порядка, «организующими» для первичных: «предмет» есть комплекс, связанный со многими различными действиями, повторяющийся во многих различных моментах трудового опыта, и потому понятие того или иного «предмета» есть организующий центр для целого ряда понятий, выражающих трудовую активность. Например, понятие о «топоре» (*данном, определенном топоре*) служит центром для представления о самых различных действиях, которые выполняются над топором и при его помощи, а также, конечно, и для всех впечатлений (восприятий), неразрывно связанных с этими действиями[165]. Понятие о таком-то «дереве» ассоциативно объединяет все психически-двигательные реакции, относящиеся к данному дереву и т. д. Различные понятия более частного характера объединяются понятием обобщающим, с большим объемом и менее определенным содержанием: родовые понятия «топора», «деревя» и т. п. (не данных, опреде-

ленных предметов, а вообще предметов данного рода). В науке, в философии цепь обобщающих понятий идет систематически, звено за звеном, выше и выше, восходя к самым общим, «всеорганизирующим» для человеческого опыта понятиям; такая же цепь создается еще раньше в «обыденном мышлении», но только гораздо менее стройная и законченная, со значительно спутанными звеньями, связывающими комплексы, часто далеко не однородные с точки зрения «научного познания» (например, «вещи съедобные», «вещи несъедобные», предметы «дорогие» или «дешевые» и т. п.). Но способ образования спутанной системы понятий обыденного мышления и стройной системы научного мышления один и тот же: объединение «организующих» опыт комбинаций другими, «организующими» в свою очередь первые. Разница та, что материал научной системы понятий шире и что больше социально-идеологической работы применено к этому материалу; научная система понятий охватывает бесчисленные элементы, в обыденном мышлении разбросанные по различным отдельным психи-

кам, причем действие социального подбора из всей этой массы материала сохраняет и организует лишь наиболее жизнеспособное и наиболее устойчивое.

Если мы примем во внимание, что «обыденное мышление» с его системой понятий обыкновенно продолжает сохраняться наряду с «научным» и что в массе случаев люди пользуются понятиями первого типа, причем переходят от них к понятиям второго типа лишь тогда, когда наталкиваются на противоречия или полную недостаточность первых, то для нас станет ясно, что «научные» понятия с полным основанием можно рассматривать как организующие приспособления по отношению к понятиям обыденного мышления, стоящим на одной с ними ступени обобщения.

Так цепь познавательных форм удваивается и усложняется, переходя в запутанную идеологическую ткань; но при достаточном исследовании всегда возможно определить соотношения тех или иных элементов этой ткани как «организующих приспособлений» высшего и низшего порядка.

Область отношений «собственности» послужит для нас другим примером идеологической лестницы как ряда ступеней социально-организующего процесса.

Первично-организующими формами являются здесь те, сумма которых образует «фактическое распределение собственности» в данном обществе. Первоначально «собственность» есть только *факт*, а не «право»; это не что иное, как постоянное отношение определенного лица или группы к определенным объектам внешней природы в социально-трудовом процессе. Развитие «организующей нормы» в схеме можно представить следующим образом. Данное лицо или группа или родовая община обрабатывает данное пространство земли, занимая его без всяких «юридических» оснований, просто потому, что надо добывать средства к жизни, земля имеется налицо и никем не занята. Тут еще нет ничего «идеологического», а только — технический процесс, его деятель — человек и его объект — природа. Но когда, благодаря размножению людей, возникает абсолютное перенаселение и земельная теснота, когда

уже нет возможности для каждого найти незанятый участок, достаточный для его пропитания, тогда возникают «трудовые противоречия», захваты земли, уже обрабатываемой другими людьми (или общинами), ограбление и т. п. Тогда, как организующая форма, устраняющая эти противоречия, возникает «право» собственности данного лица или общины на данный участок земли. Социально-психологическое содержание этого права заключается в *признании* другими людьми исключительного трудового отношения данного лица или общины к данному участку и в готовности воспрепятствовать всякому действию со стороны кого бы то ни было, стоящему в противоречии с этим исключительным соотношением. Как видим, это уже «идеологический» факт, а «организующее» его значение для трудовой системы ясно без доказательств.

Для нас совершенно не важно, насколько приведенная схема соответствует историческому началу права собственности — по всей вероятности, собственность на оружие, орудия, стада и т. п. развилась раньше земель-

ной, — но схема эта рисует вполне точно жизненный смысл зарождения собственности и связь ее с техническим социальным процессом.

Возникшие таким образом первично организующие отношения собственности отнюдь еще не представляют собой «правового принципа»; это только пока еще идеологические элементы собственности: общине А «принадлежит» такое-то пространство земли, которое она обрабатывает, семейству В — такое-то стадо, которое им воспитано, лицу С — такое-то орудие, которое им сделано, и т. п. Но с усложнением общественной жизни эти элементарные формы оказываются недостаточными и даже сталкиваются между собою в возникающих вновь жизненных противоречиях; например, стадо, принадлежащее В, оказывается пасущимся на поле, принадлежащем А, который и пытается присвоить стадо себе, как все находящееся на его поле; орудие, принадлежащее С, оказывается сделанным из сломанного рога быка, принадлежащего к стаду В, что опять подает повод к конфликту и т. д. Тогда возникают обычно право-

вые «нормы собственности», организующие приспособления уже высшего порядка, которыми регулируются первичные элементы собственности. Эти нормы также еще далеко не универсального характера и очень далеки от «священного принципа собственности», охватывающего всю социальную организацию. Они примерно такого характера: «земля принадлежит тому, кто ее впервые стал обрабатывать, а также и все, что из нее вырастает, но не то, что случайно попадает на нее»; «орудие принадлежит тому, кто его сделал, но орудие, сделанное из заведомо чужого, неправильно присвоенного материала, должно быть отдано владельцу этого материала» и т. п.

Дальнейшее развитие создает потребность в организующих нормах еще высшего порядка, которые и вырабатываются с течением времени; и цепь продолжается вплоть до какого-нибудь последнего, всеобъемлющего принципа. В праве «обычном» этот процесс не достигает полной законченности, и самые его нормы не отличаются высшей степенью выработанности и отчетливости. Но все это

достигается в системе «права формального», например в писаных законах. Отношение обеих систем права до известной степени аналогично отношению обыденного мышления и научного познания, до известной степени, но не вполне. Анализировать ближе их связь здесь, однако, не приходится — для выяснения основной мысли наших иллюстраций сказанного достаточно [166].

Итак, по мере возникновения приспособлений различного типа, в силу их взаимных противоречий или недостатка связи между ними, возникает также потребность в организующих формах высшего порядка, которые и вырабатываются социальным подбором. В результате получают восходящие идеологические цепи, обыкновенно переплетающиеся между собою.

V

Общий генезис идеологических и технических форм в большинстве случаев имеет свою исходную точку так далеко от нас в прошлом, что мы принуждены искать его не в исторических данных, хотя бы самого отдаленного прошлого, а косвенным путем, в де-

дуктивно-аналитическом исследовании. Этой отдаленностью общего начала и объясняется господствующее в обыденном мышлении, а также и в более близкой к нему официальной науке и философии противопоставление «материальных» и «идеальных» элементов социальной жизни, как разделенных *toto coelo*, как различных качественно.

Когда мы говорили: противоречия технических комплексов, их взаимная непригодность порождают потребность в организующих идеологических формах и развитие создает таковые, то вопрос о непосредственном, конкретном материале, *из которого* развитие их создает, приобретает особенное значение для убедительности эмпириомонистической концепции. Мы могли бы, правда, ограничиться сделанным выше *общим* указанием на отсутствие качественных различий в самом составе форм того и другого рода. Но это соображение не обладает той наглядностью, которая всего быстрее и вернее уничтожает сомнения. Смешно было бы, например, отстаивать абсолютное различие между организующим аппаратом нервной

системы и другими органами, если эмбриология позволяет проследить развитие нервной системы из клеток той же эктодермы, от которой происходят многие органы с самыми «техническими» функциями. Но социальное развитие, к сожалению, не настолько ясно воспроизводится в индивидуальном, насколько биологическое-видовое; и потому здесь для «высшего» и даже «трансцендентного» происхождения идеологии остается больше простора.

На тех самых иллюстрациях, которыми мы воспользовались для наглядного изображения идеологических лестниц, я попытаюсь конкретнее представить и самое возникновение «идеологической ткани» из «ткани технической».

Согласно заключениям сравнительной филологии в первобытном языке слова выражают действия, а согласно гениальной теории Нуаре самые эти слова являются *физиологической частью* тех действий, которые они обозначают (или, точнее, тех психофизиологических комплексов, которые соответствуют «действиям»). Технический, трудовой акт как

нераздельное целое охватывает не только те мускульные сокращения, которые непосредственно полезным образом изменяют внешние отношения, но также и все те произвольные мускульные сокращения, которыми необходимо сопровождаются первые (в силу постоянной нервной иррадиации), а также, разумеется, и те процессы в центральном нервном аппарате (или, что то же, в «сознании»), которыми обуславливаются все те мускульные сокращения. Теперь, что же представляет собой первично образовавшееся понятие, содержанием которого служит этот трудовой акт? Да только — *сокращение этого же трудового акта*. Понятие это есть неразрывное соединение слова с представлением о данном действии. Но слово, как мы видели, первоначально само есть нераздельная часть трудового комплекса — именно, входящие в его состав произвольные мускульные сокращения голосового аппарата; представление же о действии (включающее в себя и стремление его воспроизвести) — это, согласно взглядам современной психофизиологии, начальная фаза волевого комплекса «дей-

ствия», психическое начало самого действия [167]. Таким образом, первичный познавательно-идеологический элемент — понятие — оказывается в данном случае просто сокращенною формою технического элемента — трудового акта.

Но «понятие» есть *организующее* приспособление. Почему же сокращенный трудовой акт может играть организующую роль для полных трудовых актов? Да именно в силу своего «сокращенного» характера. Понятие есть орудие организации опыта, орудие объединения опыта пережитого и регулирования им опыта последующего, т. е. в конечном счете живого труда. Но объединять пережитой опыт в психических организмах возможно, конечно, только в сокращенном виде, ибо психика ограничена. План города есть очень сильно уменьшенное воспроизведение его формы и может быть хорошим руководителем при путешествии по городу; но если бы план был точным и равным воспроизведением самого города, он был бы совершенно бесполезен. Именно «планом» социально-трудо-вого опыта является система понятий.

Разумеется, в дальнейшем развитии человечества формы познания усложняются, и не только понятия высших ступеней обобщения, но и понятия наиболее частного содержания уже не так просто сводятся к «техническому» базису. Но раз мы убедились, что самое начало идеологии лежит не на небе, а на земле, что ее первый источник непосредственно вытекает из «техники», то нам не надо уже детального исследования, нет ли где-нибудь в более высоких слоях идеологии чего-нибудь слегка сверхъестественного, отчасти несводимого к «материальному» базису социальной жизни — техническому процессу.

Перейдем к другой нашей иллюстрации — к элементам правовой жизни.

Первичным таким элементом является право собственности данного лица (фактически вернее — данной родовой группы) на данную «вещь». Сущность этого «права» заключается, как мы видели, в том, что к факту обладания и пользования данным лицом данной вещью присоединяется активное признание этого факта всеми членами обще-

ства — *стремление противодействовать* всему, что стояло бы в противоречии с этим обладанием и пользованием, всякой попытке отнятия и захвата вещи. Что касается самого *факта* обладания и пользования, то в нем первоначально нет ничего «идеологического», это явление из технической области; и только тогда, когда он (путем «сокращения») преобразуется в *понятие*, тогда перед нами наряду с техническим фактом оказывается еще и идеологический, познавательного, а не правового характера. Правовой элемент заключается в стремлении всех членов общества противодействовать отнятию вещи кем бы то ни было. Но «стремление» есть сокращенная форма волевого комплекса «действия», в данном случае — обобщение различных действий борьбы против захвата вещи посторонними лицами. А действия эти ничего идеологического сами по себе не представляют, это *технические акты* борьбы против силы, враждебной данному обществу, против силы внешней по отношению к нему природы. Таким образом, и первичные элементы правовой жизни при ближайшем ана-

лизе оказываются генетически производными элементов «техники», результатом одновременно «сокращения» и объединения ряда комплексов, принадлежащих к техническому типу.

Прогрессивное усложнение «организующих» форм по мере социального развития приводит к тому, что на высших ступенях идеологической лестницы уже чрезвычайно трудно уловить черты первичного «низменного» происхождения идеологии из технически-трудового процесса, как в нервном волокне трудно непосредственно найти черты недифференцированных эмбриональных клеток, из которых оно произошло. Но эти трудности ничего не меняют в принципиальном решении вопроса, которое одно для нас важно в нашем *философском* исследовании социальной жизни. Это принципиальное решение, как видим, вполне монистично.

VI

Общество — сложнейшая из известных нам форм жизни, и даже в самых ранних фазах своего существования оно обладает колоссальным богатством элементов развития,

наибольшим во всем биологическом мире. В непрерывном и многостороннем общении с внешней природою, вынуждаемом жизненной борьбою, социальный человек становится, стихийно или сознательно, творцом бесчисленного множества зародышевых комбинаций, стремящихся развиться в новые социальные формы. Но из массы эмбрионов и здесь, как везде в природе, развивается до полной зрелости ничтожное число наиболее жизнеспособных. Судьбу их решает закон «подбора».

Самое возникновение зародышей новых форм уже не представляет для нас ничего загадочного, это только измененные комбинации существующих социальных элементов, измененные различными воздействиями социальной и внесоциальной среды. Для нас важно теперь исследовать момент «подбора», условия сохранения и развития или ослабления и разрушения возникших группировок.

Начнем с первично-развивающихся — с технических приспособлений. Технический процесс есть *пограничная область* социальной жизни с внешней природою. Поэтому но-

вые формы, здесь возникающие, с двух сторон подвергаются непосредственным воздействиям «среды» — со стороны сил внесоциальных и со стороны сил социальных — и могут сохраняться и развиваться лишь в том случае, если сумма тех и других воздействий оказывается благоприятной, имеет знак «положительного подбора». А направление обоих деятелей подбора для одной и той же «технической формы» может быть, и нередко бывает, очень различным и даже прямо противоположным.

Предположим, что возникает новый технический прием, например у охотничьего племени применение для стрел каменных наконечников вместо костяных, у земледельческого — изменение в севообороте и т. п. [168] Первое условие для сохранения и развития новой формы — это ее непосредственное соответствие с внешними условиями среды. Наконечники для стрел из обсидиана* могут быть гораздо лучше костяных, однако употребление их не разовьется в общую техническую форму в данной стране, если обсидиан в ней встречается очень редко или только слу-

чайно привозится в нее. Заменить в севообороте растение А растением В может быть очень выгодно для производства, но и это нововведение не распространится в данном обществе, пока растение В в его системе производства является редкостью или пока его плоды и семена доставляются всецело из другой страны в количестве, едва достаточном для непосредственного употребления. Вообще, первый деятель подбора технических приспособлений — это внешняя природа, и первый момент их подбора — настоящий «естественный подбор». В нашу эпоху всемирных сношений между людьми и бесчисленных технических попыток действие этого подбора выступает зачастую в очень наглядной форме — при неудаче опытов акклиматизации, попыток разработки тех или иных минералов и т. д.[169]

Идем далее. Пусть со стороны природы внесоциальной развитие новой технической формы не встречает препятствий. Тогда весь вопрос сводится к воздействию социальной среды, к «общественному» подбору в собственном смысле этого слова.

Первым условием социального сохранения и развития новой формы является ее «непосредственная социальная полезность». Она состоит в том, что данное приспособление содействует перевесу усвоения энергии из внешней среды над затратами, «повышает производительность труда», как выражаются экономисты. Это повышение воздает базис для положительного подбора, и нетрудно видеть, каким именно образом.

Общество состоит из людей, и общественный подбор, как я уже указывал, в массе случаев принимает вид «психического подбора». Социальный перевес усвоения энергии над тратой выступает как возрастание энергии психического аппарата самих членов общества; например, самостоятельный мелкий производитель, благодаря техническому усовершенствованию, достигает прежних результатов с меньшим трудом, благодаря чему трудовая энергия сберегается и идет на возрастание жизнеспособности его организма, или, например, организатор предприятия с той же суммой средств, которою он располагает, получает больше, чем прежде, продук-

тов, что увеличивает его власть над людьми и над природою. Во всех таких случаях имеются условия для положительного психического подбора, который и стремится усилить и упрочить в психической организации членов общества комплексы, составляющие в своей социальной совокупности данную *техническую форму*. Охотникам «приятно», что они, пользуясь новым оружием, чаще и легче убивают дичь, земледельцам «приятно», что они при измененном севообороте получают увеличенное количество продуктов, и это «приятно» (и его обобщенные формы — «полезно», «выгодно») означает положительный психический подбор, поддерживающий новое приспособление.

Но *непосредственной полезностью* нового приспособления далеко еще не решается его социальная судьба, хотя и создается определенная тенденция в благоприятную для него сторону. На сцену выступает новый момент, который я назвал бы, заимствуя термин из механики, «вредным сопротивлением социальной системы».

Уже в силу одного того факта, что к старым техническим формам присоединяется новая, хотя и *непосредственно* полезная, прежнее, исторически сложившееся равновесие общественного процесса перестает существовать, оно в той или иной мере «нарушается» новыми комбинациями, и во многих случаях — на практике в громадном большинстве их — «нарушение» это имеет характер некоторого жизненного противоречия, связанного с известной растратой энергии целого.

Может быть, обсидиановые наконечники стрел и очень хороши, но они противоречат обычаям, заветам предков, которые учили делать наконечники из рыбьих костей, и, кроме того, эти рыбьи кости теперь пропадают даром, их не на что употребить. Может быть, перемена в севообороте и обещает увеличение урожаев, но предки не делали этого, а ведь они были мудры и благочестивы и знали, что Богу угодно; как бы не прогневить Бога этим баловством. А если при этом имеется еще чересполосица или общинное землевладение с обычным трехпольем или иной си-

стемой, требующей в определенное время превращения индивидуально возделываемых полос в общее пастбище, то почти всякая перемена в севообороте, введенная одними членами общины, чрезвычайно затрудняет ведение хозяйства остальных, живущих по старине, или просто становится невыполнимой.

Все это создает почву для другой, отрицательной тенденции социального подбора; и если она перевесит первую, положительную тенденцию, возникающую из «непосредственной полезности» данной формы, то социальный подбор устранил эту форму, что и наблюдается нередко в действительности.

Ясно, что здесь приходится иметь дело с двумя переменными величинами. Одна из них — степень «непосредственной полезности» новой технической комбинации, другая — степень «дисгармонии», жизненного противоречия, вносимого ею в социальное целое. Первая величина определяется сравнительно просто, по крайней мере, в большинстве случаев не возникает особых сомнений, увеличивает ли «производительность

труда» новый технический прием, и в значительной или незначительной мере. Вторая величина — «социальное сопротивление» — гораздо сложнее, ее труднее выразить сколько-нибудь простой формулой. Тем не менее можно указать два основных условия, от которых зависит ее возрастание или уменьшение.

Первое условие — это степень «новизны» данной технической формы или, что то же, степень ее *различия* с прежними, уже существующими техническими формами, с которыми она должна сочетаться в системе целого. Чем больше это различие, чем «непривычнее» новая комбинация, тем, вообще говоря, более значительно то непосредственное сопротивление, которое она встречает в социальной среде. Изобретение парохода встречено было самым широким непониманием как народа, так и просвещенных людей, вплоть до Наполеона, и трудности, с которыми пришлось изобретателю бороться, были громадными[170].

Но паровоз, изобретенный позднее, представлял собой нечто менее необычное, сход-

ство с паромом ставило его ближе к существующей уже технике, и социальный успех был достигнут легче. Из двух однородных изобретений, в одинаковой мере обладающих «непосредственной полезностью», больше шансов на сохранение и развитие имеет то, которое менее «ново» по своему содержанию, которое больше имеет точек соприкосновения со старой техникой. Даже социально-психологические моменты «любопытства» и «интереса к новому» включают в себя *недоверие* и *страх* перед этим новым, и отсюда стремление отнестись к нему более познавательно, чем практически, т. е. не вводить его в жизненный обиход.

Другое условие, от которого зависит сила тенденции отрицательного подбора, — это степень пластичности социальной системы. Строение общества определяет собою большую или меньшую возможность введения в него новых комбинаций. Застойное первобытно-родовое общество в силу основного устройства своей организации в сотни и тысячи раз менее способно *сохраняться, изменяя свои формы*, чем современное, капитали-

стическое. Причиной такой неподвижности является прежде всего бедность общего жизненного содержания, благодаря которой все «новое» имеет очень мало шансов найти сколько-нибудь гармонирующие с ним элементы и выступает как бы в роли «инородного тела», попавшего в живой организм. Особенно важен в этом отношении недостаток организующих форм, слабое развитие речи и познания. В отрывочном, зародышевом мышлении, ограниченном в силу недостатка слов и понятий, с трудом укладывается что бы то ни было необычное. Тут царствует стихийный консерватизм[171].

Бедность жизненного содержания не единственное, но, вообще говоря, главное условие, порождающее недостаток пластичности социальных систем. Исследовать другие условия нам здесь не приходится, так как это завлекло бы нас в частности. Во всяком случае, очевидно, что одно и то же новое приспособление, при данной степени его «новизны», гораздо труднее сохраняется и развивается в более застойной социальной системе, чем в более пластичной. Тенденция отрицательного

подбора в первом случае сильнее.

Итак, новая техническая форма лишь тогда войдет в социальную жизнь и сохранится в социальной среде, когда ее «непосредственная полезность», энергетический плюс жизни, связанный с нею, перевесит отрицательные тенденции подбора, возникающие из нарушения ею исторически данного равновесия социальной жизни. Поэтому, между прочим, новые формы жизни легче прокладывают себе дорогу, когда само это равновесие становится менее устойчивым, расшатываемое сильными ударами кризисов, революций, войн и т. д.

VII

«Идеология» есть одна из составных частей, и очень важная, той социальной среды, от которой зависит судьба новой формы, технической или идеологической. Консервативное и задерживающее влияние идеологии может быть громадно. История знает примеры, когда целая культура становилась неспособной к развитию благодаря тому, что вырабатывала идеологию, исключаящую социальный прогресс. Так было с рабовладельче-

ской культурой древнего мира, почти так с феодально-католической культурой Испании нового времени и феодально-бюрократической культурой Китая.

С другой стороны, широкая и гибкая идеология чрезвычайно облегчает развитие новых форм и органическое их слияние с социальным целым, ее организующие формы могут сыграть как бы роль связующего звена между «новым», «непривычным» и «старым», «привычным». Главную роль в этом смысле играют формы познания: они помогают «понять» и усвоить новое. Многие изобретения и усовершенствования погибали потому, что были «непонятны» людям своего времени в силу недостатка знаний.

Одного не может сделать никакая идеология — *вызвать* развитие, послужить для него *первичным двигателем*. Она не может этого потому, что имеет не прямое, а косвенное отношение к источнику всякого развития — к непосредственной борьбе человека с природою. Если иногда принимают, что это не так, что «идеология» сама может быть настоящей исходной точкою развития, то это бывает

обыкновенно благодаря неясности в употреблении термина «идеология». Всю *научную деятельность* людей относят к «идеологии», а так как из этой деятельности, несомненно, исходят иногда толчки к техническому прогрессу, то и приходят к выводу, что идеология способна быть самостоятельным стимулом развития. Ошибка здесь та, что «научная деятельность» отнюдь не вся сводится к «идеологии».

Всякий «научный» прогресс берет свое начало в сфере *непосредственных отношений человека с природою*, в сфере «технического опыта». Таким «техническим опытом» является в одинаковой мере и опыт мастерской, фабрики, полевой работы, и опыт лаборатории, физического кабинета, обсерватории, геологических раскопок, собирания растений и ловли птиц естествоиспытателем. Различие непосредственных целей ровно ничего не изменяет в самом типе деятельности, который и здесь и там одинаков, — именно, непосредственная борьба с природою. Поэтому «научно-технический» опыт есть отнюдь не «идеологический» опыт, «идеология» на-

чинается здесь с тех понятий, которые на почве «технического» опыта создаются. И если, например, супруги Кюри в своей «научной» работе открыли радий, применение которого, вероятно, преобразует целые обширные области социальной техники, то они достигли этого не «идеологическим» путем чистого мышления, а «техническим» путем анализа веществ. Ни анализ химический, ни анализ спектральный не представляют собой «идеологических» процессов, это процессы «технические». И даже там, где объектом научного исследования служит живое человеческое тело и его функции, сущность дела остается та же: как объект исследования, человеческий организм есть комплекс «внешней природы», такой же, как те инструменты и машины, которые при этом применяются.

Научно-технический опыт отличается от обыденно-технического только систематичностью и планомерностью выбора условий, при которых он протекает. Благодаря этой особенности, научно-технический опыт легче и законченнее организуется при помощи «понятий», чем опыт обыденно-технический: с

этой особенностью связана и непосредственная цель «научной работы». В таком именно смысле можно, пользуясь формулой Энгельса, обозначить научно-технический опыт как «производство идей», но надо не забывать, что практически это прежде всего все-таки производство известных комбинаций во *внешней природе*, стало быть, в то же время — «производство вещей». И если Энгельс полагает, что в социалистическом обществе «производство идей», как двигатель социального развития, получит преобладание над «производством вещей», то эта мысль совершенно верная, но она отнюдь не должна быть понята таким образом, что роль двигателя социального развития перейдет к «идеологии», а только таким, что одна область технического процесса при этом выступит на первый план сравнительно с другой его областью, отнюдь, однако, не отнимая у нее окончательно значения такого двигателя. *Всюду*, где человек становится лицом к лицу с природою, из этой встречи рождаются стимулы социального развития.

Я иллюстрирую отношение двух областей технического опыта одним примером, который показывает не только их принципиальную однородность, но и возможность прямого их совпадения. Как известно, в технике мореплавания определение долготы имеет громадное практическое значение; главным инструментом для такого определения является хронометр, поставленный по нулевому меридиану, а способом для такой установки хронометра может служить наблюдение над затмениями спутников Юпитера в связи с соответственными таблицами. Когда капитан направляет на Юпитер свой телескоп, он в точности повторяет то, что 300 лет тому назад сделал впервые Галилей; и хотя один ставит себе «обыденно-техническую» цель найти дорогу и избежать рифов, тогда как другой ставил себе «научно-философскую» цель проникнуть в природу вещей, *непосредственно-техническое* содержание их действий одинаково: в обоих случаях при помощи определенных приемов и орудий вносится изменение в непосредственные отношения человека с природою. Доставка лучей планеты к чело-

веческому глазу в увеличенном количестве и с измененным взаимным отклонением посредством телескопа — отличается ли это по существу от доставки химической энергии для человеческих организмов в измененной для лучшего усвоения комбинации посредством орудия добывания пищи и кухонных приспособлений? Если это сравнение и заставит читателя улыбнуться благодаря тому, что оно непривычно, то оно не станет от этого менее справедливым, как и старая идея о переходе энергии солнечных лучей в химическую энергию огурца.

Превращение опыта обыденно-технического в научно-технический и обратно есть особенно характерная и постоянная черта машинного производства[172].

Я считал необходимым остановиться на этом вопросе для того, чтобы отчетливым выяснением понятий устранить всякую возможность смешения в дальнейшем анализе «идеологии» с *научной техникой*. Вряд ли какому другому понятию пришлось пережить столько путаницы, как понятию «идеология». До сих пор многие даже из довольно ученых

«критиков» исторического монизма упорно смешивают «идеологическое» с «психическим». Тем более вероятны недоразумения с более тонкими различиями.

VIII

Переходя к подбору форм идеологических, надо прежде всего отметить исключительную роль социальной среды в этом подборе. По отношению к формам техническим мы видели, что там первым непосредственным фактором подбора является среда внесоциальная. Для развития форм идеологических она такого непосредственного значения не имеет; она влияет на них только *через технический процесс*.

Это положение вытекает из того факта, что идеология стоит не в прямом, а в косвенном отношении к борьбе общества с природою, к той борьбе, которая лежит в основе «естественного» подбора форм жизни. Между природою и социально-организующими приспособлениями стоят приспособления «организуемые». Вследствие этого подбор идеологических форм имеет более узкий, я бы сказал, более односторонний характер: это толь-

ко социальный подбор.

Нетрудно определить основное направление той линии, по которой идет действие социального подбора в идеологической области. В многоэтажной идеологической надстройке это направление снизу вверх, от технической жизни к высшим, всеохватывающим организующим формам, к «последним обобщениям» в познании, к «основам конституции» в правовой жизни, к «нравственному идеалу» в этической и т. д. Если стимулы развития исходят из технического процесса, то раньше всего они должны действовать на непосредственно связанные с ним перво-организирующие приспособления; и только тогда, когда изменятся эти последние, должны оказаться неприспособленными к ним, подвергнуться изменениям и действию подбора формы, их организующие, — идеологические комплексы второго порядка и т. д. Такова, как мы сказали, основная линия социального подбора. Прямым выводом из нее является *возрастание консерватизма идеологических форм по направлению снизу вверх, от организующих приспособлений низшего поряд-*

ка к высшим.

Все это вполне соответствует тому, что наблюдается в действительности. По отношению к области познания вся история науки может служить иллюстрацией. Реформа сложившейся системы понятий всегда идет снизу. Сперва идет накопление частных фактов, не укладывающихся в рамки системы; но вначале этого несоответствия просто не замечают. Затем, когда из новых фактов образуются обобщения, явно не сходящиеся с частными обобщениями имеющейся системы, тогда люди начинают высказывать недоумение и ставить вопросы, а система как целое все-таки продолжает сохраняться. Ее частные положения исправляют и подправляют, чтобы сгладить противоречия, а ее высшие принципы остаются неизменными. Только когда их несоответствие с преобразованным базисом системы становится слишком резким, тогда и высшие принципы приобретают характер «спорных», оказываются под знаком вопроса, что означает уже начало «отрицательного подбора». Но решающим моментом для этого подбора является возникновение новых «выс-

ших принципов» такой же степени широты и общности, как старые, и в то же время вполне гармонирующих со всей суммой фактов и частных обобщений, охватываемых системой. Для старых высших форм наступает эпоха безнадежной конкуренции, в которой они наконец и погибают.

В сфере отношений собственности наблюдается аналогичный порядок. Начинается дело с изменения фактических отношений собственности — изменяется ее конкретное распределение между лицами и группами и конкретное «экономическое» содержание связи между ними и «вещами», составляющими их собственность. Затем реформируются частные нормы обычая и права, которыми систематизируются и регулируются ближайшим образом эти отношения, издаются, например, отдельные законы, соответственные изменившимся экономическим условиям. Затем только вовлекается в преобразующий процесс «конституция» общества, основные принципы его правовой организации.

Если я очень бегло и в самых общих чертах набрасываю в обеих иллюстрациях связь

и последовательность социального развития, то это потому, что, подходя ближе к вопросу, мы неминуемо встречаемся с очень важным для нас его усложнением, вытекающим из далеко не полного единства социальной системы, — для новейших и древних культурных обществ, из дробления на классы, приводящего к одновременному существованию различных идеологических систем, к их борьбе и к неодинаковому направлению их развития. Мы и вернемся потом к рассмотренному здесь вопросу, когда наш анализ будет расширен введением в него понятия «классов» и «классового развития».

Но уже сейчас мы должны остановиться на другом усложнении вопроса.

IX

«Многоэтажность» идеологической надстройки, направление основной линии ее развития снизу вверх и возрастание консерватизма форм в этом же направлении объясняют один из замечательных жизненных парадоксов, с которым встречается теория социального развития. Именно, в то самое время, когда реальные основы сложной идеологиче-

ской системы уже исчезают и даже в наибольшей части исчезли, в верхних слоях идеологии развитие соответствующих им идеологических форм еще продолжается и завершается. Так, религиозная догматика католицизма заканчивала свое развитие, а ее высший — авторитарный — принцип получил наиболее полную и чистую формулировку уже тогда, когда феодальный базис католицизма был разрушен на 99/100 и новые формы жизненной борьбы порождали новые понятия. В государствах нового времени бюрократически-абсолютистская конституция и ее теория достигают своего предельного развития — в системе, формально тождественной с азиатским деспотизмом, — уже тогда, когда отношения производства требуют совершенно иных государственных форм и т. п. В нижних слоях идеологии начинается новая линия развития, в верхних — продолжается прогрессивно-поступательное движение по старой линии. Роль социального подбора оказывается резко двойственной, и это потому, что непосредственная социальная среда для различных слоев идеологии различна.

Для низших слоев надстройки эту среду образуют, с одной стороны, технические формы, с другой — ближайšie высшие из идеологических. Для высших слоев — ближайšie низшие идеологические формы и формы еще высшие. Когда непосредственная среда низших слоев уже успела, с одной стороны («снизу»), преобразоваться и значительно преобразовать их, среда высших слоев остается еще прежняя и влияет на их выработку в прежнем направлении.

Все это естественно вытекает из той закономерности, которую мы обозначили как «основную линию идеологического развития». Но на почве социального подбора из нее возникает еще другая, производная закономерность — «производная линия идеологического развития», с обратным первой направлением.

Как мы только что указали, ближайшая и непосредственная социальная среда каждого данного слоя идеологической надстройки, та среда, от которой наиболее прямым образом должно зависеть его развитие, слагается из слоя, лежащего ниже и лежащего выше, из

форм, им организуемых, и форм, его организующих. К той и другой части своей среды он и должен приспособляться в процессе подбора.

Вследствие этого мы имеем основания ожидать, что данная идеологическая форма или данная группа их, принадлежащая к одному и тому же слою, должны измениться не только в том случае, если преобразуется ниже находящийся слой, но и в том случае, если в силу каких-либо причин изменится находящийся *выше*. При каких же условиях это бывает?

По мере развития общества технический процесс, расширяясь и разрастаясь по различным направлениям, превращается в крайне сложную, разветвленную систему; различные его области настолько дифференцируются одна от другой, что ведут до известной степени самостоятельное существование. Например, в наше время при сильно развитом общественном разделении труда сельское хозяйство живет в значительной степени иной жизнью, чем обрабатывающая промышленность, торговля иной жизнью, чем

ученый мир, и т. д. В средние века феодальные формы существования деревни шли рядом с мелкобуржуазным развитием городов и т. п. Совершенно естественно, что каждая такая область социально-технической системы вырабатывает и до известной степени отдельную идеологию, как это легко видеть на всех приведенных нами примерах. Своеобразие возникающих таким образом «организующих» надстроек обнаруживается на всем их протяжении, от самых нижних до самых верхних звеньев. Таким образом, даже последнее, «все-организующее» звено этой цепи может заключать в себе следы своего происхождения из определенной области социального процесса.

Вполне естественно, что развитие идеологического ряда совершается в различных областях социальной жизни не с одинаковой энергией и полнотой. Та область, в которой оно идет всего быстрее и интенсивнее, приобретает раньше всех других законченные идеологические системы, познавательные или нормативные. В других областях аналогичные системы оказываются в это время еще не

полными, лишенными высших организующих форм. Но так как жизненная отдельность всех этих областей весьма относительна, и рядом с нею имеется более или менее тесная жизненная связь между ними, и так как всякая организующая форма, если она упрочивается и развивается, имеет тенденцию охватывать неопределенно широкое содержание, то происходит во многих случаях прямое объединение незаконченных идеологических рядов с законченными: высшие организующие формы этих последних становятся таковыми же и для первых, функционально заменяют собою их недостающие звенья — явление, для которого имеется много аналогий в биологическом мире.

Но при этом неизбежно должно произойти взаимное приспособление между высшими объединяющими формами и теми низшими, которые теперь попали в сферу их организующей функции. Принимая во внимание особенно значительный консерватизм высших форм, легко себе представить, что приспособление это сведется в большинстве случаев к изменению именно низших, более

частных форм; при этом они будут изменяться в таком направлении, чтобы создавалась полная гармония между ними и высшими организующими формами. Очевидно, что этот процесс приспособления низших слоев идеологии к высшим в данной области может продолжаться и дальше вниз *вплоть до технических форм* этой области. Так возникает вторая, производная линия идеологического развития — сверху вниз.

Иллюстраций этого процесса можно указать сколько угодно. В первый раз, когда мне пришлось обратить на него внимание, я приводил примеры исключительно из области форм мышления: авторитарный *дуализм организаторской и исполнительной функции*, идеология которого, сложившись в сфере основных отраслей коллективного труда, распространилась затем на все области технического и идеологического опыта, так что всякое явление действительности стало познаваться в удвоенном образе как сочетание «телесного» и «духовного» или «видимости» и «сущности» и т. п.; метафизический формализм пустых абстракций, словесно объединя-

ющих противоречивое содержание, исходная точка которого лежит в социальной связи и социальных противоречиях рынка и который наложил свою печать на все обыденное, научное, философское мышление буржуазного мира; энергетический монизм, возникший из технического опыта машинного производства и стремящийся в наше время преобразовать все области научного, а за ним, конечно, и обыденного мышления, и т. п.[173] Но то же самое наблюдается и столь же часто в сфере «нормативной» идеологии — обычая, права, нравственности.

Так, строгое право собственности нового времени, соответствующее собственности по римскому праву, сложилось, несомненно, в сфере обмена, торговли, торгового капитала и зародышей промышленного капитала; в деревне, с ее в первые века нового времени все еще натурально-хозяйственными отношениями, существовали совершенно иные обычно-правовые отношения собственности и ее несистематизированные нормы. Чем более тесной становилась экономическая связь торгово-промышленного и земледельческого ми-

ра, чем шире и глубже их общение, тем в большей мере проникали в сельскохозяйственный мир новые правовые нормы и, сверху вниз преобразуя отношения собственности, сильно ускоряли коренную реформу всей этой сферы социальной жизни, вплоть до ее технических форм. Аналогичным образом и нравственный идеал мещанства — идеал «абсолютной справедливости», под которой скрывается просто точный обмен эквивалентов, — возникнув из отношений мелкого обмена, захватывает затем в сферу своего влияния все остальные жизненные отношения мещанства — отношения семьи, дружбы, любви, идейного общения людей: всюду проникает оценка человеческих чувств и действий с точки зрения единого высшего принципа — «все должно оплачиваться, ничего даром!».

Можно было бы привести еще другие иллюстрации, но настоящим их полем является учение о классах и классовой психологии, без которого даже приведенные нами примеры не могут быть поняты во всей полноте. Там мы и вернемся к этому вопросу, а пока отме-

тим одно интересное и важное «превращение» двух линий идеологического развития, основной и производной.

Это общие научные методы — *индукция* и *дедукция*.

Х

Имея своим базисом весь технический опыт (как «обыденно-технический», так и специальный «научно-технический»), наука стремится планомерно организовать его в гармоничных и стройных формах познания. Следовательно, она сознательно и систематически выполняет процесс выработки определенных идеологических рядов. Но сознательное творчество организующих форм не имеет иных способов и путей, чем творчество стихийное, и необходимо его воспроизводить, только в более гармоничном и более сокращенном виде. *Индукция* и представляет собой такое «идеализированное» воспроизведение *основной* линии стихийного идеологического развития, линии, идущей от «более частного» к «более общему», от организующих комбинаций более узкого к комбинациям более широкого значения, словом, от «низших» форм к

«высшим». Такое значение индукции слишком очевидно, чтобы на нем нужно было специально останавливаться. И совершенно в таком же отношении находится *дедукция* к *производной* линии идеологического развития, идущей от «общего» к «частному» или «сверху вниз». И условия, и способ применения дедукции сразу обнаруживают это коренное тождество.

Дедукция применяется тогда, когда для известной суммы эмпирического содержания или для известного количества объединяющих его частных форм не хватает гармонически объединяющей их общей формы, когда, например, неизвестно, по какому «закону» происходят данные «явления». Тогда в качестве этой общей формы пытаются применить уже выработанную в какой-нибудь смежной области опыта и выясняют, получается ли при этом познавательное противоречие или, наоборот, познавательная гармония, возрастание возможности охватить опыт организующими формами. В последнем случае редукция выполнена успешно, познавательная связь установлена, и частные познаватель-

ные формы, которые требуется организовать, реформируются, приспособляясь к тем высшим и более общим, с которыми они этим путем объединились.

На примере всего лучше можно пояснить сущность дела. Пусть в области наблюдений над неорганической природою путем долгой и трудной индукции пришли к одному из конечных обобщений химии и физики, а именно к идее «вечности материи». По отношению к живой материи в физиологических процессах вопрос, положим, еще не исследован, и общего закона ее количественных изменений еще не получено. Тогда возникает стремление применить к данной области опыта уже выработанную в смежной области идею и здесь подчинить ей имеющиеся уже наблюдения и частные обобщения. Но при этом самые обобщения должны преобразоваться под влиянием новой, «организующей» идеи. Например, эмпирическое обобщение — «когда животное голодает, вес его тела уменьшается» — приобретает такой новый вид: «когда животное голодает, вес его уменьшается на совершенно такую же величину, на

какую возрастает вес окружающей его среды». Это преобразование и есть результат «дедукции». Но вопрос заключается в том, будут ли жизнеспособны преобразованные таким способом обобщения, а это значит, будут ли они действительно «организовывать» тот опыт, который они охватывают, и не окажутся ли в противоречии с ним. В первом случае «дедукция подтверждается на опыте», во втором «дедукция опровергается опытом». Это так называемая «проверка дедукции»: выполненная сознательно и планомерно, она быстро решает вопрос о жизненной связи данного «общего закона» с данной «частной областью опыта». В нашем примере эта проверка, сводящаяся к технически простым опытам — к помещению голодающего животного в замкнутую и легко поддающуюся взвешиванию среду, в какой-нибудь большой герметически закрытый ящик с приспособлениями, гарантирующими возможность дыхания, — эта проверка приводит к «подтверждению дедукции», и все учение об органическом мире преобразуется настолько, насколько этого требует подчинение его закону «вечности ма-

терии».

Если в научной дедукции такая проверка происходит *сознательно* и *планомерно*, то в стихийно протекающем идеологическом творчестве она совершается стихийно, но и там она во всех соответствующих случаях неизбежна и жизненно необходима. Когда, согласно закону «производной линии идеологического развития», какая-нибудь высшая организующая форма, познавательная или правовая, или нравственная и т. п., «распространяется» на ту или иную область социальной жизни, то социальная судьба этих преобразований и является *жизненной проверкой* для данной высшей формы в данной области. Например, если принцип собственности в его крупнобуржуазной форме распространяется на жизнь деревни, еще не вышедшей из фазы феодально-общинного строения с небольшой примесью мелкобуржуазных элементов, то легко может случиться, что преобразующая тенденция новой формы собственности вызовет сильный отрицательный подбор благодаря своему противоречию с техническим и экономическим содержанием, которое она

должна организовать. Тогда она и «не при-
вьется» в данной области, пока не произой-
дут достаточные и благоприятные для нее из-
менения в самом базисе деревенской жизни,
и отрицательный подбор не сменится поло-
жительным.

Хотя высшие идеологические приспособ-
ления отличаются более значительным кон-
серватизмом, чем низшие, но все же и их
консерватизм, разумеется, не абсолютный.
Поэтому там, где они переносятся из той об-
ласти, в которой возникли, в иную, порож-
дая, таким образом, «производную линию
идеологического развития», они не всегда
только преобразуют низшие формы, но
нередко, в большей или меньшей степени,
сами преобразуются их влиянием. То же са-
мое и в «дедукции»: *проверка* дедуктивных
применений какого-нибудь закона приводит
зачастую к изменению его формулы, обыкно-
венно в смысле большей широты и точности.
Так принцип равенства действия и противо-
действия, установленный Ньютоном для ме-
ханики, распространившись в XIX веке на
другие области физического опыта, превра-

тился в принцип сохранения энергии, способный по своей строгости и беспредельности применения стать всеобщей формой мышления[174].

Производная линия идеологического развития, а также и ее частный случай — дедуктивное распространение познавательных норм за пределы области их возникновения наблюдаются *не только тогда*, когда в известной области трудового опыта не хватает высших организующих норм, но также и тогда, когда наличные нормы этого типа оказываются в противоречии с изменившимся жизненным содержанием, которое они должны организовать. Они в этом случае могут быть «вытеснены» нормами, сложившимися в другой смежной области, но в то же время более, чем они, гармонирующими с преобразованным базисом данной области. Так бывает особенно часто в современную эпоху с ее стремительным развитием, обостряющим несоответствие между «нижними» и «верхними» идеологическими формациями. Религиозное мировоззрение русской деревни достаточно соответствовало технике и эконо-

мике эпохи крепостного права, но оно уже не подходит к современному содержанию деревенской жизни с сильно развитым денежным хозяйством и внутренней борьбой. Поэтому оно вытесняется «городским» мировоззрением, культом разума и знания.

Остается еще прибавить, что производная линия идеологического развития может начинаться, конечно, не только с самых высших организующих форм, но и с нижележащих, более частных, как и «дедукция» может иметь своею исходною точкою отнюдь не одни только высшие законы или последние обобщения.

XI

Хотя производная линия идеологического развития направляется от высших организующих форм к низшим и может даже оказать изменяющее влияние на «последние организуемые» — технические формы, это, однако, не делает идеологию ни при каких условиях *первичным* социальным двигателем развития. За производною линией всегда скрывается «основная»; те идеологические приспособления, которые преобразуют известную

область социальной жизни «сверху вниз», давая толчок даже ее технике, сами явились результатом развития, идущего «снизу вверх», имеющего в техническом процессе свою исходную точку. Значит, «в конечном счете» и здесь начало всему дают «технические» изменения: и если мы встречаемся с процессом социального развития, идущим в противоположном направлении, от идеологических форм к техническим, то мы не можем считать социально-генетическое исследование этого процесса выполненным, пока не выясним происхождения выступающих в нем идеологических изменений, пока не проследим это происхождение вплоть до «технического базиса», его исходной точки.

Таким образом, исследуя «социальную среду» как условие развития (или деградации) социальных форм, мы должны провести разграничение между двумя частями этой среды; всего точнее разграничение это формулируется следующим образом: в процессе техническом лежат социально-динамические условия, в идеологическом — социально-статические условия развития форм челове-

ской жизни. Под «динамическими» условиями какого-нибудь явления подразумеваются те, которые составляют его «энергетическую причину», т. е. процессы, энергия которых служит *источником* данного явления; и таково именно значение технического процесса в социальной жизни. Под условиями же «статическими» подразумеваются все остальные: они оказывают влияние на ход явления, на его «форму», они «определяют» его в смысле границ его развития, но не они его «вызывают», не они дают ему начало. Такова роль идеологии по отношению к новым социальным формам и их изменениям.

«Определяющее» значение идеологии в социальном процессе есть именно *ограничительное* и *формирующее* значение. Тут она оказывается могучим деятелем социального подбора. Предположим, что возникла в зародыше новая социальная форма; пусть это будет техническое приспособление — новая «машина» (т. е., конечно, производство и применение машины, сама же машина, как мы знаем, вовсе не есть социальный комплекс). Что эта новая форма возникла из техническо-

го процесса, из его потребностей и из его материала, этого пояснить и доказывать нет необходимости. Каково же влияние существующей идеологии? Чтобы представить себе ясно ограничительную сторону этого влияния, достаточно сопоставить судьбу новой машины при ремесленном, капиталистическом и социалистическом строе.

При ремесленном строе, с цеховыми нормами, в большинстве случаев *гибель новой формы тем неизбежнее, чем она технически выгоднее*. Чем сильнее повышает машина производительность труда, тем более она «вредна» с точки зрения цеховой организации. Вся система нормативных приспособлений этой организации направлена к точному определению форм и границ трудового процесса; таким путем достигается устойчивое равновесие мелкобуржуазных ремесленных хозяйств, их сохранение от разрушительных сил рынка, с его борьбой и его стихийностью. Машина угрожает этой устойчивости, она нарушает равновесие мелких хозяйств, она дает простор власти рынка над ними и при посредстве этой власти способна разрушить

большинство их, возвысив взамен лишь немногие. Поэтому вся идеология цехового строя резко враждебна машине и вообще быстрому техническому прогрессу; она *ограничивает* его. Если же она не уничтожит какое-нибудь вновь возникшее приспособление, то она придаст ему *своеобразную социальную форму*: она превратит его в *привилегию* определенной группы хозяйств, какого-нибудь «цеха», и установит для него рамки и условия его применения в производстве.

Не такова тенденция социального подбора со стороны идеологической среды того мира, где царствует капитал. Здесь машина не встречает такого сопротивления, которое возрастало бы параллельно его непосредственной полезности для производства; наоборот, сопротивление *уменьшается* с возрастанием этой полезности и шансы успеха новой формы увеличиваются. Тем не менее сопротивление и тут существует. Машина, повышающая производительность труда, не найдет себе места в производстве, если она *не прибыльна*, т. е. если ее рыночная цена не ниже цены той рабочей силы, которую она замещает. Фети-

шистическая идея «прибыли» всецело господствует над мышлением предпринимателя — организатора производства — и определяет собою его действия; все, что стоит в противоречии с этой идеей, быстро и неизбежно устраняется отрицательным подбором. В результате, как известно, — значительное ограничение для применимости машин, особенно на низших ступенях развития капитала, при дешевой рабочей силе. И та же высшая капиталистическая идея регулирует, хотя и совершенно иначе, чем цеховые нормы, все производство и применение машины, определяет конкретную *форму* данного технического приспособления: с точки зрения прибыльности решается вопрос о материалах для постройки машины, о ее размерах, о количестве и качестве рабочих при ней, о дополнительных приспособлениях вроде регуляторов, ограждений и т. д.

В социалистическом обществе все ограничения, вытекающие из привилегий или из подчинения фетишу прибыли, исчезают. Там, в сознательной и планомерной организации производства вопрос о всякой новой машине

решается с точки зрения ее прямой «полезности». Но даже там, хотя в несравненно меньших размерах, чем в нашем обществе, относительный консерватизм идеологии будет влиять ограничительным образом на применение новых технических приспособлений: и это влияние будет становиться ощутительным — иногда даже решающим — по отношению к таким, например, машинам, которые достигают лишь ничтожного повышения производительности труда, и к таким, полезность которых хотя и вероятна, но еще не вполне установлена. Что касается самых форм осуществления и применения новых технических комбинаций, то здесь большую роль будут, по всем данным, играть *эстетические* нормы социального сознания...

Следовательно, даже тогда «идеология» останется ограничительной и формирующей, но не самостоятельно движущей силой социального развития — «статическим», но не «динамическим» его условием.

* * *

Резюмируя связь и зависимость между «идеологией» и «техникой» в процессе соци-

ального развития, мы приходим к следующим формулировкам:

1. Технический процесс есть область непосредственной борьбы общества с природою, идеология — область организующих форм социальной жизни. В конечном счете технический процесс представляет именно то содержание, которое организуется идеологическими формами.

2. Соответственно такому соотношению, технический процесс представляет основную, идеология — производную область социальной жизни и социального развития. Энергетически идеология обусловлена техническим процессом в том смысле, что она возникает и развивается за счет свойственного ему перевеса ассимиляции над дезассимиляцией. С качественной стороны материал идеологических форм также имеет свое начало в технической области.

3. Развитие технических форм совершается под непосредственным действием как подбора «внесоциального» (влияний со стороны внешней природы), так и подбора социального. Развитие идеологии непосредственно под-

чиняется лишь социальному подбору.

4. Исходная точка всякого социального развития лежит в техническом процессе. Основная линия развития идет от технических форм через низшие организующие формы идеологии к высшим. Соответственно этому в том же направлении идет возрастание консерватизма социальных форм.

5. Производная линия социального развития, направляющаяся от высших организующих форм к низшим и от идеологии к технике, есть всегда лишь продолжение и отражение основной линии. Она не только не изменяет относительно большей величины консерватизма высших форм идеологии, но даже опирается на этот консерватизм как на свое необходимое условие.

6. Таким образом, в техническом процессе лежат динамические условия социального развития и деградации, движущие силы этих процессов, в идеологии — статические условия, силы ограничительные, регулирующие, формирующие.

В. Классы и группы

В предыдущей части нашего анализа обществу все время рассматривалось как одно жизненное целое, с единым направлением подбора его элементов — социальных форм. Но такая точка зрения законна только до известного предела; она выражает собою *отвлечение* от некоторых черт, реально выступающих в жизни общества то в большей, то в меньшей степени. На дальнейших стадиях анализа эти черты должны быть приняты во внимание; а они сводятся к *относительной жизненной отдельности* определенных частей общества и, соответственно этой отдельности, *относительно различному направлению* подбора социальных форм в пределах этих частей.

Первобытное общество, маленькое и тесно сплоченное, чуждо разделению на классы; степень его жизненного единства подобна той, какая свойственна живому организму, конечно не организму высшего типа, а какому-нибудь из низших многоклеточных, вроде кишечно-полостных или лучистых. Начало дробления общества на классы и социальные

группы лежит там же, где и начало всякого вообще социального развития — в техническом прогрессе. Расширяясь и вращаясь по различным направлениям во внешнюю среду, социально-технический процесс подвергся сильной *дифференциации*, которая выразилась в «разделении труда». Как мы видели, развитие технических форм находится в зависимости не только от «социального подбора», но также — и прежде всего — от подбора «внесоциального», от непосредственных воздействий внешней природы. Разнообразие внешних природных условий, в которых приходится выполнять свой труд различным членам и группам разрастающегося и все шире раскидывающегося в пространстве социального целого, дает исходную точку для развития «общественного разделения труда» — для отделения сельского хозяйства от обрабатывающей промышленности и от горного дела, а затем дальнейшего распада этих отраслей на более мелкие.

Параллельно с этим дроблением общества шло другое, также обусловленное расширением и усложнением техники, но вытекав-

шее из него иным путем. Именно разделение труда уменьшало степень непосредственной согласованности отдельных трудовых функций и увеличивало непосредственные противоречия технического процесса. Отсюда возникла необходимость приспособления, направленного к непосредственному и систематическому согласованию частей трудового процесса, к непосредственному и систематическому устранению выступающих в нем частных противоречий, и такое приспособление выработалось в виде отделения организаторской функции от исполнительской.

«Организатор» трудового процесса представляет собой персональную форму «организующего приспособления», как «идеология» — форму безличную. В развитии жизни очень часто бывает, что однородные функции выполняются органами, в высшей степени неоднородными по своему генезису и по самому типу своего устройства. Впрочем, есть, конечно, и разница в характере «организующих» функций организатора человека и какой-нибудь «идеи» или «нормы»: в первом случае эта функция имеет более непо-

средственный, более живой и текучий характер. Каждое «распоряжение» организатора есть как бы «норма», созданная им для *данного частного случая*, тогда как даже наиболее скромная по жизненному значению норма идеологическая охватывает целый неопределенный ряд частных случаев. Зато деятельность организатора несравненно полнее охватывает каждый частный случай, к которому относится, и может определить его собою всецело, а идеологическая безличная форма всегда определяет тот или иной социальный факт лишь частично, захватывает лишь какую-нибудь одну его «сторону» или особенность. Коренное же сходство обоих типов «организующих социальных приспособлений» выражается и в цепи их развития, в образовании здесь и там восходящих рядов, суживающихся снизу вверх: какая-нибудь феодалная цепь организаторов, идущая от главы крестьянского семейства через множество вассально-сюзеренных звеньев к императору или папе, или бюрократическая цепь — от последнего городского до абсолютного монарха — вполне аналогична какой-нибудь идео-

логической цепи понятий или норм, от самых частных до самых общих.

Разграничение исполнителей и организаторов, а также организаторов различных степеней может также, и даже еще в большей мере, послужить основой для различных направлений социального подбора, как и первая указанная нами форма разделения труда. Чтобы не смешивать эти генетически неоднородные и жизненно-несходные способы дробления общества, мы будем деление первого рода обозначать термином «социальные группы» (земледельцы, ремесленники, торговцы и т. п.), деление второго рода — термином «классы» (рабовладельцы и рабы, предприниматели и рабочие и т. д.). Таким образом, типическое отношение социальных групп для нас будет *специализация*, типическое отношение классов — *господство и подчинение*[175].

II

Само по себе разделение труда в обществе еще далеко не равняется его дроблению на группы и классы. Пока различия или даже частичные противоречия не выходят за пре-

дела технического процесса, до тех пор это не более как различия и противоречия частей одного целого, неизбежные, разумеется, во всякой сложной форме жизни; и социальный подбор стремится гармонизировать отношения этих частей посредством выработки *организующих форм*. Только тогда, когда эти различия и противоречия организуются как таковые, только тогда, когда они переходят в область организующих форм, так что создаются отдельные «идеологии», тогда можно уже говорить о групповом и классовом делении общества.

В староиндийской общине имелась, несомненно, хотя и примитивная по характеру, но довольно значительная специализация; но это еще не означало дробления общины на социальные группы, потому что вся область мышления и норм во всем существенном оставалась тождественной для всех членов коллективности. Выделение «старейшин» также не означало деления на классы по такой же точно причине: старейшина в общине как организатор труда являлся только человеком наибольшего опыта по сравне-

нию с другими членами общины, но во всем способе «понимания» этого опыта не отличался от остальных. Напротив, в городской общине средних веков каждое ремесло организовывалось в особую социальную группу, живя отдельной жизнью в сфере техники, оно закрепляло эту отдельность, с одной стороны, системой ремесленного обучения, недоступной для представителей других ремесел, с другой стороны, особой системой норм, в виде цехового статута регулирующих внутреннюю жизнь ремесла, в виде специальных привилегий цеха — внешнюю жизнь. Эту отдельность идеологический консерватизм упрочивает настолько, что когда внутри ремесла происходит уже новое распадение — на классы, и «подмастерья» организуются с самостоятельной идеологией против «мастеров», то союзы подмастерьев, расширяясь, нередко выходят за пределы отдельного города и даже отдельной нации, но никогда не переходят рамок отдельного ремесла: возникают междугородские и международные союзы подмастерьев одного ремесла, но нет междуремесленных союзов подмастерьев хотя бы

одного города.

Что же касается этого классового дробления ремесла, то оно становится совершившимся фактом лишь тогда, когда подмастерье, перестав быть простой «личинкой» мастера, вынуждается своим экономическим положением смотреть на жизнь и на свои интересы иначе, чем мастер, и создавать для себя иные нормы поведения, чем те, которые соответствуют взглядам и желаниям мастеров, словом, когда возникает «идеология» подмастерий.

Вообще можно сказать, что настоящая отдельность социальных групп и классов начинается там, где из разделения труда рождается *взаимное непонимание* людей.

Таким образом, *основа* этих социальных делений лежит в техническом процессе, в «производстве»; но их *формирующий* момент есть идеология или, вернее, «идеологии».

III

Социализация труда создает главным образом частичную *качественную* неоднородность жизненного опыта людей. Жизненный материал, организуемый в идеологических

формах, у сапожника не тот, что у земледельца, у земледельца не тот, что у моряка и т. д. Вначале, когда самая социализация еще только намечается и каждый работник родовой общины только *преимущественно* посвящает себя определенной отрасли труда, занимаясь время от времени и другими и обладая некоторым «уменьем» почти во всех них, это различие технического опыта отдельных работников по сравнению с общим для них жизненным содержанием так ничтожно, что может отразиться, и то в слабой степени, лишь на самых «частных» понятиях, на самых низших звеньях идеологического ряда, бесследно исчезая на вышележащих его ступенях. По мере развития специализации область идеологических различий, с одной стороны, расширяется внизу ряда, с другой — поднимается от нижних звеньев все выше. Каждое уже возникшее различие, становясь условием социального подбора, усиливает собою различие *в направлении* этого последнего, и новые различия создаются с каждым шагом все легче и легче. Таким образом, дифференцирующая тенденция, если бы она могла проявить-

ся в чистом, изолированном виде, должна прогрессивно усиливаться; и величина совершившейся дифференциации выражалась бы тогда, говоря математически, чем-нибудь вроде показательной функции[176].

Но рядом с дифференцирующей существует непрерывно другая, противоположная тенденция — «интегрирующая» или просто — организующая. *Общее* содержание жизни социальных групп не только не исчезает, но в свою очередь растет, особенно благодаря взаимному общению людей. А общение при специализации продолжает сохраняться и даже прогрессирует, потому что стимулируется ею: чем дальше идет специализация, тем меньше отдельные группы могут обходиться одна без другой, тем неизбежнее и чаще между ними «экономические» сношения, а на их почве и взаимный обмен опытом и идеями. Когда же взаимное «непонимание» социальных групп (разумеется, всегда частичное) становится ощутительным препятствием к общению, источником реальных «недоразумений», тогда социальный подбор стремится выработать общие для этих групп идеологические формы

взаимного «понимания»; происходит вынужденное жизненной необходимостью «ознакомление» социальных групп между собою, взаимодействие и взаимная шлифовка их мировоззрений в тех частях, в которых сказывается противоречие. Эта вторая тенденция может, в свою очередь, прогрессивно усиливаться, получая опору в каждом уже достигнутом успехе, повышающем для различных групп однородность среды социального подбора.

Таким образом, перед нами две прогрессивно развивающиеся антагонистические тенденции. От всей суммы конкретных условий зависит перевес той или другой из них. Пока дифференциация технического процесса идет все дальше, можно в общем констатировать среди ряда колебаний перевес первой, дифференцирующей тенденции в жизни различных социальных групп. Но на определенной ступени развития, совпадающей с началом машинного производства, совершается поворот.

Из колоссального материала технического опыта, систематизированного наукою, выра-

батываются общие технические приемы, такие технические формы, которые при незначительных вариациях частных применены в различных видах общественного труда. Сущность этого преобразования заключается в том, что между органами человека и орудиями, непосредственно действующими на материалы труда, выступает новое звено — механический аппарат; и отношение человека к внешней природе концентрируется в отношении к этому аппарату, к машине. А машины, отражая в своем устройстве результаты самого разностороннего, веками накопленного опыта, сведенного научным познанием к простейшим формам, машины гораздо более однородны и существенно сходны между собою, чем материалы и продукты их работы; и содержание технического опыта для людей, работающих с машинами, гораздо более сходно и однородно, чем для старых специалистов-ремесленников или рабочих мануфактур. Усовершенствование машин, ведущее мало-помалу к превращению всех их в «автоматические механизмы», усиливает эту тенденцию до неизвестного еще предела. «Спе-

циализация» как бы переходит с людей на машины; и не только происходит сближение «специальностей» по основному содержанию их технического опыта, но, кроме того, ослабевает связь между лицом и «специальностью»: переходы от одного занятия к другому становятся все легче. Так социальное развитие подрывает в конце концов социально-групповое деление, и для общества намечается путь к новой, высшей целостности [177].

IV

Классовое деление общества и в своей основе, и в своем развитии, и в своих конечных результатах глубже, чем социально-групповое. В своей конечной фазе оно не сглаживается, незаметно притупляясь, как это последнее, но насильственно преодолевается в суровой борьбе и жестоких кризисах.

Различие в содержании опыта для «организатора» и «исполнителя» с самого начала разделения этих функций и качественное, и количественное. Но качественное различие опыта здесь не того типа, как в обыкновенной «специализации», а совершенно иного.

Сапожник, кузнец, земледелец выполняют очень различные трудовые акты, но все эти акты лежат в одной жизненной плоскости, в сфере непосредственного воздействия со стороны человеческого организма на внесоциальную природу, непосредственной борьбы с нею, словом, в области технического процесса в самом полном и строгом значении этого слова. Не такова роль «организатора», направляющего и координирующего их труд, будет ли это патриарх родовой общины, или средневековый феодал, или рабовладелец античного мира, или предприниматель эпохи капитализма: он воздействует на природу *через* этих исполнителей, он не вступает с нею в непосредственную борьбу (*поскольку* он именно организатор, а не исполнитель), его труд не принадлежит к техническому процессу в такой мере и в таком смысле, как труд исполнителей. Для организатора непосредственный объект деятельности не природа вне-социальная, а другие люди; и орудие этой деятельности — не средства производства, а средства общения. Мы уже сравнивали организатора по его функции с идеологи-

ческими приспособлениями, и действительно, его социально-трудовая роль, при всей своей громадной важности, стоит в «косвенном» отношении к внешней природе, находится в области «идеологического процесса».

Организатор «обдумывает», составляя наиболее целесообразный план организуемых трудовых процессов, и «распоряжается», сообщая каждому исполнителю, что он должен делать, а затем «контролирует» работу, останавливая и ограничивая исполнителей там, где они уклоняются от этого плана. Как видим, его работа воспроизводит в зародышевом виде и в текущем состоянии все три основных типа идеологических форм, указанные нами выше. Все это глубоко отграничивает его функцию и, следовательно, содержание его опыта от исполнительской функции с ее «непосредственно-техническим» опытом.

С количественной стороны опыт организатора также отличается от опыта исполнителя большей широтой и полнотой, и эта разница тем значительнее, чем сильнее специализация исполнительского труда.

Наконец, степень *организованности* опыта в психике организатора должна быть для успешного выполнения его функции значительно выше, чем та, которая требуется для исполнителя, — различие, которое вместе с предыдущим выражают обыкновенно одним словом — «образованность». И действительно, «образованность» во все времена была специфическим отличием организаторских классов.

Итак, опыт более широкий и разносторонний, более организованный и в то же время менее непосредственно-трудовой, не основанный на прямой борьбе с внешней природой — таковы особенности организаторского существования.

Сама по себе широта и разносторонность опыта есть, конечно, в высшей степени благоприятное условие для пластичности и *прогрессивности* социального типа — богатый материал жизни дает много элементов и стимулов для развития. Организованность опыта может быть иногда благоприятным, иногда неблагоприятным условием в этом отношении — все зависит от формы, в какой орга-

низован опыт. Но решительно неблагоприятное значение имеет здесь третья характеристика организаторского типа — его не прямое отношение к трудовой борьбе с природою, его — большее или меньшее — отдаление от этой непосредственной борьбы, исходной точки всякого социального прогресса. Из этой особенности рождается глубокая *консервативная* тенденция; и она-то в большинстве случаев настолько сильно налагает свою печать на организаторское существование, что противоположная, прогрессивная тенденция бледнеет и исчезает перед нею.

Но это происходит только тогда, когда вся идеология данного организаторского класса уже вполне организовалась, развернувшись в определенную систему. Пока этого нет, пока идеология класса не завершилась, не систематизировалась от самых низших звеньев до последних высших, до тех пор интенсивно идет работа идеологического творчества, и консерватизм класса, не имея опоры в прочной группировке норм и идей, остается скрытым. Вот почему в молодых организаторских классах, какую бы эпоху мы ни взяли, так

много жизни и движения — прямая противоположность тому, что наблюдается в позднейшей фазе, когда эти классы уже «организовали» жизнь в пределах своего мировоззрения и интересов[178].

Во всяком случае, самое направление развития организаторского класса не может быть тождественно с направлением развития класса, ему подчиненного: слишком значительно различие основной социальной функции того и другого, слишком значительно различие в содержании опыта и различие вытекающих из него стремлений, интересов.

V

Однако прежде чем перейти к выяснению сущности этого различия в направлениях классового развития и вытекающих из него результатов, нам надо несколько конкретизировать самое понятие «организаторского класса».

Я уже указал, что организаторская функция сама по себе еще не обуславливает «классового бытия» и классовой отдельности, что «класс» возникает только вместе с идеологической обособленностью организаторов и ис-

полнителей. Теперь я прибавлю, что организаторский класс обыкновенно складывается и становится классом раньше, чем «исполнительский», нередко у первого уже имеется определенное миропонимание и выработанная система норм, организующих его жизнь и ограждающих его интересы, тогда как второй остается аморфной социальной массой, для которой организаторская идеология есть внешняя, угнетающая сила, а собственной идеологии нет или есть только зародышевые комбинации. Рабовладельцы античного мира были настоящим классом, а рабам так и не удалось никогда возвыситься до степени класса.

Но в таких случаях, как этот, все же наблюдается глубокая дифференциация, резко выделяющая организаторский класс среди общества. Часто не бывает и этого — организаторская функция, будучи обособленной персонально, не успевает вовсе вызвать этой дифференциации, так что вообще не получается двух различных направлений развития. Это бывает в тех случаях, когда организатор несравненно теснее связан трудовым процес-

сом со своими «исполнителями», чем с другими подобными организаторами. Я остановлюсь на двух комбинациях этого рода, имеющих специальное значение для нашего анализа.

Мелкобуржуазное семейное хозяйство включает в себе одного организатора — глава семьи — и несколько подчиненных — жена, дети, домашние рабы (называемые в современном обществе «прислугою»). Что касается этой последней группы, то она в обществе с наемным трудом обособляется, приобретая черты пролетарского класса; но в пределах собственно «семьи» связь остается самой тесной. Мелкий буржуа слишком резко отделен от других, ему подобных, самостоятельных мелких буржуа, противоречиями конкуренции и обмена, и слишком много жизненных отношений объединяют его с женой и детьми; кроме того, в типичном мелкобуржуазном хозяйстве глава его не только «организатор», но также «исполнитель»; в труде ремесленном, земледельческом, мелкотоорговом другие члены семьи только «помогают» ему, подчиняясь его указаниям. В результате та-

кое хозяйство может представлять одну сплоченную коллективность с общей линией развития.

Но если, как это в большинстве случаев наблюдается за последние века, хозяйство кухни и детской достаточно резко обособляется от хозяйства мастерской, лавки, конторы и становится исключительной специальностью женщины, как подчиненная функция в этой системе отношений, то никакая жизненная близость мужчины и женщины в семье не помешает тому, что их социальные типы станут развиваться не в одинаковом направлении, что дифференцирующая тенденция выступит на первый план. Дифференциация здесь имеет двойственный характер — и социально-групповой, и классовый одновременно. И подчинение мужу, и специализация на домашнем хозяйстве создают из женщины тот социально-низший тип, какой она представляет собой еще и теперь в средних и частью низших слоях общества.

В мелкобуржуазной и среднебуржуазной семье женщина тяготеет по преимуществу к религиозно-авторитарной идеологии с ее

консерватизмом, переходящим среди общего прогресса жизни в прямую реакционность. Мужчина, хотя тоже не чуждый этих тенденций, по сравнению с нею является носителем позитивизма и прогрессивности. Рядом с узостью и невежеством средней женщины мировоззрение мужчины кажется широким и светлым. Почему все это так? Религиозная и консервативная идеология есть выражение отношений господства — подчинения. Женщина в буржуазной семье вращается исключительно в рамках этих отношений, потому что другая сторона буржуазного мира — его анархические отношения между хозяйствами, его конкуренция — закрыта от женщины фигурой ее мужа, непосредственное участие в этой стороне жизни для женщины недоступно. Иное дело мужчина: для него кроме авторитарной организации семейного хозяйства близка и непосредственно ощутительна социальная борьба, *анархическая* форма социальной организации. Поэтому в его идеологическом мире занимает крупное место и соответственная идеология — метафизическая или буржуазно-позитивная[179], с ее

прогрессивной тенденцией, выражающей стремление удержаться в жестокой борьбе за существование; эта идеология* может решительно оттеснить авторитарно-консервативную. И если получающаяся таким путем глубокая идеологическая неоднородность все же не создает широких и острых классовых противоречий, способных резко разделить женщину и мужчину в семье, то это главным образом потому, что в пределах своей семьи мужчина — организатор — гораздо больше руководится авторитарной идеологией, чем вне семьи: соответственно внутренним отношениям семьи на сцену выступают именно те идеологические приспособления, которые выражают и поддерживают авторитарную организацию. Здесь находит себе полное объяснение тот обычный грубый парадокс буржуазного лицемерия, что мужчина-атеист ценит религиозность своей жены и находит нужным воспитывать в религии своих детей. По той же самой причине мужчина и консерватор в своей семье; и он особенно охотно поддерживает ту узкую специализацию, которая сводит к таким ничтожным размерам

опыт женщины и гарантирует невозможность для нее выйти из рамок семьи и подчинения.

Я остановился на всем этом отнюдь не для того, чтобы критиковать те или иные социальные отношения, а только для того, чтобы иллюстрировать относительность понятия «класса» и необходимость целого ряда определенных условий для перехода от простого разделения организаторских и исполнительских функций до классового разграничения. Судьба буржуазных женщин — самый близкий для нашего времени случай неполного развития в этом направлении; отсюда и своеобразный характер буржуазного женского движения наших времен, движения, во многом напоминающего классовое, но не классового[180].

VI

Другой пример разграничения организаторской и исполнительской функций без классового разъединения, пример также очень важный для наших целей, — это отношения «идеологов» и «массы».

Специально анализировать эти отношения здесь не приходится [181]. Организаторская функция идеолога, кто бы он ни был — литератор, философ, религиозный учитель, политический вождь, — не может подлежать сомнению в том же самом смысле, в каком идеология есть всегда область организующих приспособлений. Идеолог «организует» жизненные отношения и опыт людей, создавая «формы» для того и другого и путем общения делая эти формы «социальными». Степень широты и значения этой работы может быть очень различна, от эфемерной и ничтожной роли какого-нибудь мелкого поэтического произведения, систематизирующего некоторое количество впечатлений, переживаемых немногими людьми, до всесветной преобразовательной деятельности великого религиозного реформатора. Но самый способ организующей работы в существенных чертах один и тот же, значительно отличающийся от обычного, который сводится к «распоряжениям» и «приказаниям», требующим «подчинения». Здесь перед нами такой тип организующего процесса, который делает роль идео-

лога как бы промежуточным звеном между ролью обычного персонального организатора и безличных идеологических форм. Идеолог лично вырабатывает организующие формы, но они не прямо и непосредственно организуют жизнь и опыт людей (как это делают «распоряжения», «приказания» и т. п.), а только пройдя через социальный подбор и приобретя в нем характер безличных норм и идей, подобных нормам и идеям, выработанным стихийно. Например, религиозный учитель предлагает массам такую-то религиозную доктрину; но доктрина эта только тогда станет реально организующей формой для опыта и деятельности этих масс, когда она будет усвоена ими как «истина», т. е. примет безличную форму социально-сложившейся познавательной системы. Начальнику «повируются» потому, что он начальник, т. е. организатор; учению идеолога следуют не потому, что он идеолог, а потому, что его учение «истинно»; и сам он может, благодаря этой истинности, т. е. социальной приспособленности его учения, стать «вождем», т. е. организатором, которому подчиняются уже непо-

средственно и слепо; но именно постольку он уже тогда не просто идеолог, а «вождь», «царь», «воплотившийся бог», вообще представитель власти.

Существуют, конечно, всевозможные переходные формы между чистым «идеологом» и непосредственно практическим «организатором», действующим силою власти. Типичным совмещением этих форм является «законодатель»; ближе к типу собственно «идеолога» стоит партийный политический вождь, ближе к противоположному типу — высшие представители всякой восходящей цепи организаторов, обладающие властью в тех или иных пределах создавать «нормы», обязательные не только для данного момента, но и на будущее.

Нам, однако, сейчас не важны частности, особенности, переходные формы этих типов; для нас существен только вопрос о том, может ли отношение «идеологов» к «массам» стать классовым разграничением, и если нет, то почему. Теперь для нас должно быть ясно, что, поскольку «идеологи» остаются идеологами, такое превращение невозможно: «идео-

лог» создает организующие формы для трудового опыта «масс», но эти формы приобретают жизненное значение лишь постольку, поскольку они оказываются и становятся на самом деле «идеологией» этих масс, т. е. выражают их действительный опыт, действительные стремления. Таким образом, «идеолог» выполняет свою роль лишь при условии коренного совпадения его опыта и тенденций развития с опытом и тенденциями развития тех масс, которым он служит. Следовательно, существенное различие направлений социального подбора в среде «идеологов» и в среде их «масс» невозможно.

Конечно, при известных условиях и из «идеологов» может создаться организаторский класс, но только это уже не будет класс идеологов тех масс, над которыми он будет господствовать.

Изложенного, я думаю, достаточно для выяснения самого понятия «классовых различий». Излишне, я полагаю, останавливаться на частных соотношениях «классов» и «социальных групп», например на «социально-групповом» делении какого-нибудь орга-

низаторского класса, возникающем на специализации организаторов, или на «классовом» делении какой-нибудь социальной группы, возникающем из обособления в ней «организаторов» и «исполнителей». Мы перейдем поэтому к существенно важному для нас вопросу о смене классов, об их социальной судьбе, о тенденциях развития и об условиях деградации классовых общественных систем.

VII

Для упрощения вопроса представим себе общество, состоящее всего из двух классов, господствующего и подчиненного. Вопрос о самой форме господства мы оставим пока в стороне — рабовладельцы и рабы, или феодалы и их крестьяне, или капиталисты и пролетарии... Пусть весь или почти весь непосредственно технический процесс выполняется классом подчиненным; господствующий класс также строго специализировался на организаторской функции в обществе. Рассмотрим, как должно тогда совершаться развитие обоих классов.

Первоначальное и основное содержание опыта, которое должна организовать «идео-

логия», есть все тот же непосредственно технический процесс. Вначале, пока разделение двух частей общества еще только зарождается, и затем, пока оно развивается до своего завершения, «организаторы» сохраняют еще и некоторую прямую связь с непосредственно техническим трудом; но даже и тогда, когда они сами вовсе перестают быть хотя бы отчасти «исполнителями», их «опыт» и направление социального подбора в их среде, вырабатывающего идеологические формы, еще не могут существенно разойтись с «опытом» исполнителей и направлением подбора в их среде, пока организаторы непосредственно и непрерывно организуют труд исполнителей. В этих пределах «организуемое» идеологией содержание для тех и других остается еще одно и то же, оно только неодинаково и неравномерно распределено между двумя частями общества. Благодаря этому неравномерному распределению опыта, благодаря тому, что «организаторская» психика охватывает его в более широких размерах, хотя и в менее живых, менее интенсивных проявлениях[182], благодаря этому получается и неравномерное

распределение идеологической творческой работы, которая в наибольшей части протекает в организаторской среде. В исполнительской среде возникают, вообще говоря, только или почти только самые низшие звенья идеологической цепи, те, которые самым непосредственным образом и в самых узких размерах организуют технический опыт; создавать формы, более широко организующие, несравненно легче и быстрее могут те, кто более широко охватывает опыт, т. е. организаторы. Таким образом, именно они вырабатывают все или приблизительно все высшие звенья каждой цепи.

Но это еще отнюдь не означает идеологического *расхождения* между организаторской и исполнительской частью социального целого. Совсем нет: пока еще вся «организаторская» (по генезису) идеология организует в конечном счете всецело то же самое содержание, которое, по частям, в иных пропорциях, но все-таки является и содержанием непосредственного опыта «исполнителей». Это одна, общая идеология; она, конечно, в большей полноте доступна верхнему слою общества и

сравнительно отрывочно усваивается нижним, но ни здесь ни там она не сталкивается с жизненным противоречием — и здесь и там она действительно выполняет свою организующую функцию. Таково, например, общее религиозное мировоззрение феодалов и крестьян в начале феодального развития общества; оно удовлетворяет и тех и других, оно соответствует пока еще не расходящимся между собою основным содержаниям опыта и тех и других.

Однако на этой идиллической фазе дело не может остановиться. Разлагающим моментом является рост общественной системы и изменение способов производства. Область непосредственной борьбы с природой неминуемо испытывает изменения, и эти изменения дают толчок к настоящей «классовой» дифференциации.

Представим себе патриархальную общину доклассического древнего мира, той эпохи, когда дети царей (т. е. патриархов и племенных вождей) самолично пасли скот и когда царь, обращаясь к своему «рабу» Эвмею, называл его «свинопас богоравный». В эту эпоху

нет и речи о двух «классах», об идеологическом разъединении и т. д. Хозяйство — натуральное, почти не переходящее за пределы участка, занимаемого общиной, например, одного из островков Архипелага. Хотя «цари» и другие патриархи выполняют почти исключительно «организаторские» функции, они живут совершенно общею жизнью со своими родственниками и «рабами», вообще — «исполнителями» в трудовой системе, работу которых они *непосредственно* организуют. Но вот натуральное хозяйство шаг за шагом начинает осложняться меновым. Между патриархальными родовыми общинами, между племенными «царствами» развивается обмен, все в большей мере превращающий их из самостоятельных экономических коллективов в клеточки несравненно более широкого целого, социальной системы с возрастающим разделением труда между ее частями. Это существенное преобразование далеко не в одинаковой мере касается двух различных частей каждой такой общины, организаторов и исполнителей: на жизнь и деятельность первых она имеет *непосредственное* и

наиболее сильное влияние, на вторых — гораздо более слабое, и притом почти исключительно *косвенное* влияние. Представителями родовых общин в их меновых и вообще внешних сношениях выступают, конечно, организаторы; для всех остальных жизнь по-прежнему концентрируется внутри общины, в ее повседневном труде, в той части ее хозяйства, которая все еще остается «натуральной».

Из этого вытекают два результата громадной важности. С одной стороны, возникает жизненное сближение между организаторами различных общин, порождаемое их общими делами и интересами, междуобщинными сношениями, обменом[183] и всеми производными этих связей, политическими и религиозными формами. С другой стороны, прежняя жизненная близость между главой общины и его подчиненными постепенно ослабляется, потому что содержание трудового опыта оказывается уже и количественно и качественно все более неодинаковым: опыт организатора включает в себя новое, расширяющееся содержание, далеко переходящее

за пределы непосредственной трудовой жизни общины и принадлежащее к трудовому опыту более сложной коллективности, частью которой стала данная община; опыт исполнителей этого нового содержания не включает, разве только в ничтожной степени. Отныне организующая идеологическая деятельность двух частей общества оперирует над различным материалом — исходный пункт «классового» дробления имеется налично.

Отныне идеология господствующего класса должна охватывать и натурально-хозяйственную, и меновую жизнь; и внутриобщинное разделение труда, и социальное, междуобщинное его разделение; и трудовой опыт отдельных хозяйств, и опыт общественного целого («Polis», город, государство). Все это и обнаруживается без труда в идеологии свободных людей классического мира: там есть и «обычай» (нормы натурально-хозяйственного мира), и формальное право рядом с «нравственностью» (нормы менового общества), и живая конкретная политеистическая религия (познавательная система натураль-

ного мира), и наука с философией (познание отвлеченное, впервые находящее почву в мезоновом обществе). Античное искусство черпает из обоих источников жизни и дает идеальному, надчеловеческому или, что то же, коллективно-человеческому содержанию формы, по своей непосредственности и простоте родственные наивному реализму первобытного искусства. Такова господская идеология классической эпохи.

Теперь, какова другая сторона медали? Более узкое и по преимуществу «натурально-хозяйственное» содержание трудового опыта рабов[184] не нуждается в этой сложной господской идеологии и не соответствует ей. В среде рабов по преимуществу сохраняется старое, наивно-религиозное мировоззрение, которое во многих своих частях для господ уже сводится к «суевериям» (заметим, что даже и женщины «господских» семей, подчинение которых мужу и отцу представляет смягченную форму рабства, также сохраняют и наивную религиозность, и склонность к «суевериям» в гораздо большей степени, чем свободные мужчины). Взаимные отношения ра-

бов, равно как и их отношения с хозяевами, и отношения членов господской семьи между собою, словом, внутренний строй рабовладельческого хозяйства, определяются опять-таки по преимуществу «обычаем», т. е. нормативными приспособлениями старого типа, а не формальным правом, которое господствует в межхозяйственных отношениях, меновых, политических и т. д. Наука, философия, высшие формы искусства — не для рабов не только в том смысле, что рабовладельческая эксплуатация не оставляет сил и возможностей для всего этого, но также и в том, что все это органически не сходится с повседневным существованием раба, все это не гармонизирует его опыт[185].

Но этим отношение идеологий далеко еще не исчерпывается. Надо иметь в виду, во-первых, тот факт, что идеологическое творчество было вообще по преимуществу делом организаторов и что даже в ранних стадиях эпохи рабства оно в наименьшей степени могло протекать в психике исполнителей. Идеологическое творчество, как мы знаем, рождается из социального избытка энергии, из пере-

веса ее усвоения над затратами, а этот избыток или перевес концентрируется сначала почти весь, затем, как увидим, и весь целиком в «организаторской» части социального целого. Во-вторых, надо иметь в виду и то обстоятельство, что организаторская функция «господ» не ограничивается одним техническим процессом, но охватывает и область «идеологическую», так что «господа» предписывают рабам определенные нормы и внушают им определенные понятия. По этим причинам идеология рабов и не может складываться самостоятельно; ее пробелы заполняются материалом господской идеологии, да и не только пробелы: во многих случаях идеологические формы могут быть «навязаны» рабам в прямом противоречии с содержанием их опыта...

Какой вид представляет при таких условиях идеологическая жизнь рабов?

Наибольшую ее долю составляют сохранившиеся от прошлого нормы и понятия, связанные с натурально-хозяйственной стороной жизни рабовладельческой организации и медленно, в зависимости от непосредствен-

ных изменений техники рабского труда, преобразуемые собственным развитием (или деградацией) класса рабов.

Другую, уже меньшую часть своей идеологии рабы получают за счет идеологического творчества господ, причем эта часть, в свою очередь, должна быть разделена на две. Одни идеологические приспособления усваиваются рабами от господ «интегрально», т. е. так, что становятся постоянной и неотделимой частью рабской идеологии: это те, которые гармонируют с опытом и стремлениями рабов и гармонизируют их существование. Другие идеологические приспособления входят в жизнь рабов как постоянное противоречие, навязываются им «насильственно», путем «принуждения». Это те, которые не соответствуют опыту или стремлениям рабов, хотя вполне соответствуют интересам господ.

Так, например, некоторые технические знания или религиозные верования, даже некоторые особенно широкие нравственные нормы, выработанные в господской среде, могли настолько подходить к жизненному содержанию рабов, что рано или поздно воз-

никли бы у них самостоятельно, если бы не были уже давно готовыми; ясно, что такие идеологические формы в среде рабов находят сразу только положительный подбор и укореняются в их психике, как растения в благоприятной по составу почве. Наоборот, многие правовые нормы, созданные господами в их отношениях к рабам, например абсолютная власть господ в спаривании рабов, право господина пользоваться всеми рабынями, обычай сковывать общей цепью рабов на плантациях во избежание их побегов, — такие нормы едва ли когда-нибудь стали для рабов положительной и нераздельной частью их мировоззрения. В психике рабов эти нормы должны были встретить отрицательный подбор, и потому они вовсе не могли стать *нормами рабской идеологии*. Однако они так или иначе навязаны рабам, усвоены ими, управляют их поведением? Да, но не как их нормы, а совершенно в ином смысле и в иной форме. Тут мы пришли к центральному пункту классового разъединения, и на нем нам следует специально остановиться.

VIII

Общество, раздробленное на классы, есть все же общество, т. е. некоторое *жизненное целое*. Когда в двух его частях направление социального подбора расходится, как в только что встретившемся нам случае, то все же дело не сводится к тому, что нормы, созданные рабовладельцами в их интересах и ненавистные рабам, остаются только в рабовладельческой среде. Нет, если по своему содержанию нормы эти относятся и к жизни рабов, то вопрос решается некоторой *равнодействующей социального подбора*, двух его направлений, выступающих в двух областях социальной среды. Эта равнодействующая оказывается иногда и в пользу подчиненного класса, навязываемая ему «норма» исчезает из жизни, например угнетающий закон превращается в мертвую букву, как это было с некоторыми английскими законами о сельских рабочих в XIV–XVI веках. Но чаще равнодействующая отклоняется в сторону господствующих классов; это и вполне понятно, если мы примем во внимание, что в их сфере концентрируется весь избыток социальной

энергии, весь ее плюс, остающийся от борьбы с природою, что им «принадлежит» весь «прибавочный труд» общества, вся «прибавочная стоимость», если выразить тот же основной факт в обычных терминах экономистов. И тогда, несмотря на отрицательную тенденцию подбора в среде «подчиненного» класса, данная идеологическая форма сохраняется и «организует» его жизненные отношения, вернее — ограничивает и определяет их.

Эта идеологическая форма входит в существование подчиненных классов не как форма гармонизирующая, а как создающая противоречие, как внешний факт, к которому надо приспособляться, подобный враждебным силам внешней природы. Вместе с тем — и постольку, поскольку возникает такое отношение, — *часть социальной среды (господствующий класс) превращается для другой части (класса подчиненного) в явление внесоциальное, в новую область внесоциальной среды. Это и есть основное классовое противоречие в его самой общей форме.*

К враждебной силе внешней природы можно относиться двояко: либо *пассивно*, покоряясь ее власти, либо *активно*, борясь с нею. В эпоху власти природы над человеком в массе случаев неизбежно было отношение первого рода: при встрече с каким-нибудь пещерным львом, с которым немыслимо было бороться и от которого невозможно было убежать, человек фаталистически отдавался на волю судьбы. Еще всего два века тому назад таково было отношение человечества, например, к действию молнии. С развитием силы и опыта, с переходом от власти природы над человеком к господству человека над нею исчезают остатки такого отношения, и пассивность уступает место борьбе. То же самое и в области внутренних отношений общества, и специально — общества классового.

В эпоху рабства общественная сила социального целого еще настолько безусловно господствует над классом подчиненным, трудом которого она же и создается, что иного отношения к извне навязанным нормам, кроме пассивного, за ничтожными исключениями не существует. Классовое противоречие

налицо, но классовой борьбы нет.

Как совершается *при таких* условиях развитие классового общества?

IX

Пока рабовладелец непосредственно организует труд своих рабов, до тех пор внутренняя связь его хозяйства далеко перевешивает разъединяющую тенденцию классовых различий и зарождающихся классовых противоречий. Рабочие тогда для рабовладельца — подчиненный член *того же социального целого*, к которому сам рабовладелец принадлежит, *его работник, но не его орудие*; рабовладелец еще не есть владелец рабов, но их *господин*.

В этой фазе развития класс господ является носителем технического прогресса. Господин, имеющий небольшое число рабов, нередко не только руководит их трудом, но и работает сам с ними. Участие господ в техниче-ски-трудовом процессе если и не всегда непосредственное, то всегда близкое. Производительный труд рабов в господском мышлении выступает как необходимый *социальный процесс*.

Организаторская функция может дифференцироваться и дробиться, как и всякая другая. Это с ней и происходит по мере исторически совершающегося роста рабовладельческого хозяйства[186].

Не имея фактической возможности лично и непосредственно руководить всем трудом своих рабов, рабовладелец начинает временно поручать и частично совсем передавать это руководство другим лицам, частью, конечно, членам своей семьи, частью же — и чем дальше, тем больше — некоторым наиболее опытным и толковым рабам. Это — начало того процесса, который отрывает класс господ от производительного труда.

В дальнейшем процесс этот идет все быстрее. Лично для господина передача непосредственно организующей функции обученным для этого рабам представляет громадный выигрыш времени и энергии, так что легко понять, с какой силой должен действовать в этом направлении психический социальный подбор. Вместе с увеличением рабовладельческого хозяйства, объединяющего вместо единиц и десятков уже сотни и тысячи рабов,

не только непосредственно организаторская функция переходит всецело к отдельным рабам, но и контроль над нею также поручается с течением времени другим рабам, и возникает *цепь организаторов*, в которой господин представляет высшее звено. Этим путем создается пропасть между техническим процессом и социальным существованием класса господ, а вместе с тем — между рабами и господами.

Эта пропасть вовсе не становится менее глубокой от того, что часть рабов выполняет организаторские функции. Скорее напротив. Так как всецело и исключительно воля господина дает отдельным рабам и отнимает у них власть над другими, то организаторская роль господина имеет всеобщий и абсолютный характер, *качественно* отличаясь от частной, ограниченной и притом случайной организаторской роли рабов, поставленных над другими рабами. Воля господина в пределах его хозяйства заключает в себе всякую власть, и творит все низшие власти, и ничем не ограничена, тогда как все остальное ограничено ею. Раб-управляющий перед господином ра-

вен последнему из рабов и может во всякий момент быть превращен в последнего из рабов. Поэтому чем больше становится расстояние между функцией господина и техническим процессом, выражающееся в идеологическом расстоянии между господином и последним исполнителем из числа рабов, тем больше делается также расстояние между господином и высшим из рабов.

Тот идеологический скачок, который мышление древнего мира делает при переходе от господина к рабу, всего легче себе представить, если мы возьмем его прямое отражение — в христианской религии. Христианство по своему происхождению — религия рабов и всех угнетенных, — явившись в конце древнего мира, когда рабовладельческое хозяйство пришло к завершению своего типа, ярко и живо отразило этот тип в своей универсальной конструкции. Иерархия людей, над ней иерархия ангелов и святых, но даже самый приближенный к Богу из числа святых перед ним — абсолютное ничтожество, как и последняя козявка; одним своим словом Бог может превознести последнего из по-

следних до недостигаемой высоты первого после себя и низвергнуть первого из первых в бездну ничтожества[187]. Та же конструкция повторяется и в политическом устройстве Римского государства — в абсолютной власти императора, стоящей вне законов и создающей законы.

Та пропасть, которая отделила господ от непосредственно технического процесса, существенно изменила линию развития самого класса господ.

Изменение это заключается в том, что связь между господином и рабами вообще перестает быть *социальной* связью. В основе всякой социальной связи лежит *единство трудового процесса* как социальной борьбы за существование. Теперь такого единства для рабов и господ не существует. Соответственно этому раб для господина уже не является членом того социального целого, к которому сам господин принадлежит. Но реальная связь не уничтожена. Во что же она обратилась?

В отношении между человеком и орудием производства.

В самом деле, технический процесс, выполняемый рабами, теперь не имеет для господской коллективности, для общества, состоящего из рабовладельцев, значения социально-технического процесса вообще. Он имеет для них то же значение, как для нас — работа внесоциальных сил, например домашнего скота или машины. Раб тогда только *instrumentum vocale*, «говорящее орудие». Эта формула принадлежит самим древним.

Но никакое социальное целое не может существовать без своего особенного технического процесса, процесса непосредственной борьбы этого целого за его коллективную жизнь. Где же такой «технический процесс» для рабовладельческого общества, в которое рабы уже не входят как его члены?

Место технического процесса для класса господ как отдельного социального целого занимает *процесс эксплуатации рабов* (а также их добывания). И этот факт был вполне отчетливо осознан и сформулирован идеологами рабовладельцев, их философами: «Все искусство господина сводится к умению использовать своих рабов». Все поражающие нас за-

явления древних писателей, в которых выражается полное отвращение и презрение к производительному труду, вытекают из одного этого факта: «рабское» дело равнялось вне-социальным процессам, выполнять его значило становиться на уровень орудия или скота. Только тот, кто всецело живет эксплуатацией, мог считаться членом общества в полной мере, что и выражалось в полноте гражданских прав. Права ремесленников и крестьян обыкновенно были ограничены — эти люди рассматривались как существа промежуточные между человеком — «политическим животным» — и рабом, «орудием, одаренным речью».

Основу всякого общественного развития составляет технический прогресс. Какой же технический прогресс возможен в сложившемся рабовладельческом обществе?

Поскольку организаторский класс раньше являлся его носителем, постольку технический прогресс теперь становится невозможен как прогресс *техники производительного труда*; он принимает форму прогресса эксплуатации или, пожалуй, заменяется *прогрес-*

сом эксплуатации. В идеологии рабовладельцев этот факт отражается таким образом, что даже для науки, которая первоначально возникла, разумеется, из техники, технические приложения считаются «позорными», унижающими ее «достоинство», и все развитие науки, а также и философии совершается в направлении, частью совершенно чуждом идее технического прогресса, частью прямо ей враждебном.

Но, может быть, роль носителей технического прогресса от господ переходит к рабам? И этого нет в действительности, и опять-таки в силу того, что развитие класса господ идет в сторону прогресса эксплуатации. Раб-исполнитель доводится прогрессивно возрастающей эксплуатацией до такого жизненного истощения, при котором с его стороны совершенно невозможны дополнительные затраты энергии на усовершенствование орудий и приемов труда и на обдумывание возможных шагов в этом направлении. А раб-организатор? Его положение, конечно, несколько лучше, но направление его организаторской деятельности определяется абсолютною волею

господина; и так как эта воля предъявляет одно и только одно требование — maximum эксплуатации, — то и вся «прогрессивная» работа психики раба-организатора уходит на решение именно этой задачи. Отсюда — ужасающая жестокость рабов-управляющих к подчиненным и полное отсутствие мысли об улучшении условий и способов труда этих последних.

Так создалось то безысходное противоречие, которое привело к гибели классического мира и его культуры: прогресс эксплуатации при отсутствии технического прогресса. Этот тип развития сам подрывает свои корни, сам себя осуждает, и только случайное выполнение казни над ним в древней Европе выпало на долю северных пришельцев. Деградация и крушение все равно были неизбежны там, где *паразитическое развитие* господствующего класса шло рядом с *вырождением от истощения* класса подчиненного, где весь излишек энергии, возникающий из технического процесса, тратился за пределами этого процесса и где мало-помалу сверх этого излишка стал растрачиваться таким же способом ос-

новной запас социальной энергии, воплощенный в агентах технического процесса — производительных работниках. Таков один тип классового развития общества, с деградацией как необходимым исходом[188].

Х

Другой тип классового развития общества лежит гораздо ближе к нам. Это — капитализм.

Исходной точкой античного классового развития послужили патриархально-организованные натурально-хозяйственные общины, которые лишь слабо и поверхностно объединялись понемногу связью общественного разделения труда и выражающих его меновых отношений. Исходной точкой *современного* классового развития явились мелкобуржуазные хозяйственные единицы, глубоко и тесно связанные общественным разделением труда, совершенно не способные поддерживать свое существование вне меновых отношений, — городские ремесленные и торговые хозяйства средних веков.

По-видимому, эти исходные точки *предре-шают* тот или другой тип классового разви-

тия. Всюду, где классовое развитие имело по преимуществу натурально-хозяйственный базис, оно направлялось по фатальному пути рабства; где преобладал базис меновой — развитие шло по пути капитализма. Это подтверждается не только историей тех народов Востока, которые не знали мелкобуржуазной городской организации и судьба которых оказалась чуть ли не хуже судьбы классического мира; это подтверждается и ходом развития европейских народов за последнее тысячелетие. Именно поскольку это развитие совершалось (как классовое), имея за собою вначале натурально-хозяйственное содержание, оно сбивалось на рабовладельческий тип. Такова была в большинстве случаев судьба деревни, которая получила классовую основу еще в натурально-хозяйственной фазе. Крепостная система, развившаяся из феодальной основы, сильно напоминает рабовладельческую и ведет в существенных чертах к тем же результатам: паразитический тип новейшей земледельческой аристократии отличается от древней рабовладельческой разве только меньшим благородством, отсутствием эстети-

ческой окраски, а вырождение крепостного крестьянства на почве его истощения чрезмерной эксплуатацией аналогично вырождению рабов и до сих пор еще дает себя чувствовать в «идиотизме деревенской жизни», замедляющем общий ход развития современного мира.

Причина, в силу которой различие этих двух начальных пунктов классовой дифференциации приобретает такое решающее значение для последующего, заключается прежде всего, я полагаю, вот в чем. В мелких натурально-хозяйственных организациях выделившаяся организаторская функция, воплощенная, например, в патриархе, простирает свое влияние и воздействие на всю жизнь и деятельность организации, а специально — всех тех ее членов, которые выполняют исполнительную функцию; и это есть необходимый результат «самодовлеющего», экономически замкнутого характера таких организаций: организатор регулирует все, потому что это все есть полное органическое целое, из которого нельзя обособить какой-нибудь части. Когда же классовое разграничение рож-

дается из мелкобуржуазных отношений, в которых каждая хозяйственная единица представляет экономическую дробь целого, то организаторская функция предпринимателя, который является сначала в виде торгового, потом в виде промышленного капиталиста, его организаторская функция (и ее выражение — его «власть») простирается только на определенную, специализированную сферу деятельности исполнителя-рабочего, на его профессиональный труд; в остальной части своего существования исполнитель «самостоятелен», т. е. сам является «организатором» своих действий и даже своего «частного хозяйства». В первом случае для работника-исполнителя совершенно отсутствует возможность самостоятельного развития — он всецело «определен» и ограничен внешней организующей силой; во втором случае эта возможность существует, и притом тем в большей степени, чем меньшую долю существования рабочего занимает его профессиональная функция, в которой он «подчинен» организатору[189].

Другая причина, по существу нераздельная с первой, заключается в том, что мелкобуржуазное общество, благодаря своему глубокому разделению труда (и выражающему это разделение сложному социально-групповому составу), образует гораздо более широкий базис для технического прогресса, чем патриархальное или феодальное общество, с его слабым общественным разделением труда (при котором все социальное целое сводится к большему числу почти стереотипно-тождественных натурально-хозяйственных единиц).

Итак, мы перейдем теперь к вопросу об основных тенденциях и предельных результатах капиталистически-классового развития.

XI

Капиталистический тип классового развития уже в самом начале своем характеризуется резко выступающей жизненной разделенностью «организаторского», или предпринимательского, и «исполнительского», или рабочего, класса. С самого начала обособления этих частей общества их «стремления» и «интересы» оказываются противоположны, а это

значит, что направление социального подбора в них существенно различно. Тут совсем нет той первичной гармонии, того начального идеологического единения, какие наблюдаются в патриархально-родовой группе, и даже феодальной. Нет с самого начала и той генетической непрерывности и устойчивости состава отдельной хозяйственной единицы — коллективности, как в тех организациях: рабочий не прикреплен к «организатору» предприятия — капиталисту — ни кровной связью, ни связью необходимого покровительства и наследственного личного подчинения. Все эти условия делают классовое развитие при капиталистическом его типе несравненно более быстрым, чем при всяком ином[190].

Капиталистическое классовое развитие, как и всякое классовое развитие вообще, имеет два полюса. Начнем с верхнего — с тенденций, свойственных «организаторскому» классу.

По существу, здесь повторяется уже знакомая нам картина. Вначале — сравнительно близкое, «непосредственно-организующее»

отношение предпринимателя к техническому процессу; затем — необходимо вызываемая самым ростом и усложнением предприятия частичная передача организаторских функций особым «исполнителям» — наемным управляющим, надзирателям, ученым техникам и т. д.; затем, путем дальнейшего переложения организаторской работы на чужие плечи, — полная фактическая утрата первоначальной роли в производстве. И так как в организаторском классе, превращающемся таким образом в класс только господствующий, «усваивается» (или присваивается, что здесь одно и то же) весь излишек энергии, доставляемый техническим процессом (здесь в форме «прибавочной стоимости»), то эта эволюция класса означает сведение его к чисто эксплуататорской функции, к голому паразитизму. Законченный результат этого процесса представляет тип рентьера — землевладельца, или владельца акций, или обладателя больших вкладов в банках, — людей, паразитирующих за счет прибавочного труда предприятий, о которых они знают только по имени или даже и *настолько* не знают (как

бывает с вкладчиками банков, оказывающих кредит промышленным предприятиям).

Но есть важное различие между этой формой паразитического перерождения «организаторского» класса и той, которую мы видели у рабовладельцев классической древности. И для капиталиста, и для рабовладельца основная тенденция жизни есть, конечно, прогресс эксплуатации. Но в то время как для рабовладельца эта тенденция всецело заменяла и вытесняла тенденцию технического прогресса, для капиталиста она сливается с этой последней.

Таково влияние различной социальной среды, в которую поставлены эти два эксплуататорских типа. Рабовладельческие хозяйства, затронутые обменом лишь в своих верхушках, слабо конкурировали между собою, а потому и в те времена, когда рабовладелец был еще непосредственным организатором рабского труда, стимулы технического прогресса были ничтожны. В позднейшие же времена, когда меновая функция усилилась и конкуренция стала ощутительной, социальный тип рабовладельца уже *вполне* сложился

и *вполне* отграничился от всякой положительной роли в производстве, а потому не мог уже найти новых путей приспособления к этой конкуренции, кроме того же беспредельного выжимания рабов. Напротив, капиталист социально рождается уже среди конкуренции, пожалуй, даже из нее: ведь его власть не имеет наследственно-сословного характера, как власть рабовладельца, она завоевана в той жестокой, на каждом шагу мрачно-преступной борьбе, которая называется «первоначальным накоплением», и расширяться дальше она может лишь путем новой борьбы — капиталистической конкуренции. Таким образом, капиталист как организатор предприятия постоянно испытывает на себе давление этой социальной борьбы, в которой побеждает тот, кто лучше вооружен, и в которой высшая техника оказывается лучшим оружием. Благодаря этому, с самого начала стремление к максимум эксплуатации соединяется для капиталиста с заботой о техническом прогрессе. А по мере того как стремление к максимум эксплуатации встречает сопротивление рабочего класса, забота о

техническом прогрессе тем более выступает на первый план: когда одно оружие в жизненной борьбе притупляется, тем более важно становится отточить другое. Для рабовладельца этого побуждения не существовало, потому что рабы не оказывали сопротивления, а самое большое — умирали от истощения.

По мере своего удаления от первоначальной роли в производстве, по мере ее передачи доверенным рабам, рабовладелец передавал им и свое принципиальное отношение к хозяйству, т. е. требовал от них только беспощадности в деле эксплуатации, но отнюдь не усовершенствований в способах производства. Капиталист, удаляясь от прямой организаторской деятельности в своем предприятии, не перестает еще ощущать действие конкуренции, а потому и не становится равнодушен к техническому прогрессу. От своих доверенных наемников — директоров и инженеров — он требует поэтому также не одной энергии в выжимании прибавочного труда рабочих, но и технической предприимчивости, умения улучшать постановку дела, свое-

временного введения вновь изобретаемых машин; капиталист особенно ценит в этих служащих инициативу в усовершенствовании предприятия и техническую изобретательность. Таким образом, и дело технического прогресса не терпит существенного ущерба от того, что капиталист эволюционирует в паразита, оно переходит только в другие руки, в руки более широкого и более жизненного класса капиталистических «служащих», т. е. наемных организаторов.

Соответственно изменениям социальных функций класса капиталистов меняется направление социального подбора в его среде при выработке его идеологических форм.

В области познавательных приспособлений технически-прогрессивная роль крупной буржуазии на первых стадиях ее развития сказывается *научной* и *материалистической* тенденцией. Возрастающая планомерность борьбы с природою и власть общества над нею получают свое выражение в быстро расширяющейся сумме технических знаний и в развитии «организующих» эти знания *естественных наук*. В создании этой части идео-

логии участвуют, конечно, все классы общества; но крупная буржуазия и ее идеологи, как из ее собственной среды, так и из среды примыкающей наемно-организаторской интеллигенции, являются по преимуществу творцами *системы мировоззрения*, имеющей своею основой и содержанием этот идеологический материал.

Однако техническая прогрессивность крупной буржуазии связана в то же время с конкуренцией, со стихийной анархичностью и противоречивостью социально-производственного целого; эта прогрессивность рождается, следовательно, из власти общественных форм над людьми; а потому подчинение социально-стихийным силам есть специфическая форма для всего социально-технического опыта крупной буржуазии. Естественно, что социальный подбор в соответствии с этой формой вырабатывает и все мировоззрение крупной буржуазии. Оно оказывается, при своем реально-техническом основном содержании, насквозь проникнуто *социальным фетишизмом*.

Господство над людьми их социальных отношений воспринимается как постоянное активное вмешательство в их жизнь каких-то безличных сил, неуловимых в своей реальной форме, но непреодолимых для какой бы то ни было попытки сопротивления. «Меновая ценность» есть первый и наиболее типичный из этих «социальных фетишей»; она властвует над людьми на рынке, часто губит их беспощадно; но что она такое — этого не в силах понять фетишист рынка, ее трудовая сущность скрыта от него непроницаемой оболочкой; это оболочка противоречий и борьбы, окутывающих собою реальное сотрудничество людей в социальном целом. Такой социальный фетиш в силу неуловимости своего содержания имеет вид *пустой абстракции*; а в то же время, как объединяющий момент обширного ряда явлений, он служит их «организующей» познавательной формой, их «объяснением». «Товары продаются и покупаются в таких-то соотношениях, потому что такова их ценность» — вот формула социально-фетишистического понимания фактов.

Я не стану здесь на других иллюстрациях показывать, как все области социальной жизни в своем буржуазно-идеологическом отражении получают социально-фетишистическую оболочку: не один раз я уже касался этого вопроса и хотя ни разу не имел возможности остановиться на нем с такой полнотой, которой он заслуживает[191], но здесь это было бы особенно затруднительно, так как отвлекло бы нас далеко от основной нити изложения. Для нас достаточно того общего соображения, что если основные жизненные условия для класса капиталистов необходимо связаны с социально-фетишистическими формами мышления, то социальный подбор в этой классовой среде неизбежно будет обнаруживать тенденцию все идеологические формы согласовать, привести к гармонии с этим фетишизмом. В результате и научно-философское буржуазное мировоззрение проникается той «метафизичностью», которая группирует данные опыта вокруг пустых абстракций — «сил» и «субстанций», которая законы явлений принимает как *безличные силы*, господствующие над природою, *неуловимые в*

своей реальной форме, но активные и непреодолимые, подобно таинственным силам рынка. Таков «материализм» буржуазии: в нем всеобщей субстанцией является «материя», определяемая, в конце концов, только как неизвестная причина ощущений, а в качестве всеобщей формы выступает столь же бессодержательный закон причинности, сводящийся к неизбежному наступлению обусловленного, раз дана совокупность его условий, причем самый закон играет роль активной силы, вызывающей переход от условий к обусловленному[192].

Наконец, третья черта буржуазного мировоззрения в эпоху положительной общественной роли буржуазии — это *динамическая, или эволюционная*, тенденция, вытекающая, разумеется, все из той же технической прогрессивности.

Итак, мировоззрение, исходящее из положительного научно-технического содержания, эволюционное, но в то же время обремененное в социально-фетишистические формы — таково направление, в котором вырабатывается познавательная идеология капита-

листов в первой фазе развития этого класса, до его паразитического вырождения[193].

Что касается нормативной идеологии, то здесь крупная буржуазия, естественно, должна была в юридических и «нравственных» формах систематизировать и тем самым прочно организовать основные социальные условия своего «организаторского» положения в обществе, своего классового господства. Эта часть буржуазно-идеологической системы сводится к двум принципам — *собственности* и *законности*, из которых первый является по преимуществу «правовым», а второй — по преимуществу «моральным». Я поясню эту характеристику, так как она может вызвать некоторое недоразумение.

Мы уже видели, что реальные отношения производства облекаются в нормативную форму отношений собственности, что фактические отношения собственности систематизируются затем в ряде норм более общего характера и что, в конце концов, эта идеологическая цепь завершается всеобщим, всепроникающим принципом «собственности»; содержание же этого принципа, изменяющееся

в различных общественных формациях, определяется основным типом отношений производства. Так, мелкобуржуазный принцип собственности в своем чистом виде заключает в себе идею непосредственного отношения мелкого производителя к средствам и продуктам его труда — то, что наши народники называют «трудовым началом»; в полном соответствии с этим принципом идеологи мелкой буржуазии, начиная со времен классической древности и до наших дней, обнаруживают тенденцию к ограничению нетрудовой частной собственности и выдвигают утопии «мелкобуржуазного социализма», сводящиеся к созданию мелкой трудовой собственности за счет крупной нетрудовой. Крупнобуржуазный принцип собственности имеет, естественно, уже иное содержание, то, которое выражается словом «капитал», т. е. собственность как орудие господства над трудом и его эксплуатации, собственность как «самовозрастающая ценность». Поверхностному взгляду капиталистическая концепция частной собственности кажется (благодаря отсутствию трудового момента) просто бессодер-

жательной: частная собственность, и только. Но на практике содержание принципа обнаруживается в том всеобщем и основном для капиталистической системы факте, что *продукт труда всецело и исключительно принадлежит собственнику средств производства и ни в какой мере — трудящемуся.*

Всевозможные правовые нормы капиталистического общества обобщаются в этом принципе и являются его частными приложениями. Все гражданское законодательство, поскольку оно создается именно крупной буржуазией, служит организованным воплощением этого принципа. Все уголовное законодательство и вся государственная конституция, поскольку они зависят от капиталистов, служат организованной охраной этого принципа.

Но так как все существование класса капиталистов окружено борьбою — как внутренней, в виде конкуренции, так и внешней, в виде постоянных конфликтов с «исполнительским» классом, пролетариатом, и с отстаивающей свое существование мелкой буржуазией, и так как происходящие то и дело

обострения этой борьбы имеют тенденцию нарушать жизненную устойчивость капитала и прочность его социального господства, — то *борьба против социальной борьбы*, в одних случаях — только против ее крайностей (по отношению к конкуренции), в других — против нее вообще (по отношению к классовым выступлениям пролетариата и мелкой буржуазии), эта борьба становится существенным моментом в социальной жизни крупной буржуазии. Организующие формы для этой борьбы вырабатываются в виде различных норм «социального и политического поведения», которые крупная буржуазия стремится распространить и упрочить во всем обществе. Конечное звено всех таких норм, выражающее их основную и общую тенденцию, — это принцип «законности».

Кажущаяся бессодержательность этого принципа, свойственная всем идейным фетишам буржуазного общества, скрывает за собою очень реальное содержание. «Законность» требует как будто подчинения установленным в обществе нормам, без отношения к тому, что в них заключается; но так как

это принцип класса, господствующего в производстве, то реально он означает подчинение общества классовому господству крупной буржуазии. Поэтому он и складывается вполне лишь тогда, когда господство это становится в широких размерах совершившимся фактом.

Я назвал этот принцип «по преимуществу моральным» на том основании, что он, играя подчиненную роль по отношению к принципу собственности, получает реальную силу лишь постольку, поскольку с ним сходится, и тогда осуществляется путем принудительных действий; поскольку же его тенденция не совпадает с тенденцией «священного начала собственности», постольку он имеет лишь «идеальное» влияние, т. е. не проводится в жизнь силою принуждения. Например, «законность» поведения низших классов общества строго контролируется судами и другими властями и гарантируется суровыми наказаниями, «законность» же в отношениях самой буржуазии к этим низшим классам постоянно служит предметом обещаний и уверений буржуазных политиков и санкционируется

буржуазным общественным мнением; но дальше этого дело не идет, если не вмешивается реальная сила других классов.

Несмотря на эту практически-подчиненную роль, принцип «законности» является настоящей «формой нормативного мышления» для буржуазии и ее идеологов; и даже там, где приходится революционно выступать против установленных (другими классами) в обществе норм, они невольно облачают свою *антизаконную борьбу* все в ту же форму «законности», например защиты «естественных прав» человека, гражданина, предпринимателя...

Таковы основные идеологические тенденции организаторского класса капиталистов в «реально-организаторской» фазе его развития.

XII

Рабочий класс, постепенно выделяющийся в течение приблизительно того же периода из мелкой буржуазии города и деревни — из ремесленников и крестьян, теряющих самостоятельную, одновременно организаторскую и исполнительскую функцию в мелком

производстве, — рабочий класс вначале просто сохраняет сложившуюся раньше мелкобуржуазную идеологию; и только болезненные противоречия, возникающие из ее несоответствия с его новым социальным положением и изменяющейся техникой, приводят к прогрессивному вытеснению этой идеологии новыми тенденциями, создающими своеобразную собственную идеологию пролетариата. Я буду говорить здесь, конечно, только об этих тенденциях, а не о мелкобуржуазных пережитках.

Познавательная сторона идеологии пролетариата, естественно, развивается в научно-материалистическом направлении. Это вытекает прямо из того факта, что рабочий является непосредственным деятелем развивающегося технического процесса; и в особенности *техника машинного производства* в своем познавательном выражении неминуемо образует материалистическое миропонимание[194]. Точно так же и динамическая тенденция необходимо свойственна идеологии, рождающейся из трудовой деятельности, непрерывно реализующей технический про-

гресс и непрерывно изменяющей свое содержание в полной зависимости от него.

В этих отношениях пролетарская идеология вначале совпадает с крупнобуржуазной и, вообще говоря, просто заимствует материал этой последней. Вместе с тем и социальный фетишизм вначале представляет общую окраску пролетарской идеологии, впрочем, не столько под влиянием идеологии капиталистов, сколько вследствие сохранения этого фетишизма от мелкобуржуазной фазы. Но чем дальше идет развитие машинной техники и классовой борьбы пролетариата, тем значительнее расходится пролетариат в своем мировоззрении с классом капиталистов.

Начинается, однако, это расхождение не здесь, а в области нормативной идеологии. Капиталистический принцип собственности означает, как мы видели, подчинение производителя-пролетария вообще; а специально собственность капиталиста на купленную им рабочую силу означает подчинение пролетария произвольно устанавливаемой капиталистом степени эксплуатации; и к этому подчинению направлены все частные правовые

нормы, выдвигаемые крупной буржуазией. Но пролетарий, как мы видели, не раб, безусловно и со всех сторон скованный необходимостью и привычкой подчинения; за пределами своего «рабочего дня» он — сам свой собственный «организатор», и организатор своего частного хозяйства, например «глава» своей семьи. Более того, в самом акте продажи своей рабочей силы, в этой исходной точке его рабства, он выступает как безусловный владелец этой рабочей силы, который «может» располагать ею, хотя практически он имеет только — и то не всегда и в очень ограниченных размерах — возможность выбрать себе хозяина. На почве таких элементов социальной независимости, первоначально являющихся только остатками мелкобуржуазной формы существования, у рабочего обнаруживается отнюдь не рабское отношение к тем нормам, которые создаются для него капиталистами.

Таково происхождение классовой борьбы. Начинается она, соответственно мелкобуржуазному происхождению рабочего, в мелкобуржуазной форме борьбы индивидуального

продавца рабочей силы с индивидуальным ее покупателем-капиталистом на рынке рабочей силы; и ведется тогда из-за конкретных норм подчинения — высоты заработной платы, длительности рабочего времени и т. д. — норм для данного рабочего, т. е. наиболее частных. Затем, благодаря кооперации капиталистического предприятия и благодаря обусловленной ею общности норм подчинения, а также, конечно, благодаря индивидуальному бессилию рабочего, борьба эта шаг за шагом «обобществляется» в пределах предприятия; далее, общность условий труда в различных предприятиях одной отрасли и взаимная зависимость их от успехов в борьбе ведет это обобществление борьбы за пределы отдельного предприятия; наконец, общая зависимость рабочих различных отраслей от рынка труда с его безработной армией, вместе с прогрессом техники, сближающим, как мы видели, трудовые функции различных по специальностям рабочих, разрывает рамки отдельных отраслей производства и делает рабочее движение наиболее ширококлассовым, какое видел когда-либо мир.

Но борьба в этом процессе не только «обобществляется», она также «обобщается», т. е. направляется против *все более общих* норм, создаваемых крупной буржуазией. Даже как борьба «экономическая» она все в более широких размерах стремится изменить и заменить новыми конкретные нормы подчинения и эксплуатации, но все же *только* новыми нормами того же рода, более выгодными для рабочих. Когда затем борьба возвышается до степени «политической», ее объектом становятся правовые «нормы норм» экономического подчинения, охватывающие область производства в целом. Но тем самым борьба затрагивает уже высший, всеобъемлющий нормативный принцип буржуазного бытия — капиталистическую частную собственность, принцип буржуазного господства; т. е., вернее, *обнаруживается* враждебная этому принципу тенденция всей пролетарской борьбы, эмбрионально скрытая уже в низших формах борьбы.

В этой борьбе рабочий класс, выдвигая свои собственные нормы от более конкретных и частных до самых общих и принци-

альных, создает шаг за шагом всю *собственную нормативную идеологию*, что и делает его *классом* в самом полном и строгом значении этого слова. Что же это за идеология?

Трудовой принцип собственности, унаследованный от мелкобуржуазной фазы, дает первичный материал для развития пролетарской нормативной идеологии, но только материал. Сначала выдвигаются просто конкретные нормы оценки рабочей силы как «справедливые», т. е. «соответствующие» затратам труда. Но затем, по мере расширения и углубления борьбы, идея «справедливой» оценки рабочей силы отступает перед тенденцией к *maximum* оценки, какого можно практически добиться, и тенденция эта обобщается в представлении, что весь *продукт* каждого предприятия произведен рабочими и, следовательно, весь он (или вся его ценность) *должен принадлежать рабочим*[195]. Когда же борьба становится общеклассовой, то эти более частные нормативные представления уступают место широкому, всеобъемлющему принципу общественной собственности на все средства производства — прин-

ципу социализма. Принцип социализма и есть высшее звено в цепи развития и обобщения нормативной пролетарской идеологии.

Этот принцип стоит, конечно, в резком противоречии с принципом капиталистической собственности; но он отнюдь не есть простое отрицание этого последнего. Мы уже знаем, что социальный подбор, в данном случае социально-классовый в пролетарской среде, сохраняет и развивает только такие идеологические формы, которые *организуют* реальное содержание жизни, в конечном счете именно технический прогресс. Такое значение и имеют все нормы, выдвигаемые пролетариатом в классовой его борьбе. Нормы конкретного характера, относящиеся к заработной плате, рабочему дню и т. п., имеют тенденцию организовать трудовой процесс так, чтобы рабочая сила могла развиваться до *maximum* при непрерывно меняющейся технике, а это осуществляется именно путем повышения уровня жизни работника. Нормы более общего характера, направленные к ограничению капиталистической собственности вообще и, наконец, к ее устранению,

эти нормы пролетарской идеологии имеют тенденцию передать рабочему классу общую организаторскую функцию в системе производства, которая пока принадлежит капиталистам. Обе тенденции суть реальные тенденции развития самого производства. В прогрессирующей машинной технике действительно создается высший тип работника, и по трудовой энергии, и по интеллигентности, тип, характеризуемый высшим уровнем жизни; и капиталисты вынуждены отступить перед ним в борьбе, соглашаться на необходимые для него изменения в нормах эксплуатации, потому что этого требует самое производство, самая возможность его развития. В то же время рабочий действительно приобретает организаторские функции в техническом процессе, приобретает их как индивидуально, благодаря тому что работа при машине имеет черты не только исполнительского, но и организаторского труда, притом чем дальше, тем в большей степени, так и коллективно, благодаря тому что в экономической борьбе рабочие реально ограничивают организаторскую роль капиталистов в их

предприятиях, а в политической борьбе — организаторскую роль класса капиталистов во всей жизни общества[196]. Таким образом, пролетарская нормативная идеология выражает действительные трудовые отношения пролетариата и служит вполне реально организующей формой их развития.

Однако она не господствует в капиталистическом обществе, и пролетариат принужден в массе случаев приспособляться к внешней силе норм, навязанных господствующим классом. В борьбе с этой внешней силой пролетариат вырабатывает нормы поведения, не имеющие ничего общего с буржуазным принципом «законности» и в массе случаев прямо ему противоречащие. Эти пролетарские нормы находят себе законченное, обобщающее выражение в принципе *товарищеской классовой солидарности*. Принцип «законности» требует всеобщего подчинения установленным внешним нормам, за которыми скрывается классовое господство буржуазии; принцип классовой солидарности пролетариев требует подчинения *сознанным коллективным интересам* рабочего класса, т. е. практи-

чески, поскольку дело касается общей борьбы, интересам развития этой борьбы. Поэтому всюду, где только установленные нормы сковывают развитие общепролетарской борьбы, рабочие обнаруживают тенденцию революционно нарушить эти нормы, и принцип их поведения, в противоположность буржуазной «законности», «лояльности», оказывается революционным.

Вслед за нормативной и познавательная идеология пролетариата шаг за шагом обособляется от буржуазной и становится ее противоположностью. С одной стороны, пролетарское мировоззрение освобождается от социалистического фетишизма, с другой стороны, его динамическая тенденция приобретает характер *революционной*, в противоположность *эволюционному* динамизму буржуазной идеологии[197]. В результате и научно-материалистическая тенденция пролетарской идеологии существенно расходится с буржуазно-материалистической, так что даже обозначение их одним и тем же словом есть, собственно, пережиток прошлого.

Социальный фетишизм, как мы видели, есть выражение общей неорганизованности социальной системы производства и складывается первоначально в сфере обмена и конкуренции, где он непосредственно достаточен для того, чтобы познавательного организовать противоречивое содержание опыта. Принимая участие и в обмене, и в конкуренции, пролетариат не может миновать фазы социального фетишизма и, следовательно, метафизически окрашенного мировоззрения с абстрактно-пустыми высшими обобщениями; и в этой фазе он еще пользуется буржуазным познанием, буржуазной философией. Но по мере того как во внутренних отношениях рабочего класса конкуренция уступает место солидарности, а во внешних на место индивидуальной продажи пролетарием его рабочей силы становится коллективная борьба с классом капиталистов за лучшие условия труда, причем вскрываются действительные отношения эксплуатации и подчинения, замаскированные формой продажи рабочей силы, — по мере этих изменений исчезает почва для социального фетишизма в рабочем

классе. Формы познания, приспособленные к внутренним противоречиям коллективного бытия, делаются недостаточны и негодны, когда в классовом существовании пролетариата эти внутренние противоречия вытесняются внутренним единством, с одной стороны, и внешними противоречиями (борьба с классом капиталистов) — с другой. Новый тип познавательных форм выражает новые отношения.

В области социальной жизни принцип нового познания заключается в том, что социально направленный труд людей есть действительная основа ценности — не только экономической, но и всякой иной. Техническая ценность продуктов, становящаяся на место фетиша меновой ценности, есть кристаллизованное в них количество социально-трудоу энергии людей. Познавательная ценность идей есть способность повышать сумму социально-трудоу энергии, планомерно определяя, «организуя» приемы и способы человеческой деятельности. «Нравственная» ценность [198] человеческого поведения имеет своим содержанием повышение

социально-трудовой энергии путем гармонического объединения и сплочения деятельности людей, путем «организации» ее в направлении максимум солидарности.

Соответственно изменяющимся формам понимания социальной жизни становятся недостаточны и неудовлетворительны прежние формы познания во всех областях опыта; прежние пустые абстракции вроде «субстанции», «силы», «абсолютного», теряя фетишистические свойства, теряют и свою жизненность; их голая пустота вскрывается перед растущим мышлением, и они не могут более организовать его; если они еще и продолжают временно сохраняться, то лишь как обозначения сознанных пробелов познания. Новые формы вырабатываются из новой техники, из ее общих, однородных приемов и методов, представляемых системой машинного производства. Завершением этих форм, их высшим звеном для данного момента является закон превращения и сохранения энергии; *это всеобщее выражение машинной техники* распространяется по «производной» линии идеологического развития на все прочие об-

ласти опыта и, приобретая таким образом характер универсального монистического принципа, до сих пор оказывается способным без противоречий организовать в последней инстанции весь опыт людей.

Энергетика еще раньше становится знакома буржуазной науке, чем пролетарскому мировоззрению. Но в буржуазном мышлении и этот принцип приобретает метафизическую, т. е. социально-фетишистическую окраску: сохранение энергии принимается как вечность какой-то «субстанции». Уже современные ученые и философы буржуазного мира, представители не столько буржуазии, сколько наемной интеллигенции с ее промежуточно-классовым характером, шаг за шагом освобождают энергетический монизм науки от элементов метафизики и фетишизма, раскрывая его *методологическое* содержание. Но они не могут ни закончить этой работы устранения фетишизма, ни развить и расширить до высших пределов положительное содержание принципа. Относя этот принцип только к физическому опыту и не решаясь распространить его на психический, они не

только суживают его смысл и значение, но также обнаруживают остатки субстанциального, т. е. метафизического, понимания энергии, того понимания, которое делает энергию субстанцией физического мира[199]. Только в пролетарском мышлении этот принцип способен монистически проникнуть собою все познание и гармонически организовать весь опыт.

Динамическая тенденция в пролетарском мировоззрении расходится с динамической тенденцией в буржуазном благодаря различной роли обоих классов в самом процессе социального развития. В техническом прогрессе активно участвуют оба класса; но для буржуазии этот прогресс жизненно-полезен лишь постольку, поскольку он расширяет возможности эксплуатации, т. е. поскольку социально-трудовая организация, изменяясь количественно, остается прежнею качественно, — сохраняет свою классовую форму. Напротив, для пролетариата технический прогресс превращается в путь к социальной революции, к качественному изменению формы общества, к уничтожению его классового

строю. Это различное отношение к прогрессу в основной области опыта и здесь и там переносится на весь опыт и на все познание. В результате — противоположность «эволюционного» динамизма буржуазной философии с «революционным» — пролетарской.

И с этой стороны «научно-материалистический» характер пролетарского мировоззрения оказывается далеко не одинаков с «научно-материалистическим» характером мировоззрения буржуазного[200]. Познавательные идеологии двух классов расходятся по всем основным линиям.

Противоречие нормативных и познавательных идеологий, постепенно возрастая, ведет к прогрессивному разъединению классов на два отдельных общества, относящихся каждое к другому как к силам внешней природы.

Разъединение это достигает *maximum*, когда класс капиталистов окончательно утрачивает реально-организующую функцию в производстве и превращается в паразитический класс.

Тогда его нормативные принципы становятся реакционными, а его мировоззрение прямо дезорганизуется.

Капиталистическая собственность, освобожденная уже от всякого производственного содержания, превращается в принцип чистой эксплуатации, подобный рабовладельческому принципу, и находит свое законченное воплощение в биржевой игре, а также в кредитных и акционерных спекуляциях, граничащих с простым грабежом.

Принцип законности во многих случаях оказывается уже не соответствующим классовому интересу и еще чаще — не соответствующим интересу личному. Тогда он систематически и более или менее явно нарушается. В то же время он формально признается и настойчиво навязывается остальному обществу всюду, где его сохранение остается выгодным для капиталистов. Это противоречивое отношение класса капиталистов к собственному принципу, конечно, подрывает в корне остатки влияния, какими еще пользовался самый принцип, и определяется другими классами как «грубое лицемерие».

В области познания научно-материалистическая тенденция исчезает, так как ее основа — технический опыт — становится далекой и чуждой для паразитического класса. Такая же судьба постигает и динамическую тенденцию — по той же причине, а также и потому, что в атмосфере консерватизма и реакционности, характеризующей отжившую буржуазию, элементы динамизма в мировоззрении встречают интенсивные противоречия и подвергаются отрицательному подбору. Остается только социальный фетишизм, ничем не ограниченный и не смягченный, как организующая форма для все более бедного содержания.

Впрочем, в это время усилия буржуазии закрепить за собой господство в *сословно-авторитарных* и государственных формах, раз его не удастся удержать экономической силой, ведут к воскрешению в буржуазии элементов авторитарной идеологии, подобных феодальным тенденциям; и разложение буржуазного мышления осложняется проявлениями религиозности, ханжества и т. п.

Но в это время пролетариат, организовавшись в силу, способную стройно организовать все производство, завершив выработку новой идеологии, устраняет и анархию производства, и все нормы господства крупной буржуазии, заменяя все это новыми, своими формами жизни. Источники паразитизма исчезают, класс паразитов распадается. Остается единое общество с единой идеологией. Классовое развитие закончено, начинается новая фаза истории человечества, фаза объединенного гармонического развития. Этот момент лежит еще в будущем, но приводящие к нему тенденции настоящего так сильны и очевидны, что его необходимость несомненна.

* * *

Резюмируем главнейшие выводы, касающиеся социально-группового и классового дробления общества:

1. И социально-групповое, и классовое разделение общества являются результатом количественного и качественного прогресса техники. «Социальные группы» возникают на почве развития специализации, «клас-

сы» — на почве прогрессивного обособления организаторских и исполнительских функций в обществе. Сущность социально-группового и классового разъединения сводится к жизненно важным различиям в направлении социального подбора.

2. Социальные группы или классы тогда приобретают свойства определенных и устойчивых социальных комплексов, когда у них складываются определенно-различные идеологии, чем и обусловливается устойчиво-различное направление социального подбора в среде этих коллективностей.

3. Социально-групповое обособление представляет по своей степени функцию двух переменных тенденций — *дифференцирующей* технику, обостряющей различия специальностей, и *интегрирующей*, создающей сходство и единство в специальных функциях производства. Исторически в развитии техники наблюдается сначала — вплоть до эпохи машинного производства — преобладание первой из этих тенденций; рамки социальных групп укрепляются и достигают той высокой степени прочности, которая характеризует,

например, цеховые разграничения. Затем, накопление и организация социально-технического опыта приводят к тому, что перевес склоняется на сторону интегрирующей тенденции: вырабатываются общие методы борьбы с природою в самых различных отраслях — методы, главным образом, машинного производства, — и рамки специальностей расплываются, идеологии социальных групп сближаются и сливаются, пока в единстве трудовых методов не исчезает совершенно социально-групповое дробление общества.

4. Что касается классового дробления, то оно на более ранних стадиях дифференциации задерживается тем особенным отношением, которое существует между функцией организатора и социальной идеологией. Организатор есть персональная форма организующего приспособления, идеология — форма безличная. Организатор существует и работает, а идеология развивается за счет *одной и той же* социально-энергетической величины — за счет перевеса усвоения над затратами энергии в непосредственно-трудовом, в

техническом процессе. Благодаря этим соотношениям первоначальными творцами идеологии выступают организаторские элементы общества, причем, разумеется, создаваемая ими идеология является тогда общей для всего социального целого.

5. Идеология, вырабатываемая организаторской частью общества, до тех пор сохраняет полное жизненное значение для обеих частей общества, пока организуемое ею содержание остается действительно общим для них. Когда же это условие нарушается и жизненное содержание двух частей общества становится существенно различным, например в начале эпохи рабства, когда верхняя часть общества вовлекается в обмен, а нижняя часть продолжает жить в натурально-хозяйственных рамках, тогда начинается идеологическое разъединение классов, тогда идеология высшего класса становится в противоречие с жизненным опытом и стремлениями низшего, и это противоречие в дальнейшем возрастает.

6. Организаторская функция «высшего» класса позволяет ему организовать жизнь

«низшего» класса посредством даже таких норм, которые не соответствуют жизненным условиям этого последнего. Такие нормы для подчиняемого им класса приобретают значение внешней силы, подобной силам внесоциальной природы, силы враждебной, но к которой необходимо приспособляться. Таково первичное и основное классовое противоречие, исходная точка развития всякой классовой борьбы.

7. Существует несколько типов классового развития. Из них предельными являются два: тип классического рабства и тип капитализма. Другие типы, например феодальный, жизненно сводятся к этим двум, переходя в них на известной стадии своего развития (все это относится, конечно, не к идеально-возможным, а лишь к исторически известным типам классового развития).

8. Оба типа классового развития совпадают в том отношении, что организаторский класс, прогрессивно удаляясь от техниче-ски-производственного процесса, теряет с течением времени реально-организаторскую функцию, превращаясь в класс паразитиче-

ский и неизбежно вырождаясь, а вместе с тем теряя и свою социальную силу.

9. Оба типа различаются между собою по исходному пункту и по конечным социальным результатам. Античный тип классового развития имеет своим началом патриархальное, натурально-хозяйственное рабство, которое затем осложняется обменом, захватывающим лишь верхи общества. Организаторское влияние господина простирается на все существование рабов, связь господина и раба неподвижная (не может быть разорвана волею раба, но только волею господина). Этот тип классового развития быстро приводит к превращению непосредственного работника в орудие производства и путем беспредельной эксплуатации обуславливает его полное вырождение. Технический прогресс прекращается. Рабская идеология не успевает сложиться и не идет дальше зародышей; классовая борьба отсутствует. Вырождение обоих классов завершается разложением и крушением всего общества.

10. Капиталистический тип классового развития имеет началом мелкобуржуазную

меновую организацию. Организаторская роль предпринимателя ограничивается определенной частью существования рабочего — рабочим днем. Связь подвижная (договорная). Этот тип классового развития приводит к прогрессивному превращению массы индивидуальных работников-исполнителей в сплоченную коллективность, приспособленную к организаторской роли в беспредельно расширяющихся размерах. Быстрый технический прогресс, который свойствен этому типу развития, стимулирует быстрое развитие противоположных классовых идеологий и классовой борьбы. Дело завершается крушением прежнего организаторского класса и переходом общества от классового развития в противоречиях к интегрально-гармоническому развитию. Стихийность внесоциальная и социальная одинаково преодолеваются планомерно-организованной силой человечества, его власть над природою беспредельно возрастает...

**Самопознание философии
(Происхождение эмпириомонизма)**

Цикл явлений, подлежащих познанию, завершается самим познанием. Здесь оно выступает как один из социальных процессов — наиболее сложный из всех, но принципиально познаваемый до конца. Ни в его формах, ни в его движении нет ничего по существу недоступного той организующей опыт трудовой деятельности, которую оно собой представляет. От самых частных до самых общих, все формы познания должны быть исследованы со стороны их генезиса, их жизненного значения, их развития, их конечной судьбы.

Так мы и поступали во всем предыдущем изложении. При этом мы систематически пользовались определенными методами и приемами, выражающими определенную точку зрения на исследуемый объект. Отчасти мы анализировали все с той же точки зрения и самые методы исследования, но только отчасти. Мы, например, видели, что индукция и дедукция представляют собой сокращенное воспроизведение процессов идеологического развития вообще, как они проте-

кают в социальной жизни; мы отмечали связь закона сохранения энергии с машинным производством и т. д. Дать сколько-нибудь исчерпывающий анализ таких соотношений мы здесь, очевидно, не имеем возможности. Но для нас обязательно выполнить по крайней мере одно: основы *своего собственного мировоззрения* мы должны определить со стороны их социального генезиса, понять их как идеологические производные глубже лежащих социальных условий. Это мы и постараемся теперь сделать.

Когда перед нами имеется определенный тип мировоззрения, например религиозно-дуалистический или, положим, метафизически-монистический, то для точного выяснения его объективных основ следует, пользуясь индуктивными приемами, поступать так. Прежде всего, возможно отчетливо установить ту социальную среду — класс, социальную группу, — в которой господствует этот тип мировоззрения. Затем надо выяснить главные социально-трудовые отношения, свойственные этой среде — данному классу, данной группе: мы можем а priori

предполагать, что главные черты мировоззрения, определяющие его тип, зависят именно от главных жизненных отношений той среды, которая порождает и поддерживает это мировоззрение. Путем простого сравнения схемы мировоззрения со схемой трудовых отношений социальной среды мы можем обыкновенно получить уже материал для гипотезы, что такие-то черты мировоззрения происходят из таких-то общих технических отношений, или форм сотрудничества, или форм внутренней борьбы и т. д. Тогда на сцену выступает «метод различия»; его планомерное применение есть решающий момент в проверке гипотезы. Именно надо посредством дифференциальных наблюдений установить, что происходит с такими-то чертами мировоззрения, когда такое-то социально-трудовое отношение — их предполагаемая основа — развивается, упрочивается, распространяется, и что происходит, когда оно деградирует, ослабевает, отмирает; во всех ли социальных комплексах, где оно имеется налицо, обнаруживаются также и данные черты мировоззрения или тенденция к их разви-

тию, а также и наоборот — везде ли они отсутствуют или уничтожаются там, где нет этой предполагаемой их основы и т. д.[201] Если во всех таких сопоставлениях обнаруживается надлежащий параллелизм форм познания и форм производства, то гипотеза имеет под собою твердую почву, и в качестве уже научной теории может послужить базисом для новых выводов и дальнейших исследований.

Оперируя этим способом, я выяснял в предыдущих своих работах происхождение дуалистического типа мышления из трудового дуализма организаторских и исполнительских функций, — происхождение метафизического монизма пустых абстракций из анархически-противоречивой формы общественного разделения труда, свойственной «товарному» обществу, — наконец отчасти и происхождение новейших монистических идей из товарищеской формы сотрудничества, характеризующей рабочий класс. Легко понять, что исследование такого рода становится тем труднее, чем новее мировоззрение, с которым оно имеет дело: меньше данных для

сравнения, меньше материала для проверки, элементы гипотетического неизбежно сильнее. По той же самой причине исследование тем труднее, чем менее распространено исследуемое мировоззрение, чем более «индивидуально» оно окрашено и т. д.

Все эти трудности при социально-генетическом анализе наших основных («эмпириомонистических») положений выступают с большой силою; но если само мировоззрение жизненно, если оно не плод индивидуальных особенностей, а выражение определенной и прогрессивной социальной тенденции, вообще — если оно действительно заслуживает исследования, то нет оснований считать трудности непреодолимыми. Так это или нет — всего легче выяснить практически, путем попытки решения самого вопроса.

II

Нам придется начать с отчетливой формулировки того места, которое занимает наша точка зрения по отношению к обычной анти-тезе материалистических и идеалистических философских систем. Раз мы найдем, что она принадлежит к первому или ко второму ряду,

у нас явится сразу возможность распространить на нее те выводы, которые могут быть сделаны по отношению к этому ряду вообще.

Формально различие материалистических и идеалистических точек зрения сводят обыкновенно к вопросу о соотношении «материи» и «духа»: что считать первичным и что — производным. Для нас, очевидно, совершенно необязательна сама антитеза, не только потому, что оба ее понятия смутны и неопределенны[202], но также и потому, что, поскольку исследование их генезиса придает им большую определенность, они оказываются пережитками авторитарного дуализма, отражением низшей социальной формации. В этом смысле можно было бы обозначить нашу позицию как одинаково чуждую материализму и идеализму. Но такая формулировка совершенно недостаточна для поставленной в данный момент цели — выяснения *генетических* соотношений «эмпириомонизма» с другими точками зрения.

Для материалистических систем характерна их особенно тесная связь с естественными науками: материал естественных наук лежит

всегда в их основе, методы естественных наук они возводят на степень высших, всеобщих форм познания. Но сами естественные науки представляют собой высшую систематизацию *технического опыта*, «идеологию производительных сил», и такой же идеологией является, следовательно, в конечном счете материалистическое мировоззрение во всех (или, может быть, почти во всех) его исторических формах.

Идеалистические системы стоят в таком же особенном соотношении с процессом идеологическим, в каком системы материалистические — с техническим. Базисом для различных форм «идеализма» служат обыкновенно явления «нравственные», а также наиболее абстрактные из форм познавательных — логические законы, чистые категории познания и т. п. Идеализм, следовательно, есть «идеология идеологии» (по преимуществу)[203].

Наша точка зрения устраняет понятия «материи» и «духа» как неточные и запутывающие анализ. Но она пользуется сопоставлением «физического» и «психического» опы-

та и, исследуя их соотношение, приходит к выводу, что из этих двух областей опыта «физическое» представляет *высшую* ступень организованности, а следовательно, и *производную*. Психический опыт организован индивидуально, физический — социально, т. е. это *различные фазы* организующего процесса, из которых *относительно первичною* является «психическое». Не есть ли это идеализм в оболочке измененной терминологии, признание «духа» за относительно первичное, из чего развивается «природа»? Думать так было бы в высшей степени ошибочно.

«Психическое» и «физическое» как формы опыта отнюдь не соответствуют понятиям «природы» и «духа». Эти последние понятия имеют метафизическое значение и относятся к «вещи в себе». Мы же, устраняя метафизические «вещи в себе» из своего анализа как пустые фетиши, ставим на их место «эмпирическую подстановку». Эта подстановка, исходная точка которой лежит в признании каждым человеком психики других людей, принимает, что «основу» явлений физического опыта составляют *непосредственные ком-*

плексы различных ступеней организованности, к числу которых относятся и комплексы «психические». Признавая, что физиологические процессы высших нервных центров, как явления физического опыта, суть отражение психических комплексов, которые и могут быть «подставлены» на их место, мы нашли, что и все вообще физиологические процессы жизни допускают подстановку комплексов «ассоциативного», т. е. психического типа; но подставляемые комбинации тем менее сложны и тем ниже организованы, чем ниже сложность и организованность физиологического явления. Далее, мы признали, что и за пределами физиологической жизни, в мире «неорганическом», эмпирическая подстановка не прекращается, но те «непосредственные комплексы», которые следует подставлять под неорганические явления, обладают уже не ассоциативной формой организации, а иной, низшей; это не «психические» комбинации, а комбинации менее определенные, менее сложные, также различных ступеней организованности, которая в своей низшей, предельной фазе является просто как хаос

элементов.

И вот среди *непосредственных* комплексов, подставляемых под физический опыт, нам и следует искать аналогов «природы» и «духа», чтобы установить их взаимное отношение.

Но в этой самой постановке вопроса уже заключается, очевидно, и ответ: «природа», т. е. низшие, неорганические и простейшие органические комбинации, есть *генетически первичное*, «дух», т. е. высшие органические комбинации, ассоциативные, и особенно те, которые образуют «опыт», — *генетически вторичное*.

Таким образом, наша точка зрения, не будучи «материалистической» в узком смысле этого слова, принадлежит к тому же ряду, к которому принадлежат «материалистические» системы: это, следовательно, идеология «производительных сил» технического процесса.

Ничем иным, конечно, и не могло быть мировоззрение, стремящееся связать в одно стройное целое методы естественных наук и «социальный материализм» Маркса, являю-

щийся по существу продолжением этих методов в сфере социально-исторического познания.

III

В классовом обществе всякое мировоззрение является либо идеологией какого-нибудь определенного класса, либо определенной комбинацией различных классовых идеологий. Даже наиболее индивидуальное в нем может быть только своеобразной комбинацией элементов коллективного, классового мышления. Ибо и личность создается и определяется социальной средой, в классовом обществе — классовой.

Идеология технического процесса есть в таком случае неизбежно идеология класса, стоящего в близком отношении к техническому процессу, т. е. класса «производительного» в широком значении этого слова. Но в современном обществе такая характеристика подходит и к пролетариату — классу «исполнительского» труда, и к мелкой буржуазии — классу самостоятельных мелких производителей, и даже к некоторой части крупной буржуазии — к той части, которая продолжа-

ет еще сохранять *непосредственно организаторскую* функцию в своих предприятиях. Таким образом, вопрос о классовом содержании философских основ нашего мировоззрения еще не решается его отношением к области технического опыта.

Поэтому мы должны обратиться к более конкретному рассмотрению этих основ. Начать придется к самого общего философского вопроса — об отношении психического и физического мира. Здесь наша точка зрения такова, что мы признаем, во-первых, *принципиальную однородность* обеих областей опыта и, во-вторых, необходимость *подчинения психического опыта познавательным формам, возникающим на почве опыта физического*. Принципиальная однородность заключается в тождестве элементов той и другой области и в объяснении различия их закономерности как различия индивидуальной и социальной организованности опыта — двух стадий организующего процесса. Подчинение же психического опыта нормам физического выражается в психоэнергетике с различными ее частными применениями.

Очевидно, что такая концепция совершенно не соответствует привычкам мышления буржуазии и мелкой буржуазии, привычкам, вытекающим из всего их социального опыта. Эти классы *индивидуалистичны* по всем своим жизненным тенденциям, потому что основы их существования — *частная собственность* и рынок с его неизменной борьбой. Этот индивидуализм находит себе место и в их концепции опыта и познания: в их теориях познания субъект, познающий всегда — индивидуум, — и с точки зрения индивидуальной познавательной деятельности ставятся и решаются основные вопросы философии [204].

С другой стороны, именно у работника машинного производства в его ежедневном трудовом опыте постоянно дается материал для идеи о принципиальной однородности «психического» и «физического» и о господстве над «психическим» законов «физического», но не наоборот. На каждом шагу он встречается с практическим замещением элементов психической работы — волевого усилия, внимания, даже соображения — комбинациями

физических элементов. Особенно *автоматические механизмы* с их самодействующими регуляторами обнаруживают на деле эквивалентность механических сил с работой интеллекта: они вытесняют в значительной мере даже труд наблюдения и контроля над производственными процессами, машина берет на себя даже то, что раньше мог делать только наиболее интеллигентный рабочий-механик и чего не мог рабочий менее образованный. При этом оказывается, что замещение происходит в известной пропорциональности: большее количество психической работы замещается при данной системе механизмов большим количеством механической работы; более сложная психическая работа находит замену в более сложной физической комбинации, в более сложном «аппарате». В то же время в закономерности и планомерности движения этих механизмов работник видит результаты накопленного опыта других работников мысли и дела, опыта человечества; и свою психическую работу в процессе своего труда он вынужден постоянно приспособлять к этой железной закономерности и

планомерности; но преобразовать эту *последнюю*, приспособляя ее к процессам своей психики, он не может или, точнее, может лишь в относительно ничтожной степени; да и это он сумеет практически осуществить лишь при условии в своей психической работе (например, изобретательской) постоянно полностью принимать во внимание все ту же закономерность, коллективно кристаллизованную в существующей уже машинной технике; т. е. и здесь он опять-таки должен приспособлять индивидуальное творчество к организованному коллективному.

Таким образом, в социально-трудовом опыте работника машинного производства существует и имеет основное жизненное значение материал как для признания принципиальной однородности «психического» и «физического», так и для тенденции познавательно подчинять «психическое» коллективно выработанным формам познания «физического». Философия, организующая этот материал в законченно-чистые формы и делающая эти формы всеобщими, должна рассматриваться, как идеология данного класса, —

конечно, именно постольку, поскольку она выполняет это в действительности и не при-
мешивает чуждых тенденций, противореча-
щих тенденциям пролетариата.

Само собою разумеется, из одного проле-
тарски-классового характера тенденций дан-
ной философии отнюдь еще не следует, что
она может и должна быть принята пролета-
риатом и его идеологами: для этого надо, что-
бы она действительно успешно, с достаточ-
ной полнотой и гармонией, организовала со-
циальный опыт в формах, соответствующих
мышлению пролетариата, — надо, чтобы в
ней не было ошибок и противоречий. Всякая
попытка, сознательная или бессознательная,
философски формулировать идеологию того
или иного класса, должна прежде всего под-
лежать критике со стороны своей «истинно-
сти», т. е. соответствия с фактами и отсут-
ствия внутренних противоречий. Неудачные
попытки должны беспощадно обличаться и
отвергаться, «добрые намерения» в этом слу-
чае не смягчающее, а отягчающее вино обсто-
ятельство. Поэтому и «самопознание филосо-
фии» должно выступать на сцену лишь после

научно-фактического ее обоснования. Именно такой последовательности я и держался.

IV

Второе основное положение, выражающее, по нашему мнению, эмпириомонистическую тенденцию*, — это учение о «подстановке». Здесь наша задача представляла две стороны: во-первых, надо было очистить «подстановку» от осложнивших ее и затемнивших ее жизненный смысл элементов авторитарного дуализма и метафизического социального фетишизма, — задача отрицательная, «критическая»; во-вторых, надо было обобщить «подстановку», на основании законной аналогии распространить ее с отдельных физиологических процессов жизни нервных центров на все процессы жизни вообще, а затем и на процессы неорганизованной природы, соответственно изменяя при этом ее содержание, — задача положительная и «монистическая». В результате должно было получиться соответствующее опыту и внутренне-связное, словом — «эмпириомонистическое» понимание факта, составляющего основу социальности познания, — и тем самым

познания вообще.

Критика «подстановки» направляется главным образом против понятия «души» или «духа», созданного авторитарным мышлением, и против «вещи в себе», производной этого понятия, выработанной социальным фетишизмом менового общества. При этом сама собой устраняется та ошибочная и излишняя форма подстановки, которая считает психический опыт «явлением» какой-то «вещи в себе», лежащей глубже него. Как исходная точка всякой подстановки, сам он не требует уже никакой подстановки в свою очередь [205]. Рядом с этим сокращением сферы подстановки идет ее расширение в другую сторону, с высших физиологических процессов на всю область физического опыта. Расширение это монистически необходимо, и в действительности как обыденное, так и научное мышление всегда его практиковало, но большую часть не отдавая себе в этом ясного отчета. Философия же всегда обнаруживала к нему величайшую склонность (многочисленные теории «параллелизма»). Оно одно дает возможность понять все существующее

щее, как ряд действительно непрерывный, — всю линию развития представить без *абсолютного скачка* (в том пункте, где «впервые возникает сознание»).

В этом непрерывном ряду нет ничего неподвижного; и самые *формы опыта* (время, пространство, причинность) мы должны рассматривать как развивающиеся формы координации элементов и комплексов, как типы их группировки в процессе возрастания организованности и взаимной связи переживаний, образующих опыт.

В таком виде все учение о подстановке характеризуется тенденцией строго позитивной, монистической и неуклонно динамической. Все эти характеристики свойственны только идеологиям классов прогрессивных и прогрессирующих. В позитивной тенденции выражается *растущее богатство реального, близкого к непосредственной борьбе с природой, жизненного содержания*, вытесняющее и делающее жизненно лишними всякие призраки, всякие фетиши. Монизм есть познавательное отражение *возрастающей организованности жизни*; прогресс практического

единства живых социальных сил класса увеличивает и обостряет потребность в познавательном единстве представлений, содержание которых в своей основе есть, как мы знаем, лишь сокращение комплексов практического жизненного содержания. Наконец, связь между динамизмом мировоззрения и жизненной прогрессивностью класса настолько проста и очевидна, что пояснять ее нет надобности; максимум динамизма в познании соответствует максимуму революционности в жизни.

Все эти черты в совокупности указывают на идеологию пролетариата.

V

Посмотрим теперь на общую картину мира, какой она выступает с точки зрения наших основных положений.

Наш *universum* есть прежде всего *мир опыта*. Но это не только мир *непосредственного опыта*; нет, он гораздо шире. Как мир *возможного непосредственного опыта*, он простирается в бесконечность, т. е. имеет тенденцию неопределенно далеко расширяться. Но он, кроме того, пополняется «подстановкой»

и здесь уже является как мир «косвенного опыта». Психическая жизнь другого человека и наши собственные «подсознательные» переживания никогда не могут стать для нас объектом прямого, непосредственного опыта, однако они не лежат и вне нашего опыта вообще — тогда о них не пришлось бы и думать и говорить. Наше исследование привело нас к выводу, что такое расширение *universum*'а путем подстановки необходимо параллельно всей линии «физического опыта», но с тем, чтобы содержание «подстановки» изменялось в соответствии со степенью *организованности* тех физиологических и просто физических процессов, по отношению к которым выполняется «подстановка».

В результате всего *universum* представляется в таком виде. Бесконечная сумма элементов, тождественных элементам нашего опыта, сгруппированы в бесконечные ряды комплексов различных ступеней организованности, от самых низших до самых высших, от смутного «хаоса элементов» до комплексов человеческого опыта и, может быть, еще гораздо более совершенных форм.

Эти комплексы сплетаются в более сложные комбинации, они «действуют» друг на друга, они «изменяют» друг друга, они «отражаются» один в другом, как мы это видим на комплексах своего непосредственного опыта. «Сознание» человека есть сложная, изменчивая, устойчивая в изменениях комбинация, в которой другие комбинации «отражаются» в виде «восприятий», «внешних впечатлений» и т. п. Из этих «отражений» образуется обширный материал психического опыта. В нем возникают, путем действия одних «комплексов-отражений» на другие, комплексы-отражения *второго порядка* — «косвенный опыт», мир «подстановки». Посредством «подстановки» создается связь *общения* между различными «сознаниями», а путем этого общения вырабатываются *общие типы организации опыта* (время, пространство, причинность), и часть коллективного опыта (существующего по частям в различных психиках) приобретает ту «социальную организованность», которая характеризует *физический опыт*. Весь этот сложный процесс развития, от хаоса элементов к объективной зако-

номерности физического опыта, по существу, однороден: изменение комплексов соединением одних с другими и взаимным влиянием их друг на друга, изменение, ведущее ко все большей их организованности и связности.

В этой бесконечно развертывающейся ткани univrsum'a отдельные ее «клетки» — комплексы и их комбинации — не сливаются в одно непрерывное поле, подобное полю сознания, но остаются разделенными между бесчисленными самостоятельными «полями комплексов». Чтобы представить эту раздельность в тех же всеобщих формах опыта, следует принять определенный тип изменений: *интерференцию* непосредственных комплексов-процессов[206]. Если два комплекса связаны посредством третьего и к этому третьему присоединяется комплекс, ему противоположный, — устранение тех элементов, которые в первом возникают, и возникновение тех, которые в нем исчезают, — то этот промежуточный, связывающий комплекс «уничтожается» для опыта, и связь двух других прерывается. Так применением идеи причинности (ибо «интерференция» есть одна из

ее форм) перерывы сводятся к непрерывности.

Следовательно, вот наша концепция мирового целого: бесконечные ряды комплексов, разлагаемых познанием на элементы, тождественные с элементами опыта, и находящихся на различных ступенях организации. Ткань, в которую сплетаются эти ряды, принимается познанием как непрерывная, а ее кажущиеся перерывы — как результат интерференции, т. е. взаимоуничтожения противоположных комплексов, служащих связью между другими.

Откуда возникла вся эта картина с социально-генетической точки зрения? Этот вопрос обязательно поставить потому, что всякая картина мира прежде всего должна соответствовать непосредственной картине наиболее важных для человека и наиболее постоянных в его опыте социальных отношений, среди которых он живет. Ответ же на этот вопрос является сам собою, если мы в самой этой картине на место комплексов вообще поставим социальные комплексы, их высшую и сложнейшую форму.

Тогда перед нами получается точное изображение современного общества, в котором объединяются трудовые группировки самых различных степеней организованности, от мелких крестьянских хозяйств до колоссальных капиталистических трестов, от индивидуальной семьи до великих политических партий. Все эти комбинации взаимно влияют друг на друга, взаимно изменяют друг друга, так или иначе «отражаются» одна в другой. Но в то же время они не сливаются непосредственно в одно целое, они существуют раздельно, несмотря на реальную жизненную связь (сложного сотрудничества), которая делает из них *одно* общество. «Принципом» раздельности является *борьба*, возникающая там, где соприкасаются эти комбинации (например, на «рынке», который связывает все различные экономические предприятия). Эта борьба, процесс, в котором соединяются противоположные тенденции, стремясь взаимно уничтожить друг друга и частично осуществляя это, — эта борьба с социально-генетической точки зрения есть первообраз той «интерференции непосредственных комплек-

сов», которая обуславливает собою перерывы комплексов в нашей общей картине мира. Устанавливая таким образом связь нашей картины мира с социальным устройством нашей эпохи как связь «отражения» с «первообразом», мы можем сделать из нее два дальнейших вывода. Первый вывод тот, что эта связь удовлетворяет одному из существенных требований, выражающих условие *исторической истинности* мировоззрения. Вторым выводом тот, что в этой картине, если считать ее верной для современного познания, едва ли можно ожидать коренных изменений раньше *коренного* переустройства социальной жизни, ибо данное строение общества должно создавать тенденцию к сохранению этой основной познавательной схемы.

* * *

На этом я заканчиваю свою попытку выполнить «самопознание» по отношению к своему мировоззрению. Мне пришлось пользоваться больше методом аналогий, чем сравнительно точным абстрактно-историческим методом, который я обрисовал в начале статьи. Это, конечно, придает всей попытке бо-

лее гипотетический характер, но тогда же, в начале статьи, я указал те трудности исследования, которые делали это неизбежным. А если мой читатель даст себе труд пристально взглянуться в мою попытку, он в ее содержании найдет, может быть, больше непосредственной убедительности, чем мог бы дать сам по себе метод ее построения. В историко-философских объяснениях идеологии благодаря сложности, но в то же время и близости их объекта к собственной организации познающего роль живой интуиции — по необходимости очень значительная — может практически оказываться и очень успешной по результатам, как не раз отмечали историки-материалисты.

Мы пришли к такой характеристике намеченного философского мировоззрения: пролетарская по тенденциям, познавательная идеология технического процесса, в своей общей схеме воспроизводящая основные черты строения современного общества.

Все процессы жизни цикличны, и для развивающейся жизни конец одного цикла переходит в начало другого, высшего. Циклично и

познание, которое тоже есть один из жизненных процессов. И когда оно приходит к *позна-нию самого познания*, когда, пройдя через ряд объектов восходящей сложности, оно в конце этого ряда находит самого себя и таким путем возвращается к себе, — оно завершает тем самым один из циклов своего развития. Это завершение есть в то же время высшая форма проверки; и если в ней оно находит себе подтверждение, то с тем большей уверенностью и ясностью начинает оно тогда новый цикл своего развития.

История создания, теоретические основы и судьба эмпириомонизма А.А. Богданова

Издательство «Республика» планировало выпустить новое издание «Эмпириомонизма» Александра Александровича Богданова (1873–1928) несколько раньше, но оказалось так, что оно выходит в свет в год столетия автора и почти спустя век после публикации его первого издания. Однако, как говорится, нет худа без добра: сейчас, когда о богдановской философии сказано немало в соответствии с нормами академической дискуссии и в этом отношении уже накопился некоторый опыт, мы, я надеюсь, в состоянии по достоинству оценить его вклад в российскую философскую мысль начала XX в.

А.А. Богданов и его «Эмпириомонизм»

Очерки по философии в трех книгах под названием «Эмпириомонизм» А. А. Богданов опубликовал в 1904–1906 гг.[207] Над содержанием включенных в этот труд статей он работал в конце XIX и самом начале XX в. К этому времени им уже были опубликованы две книги (Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество. СПб., 1899; Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901), которые фактически явились прелюдией к эмпириомонизму. Сам же «Эмпириомонизм» оказался главным вкладом А. А. Богданова в философию.

Творческая деятельность Богданова составляла настолько важную сторону его жизни, что невозможно понять первую, не зная хотя бы в общих чертах вторую, а ее, в свою очередь, не имея представлений о первой. Поэтому напомним читателю основные вехи жизненного пути Богданова[208].

Александр Александрович Малиновский — один из видных российских политических деятелей, философов и ученых. «Богданов» — это его псевдоним, точнее, один из псевдонимов наряду с «Максимовым», «Рядовым», «Вернером» и другими. Он чаще всего использовался А. А. Малиновским, и именно под этим именем мыслитель вошел в историю мировой и русской науки и культуры.

А. А. Малиновский родился 10 (по новому стилю 22) августа 1873 г. в г. Соколка Гродненской губернии в семье учителя. Учился в тульской гимназии, окончив которую с золотой медалью поступил в 1893 г. на естественное отделение Московского университета. В декабре 1894 г. он был исключен из университета за участие в работе революционных студенческих кружков, находившихся под влиянием идей народничества, арестован и выслан в г. Тулу, где включился в революционную деятельность и вскоре стал разделять социал-демократические взгляды. Усилиями Богданова и связанных с ним революционеров в Туле в 1897 г. была создана тульская социал-демократическая организация.

В эти же годы начинается научная и литературная деятельность Богданова. В 1897 г. он публикует «Краткий курс экономической науки»[209], который стал в дореволюционные годы одним из основных пособий по изучению марксистской экономической теории в рабочих кружках и к 1909 г. выдержал девять изданий. В 1899 г. Богданов закончил медицинский факультет Харьковского университета и в этом же году опубликовал уже упоминавшееся свое первое большое философское сочинение «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество», а через два года второе — «Познание с исторической точки зрения». Как неоднократно отмечал позднее Богданов, обе эти книги являлись юношескими сочинениями. В то же время «Познание с исторической точки зрения» весьма часто цитируется в «Эмпириомонизме».

Последние годы XIX в. и первое десятилетие XX в. — время активной революционной деятельности Богданова и одновременно время начала пика его творческой работы в науке и философии. Вскоре после окончания

университета Богданова арестовали за пропаганду социал-демократических идей. Полгода он просидел в московской тюрьме, а затем за неблагонадежность был выслан сначала в Калугу, а затем на три года в Вологду. После окончания ссылки весной 1904 г. Богданов выехал в Швейцарию, где активно включился в происходившую в то время в руководстве российской социал-демократии борьбу между меньшевиками, возглавляемыми Г. В. Плехановым, и большевиками, во главе которых стоял В. И. Ленин. Богданов решительно примкнул к большевикам и вместе с ними готовил III съезд РСДРП: для привлечения на съезд большевиков из российской провинции он выезжал в Россию. На III съезде РСДРП (Лондон, апрель 1905 г.) Богданов выступил с несколькими докладами, был избран в состав Центрального комитета РСДРП, в который переизбирался на IV (1906) и V (1907) съездах партии. В это время между Богдановым и Лениным было заключено молчаливое соглашение не касаться проблем философии.

Богданов активно участвовал в Первой российской революции 1905 г., являлся чле-

ном исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов. После разгрома революции он был арестован в декабре 1905 г. в Петербурге и содержался в заключении до мая 1906 г. На революционные годы приходится публикация его «Эмпириомонизма» (1904–1906). Примечательно, что «Предисловие» к заключительной, третьей книге «Эмпириомонизма» датировано Богдановым «30 апреля 1906 года, „Кресты“».

Несмотря на свою молодость, Богданов был известен российским философским кругам — он активно сотрудничал в ведущем в конце XIX — начале XX в. журнале «Вопросы философии и психологии» и, в частности, опубликовал в нем в 1903–1904 гг. три статьи, вошедшие затем в «Эмпириомонизм»: «Идеал познания» (1903. № 2), «Жизнь и психика» (1903. № 4 и 5) и «Психический подбор» (1904. № 3 и 4). Тем не менее профессиональные российские философы проигнорировали появление труда Богданова, и лишь партийная социал-демократическая пресса выразила свое отношение к нему: на книгу первую была опубликована рецензия Ортодокс[210], а

на книгу третью — рецензии П. С. Юшкевича [211], А. М. Деборина [212] и Н. Андреева [213].

Критики, конечно, нашли в «Эмпириомонизме» много уязвимых мест. Так, по мнению одного из ближайших соратников Г. В. Плеханова — Ортодокс, эмпириомонистические идеи — это новая разновидность ревизионизма. П. С. Юшкевич, российский социал-демократ-меньшевик, посчитал, что в «Эмпириомонизме» Богданова защищается точка зрения панпсихизма и притом в самом идеалистическом смысле «Эмпириомонизма».

Богданов ответил на эту критику. В частности, он отметил, что Ортодокс, соглашаясь с ним в том, что всякая социальность, всякое «общение» людей предполагает их психическую деятельность, подменила слово «психология» понятием «идеология», в результате чего получилось, что у Богданова якобы все социальное — идеологично. Это утверждение, конечно, не выдерживает критики (см. с. 240; здесь и далее в круглых скобках в тексте указываются страницы настоящего издания).

П. С. Юшкевич, выступивший в начале XX в. с концепцией эмпириосимволизма,

близкой по идеям конвенционализму А. Пуанкаре, свой тезис о панпсихизме Богданова пытался обосновать, дав свою интерпретацию одного из ключевых понятий «Эмпириомонизма» — «непосредственные комплексы». По Богданову, непосредственные комплексы — это наименее организованные комплексы элементов, лежащие в основе Вселенной, они нейтральны — не физические и не психические. Юшкевич же посчитал, что «непосредственные» элементы Богданова «лежат на одной линии с „психическими“ комплексами: они только до последней степени упрощенные и опустошенные психические комплексы»[214]. Отсюда и получился вывод о том, что у Богданова «психическое пожирает физическое». Отвечая на эту критику, Богданов отметил, что из принятых Юшкевичем посылок в равной степени можно сделать и противоположный вывод: психическое есть только упрощенное и опустошенное физическое[215], значит, что и «физическое пожирает психическое». С логикой у критика здесь явно не все в порядке, подчеркнул Богданов.

Вскоре с резкой критикой философских воззрений А. А. Богданова выступили руководители Российской социал-демократической партии Г. В. Плеханов (1908–1910)[216] и В. И. Ленин (1909)[217]. И Плеханов, и Ленин — несмотря на их глубокие партийно-политические разногласия — были единодушны в своих оценках эмпириомонизма, который для них был не попыткой построения философии современного естествознания на принципах марксистской философии, как считал Богданов, а реакционным субъективно-идеалистическим философским учением, заслуживающим самого решительного осуждения.

Выйдя из тюрьмы в конце 1906 г., Богданов вновь возвратился к революционной деятельности и в 1907 г. выехал за границу, где вместе с В. И. Лениным и И. Ф. Дубровинским вошел в состав тройки по редактированию большевистского центрального органа «Пролетарий». Именно в это время в редакции «Пролетария» разгорелись резкие споры между Богдановым и Лениным — сначала по некоторым вопросам тактики российской социал-демократии в условиях поражения Пер-

вой русской революции, а затем — и здесь позиции спорящих сторон стали непримиримыми — по проблемам понимания сути и путей развития марксистской философии. В этих спорах Ленин получил поддержку со стороны других влиятельных деятелей российской социал-демократии, и в результате Богданов был в июле 1909 г. выведен из состава редакции «Пролетария» и из Большевистского центра, а в январе 1910 г. на пленуме ЦК РСДРП — из Центрального комитета партии.

В 1909 г. Богданов вместе со своими единомышленниками, в число которых в то время входили М. Горький, влиятельные члены РСДРП А. В. Луначарский, В. А. Базаров и другие, сначала организовал на острове Капри (Италия) «Высшую социал-демократическую школу», а затем группу «Вперед», которые дистанцировались от ленинского «Пролетария» и ставили перед собой задачи культурного воспитания пролетариата на основе богдановской идеи «пролетарской культуры». Оба эти начинания Богданова не привели к успеху: в школе на Капри шли постоянные поли-

тические споры, и в конечном итоге большинство находящихся в этой школе рабочих-революционеров уехали к Ленину в Париж; группа «Вперед» под влиянием одного из ее членов, Г. Алексинского, начала открытую борьбу против Центрального комитета РСДРП, и Богданов был вынужден ее покинуть. Итог всего этого был печальный для Богданова: он практически отошел от революционной работы. В сложившейся ситуации Богданов сосредоточился на реализации своих творческих — научных и философских — планов.

Издав «Эмпириомонизм», Богданов посчитал целесообразным прояснить, а возможно, и более четко изложить некоторые проблемы, занимающие важное место в его эмпириомонистической концепции. В результате во второй половине первого десятилетия появились следующие его работы: «Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха?» (1907), «Страна идолов и философия марксизма» (1908), «Философия современного естествоиспытателя» (1909), а также ответы на критику Плеханова и Ленина — «Приключения одной

философской школы» (1908) и «Падение великого фетишизма. Вера и наука» (1910)[218]. Несколько позже, в 1914 г., Богданов написал книгу «Десятилетие отлучения от марксизма», которая не была сразу издана в связи с начавшейся Первой мировой войной, она опубликована только в 1995 г.[219]

В начале второго десятилетия XX в. Богданов начал интенсивно разрабатывать проблемы всеобщей организационной науки — тектологии, замысел которой был подготовлен его предшествующим творчеством, в частности построением эмпириомонизма. В 1910–1913 гг. он работал над первым томом «Тектологии» и опубликовал его в 1913 г.[220], а спустя четыре года издал второй том этой книги[221]. Реакция на это издание — Богданов к этому, должно быть, уже привык — была на удивление скромной: две небольшие рецензии на первый том (Русское богатство. 1913. XII и Просвещение. 1914. № 2), на второй том откликов вообще не было.

Для прохладного отношения к богдановской «Тектологии» был ряд причин. Во-первых, Первая мировая война и революция в

России в 1917 г., которые отнюдь не способствовали интересу к абстрактным, теоретическим исследованиям, и, во-вторых, неподготовленность тогдашнего научного сообщества к восприятию столь обобщенных научных концепций. Богданова это, однако, не смутило, и он в 1919–1921 гг. публикует сокращенный вариант «Тектологии»[222], а в 1922 г. — второе издание «Тектологии» с добавлением третьей части[223]. Несколько позже, в 1926–1928 гг., появляется немецкий перевод «Тектологии»[224], оставшийся, к сожалению, практически неизвестным западному научному сообществу. И наконец, в 1925–1929 гг. публикуется третье издание «Тектологии»[225], третий том которого выходит уже после кончины Богданова.

В 20-е гг. еще при жизни Богданова в русской философской литературе было опубликовано несколько критических отзывов на «Тектологию» (В. И. Невского, который действовал по указанию Ленина[226], И. Я. Вайнштейна, Н. А. Карева). Эти отзывы носили не столько научно-полемический, сколько идеологически-осуждающий характер. Тем не ме-

нее Богданов обстоятельно ответил всем этим критикам в третьем издании «Всеобщей организационной науки».

В том же 1913 г., когда был опубликован первый том «Тектологии», Богданов популярно изложил свое понимание основных направлений развития философии в конце XIX — начале XX в., включая, естественно, эмпириомонизм, под названием «Философия живого опыта»[227]. Эта книга примечательна тем, что в ней автор, пожалуй, впервые изложил идеи эмпириомонизма систематически, ясно и четко.

Во время работы Богданова над тектологией эмпириомонизм получил еще один удар — на этот раз не от его критиков и противников, а от самого автора. Приступив к работе над тектологией, Богданов пришел к твердому убеждению, что всеобщую организационную теорию можно построить только как науку, а не как философскую концепцию. Более того, он сформулировал утверждение о конце философии, зачеркнув тем самым свой труд по созданию эмпириомонизма[228]. В первом томе «Тектологии» в 1913 г. Богданов писал:

«...по мере своего развития тектология должна делать излишней философию, и уже с самого начала стоит над нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер»[229]. В других местах «Тектологии» он стремился сформулировать аргументы в пользу этого утверждения, например: «Философские идеи отличаются от научных тем, что не подлежат опытной проверке... „философский эксперимент“ есть совершенно неестественное сочетание понятий»[230] (курсив мой. — В. С.).

Свой вердикт относительно философии Богданов пытался обосновать в «Философии живого опыта» следующим рассуждением. Основная задача философии состоит в преодолении специализации знания, осуществлении целостности, единства и монизма познания. В этом Богданов усматривает ее историческую необходимость и «в этом также коренное противоречие всякой философии, своеобразный, неразлучный с нею трагизм» [231]. Может ли философия решить эту задачу? Богданов считает, что нет. «Социальный опыт раздроблен реально в самой челове-

ской практике»; философским построением нельзя «объединить, связать то, что разъединила действительность»[232]. «Философия не может творить чудес, — а между тем разрешение поставленной перед нею задачи с ее личными средствами было бы именно чудом»[233].

Философия, считает А. А. Богданов, конечно, не бесполезна, она «может в такой мере организовать общесоциальный опыт, в какой он реально связывается и объединяется самой жизнью. В этих пределах объединяющие схемы философии будут объективны, за этими пределами они неизбежно произвольны...»[234]. Решение задачи установления научного монизма, следовательно, станет возможным только тогда, когда сам общечеловеческий опыт станет единым, универсальным.

Богданов видит пути достижения такого состояния во внедрении машинного производства и его росте, в создании автоматически регулирующихся механизмов, в преодолении специализации рабочим классом и т. д. и т. п. Здесь не место оценивать реальность рисуемой мыслителем перспективы,

хотя я, имея возможность опереться на опыт XX в., убежден в иллюзорности этого прогноза. Вместе с тем независимо от своих представлений о путях развития человечества он ставит реальную и актуальную задачу «объединения всего организационного опыта человечества в особую общую науку об организации»[235], то есть выдвигает программу построения тектологии.

И наконец, приведу еще одно утверждение Богданова, содержащееся в его статье «От философии к организационной науке», написанной в 1921–1923 гг. (по своему идейному смыслу эта статья близка к проблеме, которую мы сейчас рассматриваем). В этой статье он утверждает, что «эмпириомонизм — организационная философия — есть только этап на пути к организационной науке», и, как только основы этой науки получили четкие очертания, «философия, как таковая, потеряла для меня реальный интерес: она — временное и несовершенное объединение опыта, которое должно уступить место высшему научному его единству»[236].

Богданов вернулся в Россию в октябре 1913 г. незадолго до начала Первой мировой войны. Год пробыл на фронте врачом. Многочисленные жертвы и разрушения, которые пришлось ему наблюдать, настолько потрясли его, что он получил невроз и лечился в клинике при медицинском факультете Московского университета, а после излечения работал младшим ординатором в одном из московских госпиталей. После Февральской революции 1917 г. писал политико-пропагандистские статьи, часть из которых вошла в сборник «Вопросы социализма» [237].

Октябрьской революции 1917 г. Богданов не поддержал. В письме к А. В. Луначарскому в ноябре 1917 г. написал, что на позиции «саботажа или бойкота» не стоит, но, исходя из своей оценки «уровня культуры и организованности» рабочего класса, считает, что в России «солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, чем ее приближающее» [238].

Вместе с тем он написал в 1923 г.: «Наша революция — хотя она не то, чем ее считали

и чем даже до сих пор считают, — есть во всяком случае Великая революция и этап мировой истории»[239]. Говоря о «нашей революции», Богданов скорее всего имел в виду все российские революционные события 1917 г.

После Октября 1917 г. Богданов занимался преподавательской деятельностью: был профессором политической экономии Московского университета, одним из основателей Социалистической (затем Коммунистической) академии (1918 г.) и членом ее Президиума (1918–1926 гг.), работал в комиссии по переводу на русский язык сочинений Маркса и Энгельса. Активно участвовал в экономических дискуссиях 20-х гг., а в 1917–1920 гг. стал одним из организаторов Пролеткульта — культурно-просветительской и литературно-художественной добровольной организации, поставившей своей целью создание пролетарской культуры. В деятельности Пролеткульта, продолжавшейся до 1932 г., было много спорного и, видимо, ошибочного. Богданов в этой своей работе в целом придерживался вполне разумных принципов, настаивая на демократизации научного знания на основе

создания рабочей энциклопедии, организации рабочих университетов, развития пролетарского искусства и т. п., и он, конечно, не несет ответственности за многие установки и действия этой организации.

В 1923 г. Богданов был арестован. «В ночь на 8 сентября 1923 года я был арестован по ордеру ГПУ после тщательного обыска, — записал он после освобождения 25 октября 1923 г. в „Дневниковых записях об аресте и пребывании во внутренней тюрьме ГПУ с приложением писем на имя председателя ГПУ Ф. Э. Держинского“. — Меня посадили во Внутренней тюрьме ГПУ, в камере 49, с арестантом, обвиняемым по уголовному делу, и 5 дней держали на одинаковом с ним положении: без книг, без письменных принадлежностей, без прогулок и без допроса, против чего я в двух заявлениях протестовал»[240].

Богданов находился в тюрьме пять недель. Пришлось ему, сидевшему в начале XX в. несколько раз в царской тюрьме, познакомиться и с советской тюрьмой. Никаких серьезных обвинений Богданову предъявлено не было: предполагалось, что он находится в

«идейной связи с группой „Рабочая Правда“» [241]. Богданова допросил Дзержинский, с которым он, естественно, был хорошо знаком и который был, по его мнению, человеком «безупречно искренним» [242], и в результате выяснилось, что никаких связей с группой «Рабочая Правда» он не имел, и после обычных в таких случаях проволочек его освободили.

Последние годы своей жизни Богданов посвятил научным исследованиям в области гематологии и геронтологии. В 1926 г. им был основан первый в мире Институт переливания крови, директором которого он работал до конца своих дней. Метод переливания крови Богданов рассматривал как возможность применения в медицине идей тектологии, как средство повышения жизнеспособности организма и продления человеческой жизни. В его институте проводились не только научно-исследовательские, но также и практические работы. Наиболее рискованные опыты Богданов считал возможным проводить только на самом себе. Двенадцатый эксперимент по переливанию крови закончился для него трагически — он тяжело заболел и скончался

7 апреля 1928 г.

На гражданской панихиде Н. И. Бухарин, в то время еще весьма влиятельный член партии и советского руководства, сказал: «Нас пришло сюда несколько человек, несколько старых большевиков. Мы пришли сюда прямо с пленума Центрального Комитета нашей партии, чтобы сказать последнее „прости“ А. А. Богданову. Он не был последние годы членом нашей партии. Он во многом — очень во многом — расходился с ней... Я пришел сюда, несмотря на наши разногласия, чтобы проститься с человеком, интеллектуальная фигура которого не может быть измерена обычными мерками. Да, он не был ортодоксален. Да, он, с нашей точки зрения, был „еретиком“. Но он не был ремесленником мысли. Он был ее крупнейшим художником... Богданов принадлежал к числу тех людей, которые в силу особых свойств своего характера героически сражаются за большую идею. У Богданова это было поистине „в крови“: он был коллективистом и по чувству, и по разуму одновременно»[243].

Основы эмпириомонизма

Хорошо известно, что «Эмпириомонизм» Богданова не получил всесторонней оценки ни при выходе в свет этого философского труда, ни многие десятилетия спустя.

Для того чтобы продвинуться в этом направлении, следует прежде всего хотя бы кратко изложить взгляды Богданова на предмет и задачи философии. В начале второй книги «Эмпириомонизма» Богданов пишет: «Философия возникла как стремление мыслить все содержание опыта в однородных и связных формах и приобрела самостоятельное значение именно как реакция против чрезмерной раздробленности и противоречивости опыта, выступивших на определенной стадии культурного развития» (с. 109). Итак, предметом философии является «все содержание опыта», а ее задача состоит в том, чтобы вместо существующей по крайней мере после «разложения авторитарно-родовых общин» и возникновения «анархии товарного хозяйства» «чрезмерной раздробленности опыта»

построить «однородное и связное» его представление.

Приведенное определение философии является предметным: оно фиксирует предмет философии. Наряду с таким определением Богданов широко использует в «Эмпириомонизме» и других своих работах социально-генетические определения философии, например такое: «Философия того или иного класса, той или иной группы общества есть их высшая идеология, в наибольшей степени выражающая их трудовой и социально-экономический опыт»[244]. И предметное, и социально-генетическое определения философии характеризуют один предмет, и поэтому они представляют собой только разные стороны общего определения философии, которым Богданов в том или ином случае уделяет преимущественное внимание в зависимости от решаемых задач.

В процитированном богдановском предметном определении философии совершенно четко звучит мотив монистической функции философского знания. В нем присутствует и второй ключевой момент понимания Богда-

новым специфики философии: ее предметом является эмпирия, то есть все содержание человеческого опыта, как он представлен в опыте отдельных людей и чрезвычайно разнообразных и практически бесконечных по количеству человеческих коллективов. В результате соединения этих двух ключевых моментов и рождается программа достижения в рамках философии максимально полного единства опыта, «идеала цельного и строгого познания» (с. 238), то есть эмпириомонизма как важнейшей задачи философии вообще и как специфической философской проблемы, которую пытается решить Богданов. По его убеждению, философия с момента своего зарождения всегда стремилась решить данную задачу. На этом пути она достигла частичных успехов и испытала горечь поражений, но в начале XX в. приходится признать, что эта задача еще не решена. Надежду на то, что в настоящее время возможен прогресс в этом отношении, и может быть существенный, вселяет ему не только современный уровень научного знания, но прежде всего современный уровень машинного, коллективного произ-

водства.

Хочу обратить внимание читателей на один важный аспект понимания эмпириомонизма, отмеченный Богдановым в третьей книге «Эмпириомонизма». Богданов подчеркнул, что он нередко обозначает одним и тем же словом свою конечную философскую цель («эмпириомонизм как идеал познания») и тот путь, который, как кажется ему, ведет к этой цели («эмпириомонизм как попытка дать насколько возможно стройную картину мира для нашего времени и для того социального класса, делу которого я себя посвятил») (с. 238). Сказанное означает, что эмпириомонизм мыслится Богдановым не только как некая теоретическая, идеологическая конструкция, но и как определенный социально-генетический феномен.

Философия понимается Богдановым как одна из форм идеологии, которую он трактует очень широко. По сути дела, в идеологию им включаются все формы общественного сознания, дополнительно в нее входят также язык, речь и т. п. Вот одно из его описаний содержания понятия «идеология»: «Огромный

вопрос об идеологиях, то есть о формах речи, мышления, права, морали и прочее, вопрос, охватывающий обширную область социальных наук»[245]. Таким образом, идеология у Богданова совпадает с духовной сферой жизни общества и, согласно его марксистским убеждениям, является надстройкой над экономическим базисом, которым она и определяется.

Суть марксизма Богданов усматривает в социальной философии Маркса: общественное бытие определяет общественное сознание. Этот принцип он раскрывает, опираясь на Марксовы тезисы о Фейербахе, и в этой связи пишет: «Карл Маркс в своих 11 тезисах о Фейербахе три четверти века тому назад наметил программу революционной философии. Сущность ее такова. Необходимо рассматривать действительность, как живую конкретную практику (тезисы 1, 5), и притом как практику социальную, потому что в своей деятельности человек есть существо социальное (тезисы 6, 8). Практика и есть объективный критерий истины (тезис 2). Философия же, с этой точки зрения, должна стать не

простым объяснением, истолкованием мира, но средством изменения мира (тезис II)»[246]. Богданов считает, что классики марксизма, создав исторический материализм, выполнили эту программу в области социальной философии. «Выполнение [ее] в общефилософском масштабе является для рабочего класса также насущной задачей. Этой задаче я посвятил свои силы, над ней работаю больше четверти века»[247], — написал Богданов в только что процитированной статье[248], в которой он попытался подвести некоторые итоги своих размышлений по проблемам философии марксизма.

Решение поставленной Богдановым задачи в общефилософском масштабе отнюдь, по его мнению, не сводится только к построению философского обоснования марксизма. Для того чтобы решить последнюю задачу, необходимо «прежде всего обосновать саму философию — как завершение системы знаний — на всей сумме опыта и науки». Задача, которую поставил перед собой Богданов, таким образом, превращается в фундаментальную проблему обоснования всей философии,

что для марксиста Богданова означает необходимость «марксистски обосновать философию... но никак не обосновывать марксизм на какой-то философии» (см. с. 228), как ошибочно считали в конце XIX в. русские так называемые критические марксисты (с. 227) [249].

Можно выделить два принципиальных пункта богдановской программы обоснования философии: 1) философия должна быть обоснована на результатах научного, строгого и доказательного знания, современная философия — на результатах современного научного знания, прежде всего естествознания; 2) для своего обоснования философия должна встать на организационную точку зрения как по отношению к пониманию предметов, которые она призвана изучать, так и по отношению к ней самой, поскольку она сама также является определенной социально-организационной деятельностью. Первый пункт представляется очевидным и не требует каких-либо пояснений. О втором надо сказать несколько слов.

Разработка организационной точки зрения — одно из важных научных и философских достижений Богданова. Работа в этом направлении шла около двух десятков лет с начала XX в. и в конечном итоге привела к созданию оригинальной обобщенной методологической концепции, которую можно назвать системно-тектологической (сам Богданов нередко называл ее всеорганизующей (с. 232) или всеорганизационной[250]). Во время написания «Эмпириомонизма» Богданов хорошо понимал ее важнейшие специфические особенности, но еще не пришел к четким формулировкам на этот счет и поэтому использовал ее принципы скорее в описательном, чем в методологически-нормативном духе (так он рассуждал, например, о степенях организованности опыта, различал социально-организованный опыт и индивидуально-организованный опыт, говорил об организующих процессах и т. п.). Учитывая важнейшую роль, которую играет эта точка зрения в эмпириомонизме (без ее учета трудно достаточно глубоко его понять), мы — для ориентации читателей — приведем несколько богдановских цитат, иллюстрирующих ее содержание.

новских ее формулировок.

«Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значит: всякую человеческую деятельность — техническую, общественную, познавательную, художественную — можно рассматривать как некоторый материал организационного опыта и исследовать с организационной точки зрения»[251].

«„Старый учитель научного социализма Ф. Энгельс“ однажды выразил все содержание жизни человечества формулой: производство людей, производство вещей, производство идей. В термине „производство“ скрыто понятие организующего действия. И мы сделаем формулу точнее: организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта. Итак, все интересы человечества — организационные. А отсюда следует: не может и не должно быть иной точки зрения на жизнь и мир, кроме организационной»[252].

Монистическое понимание Вселенной, по мнению Богданова, таково: «Вселенная выступает перед нами как беспредельно развер-

тывающаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности — от неизвестных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем. Все эти формы — в их взаимных сплетениях и взаимной борьбе, в их постоянных изменениях — образуют мировой организационный процесс, неограниченно дробящийся в своих частях, непрерывный и неразрывный в своем целом... Область организационного опыта совпадает с областью опыта вообще»[253].

Теперь следует выделить несколько важнейших установок богдановского эмпириомонизма.

Первая — наивный реализм. А. А. Богданов согласен с человеком практики, что вполне естественно для него как марксиста: «Человек практики, хотя бы самый крайний индивидуалист, принимает вещи, как вещи, а не как психические факты, и признает, что они именно таковы, как он их чувственно воспринимает, а не тайна, скрытая где-то „в себе“, под оболочкой явлений»[254]. Философский реализм в любых его вариантах означает принятие картины мира, которую строит

наука, — природа существует до человека, являющегося довольно поздним продуктом ее эволюции. Человек способен познавать окружающий мир, но сама Вселенная ему ничего не говорит, и поэтому он должен «задавать ей вопросы» посредством своих гипотез и если ему повезет, то получать на них положительный ответ, который со временем надо будет скорректировать.

Вторая — материализм, точнее, социальный материализм Маркса. Будучи наивным реалистом на практике, А. А. Богданов строит свой эмпириомонизм таким образом, что эта философская система оказывается принадлежащей тому же ряду, «к которому принадлежат „материалистические“ системы: это, следовательно, идеология „производительных сил“ технического процесса» (с. 333).

Третья. Все мирозерцание А. А. Богданова проникнуто, как мы об этом уже говорили, духом монизма. «Познание, — по его мнению, — всегда тяготеет к единству, к монизму»[255]. Философия, с его точки зрения, «есть не что иное, как именно стремление организовать воедино опыт, раздробленный

и разрозненный силою специализации. В этом смысл и значение философии, в этом ее историческая необходимость»[256].

К сформулированным важнейшим установкам богдановского эмпириомонизма следует добавить еще следующее.

1) В основу богдановского эмпириомонизма, как уже было подчеркнуто, положены понятия «опыт» и «организованность». Эмпириомонизм, по мнению Богданова, устраняет понятия «материи» и «духа» как неточные и запутывающие анализ, но пользуется, однако, «сопоставлением „физического“ и „психического“ опыта и, исследуя их соотношение, приходит к выводу, что из этих двух областей опыта „физическое“ представляет высшую ступень организованности, а следовательно, и производную. Психический опыт организован индивидуально, физический — социально, то есть это различные фазы организующего процесса, из которых относительно первичной является „психическое“ (с. 332). Считать эту позицию идеализмом, как полагает Богданов, „было бы в высшей степени ошибочно“ (там же). В пользу этого он приводит

следующую мысль: „И вот среди непосредственных комплексов, подставляемых под физический опыт, нам и следует искать аналогов „природы“ и „духа“, чтобы установить их взаимное отношение“. Поставив такой вопрос, Богданов продолжает: „природа“, то есть низшие, неорганические и простейшие органические комбинации, есть генетически первичное, „дух“, то есть высшие органические комбинации, ассоциативные, и особенно те, которые образуют „опыт“, — генетически вторичное» (с. 333).

2) Богданов, характеризуя опыт, считает, что надо решительно отвергнуть характерное для прошлой философии, например для сенсуализма, «субъективное, чисто индивидуалистическое понимание» опыта как всецело сводящегося «к индивидуальным ощущениям и представлениям». Это, по его мнению, есть «извращение действительного опыта, каким он „непосредственно дан“ познающему». «И вещи, и ощущения, лишь то и другое вместе образуют систему опыта; то и другое одинаково — материал для познания» [257].

3) Существенной частью эмпириомонизма является концепция социоморфизма, в которой утверждалась универсальная применимость в научном познании так называемой «основной метафоры» (термин английского филолога М. Мюллера), «представляющей явления внешней природы по образцу человеческих действий»[258]. А. А. Богданов, в частности, писал: «Согласно закону „социоморфизма“... схема диалектики, создавшаяся в одной области социального опыта, может применяться и за ее пределами, к другим областям явлений, социальных и внесоциальных. На деле она оказывается чрезвычайно гибкой и удобной, так что допускает очень широкое применение»[259].

4) Одна из наиболее оригинальных идей эмпириомонизма — это идея подстановки, которая по сути дела являлась прообразом метода моделирования, получившего столь большое распространение в науке и философии XX в.

Концептуальный аппарат и главные проблемы «Эмпириомонизма»

Сказанного о богдановском понимании философии вообще и эмпириомонизма в частности вполне достаточно для того, чтобы теперь приступить к анализу содержания «Эмпириомонизма».

В начале книги первой «Эмпириомонизма» Богданов знакомит читателя с тем понятийным аппаратом, который он использует в этом сочинении. Практически этот аппарат, особенно его основы, представляет собой стандартный набор понятий, которые ученые используют при проведении исследований любых объектов, — средства разложения анализируемого объекта на части, установление связей таких частей, методы синтеза частей и построения целостных представлений исследуемых объектов и т. п. Во многом используемый Богдановым понятийный аппарат совпадает с тем, который был разработан Э. Махом и Р. Авенариусом в их исследованиях по философии научного знания и эмпириокритицизму, но это — богдановский аппарат: он часто не соглашается с интерпретациями содержания тех или иных понятий и методологических принципов, которых придерживают-

ся Мах и Авенариус, и существенно дополняет этот аппарат.

Поставив перед собой задачу исследовать действительность как систему опыта, Богданов вводит первые понятия своей концептуальной системы: «Бесконечный поток опыта, из которого кристаллизуется познание, представляет в своем целом не только очень грандиозную, но и очень пеструю картину. Разлагая шаг за шагом это целое, анализ переходит от более крупных его частей ко все более и более мелким и достигает наконец некоторой границы, где разложение дальше не удаётся. Здесь лежат элементы опыта» (с. 6).

Множества элементов образуют комплексы. Смысл этого понятия Богданов иллюстрирует на следующем примере. «Человеческий организм, — пишет он, — существует для нас как тело в ряду других тел» (с. 7). В этом теле можно выделить большое множество самых различных элементов: ряд элементов, воспринимаемых при помощи зрения — элементы цвета и пространства (формы). Затем ряд совершенно иных элементов, воспринимаемых при помощи чувства давления и чувства

температуры — элементы формы и пространства, ряд элементов, доступных слуху, — тоны и шумы, из которых слагается речь, пение, плач, смех и т. п. «Все эти ряды совершенно различны по своему материалу — качественно разнородны, и, однако, все они объединяются в один комплекс, обозначаемый словом „человек“» (с. 7–8). «Но „тело“ есть нечто единое. Что же дает ему это единство? Устойчивая связь частей комплекса» (с. 8).

Итак, «элемент» и «комплекс» — исходные понятия эмпириомонизма, которые через несколько лет после завершения работы Богданова над этой философской теорией станут основными в концептуальной базе всеобщей организационной науки — тектологии.

В философии чуть ли не с момента ее зарождения было принято и получило очень широкое распространение деление действительности, реальности на объективный, физический, существующий независимо от человека мир, и мир субъективный, психический, зависящий от человека, прежде всего от деятельности его нервной системы. Естественно, что Богданов не может избежать

этой дихотомии, и он должен решить вопрос о взаимоотношении этих миров в рамках создаваемой им концепции эмпириомонизма.

Следуя в данном случае Маху и Авенариусу, Богданов считает, что элементы опыта не являются ни физическими, ни психическими. Они нейтральны по отношению к этому противопоставлению, потому что являются одинаковыми и в физическом, и в психическом мирах. Богданов обосновывает эту мысль следующим рассуждением. В физическом мире тела представляют собой сочетания тех или иных признаков, например места, времени, цвета, формы, величины и т. п.; в психическом мире, где формируются ощущения этих тел, ощущения также могут быть разложены на элементарные ощущения пространства, времени, цветов, тонов и т. д. В результате признакам тел («красное», «зеленое», «холодное», «горячее», «твердое» и т. д.) точно соответствуют элементарные ощущения (ощущение красного, зеленого, холодного и т. д.). Таким образом, «„красное“ в телах и „ощущение красного“ в их восприятии суть тождественные элементы опыта, которые мы

только различно обозначаем» (с. 7).

Вместе с тем «тело» и «восприятие тела» или его «представление» — «это, несомненно, далеко не одно и то же с точки зрения нашего опыта» (с. 10), справедливо и в соответствии с принципами реалистической и материалистической философии утверждает Богданов. В чем же в таком случае различие между ними?

В ответе на этот вопрос в очередной раз проявляется принципиальное различие между философией Маха и Авенариуса, с одной стороны, и Богданова — с другой. Согласно Авенариусу (эту позицию принимает и Мах), «поскольку данные опыта выступают в зависимости от состояний данной нервной системы, постольку они образуют психический мир данной личности; поскольку данные опыта берутся вне такой зависимости, постольку перед нами физический мир. Поэтому Авенариус обозначает эти две области опыта как зависимый ряд и независимый ряд опыта» (с. 11).

В такой трактовке различия физического и психического миров Богданов усматривает

сильное влияние индивидуалистического понимания опыта, против которого он решительно возражает. «Если в едином потоке человеческого опыта мы находим две принципиально различные закономерности, то все же обе они вытекают одинаково из нашей собственной организации (сильный аргумент против эмпириокритиков. — В. С.): они выражают две биологически-организующие тенденции, в силу которых мы выступаем в опыте одновременно как особи и как элементы социального целого» (с. 24; курсив мой. — В. С.). Поэтому, следуя коллективистскому пониманию опыта, выдвинутому, как было отмечено ранее, Марксом и безоговорочно принятому Богдановым, он различает физический и психический миры следующим образом: «физический мир — это социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом, социально-организованный опыт» (с. 21); «психическое организовано, но только не социально, а индивидуально: это индивидуально-организованный опыт» [260] (с. 23; курсив мой. — В. С.).

В первой книге «Эмпириомонизма» Богданов рассматривает «три основных вопроса», которые, по его мнению, «сводятся к одной общей задаче: найти тот путь, на котором возможно было бы систематически свести все перерывы нашего опыта к принципу непрерывности» (с. 107). Приведенную формулировку стоящей перед Богдановым общей задачи следует пояснить.

Непрерывность опыта — это именно то, чего должен добиться эмпириомонизм. Если в нашей концепции человеческий опыт оказывается не непрерывным и в нем есть перерывы [261], то нам не удалось истолковать его монистически, и, для того чтобы добиться этого, имеющиеся перерывы (разрывы) должны быть ликвидированы, то есть объяснены на единой монистической основе. Богданов и решает эту задачу, подробно показывая, что пропасть, которая якобы разделяет «дух» и «материю», на самом деле не существует. Это вытекает из того, что, «как показал новейший позитивизм, существует тождество элементов, на которые разлагается содержание обеих этих областей опыта». В результате это-

го перерыв сводится «к двум принципиально различным типам связи элементов — физическому и психическому». Проведенный Богдановым анализ, основные результаты которого мы только что изложили, привел его к выводу о том, что «эти два типа связи различаются вовсе не принципиально, что это две последовательные фазы организации опыта: психическое есть опыт, организованный индивидуально, физическое — организованный социально. Второй тип является одним из результатов развития первого» (с. 3-36, 107).

Вторым основным перерывом (разрывом) человеческого опыта Богданов считает «перерыв между „сознанием“ и „физиологией“ в сфере жизни». Этот перерыв является частным случаем первого, но он имеет «особенное значение и ощущается с особенной остротой именно потому, что проходит через самую близкую нам область реального, и потому, что вынуждает в одном понятии „жизни“ объединять, по-видимому, абсолютно различные по характеру и содержанию группы явлений» (с. 107).

Под «сознанием» Богданов понимает непосредственный психический опыт, элементарными единицами которого он считает переживания (психические переживания). К переживаниям относятся восприятия, представления, волевые акты и т. п. Переживания — одно из основных понятий концептуальной системы эмпириомонизма. Как психические явления, они органически связаны с деятельностью физиологической системы. Для того чтобы монистически объединить психические переживания и акты физиологической деятельности, Богданов показывает, что между первыми и вторыми существует причинная связь: область «физиологических процессов» является отражением — в социально организованном опыте живых существ — «непосредственных переживаний» (с. 107 и др.). «Этот вывод, — подчеркивает Богданов, — неразрывно связан с представлением о строгом параллелизме обоих рядов явлений и об одинаковой применимости к ним обоим принципов энергетике» (с. 107).

Наличие такого параллелизма, с точки зрения Богданова, решает проблему единства

жизни физиологической и психической. «Там, где между различными рядами элементов опыта имеется такая зависимость, самые эти ряды представляют не различные объекты для познания, а один объект» (с. 134; курсив мой. — В. С.). В результате преодолевается и этот второй основной перерыв (разрыв) человеческого опыта.

Третий основной перерыв человеческого опыта Богданов видит в антитезе индивидуального и универсального, а также индивидуального и другого индивидуального. Этот перерыв представляет собой перерыв поля переживаний. Проведя тщательный анализ этой проблемы в главе «Universum» (с. 85-106), он пришел к выводу, что этот перерыв может быть преодолен на основе действия закона причинности, определенной его формы, а именно интерференции — интерференции «непосредственных» переживаний и вообще «непосредственных комплексов» (с. 107).

Таким образом, в первой книге «Эмпириомонизма» Богданову удалось решить ряд важных общих проблем построения монистической теории человеческого знания, чтобы в

дальнейшем подвергнуть анализу более частные, специальные вопросы.

Значительное место в «Эмпириомонизме» занимает разработка Богдановым учения о психическом и общественном подборе (отборе) и концепции универсальной подстановки.

Первое из них является реализацией внутренне присущей эмпириомонизму эволюционистской тенденции. Опираясь на параллелизм между «психическими» и «физиологическими» явлениями жизни, Богданов смог в рамках анализа механизма и форм психического подбора избежать «безнадежного дуализма» психического и физиологического миров. Тем самым и в этом случае удастся остаться на монистической точке зрения.

Хочу подчеркнуть, что в «Эмпириомонизме» Богданов фиксирует два смысла понятия «психический подбор»: первый, традиционный, в значении «естественного подбора психических форм», второй — собственно богдановский — как «тенденции к жизненному усилению или ослаблению отдельных переживаний в зависимости от их аффекциональ-

ной окраски в поле сознания — положительной (удовольствия) или отрицательной (страдания)» (см. с. 137). Согласно Богданову, «основные особенности психического подбора сводятся к двум фактам: во-первых, он выступает в поле сознания (непосредственного психического опыта); во-вторых, по направлению он зависит от аффекционала». Аффекционал же с эмпириомонистической точки зрения означает: «удовольствие для познания тождественно с непосредственным возрастанием энергии психической системы, страдание — с непосредственным понижением» (там же).

Введенное Богдановым понимание психического подбора широко используется им во второй книге «Эмпириомонизма» для анализа различных сторон психической деятельности.

Что касается концепции универсальной подстановки Богданова, то он рассматривает ее как один из методов познания, как определенный организационный прием, который используется людьми для приведения в стройную связь и порядок материала своего

жизненного опыта, своего знания. К тому, что говорится о подстановке в тексте «Эмпириомонизма», я добавлю краткое резюме этой концепции, которое Богданов написал для книги «Десятилетие отлучения от марксизма» (1914):

«Подстановка заключается в том, что один предмет или явление замещается для познания другим, реальным или мысленным. Например, вместо произведения искусства „подставляются“ те образы, чувства, настроения, которые оно вызывает в читателе, зрителе, слушателе; вместо белого луча солнца — сумма тех цветных лучей, на которые он разлагается призмой, и т. п. Такое замещение отнюдь не может делаться по произволу. Оно должно быть выбрано целесообразно, так, чтобы на деле увеличивало знание вещей, их понимание, предвидение; тогда подстановка объективна; иначе она ошибочна.

Начало подстановки лежит в общении людей, в их взаимном понимании... Человек воспринимает другую личность как тело в ряду тел внешнего мира, сознание же ее не воспринимает. Человек видит жесты, движе-

ния других людей, слышит звуки их голоса, и по этим физическим, внешним фактам понимает, что они ощущают, чувствуют, думают, чего хотят; он узнает, таким образом, их психическую жизнь. Значит, под их движения и звуки он подставляет недоступные ему душевные переживания: под резкие жесты — чувство гнева, под напряженный крик — чувство боли, под слова — их смысл и т. д.

Нередко и эта подстановка бывает ошибочна. Но, вообще говоря, она объективна, общественно необходима: без нее не было бы возможно никакое сотрудничество людей в борьбе с природой, не был бы возможен процесс производства.

Нечего говорить, как огромно несходство между криком и болью, между звуком слова и мыслью. Но людям полезно и нужно подставлять одно на место другого, чтобы знать и целесообразно действовать.

Отсюда постепенно, в ряду тысячелетий, возникли и развились все другие виды подстановки...

Подстановка применяется повсюду, где требуется объяснение наблюдаемого. Без нее

можно только „описывать“, что и как происходит, но ничего нельзя объяснить. Это относится и к жизни, и к науке.

На этом основании я признал метод подстановки всеобщим. И я старался выяснить ее законы, ее направление: при каких условиях она удачна, в какую сторону должна идти, чтобы быть целесообразной»[262]. На все эти вопросы Богданов подробно отвечает в «Эмпириомонизме» и других своих философских работах.

В ходе анализа проблемы подстановки Богданов выделяет ее пять возможных типов, и каждый из них имеет наивные и научные формы.

1) Подстановка психического под физическое: научная — там, где психика подставляется под физиологию нервной системы, под движения животных и отчасти, может быть, растений, а также свободных живых клеток; научна она, конечно, лишь постольку, поскольку критически проверяется, иначе она здесь переходит в наивную. Типичные наивные формы этой подстановки: всеобщий анимизм, поэтическое одухотворение природы,

пантеизм, панпсихизм.

2) Подстановка физического под физическое: «механические» теории света, теплоты, теории электрических и магнитных жидкостей и т. п. По мнению Богданова, все они для нашего времени относятся к наивным.

3) Подстановка физического под психическое. Примером является первобытный анимизм в тех случаях, когда душа понимается как нечто «материальное», как простое повторение тела (материализм Демокрита, Эпикура, Бюхнера и других). Такая подстановка, считает Богданов, имеет только наивные формы.

4) Подстановка метафизически неопределенного под физическое и психическое. Пример: «вещь в себе», принципиально отличающаяся от явления, но составляющая его причину, «непознаваемая» или «познаваемая смутно» (сенсуалисты, материалисты типа Гольбаха, кантианцы, Спенсер и т. п.). Формы такой подстановки противоречивы и поэтому наивны.

5) Подстановка эмпирически неопределенного под физические, неорганизованные про-

цессы. Таковую форму подстановки используют теории, стремящиеся к «чистому описанию» в абстрактно-монистических схемах и признающие «объективный» характер фактов, подлежащих описанию (большинство новейших естественнонаучных теорий: формы для нашего времени научные) (см. с. 128–129).

Относительно последней из перечисленных форм подстановки Богданов замечает, что эмпириомонизм определяет «неопределенные» подставляемые комплексы как неорганизованные (не абсолютно, а только относительно) и тем «ставит эту подстановку в одну цепь с подстановкой „психического“ под „физиологическое“. Этим дается принципиальная возможность исследования генезиса жизни, физиологической и психической (происхождение более организованного из менее организованного)» (с. 129).

Богданов также подчеркивает, что при исследовании подстановки ее надо было «очистить от осложнивших ее и затемнивших ее жизненный смысл элементов авторитарного дуализма и метафизического социального фетишизма... Надо было также обобщить „под-

становку“, на основании законной аналогии распространить ее с отдельных физиологических процессов жизни нервных центров на все процессы жизни вообще, а затем и на процессы неорганизованной природы, соответственно изменяя при этом ее содержание...» (с. 335–336).

Изложенная концепция подстановки устраняет, по Богданову, ошибочную форму подстановки, по поводу которой было сломано много копий в истории философии и согласно которой психический опыт считается «явлением» какой-то «вещи в себе», лежащей глубже него. «Как исходная точка всякой подстановки, — утверждает Богданов, — психический опыт уже не требует никакой подстановки...» (с. 336). Вместе с этим сокращением сферы применимости подстановки происходит ее «расширение с высших физиологических процессов на всю область физического опыта. Расширение это монистически необходимо, и в действительности как обыденное, так и научное мышление всегда его практиковало, но большей частью не отдавая себе в этом ясного отчета. Философия же все-

гда обнаруживала к нему величайшую склонность (многочисленные теории „параллелизма“)» (там же).

В результате богдановская теория подстановки оказывается тем средством, с помощью которого ему удастся преодолеть ограниченности многих теорий монизма (метафизического, наивно-материалистического, энергетического, эмпириокритицистского и других), предложенных в ходе развития философии. Богдановский эмпириомонизм делает в этом отношении существенный шаг вперед, и с учетом развиваемой им концепции «мирового целого» становится понятным, почему Богданов считает, что на этом пути можно добиться успеха.

Концепция «мирового целого», согласно эмпириомонизму Богданова, такова: «Бесконечные ряды комплексов, разлагаемых познанием на элементы, тождественные с элементами опыта, и находящихся на различных ступенях организации. Ткань, в которую сплетаются эти ряды, принимается познанием как непрерывная, а ее кажущиеся перерывы — как результат интерференции, т. е. вза-

имоуничтожения противоположных комплексов, служащих связью между другими» (с. 338). Если подойти к этой картине с социально-генетической точки зрения, то она оказывается точным изображением современного общества, в котором «объединяются трудовые группировки самых различных степеней организованности...» (там же).

В современном же обществе, по мнению Богданова, функционируют три класса, которые находятся «в близком отношении к техническому процессу» (с. 333), это — пролетариат, мелкая буржуазия и даже часть крупной буржуазии, которая сохраняет непосредственно организаторскую функцию в своих предприятиях. Мелкая буржуазия и буржуазия «индивидуалистичны по всем своим жизненным тенденциям, потому что основы их существования — частная собственность и рынок...»; и коллективистская идеология эмпириомонизма им чужда. Поэтому «именно у работника машинного производства в его ежедневном трудовом опыте постоянно дается материал...» (с. 334), подтверждающий жизнеспособность эмпириомонистического

мировоззрения, построенного на основе марксистских философских принципов: это — идеология, «пролетарская по тенденциям, познавательная идеология технического процесса, в своей общей схеме воспроизводящая основные черты строения современного общества» (с. 339).

Таким образом, заключает свой анализ Богданов, развитие науки и философии ведет не к устранению подстановки, как склонны думать многие философы и ученые, а к ее критическому исправлению. Только в одной сфере подстановка безусловно устраняется — там, где мы имеем дело с психическими явлениями; под них никакой «вещи в себе» подставлять не приходится, ибо это познавательно бесполезно, а для монизма познания даже прямо нецелесообразно: психическое есть исходная точка самой подстановки, из него берется содержание для первичной подстановки, его связь с «физиологическим» есть объективное основание и в то же время стимул к подстановке. Здесь подстановка может быть только «наивной», только результатом ошибочной аналогии.

В конце этого раздела хочу, хотя бы кратко, остановиться еще на двух вопросах.

Первый из них — об отношении эмпириомонизма к модным в конце XIX — начале XX в. влиятельным течениям в философии науки — энергетизму В. Оствальда, философии современного естествознания Маха и эмпириокритицизму Р. Авенариуса, тем более что Богданов в ряде важных пунктов опирался на эти теории. Действительно, обсуждение этого вопроса занимает определенное место в «Эмпириомонизме», а также в других работах, которые по содержанию близки к его главному философскому сочинению.

В «Эмпириомонизме» Богданов высоко оценивает эмпириокритицизм, философию Маха и концепцию энергетизма. Эмпириокритицизм, с его точки зрения, «есть современная форма позитивизма, развившаяся на почве новейших методов естествознания, с одной стороны, новейших форм философской критики — с другой». Он «привлекает к себе все больше сторонников среди молодых представителей науки и философии... оказывает все большее влияние на научное и философ-

ское развитие нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее влияние признают даже противники эмпириокритицизма» (с. 5). Богданов характеризует эмпириокритицизм как «наиболее законченное и строгое выражение духа критики в познавательном отношении к действительности» (с. 5).

В первой книге «Эмпириомонизма» Богданов предположил, что благожелательная оценка, которую он дал эмпириокритицизму и философской концепции Маха, может вызвать недоумения и неясности, и он попытался развеять сомнения, которые могут возникнуть на этот счет, разъяснив принципиальные расхождения между эмпириомонизмом и эмпириокритицизмом. Все это оказалось напрасным. Критики его взглядов самой разной философской и политической ориентации сходились в оценке богдановского эмпириомонизма как субъективно-идеалистической философской концепции. Богданов возражал против подобной оценки. В третьей книге «Эмпириомонизма», споря с Плехановым, он писал: «...„махистом“ в философии

признать себя я не могу. В общей философской концепции я взял у Маха только одно — представление о нейтральности элементов опыта по отношению к „физическому“ и „психическому“, о зависимости этих характеристик только от связи опыта. Затем во всем последующем — в учении о генезисе психического и физического опыта, в учении о подстановке, в учении об „интерференции“ комплексов-процессов, в общей картине мира, основанной на всех этих посылаках, — у меня нет с Махом ничего общего» (с. 239).

В другом месте и значительно позже публикации «Эмпириомонизма» отношение эмпириомонизма к философии Маха Богданов охарактеризовал так: «Понимание мира, как непрерывного ряда организационных процессов, было впервые введено в философию мною. Учение же об единстве элементов, о том, что материя и дух различаются лишь характером их связи, было сформулировано много раньше. С наибольшей научной строгостью это сделал Эрнст Мах, знаменитый физик и физиолог. В таких пределах — я его ученик. Мысль о том, что связь физического и

связь психического являются организационными формами и подлежат исследованию, как таковые, ему совершенно чужда»[263]. И наконец, в статье, посвященной семидесятилетию Маха, Богданов отметил: «Мои собственные взгляды во многом не сходятся с воззрениями Э. Маха — и притом не только со стороны... неполноты этих последних в сфере социально-философского мышления...» [264]

Аналогичное отношение выразил Богданов в своих работах также по поводу эмпириокритицизма Авенариуса и энергетизма Оствальда. Надеюсь, что все сказанное проясняет действительное отношение Богданова к махизму, эмпириокритицизму и энергетизму.

Второй вопрос, по поводу которого следует сказать несколько слов, это вопрос об идеализме Богданова. В XX в. положительный ответ на этот вопрос в отечественной философии не вызывал никаких сомнений. К уже сказанному на этот счет добавлю только одно. В полемике Плеханова, Ленина и их единомышленников, с одной стороны, и Богдано-

ва — с другой, были принципиально различные исходные пункты. Для последнего оба понятия антитезы мышление — бытие «смутны и неопределенны», поскольку определяются только через указание отношения одного к другому («что первично и что вторично») и, более того, оказываются «пережитками авторитарного дуализма, отражением низшей социальной формации» (с. 331–332).

Эти выводы потребовали от Богданова разработать новый концептуальный аппарат философии, которым, по его мнению, может быть понятийный аппарат эмпириомонизма, направленный на изучение мира опыта на основе марксистских организационных принципов.

«...К мировоззрениям, берущим за исходную точку мир элементов опыта и считающим „физическое“ и „психическое“ лишь типами связи этих элементов, к таким мировоззрениям старые понятия философского материализма и идеализма просто неприменимы. И в особенности неприменимы они к эмпириомонизму, для которого и психическая, и физическая связь элементов — только эпизо-

ды в развитии форм и типов организации элементов в комплексы „Universum'a“»[265].

Эмпириомонизм Богданова: столетие спустя

Сто лет, которые прошли после публикации «Эмпириомонизма», это богдановское сочинение прожило очень скромно: оно по сути дела не было востребовано ни научной, ни философской общественностью.

Вместе с тем богдановский эмпириомонизм явился оригинальной и интересной философской концепцией, которая по праву должна занять достойное место в истории философии — наряду с эмпириокритицизмом, махизмом, энергетизмом, прагматизмом, конвенционализмом и другими философскими теориями начала XX в.

В этой связи возникает вопрос: в какой мере Богданову удалось решить поставленную им задачу — построить монистическую картину Вселенной, многообразного человеческого опыта и целостную концепцию его закономерностей? Конечно, в полной мере он

эту задачу не решил. В философии, как хорошо известно, вообще нет ничего окончательного, все является исторически преходящим, и это особенно справедливо в случае, когда человек и человечество в целом пытаются решать фундаментальные проблемы. Именно такой проблемой является вопрос о достижении монизма мира и его познания, и Богданов прекрасно понимал, что построенная им эмпири-монистическая теория — это только шаг в движении к этой цели. Завершая «Эмпириомонизм», он написал: «Я радостно встречу всякую критику из среды родного мне течения, лишь бы это была критика, лишь бы она давала материал для выяснения истины. Если в результате истина выяснится даже ценой разрушения моих идей, я радостно буду приветствовать эту новую для меня истину...» (с. 243).

Одной из главных идей «Эмпириомонизма» является неоднократно проводимое на его страницах сопоставление идеала жизни и идеала познания. Как марксисту, Богданову достаточно ясен идеал жизни. Учитывая цензурные ограничения, существовавшие в Рос-

сии в начале XX в., он формулирует этот идеал в весьма абстрактных терминах: это — «стремление гармонически объединить все человечество для борьбы со стихийным миром, для непрерывного развития сил». Однако реальный смысл этих слов понятен не только нам, живущим спустя столетие после создания «Эмпириомонизма», он был понятен и богдановским современникам. Этот идеал — социалистическое, коммунистическое будущее человечества, грядущее наступление которого прогнозировали Маркс и Энгельс. «Не так ясен, — подчеркивал Богданов, — идеал познания», и важнейшая задача создаваемой им концепции эмпириомонизма как раз и состояла в том, чтобы «обрисовать также идеал познания... хотя бы в такой общей схеме, в какой представляется нам идеал жизни». Залог успешности выполнения этой задачи он усматривал в том, что благодаря нераздельному единству практики и познания «оба идеала должны быть неразрывно связаны между собой, должны находиться в строгой гармонии» (с. 4).

Поэтому идеал познания должен быть сформулирован в рамках эмпириомонизма. В свою очередь, последний, будучи философской концепцией, то есть одной из идеологий, а именно идеологией рабочего класса, наиболее прогрессивного класса современного Богданову общества, имеет свою основу в социальных условиях его жизнедеятельности, в специфических особенностях машинного, коллективистского по своему духу и тенденциям развития способа производства. Между содержанием эмпириомонизма и современным идеалом практически-трудовой жизни имеется «глубокий внутренний параллелизм, общая тому и другому всеохватывающая организующая тенденция» (с. 36). В результате научная судьба эмпириомонизма оказывается связанной с обоснованием марксовской программы социального материализма, то есть в конечном счете с возможностями построения коммунистического общества.

Создавая эмпириомонизм в начале XX в., Богданов считал, что такое общество «в неясных, общих контурах... уже обрисовывается

вдали». Прошло сто лет, и эти контуры не стали более четкими. Поэтому я сильно сомневаюсь в том, что программа богдановского эмпириомонизма может быть реализована в обозримое время. Тем не менее она уже состоялась как важный эпизод развития философской мысли.

Кроме того, Богданов, разрабатывая конкретные проблемы эмпириомонизма, исследовал главным образом стоящие перед ним реальные проблемы философии науки, а не их социальный, идеологический и т. п. контекст. Именно в этой части эмпириомонизма мы находим предложенные им оригинальные решения ряда проблем методологии и философии науки, которые не потеряли своего значения вплоть до настоящего времени.

Ни в коей мере не претендуя на полноту, перечислю некоторые из таких проблем: настоятельный призыв Богданова к осуществлению в науке и философии духа критицизма — «холодной и строгой критики опыта и отвлеченного мышления» (с. 4), выдвижение в качестве одного из важнейших предметов философского исследования многообразия че-

ловеческого опыта, разработка способов анализа опыта на основе организационных принципов, обоснование невозможности достижения в философии абсолютных истин (с. 108 и др.), построение концепции объективности знания как его общезначимости (с. 14–15), анализ содержания и значения понятия «вещь в себе» (с. 108–131), исследование исторического развития форм познания причинных связей, различных методов научного объяснения и т. д. Все эти проблемы находились в центре внимания философов в XX в. и, конечно, будут обсуждаться и далее. Как видим, эмпириомонизм столетие спустя после создания этой концепции не потерял своего теоретического значения.

В философских исканиях Богданова был один очень существенный мотив: философия марксизма с его точки зрения должна была быть философией современного естествознания, и в этом плане он, кстати сказать, действовал в полном соответствии с известным тезисом Энгельса о том, что с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области материализм неиз-

бежно должен изменять свою форму.

Отсюда постоянное стремление Богданова использовать для философии марксизма результаты современного ему естествознания, его непрекращающиеся попытки соединить философские принципы марксизма с достижениями других философских концепций, прежде всего таких, которые ориентированы на анализ научного познания. Пытаясь реализовать эти задачи, Богданов нередко увлекался и, вполне возможно, в чем-то ошибался, затем корректировал свои утверждения и искал новые пути совершенствования марксистской философской теории.

В результате мы с полным основанием можем сказать следующее. Богданов в конце XIX — начале XX в. приложил максимум усилий для того, чтобы марксистская философия впитывала в себя достижения других философских теорий. Тем самым он одним из первых марксистов начал осуществлять такую модель развития философии марксизма, которая была направлена против изоляции марксизма от общего направления развития философской культуры и в которой акцент

был сделан на синтезе идей марксистской философии и других философских систем. Именно по этому пути пошло реальное развитие марксистской философии позже, особенно во второй половине XX в. В этой связи достаточно вспомнить об очень активном в 60-90-е гг. прошлого века «поглощении» марксизмом многих идей неопозитивизма, экзистенциализма, феноменологии, герменевтики и других философских концепций.

Конечно, в богдановском понимании философии не все можно принять с современной точки зрения. В этой связи я коснусь лишь одной проблемы, в решении которой, по моему мнению, Богданов ошибался.

Выдвинув в начале второго десятилетия XX в. тезис о конце философии, Богданов явно преувеличивал возможности научного знания, которое в рамках «Тектологии» представлялось ему чуть ли не всесильным, и недооценивал специфику философского знания, имеющего всегда свои особые функции, в частности связанные с необходимостью построения обобщенного, монистического взгляда на мир, человека и его познание. К

отрицанию философии или по крайней мере к кардинальному переосмыслению ее задач приходили многие философы и до Богданова и после него, и ему не удалось избежать этого соблазна (человек нуждается в строгом и обоснованном знании, а его — так всегда считали ученые и временами многие философы — может дать только наука), но этот богдановский тезис не выдержал испытания временем. И в XX в., и в настоящее время философия продолжала и будет продолжать свою жизнь.

В. Н. Садовский

А.А. Богданов как философ и социальный мыслитель

История отечественной философии, как не раз отмечалось ее исследователями, во многом слагается из потерь и последующих усилий вернуть утраченное. Русский марксизм, так же как и русская религиозная мысль XX столетия, не избежал этой участи — некоторые его неортодоксальные концепции, возникшие в период общего интенсивного развития русской философии в конце XIX — начале XX века, остались на многие десятилетия не востребованными. К их числу принадлежит и оригинальная эмпириомонистическая версия философии марксизма Александра Александровича Богданова (1873–1928).

В наши дни осмысление творческого наследия А. А. Богданова — философа, психолога, экономиста, писателя, ученого-естествоиспытателя, по существу, только начинается. Собрания сочинений философа не существует, в последние годы переизданы лишь от-

дельные его работы. Среди них: «Тектология. Всеобщая организационная наука» (1989); сборник «Вопросы социализма. Работы разных лет» (1990); «Неизвестный Богданов». Кн. 1–3 (1995); «Познание с исторической точки зрения» (1999; в сборник также включены книга «Наука об общественном сознании» и статья «Идеологии коллективизма»). Крайне мало современных публикаций, посвященных анализу философского наследия Богданова.

Между тем сохраняется интерес к наследию мыслителя. Создан Международный институт А. Богданова, задачей которого является изучение и пропаганда его произведений. При этом наблюдается тенденция переосмысления трактовки миропонимания Богданова, его философских идей и взглядов. Так, в статье В. Н. Садовского «Эмпириомонизм А. А. Богданова: забытая глава философии науки», опубликованной в «Вопросах философии» (1995. № 8) и перепечатанной затем в сборнике «Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век» (в 2 кн., 1998), в частности, подчеркивается мысль о

марксистской, а не позитивистской направленности мировоззрения Богданова.

Богданов, несомненно, разделял базовые положения марксистского, а не какого-либо иного миропонимания. Он считал, что именно «социальный материализм» Маркса является основой современной науки об обществе. Философия его монистична; в подходе к анализу социальных явлений он принципиальный противник позитивистской плюралистической «теории факторов», которую разделяли многие русские теоретики позитивизма, — Л. И. Петражицкий, К. М. Тахтарев, М. М. Ковалевский, Е. В. де-Роберти и др. Монизм, или эмпириомонизм, Богданова своеобразен, он проникнут антропологизмом, изложенным, как нам кажется, в духе раннего Маркса. «В духе», ибо произведения раннего Маркса, включая «Немецкую идеологию» и др., не были введены в научный оборот в то время.

Центральная проблема Богданова, как и раннего Маркса, — это проблема человека и его сознания, при рассмотрении которой он, разумеется, обращается к опыту науки уже не

XIX, а XX в. Материалистический антропологизм XVIII–XIX вв., объясняющий человеческую психику с помощью естественных наук, Богданов считал устаревшим, метафизически исчерпанным. Эмпириомонизм для него — это реалистический взгляд, исходящий из понимания того, что сознание является не фантазией или грезой, а действительным отражением мира. При этом основа реалистического миропонимания лежит, по Богданову, не в сфере индивидуального, а в сфере коллективного опыта, ибо сознание не может быть понято чисто психофизиологически или натуралистически как достояние отдельного человека. Даже «высокосистематизированный» бред параноика, живущего в собственном нереальном мире больного сознания, складывается из реалистических элементов, хотя совокупность их ложна.

Одна из интересных находок системы эмпириомонизма — идея «подстановки». В самом широком историко-философском плане «подстановка» — это движение человеческого познания от известного к неизвестному, осуществляющееся через «подстановку» уже

известного, познанного объекта на место непознанного объекта. В пределе это не что иное, как описание классической философской субъект-объектной парадигмы, с точки зрения эмпириомонизма являющейся «косвенным доказательством» действительности нашего собственного и другого познающего «я».

Поскольку реальность индивидуального сознания и опыта, по Богданову, есть первое, с чего начинается всякий мыслительный процесс, то через общение с другими людьми, в процессе формирования коллективного опыта человек осознает и самого себя, и реальность другого «я». В этом смысле реальность человеческого «я» Богданов называет «приспособлением» для самого осуществления коллективного опыта. Теория познания — и одновременно формирования монизма — есть процесс совершенствования коллективного опыта, усложнения его организации на социальном уровне. Эта история разворачивается от самых простейших, первичных форм «подстановки», когда психическое становится «подстановкой» под физическое

(например, в первобытном анимизме, антропоморфизации природы), до ее развитых философских форм (спиритуализм и панпсихизм). В естественных науках «подстановка» также имеет место (подстановка «физического под физическое»), когда неизвестный физический процесс описывается через известный или более известный, — это механическая теория теплоты, теория эфира, электрических и магнитных жидкостей и т. п.

Объяснение истории человеческого познания с точки зрения эмпирио-монистической «подстановки» есть, следовательно, одно из возможных объяснений развития опыта от индивидуального к коллективному, социальному опыту, а также объяснение роста уровня организованности (человека, коллектива, общества). Субъективный же опыт («психическое» в более узком смысле) Богданов понимает лишь как «исходную точку самой подстановки» или как «стимул к подстановке», но отнюдь не как ее содержание. Здесь принципиальное расхождение Богданова с «современными позитивистами», на которое указывает сам автор «Эмпириомонизма». Равным

образом Богданов отрицает характерную для позитивистской психологии теорию «интроекции», идущую от Авенариуса и признающую «тело» лишь внешней оболочкой «души», что является полной «подстановкой» психического под физическое. Сам же Богданов «против такой подстановки». Этим термином он пользуется в значительной степени для удобства изложения своей концепции. Поэтому, дистанцируясь от указанного позитивистского понимания «подстановки», он предпочитает говорить об «исправленной подстановке» как о методологическом подспорье для прочтения собственной философской концепции.

Идейная среда русского марксизма, как и других «нешкольных» течений русской философии, никогда не была однородной и отличалась существенным разномыслием. Богданов всегда стоял на позиции творческого развития марксистской философии, хотя его идеи нередко подвергались критике другими представителями диалектического материализма.

Александр Александрович Богданов (настоящая фамилия Малиновский) — выходец из семьи народного учителя, дослужившегося до учителя-инспектора городского училища в Туле. После окончания тульской гимназии он в 1893 г. поступил на естественное отделение Московского университета, однако уже в следующем году был исключен из университета за участие в революционном (народовольческом) движении. Во второй половине 90-х гг. происходит переход Богданова на позиции марксизма, ознаменованный опубликованием «Краткого курса экономической науки» (1897), получившего высокую оценку В. И. Ленина. В 1899 г. Богданов закончил медицинский факультет Харьковского университета, был практикующим врачом-психиатром. Профессиональные знания в области психологии и психиатрии, которыми обладал Богданов, знакомство с трудами С. С. Корсакова, В. М. Бехтерева, других классиков отечественной науки наряду с его собственными психологическими наблюдениями были впоследствии использованы им при написании философских трудов. В его творчестве отрази-

лись также идеи социальной психологии, имевшие в России глубокие корни. Правда, специальным разработчиком социальной психологии Богданов себя не считал, о чем он сам писал в «Эмпириомонизме».

За участие в революционном движении молодой мыслитель был сослан в Вологду, где познакомился с Н. А. Бердяевым и рядом других деятелей русской культуры. В 1903 г. он примкнул к большевикам. На III, IV, V съездах РСДРП избирался членом ЦК. К осени 1904 г. Богданов близко сходитя с В. И. Лениным. Между ними возникает своеобразный политический союз, ориентирующийся на тактику революционной социал-демократии, но, по словам Ленина, молчаливо устраняющий философию как нейтральную область. Это сотрудничество, впрочем, продолжалось недолго. Богданов по-своему представлял деятельность партии в условиях политической реакции. Продуманной гибкой тактике Ленина, нацеленной на создание классовых союзов и сплочение различных слоев трудящихся в единую политическую силу пролетарской революции, Богданов противопоставил

изоляциялизм, основанный на принципе чистоты пролетарской «психоидеологии». С этих позиций он выступал против участия пролетарских революционеров в легальных организациях (отзовизм), где им пришлось бы сотрудничать и идти на компромисс с другими социальными элементами.

Богданов представлял особое направление в русском марксизме, которое сложилось на базе его переосмысления в духе социального активизма (к нему примыкали также В. А. Базаров, А. В. Луначарский и др.). Признавая за К. Марксом заслугу открытия научного понимания общества, сторонники этого направления видели в философии марксизма не столько учение о познании «объективных законов», сколько теорию социальной организации окружающего нас мира. В качестве субъекта, творящего мир, они в отличие от классического субъективизма XVIII–XIX вв. рассматривали не некоторое абстрактное я, а социальные коллективы (прежде всего классы), природа которых характеризовалась исходя из учения о классовой борьбе и классовой идеологии.

«Эмпириомонизм» Богданова начинается статьей «Идеал познания», весь пафос которой направлен против «старой метафизики», понимающей субъекта с его познанием как замкнутый на себя мир со своими собственными понятиями и законами. Будучи противником любого субъективизма в гносеологии, он противопоставляет этому взгляду «социально-генетическую» точку зрения на природу и сущность познания. Так, категория пространства в кантовской философии, по Богданову, является «абстрактным пространством», не связанным ни с какими конкретными физиологическими, психическими восприятиями. Это «всеобщая» и «чистая» форма созерцания, пространство, не подвергающееся изменениям, «пространство строгой закономерности, всюду совершенно однообразной». Однако доступное обычному человеческому восприятию пространство (названное Богдановым вслед за Махом «физиологическим пространством»), возникающее из обыденного опыта, также явно ограничено, как и «пространство априористов». Вместе с тем оба подхода к проблеме пространства явля-

ются предпосылками «социальной организованности» человеческого опыта, который в реально-жизненном, социально-историческом его понимании должен гармонизировать противоречия между ними. Концептуально эмпириомонизм и призван обеспечить оптимальное соотношение между познанием и опытом, устранить дуализм между ними. По словам Богданова, это лишь «общая схема» эмпириомонизма. Для того чтобы достичь «монистического мирозерцания», необходимо последовательное проведение в жизнь указанной «познавательной тенденции». Однако этому препятствует наличное антагонистическое устройство общества, разделенного на классы, основанного на господстве и подчинении, конкуренции и разделении труда. Все это препятствует реализации эмпириомонистического мировоззрения, имеющего шанс претвориться в жизнь лишь в «обществе высшего типа, с коллективно-организованным трудом, с устраненными внутренними противоречиями». В этом и видится Богданову идеал познания, дающий «полноту жизни» и основанный на «гармонически ор-

ганизованном коллективном опыте».

Универсализм Богданова, представленный в эмпириомонистической версии марксизма, противостоит его иной, «объективистской» разновидности, выдвинувшей идею постепенной трансформации капитализма путем улучшающих его социальных реформ (Э. Бернштейн, правые социал-демократы). «Активистская» версия марксизма Богданова видела в реформах в лучшем случае побочный, промежуточный продукт классовой борьбы, имеющий лишь относительное значение. Подлинное освобождение трудящихся, с этой точки зрения, мыслилось только через революционную борьбу и революционное преобразование общества. Революция представлялась не только наиболее быстрым и радикальным средством разрешения внутренних противоречий капитализма, но и высшей формой социального творчества, создающего принципиально новые формы жизни. Это отвечало стремлению определенной части революционно настроенных марксистов перенести акценты с «непреложного хода истории» на «делание истории», выдвинуть на

первый план проблематику действия и деятельности. Не случайно основные представители «активистского» марксизма политически примкнули к большевикам, образовав самое левое их крыло.

Однако задача перевода социального протеста в радикально революционные формы в философско-методологическом плане могла обосновываться по-разному. Те теоретические решения, которые предлагали Богданов, Базаров, Луначарский, во многих отношениях были слишком радикальными и шли значительно дальше прагматических соображений политики. Активность субъекта простиралась у них за пределы чисто социальной плоскости в плоскость философского учения о бытии и познании. Для целей политической мобилизации и для большевизма как политического течения такая интерпретация марксизма оказалась в конечном счете неприемлемой.

Увлечение Богданова энергетизмом В. Оствальда, а затем учением Э. Маха еще более углубляло его расхождения с Лениным. Эти расхождения резко политизировались,

выливаясь в борьбу двух идеологий внутри большевизма. Окончательный разрыв предопределила организация Богдановым и его единомышленниками партийных школ на Капри и в Болонье, которые должны были стать центрами по формированию кадров богдановской фракции. Ленин незамедлительно принимает против своего бывшего союзника, а теперь оппонента самые решительные меры. В 1908 г. им была написана книга «Материализм и эмпириокритицизм», посвященная критике «махистского поветрия» в рядах российских социал-демократов. Одной из главных задач книги было показать несовместимость гносеологии эмпириокритицизма и его модификаций с философией марксизма. Вслед за этим Ленин добивается исключения Богданова из партии за фракционную деятельность (1909).

Влияние Богданова до некоторой степени возобновилось после Октябрьской революции 1917 г., когда он становится идеологом Пролеткульта — массовой (в 1920 г. до 400 тысяч членов) и разветвленной организации, претендующей на роль монопольного разра-

ботчика и хранителя «пролетарской культуры» в ее специфических, независимых от буржуазного влияния формах. Однако после резких выступлений Ленина, озабоченного как реставрацией «богдановщины», так и тенденцией противопоставить социалистическую культуру всей мировой культуре, Богданов отошел от политической деятельности. В этой обстановке мыслитель полностью отдается научному творчеству. В 1926 г. он создал и возглавил первый в мире Институт переливания крови; погиб, поставив на себе научный опыт.

Как мыслитель Богданов довольно рано проявил склонность к конструированию философской системы, дающей целостную картину мира. Основу этой целостности он усматривал в «социальном материализме» Маркса. Свое философское творчество он считал реализацией Марксовой программы революционной философии, берущей действительность не созерцательно, в форме нейтрального по отношению к человеку объекта, а как преодолевающую противоположность субъекта и объекта практику. Вместе с тем

Богданов полагал, что Маркс решил поставленную им задачу лишь частично — применительно к сфере социального познания. Свою роль он видел в том, чтобы решить ту же задачу «в общефилософском масштабе», включая также познание и преобразование природы. Поэтому Богданов никогда не считал себя связанным «буквой» марксистских текстов и относился к ним лишь как к основе, которую еще надо дополнять и достраивать. Рассматривать мир явлений как социальную практику — значит, по Богданову, видеть в нем поле коллективного труда, где сталкиваются человеческая активность и стихийное сопротивление вещей. «Активность» и «сопротивление» — основные понятия богдановской «онтологии практики». Все формы, которые принимает действительность, суть не что иное, как различные сочетания активностей и сопротивления. В постоянном обновлении этих форм удерживаются те, в которых активности и сопротивления даны в наиболее устойчивом, гармоническом сочетании. Эту обобщенную схему действительности Богданов характеризует как всеор-

ганизационную точку зрения. Ее корни лежат в коллективном труде, и задача состоит в том, чтобы, организуя человеческую деятельность, побеждать стихийное начало мира и в дальнейшем формировать мир в интересах человечества. Подобные представления нашли отражение в его романах «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1912).

Всеорганизационная точка зрения, по Богданову, — это не просто интеллектуальная позиция. Она носит классовый характер, она совершенно чужда буржуазному индивидуализму, но естественна для класса, который своим трудом организует вещный мир и самого себя, т. е. для пролетариата. Рабочий класс представляется в этой связи наиболее адекватным субъектом организующей деятельности и прообразом человечества как некоего глобального трудового коллектива. Вот почему ему необходимо выработать и сознательно применять собственную систему организующих природу и общественную жизнь методов, составляющих в совокупности совершенно особую пролетарскую культуру.

Исходя из «организационной точки зрения», Богданов и разрабатывает свое философское учение — эмпириомонизм, которое представляет собой теорию и одновременно философскую критику опыта, понимаемого как некая первичная и, в сущности, единственная реальность, с которой имеет дело человек.

Понятие опыта Богданов в принципе берет в той интерпретации, которая была предложена создателями эмпириокритицизма Э. Махом и Р. Авенариусом (за что и подвергался резкой критике Плехановым и Лениным) и в соответствии с которой он раскладывался на некие непосредственные данности — «элементы», объединяемые затем в «комплексы элементов» по принципу «экономии мышления» («наименьшей траты сил»). Однако он считал, что Мах и Авенариус не смогли снять дуализм физического и психического; из их концепции неясно, почему в опыте, который в сущности должен быть субстанциально однородным, одни элементы приобретают статус «физических» явлений, тогда как другие противопоставляются им в качестве «психи-

ческих образов» этих явлений. Богданов продолжал связывать различие физического и психического с различиями в типе организации опыта. Элементы, из которых построены и объективная реальность, и наше сознание, одни и те же (это цвет, конфигурации формы и т. п.). Но они могут быть по-разному связаны между собой. Физическое — это социально организованный опыт, психическое — опыт сугубо личный, индивидуальный, не вошедший составной частью в коллективно выработанные системы представлений.

Через понятие социально организованного опыта специфические философские понятия махизма у Богданова сопрягаются с понятиями рядами и проблематикой марксизма. Ссылаясь на Маркса, Богданов рассматривает процесс познания как смену идеологических форм. В этом процессе идея принципиального единства физического и психического опыта тесно связана с идеей коллективизма как основополагающего принципа миропонимания пролетариата и противостоит индивидуалистическому социальному опыту буржуазии, центром которого является лич-

ное «я».

По сути своей эмпириомонизм — это «пограничное» философствование, в то время еще редкое в марксизме, но во второй половине XX века сделавшееся достаточно обычным и проявившее себя в разных сочетаниях: марксизм и экзистенциализм, марксизм и фрейдизм, марксизм и структурализм, марксизм и феноменология и т. п. Фундаментальное для Богданова понятие организации, воплощаясь одновременно в двух ипостасях — и как категория «критики опыта», и как обобщающее определение социально-исторической деятельности человека, — придает теоретическому сознанию мыслителя известную целостность, делается фокусом его философствования.

При переходе от всеобщих принципов организации (т. е. структурности, упорядоченности мироздания) к упорядочивающей, «организующей» активности человека в философии Богданова возникает проблема культуры. Культура для него — это способы организации труда, общения, познания и жизни, вырабатываемые крупными социальными кол-

лективами (классами, социальными группами) и принимаемые обществом.

Социально-исторический подход марксизма к культуре Богданов истолковывал в смысле прямого отождествления культурных форм с социальными. Сознание и культура, с этой точки зрения, не просто выражают собой определенные социальные позиции — они представляют собой структурные аналоги, дубликаты тех связей, которые устанавливаются внутри данного коллектива или общества в целом. «Всякий, — разъяснял свою модель культуры Богданов, — строит мир по образу и подобию своего социального опыта».

Так, древние цивилизации были основаны на сугубо авторитарных отношениях между «организаторами» (царь и его чиновники, рабовладельцы) и «исполнителями» (рабы, крестьяне-общинники). Поэтому для них характерен и авторитарный тип мышления, склонный искать за всеми происходящими событиями, в том числе природными, активно действующую личную волю (Бог, мировой дух и т. п.). Напротив, в идущем на смену этим цивилизациям капиталистическом обществе,

где господствует анархия рыночных отношений, закономерное и необходимое мыслится по образцу стихийно действующих рыночных сил и приобретает характер неких безличных императивов (такова, к примеру, идея долга, правовые нормы, эталоны научности и т. д.). При социализме, считал Богданов, между людьми установится товарищеский тип сотрудничества. Поэтому и культура будет уже не авторитарной и не индивидуалистической, а «товарищеской», коллективистской. Ее предвосхищением служит так называемая пролетарская культура, формирование которой должно обязательно предшествовать социализму, так как она является необходимым инструментом его строительства.

Отождествление культуры и социальных форм сводило на нет моменты преемственности и общечеловеческой ценности в развитии культуры. Справедливости ради надо отметить, что сам Богданов никогда не доходил в этом вопросе до экстремистских выводов. Однако такие выводы делали, используя его концепцию, многие «борцы за новую культу-

ру», призывавшие «сбросить Пушкина с корабля современности». Богданов выступал против такого откровенного нигилизма, принявшего после 1917 г. характер широкого поветрия. Он доказывал необходимость приобщения к культурному наследию. Но связь с культурой «уходящих классов» и для Богданова была приемлема лишь в весьма ослабленном варианте: это «не наша» культура, она может быть полезна лишь как своеобразный источник «строительного материала» для новых творцов.

В ходе своей идейной эволюции Богданов идет от эмпириомонизма к созданию «всеобщей организационной науки» — тектологии. По уровню и широте своих обобщений («весь мир опыта») тектология сопоставима с философией, но носит в отличие от последней эмпирический, опытный характер, допуская экспериментальные методы исследования. В сущности, это своего рода «постфилософия», берущая на себя многие ее функции, но на качественно новом уровне. Тектология — единственная наука, которая должна не только вырабатывать свои методы, но также иссле-

довать и объяснять их. Поэтому она представляет собой завершение всего цикла наук. «Всеобщая организационная наука», по Богданову, призвана не только углубить наши знания о действительности, но и стать фактором перестройки всей познавательной деятельности (преодоление прогрессирующей научной специализации на основе выдвинутых тектологией общих понятий), а также, что еще важнее, общественных отношений (переход к «интегральному» социальному устройству, в котором момент неорганизованности, проявляющийся в классовой борьбе, кризисах и безработице, будет снят на основе «строго научной планомерности», опирающейся на обобщенное понимание «организационных задач»).

В этом плане теоретические построения Богданова, которые он считал «идеологией современного технического прогресса», предстают как одна из крайних ступеней в развитии европейского рационализма с его идеей создания «разумного общества» по некоторому хорошо продуманному плану.

В сугубо теоретическом аспекте тектология может рассматриваться как предвосхищение кибернетики, общей теории систем, а отчасти и синергетики. Однако в специфически идеологическом контексте «организационное» мышление Богданова послужило одним из источников современного этатизма с его концепцией «социальной инженерии».

В последние годы жизни Богданов пытался осмыслить перспективы развития общества и человеческой цивилизации в свете совершившихся в Европе революций. Его выводы существенно расходились с марксистско-ленинской идеологией победившей в ходе революции и Гражданской войны большевистской партии.

В настоящий момент, считал Богданов, пролетариат в культурном отношении еще несамостоятелен и не преодолел буржуазной культуры. Поэтому он пока не готов к «прорыву» буржуазной действительности и созданию принципиально новых форм жизни. Революции начала XX в., совершенные при активном участии рабочего класса, не были по своей социально-исторической сущности

социалистическими, они не вели «дальше государственного капитализма». В частности, в России, полагал Богданов, установилась не диктатура пролетариата, о которой писал Маркс, а власть военной демократии — союз солдат и «милитаризованных трудовых элементов», опирающихся на «коммунизм распределения». Этот политический блок, безотносительно к субъективным намерениям и иллюзиям его лидеров, приведет к восстановлению в стране экономической жизни на основе государственного капитализма, который Богданов называл «полукоммунизмом»; в то же время он считал, что «крушение коммунистической партии было бы несчастьем для России», так как только она способна сохранить «экономические приобретения революции». Восстановление и стабилизация капитализма неизбежно произойдут и в мировом масштабе. Однако его характер и формы изменятся. Господствующим классом станет новая социальная элита, которая образуется из научной и инженерной интеллигенции, а также кадров, прошедших школу государственного управления. Трансформация капи-

талистической экономики будет сопровождаться глубокими сдвигами в социальной структуре, политике, идеологии, культуре. Переход к крупномасштабному планированию приведет к принципиальному изменению соотношения между экономическим базисом и политической надстройкой: властные функции государства приобретут характер непосредственно экономических функций. В новых социальных условиях существенно изменится и культурный облик пролетариата, формы его идеологии. Они будут нацелены в первую очередь на интеграцию рабочих в существующую социальную систему.

В этих рассуждениях Богданова, предвидевшего возникновение новых общественных явлений, можно увидеть прообразы социальных теорий, получивших развитие уже в середине XX в. «революция управляющих», «конвергенция» и др. Вместе с тем Богданов никогда не отрицал социалистической перспективы развития. В будущем, когда «новый» капитализм, подобно старому, исчерпает потенциал своего развития, пролетариат

консолидируется на базе своей собственной, отличной от буржуазной, культуры «всеорганизаторского коллективизма». Став в духовном отношении самим собой, он проложит дорогу к социализму всему обществу.

Стержнем миропонимания Богданова как философа является эмпириомонизм, ставший основой для последующего создания им «Тектологии». Последняя работа получила достаточно широкую известность, в то же время «Эмпириомонизм», опубликованный в начале прошлого века и давно ставший библиографической редкостью, практически не обсуждается современными философами, в том числе из-за своей труднодоступности.

«Тектологию» Богданов считал «преодолением философии» и высказывался «против смешения организационной науки с философией». Вместе с тем он подчеркивал сугубо монистическую направленность своей «организационной науки». Настоящее издание «Эмпириомонизма», как можно надеяться, будет стимулировать осмысление его философского наследия в современной литературе.

А. Л. Андреев, М. А. Маслин

Комментарии

Примечания к «Эмпириомонизму» А. А. Богданова подготовлены ответственным редактором настоящего издания В. Н. Садовским и редактором Л. В. Блинниковым (1933–2000), который, к глубокому сожалению, смог поработать над подготовкой этой книги только в самом ее начале. Ему принадлежит перевод большинства приводимых в тексте латинских, французских и немецких слов и выражений. Все остальные примечания подготовлены В. Н. Садовским.

В настоящем издании текст «Эмпириомонизма» публикуется по последним изданиям входящих в него книг: книга первая — по третьему изданию 1908 г. (Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Книга первая. М., 1908. 174 с), книга вторая — по второму изданию 1906 г. (Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Книга вторая. СПб., 1906. 181 с.) и книга третья — по первому изданию 1906 г. (Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Книга третья. СПб., 1906. XLIII + 159 с). Публикуемый текст

первой и второй книг сверен с предшествующими их изданиями, учтены сделанные в них Богдановым исправления. В предлагаемый читателю текст «Эмпириомонизма» внесены лишь самые незначительные изменения: исправлены отмеченные самим автором опечатки, в отдельных случаях поправлена пунктуация, в некоторых случаях исправлены явные архаизмы, например «обосновка» заменена на «обоснование» и т. п.

Все редакторские примечания в настоящем издании, которые публикуются в конце книги, обозначены в тексте звездочкой «*»; переводы иностранных слов и выражений на русский язык помещены в виде подстрочных примечаний и обозначены: номер примечания и звездочка, например 1*, 2* и т. д. Ссылки на «Эмпириомонизм», имеющиеся в Примечаниях, приводятся по настоящему изданию и помещены в тексте Примечаний в круглых скобках.

Богданов в тексте «Эмпириомонизма», цитируя или ссылаясь на литературные источники, как правило, не давал их полные библиографические описания. В настоящем из-

дании мы приводим их в разделе «Книги и статьи, которые цитирует или на которые ссылается А. А. Богданов в „Эмпириомонизме“»; он помещен в конце книги. Краткую информацию о всех упомянутых в тексте «Эмпириомонизма» философах и ученых читатель может получить в Именном указателе.

При написании Послесловия и Примечаний автор использовал информационный материал, содержащийся в книге: Biggart J., Gloveli G., Yassour A. Bogdanov and his Work. A Guide to the Published and Unpublished Works of Alexander A. Bogdanov (Malinovsky), 1873–1928. Ashgate, 1998.

С. 3. *Книга первая.* В первом издании книги первой «Эмпириомонизма» (1904) перед основным текстом была опубликована следующая информация: «Из числа трех статей, предлагаемых здесь вниманию читателя, одна („Universonum“) появляется в свете впервые; две другие были напечатаны в журнале „Вопросы философии и психологии“: „Идеал познания“ — в 1903 г., № 3–4, „Жизнь и психика“ — в 1903 г., № 9–10 и 11–12». При указании

номеров журнала «Вопросы философии и психологии», в которых были опубликованы эти статьи, Богданов ошибся: на самом деле статья «Идеал познания» была опубликована в № 2 (67) за 1903 г., а статья «Жизнь и психика» — в № 4 (69) и № 5 (70) за 1903 г. В переизданиях первой книги «Эмпириомонизма» в 1905 и 1908 гг. указанная информация была опущена.

С. 5. *Эмпириокритицизм* (греч. *empeiria* — опыт + критицизм) — одно из направлений позитивистской философии в конце XIX — начале XX в. Главные представители — Рихард Авенариус и Эрнст Мах. Термин «эмпириокритицизм» введен Авенариусом для обозначения выдвинутой им философской концепции. Мах этим термином не пользовался. Поэтому в философской литературе начала XX в. общепринятым было обозначение философских концепций Маха и Авенариуса (так называемого «второго позитивизма») как «эмпириокритицизм Авенариуса и философия Маха». Именно так обозначал Богданов в «Эмпириомонизме» и в некоторых своих последующих сочинениях это направление фило-

софии науки. В историко-философской литературе XX в. термин «эмпириокритицизм» использовался в двух значениях: в узком смысле как обозначение только философской концепции Авенариуса и в широком смысле как общее название философских теорий Маха и Авенариуса (см., например, Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб., 1997, глава 9 «Эмпириокритицизм Рихарда Авенариуса и Эрнста Маха»).

К философии эмпириокритицизма были близки многие русские философы начала XX в., главным образом социал-демократы (А. А. Богданов, А. В. Луначарский, Н. Валентинов (Вольский Н. В.), В. А. Базаров (Руднев), П. С. Юшкевич и др.). В русской философской литературе начала XX в. и особенно в советской философии было общепринято, что Богданов является лидером русского эмпириокритицизма, однако сам он не считал себя его сторонником. Он высоко ценил научные и философские результаты, полученные Авенариусом и Махом, но вместе с тем подчеркивал, что эмпириокритицизм не смог обосно-

вать монизм в познавательной деятельности людей, кроме того, его основателям была чужда идея выявления социально-экономических условий, которые могли бы дать решение этой проблемы, — идея анализа складывающихся в ходе эволюции человечества норм коллективизма и взаимного сотрудничества людей.

Мах Эрнст (1838–1916) — австрийский философ, физик и физиолог. Окончил Венский университет в 1860 г. Работал в университетах Граца, Праги, Вены. В своих исследованиях физических проблем отказался от представлений об абсолютном пространстве, времени и движении классической механики и сформулировал постулат, согласно которому движения тел могут быть определены лишь относительно других тел (принцип относительности Маха). В связи с этим А. Эйнштейн, испытавший влияние философских идей Маха, считал его предшественником общей теории относительности. В своих философских и психологических работах Мах утверждал, что основу познания явлений образуют ощущения (элементы). Относительно более устой-

чивые и постоянные ощущения запоминаются и получают выражение в нашей речи. Ощущения объединяются в комплексы, и именно комплексы ощущений образуют тела. Согласно Маху, элементы нейтральны, они не являются ни физическими, ни психическими. Такие элементы обеспечивают непрерывный переход от психического к физическому в рамках единого знания, где физика и психология представляют собой разные направления в исследовании одних и тех же элементов. Мах предпринял попытку переосмысления основных категорий науки: такие понятия, как «сила», «масса», «пространство», «время» и «причинность», он считал обозначениями комплексов ощущений и их функциональных связей. Он утверждал, что целью науки является «чистое описание» фактов чувственного восприятия, а мышление должно приспособляться к этим фактам. Соч.: Принцип сохранения работы. История и корень его (1872; рус. пер.: СПб., 1909); Механика. Историко-критический опыт ее развития (1883; рус. пер.: СПб., 1909); Анализ ощущений и отношение физического к пси-

хическому (1886; рус. пер.: М., 1907); Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования (1905; рус. пер.: М., 1909).

Авенариус Рихард (1843–1896) — швейцарский философ и психолог, создатель эмпириокритицизма. В рамках построенной им философской теории он предложил решение проблемы взаимоотношения психического и физического опыта, взаимосвязи психического и физического миров, сформулировал концепции принципиальной координации и интроекции. Богданов ценил работы Авенариуса, но в то же время не соглашался с ним по ряду важных вопросов и критиковал его взгляды (в частности, предложенный им критерий различения психического и физического опыта: первого — как зависимого, а второго — как независимого от человека). Главное различие между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом Богданов видел в том, что философская теория Авенариуса не смогла подняться до понимания социально-коллективистской трактовки познания и мира, ей не удалось решить проблему монизма опыта и поэтому она не вышла за рамки дуализма в

истолковании процесса познания. Соч.: Критика чистого опыта. Т. 1–2 (1888–1890; рус. пер.: М., 1907–1909); Человеческое понятие о мире (1891; рус. пер.: М., 1909); Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы (1891; рус. пер.: СПб., 1913).

С. 6. *Риль Алоиз* (1844–1924) — немецкий философ, сторонник критического реализма и реалистического направления в неокантианстве. Опираясь на идеи классического (первого) позитивизма, Риль критиковал метафизику, к которой причислял и материализм. Вместе с тем он признавал существование реальных вещей, которые образуют материал человеческого знания и действия. Поддерживал теорию иероглифов Гельмгольца, развивал концепцию психофизического параллелизма. Соч.: Философский критицизм и его значение для положительных наук (1876–1887); Введение в современную философию (1903; рус. пер.: М., 1903).

...социальность познания... — В оригинале напечатано «специальность познания», что безусловно является опечаткой.

Нуаре Людвиг (1829–1889) — немецкий филолог, философ и социолог, автор теории возникновения речи из трудовых криков. Соч.: Мир как развитие духа (1874); Идея монизма (1875); Происхождение языка (1877); Орудия труда (1885; рус. пер.: Киев, 1925).

Мюллер Макс (Фридрих Макс) (1823–1900) — английский филолог-востоковед, историк, специалист по мифологии. Примыкал к натуралистическому направлению в языкознании. Ввел понятие «основная метафора», обозначавшего перенос на процессы природы названий и понятий, которые первоначально использовались только для описания действий людей. Автор книги «Лекции по науке о языке» (1861–1864; рус. пер.: Наука о языке. Воронеж, 1868; Наука о мысли. СПб., 1891).

С. 15. *Геринг Эвальд* (1834–1918) — немецкий физиолог и психолог. Исследовал проблемы различения пространства, связанного с чувственным восприятием, и абстрактного пространства. Соч.: О памяти как всеобщей функции органической материи (1870); К учению о чувстве света (1905).

С. 18. *Вилли Рудольф* (1855–1920) — немецкий психолог. Автор книги «Кризис психологии» (*Krisis der Psychologie*. Leipzig, 1899).

С. 21. «*A priori*». — В философских текстах латинские слова «*a priori*» (до опыта, независимо от опыта) и «*a posteriori*» (в результате опыта, в зависимости от опыта) принято писать без кавычек. В «Эмпириомонизме» Богданов пишет эти слова то в кавычках, то без кавычек. Во всех случаях в настоящем издании сохранено богдановское написание.

С. 22. *Оствальд Вильгельм Фридрих* (1853–1932) — немецкий химик и философ. Работал в Рижском политехникуме и в Лейпцигском университете. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1896), лауреат Нобелевской премии по химии (1909). Основатель энергетизма — философского учения, рассматривающего энергию как субстанциальную и динамическую первооснову мира. Согласно Оствальду, «все явления природы могут быть подчинены понятию энергии». Соч.: Энергия и ее превращения (1888); Лекции по натурфилософии (1901; рус. пер.: Натурфилософия. М, 1902); Энергетические осно-

вы наук о культуре (1909); Философия ценностей (1913).

С. 24. *Конгрегальный* (от лат. congregatio — соединение) — термин Р. Авенариуса; означает «социальный».

С. 36. *И там (в коммунистическом мире. — В.С.) будут, конечно, противоречия в опыте и в познании; но это не будут безысходные противоречия окаменелых фетишей мысли, не допускающих никакой инстанции над собою, а временные разногласия творческого мышления людей...* — Если исходить из современного значения слова «инстанция» (от лат. instantia — непосредственная близость; ступень, звено в системе подчиненных друг другу государственных органов, учреждений), то это богдановское утверждение понять сложно. Видимо, Богданов в данном случае использует русскоязычную кальку английского слова instance или близкого по звучанию и значению немецкого слова Instanz, основными значениями которых являются пример, образец, судебная инстанция. В таком случае временные разногласия творческого мышления людей — в отличие от ока-

менелых фетишей — допускают любые инстанции, т. е. любые обсуждения и изменения, и мысль Богданова становится понятной.

Фетиш (фр. *fetich* от португ. *fetico* — амулет, идол, магическая вещь, талисман) — неодушевленный предмет, который наделяется людьми сверхъестественной силой и поэтому должен быть объектом религиозного поклонения. От слова «фетиш» образовано наименование религиозного воззрения — фетишизм, согласно которому различного рода вещам (предметам природы или продуктам человеческой деятельности) приписываются свойства, часто сакральные (т. е. священные, связанные с религиозными верованиями), которыми они в действительности не обладают. Фетишизм возник на ранних стадиях развития человеческого общества и на протяжении истории имел много различных форм. Он представлял собой одну из первых архаичных форм религии, будучи производным от анимизма. В современном религиоведении фетишизм считается одним из структурных компонентов любой мифологии и рели-

гии. Особые формы фетишизма широко распространены в социально-производственной деятельности и в процессе познания. Маркс в «Капитале» исследовал так называемый товарный фетишизм капиталистического общества — превратное представление о производственных общественных отношениях между людьми как об отношениях между вещами. Богданов в «Эмпириомонизме» и некоторых других работах подверг анализу фетишизм, широко используемый в процессе человеческого познания. Он, в частности, отмечал: «В идолах и фетишах познания выражается слабость общества в борьбе с природой, недостаток производительных сил, власть природы над человеком. Отсюда — коренной антагонизм науки и фетишизма, прогрессивное вытеснение идолов научным мышлением» (Богданов А. А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 215; см. также: Богданов А. А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сборник первый. СПб., 1909; Богданов А. А. Падение великого фетишизма. Вера и наука.

М., 1910).

С. 37. *Феномен* (от греч. *phainomenon* — являющееся) — нечто необычное, исключительное. В философии феномен означает явление, данное нам в опыте, постигаемое в чувственном познании, в противоположность ноумену, который находится за пределами опыта, является объектом интеллектуального созерцания, постигается разумом и составляет основу, сущность феномена. Богданов использует термин «прибавочный феномен» в смысле эпифеномена (см. примеч. к с. 38).

С. 38. *Эпифеномен* (от греч. *epi* — на, над, сверх, при, после и *phainomenon* — являющееся) — побочное явление, сопутствующее другим явлениям (феноменам), но не оказывающее на них никакого влияния. В философии эпифеномен — явление, рассматриваемое как пассивное и потому не играющее в познании существенной роли и лишь сопутствующее некоторым физиологическим процессам и отражающее материальное (или идеальное) содержание мира.

С. 40. ...*косвенным путем* — *посредством высказываний*. — Термин «высказывание» ис-

пользуется Богдановым в «Эмпириомонизме» и в некоторых других его работах в специфическом смысле. Под высказываниями он понимает любые формы (речевые, проявляющиеся в действиях, поступках и т. п.) выражения живым существом имеющихся у него психических состояний (например, «прямые высказывания аффекционального характера в выражении лица лунатика», «амеба быстро останавливает свое движение, когда она наталкивается на „вредное“ влияние, понижающее энергию клетки», и т. п. (с. 143) — и в том, и другом случае живое существо высказывает нечто об имеющемся в данный момент его непосредственном психическом опыте).

С. 41. *Иннервация* (от лат. in — в, внутри и nervus — нерв) — связь органов и тканей с центральной нервной системой при помощи нервов.

«*Жизнеразность*» — термин, введенный Р. Авенариусом для обозначения неполного совпадения «питания организма» и его «работы» с частичным или общим для системы перевесом ассимиляции над затратами энергии или

наоборот. В «Эмпириомонизме» Богданов широко использует это понятие и дает ему свою интерпретацию. Жизнеразность, по Богданову, — это энергетическая величина жизненных процессов. Она обладает определенной характеристикой, которая соответствует типу и комбинации «непосредственно переживаемого». Непрерывная положительная жизнеразность — это процесс усвоения; непрерывная отрицательная жизнеразность — это процесс затраты энергии. Жизненное равновесие представляет собой случай интерференции жизнеразностей — взаимного уничтожения противоположных жизнеразностей. Поэтому жизненное равновесие соответствует «нулевым переживаниям», отсутствию непосредственных переживаний. Отсюда следует важный вывод: перерывы переживаний соответствуют полной интерференции противоположных жизнеразностей.

С. 87. *Интерференция жизнеразностей* — согласно Богданову, взаимное уничтожение равных, но взаимно противоположных по знаку жизнеразностей. Богданов отмечает, что в физике понятие интерференции упо-

требуется в более широком смысле — как взаимодействие различных физических процессов (интерференция света, интерференция волн и т. п.), которые не обязательно сводятся к взаимному уничтожению противоположных физических процессов. В эмпириомонизме Богданов использует это понятие только в первом смысле, в соответствии с которым перерывы переживаний соответствуют полной интерференции противоположных жизнеразностей, то есть жизненному равновесию. Важное значение в эмпириомонизме Богданова имеет утверждение о том, что интерференция жизнеразностей соответствует интерференции непосредственных переживаний.

С. 98. *Подстановка* — одно из важнейших понятий эмпириомонизма. По Богданову, подстановка — замещение или представление одних явлений, например физических, другими — психическими (или наоборот) является «конститутивным признаком» познания как борьбы за истину» (с. 113). Подстановка рассматривается им как один из основных методов научного познания, в его терми-

нологии — как определенный организационный прием, который используется людьми для приведения в стройную связь и порядок материала своего жизненного опыта, своего знания. Проблемы подстановки, которую Богданов трактует как «универсальную подстановку», подробно анализируются во второй и третьей книгах «Эмпириомонизма». Учитывая развитие философии науки в XX в., богдановское понятие подстановки можно трактовать как одну из первых попыток введения в философию понятия «модель» и разработки метода моделирования.

«Жизнь *an sich*» — «жизнь в себе», или «жизнь сама по себе»; «среда *an sich*» — «среда в себе», или «среда сама по себе». Эти понятия введены Богдановым по аналогии с кантовской «*Ding an sich*» — «вещь в себе», или «вещь сама по себе».

С. 107. *Перерыв опыта.* — Используемый Богдановым здесь и далее термин «перерывы опыта» мне кажется неудачным: в этом и аналогичных контекстах речь у него идет о «разрывах» непрерывного потока опыта. В тексте публикуемого сочинения сохранена

его терминология.

С. 112. *Интроекция* (от лат. intro — внутрь и jасеге — бросать, класть) — процесс, посредством которого образы объектов внешнего мира, мысли «вкладываются» внутрь субъекта, в его сознание. Понятие интроекции введено Р. Авенариусом, который считал интроекцию недопустимой, так как в результате ее происходит якобы ошибочный раскол единого эмпирического мира на «внутренний» и «внешний», на «объект» и «субъект». Интроекции, по мнению Авенариуса, можно избежать только одним путем: решительно отказаться от использования понятий «объект», «субъект», «мышление», «бытие» и заниматься критическим исследованием только «нейтрального» опыта.

Панпсихизм (от греч. pan — всё и psuche — душа) — философское воззрение, по которому вся природа обладает одушевленностью, психикой. Панпсихизм — философский вариант анимизма. Панпсихизм присущ воззрениям Фалеса, Парацельса, Дж. Бруно, Г. В. Лейбница, Ф. В. Шеллинга, А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, В. Вундта, А. Н. Уайтхеда, К. Э. Циолков-

ского.

С. 113. *Антропоморфизм* (от греч. anthropos — человек и morphe — форма) — наделение человеческим обликом и приписывание свойств людей предметам природы и мифическим существам (богам, духам и т. п.). Антропоморфизм, наряду с анимизмом, присущ большинству религий и возникает на сравнительно ранних стадиях развития мифологического и религиозного мировоззрений. Уже древнегреческий философ VI в. до н. э. Ксе-нофан считал, что люди создали богов по своему образу.

С. 114. *Гелиотаксис* (от греч. helios — Солнце и taxís — расположение по порядку) — движение подвижных микроорганизмов, простейших животных и некоторых низших растений (например, водорослей) к солнечному свету или от него.

Химиотаксис (хемотаксис) — движение подвижных микроорганизмов, растений и животных, а также отдельных клеток (сперматозоидов, лейкоцитов и др.) под влиянием химических веществ.

С. 120. *Сопоставляя с только что полученной схемой.* — Неясное выражение. Трудно понять, что Богданов собирается сопоставлять и с чем, что он называет «только что полученной схемой». Мне представляется, что эту богдановскую мысль можно выразить так: «Учитывая нашу трактовку связи психического и физиологического процессов, мы получаем два соотношения, которые для наглядности я напишу рядом:».

С. 128. *Анимизм* (от лат. *anima, animus* — душа, дух) — вера в духов и души, якобы влияющих и управляющих людьми, животными, предметами и явлениями окружающего мира. Понятие «анимизм» было введено немецким химиком и физиологом Г. Э. Шталем (1659–1734). Основы анимистической теории разработаны Т. Гоббсом, Дж. Толандом, Дж. Пристли. Английский этнограф второй половины XIX — начала XX в. Э. Тайлор предложил анимистическую концепцию происхождения религии, согласно которой «анимизм есть минимум определения религии». Богданов разработал свою концепцию анимизма. Он обратил особое внимание на дуализм ани-

мизма — убеждение в том, что все предметы окружающего нас мира имеют активные «души» и пассивные «тела», отношения между которыми аналогичны отношению между психикой человека и деятельностью его тела. Такое отношение принимается на ранней стадии развития человечества как всеобщее, и оно было «первой формой развития категории „причинности“» (с. 109). По мнению Богданова, понятия «душа» и «вещь в себе» имеют общее происхождение и в своей истории прошли одни и те же стадии развития (см. с. 109–111).

Пантеизм (от греч. pan — всё и theos — бог) — философско-религиозное учение, согласно которому Бог имманентен природе, Бог и природа суть одно. Пантеизм максимально сближает понятия «Бог» и «природа» вплоть до их отождествления. Термин «пантеист» был впервые введен английским философом Дж. Толандом в 1705 г., понятие «пантеизм» — нидерландским теологом Й. Фаем в 1709 г. Современные историки философии считают, что идеи пантеизма использовались в философии в двух близких по зна-

чению, но все же различных вариантах: натуралистический пантеизм, одухотворяющий природу, наделяя ее божественными свойствами и как бы растворяя Бога в природе (стоики, Дж. Бруно, Б. Спиноза), и мистический пантеизм, или панентеизм (от греч. *pan en theo*), растворяющий природу в Боге (И. Экхарт, Николай Кузанский, Я. Бёме, Н. Мальбранш).

С. 134. *Обоснование*. В тексте заменена архаическая «обосновка» на «обоснование» и исправлены отмеченные самим Богдановым ошибки в библиографическом описании его статьи «Идеал жизни».

С. 135. *Аффекционал* (от лат. *affectus* — душевное волнение, страсть) — эмоциональная характеристика любого психического переживания. Согласно Богданову, «аффекционал есть характеристика переживаний, находящаяся именно в „сознании“, то есть в поле непосредственного психического опыта и только в этом поле» (с. 142–143). Положительный аффекционал переживания, обусловленный получением чувства удовольствия, означает возрастание энергии соответствующей

психической системы, отрицательный, вызванный страданием, — уменьшение энергии этой системы (см. также с. 63, 66).

С. 161. Называя этот раздел («*Психический подбор*») книги второй «Эмпириомонизма» статьей, А. А. Богданов не ошибается, потому что первоначально он был опубликован в виде статьи в журнале «Вопросы философии и психологии» (1904. № 3 (73) и № 4 (74)).

С. 198. См. примеч. к с. 161.

С. 203. *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933) — российский социал-демократ. С 15 лет изучал марксизм. В 1895 г. поступил в Цюрихский университет. Испытал влияние Р. Авенариуса. Занимался в его семинаре по философии и психологии, пришел к выводу, что «эмпириокритицизм является самой лучшей лестницей к твердыням, воздвигнутым Марксом». Видный член большевистской фракции РСДРП, вошел в состав первого Советского правительства в качестве народного комиссара просвещения (до 1929 г.). Соч.: Этюды критические и полемические. М., 1905; Отклики жизни. СПб., 1906; Религия и социализм. Т. I — II. СПб., 1908–1911; Карл Маркс. Пг., 1918;

Христианство и марксизм. М., 1923; Мещанство и индивидуализм. М.; Пг., 1923; Идеализм и материализм. Культура буржуазная и пролетарская. Пг., 1923; Против идеализма. Этюды полемические. М., 1924; От Спинозы до Маркса. Очерки по истории философии как мирозерцания. М., 1925.

Такие возражения делает А. Луначарский... — Богданов указывает неточное название работы А. В. Луначарского, который издал в 1905 г. в одном томе написанные им популярные и критические изложения книги Р. Авенариуса «Критика чистого опыта» и книги Р. М. Гольцапфеля «Панидеал» (см.: Луначарский А. В. Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. Holzapfel. Panideal. Новая теория позитивного идеализма. Критическое изложение А. Луначарского. М., 1905). Русский перевод «Критики чистого опыта» Р. Авенариуса в то время еще не был издан (он будет опубликован в двух томах в Москве в 1907–1909 гг.); русские переводы работ Р. М. Гольцапфеля, видимо, вообще не публиковались. При подготовке настоящего издания «Эмпириомонизма», как

уже отмечалось, мы стремились максимально избегать редактирования богдановского текста и поэтому при его ссылках на популярное изложение А. Луначарским «Критики чистого опыта» Р. Авенариуса оставляем текст без изменений. Читатель найдет точное библиографическое описание этой работы в публикуемом в настоящем издании разделе «Книги и статьи, которые цитирует или на которые ссылается А. А. Богданов в „Эмпириомонизме“».

С. 217. Богданов дает свободный перевод использованного Энгельсом в «Анти-Дюринге» выражения «endgieltige, ewige Wahrheiten» — «вечные, окончательные, безусловные истины»; более точный перевод: «окончательные, вечные истины».

С. 227. «Критические марксисты», или «либеральные марксисты» — социально-политическое направление в русском марксизме конца XIX в. Основные представители — П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и др. Признавая марксизм, сторонники этого направления считали, что социализм возможен в Рос-

сии лишь как далекая перспектива и необходимым условием его реализации является капиталистический этап развития России. Полагали, что марксизм нуждается в философском обосновании. Путь к этому они усматривали в использовании гносеологических идей Канта и неокантианцев. В начале XX в. большинство «критических марксистов» примкнуло к либерализму или к либеральному консерватизму. Многие из них стали религиозными философами.

Имманентная школа в философии, имманентная философия — направление в философии конца XIX — начала XX в. Основные идеи сформулированы немецким философом Вильгельмом Шуппе (1836–1913). Видные представители этого философского направления: Р. Шуберт-Зольдерн, М. Кауфман, Й. Ремке и др. Сторонники имманентной философии отождествляли бытие, познаваемую реальность, с содержанием сознания и отрицали существование независимой от сознания действительности. Так, в качестве конечного элемента, основания философии Шуппе признавал опытно устанавливаемое «Я», содер-

жание сознания которого есть «действительность» (познаваемая реальность). Чтобы избежать солипсизма, Шуппе дополнил свою концепцию постулированием всеобщего сознания, сообщающего «действительности» объективный характер.

С. 242. *Кантианизм* — устаревший термин; в настоящее время общеупотребительным является термин «кантианство».

С. 247. «*Рентьер*» — устаревший термин, замененный в современном русском языке на «рантье» (от фр. *rentier*) — лицо, живущее на проценты с предоставленного в ссуду денежного капитала или на доходы от ценных бумаг (акций, облигаций и т. д.).

С. 258. *Тред-юнионизм* (англ. *trade* — занятие, ремесло, профессия и *union* — объединение) — течение в рабочем и профсоюзном движении, выдвигающее требования реформ, улучшающих положение трудящихся.

Экономическое манчестерство — видимо, Богданов имеет в виду следование экономической политике, получившей наибольшее развитие в Англии в первой половине XIX в. Сторонники этой политики выступали за все-

мерное свободное предпринимательство, за отмену покровительственных пошлин и выдвигали лозунг свободы торговли.

С. 279. *Обсидиан* — вулканическое стекло, стекловатая, вулканическая горная порода. Образуется при остывании вязкой кислой лавы. Легко полируется.

С. 302. Говоря о буржуазно-позитивной идеологии, Богданов имеет в виду буржуазный позитивизм, что совершенно ясно из подстрочного примечания к этому предложению.

С. 335. *Второе основное положение, выражающее эмпириомонистическую тенденцию.* — Называя учение о «подстановке» вторым основным положением эмпириомонизма, под первым таким положением Богданов, видимо, имеет в виду тезисы, сформулированные на предшествующей странице: утверждение о «принципиальной однородности психического и физического опыта» и необходимость «подчинения психического опыта познавательным формам, возникающим на почве опыта физического» (с. 334).

Книги и статьи, которые цитирует или на которые ссылается А.А. Богданов в «Эмпириомонизме»

Авенариус Р. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского (см.: Луначарский А. В. Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. — Новая теория позитивного идеализма (Holzappel. Panideal). Критическое изложение А. Луначарского. М., 1905).

Авенариус Р. Человеческое понятие о мире. М., 1909.

Бельтов Н. (Плеханов Г. В.) К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1895 (второе и третье издания книги вышли в 1905 и 1906 гг.).

Бельтов Н. (Плеханов Г. В.) Критика наших критиков. СПб., 1906.

Бельтов Н. (Плеханов Г. В.) Предисловие переводчика ко второму изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Брошюра Ф.

Энгельса вышла в Петербурге в 1906 г. Ранее, в 1905 г. с этим же предисловием Плеханова работа Энгельса была напечатана на русском языке в Женеве.

Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. М., 1897; 9-е изд. 1906.

Богданов А. А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899.

Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901.

Богданов А. А. Идеал познания (Эмпириокритицизм и эмпириомонизм) // Вопросы философии и психологии. 1903. № 2 (Кн. 67). Статья вошла в кн.: Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Книга I. М., 1904. Сохранив содержание этой статьи, автор в книге изменил ее подзаголовок.

Богданов А. А. Жизнь и психика (Эмпириомонизм в учении о жизни) // Вопросы философии и психологии. 1903. № 4 (Кн. 69) и 5 (Кн. 70). Статья вошла в кн.: Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Книга I. М., 1904. Сохранив содержание этой статьи, автор в книге изменил ее подзаголовок.

Богданов А. А. *Universum* // Эмпириомонизм. Книга I. М., 1904.

Богданов А. А. *Вещь в себе* // Эмпириомонизм. Книга II. М., 1905.

Богданов А. А. *Психический подбор* // Эмпириомонизм. Книга II. М., 1905.

Богданов А. А. *Из психологии общества* (Статьи 1901–1904). СПб., 1904; 2-е изд. СПб., 1906.

Богданов А. А. *Авторитарное мышление* // Богданов А. А. *Из психологии общества* (Статьи 1901–1904). СПб., 1904 (ранее статья публиковалась в журнале «Образование». 1903. № 4–6).

Богданов А. А. *Развитие жизни в природе и обществе* // Богданов А. А. *Из психологии общества* (Статьи 1901–1904). СПб., 1904 (ранее статья публиковалась в журнале «Образование». 1902. № 4, 5–6, 7–8).

Богданов А. А. *Собирание человека* // *Правда*. М., 1904. № 4 (статья публиковалась также в: Богданов А. А. *Новый мир* (Статьи 1904–1905). М., 1905; 3-е изд. М., 1920; Богданов А. А. *Вопросы социализма. Работы разных лет*. М., 1990).

Богданов А. А. Цели и нормы жизни // Богданов А. А. Новый мир (Статьи 1904–1905). М., 1905 (статья публиковалась также в журнале «Образование». 1905. № 7).

Богданов А. А. Исторический монизм // Эмпириомонизм. Книга III. М., 1906.

Корсаков С. С. Курс психиатрии. Т. 1–2. М., 1893 (3-е изд. 1913).

Мюллер М. Наука о мысли. СПб., 1891.

Ортодокс (Аксельрод Л. И.). Новая разновидность ревизионизма // Искра. 1904. № 77. Статья помещена также в сб. автора «Философские очерки». М.; Пг., 1906 (3-е изд. 1923).

Энгельмейер П. К. Теория познания Эрнста Маха // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 3 (38). (Богданов ссылается на «Очерки по теории познания Э. Маха». Изд. А. Ю. Маноцковой, 1901.)

Avenarius R. Kritik der reinen Erfahrung. Bd. I–II. Leipzig, 1888/1890 (рус. пер.: Авенариус Р. Критика чистого опыта. Т. 1–2. М., 1907–1909).

Avenarius R. Der menschliche Weltbegriff. Leipzig, 1891 (рус. пер.: Авенариус Р. Человеческое понятие о мире. М., 1909).

Engels F. Herrn E. Duhring's Umwälzung der Wissenschaft. 3-te Aufl, Stuttgart, 1894 (рус. пер.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20).

Holzapfel R. M. Panideal. 1903 (см.: Луначарский А. В. Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского — Новая теория позитивного идеализма (Holzapfel. Panideal). Критическое изложение А. Луначарского. М., 1905).

Kautsky K. Geschichte des Socialismus. Bd. 1–2, 1895 (рус. пер.: Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Часть первая. 4-е изд. 1919).

Mach E. Die Mechanik in ihrer Entwicklung. Historisch-kritisch dargestellt. Leipzig, 1883. Как видно из предисловия к шестому изданию, вышедшему в свет в 1907 г., автор вносил в текст «дополнения и улучшения» (рус. пер. сделан с шестого издания: Мах Эрнст. Механика. Историко-критический очерк ее развития. СПб., 1909).

Mach E. Die Analyse der Empfindungen und das Verhältniß des Physischen zum Psychischen. 1886; 9-е изд. 1922 (рус. пер.: Мах Э. Анализ

ощущений и отношение физического к психическому. М., 1907; 2-е изд. М., 1908).

387

Mach E. Die Prinzipien der Wärmelehre. Historisch-kritisch entwickelt. Leipzig, 1896; 4-е изд. 1923.

Nernst W. und Schonflies A. Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften. München und Leipzig, 1875.

Ostwald W. Vorlesungen über Naturphilosophie. Leipzig, 1901; 5-е изд. 1914 (рус. пер.: Оствальд В. Натурфилософия. М., 1902).

Riehl A. Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. Bd. 1–2. Leipzig, 1876–1887.

Simmel G. Skizze einer Willenstheorie // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnessorgane, 1895.

Simmel G. Einleitung in die Moralwissenschaft., Bd. 1–2. Berlin, 1892–1893.

Willy R. Krisis in der Psychologie. Leipzig, 1899.

Составил В. Н. Садовский.

Указатель имен

Аввакум Петров (1620 или 1621–1682), протопоп, глава старообрядчества, писатель — 171

Авенариус Рихард (1843–1896), швейцарский философ — 5–8, 11–13, 24, 30, 41, 45, 55–66, 86, 88, 101, 106, 109, 111, 153, 176, 203–211, 213, 214, 220, 227, 239, 252, 354–356, 361, 362, 368, 371–372, 377, 378, 381, 382, 384, 386, 387

Азам, немецкий врач-психиатр — 47, 51

Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967), русский социал-демократ, примыкал к большевикам. С 1909 член группы «Вперед», один из организаторов партийных школ на о. Капри (1909) и в Болонье (1910–1911), выступал против В. И. Ленина. С 1919 — в эмиграции — 344

Андреев Андрей Леонидович (р. 1947), доктор философских наук, профессор; специалист в области теории культуры и цивилизации, истории русской философской и общественной мысли — 375

Андреев Н. — 342

Ансельм Кентерберийский (1033–1109), христианский теолог, представитель схоластики, церковный деятель, архиепископ — 225

Антисери Д. — 377

Аристотель (384–322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист — 17

Бабинский Жозеф (1857–1932), французский невропатолог, родом из Польши — 48

Базаров (наст. фам. Руднев) Владимир Александрович (1874–1939), русский философ и экономист. Социал-демократ, позднее отошел от политической деятельности. В 1910-х гг. — сторонник эмпириокритицизма. Вместе с И. И. Скворцовым-Степановым перевел «Капитал» К. Маркса (т. 1–3, 1907–1909) — 343, 369, 370, 377

Бельтов Н. — псевдоним Г. В. Плеханова

Бёме Якоб (1575–1624), немецкий философ-мистик. Склонялся к пантеизму; оказал влияние на немецкую философию — 383

Бентам Иеремия (1748–1832), английский философ, экономист, юрист — 179

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный философ.

От «легального марксизма» и неокантианства эволюционировал к либерализму, мистическому экзистенциализму и персонализму — 351, 368, 384

Бернштейн Эдуард (1850–1932), один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, идеолог реформизма, выступавший за пересмотр (ревизию) классического марксизма — 370

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), русский физиолог, психиатр и психолог, организатор научной неврологической школы, основатель рефлексологии — 368

Бине (Бинэ) Альфред (1857–1911), французский физиолог и психолог — 48

Блинников Леонтий Васильевич (1933–2000), философ и переводчик — 376

Богданов (наст. фам. Малиновский) Александр Александрович (1873–1928), политический деятель, врач, философ, экономист — 205, 206, 208, 209, 212, 221, 340-387

Бруно Джордано (1548–1600), итальянский философ-пантеист, ученый и поэт позднего Возрождения. Был обвинен инквизицией в

ереси, свободомыслии и сожжен на костре — 382, 383

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, экономист, публицист, священник (с 1918) — 242, 351, 384

Бухарин Николай Иванович (1888–1938), русский политический деятель, марксистский философ, экономист. Академик АН СССР (1928). Участник революции 1905–1907 и Октябрьской революции 1917. В 1917–1918 — лидер «левых коммунистов». В 1919–1924 — кандидат, в 1924–1929 — член Политбюро ЦК большевистской партии, разрабатывал проблемы исторического материализма и социологии — 348

Бюхнер Людвиг (1824–1899), немецкий врач, естествоиспытатель, философ — 128, 359

Вайнштейн Израиль Яковлевич (1885–1938), советский философ, исследовал проблемы диалектики как метода познания природы и общества. Написал ряд работ по истории философии. Анализу тектологии посвящена его работа «Организационная теория и диалектический материализм. Систематическая критика А. Богданова» (1927) —

Валентинов (наст. имя и фам. Николай Владиславович Вольский) (1879–1964), социал-демократ, философ, публицист — 240, 377

Вашингтон Джордж (1732–1799), первый президент США (1789–1797) — 173

Вебер Эрнст Генрих (1795–1878), немецкий анатом и физиолог — 67–69, 72

Вилли Рудольф (1855–1920), немецкий философ и психолог, ученик Авенариуса — 18, 379, 388

Витгенштейн Людвиг (1889–1951), австрийский логик и философ, представитель аналитической философии. С 1929 жил в Великобритании. Его «Логико-философский трактат» (1921) и «Философские исследования» (1953) оказали влияние на логический позитивизм и лингвистическую философию — 345

Вольтер (наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778), французский писатель, философ, публицист — 232

Вольтман Людвиг (1871–1907), немецкий социолог — 244

Вольф Христиан (1679–1754), немецкий философ — 241, 242

Вундт Вильгельм (1832–1920), немецкий психолог, физиолог, философ, языковед — 63, 105, 128, 156, 382

Галилей Галилео (1564–1642), итальянский естествоиспытатель — 284

Гартман Эдуард (1842–1906), немецкий философ-мистик, представитель философии «бессознательного», сторонник пессимизма — 382

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ — 8, 239

Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт и публицист — 168, 171, 176

Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821–1894), немецкий естествоиспытатель. Будучи стихийным, непоследовательным материалистом, склонялся к кантианству, обосновывал концепцию иероглифов, согласно которой ощущение представляет собой лишь знак (иероглиф), а не изображение вещи — 379

Герbart Иоганн Фридрих (1776–1841), немецкий философ, психолог, педагог — 135

Геринг Эвальд (1834–1918), немецкий физиолог и психолог — 15, 379

Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт, создатель дидактического эпоса — 270

Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель — 166

Гладстон Уильям Юарт (1809–1898), английский политический деятель, неоднократно премьер-министр — 173

Гловели Г. Д. — 341,377

Гоббс Томас (1588–1679), английский философ-материалист, сторонник теории общественного договора и сильного государства — 383

Гольбах Поль Анри (1723–1789), французский философ — 129,221,226, 232, 235, 239, 359

Гольцапфель Рудольф Мария (1874–1930), швейцарский философ и писатель — 106, 384, 387

Гомер, легендарный древнегреческий эпический поэт — 270

Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), русский писатель, публицист, общественный деятель, один из организаторов партийной школы на

о. Капри, член группы «Вперед» — 343

Деборин (наст. фам. Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), советский философ, академик АН СССР (1929). Основные труды посвящены истории философии и проблемам диалектического материализма. Вел борьбу против махизма

(эмпириокритицизма). Активный участник дискуссии между «диалектиками» и «механистами» («Диалектика и естествознание», 1930) — 342

Демокрит (ок. 470 или 460 — ок. 380 или 370 до н. э.), древнегреческий философ — 128, 234, 359

Де-Роберти Евгений Валентинович (1843–1915), русский социолог и философ-позитивист. Подчеркивал значение коллективных представлений при анализе социальных действий. Поддерживал концепцию энергетизма В. Оствальда — 367

Джеймс (Джемс) Уильям (1842–1910), американский философ и психолог-11,214

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), политический и государственный деятель. С декабря 1917 — председатель

ВЧК (с 1922 — ГПУ, ОГПУ) и нарком внутренних дел РСФСР (1919–1923) — 348

Дубровинский Иосиф Федорович (1877–1913), участник русского революционного движения (с 1893). Один из руководителей московского «Рабочего союза». С 1903 — большевик. Член ЦК РСДРП. Участвовал в революции 1905–1907. Вместе с Лениным и Богдановым редактировал газету «Пролетарий». Погиб в Туруханской ссылке — 343

Дюбуа-Реймон Эмиль Генрих (1818–1896), немецкий физиолог и философ — 53

Дюринг Карл Евгений (Эйген) (1833–1921), немецкий философ — 217, 384, 387

Жане (Жана) Пьер (1859–1947), французский психолог и психопатолог — 48

Зиммель Георг (1858–1918), немецкий философ и социолог — 12, 197, 388

Ибсен Генрик (1828–1906), норвежский драматург — 172

Камюс (Камю), французский психиатр — 47

Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ — 3, 17, 22, 108, 111, 112, 130, 221, 222, 226, 242, 302, 382, 385

Карев Николай Афанасьевич (1901–1936), советский философ, разрабатывал проблемы материалистической диалектики. Активно участвовал в дискуссии «механистов» и «диалектиков». Критиковал взгляды А. Богданова в работе «Тектология или диалектика» (1926) — 345

Каутский Карл (1854–1938), один из лидеров и теоретиков германской и международной социал-демократии — 230, 387

Кауфман М, представитель имманентной школы в философии — 385

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), социолог, историк, правовед, политический деятель, академик Петербургской АН (1914). Сторонник позитивизма и эволюционизма в истолковании социально-исторического процесса — 367

Корсаков Сергей Сергеевич (1854–1900), психиатр, основатель московской научной школы психиатрии-15, 368, 387

Котарбиньский Тадеуш (1886–1981), польский философ и логик, создатель праксеологии — 345

Ксенофан Колофонский (ок. 570 — после 478 до н. э.), древнегреческий поэт и философ, основатель элейской школы, учившей о единстве и неподвижности бытия — 382

Кюри (Склодовская-Кюри) Мария (1867–1934), физик и химик, родом из Польши, жена П. Кюри — 283

Кюри Пьер (1859–1906), французский физик — 283

Ланге Карл Георг (1834–1900), датский психолог, физиолог, врач — 11, 214

Ланге Фридрих Альберт (1828–1875), немецкий философ — 73, 244

Ледантек Феликс (1869–1917), французский биолог, критик дарвинизма-145

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, ученый, общественный деятель. Сторонник объективного идеализма, создатель монадологии, согласно которой сущность мира составляют неделимые духовные субстанции (монады); один из создателей дифференциального исчисления — 382

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), политический деятель и мыслитель, теоретик марксизма. Основатель Ком-

мунистической партии и Советского государства — 342–345, 362, 368, 370, 372

Линкольн Авраам (1809–1865), президент США (с 1861)—173

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), политический деятель, писатель, философ — 203–212, 214, 343, 347, 369, 370, 377, 384, 386, 387

Майер Юлиус Роберт (1814–1878), немецкий естествоиспытатель — 73

Мак-Ниш, англо-американский психиатр — 47

Мальбранш Никола (1638–1715), французский философ, один из главных представителей окказионализма, согласно которому вмешательство Бога — единственная причина всех изменений в мире. В противоположность пантеизму Б. Спинозы утверждал, что мир существует в Боге — 383

Маркс Карл (1818–1883), немецкий мыслитель, создатель коммунистического учения, названного его именем — 6, 216, 221, 228–230, 238, 241, 242, 262, 268, 333, 347, 350, 352, 355, 363–372, 374, 380, 384, 387

Маслин Михаил Александрович (р. 1947), доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии в МГУ — 375

Мах Эрнст (1838–1916), австрийский физик и философ — 5–8, 10, 12, 15, 18, 24, 30, 31, 41, 73, 75, 114, 221, 226, 227, 239, 241, 268, 318, 332, 344, 354–356, 361, 362, 369–372, 377, 378, 387, 388

Мейнерт Теодор (1833–1892), австрийский невролог и психиатр — 66, 69, 136, 214

Морозова А. — 341

Мюллер Макс (Фридрих Макс) (1823–1900), английский филолог-востоковед, мифолог, историк, родом из Германии — 6, 179, 271, 353, 379, 387

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821), французский император (1804–1814, март-июнь 1815) — 218, 220, 281

Невский Владимир Иванович (наст. имя и фам. Феодосии Иванович Кривобоков) (1876–1937), русский политический и государственный деятель, активный участник революции 1905–1907, Октябрьской революции 1917. В 1918–1921 — нарком путей сообщения РСФСР. Автор работ по истории и философии

фии — 345

Нернст Вальтер (1864–1941), немецкий физик и химик, один из основоположников современной физической химии — 68, 388

Николай Кузанский (Николай Кребс) (1401–1464), философ, богослов, ученый, церковный и политический деятель. Его взгляды близки к пантеизму, учил о совпадении противоположностей в Боге — 383

Нуаре Людвиг (1829–1889), немецкий философ — 6, 41, 271, 276, 379

Ньютон Исаак (1643–1727), английский математик, астроном, физик — 291

Ортодокс (наст, имя и фам. Любовь Исааковна Аксельрод) (1868–1946), русский философ, последовательница Г. В. Плеханова-240, 342, 387

Оствальд Вильгельм Фридрих (1853–1932), немецкий химик, один из основоположников физической химии, выдвинул концепцию энергетизма — 22, 73, 221, 224, 361, 362, 370, 379, 388

Папин (Папен) Дени (1647–1714, по др. данным 1712), французский физик и изобретатель — 281

Парацельс (наст, имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493–1541), врач и естествоиспытатель, практикующий алхимик— 382

Петражский Лев Иосифович (1867–1931), юрист, один из основателей психологической школы права — 367

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), политический деятель, философ, теоретик и пропагандист марксизма — 130, 215, 217–226, 229, 230, 232, 235, 236, 239–242, 342–344, 361, 362, 372, 386

Пристли Джозеф (1733–1804), английский химик, философ, сторонник деизма. В соч. «Исследования о материи и духе» (1777) утверждал, что природа материальна, дух — свойство материи — 383

Пуанкаре Жюль Анри (1854–1912), французский математик, физик и философ. Разработал теоретические принципы конвенционализма, согласно которому понятия являются продуктом соглашения между учеными — 342

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт, родоначальник новой русской

литературы, создатель современного русского литературного языка — 373

Реале Дж. — 377

Ремке Йоханнес (1848–1930), немецкий философ, представитель имманентной школы, близкой к эмпириокритицизму — 385

Риль Алоиз (1844–1924), немецкий философ — 6, 73, 134, 225, 378, 388

Садовский Вадим Николаевич (р. 1934), доктор философских наук, профессор, зав. отделом Института системного анализа РАН. Специалист по методологии системных исследований и истории философии XX в. — 341, 365, 366, 376, 386

Спенсер Герберт (1820–1903), английский философ и социолог — 129, 130, 302, 359

Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерландский философ — 13, 66, 136, 214, 221, 302, 383

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, философ, социолог, историк, политический деятель — 242, 351, 384

Тайлор (Тэйлор) Эдуард Бернетт (1832–1917), английский этнолог и религиовед. Разработал анимистическую теорию про-

исхождения религии — 383

Тахтарев Константин Михайлович (1871–1925), русский социолог и историк первобытной культуры. Последователь эволюционистской школы в социологии — 367

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920), естествоиспытатель — 220

Толанд Джон (1670–1722), английский философ. Эволюционировал от деизма к атеизму и материализму. Книга «Христианство без тайн» (1696) была осуждена духовенством и сожжена — 383

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), русский экономист и социолог, один из представителей «легального марксизма». Придерживался концепции «этического социализма»; соединял теорию трудовой стоимости К. Маркса с теорией предельной полезности австрийской школы — 351, 384

Уайтхед Алфред Норт (1861–1947), английский философ, логик, математик. От неореализма, сочетающего элементы материализма и идеализма, перешел к объективному идеализму. Регулятивной силой мирового процес-

са выступает у Уайтхеда божество и присутствующая мирозданию творческая энергия— «креативность» — 382

Фай Й., нидерландский теолог. Ввел термин «пантеизм» (1709) — 383

Фалес (ок. 625 — ок. 547 до н. э.), древнегреческий философ и ученый, родоначальник европейской философии. Стремился построить картину мира на естественных и разумных основаниях — 382

Фейербах Людвиг (1804–1872), немецкий философ — 223, 239, 240, 334, 350, 386

Ферворн Макс (1863–1921), немецкий физиолог — 222

Ферри Энрико (1856–1929), итальянский криминалист — 244

Фехнер Густав Теодор (1801–1887), немецкий физик, психолог, философ, писатель — 67–69, 72

Франк Семен Людвигович (1877–1950), русский религиозный философ. Сторонник философии всеединства, согласно которой мир как целостность сочетает в себе рациональное, эмпирическое и мистическое (сверхрациональное, божественное) начала — 351, 384

Фридрих Вильгельм I (1688–1740), прусский король (с 1713) из династии Гогенцоллернов — 241, 242

Фультон (Фултон) Роберт (1765–1815), американский изобретатель — 281

Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935), русский мыслитель, ученый и основоположник космонавтики. В философско-художественных эссе развивал «философию космизма» — 382

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 220

Шатобриан Франсуа Рене де (1768–1848), французский писатель — 232

Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф (1775–1854), немецкий философ-идеалист, представитель немецкой классической философии; создатель философии тождества, обосновывавшей тождественность бытия и мышления, материи и духа, субъекта и объекта. Развитие природы истолковывалось Шеллингом как диалектический процесс саморазвития «мирового духа» — 382

Шёнфлис Артур Моритц (1853–1928), немецкий математик и минералог-68, 388

Шмидт Конрад (1863–1932), немецкий социал-демократ, последователь неокантианства — 241

Шопенгауэр Артур (1788–1860), немецкий философ — 35, 382

Шталь Георг Эрнст (1659–1734), немецкий химик и врач, сформулировал теорию флогистона (полагающую наличие в веществе «горючего начала»), позже опровергнутую А. Лавуазье — 383

Шуберт-Зольдерн Рихард (1852–1935), немецкий философ, представитель имманентной философии — 385

Шуппе Вильгельм (1836–1913), немецкий философ, субъективный идеалист, ведущий представитель имманентной школы в философии, согласно которой действительность существует постольку, поскольку она дана сознанием — 385

Эйнштейн Альберт (1879–1955), физик-теоретик, один из основателей современной физики. Создал частную (1905) и общую (1907–1916) теории относительности. Лауреат

Нобелевской премии (1921) — 378

Экхарт Иоганн (Майстер Экхарт) (ок. 1260–1327), представитель немецкой средневековой мистики, склонялся к пантеизму — 383

Энгельмейер Петр Климентьевич (1855 — после 1939), инженер и философ — 7, 387

Энгельс Фридрих (1820–1895), немецкий мыслитель, соратник К. Маркса — 130, 217–221, 223, 239, 240, 283, 284, 347, 352, 363, 364, 384, 386, 387

Эпикур (341–270 до н. э.), древнегреческий философ — 17, 128, 234, 359

Юм Дэвид (1711–1776), английский философ, историк, экономист — 22, 229–231

Юшкевич Павел Соломонович (1873–1945), социал-демократ, меньшевик; философ. Примыкал к позитивизму и прагматизму; создал свою разновидность эмпириокритицизма — эмпириосимволизм. После 1920 от политической деятельности отошел — 342, 343, 377

Составитель В. М. Персонов

Выходные данные

Александр Александрович Богданов
ЭМПИРИОМОНИЗМ
Статьи по философии

Ответственный редактор В. Н. Садовский
Послесловия В. Н. Садовского; А. Л. Андреева и М. А. Маслина

Издательство благодарит Международный институт Александра Богданова за финансовую поддержку в осуществлении данного проекта

Заведующий редакцией М. М. Беляев
Ведущие редакторы Л. В. Блинников, П. П. Апрышко
Редакторы Ж. П. Крючкова, Т. И. Шагова
Художественный редактор Е. А. Андрусенко
Технический редактор А. Ю. Ефимова
Корректор Т. И. Радина

ЛРН№ 010273 от 10.12.97.

Сдано в набор 01.08.02. Подписано в печать 07.07.03. Формат 60X90 1/16.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,0. Уч. изд. л. 33,12.

Тираж 2000 (1-й завод: 1-1500) экз. Заказ № 487.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Издательство «Республика» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

ГП издательство «Республика».

Миусская пл., 7, Москва. А-47, ГСП-3 125993.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов на ГИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Примечания

Сам термин «эмпириокритицизм» принадлежит, собственно, Авенариусу, но он хорошо характеризует также воззрения Маха, хотя в некоторых частностях они и отличаются от взглядов Авенариуса.

[^^^]

В развитии взглядов Маха исходной точкой послужил философский идеализм, тогда как для Авенариуса с самого начала характерна реалистическая окраска. Тем замечательнее тожество философских выводов, к которым совершенно независимо один от другого пришли оба эти мыслителя, реформируя теорию познания на основе выработанных научных методов. Весьма несущественные разногласия между этими философами носят на себе, однако, явный отпечаток различия начальных пунктов развития (особенно это относится к понятию «элементов-ощущений» у Маха; об этом нам придется говорить в дальнейшем).

Несколько особое положение занимает в ряду основных произведений эмпириокритицизма «Der menschliche Weltbegriff» Авенариуса (учение об интроекции); но к нему мы также еще вернемся.

Ближе по времени к Маху и Авенариусу стоит А. Риль*, который также признает социальность познания* и его биологическую роль как приспособления, но далеко не вполне выдерживает этот принцип в своем анализе познания («Der philosophische Kriticismus». Bd. 2). Вообще, за последние десятки лет идеи эти встречаются нередко в философской и социально-философской литературе; развитие сравнительной филологии немало способствовало их упрочению, выясняя органическую связь мышления с речью — социальной формой общения (здесь особенно Л. Нуаре*, Макс Мюллер*); но обыкновенно эта социально-генетическая точка зрения на мышление ни философами, ни учеными не проводится до конца со строгой методологической последовательностью.

[^^^]

Авенариус различает «элементы» и «характеры», причем под «элементами» подразумевает цвета, тоны, твердое и мягкое, сладкое и горькое и т. п., а под «характерами» — окраску удовольствия и страдания, красоты и безобразия, реальности и кажущегося, ясности и смутности и т. д. Для наших целей это различие не существенно, и потому мы в изложении предпочитаем следовать Маху.

[^^^]

Это различие Мах сам не раз отмечает, для того чтобы устранить возможность идеалистического истолкования своих взглядов. Его русский переводчик (Энгельмейер. Очерки по теории познания Э.Маха, 1901, изд. Маноцковой) несколько грешит тем, что мало обращает внимание на эту сторону дела; передавая взгляды Маха, он доходит даже до таких формулировок, как следующая: «Наши ощущения не производные мира, а мы произвели мир из наших ощущений» (Введение, с. 17). Мах на эту формулировку никогда бы не согласился. Он указал бы, во-первых, что элементы только тогда правильно называть ощущениями, когда мы говорим о них с психологической точки зрения, а по отношению к «физическому» миру этот термин недопустим; и во-вторых, что элементы не то, из чего мы произвели мир, а продукт познавательного разложения опыта, так что опыт в целом по отношению к ним первичное, а не вторичное. Может быть, удастся и дальнейшее разложение теперешних «элементов» —

они ведь не атомы; тогда они сменяются элементами более простыми, но еще более «производными» в смысле длины того пути, по которому познание дойдет до них.

[^^^]

Из этой относительности возникает самое абсолютное в философии, «субстанция», или «вещь в себе». Каждой данной части комплекса может не хватать в нашем опыте в данный момент, и, однако, мы признаем «вещь» за то же самое, чем является для нас целый комплекс. Не значит ли это, что можно откинуть все «элементы», все «признаки» вещи, и все-таки она останется, — уже не как явление, а как «субстанция»? Конечно, это только старая логическая ошибка: каждый волос в отдельности можно вырвать, и человек не станет лысым; но если их вырвать все вместе, человек будет лысым; таков и процесс, которым создается «субстанция», которую Гегель недаром называл «*carut mortuum* [остаток после дистилляции вещества (лат.). — Ред.] абстракции». Если откинуть все элементы комплекса, то комплекса не будет; останется только обозначающее его слово. Слово — это и есть «вещь в себе».

[^^^]

См.: Avenarius R. Kritik der reinen Erfahrung. Bd. 2. S. 206 и след., а также прим.54. См. также: Simmel G. Skizze einer Willenstheorie, Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnessorgane, 1895 — иннервационная теория воли.

[^^^]

См.: Avenarius R. Kritik der reinen Erfahrung. Bd. 2. S. 355, 275 (о «доминанте»); а также Mach E. Die Analyse der Empfindungen... S. 13–20 (3-е изд., 1902).

[^^^]

Можно, конечно, свести ту и другую к обобщающей их абстракции, но это будет лишь бессодержательное понятие о связи вообще, не способное органически объединить две основные формы закономерности опыта.

[^^^]

Прекрасный случай этого рода цитирован у С.Корсакова («Курс психиатрии», т. 1, с. 198 и след.) — систематизированный бред с детальным описанием членов преступного тайного общества, которое преследует больного, их наружности, манер и характеров. Вся жизнь больного сводилась к различным отношениям с этими несуществующими людьми.

[^^^]

В нашей литературе чаще употребляют термин «общеобязательность» — менее точный, так как он заключает в себе и излишне нормативный оттенок.

[^^^]

История геометрии указывает также на различную степень абстрактности пространства у греческих и индусских геометров. Одна и та же пара фигур для грека представляла случай равенства, а для индуса — случай симметрии. Аналогичные различия имелись и в учении о подобии фигур.

[^^^]

Любопытен в этом отношении тот общеизвестный факт, что скучно проводимое время, которое тянется в непосредственном переживании страшно медленно, в воспоминании кажется затем очень коротким. Попытку объяснения этого факта см. у Маха, «Die Analyse der Empfindungen», глава XII, где дается и общий анализ временных ощущений.

[^^^]

Rudolph Willy [Рудольф Вилли]* отождествляет даже физиологическое время с потокам опыта, со сменой переживаний различной широты и интенсивности («Время — это сам опыт в его течении»... См. «Krisis der Psychologies», глава, посвященная критике Маха). Для нашей цели вопрос об элементах физиологического времени значения не имеет.

[^^^]

Я понимаю, что это положение может вызвать в душе читателя интенсивное чувство противоречия. Мы так привыкли представлять себе, что и все другие люди, прошлого, настоящего и будущего, — и даже животные живут «в том же пространстве и времени, что и мы». Но привычка — не доказательство. Бесспорно, что *мы* мыслим этих людей и животных в *нашем* пространстве и времени, но, чтобы они мыслили себя и нас *в том же самом* пространстве и времени, это ни из чего не следует. Конечно, поскольку их организации вообще сходны с нашею и поскольку их высказывания нам понятны, мы можем предположить и у них сходные, но не тождественные с нашими «формы созерцания».

[^^^]

Причинная связь представляет собой более поздний продукт социально-познавательного развития, чем абстрактное пространство и время. На памяти истории она шаг за шагом переходила от формы анимистической (причина явления — действие скрывающейся за ним воли, духа) к форме энергетической (причина явления — другое явление, с ним соизмеримое, количественно ему эквивалентное, без остатка в него переходящее). О различных стадиях этого развития см. мои работы «Основные элементы исторического взгляда на природу», 1899, и «Познание с исторической точки зрения», 1901. См. также В. Оствальда* — «Натурфилософия» (1901, рус. пер. 1902).

В своей новейшей фазе, «энергетической», причинность приобретает тот характер однородности отношений между явлениями опыта, который раньше выработался в «объективных» формах пространства и времени. Что касается до непрерывности и бесконечности, то эти черты были уже давно общи

причинному ряду с временным и пространственным (хотя и не всегда в нем имелись).

Во всяком случае, причинная связь — более сложное образование, чем абстрактное пространство и время, и их уже предполагает; поэтому нам и нет надобности специально останавливаться на ее специальном генезисе. Юм, который сводил причинную связь только к привычным последовательностям опыта, был, конечно, не прав, и прав был Кант, указывая, что из привычных последовательностей нельзя получить общеобязательности (общезначимости) причинной связи. Но и Юм имел полное основание отрицать абсолютную общезначимость причинной связи — тут ошибка на стороне «гносеологии» Канта. Решить же вопрос не могли ни тот ни другой, так как стояли на почве индивидуализма в опыте и познании, а социально-генетическая точка зрения была чужда им обоим.

[^^^]

Различие между простой социальностью опыта, выражающейся в его передаче от людей к людям, и его социальной организованностью, совпадающей с «объективностью», можно пояснить аналогией из экономического мира. В меновом обществе труд, несомненно, социален, потому что одни работают для других, и наоборот, что и обнаруживается в обмене товаров; но это не значит еще, чтобы труд был социально организован, т. е. чтобы трудовые действия людей были социально согласованы, гармонизированы. Напротив, меновое производство всегда характеризуется как неорганизованное, «анархическое».

[^^^]

Еще раз напомним читателю, что «объективный» опыт вовсе не то, что «социальный» опыт, и субъективный не то, что «индивидуальный». Социальный опыт далеко не весь социально организован и заключает в себе всегда различные противоречия, так что одни его части не согласуются с другими; лешие и домовые могут существовать в сфере социального опыта данного народа или данной группы народа, например крестьянства; но в опыт социально-организованный или объективный включать их из-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируют с остальным коллективным опытом и не укладываются в его организующие формы, например в цепь причинности. Наоборот, в других случаях опыт пока еще индивидуальный, например опыт какого-нибудь исследователя, открывающего новые факты и проверяющего, а частью опровергающего старые, фактически в наибольшей мере гармонирует со всей совокупностью коллективного опыта и находится в полном соответствии с его общи-

ми организующими формами. При этом в случаях первого рода дисгармонические элементы социального опыта в процессе развития шаг за шагом устраняются, сохраняя свое значение сначала все для меньших и меньших групп общества и затем только для отдельных личностей; в случаях же второго рода индивидуальный опыт принимает мало-помалу характер социального, распространяясь в обществе все шире и шире. Именно на этом основана, с одной стороны, непрерывная гармонизация социального опыта путем устранения его противоречий, с другой стороны, расширение социального опыта путем внесения в него новых и новых элементов индивидуального опыта отдельных развивающихся личностей.

[^^^]

Философия не раз искала гармонизации опыта именно на этом пути — за пределами опыта, в высшем познании. Но фактически выйти за пределы опыта и она, конечно, не могла, а приходила только к пустым абстракциям и противоречивым образам, все элементы которых брались все-таки из опыта.

[^^^]

Термин «интроекция» введен Авенариусом, который учению об интроекции посвятил свою замечательную работу «Der menschliche Weltbegriff». Там дана и общая история интроекции (с точки зрения скорее логического, чем культурно-исторического ее развития), и ее общая критика (выяснение логических противоречий интроекции, обнаруживающих ее философскую несостоятельность).

В современном мышлении интроекции принадлежит безусловное господство. В обыденной психологии она выражается в признании «тела» внешней оболочкой «души» как внутренней сущности. В психологической науке и в философии она сказывается в представлении о «внешних чувствах», которыми воспринимается физический мир, и «внутреннем чувстве», которым воспринимается мир психический. Физиологический организм представляется как бы ящиком с непрозрачными стенками, внутри которого помещается «психика».

Основное соображение, опровергающее интроспекцию, таково. Сам организм есть определенный комплекс зрительных, тактильных и тому подобных элементов в их определенных отношениях, и «внутри» этого комплекса можно помещать только однородные с ним, но меньшие комплексы: органы, ткани, волокна, клетки; а помещать там комплексы элементов иного типа, неоднородные с первым, не имеет смысла: это все равно что помещать мелодию, воспринимаемую слухом, внутри музыкального инструмента, воспринимаемого зрением и осязанием. Пространственные отношения сами по себе суть *зрительно-тактильные*, и потому нельзя комплексы иного, не зрительно-тактильного, типа ставить в чисто пространственные отношения «внутри» и «вне».

[^^^]

Мах называет его также «тожеством», что, однако, не вполне верно: элементы действительно одни и те же, но «восприятие тела», взятое отдельно, гораздо беднее ими, чем само «тело». «Тело» — комплекс гораздо более определенный и гораздо более сложный, потому что оно образовалось путем социальной гармонизации бесчисленных «восприятий»; в «восприятии» оно никогда не является полностью, целиком, а всегда только отчасти; например, «восприятие» тела никогда не может дать его сразу со всех сторон.

[^^^]

Само собой разумеется, что всякое частное высказывание одного организма может быть «неправильно понято» другими, вследствие, например, различия их опыта, их физиологического строения и т. п. Но в этом случае для восстановления познавательной гармонии и для устранения практических противоречий требуется только вместо одних переживаний подставить другие, т. е. надо опять-таки «понять» высказывания, только иначе, чем они прежде были поняты.

[^^^]

Мы думаем, нет надобности выяснять, что в основе «выражающей» реакции, даже производимого слова лежит определенный комплекс мускульных сокращений, реакция *двигательная*.

[^^^]

Здесь нет возможности дать обстоятельное обоснование идеи о первичном характере практических высказываний, да и нет необходимости в этом. Идея эта вытекает из историко-монистической концепции социального процесса и находит себе достаточно подтверждений в современных научных воззрениях вообще (например, в учении Нуаре о происхождении корней, в анализе связи техники и познания у Эрнста Маха и т. п.).

Отметим, что Авенариус, основывающийся на анализе высказываний свою теорию познания, понимает под «высказываниями» преимущественно или исключительно словесные, мимические и т. п., причем упускает из виду высказывания практического характера, которые он рассматривает только со стороны их непосредственного практического значения («ectectosistematische Anderungen», «appetitives Verhalten» и т. п.). Впрочем, в «Критике чистого опыта» он вообще прямо не выясняет, что именно понимает под «высказываниями».

[^^^]

Заметим, что раздражение только возбуждительно жизнеразности, и потому она не может быть просто пропорциональна ему, так как зависит еще от состояния нервной системы, от наличности в ней накопленной и разряжаемой внешним толчком потенциальной энергии. Но для занимающего нас теперь вопроса это неважно, а в дальнейшем мы еще вернемся к этому.

[^^^]

Иногда ночная жизнь лунатика не вполне изолируется от его психического опыта: человек неясно вспоминает потом о некоторых своих сомнамбулических действиях и переживаниях, как о виденном сновидении. Такие промежуточные, переходные случаи являются, конечно, только лишним подтверждением принимаемой нами точки зрения: колебание границ непосредственного психического опыта указывает на то, что и за его пределами есть еще аналогичные ему переживания.

[^^^]

Изменяя условия опыта, удавалось установить существование довольно тесной связи между «сознанием» и внесознательными координациями: действуя на анестезированную поверхность кожи, внушали «сознанию» различные представления и даже галлюцинации; так, делая незаметно для больного в его нечувствительную кожу несколько булавоочных уколов, предлагали ему задумать какое-нибудь число, и он называл именно число сделанных уколов; прикладывали к нечувствительной коже затылка рельефное металлическое изображение, и у больного получался соответствующий этому изображению зрительно-галлюцинаторный образ, и т. п. Эта связь «сознания» и «внесознательных впечатлений» соответствует, очевидно, жизненно-му единству организма, хотя она и не есть непосредственная ассоциативная связь, какая выступает в поле сознания.

Вполне аналогичны явления при наркозе — там имеется, с одной стороны, отравление нервных элементов, понижающее их возбудимость и проводимость, с другой стороны — понижение кровяного давления, а стало быть, и питания. Чем слабее наркотическое средство понижает кровяное давление, тем менее постоянно и надежно его снотворное действие — не хватает одного существенного момента, устраняющего связность нервно-физиологической жизни. До сих пор не удаются попытки фармакологов создать верно действующий наркотик, который угнетал бы систему кровообращения не в большей мере, чем это соответствует нормальному сну.

[^^^]

Авенариус занимается в своем изложении только «системой С», центральным нервным аппаратом, и даже большей частью составляющими его «частичными системами» («Partialsystem»). Система С и для нас представляет наибольший интерес, но, принимая принципиальную однородность жизненных процессов, мы берем, расширяя задачу, более общие формулировки.

[^^^]

«Познание с исторической точки зрения», 1901, с. 19. Там этот же вопрос — о значении жизнеразностей — рассмотрен мною, но мимоходом, сравнительно бегло и сжато.

[^^^]

«...Не следует ли признать жизнесохранимость младенца большею, чем жизнесохранимость взрослого, потому что первый может еще прожить лет 70, а второй, сверх своих 30, вряд ли проживет более 40 лет? Но тут надо принять во внимание вот что: шансы младенца на 70 лет жизни очень малы, например 1 из 50–60; а шансы взрослого на 40 лет жизни довольно велики, например 1 из 5–6. Обобщающая тенденция науки не позволяет нам считать первую величину жизнесохранимости больше второй: это значило бы придать больше значения частным случаям, чем общему правилу. Из сопоставления можно вывести только одно: что жизнесохранимость младенца еще может возрасти в процессе его развития, а для взрослого она уже близка к максимуму и вряд ли еще увеличится; поэтому первый при благоприятных условиях и проживет дольше». («Познание с исторической точки зрения». С. 18, примечание.)

[^^^]

Надо заметить, что глава о «конгрегальных системах» как-то выделяется в «Критике чистого опыта»: в то время как остальные части работы имеют сильно выраженную неоламаркистскую окраску, в этой главе преобладает дарвинистическая точка зрения. К сожалению, идеи, намеченные в этой главе, слишком мало применяются в остальной работе.

[^^^]

Здесь, следовательно, причина кризиса не прямо в положительных жизнеразностях, а в изменившемся мало-помалу на их почве строении системы, которая, наконец, оказывается дисгармоничной. Это «явление вполне одного типа с общими кризисами капиталистического производства. Рост производительных сил есть факт, вообще говоря, благоприятный для жизнеспособности общества, как и возрастание энергии центрального нервного аппарата — для его жизнеспособности. Но, совершаясь не гармонически... рост производительных сил может вызвать такое изменение во внутренних отношениях системы, которое является причиной последующих громадных растрат общественно-трудовой энергии, растрат совершенно непроизводительных. Так же обстоит иногда дело с накоплением энергии в отдельной психической системе» («Познание с исторической точки зрения», с. 20–22, примечание).

[^^^]

Так называемый «безразличный чувственный тон» есть, очевидно, лишь предельная величина, где удовольствие, уменьшаясь, переходит в начинающееся страдание или обратно («Indifferenzpunkt» Вундта).

[^^^]

Позволяю себе привести пояснение из одной прежней моей работы:

«Не все соглашаются с этим положением, опираясь на свидетельства своего непосредственного сознания, некоторые находят, что существуют и несравнимые по своей разнородности типы явлений чувства; так, несравнимыми признаются удовольствия возвышенные и низменные, то, например, которое вытекает из благородного поступка, и то, которое получается от стакана водки. Однако опыт показывает, что и для таких разнородных форм чувства количественное сравнение возможно, так как, например, по отношению к приведенному случаю многие люди способны задать себе и разрешить в ту или другую сторону вопрос, какое удовольствие больше» («Основные элементы исторического взгляда на природу». СПб., 1899, с. 220).

Можно, конечно, не одобрять таких «соизмерений» разнородных форм чувства, особенно если это делается с практической точки зрения (30 сребреников или жизнь учителя);

но они — несомненный факт, с которым
должна считаться теория.

[^^^]

Не все переживания, а только их меньшая часть попадает в поле психического опыта, в сферу самонаблюдения. Поэтому весьма нередко фактическое повышение энергии нервной системы совершается без заметных чувствований удовольствия, фактическое понижение — без заметных чувствований страдания. Такой именно смысл имеют те случаи, когда человек после долгого ряда наслаждений, сам того не замечая, переходит к состоянию глубокой расслабленности или когда он из целой массы беспросветных, казалось бы, страданий выходит более сильным и энергичным, чем был раньше. В глубине стихийно органических явлений, в области неопределенных изолированных переживаний совершаются самые важные процессы накопления и растраты жизни, которым психический опыт подводит затем итоги, прибавляя свои собственные слагаемые. В этом ярко выражается принципиальная однородность «сознания» и «бессознательного».

[^^^]

Наибольшая часть материала, сгруппированного в «Критике чистого опыта», относится к отрицательным жизнеразностям, которые имеют именно такое биологическое значение, какое Авенариус приписывает жизнеразностям вообще. Поэтому понятно, что противоречий в его описаниях оказывается далеко не так много, как можно было бы предположить ввиду ошибочности исходной точки исследования.

Замечу, что взглядов Авенариуса на вопрос о чувственном тоне переживаний я здесь касался отнюдь не во всей их полноте, а только с одной стороны, которая наиболее важна для моей задачи.

[^^^]

См., например: W. Nernst und A. M. Schonflies. Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften, главы «Exponentialfunction», «Verlauf der unvollständigen Reactionen» и т. д.

[^^^]

Принцип энтропии, а также общий характер физиологических процессов позволяют думать, что рассеяние энергии в нервных проводниках происходит исключительно или главным образом в виде теплоты.

[^^^]

Очень возможно, что это различие в строении и расположении нейронов не будет слишком тонким для методов современной гистологии. Тогда изложенная нами точка зрения могла бы послужить исходной точкой исследования, его «рабочей гипотезой».

[^^^]

Такое же полное согласование формулы с опытом получится и в том случае, если концевой аппарат чувствительного нерва принимать за измененный нейрон, только не имеющий самостоятельной связи с высшими центрами. Периферическая чувствующая клетка с ее нейритом без всякой натяжки может быть признана за такой нейрон.

[^^^]

Несколько лет тому назад изложенные здесь психофизические построения, касающиеся закона Вебера-Фехнера, были уже высказаны мною, но в популярной и сравнительно беглой форме («Основные элементы исторического взгляда на природу». СПб., 1899, с. 245–249).

[^^^]

Поэтому, например, В. Оствальд признает энергетичность «сознания», хотя и не видит той количественной пропорциональности между энергетикой нервной системы и величинами переживаний, какую мы установили. Для него отношение этих двух областей гораздо сложнее, и нельзя сказать, чтобы он достаточно ясно его формулировал (см. его «Натурфилософию», главу о сознании и т. д.).

Обычное, старое возражение против энергетичности сознания таково: принять ее значило бы стать в противоречие с законом сохранения энергии; присоединяясь к энергии физических процессов, энергия психических изменяла бы ее сумму, а эта сумма, согласно принципу вечности «механической» энергии, неизменна (см. А. Ланге, А. Риль и др.). Возражение это исходит из механического понимания энергии и не имеет никакого значения для понимания методологического, которое мы принимаем вслед за Р. Майером, Махом, Оствальдом и др. Вот почему мы сочли излишним останавливаться на этом возраже-

НИИ.

[^^^]

«Условно» — потому, что от нас зависит считать в анализе удовольствие за положительную величину и страдание за отрицательную, а не наоборот.

[^^^]

Термин «отражение» мы применяем здесь исключительно ввиду его наглядности. Пользуясь выражением более точным, мы должны были бы говорить о «результатах влияния одного комплекса на другой», об их функциональной зависимости от содержания «влияющего» комплекса; это было бы и очень отвлеченно, и очень тяжеловесно.

[^^^]

Хотя бы «опыт» был по содержанию в отдельном случае еще только индивидуальным, он есть опыт социально-организованный или объективный, если вполне укладывается в формы «объективности» опыта, в формы его социального согласования. См. вышеупомянутую статью.

[^^^]

Нам нет надобности останавливаться на обычных «психофизических», всегда, в сущности, дуалистических представлениях о жизни (жизнь как совокупность параллельных или непараллельных рядов психического опыта и физиологических процессов). Это исторически необходимая и преходящая комбинация.

[^^^]

Таким образом, с нашей точки зрения вполне мыслимо двойственное сознание при одном «физиологическом организме»: оно означало бы лишь частичную дезорганизацию в сфере психического опыта, т. е. опять-таки в одной частной области данного комплекса переживаний — «живого существа».

[^^^]

Представление, которого, по-видимому, держался Р. Авенариус, что жизнеразности, протекающие в отдельных «Partialsysteme», соединяются с «фактами сознания» (E-Werte), совершенно неудовлетворительно. Ему противоречат все те случаи, когда «Partialsystem», несомненно, затронута раздражением и даже реагирует на него, но это не сознается (сложные автоматические действия при направленном в другую сторону внимании). Конечно, «Partialsysteme» существуют, это доказывается учением о мозговой локализации; но их специальные жизнеразности связываются с «сознанием» постольку, поскольку эти «Partialsysteme» являются *исходной точкой общих координированных жизнеразностей высших центров*, поскольку их жизнеразности вступают в непрерывный общий поток жизнеразностей центрального аппарата.

Для удобства изложения мы заранее условимся с читателем употреблять термин «интерференция» в этом более узком значении — взаимного уничтожения величин равных, но взаимно противоположных по знаку. В физике термин этот, как известно, служит для обозначения также и иных случаев — к интерференции волн относятся и те комбинации, когда одна волна, присоединяясь к другой, усиливает ее собою.

[^^^]

См.: Avenarius R. Kritik der reinen Erfahrung.
Bd. 1. S. 73–76 и след. и Bd. 2. S. 16–18 и след.

[^^^]

Перемены, происходящие от утомления глаза и т. п. условий, мы игнорируем, так как они ничего не меняют в самом смысле эксперимента.

[^^^]

Принять, что недостающее звено ассоциативного ряда «переживается» в ином поле, здесь невозможно, потому что именно оно *прямо и непосредственно* ассоциировано с наличными в поле опыта звеньями, так что перерыв между ним и этими последними оказался бы необъяснимым.

[^^^]

Переход от «автоматических» реакций к «сознательным» всегда означает непосредственное повышение затрат энергии, так как сознательные реакции всегда находятся в процессе «выработки» (см. мою работу «Познание с исторической точки зрения». СПб., 1901, главы о привычных и пластичных реакциях).

[^^^]

Некоторые из этих опытов и наблюдений упоминались в статье «Жизнь и психика», в ее первой главе. Важно отметить, что существуют объективные и надежные критерии в виде различных методов исследования чувствительности и детальной механической регистрации движений точными приборами — критерии, позволяющие исключить возможность обмана и симуляции.

[^^^]

Например, когда «внимание отвлечено» и нормальное сознание не воспринимает более слабых возбуждений — задаваемых сзади вполголоса вопросов и т. п.

[^^^]

Эти явления часто обозначают как внушенные «отрицательные галлюцинации». С нашей точки зрения — название особенно удачное: принципиального отличия от внушенных положительных галлюцинаций не оказывается; если при наличности комплекса А (восприятие данного лица) внушается дополнительный комплекс — А, который его, так сказать, нейтрализует, то чем это отличается по существу от внушения любого комплекса В, которого нет в наличности, так что он является положительной галлюцинацией?

[^^^]

Последнее выражение при нашей концепции должно считаться неточным: сетчатка, явление физиологическое, не есть «орудие» зрения, а «отражение» ряда непосредственных комплексов, ближайшим образом обуславливающих зрительный ряд переживаний.

[^^^]

An sich (нем.) — в себе.

[^^^]

Напомним, в каком — отнюдь не метафизическом — смысле употребляем мы это выражение «*an sich*». Под известные физиологические процессы других людей мы подставляем «непосредственные комплексы» — сознание; критика психического опыта заставляет нас расширить область этой подстановки*, и мы всякую «физиологическую жизнь» рассматриваем как «отражение» непосредственных организованных комплексов. Но *неорганические процессы* принципиально не отличаются от физиологических, которые представляют лишь их организованную комбинацию. Находясь в одном непрерывном ряду с физиологическими, неорганические процессы также должны, очевидно, рассматриваться как «отражение»; но чего? комплексов непосредственных *неорганизованных*. Выполнить эту подстановку конкретно в своем сознании мы пока не умеем; что же, ведь мы часто не умеем выполнить этого и по отношению к животным (переживания амебы) и даже другим людям («непонимание» их психики). Но вме-

сто конкретной подстановки мы можем формулировать *отношение* этих случаев («жизнь an sich»* — непосредственные комплексы организованные, «среда an sich» — неорганизованные).

[^^^]

Обыкновенно и здесь мы непоследовательны — мы «вкладываем» сознание в тело живого существа и, следовательно, представляем сознание отчасти в пространственной форме. Это так называемая «интроекция»; ее логический анализ дан Авенариусом в «Человеческом понятии о мире»; ее социально-психологический генезис я исследую в статье «Авторитарное мышление» (Из психологии общества. СПб., 1904).

[^^^]

Но без ее определенности и устойчивости это не есть связь «ассоциативная», предполагающая уже значительную степень постоянства в комбинациях элементов и комплексов, при которой комплекс А, как целое, имеет тенденцию ввести в поле переживаний комплексы В, С и т. д. также как целые системы. Связь неорганизованных комплексов сама отличается неорганизованностью; но она настолько же *непосредственна*, как психическая связь ассоциированных комплексов.

[^^^]

«Общшения» в самом широком смысле слова, охватывающем даже простое «восприятие» одного живого существа другим.

[^^^]

Эмпириокритическая концепция кажется мне также необходимой, но пройденной ступенью этого пути. Я подразумеваю, конечно, не самый принцип критики опыта — такая критика всегда необходима, — а совокупность взглядов данной школы. Я не стану заниматься здесь разграничением от этих взглядов своей точки зрения — оно слишком нетрудно для сведущего читателя; но чтобы иллюстрировать разницу приемов, я предлагаю читателю сравнить, как трактуется вопрос о связи между живыми существами в «Критике чистого опыта» Авенариуса (ч. II) и его же «Der menschliche Weltbegriff» или в книге его ученика Гольцапфеля «Panideal» и в этой моей работе.

[^^^]

Я выполнил это в другой своей работе — «Из психологии общества», в статье об «авторитарном мышлении» (СПб., 1904, раньше была напечатана в «Образовании», 1903).

[^^^]

С логической стороны этот процесс прослежен Р. Авенариусом в его работе «Человеческое понятие о мире» (есть русский перевод).

[^^^]

Именно на той стадии, когда развивается специализация и авторитарно-родовые общины разлагаются, уступая место анархии товарного хозяйства. См. мою статью «Собирание человека» (Правда, 1904, № 4).

[^^^]

Впрочем, также и вневременной. Это делает ее вполне метафизической, вполне «непознаваемой», какой и должна быть абсолютно пустая абстракция.

[^^^]

Подробнее об этом см. в моей статье «Идеал познания» (наст. изд., Книга первая. — Ред.).

[^^^]

Эта надындивидуальная «общезначимость» отношений данного типа является результатом и выражением надындивидуальной, т. е. социальной организации опыта (см. мою статью «Идеал познания» (наст. изд., с. 3–36. — Ред.).

[^^^]

Подробнее об изменчивости и развитии этих форм см. мою статью «Идеал познания» (наст. изд., Книга первая. — Ред.).

[^^^]

К этому сводятся так называемые «критические» аргументы против психоэнергетики, основанные на «законе сохранения механической энергии» (выражение А. Рилля), т. е. на непрерывности физического опыта.

[^^^]

Здесь не приходится повторять обоснование этого положения. Оно дано в статье «Идеал познания» (наст. изд., Книга первая. — Ред.).

[^^^]

Читатель, знакомый с математикой, заметит, конечно, что в этой концепции последние элементы психики играют роль дифференциалов по отношению к ее целому как интегралу. И это отнюдь не просто аналогия, а законное математическое определение данных процессов как изменяющихся величин энергии.

Но пусть читатель не опасается, что мы потащим его в область псевдоматематической фантастики в духе психологии Гербарта. Энергетика с ее строгими методологическими требованиями не дает простора для таких форм творчества, если бы мы и пожелали ими заняться. Она прежде всего — метод количественного описания того, что дано в опыте.

[^^^]

Мы не можем повторять здесь всего обоснования этого положения — оно дано в наших работах: «Познание с исторической точки зрения» (СПб., 1901, с. 13–23) и «Жизнь и психика (Эмпириомонизм в учении о жизни)» (наст. изд., Книга первая. — Ред.).

Наша точка зрения в данном вопросе далеко не совпадает с общераспространенными взглядами; но во всем существенном она соответствует — при очень большой, конечно, разнице в форме выражения — воззрениям Б. Спинозы и Т. Мейнерта.

[^^^]

Термин «психический подбор» применялся и раньше, но в ином значении: в смысле *естественного подбора психических форм*, каким бы путем подбор этот ни происходил, стало быть — вне отношения к аффекционалу. Но этот подбор можно так и называть — естественным подбором психических форм; свое же понятие «психического подбора» я предложил потому, что мне кажется необходимым обособить эту своеобразную черту психических процессов развития. В дальнейшем читатель увидит, насколько это целесообразно.

[^^^]

Подробнее об этом см. мою книгу «Познание с исторической точки зрения», с. 35–36 (несколько иная терминология).

[^^^]

Нетрудно видеть, насколько отчетливее и определеннее тактильно-термические восприятия при гораздо более слабых раздражениях, но без такого отрицательного аффекционала (например, когда ребенок теми же пальцами берет и ощупывает обыкновенные предметы).

[^^^]

Указание, что эти забытые образы вновь возникают благодаря косвенной ассоциативной связи, само по себе в этом случае ничего не объясняет: дело идет именно об объяснении этой «косвенной ассоциативной связи», которая представляет собой не более как обозначение исследуемых фактов.

[^^^]

В моих прежних работах — «Основные элементы исторического взгляда на природу» и «Познание с исторической точки зрения» — я давал иное «объяснение» психического подбора — объяснение более узкое, чисто физиологическое, в котором придавалось особенное значение функциям сосудодвигательной системы, регулирующей питание мозга. Эту постановку вопроса я теперь склонен считать не то чтобы неверной, а недостаточно широкой и недостаточно простой: роль системы, регулирующей питание, в колебаниях жизне-разностей, действительно, должна быть громадна, но все же «питание» — только одна из двух сторон жизненного процесса, всеобщее объяснение должно сразу принимать во внимание обе стороны; при этом мои прежние формулы, исходящие из более *частной* группы фактов, оказываются и более *сложными*.

[^^^]

В науке методологическая концепция *естественного* подбора наиболее отчетливо выяснена, на наш взгляд, Ле-Дантеком в его критических работах о дарвинизме и неоламарканизме. Он только придает слишком исключительное значение *химическим* условиям равновесия жизненной формы с ее средою, тогда как несомненно, что дело идет здесь также и о физическом, и о механическом равновесии. Впрочем, и эта сторона дела у него отмечена, но слишком бегло.

[^^^]

Такая связь всего нагляднее выражается физиологически, именно в том, что отдельные жизнеразности клеток и частных центров, соответствующие «полю сознания», сливаются при посредстве проводников (ассоциативных и проекционных волокон) в одну непрерывную, общую жизнеразность центрального аппарата.

[^^^]

В старые времена, устанавливая границы поместий, на меже секли мальчиков, чтобы они, доживши до старости, не могли забыть, где граница. Тем же методом пользуется современный классический педагог, когда он оставляет ученика без обеда, принуждая в это время учить вокабулы, или патриархальные родители, когда они бьют детей и «приговаривают»: «не делай этого, не делай этого...», и т. д.

[^^^]

Эту сторону процесса привыкания «народная мудрость» выражает словами «стерпится — слюбится». Профессиональные привычки дают людям возможность находить некоторое удовольствие даже в том, что для всех непривычных прямо невыносимо. Например, многим химикам, работающим, хотя бы по анализу, с сероводородом, запах этого газа положительно начинает нравиться.

[^^^]

Например, когда человека заставляют выполнять неприятную для него работу, то нередко бывает так, что с каждым разом это делается для него все труднее, работа становится все менее энергичной, координация волевых актов, психически ее определяющая, становится все более дисгармоничной и протекает все более вяло — типичная картина отрицательного психического подбора.

[^^^]

В то же время происходит, конечно, и обратное явление: положительный аффекционал представления о таких-то интересных и полезных химических реакциях уменьшается благодаря «неприятной» окраске запаха, представляемого или ощущаемого в связи с этими реакциями.

[^^^]

У Авенариуса в «Критике чистого опыта» такой «ламаркизм» играет роль одной из центральных идей и связывается со слишком внешне формальным пониманием принципа «чистого описания». Принцип этот, в сущности, требует, чтобы в познание не вносилось ничего *принципиально выходящего за пределы данного опыта*, чтобы всякое «объяснение» было только упрощающим описанием, но он отнюдь не сводит методы этого *упрощающего описания* к механическому обобщению фактов — такое обобщение есть только материал для объединяющей идеи, но еще вовсе не объединяющая идея. Все, что Авенариус говорит об «Ubung», — только механическое обобщение.

[^^^]

Собственно говоря, и первоначальное представление о такой-то данной кошке, например первой, какую видел до сих пор данный ребенок, образуется таким же путем: ряд последовательных восприятий одной и той же кошки не представляет точного повторения одного и того же комплекса, но лишь приближительное, и представление о такой-то данной кошке есть уже «обобщение».

[^^^]

Verworrenheit (нем.) — запутанность, неясность.

[^^^]

«Представление» есть неполный комплекс-образ, возникающий не из прямого и непосредственного воздействия комплексов среды, но все же являющийся их косвенным отражением. Стремление — неполный волевой комплекс, не отражающийся ближайшим образом на комплексах среды, но при достаточных условиях непосредственно переходящий в волевой акт, который уже «отражается» в среде. (Об отношениях этих неполных психических реакций к полным см. мою работу «Познание с исторической точки зрения». СПб., 1901, с. 68–77.)

[^^^]

Подробнее об этих двух ассоциативных типах, образующих вместе «монистическую тенденцию сознания», я писал в работе «Познание с исторической точки зрения», с. 85–107.

[^^^]

В своей вышеупомянутой работе «Познание...» я останавливался подробнее на происхождении «форм обобщения» и «форм различения», на явлениях внимания, играющих такую роль в развитии этих форм, указывал и на некоторые экспериментальные доказательства в пользу изложенной точки зрения, найденные у других авторов, причем рассматривал психические процессы главным образом со стороны их физиологического выражения или «проявления» (с. 78-107). Здесь нет места вновь излагать все это.

[^^^]

Мы не касаемся здесь той роли, которую играет в этом процессе прогрессивного ассоциирования могучее социальное орудие — слово, то орудие, без которого собственно «познание» даже невозможно. Это завело бы нас слишком далеко от нашей главной темы (специально об этом см. «Познание...», с. 128–156).

[^^^]

Комплексы-образы и комплексы волевые исчерпывают собою, в сущности, все содержание психического опыта. Обыкновенно различают в психике еще комплексы «чувства». Но поскольку при этом подразумевают удовольствие и страдание вообще, постольку дело идет вовсе не об особых комплексах, но об их общей окраске, имеющей, как мы указали, определенное энергетическое значение. Что же касается эмоции в собственном смысле слова, как страх, гнев, радость, любовь, то это недифференцированные комплексы неопределенных «ощущений» с неопределенными «стремлениями» — неразвитые образно-волевые комбинации.

[^^^]

См. мою статью «Жизнь и психика» (наст. изд., Книга первая. — Ред.).

[^^^]

Мир «внешний» — это значит мир с иной закономерностью. И действительно, как мы видели, для познания закономерность «объективного мира» не то, что субъективного: это закономерность социально-организованного опыта, а не индивидуально-организованного, это «физическая» связь явлений, а не «психическая» ассоциация.

[^^^]

Жизнь, полная страданий, нередко порождает «мечтательность». Но это вовсе не значит, чтобы отрицательный подбор тоже поощрял работу фантазии: нет, здесь дело происходит иначе, и легко видеть, как именно. Отрицательный подбор понемногу устраняет из сознания все «неприятные» образы и комбинации, и в данном случае ему *удается* устранить их вполне, в том числе и те, в которых выражаются «реальные» отношения психики к внешнему миру. Поле сознания остается тогда для «приятных» образов и комбинаций, главный недостаток которых тот, что они «нереальны». Но так как они все-таки «приятны», то на сцену и выступает уже положительный подбор, а с ним и комбинирующая деятельность фантазии, в данном случае, по непрочности своего материала и результатов, не заслуживающая названия «творческой». Таким образом, пока человек действительно *страдает*, он не мечтает, и мечтает он, пока стимулы страдания вновь не ворвутся властно в его психику: тогда он возвраща-

ется к «мучительной действительности» и отрицательному подбору.

[^^^]

В вопросе о значении страдания и счастья для активной воли факты опыта кажутся безнадежно противоречивыми. Страдание принято считать *мотивом* активной воли, и в то же время известно, что сильное страдание *подавляет* волю. Счастье «дает силы» для деятельности, и в то же время счастливая жизнь «изнеживает», «расслабляет». С точки зрения психического подбора все эти кажущиеся противоречия разъясняются и устраняются. Что долгое и сильное страдание подавляет волю, это понятно само собою: отрицательный подбор ослабляет волевые комплексы и не дает им перейти в действие. Но там, где действие отрицательного подбора не так сильно или где волевой комплекс обладает особенной интенсивностью, там отрицательный подбор успевает только устранить другие комплексы, конкурирующие с данным волевым комплексом и мешающие ему перейти в действие, так что этот переход облегчается. В большинстве же случаев дело еще проще; то же самое внешнее воздействие, ко-

торое «причиняет страдание», вызывает путем выработанных предыдущим развитием ассоциативных связей и волевою реакциею, направленную к устранению этого воздействия: вид врага не только «неприятен», но и тесно ассоциирован с реакциями борьбы, и т. п. Наконец, там, где человек сознательно ставит своей целью «прекратить страдание» и для этого «действует», там играет важную роль и положительный подбор: данная волевая реакция тесно ассоциирована с «приятным» представлением об устранении «неприятных» условий, порождающих страдание. Словом, все противоречивые отношения между страданием и активностью могут быть объяснены при помощи психического подбора. (Об отношении «удовольствия» и активности нам придется говорить в дальнейшем.)

[^^^]

В мировой литературе тип этот представлен (приблизительно) Фаустом Гёте.

[^^^]

Так объясняется кажущееся противоречие между счастьем, как источником энергии для активной воли, и счастьем, как источником изнеженности, убивающей активность воли (см. примечание на с. 165).

[^^^]

Маниакальная экзальтация представляет патологический случай такого крайнего преобладания в психике положительного подбора, что отрицательный почти исчезает. Вместе с ним отступает гармонизирующая тенденция, и получается картина бессвязного и бессистемного вступления в психическое поле все новых и новых переживаний, бурным вихрем переполняющих сознание и порождающих столь же бессвязную и бессистемную активность в виде массы ненужных движений, болтовни и т. д. «Приятное» самочувствие бросается в глаза.

При настоящей «мании» дело сложнее — там уже на почве ненормального течения психического подбора совершается глубокая общая дезорганизация системы.

[^^^]

Попытку «объяснения» этой жизненной самостоятельности я дал в статье «Universon» (наст. изд., Книга первая. — Ред.).

[^^^]

В сфере познания ассоциации по сходству (формы обобщения) в общем, как мы видели, более основаны на гармонии объединяемых переживаний, чем ассоциации по различию (формы различения), в которых играет известную роль *конкуренция* переживаний. И характерно, что в рассматриваемом нами психическом типе первый тип ассоциации решительно преобладает над вторым: общему в явлениях придается наибольшее значение, различия сравнительно слабо воспринимаются.

[^^^]

В литературе этот тип всего ярче представлен «Брандом» Ибсена.

[^^^]

Психоневроз «меланхолия» представляет крайний случай преобладания отрицательного подбора при крайне бедном содержании переживаемого. Страшно интенсивный отрицательный подбор устраняет из сознания или до крайности ослабляет все переживания, кроме тех, которые вновь и вновь вызываются внешними для сознания органическими причинами (судорожное состояние сосудодвигательной системы). Эти мучительные переживания заполняют поле сознания и влекут за собой свои ассоциации, легко понять — какие. Ведь раньше те же состояния сосудодвигательной системы выступали при тягостных эмоциях — тоски, страха, стыда — в связи с соответственными образами чего-нибудь печального, ужасного, позорного. Вот эти образы и выступают в сознании без конкуренции и налагают свою печать на высказывания меланхолика (грусть, презрение к себе, самоотрицание). Активность в общем чрезвычайно подавлена, только иногда мучительная эмоция вызывает такую сильную во-

левую реакцию, что ее не в силах подавить отрицательный подбор, и она бывает тогда неудержима (*raptus melancholicus*).

[^^^]

В конечном счете всякая психическая форма является жизненно прочной именно постольку, поскольку находится в гармоническом соответствии с наиболее повторяющимися влияниями среды (см. в «Критике чистого опыта» Авенариуса главы о «Multiponiblen»). Но эта гармоническая связь в психике высшего типа может быть косвенной, и она всегда такова именно для высших, монистически-организующих форм (широкие обобщения, например).

[^^^]

Передаю мысль Гейне не в точных его выражениях, потому что случайно не имею под рукою книги, но ручаюсь за верность передачи по существу.

[^^^]

Систематическое употребление метафор из своей «специальной» области, характерное для всех «специалистов», есть уже само по себе выражение процесса организации всего опыта в формах опыта специального. Ибо слово и понятие нераздельны, и метафора вносит новую окраску в то понятие, к которому она применена. См. «Философию мысли» М. Мюллера.

[^^^]

Отношение труда к психическому подбору представляет громадный теоретический и практический интерес, и я надеюсь еще специально заняться выяснением этого вопроса впоследствии.

[^^^]

Я оставил еще в стороне те случаи, когда отдельные наставники становятся к ученикам в «хорошие», полутоварищеские отношения. Для учеников эти наставники приблизительно то же, что для пролетариев — идеологи их движения, выходящие из буржуазии, — своеобразная вариация товарищеской среды.

[^^^]

Товарищеская среда в самой своей организации до известной степени осуществляет принципы свободы и равенства, а более тесные товарищеские кружки в своих пределах — и принцип братства. Противоречия общих социальных условий, напротив, тесно связаны в опыте с резкими проявлениями несвободы, неравенства, борьбы всех против всех. Положительная аффекциональная окраска первого ряда переживаний и отрицательная — второго составляют общую психологическую основу для активного идеализма жизни в современных его формах.

[^^^]

Sans phrases (фр.) — без лишних разговоров,
без обиняков.

[^^^]

Было бы естественно в ряду этих иллюстраций на первом месте поставить психологию подражания как факта, имеющего основное значение для психического общения людей. Но с точки зрения вопроса о психическом подбере пример этот является менее интересным, чем другие, — анализ процессов подражания показывает, что по существу они сводятся всецело к ассоциации по смежности и явлениям «привыкания», которые уже были рассмотрены нами; к тому же нам не хотелось бы лишний раз повторяться — вопрос о подражании мы разбирали в прежней своей работе «Познание с исторической точки зрения» (с. 109–113).

[^^^]

Quantite negligeable (фр.) — ничтожно малая величина.

[^^^]

С довольно родственной точки зрения Г. Зиммель в своей «Einleitung in die Moralwissenschaft» подвергает принципиальной критике психический эффект «раскаяния». «Раскаяние» есть своеобразное болезненное состояние психики, сводящееся к длительной фиксации в поле сознания «греховных» или «преступных» комплексов в окраске сильного отрицательного аффекционала. Исторически высокая склонность к «раскаянию» была развита в человечестве именно долгим воспитанием его при помощи системы «наказаний» и есть, так сказать, ее «субъективное отражение».

[^^^]

Мы оставляем в стороне целый ряд еще иных способов воздействия человека на человека, как «приучивание», «внушение» без гипноза и с гипнозом, и т. д. Этого требуют рамки нашей статьи. Но если читатель попробует сам приложить к этим явлениям приемы, основанные на идее психического подбора, то, как нам кажется, он может легко убедиться, что идея эта нигде не встречает действительных противоречий и дает живое освещение самым разнообразным фактам из этих, как и из других областей психического опыта.

Психопатология — такое же законное поле применения идеи психического подбора, как «нормальная» психология. Данные той и другой одинаково должны дать материал для научно-организованных практических применений этой идеи.

[^^^]

Этим фактическим преобладанием «внесознательной» иннервации объясняется, как мы полагаем, в значительной мере и то обстоятельство, что вопрос о самом существовании «иннервационных ощущений» так долго оставался нерешенным и даже, до весьма недавнего времени, чаще решался отрицательно.

[^^^]

Мы взяли наиболее типичный пример — труд, изменяющий отношение системы к «внешней среде». Но возможен, как мы знаем, и труд, изменяющий непосредственно только внутренние отношения психической системы, например труд выработки себе мировоззрения, воспитания в себе характера и т. п. Но в этих (производных, вторичных) формах труда обнаруживается только относительность понятия «среды». Если человек ставит своей целью выработку цельного мировоззрения, стройной познавательной организации опыта, то это значит, что известные области или стороны его психического опыта неорганизованы и дисгармоничны и «воспринимаются» самой психикой в отрицательной окраске (т. е., выступая в поле сознания, окрашивают его отрицательным аффекционалом). Эти области и стороны психической системы и составляют для более организованной ее части ту «среду», которая преобразуется процессом труда. Единство психики отнюдь не имеет абсолютного характера, и

взаимная неприспособленность одного и другого какого-нибудь ряда ее комплексов делает один из них «внешней средой» для другого, внешней лишь относительно, разумеется. Термин «среда» применяется при этом к менее организованному ряду.

[^^^]

Пример рациональных применений — «интересный» и «приятный» труд как воспитательное средство. Пример нерациональных — принудительный труд как «исправительное» средство. Принудительный труд есть растрата энергии, которая, вообще говоря, не вознаграждается соответственным или большим возрастанием энергии, являющимся в результате этой же растраты (противоположный случай может быть только исключением). Поэтому он представляет из себя не более как частный случай «наказания» и подлежит всей той критике, которой подлежит принцип «наказания». При известных условиях и он, следовательно, «полезен» для психического развития, но только при известных условиях, и эта полезность есть всегда дифференциальная величина — полезность «меньшего из зол».

[^^^]

Не совсем отсутствует. Его нет в основных понятиях и во всей работе, кроме главы о «конгрегальных системах». Там оно неожиданно, в противоречии с предыдущим и последующим, всплывает на поверхность, держится без пояснений несколько минут и затем вновь бесследно исчезает. Глава эта — совершенно особенная, она не сливается органически с остальной работой, написана под явным влиянием дарвинистических идей, тогда как в общем Авенариус — безнадежный ламаркианец.

В «Указателе» книги имеются термины «Verminderung des Vital-Erhaltungswertes» [«уменьшение жизненной сохранности» (нем.)] и нет термина «Vermehrung des Vital-Erhaltungswertes» [«увеличение жизненной сохранности» (нем.)].

[^^^]

Да и помимо этого усиленная ассимиляция в самих высших центрах никогда не совершается вполне гармонично, физиологическое состояние клеток становится менее устойчивым, и за известным пределом их энергия начинает рассеиваться. И наконец, ассимиляция, вполне гармоничная также за известным пределом, может переходить в рассеяние энергии, если данное строение клетки и окружающих тканей допускает разность напряжений энергии между ними не больше определенной величины.

[^^^]

Физиологам хорошо известно, что недостаток питания есть уже сам по себе *раздражение*.

[^^^]

Правда, имеются при этом и такие высказывания: «приятно, что боль уменьшается». Но это вторичное, отраженное удовольствие не изменяет основного факта страдания. Происхождение его таково: большая отрицательная жизнеразность в 1000 единиц захватила целый ряд частичных систем мозга L, M, N и т. д. Приспосабливаясь к положению, системы эти повысили ассимиляцию, хотя далеко не настолько, чтобы покрыть жизнеразность. Когда жизнеразность уменьшилась, эта повышенная ассимиляция не исчезает сразу, и временно в некоторых из систем она получает перевес над дезассимиляцией; к этим системам и относится чувство удовольствия. Конечно, это именно те системы, которые затронуты наиболее косвенно, — обыкновенно высшие системы: радость по случаю уменьшения боли имеет всегда несколько *отвлеченный* характер.

С точки зрения моей теории аффекционал вместе с его знаком (+ или —) и есть прямо производная от величины энергии системы S по времени (если эта величина энергии есть q , а время — t , то dq/dt есть точное выражение аффекционала с его изменяющимся знаком).

[^^^]

«Жизнь и психика», «Эмпириомонизм», кн. I
(наст. изд., с. 37–84. — Ред.).

[^^^]

«Herrn E. Diihring's Umwälzung der
Wissenschaft», S. 81–88 (3-te Aufl. 1894).

[^^^]

«Вечные истины в последней инстанции»
(нем.).

[^^^]

Впрочем, если память меня не обманывает, и у Энгельса в других произведениях можно встретить отдельные выражения, близкие по смыслу к точке зрения Бельтова (указать определенно сейчас не могу, так как не имею этих книг под рукою). Но если у Энгельса и есть в этом вопросе случайная непоследовательность, это сущности дела не меняет; к тому же «Анти-Дюринг», несомненно, одна из его основных работ по философии.

Приведу еще одно решительное заявление Энгельса, в сущности прямо совпадающее с той точкой зрения, которую я здесь защищаю:

«...Но насколько юной является еще до сих пор вся история человечества, и насколько смешно было бы приписывать нашим современным взглядам какое бы то ни было абсолютное значение, это видно уже из того факта, что вся история до настоящего времени может быть обозначена как история периода времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту

(добывание огня трением. — А. Б.) до открытия превращения теплоты в механическое движение» (паровые машины. — А. Б.). Это написано также в «Анти-Дюринге» (3-te Aufl., S. 113–114).

[^^^]

Я имею в виду, например, те случаи прогрессивного паралича, когда врачу уже не удастся ничего уловить остающегося от прежней личности больного и вообще ничего от «человека», а все-таки «пациент» еще «жив».

[^^^]

Впрочем, насчет эмпириокритицизма сам тов. Бельтов в одном месте признает, что на известных условиях он может быть избавлен от общей анафемы и признан не противоречащим материализму. Условие, не вполне ясное по формулировке, заключается в том, чтобы для этой школы *опыт* был только «предметом исследования, а не средством познания» (Предисловие к рус. перев. «Людвига Фейербаха» Энгельса, изд. 1906 г., с. 6). Дело эмпириокритицистов — разобраться в этой формулировке и принять или не принять условие.

[^^^]

Физический опыт, результат долгой социальной обработки человеческих переживаний, постоянно меняющийся в своем содержании и формах в зависимости от развития науки, не следует смешивать с «природою», о которой говорит г. Бельтов. Этой «природе» в эмпириомонистической картине мира соответствуют те низшие «непосредственные комплексы», которые должны быть «подставлены» на место «неорганических» и низших «органических» комплексов опыта (выражаясь в терминах Канта и тов. Бельтова — «вещи в себе» этих комплексов опыта).

[^^^]

Это в особенности сильно сказывается в моей первой философской работе — «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899), но отчасти и в «Познании с исторической точки зрения» (1901).

[^^^]

Я совсем не касаюсь «имманентной школы»*, потому что это только промежуточная форма между кантианством и эмпириокритицизмом. В выработке моего мировоззрения она не имела значения еще и потому, что с нею я ознакомился позже, чем со школою Маха-Авенариуса.

[^^^]

Об этом см. сборник «Из психологии общества», статью «Авторитарное мышление», и «Эмпириомонизм», Книга II, статью «Вещь в себе».

[^^^]

Этим вопросам посвящены статья «Развитие жизни в природе и обществе» в книге «Из психологии общества» и почти вся предлагаемая теперь читателю книга (особенно статья «Исторический монизм»).

[^^^]

Вот характерная цитата из книги Бельтова: «Как вы хотите, например, чтобы Шатобриан сочувствовал старой эстетической теории, когда Вольтер — ненавистный, зловредный Вольтер! — был одним из ее представителей» («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», с. 172). Конечно, случается, что одни идеологи очень сильно сердятся на других; но можно ли делать из этого историко-философскую теорию?

[^^^]

Все это излагается и обосновывается в статье «Идеал познания» («Эмпириомонизм», Книга I).

[^^^]

С точки зрения изложенных соображений «вещь в себе» и «явление» относятся так, как, положим, скорость и ускорение или, чтобы взять пример конкретнее, как постоянный электрический ток в нерве и отрицательное колебание этого тока, образующее «нервный ток» (проводящий по нерву возбуждение).

[^^^]

Все это обстоятельно изложено в статье «Жизнь и психика» («Эмпириомонизм», Книга I).

[^^^]

Для полноты и единства картины необходимо решение еще одного вопроса — вопроса о перерывах опыта, о том, почему разъединено «сознание» различных людей, почему все «непосредственные комплексы» не сливаются в одно сплошное целое, а Вселенная не образует таким путем единого всеобщего хаотического «сознания». Вопрос этот рассматривается в статье «Universonum» (1-я часть этой работы); здесь мне не хочется затягивать и усложнять изложения.

[^^^]

См., например, предисловие к книге «Критика наших критиков».

[^^^]

См. примечания к переводу «Людвига Фейербаха» Энгельса. Спб., 1906, с. 121.

[^^^]

Вдвойне нехорошо то, что эту явную путаницу тов. Плеханов вносит в популярную брошюру, рассчитанную на совершенно несведущих читателей (примечания к русскому переводу брошюры Энгельса о Л.Фейербахе).

Тов. Н. Валентинов в журнале «Правда» не раз порицал меня (также без аргументации) за то, что я не эмпириокритицист. Упрек справедлив; и в свое оправдание я приведу только один довод, именно тот, что эмпириокритицизм меня не удовлетворяет.

В газете «Искра» (№ 77) против меня полемизировал — с точки зрения тов. Бельтова — тов. Ортодокс. То, что тов. Ортодокс вносит своего в эту полемику, можно свести к трем пунктам:

1) Тов. Ортодокс не знает разницы между «психологией» и «идеологией», наивно считая их за одно и то же, он протестует против признания необходимой связи между развитием *социального инстинкта* и возникновением общества. Социальный инстинкт — «психологический фактор», полагает тов. Ор-

тодокс, а потому его нельзя считать причиной общественной организации. Что социальный инстинкт есть «первоначальная причина» общественной организации, этого я и не думал говорить; но что он есть первоначально-необходимая и всеобщая форма социальной организованности, это несомненно. Тов. Ортодоксу неизвестно, что в биологическом развитии проявления социального инстинкта существуют уже там, где еще нет «общества» в точном смысле слова, т. е. системы сотрудничества, и тов. Ортодокс, по-видимому, не понимает, что без той связи, которая биологически создается первоначально именно в форме этого инстинкта, общество не могло бы возникнуть.

2) Тов. Ортодокс из трех статей критикуемой им первой книги «Эмпириомонизма» прочитал только одну — первую — статью о развитии *форм* опыта и потому победоносно задает мне вопросы («Откуда взялся волк?»...), относящиеся к *материалу*, организуемому этими формами, и находящие вполне определенный ответ во *второй* и *третьей* статьях.

3) Тов. Ортодокс неверно цитирует и искажает мои мысли. Он приписывает мне слова: «общественное бытие и общественное сознание в полном смысле тождественны»; у меня же сказано — «*в точном смысле этих слов*», каковой смысл и был перед этим тщательно разъяснен мною. Я указывал в этом месте, что все социальное *психично*, т. е. при точном (принятом, например, в психологии) употреблении терминов должно быть отнесено к области «сознания», которая, как я при этом отмечал, гораздо шире области собственно социального. Сам тов. Ортодокс в другом месте называет эту же мысль «банальной и очевидной истиной»; а здесь, подменивши одно слово, он затем приписывает мне такую точку зрения: «бытие есть продукт сознания, т. е. идеологии». Оставляя в стороне невежественное смешение сознания с идеологией, совершенно ясно, что тов. Ортодокс сам сочинил для меня эту ересь.

Со своей стороны, по всем трем пунктам я выскажусь кратко и дам тов. Ортодоксу три полезных совета:

1) «Невежество не аргумент»: чтобы рассуждать о философии, надо быть знакомым с наукою. Следует учиться.

2) То, что критикуешь, надо прочитать; иначе критика не достигнет цели.

3) Не следует искажать слов и мыслей противника, хотя бы это чрезвычайно облегчало задачу его опровергнуть; ибо такое искажение будет обнаружено, когда противник этого пожелает и найдет для этого время.

[^^^]

В этом смысле у тов. Бельтова можно встретить удивительные недосмотры вроде замечания (на с. 152 книги «К вопросу о развитии монистического взгляда...») о том, что психология рабочих «приспособляется к будущим отношениям производства». Если бы это не было, как я полагаю, просто недосмотром, то это было бы грубым уклонением в сторону *исторического идеализма* («будущие отношения» в настоящем могут существовать лишь *идеально* и в то же время вдруг оказываются реально-определяющей силою для развития пролетарской психологии).

[^^^]

Первое из этих двух выражений легко может быть принято за простую тавтологию: ведь сама «приспособленность» или «неприспособленность» жизненных форм сводится именно к факту их сохранения или разрушения; «сохраняются формы приспособленные» — это, следовательно, все равно что «сохраняются формы сохраняющиеся»... Второе выражение прямо указывает на сущность дела — роль среды в сохранении или разрушении жизни; оно свободно от тавтологии и сразу указывает путь биологического исследования: *причины* сохранения или разрушения жизни надо искать в ее среде. Этим, между прочим, исключается *абсолютная внутренняя причинность* жизни, несводимая к внешним причинам («виталистическая»).

[^^^]

Вопроса об «изменчивости» форм, дающей материал для всякого подбора, я здесь не касаюсь, потому что все, что о нем можно сказать в пределах самой общей его постановки, сводится к одному: «изменчивость» тождественна с «причинностью» вообще и гораздо шире специально биологической причинности — подбора форм, который можно, в случае надобности, рассматривать как частный случай их «изменения» в ту или другую сторону. Согласно идее причинности, исходная точка всякого изменения форм лежит в конечном счете всегда в их среде; и дело более конкретного исследования — выяснять частные закономерности изменения форм в зависимости от их среды, как и закономерности подбора изменений. Некоторые из таких частных закономерностей выступят перед нами в дальнейшем изложении.

[^^^]

Мне уже несколько раз приходилось более обстоятельно, чем здесь, писать о принципе «подбора» в его более общих и более частных применениях («естественный подбор», «психический», «социальный подбор» — в первый раз в моей юношеской работе «Основные элементы исторического взгляда на природу», затем в книге «Познание с исторической точки зрения», затем в статье «Развитие жизни в природе и в обществе» — сборник «Из психологии общества», затем в статье «Психический подбор» («Эмпириомонизм», кн. II). Здесь я поэтому стараюсь как можно менее повторяться, останавливаясь лишь на том, что имеет самое близкое и непосредственное отношение к задаче данной работы.

[^^^]

Обо всем касающемся подбора психических форм говорится обстоятельно во 2-й Книге «Эмпириомонизма» (статья «Психический подбор»).

[^^^]

Я не говорю здесь об энергии психических процессов, входящих, несомненно, в состав социальных, потому что, согласно выясненному мною в предыдущих работах («Эмпириомонизм». Кн. I, с. 49–57; Кн. II, с. 45–48) (наст. изд., с. 32–36, 133–135. — Ред.), психические явления представляют собою ту же сумму энергии, что и соответствующие им физиологические: разница только в способе восприятия, более прямом и более косвенном, а он не изменяет количественных отношений энергии.

[^^^]

Это возрастание сопротивлений внешней среды необходимо вытекает из того факта, что для своего сохранения жизненная форма *истощает* те «жизненные средства», которые для нее находятся во внешней среде; а если бы даже сумма этих средств для данной формы оказалась относительно неограниченной (как, например, сумма солнечного света, углекислоты и воды для растений в атмосфере и почве), то все равно общее развитие и рост жизни в окружающей среде повели бы к вытеснению и гибели такой формы, которая *только* сохраняется, не развиваясь (например, у такого растения другие, разрастаясь во-круг, отняли бы солнечный свет своей тенью и воду своими корнями и т. п.).

[^^^]

См.: Эмпириомонизм. Кн. I, статья «Жизнь и психика» (наст. изд., с. 59–66. — Ред.).

[^^^]

Я должен заметить, что применение терминов математического анализа здесь отнюдь не простая «аналогия». Законы математического анализа применимы всюду, где есть «величины»; и если жизненные процессы измерять в громадном большинстве случаев *очень трудно*, это еще не значит, чтобы за ними можно было принципиально отрицать характер изменяющихся величин.

[^^^]

Чтобы быть точным, я отмечу, что это не есть *всеобщая и необходимая черта* социальных комплексов. Человеческая личность, взятая со стороны ее социального генезиса и ее исторической роли, *есть также социальная форма*, а здесь пространственная непрерывность имеется налицо. Точно таким же образом мы можем рассматривать как «социальный комплекс» и известную часть психофизиологической личности, часть, являющуюся элементом более широкого социального комплекса, например систему идеологических элементов отдельной психики, входящую в состав «идеологии» группы или класса. Человек есть *существо социальное* в гораздо большей мере, чем обыкновенно думают и замечают.

[^^^]

Я намеренно говорю здесь только о «физиологической» стороне явлений, потому что мы уже признали, что «психическая» их сторона различается с «физиологической» только способом восприятия, а с точки зрения энергетики и подбора тождественна с нею, так что для исследования мы можем всегда брать за основу ту из них, которая для нас удобнее.

[^^^]

Обращаю внимание читателя на то, что указанные мною условия относятся только к непосредственному и прямому распространению подбора с одних частей социального комплекса на другие; да и здесь оно является неизбежным лишь при достаточной силе подбора (возрастания или понижения энергии) и при достаточной жизненной связности организмов. Этим не отрицается возможность косвенного распространения процессов подбора и при отсутствии той «пространственной непрерывности», о которой шла речь.

[^^^]

Это суммарное понятие охватывает не только неорганическую и органическую «вне-социальную» природу, но — для каждого данного общества — и другие *общества*, ведущие отдельное от него существование.

[^^^]

Я не буду здесь останавливаться на развитии этой методологически очень важной мысли, против которой так грешат, например, некоторые экономисты, включающие отдел «о потреблении» (в смысле личного потребления) в курсы политической экономии — науки социальной. Все дальнейшее косвенно послужит к выяснению и освещению этой идеи. В моей первой философской работе «Основные элементы исторического взгляда на природу» ей посвящена значительная часть 4-го раздела (ч. IV. «Общество»), где верная в основе мысль развита в юношески незрелой и неуклюжей форме. Эти недостатки устранены, я полагаю, в работе «Из психологии общества», с. 50–77.

[^^^]

В высшей степени неточно к средствам производства и его продуктам относить термин «социальная среда людей». Это — объекты *внешней* природы, среда, преобразованная социальным трудом, но отнюдь не «социальная». Такое обозначение соответствует только среде, слагающейся из социальных форм, которые реально неотделимы от социальных существ. «Социальное» для нас лежит в рамках «человеческого», а не того, что вне человеческого.

[^^^]

Во всяком случае, если бы еще требовались доказательства для этого положения, то массу их дает вся литература историко-материалистической школы, выясняющая зависимость всякого социального развития от «роста производительных сил» общества, т. е. от его технического прогресса. Важным доказательством является также возрастающий перевес технического процесса над остальной социальной жизнью по мере приближения от современной культуры к первобытным, зародышевым формам социальной жизни. См. «Из психологии общества», с. 53–56.

[^^^]

Это, собственно, «неполные психически-двигательные реакции»; они представляют собой начальные фазы «полной психической реакции», которая завершается волевым актом и выражается в «действии». Подробный анализ их жизненного значения и их происхождения из «полных психически-двигательных реакций» дается в «Познании с исторической точки зрения», с. 63–77.

[^^^]

«Истинность» тех или иных познавательных форм выражается именно в возможности строить на них «практику», не приходя к противоречию, т. е. в конечном счете в их пригодности для координирования действий. Маркс ясно и энергично формулировал этот жизненный смысл всякого познания. Из позднейших мыслителей Э. Мах чрезвычайно отчетливо выяснял реальное значение и генезис познавательных функций — роль познания как орудия в жизненной борьбе и его происхождение из техники. Организующий, координирующий характер познавательных форм по отношению к человеческому труду я постоянно отмечал и подчеркивал во всех своих работах, начиная с «Краткого курса экономической науки». Более полное, чем здесь, резюме этих соображений см. в работе «Из психологии общества», с. 63–67.

[^^^]

О значении «норм» в социальном процессе см. посвященную специально этому вопросу мою работу «Цели и нормы жизни» в книге «Новый мир» (М., 1905); см. также «Из психологии общества», с. 68–73.

[^^^]

«Из психологии общества», с. 73–74, примечание.

[^^^]

Конкретнее о генетической связи двух областей социального процесса см. в моей работе «Из психологии общества» (с. 77–81).

Читатель, может быть, найдет в этих главах утомительными крайне сжатые и беглые указания на обширные и важные группы фактов и рядом с этим — ссылки на другие мои работы. Но при всем желании я не мог придать изложению иного характера. Обстоятельно повторять то, что я писал уже раньше, было бы крайне неудобно, да и невыгодно для систематичности изложения, для его пропорциональности в рамках небольшой работы. Неприятная же для меня необходимость ссылаться на свои собственные произведения вытекает из того обстоятельства, что как ни мало, вероятно, нового в излагаемых мною мыслях, но в такой связи и в таком освещении, в каких мне приходится брать их для моей задачи, я не встречал или почти не встречал их изложения в известной мне литературе, даже в наиболее мне родственной.

[^^^]

Только в познавательной-научной абстракции создается разграничение между восприятием (или представлением) и действием (или стремлением). Это — различные фазы психической реакции вообще, они жизненно нераздельны настолько, что даже в неполных психических реакциях не могут совершенно отсутствовать элементы того или другого рода. Комплексы социально-технические в психике каждого человека также, конечно, слагаются из тех или других элементов. См. «Познание с исторической точки зрения», с. 67–77 и «Из психологии общества», с. 78–81.

[^^^]

По поводу последнего примера я только сделаю одно замечание терминологического характера. Фактическое распределение собственности принято обыкновенно относить к «экономике», которая противопоставляется «идеологии»; мы же видели, что здесь дело идет об *идеологическом* приспособлении. «Экономика» вообще — *пограничная область*: под этим именем объединяют отношения сотрудничества (в производстве), с одной стороны, и отношения собственности (в распределении) — с другой. Первые представляют собой выделенную путем абстракции социальную характеристику непосредственного технического процесса, вторые — ближайшую к техническому процессу группу первично организующих идеологических комбинаций. Для задач экономиста в его специальном исследовании такое объединение не связано ни с какими неудобствами, *по крайней мере, при исследовании новейших, меновых и капиталистических обществ*. Для наших, философских, целей гораздо важнее точное разграни-

чение технических и идеологических элементов в пограничной области. См. также «Из психологии общества», с. 36, примечание.

[^^^]

То же относится и к «слову», когда оно не произносится, а только мыслится.

[^^^]

Социально-техническое приспособление заключается отнюдь не в *орудии*, а в его *производстве* и *применении*; элементы такого приспособления суть психофизиологические комплексы в человеческих организмах, а не предметы неодушевленные, не растения, не животные... В самом орудии нет ничего социального, это просто комплекс из внешней природы; социальный же мир — это высшая форма биологической организованности. Я не стану здесь дальше развивать и вновь обосновывать эту слишком простую мысль (см. «Из психологии общества», с. 53–54). Я попрошу только читателя, во избежание всякого недоразумения, не забывать в дальнейшем, что в вопросе о техническом развитии, как и о развитии идеологическом, дело идет о формах человеческой жизни, а не о чем-либо ином и что поэтому здесь вполне уместны понятия «психического подбора», «естественного подбора» и т. п., как способов проявления «подбора социального». Выражения «развитие орудий», «развитие средств производ-

ства» представляют собой только *метафоры*.

[^^^]

Сюда же относятся и все те «неудачные изобретения», которые, возникая в головах людей, не могут реализоваться в действительности, потому что заключают в себе ошибку расчета: regretum mobile, полеты людей на крыльях, постройка машин, которые не действуют, и т. п. Здесь, кстати, для выяснения понятий я обращаю внимание читателя на то, что изобретательская деятельность в сфере создания и усовершенствования непосредственных приемов борьбы с природой относится к техническому процессу постольку, поскольку «изобретатель» имеет дело только с внешней природой. «Идеология» начинается там, где результаты этой деятельности социализируются путем передачи или социально регулируются посредством норм.

[^^^]

Первый пароход, изобретенный за сто лет до Фультона, был просто разломан толпою, а его изобретателю Папину просвещенными властями было запрещено применять столь преступный способ передвижения. Пароход Фультона Наполеон I назвал «детской игрушкой».

[^^^]

Обыкновенно, когда полудиким племенам приходится поневоле слишком быстро усваивать элементы цивилизации, начинается прогрессивное вымирание этих племен. Было бы ошибочно приписывать этот процесс исключительно водке и сифилису, приносимым культурными гостями. Вымирание наблюдается и там, где действие этих факторов сравнительно ограничено, да и нельзя сказать, чтобы дикари отличались вообще слабым здоровьем. Быстрая ломка форм жизни, мышления, привычек, напряженное усвоение извне навязанного «нового» — все это ведет к колоссальной растрате нервной энергии, к чрезмерной работе психической системы, которой ставится задача устранять бесчисленные противоречия, возникающие из непригодности старой, консервативной организации к новому, текущему содержанию. Эта чрезмерность нервно-психической работы должна, в силу необходимого антагонизма между напряженностью психической жизни и генеративной деятельностью, за-

медлять размножение и понижать жизнеспособность новых поколений. Недостаточно пластичная система гибнет под наплывом нового содержания, которому не в силах оказать достаточного сопротивления.

[^^^]

Некоторые еще из относящихся сюда соображений см. в работе «Из психологии общества», с. 83–85, где весь вопрос затронут в более популярной форме.

[^^^]

См. «Из психологии общества» — вся статья «Авторитарное мышление» (с. 95-157) и еще раньше — «Познание с исторической точки зрения» (с. 187-213).

[^^^]

Чтобы не останавливаться на частном примере, я не вхожу здесь в разъяснение тождества обоих принципов. Популярное изложение этого вопроса см. в моей работе «Основные элементы исторического взгляда на природу», в главе, посвященной «третьей стадии развития причинности» (см. параграф шестой части I указанной книги. — Ред.).

[^^^]

Схематический обзор развития и предельных форм того и другого социального отношения я дал в популярном виде в статье «Собирание человека» (книга «Новый мир», М., 1905). Понятие «сословия» (юридически обособленной части общества) для нас здесь не представляется полезным в анализе. «Сословием» бывает или класс, или социальная группа.

[^^^]

Т. е. функции, для которой основная переменная (в данном случае — время) служит *логарифмом*, показателем степени (например, $y = a^x$).

[^^^]

Более обстоятельная и детальная обрисовка этой тенденции дана в «Кратком курсе экономической науки», изд. 8-е (М., 1906), с. 212, 218–220, 294–296, а также в «Новом мире», с. 37–40.

[^^^]

Схематический характер всей этой работы не позволяет мне сколько-нибудь останавливаться ни на основных проявлениях консерватизма организаторского социального сознания, ни даже на тех влияниях, которыми оно ограничивается и нередко маскируется. Обо всем этом я писал в статье «Авторитарное мышление» (книга «Из психологии общества», с. 104–111).

[^^^]

Буржуазный позитивизм с его пустыми, чистыми абстракциями есть только более высокая форма буржуазной метафизики, в которой такие же абстракции еще не лишены остатков фетишистической оболочки. Взаимный переход этих форм легко наблюдать у таких мыслителей, как Спиноза, Кант, Спенсер.

[^^^]

Здесь кстати будет маленькое пояснение по поводу мелкой буржуазии, которую обыкновенно называют «классом». С точки зрения принятого нами критерия, по которому классовое деление основывается на дифференциации организаторской и исполнительской роли, мелкая буржуазия не класс, а недифференцированный социальный тип, эмбрион двух классов одновременно, буржуазии и пролетариата, аморфная масса, из которой кристаллизуются классы. Потому и возможно общество, состоящее из одной мелкой буржуазии, но не из одних капиталистов или одних наемных рабочих. Отсюда и та неустойчивость идеологического типа, которая свойственна мелкой буржуазии, но несвойственна настоящим «классам», с установившимися тенденциями социального подбора. Но в капиталистическом обществе и мелкая буржуазия получает некоторые черты «класса», поскольку экономически и политически принуждена испытывать «подчинение» капиталу.

[^^^]

Отчасти я сделал это в другой работе — «Из психологии общества», с. 103–104 и 107–108.

[^^^]

Представление и понятие о каком-нибудь трудовом действии есть, разумеется, менее живая и интенсивная психофизиологическая реакция, чем само выполнение действия.

[^^^]

Еще раньше меновых сношений потребность общей защиты от нападающих врагов создаст более или менее широкие союзы и соглашения общин. Но дифференцирующего влияния в сколько-нибудь сильной степени эти комбинации не оказывают, так как общая борьба непосредственно сближает и организаторов, и исполнителей.

[^^^]

«Рабами» назывались первоначально все те члены патриархальной общины, которые не были связаны с нею кровным родством, принятые в общину иноплеменники, захваченные на войне пленники и т. д. Положение их очень мало отличалось от положения остальных членов общины, подчиненных ее главе, и совершенно не соответствовало нашей обычной идее «рабства». Впоследствии, когда община подверглась классовому дифференцированию, «рабами» (уже в новом, более суровом смысле) оказались все, кроме собственной семьи господина.

[^^^]

Читатель по этому поводу, может быть, вспомнит об «ученых рабах», которые были знакомы с искусствами, литературой, философией, а иногда, хотя редко, и самостоятельно работали в этих областях. Но такие рабы в общем являлись исключением, и сама их образованность в громадном большинстве случаев имела характер ремесленной дрессировки. Это положение изменяется лишь в позднейших фазах развития рабства, когда господа и организаторскую роль в производстве все более перелагают на рабов, что изменяет психологию последних.

[^^^]

Напомню читателю, что я пишу не экономическое исследование и потому не могу останавливаться на вопросе о причинах возрастания размеров рабовладельческих хозяйств, упадка наиболее мелких из их числа и т. п.

[^^^]

В позднейшей, феодальной версии христианства — в католицизме — этот идеологический скачок несколько смягчен: там святые обладают более или менее самостоятельными правами на вмешательство в ход естественных явлений и могут передавать часть своей власти своим мощам, изображениям, одежде и т. п.; им можно молиться, как меньшим богам, а Богородица представляет прямо промежуточное звено между высшим Богом и этими низшими. Такая конструкция вполне соответствует самому характеру феодальной зависимости, значительно смягченной по сравнению с зависимостью рабовладельческого мира. В цепи вассалов-сюзеренов переходы от одного звена к другому не так резки, и высший сюзерен, король или даже папа, не так резко отделяется от следующих за ним.

[^^^]

Чтобы не усложнять вопроса, я не касался хода развития и судьбы других классов античного общества, потому что не им принадлежала определяющая роль в жизни и гибели древнего мира. Крестьянство и ремесленники, подавленные конкуренцией крупных рабовладельческих хозяйств, разоряемые войнами, которые велись ради добывания рабов, достававшихся, конечно, в конце концов, крупным рабовладельцам, истощаемые ростовщицеством со стороны этих последних, не могли ни в каком случае послужить поддержкой для падающего здания. Пролетариат паразитов только ускорял истощение социального целого.

[^^^]

Поэтому, между прочим, такое громадное значение для социального развития имеет уменьшение рабочего дня.

[^^^]

Разумеется, для того, чтобы оно совершалось, необходимы определенные условия со стороны технического прогресса; но раз эти условия есть, развитие это не встречает тех замедляющих препятствий, которые указаны в нашем сопоставлении.

[^^^]

См., например, «Из психологии общества», статью «Авторитарное мышление», с. 145–149 и статью «Развитие жизни», с. 75–77, а также книги «Познание с исторической точки зрения», с. 198–200 (несколько иной способ анализа) и «Новый мир», с. 30–33.

[^^^]

В области одной из самых точных наук — физики — Эрнст Мах блестяще показал, как почти каждое научное понятие, кристаллизуясь, приобретало свойства фетиша, т. е. из простого обозначения ряда фактов превращалось в «объясняющее» их «свойство» или «силу» или «сущность» вещей. Особенно поучителен у этом отношении, на мой взгляд, анализ «температуры» в «Wflrmelehre» и «массы» в «Die Mechanik in ihrer Entwicklung» (анализ «энергии» ошибочно усложнен несколькими «корнями», причем, конечно, упущен основной, социальный «корень»). Но, разумеется, Маху чуждым осталось то мировоззрение, которое одно в силах радикально уничтожить самый фетишизм понятий, выяснивши его объективные, непознавательные основы.

[^^^]

В общем, крупной буржуазии свойственна материалистическая окраска в силу, конечно, технически-прогрессивной роли этого класса. «Идеализм», генетически связанный с религиозными мировоззрениями и обыкновенно соединяющийся с ними, более свойствен словесно-авторитарным классам, например феодалам, дальше отстоящим от техники и науки. *Мелкая буржуазия*, выделяющаяся из феодальной системы отношений в силу своего консерватизма, поддерживаемого борьбою за сохранение своего социального положения, долго удерживает религиозные и идеалистические тенденции. Крупная буржуазия, в свою очередь, как увидим, обнаруживает эти тенденции в эпоху своего *упадка и вырождения*, когда она становится авторитарна и консервативна.

[^^^]

В своем изложении я, в интересах краткости и единства, не касаюсь вовсе первой ступени развития трудового пролетариата — рабочих мануфактуры. На этой стадии рабочий, благодаря крайней узости опыта, вытекающей из мелочной специализации труда, и благодаря значительному консерватизму, вытекающему из (относительной) неподвижности техники в каждой данной узкой специальности, гораздо ближе стоит к рабам древнего мира и лишь в ничтожной мере проявляет способность к идеологическому развитию в *самостоятельном* направлении (а также и к классовой борьбе).

[^^^]

Эта фаза развития пролетарской идеологии находит свое принципиальное выражение в идее *производительных рабочих ассоциаций*.

[^^^]

Обо всем этом здесь не приходится говорить подробно, но я не раз довольно обстоятельно излагал основные черты этих процессов, прежде всего в «Кратком курсе экономической науки» (в параграфах о технике и сотрудничестве, отделы «Машинный капитализм» и «Социалистическое общество»). Затем в книгах «Из психологии общества», с. 151–155 (статья «Авторитарное мышление») и «Новый мир», с. 37–49.

[^^^]

Я беру здесь слово «эволюция» в первоначальном, более узком значении этого слова, какое сохранилось, например, в эмбриологии: развитие сходного из сходного, чуждое качественное преобразование форм.

[^^^]

Слово «нравственность», относящееся к области норм принуждения, здесь не вполне подходит. Психология свободы чужда собственно «нравственного», т. е. категорически-императивного элемента.

[^^^]

Энергия, как организующее методологическое понятие, очевидно, может найти себе место и по отношению к психическому опыту, и для познания с его монистической тенденцией попытки такого применения обязательны и неизбежны. Но энергия как физическая «субстанция» не может быть одновременно и «психической» субстанцией (т. е. «душой»).

[^^^]

Слово «материализм» в применении к пролетарской идеологии можно допускать только в самом широком смысле — в смысле антитезы «идеализму» и всякой метафизике.

[^^^]

Во всех таких сравнениях надо, конечно, иметь в виду неизбежное запаздывание в развитии и деградации форм идеологических, как производных и более консервативных, по отношению к соответственным социально-трудовым формам, как первичным и более гибким.

[^^^]

В науке понятие «материя» сводится к выступающему в уравнениях механики коэффициенту «массы», а этот последний, при точном анализе, оказывается «обратной величиной ускорения» при взаимодействии двух физических комплексов — «тел» (см.: Mach. E. «Die Mechanik in ihrer Entwicklung»). Что же касается понятия «духа», то оно вообще не может найти себе никакого места в науке, и не только в более точных науках «естественных», но и в сравнительно эмбриональных до настоящего времени — «психологических» и «социальных».

[^^^]

Авторитарная и религиозная тенденции свойственны идеализму — за немногими исключениями — в гораздо большей степени, чем материализму. Это станет понятно, если мы припомним об основном родстве между идеологическими формами и *организаторской функцией* в обществе: и здесь и там организующие приспособления социальной жизни в одном случае безличные, в другом — персональные. Особенно тяготеют к авторитету и религии те формы идеализма, которые опираются на «нравственное сознание», т. е. на *нормативную идеологию* в самом чистом виде.

[^^^]

Представление о социальности опыта и познания уже не чуждо идеологам промежуточных групп, именно наемной интеллигенции на службе у капитала и у буржуазного государства (т. е. у буржуазии как класса), особенно профессиональным философам, начиная с Л. Фейербаха, по меньшей мере. Но это представление не проводится у них в мировоззрении сколько-нибудь полно (даже у «эмпириокритицистов»).

[^^^]

В психофизиологическом исследовании часто приходится, как мы видели, вместо психического процесса брать соответственный физиологический; но это вовсе не та «подстановка», о которой идет речь, а *действие, ей обратное*.

[^^^]

Не мешает напомнить, что «комплексы» надо понимать *динамически*, а не статически: это непрерывное возникновение и устранение элементов, подобных элементам опыта, в определенной комбинации. Мы часто пользуемся и статическим понятием комплекса, но тогда дело идет, разумеется, об обыкновенном подвижном *равновесии*.

[^^^]

Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. I. М, 1904; Кн. II. М., 1905; Кн. III. М., 1906. Книга I вышла также вторым и третьим изданием в 1905 и 1908 гг., а книга II — вторым изданием в 1906 г. После этого «Эмпириомонизм» Богданова более не издавался и не переводился на иностранные языки.

[^^^]

Мы дадим здесь очень краткое описание философской и научной деятельности Богданова, необходимое для более ясного понимания рассматриваемой в этом Послесловии философской стороны его творчества, а всем интересующимся рекомендуем появившиеся в последние годы публикации с его жизнеописанием: Гловели Г. Д. А. А. Богданов. Биографический очерк // Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. I. М., 1989; Морозова А. А. А. Богданов // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996; Садовский В. Н. Системная концепция А. А. Богданова // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник, 1998. Ч. I. М., 1999, и др.

[^^^]

Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. М., 1897.

[^^^]

Ортодокс (Аксельрод Л.). Новая разновидность ревизионизма // Искра. 1904. № 77.

[^^^]

Юшкевич П. П Книга. 1906. № 21.

[^^^]

Деборин А. II Современная жизнь. 1907. № 1.

[^^^]

Андреев Н. II Вопросы философии и психологии. 1908. № 2.

[^^^]

Юшкевич П. I Книга. 1906. № 21. С. 4.

[^^^]

См.: Богданов А. А. Приключения одной философской школы. СПб., 1908. С. 57–58.

[^^^]

Плеханов Г. В. Ответ г. Богданову. Письмо первое // Голос социал-демократии. 1908. № 6–7 (май-июнь). Письмо второе // Голос социал-демократии. 1908. № 8–9 (июль-сентябрь). Письмо третье II Плеханов Г. В. От обороны к нападению. СПб., 1910. С. 9–111.

[^^^]

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М., 1909.

[^^^]

См.: Богданов А. А. Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха? // Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1907. С. 3–12; Богданов А. А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 215–242; Богданов А. А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма: Сборник первый. СПб., 1909. С. 35–142; Богданов А. А. Приключения одной философской школы. СПб., 1908; Богданов А. А. Падение великого фетишизма. Вера и наука. М., 1910.

[^^^]

Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 3. М., 1995.

[^^^]

Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. СПб., 1913.

[^^^]

Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 2. М., 1917.

[^^^]

Богданов А. А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921.

[^^^]

Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Ч. 1 и 2 (2-е изд.), ч. 3 (1-е изд.). Берлин; СПб.; М., 1922. На это издание «Тектологии» в 1927 г. была опубликована рецензия известного польского философа и логика, создателя праксеологии Т. Котарбиньского в варшавском журнале «Przegląd Filozoficzny» (1927. № 2).

[^^^]

Bogdanov A. A. Allgemeine Organisationslehre (Tektologie). Bd. I. Berlin, 1926; Bd. II. Berlin, 1928.

[^^^]

Богданов А. А. Всеобщая организационная наука: Тектология. Ч. 1. 3-е изд. М.; Л., 1925. Ч. 2. 3-е изд. М., Л., 1927. Ч. 3. 2-е изд. М., 1929.

[^^^]

См.: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. 2-е изд. М., 1920 («Предисловие ко второму изданию»).

[^^^]

Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярныe очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. СПб., 1913. 3-е изд. вышло в 1923 г.

[^^^]

Это далеко не единственный случай в философии, когда автор той или иной, иногда уже получившей широкую известность философской концепции отказывается от нее. В 30-е гг. XX в. аналогично поступил Л. Витгенштейн, отказавшись от идей «Логико-философского трактата» в пользу принципов «Философских исследований», а после этого чуть ли не все активно работающие в это время логики и философы науки несколько десятков лет исследовали содержание «Логико-философского трактата».

[^^^]

Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1. М., 1989. С. 141–142 (далее ссылки даются на это издание «Тектологии», вышедшее в двух книгах в 1989 г.).

[^^^]

Там же. С. 141.

[^^^]

Богданов А. А. Философия живого опыта. 3-е изд. С. 315.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Там же. С. 316.

[^^^]

Там же. С. 317.

[^^^]

Там же. С. 322.

[^^^]

Богданов А. А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 117.

[^^^]

Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918.

[^^^]

Богданов А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 192.

[^^^]

Там же. С. 217.

[^^^]

Богданов А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 34–35.

[^^^]

Там же. С. 35.

[^^^]

Там же. С. 217.

[^^^]

Бухарин Н. И. Памяти А. А. Богданова. Речь на гражданской панихиде // Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. С. 345–346.

[^^^]

Богданов Л. А. Философия современного естествоиспытателя. Очерки философии коллективизма. Сборник первый. С. 43.

[^^^]

Богданов А. А. Тектология. Кн. 1. С. 135. Систематический анализ идеологий и их развития проведен Богдановым в работе «Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах» (М., 1914). (Последнее издание этой работы вошло в книгу: Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения. Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1999).

[^^^]

Богданов А. А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 113.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Ее рукопись датируется 1921–1923 гг., опубликована на эсперанто в 1924 г., на русском языке — в 1995 г. в сб. «Неизвестный Богданов». Кн. 1 (сокращенный вариант) и в полном виде в 2003 г. в журнале «Вопросы философии». 2003. № 1.

[^^^]

Богданов имеет в виду П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, М. И. Туган-Барановского, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева и др.

[^^^]

См., например: Богданов А. А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 113.

[^^^]

Богданов А. А. Тектология. Кн. 1. С. 69.

[^^^]

Там же. С. 71.

[^^^]

Там же. С. 73.

[^^^]

Богданов А. А. Философия живого опыта. 3-е изд. С. 181.

[^^^]

Там же. С. 312.

[^^^]

Богданов А. А. Философия живого опыта. 3-е изд. С. 315.

[^^^]

Там же. С. 175.

[^^^]

Там же. С. 291.

[^^^]

Там же. С. 218.

[^^^]

В связи со сказанным мне представляется, что сформулированный Богдановым ранее (с. 7) тезис о тождественности элементов физического и психического опыта, который он заимствует у Маха и Авенариуса, является по крайней мере неточным. Тождество — это наиболее сильная форма равенства: если элементы тождественны, то все их свойства — отношения, связи и другие — также должны быть одинаковыми, равными. Вместе с тем, и по Авенариусу — Маху, и по Богданову, именно различие типов связи психических и физических элементов дает возможность различить элементы психического и элементы физического опыта, причем Авенариус и Мах, с одной стороны, и Богданов — с другой, проводят такое различие, как только что было показано, по-разному. Поэтому значительно более точными являются также широко используемые Богдановым утверждения о равенстве, одинаковости и т. п. элементов физического и психического опыта, но не об их тождестве.

[^^^]

Используемый Богдановым здесь и далее термин «перерывы опыта» мне кажется неудачным: речь идет о «разрывах» непрерывного потока опыта. В тексте публикуемого богдановского сочинения, естественно, сохраняется его терминология.

[^^^]

Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 52–53.

[^^^]

Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 32.

[^^^]

Богданов А. А. Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха? // Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. С. 9.

[^^^]

Богданов А. А. Приключения одной философской школы. С. 59.

[^^^]